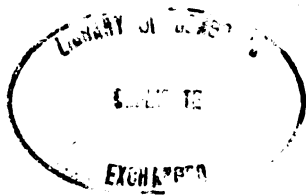

РУССКОЕ СЛОВО.

v.

РУССКОЕ СЛОВО

12793

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

NOV 18 62
PUBLIC
LIBRARY

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

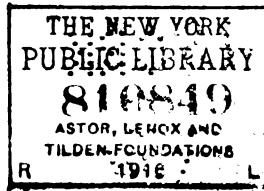
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лнн., № 25.

12

ОДОБРЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

С.-Петербургъ 6-го іюня 1862 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Пройди—свѣтъ. **МАРКО ВОВЧКА.**
Изъ испанскихъ мотивовъ. Санъ-Яго (стихотв.). **В. В. КРЕСТОВСКАГО.**
- ✓ Три года стоянки. **А. Г. ВИТКОВСКАГО.**
- ✓ Токвиль и его политическая доктрина. **Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.**
- ✓ Братья Густавъ и Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде. **І. И. ШИШКИНА.**
Книга (стихотв.) **М. П. РОЗЕНГЕЙМА.**
Взглядъ на сельское хозяйство южной Россіи. **И. У. ПАЛИМПСЕСТОВА.**
- ✓ Очерки изъ исторіи печати во Франціи. **И. П. РАГОДИНА.**
Ровоамъ (стихотв.). **В. КРЕСТОВСКАГО.**
- ✓ Приключенія Филлипа (продолженіе романа) **ТЕККЕРЕЯ.**

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

- ✓ **Америка.**—Паденіе метрополитанскаго рабства. — Смиреніе европейскихъ пролетаріевъ къ Неграмъ. — Пораженіе рабозавладѣльцевъ при Питтсбургъ. — Последніи извѣстія о Мерримакъ и Мониторъ. — Странное путешествіе французскаго посланника при вашингтонскомъ правительствѣ въ Ричмондъ. — Замыслы тюлерійскаго двора относительно испанскаго престола. **Испанія.**—Правленіе маршала О'Доннелла и сестры Патронію. — Преслѣдованіе протестантовъ. **Англія.**—Открытіе лондонской выставки. — Положеніе парламентскихъ партій. — Состояніе англійскихъ рабочихъ. — Дѣла Индіи. — Милосердый Кавинггъ. — Его возвращеніе въ Англію. — Подлоги въ государственныхъ бумагахъ, совершенныя Пальмерстономъ. **Франція.**—Освобожденіе и повязъ блистательная выходка Миреса. — Снисходительность французскаго суда къ финансовымъ операціямъ и строгость его къ литературѣ. **Италія.** — Отозваніе Гойона въ Парижъ. — Оваціи, сдѣланныя Виктору Эммануилу въ Неаполѣ и Сидиліи. — Подвиги папы Пія IX. — Воззваніе къ Римлянамъ. — Импровизированный походъ на Австрію. — Аресты. — Положеніе Гарибальди. **Греція.** — Взятіе Навплии. — Состояніе народнаго духа. **Турція.** — Война съ Сербами и Черногорцами. — Возвращеніе Омера Паши въ Константинополь. **Австрія.** — Затруднительное положеніе австрійскаго кабинета по поводу Венгрии и Венеціи. **Пруссія.** — Открытіе новой палаты. — Празднованіе памяти Фихте. **Курьерство Гессенское.** — Несогласія между курьерствомъ и его подданными. — Пруссія, Австрія и Германскій сеймъ принимаютъ сторону права народовъ противъ такъ называемаго права божескаго.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Начала народнаго хозяйства. В. Рошера. Переводъ И. Бабста. Н. В. СОКОЛОВА 1.
 Бѣдная РУССКАЯ МЫСЛЬ (окончаніе). Д. И. ПИСАРЕВА. . . 45.
 Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе Костомарова и Берга. 1862. Д. II 79.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ ТЕРРОРА.
 Histoire de la Terreur 1792—1794 d'après les documents authentiques et des pièces inédites par M. Mortimer-Ternaux. Paris, vol 1, 1862. В. II. ПОПОВА . . . 1.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІЯ.

Вновь проектируемыя правила для публичныхъ лекцій.—Современное человѣчество и его блестящія достоинства.—Нѣсколько словъ о состояніи городского управления.—Мѣщанство.—Новое положеніе о городскомъ управленіи Москвы.—Идиллія или письмо г. Ознобишина.—Кіевъ и его прелести.—Конокрадства.—Правила для типографій и ожиданіе новаго цензурнаго устава.—Закрытіе двухъ Воскресныхъ школъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Опытъ драматическихъ сценъ во вкусъ трагедій Софокла, почерпнутыхъ изъ донесенія новой ревизіонной комиссіи, назначенной общими собраніемъ акціонеровъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Инженеры, не дающіе отвѣтовъ по работамъ. — Пропажа 1,268,737 руб. сер. въ главномъ обществѣ.—Г. Бларамбергъ въ *орденѣ Почетнаго Легиона*.—Нѣчто о контрактѣ г. Адельсона.—Щедрыя *пробы* главнаго общества.—*Ночныя чиновники*, выдуманные г. Коллиньвомъ. — *Дисперсированіе*: или *полемическіе* расходы. — *Наемные* писатели Journal de St. Pétersbourg и филантропическіе подвиги совѣта.—Какъ путешествуютъ членовники главнаго общества за границей? — Состоятъ ли на службѣ общества: г-жа *Жюль*, г-жа *Марсъ*?—Французскіе инженеры, страдающіе отъ русскаго климата. — Содержаніе бібліотеки общества.—Фиваль.—Журнальный моръ и крушеніе нѣкоторыхъ органовъ.—*Вѣкъ* нынѣшній и *вѣкъ* минувшій. — Дурной глазъ Свистка.—Появленіе г. Скарятна въ русской журналистикѣ и нѣчто оржавіи.—Г. Заринъ и его метаморфоза.—«Новѣйшіе Репетиловы»—сцена въ ресторанѣ.—Праздникъ славянофиловъ въ Москвѣ и прологъ будущей поэмы. — Сходство русскаго языка съ итальянскимъ. — Выставка цвѣтовъ и растений общества садоводства.—Ея краснорѣчивая характеристика. — *Лампы* г. Штанге на цвѣточной выставкѣ!! . Ея другія рѣдкости. — Новая порода Добчинскихъ и Бобчинскихъ. — Спектакль любителей. Г-жа Спорова, въ роли Оееліи. — Загородная гулянья.—Возобновленіе Петровскихъ ассамблей.—Два курьезныя объявленія. — Точность и формальность — прежде всего! . — Принципъ откупа.—Почему провинціалы гостеприимны и радушны?—Гуманное предпріятіе А. К. Кошкина въ г. Бѣлозерскѣ.—Лиризмъ провинціальныхъ обличителей.—Благодѣлительный спектакль въ г. Пензѣ.—Пермскіе либералы.—Разныя извѣстія изъ провинціи.

ШАХМАТНЫЙ ЛІСТОВЪ (за май). В. М. МИХАЙЛОВА.

ПРОЙДИ-СВѢТЪ.

I.

Ужъ нигдѣ нѣту такой широкой степи, веселаго краю, какъ у насъ. Таки нѣту, нѣту, нѣту да и нѣту!

Гдѣ такія тихія села? Гдѣ такіе величавые, стройные люди? Гдѣ дивчата съ такими бровями?

Вспомнать любо, увидетьъ мило—только что жить тамъ трудно.

Такъ вотъ въ нашемъ краю былъ маленькій хуторочекъ, Божовка. Хуторочекъ стоялъ около дубоваго лѣса — всего-то пять хатокъ бѣлѣло по горѣ. Гора зеленая, низкая, а подѣ горою тихая рѣчка и такая чистая, прозрачная, что хотъ щеголихамъ въ нее смотрѣться. Отъ хуторочка одна дорога вилась, уходила въ дубовый лѣсъ, а другая дорога стлалась далеко, далеко по степи въ село Рокочи.

Лучшая хуторская хата стояла ближе всѣхъ къ лѣсу. Хорошая была хата. Около нея садикъ славный, огородъ хозяйскій.

Жилъ въ той хатѣ Іохимъ Чабанъ; слава шла о немъ, что человекъ достаточный и умный. Жена у него давно померла; ему оставила дочку единочку, Марту.

Дивчинѣ ужъ насчитали семнадцать лѣтъ, и такая разцвѣла дивчина, что хотъ рисуи, хотъ цѣлуй.

Отд. I.

1/21

Въ Божовкѣ хаты не стояли одна противъ другой — тамъ стояли хаты въ разсыпную: одна хата влѣво, другая далеко вправо; одна ниже—на полгорѣ, другая выше на самой вершинѣ. Отъ каждой хаты разбѣгались тропинки спутанныя и перепутанныя словно нитки.

Самая близкая сосѣдка у Чабана была Рясничка, вдова съ сыномъ, паробкомъ; подальше жили Кожушки, старые, одинокіе люди, а еще подальше, въ сторону, коваль Гарбузь коваль, а за ковалемъ бѣдовалъ москаль отставной, что отслужилъ правую ногу, не зная на что, и выслужилъ крестикъ, не зная за что.

Однимъ весеннимъ днемъ Чабанъ сидѣлъ около своей хаты на заваленкѣ, отдыхалъ да печалился, что прошлаго года у него пшеница не уродила, и размышлялъ уродить ли она въ этотъ годъ.

Чабанъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, крѣпкій, высокий, плечистый. Шея у него была длинная, голова не большая, гордая. Онъ подбривалъ волосы и чуприну сѣдоватую закручивалъ за ухо. Брови у него чернѣли какъ пиявки, взглядъ былъ соколиный, а усъ такой, что вѣтеръ развѣвалъ его какъ ковыль-траву. На Чабанѣ была рубашка полотняная, бѣлая, дочка разстрошила и уворами—и бѣлые, полотняные шаравары. Чабанъ сидѣлъ немножко склонившись, да не такъ, какъ клонятся хилые люди, а какъ сама сила отдыхаючи—сидѣлъ и размышлялъ, и поглядывалъ вокругъ себя на степь, на поля, на лѣсъ, все зеленѣло, все развивалось и разцвѣтало. Солнышко не выходило изъ—за бѣлодымчатыхъ тучекъ, а было тепло-тепло,—будто слышалось, какъ трава изъ земли вырастаетъ. Пахло словно сладкимъ медомъ и первыми, свѣжими листьями.

Никого не было видно, а слышно было какъ Марта пѣла «провожала казака въ войско», хозяйничая въ хатѣ, да слышалось коваль коваль, а за лѣсомъ отдавалось.

Стукнули дверями въ сосѣдской хатѣ, сосѣдка Рясничка вышла изъ дому—проворненькая, щеголеватенькая, курносенькая, глазастенькая, а за ней вышелъ паробокъ большого росту свѣжій да здоровый—онъ только, что не говорилъ: «хорошо ѣмъ, хорошо сплю, хорошо работаю».

Чабанъ ихъ завидѣлъ и засмыналъ хотъ глазомъ не глянулъ и ухомъ не повель.

Рясничка быстро очутилася около Чабановой хаты и поздравствовалася.

— Добраго дня, сосѣдъ, какъ васъ Богъ милуетъ!

— Спасибо, отвѣтилъ ей Чабанъ и поздравствовался съ Рясниченкомъ.

— Вотъ какъ Марта поеть! сказала Рясничка. Пташка моя, здорово живешь!

Марта услышала голосъ и привѣтъ, выглянула изъ окна, поклонилася сосѣдямъ.

— А мы ужъ въ лѣсъ это идемъ, а вы еще не собрались? заговорила опять Рясничка. Вотъ и Кожушки опоздали; да и коваль не идетъ, и москаля нѣту—не пошли ли прежде насъ? Не видали вы ихъ, сосѣдъ? Охъ, посижу я немножко около васъ.

И сѣла подлѣ Чабана.

— Марта, выходи же, пусть мы на тебя поглядимъ, выходи! выкликала она Марту.

Марта вышла изъ хаты и сѣла около сосѣдки. Она сидѣла вольно какъ настоящая иташка. Рясниченко, поздоровавшись съ Чабаномъ, какъ сталъ противъ него такъ и стоялъ закинувши топоръ на плечо, а глаза его все поводило къ Мартѣ.

— Вотъ какая весна теплая! заговорила Рясничка. Хлѣбъ уродитъ. Вчера ходила я смотрѣть жита — таки что и ужъ не пролѣзеть. У меня въ огородѣ все такъ-то хорошо всходить! Только вотъ скотина у меня хирѣеть, а у иныхъ скотина гора горою. Что жъ дѣлать! Такая моя доля! На чужое счастье не мукою пасть! А помните какова скотина у меня была когда мой покойничекъ мужъ держался на свѣтѣ? Жилъ мужъ-то и роскоши были, да мужъ умеръ. Всѣ мы помремъ, а пока еще надо жить!

У Ряснички рѣчи были скорыя, прерывистыя, торопливыя рѣчи у ней были словно оборванное ожерелье, что раскатывалось во всѣ стороны и на всѣ боки.

— А что вашъ наймитъ еще не пришелъ? спросила Рясничка Чабана. Отчего жъ его до сихъ поръ нѣту!

— А вотъ придетъ, такъ скажетъ отчего, отвѣтилъ Чабанъ.

— Ужъ эти наймиты! Всѣ они одинаковы; не даромъ говорится: «наймитъ, наймитъ за чѣмъ рано встаешь? Ничего, я надолго то умываньемъ, то одѣваньемъ». Слава тебѣ Господи, что у меня свой паробокъ!...

Марта промолвила: вонъ коваль идетъ, за нимъ и москаль идетъ.

— Да, да, идутъ оба! сказала Рясничка. Смотри какъ коваль шагаетъ, какъ дорожку мѣряетъ! А закоптился—то онъ какъ, свѣтъ ты мой небесный! А этотъ бѣдолаха за нимъ ковыляетъ. Блѣденъ лицомъ, и скоро ему умереть. Что за несчастные эти москаль, то сохрани Мать Божія. Коваль дошагалъ до Чабановой хаты, со всѣми раскланялся, сталъ около Рясниченка и на Марту пристально поглядѣлъ. Коваль хорошо свѣтилъ очами. Изъ себя онъ былъ сухой какъ перецъ, горбоносый, бѣлокурый и будто мрачный отъ мысли или отъ заботы, а можетъ еще больше его омрачала ковальская сажа.

— А мы васъ ждемъ, сказала Рясничка ковалю. Вотъ Кожушки опоздали, извѣстно, старые люди охаючи идутъ на работу. Сегодня рано, рано, чуть свѣтъ, я видѣла къ вамъ приводили пѣгаго коника подковывать,—славный такой коникъ! Знакомый человѣкъ у васъ былъ?

— Знакомый, да еще и кумъ, отвѣчалъ коваль.

— А вотъ я своего кума давно, давно не видала. И куму не видала, ажно мнѣ скучно...

Москаль подошелъ и поклонился. Больной былъ человѣкъ, слабый, къ землѣ клонился. Онъ оперся на свои костыли и тяжело отдыхалъ. Его спросили о здоровьи.

— Какое здоровье, отвѣтилъ онъ тихо и глухо. Мучительно болью. Голова очень болитъ и глаза болятъ. Было у меня когда-то здоровье, да истрачено.

— Надо бы вамъ людей спрашивать, лекарствъ искать, совѣтовала Рясничка. Я слышала что отъ головы...

Москаль только рукой махнулъ.

— Видите, какіе вы! упрекнула его Рясничка, вы сами не....

Тутъ подошли старики Кожушки. Рясничка заговорила съ ними.

Кожушки были люди тихіе, добрые оба, и мужъ и жена, хозяйство свое держали въ порядкѣ, и про смерть все у нихъ было наготовлено.

Чабанъ взялъ изъ хаты свой топоръ и всѣ пошли вмѣстѣ въ лѣсъ, мужчины на рубку, а женщины собирать вѣтки сухія—одна Марта осталась дома.

Она сѣла съ шитьемъ близко отъ своей хаты, подъ вербою, шила и пѣла.

Время проходило, а жаръ не спадалъ, прохладою не повѣяло. Солнышко все не выбилось изъ-за тучекъ. Мартѣ казалось, что только выбейся солнышко, да заблести жарко, такъ свялить, сожжетъ ее, какъ тоненькій цвѣточекъ.

Марта ужъ и пѣть не пѣла, и шить бросила, начала ее склонять дремота. Какъ вдругъ кто-то подошелъ къ ней—она встрепенулась.

Подошелъ паробокъ; станъ гибкій, стройный, самъ молодой, чернявый, хорошій да печальный—онъ дивчинѣ не усмѣхнулся и подраствовалъ съ ней безъ всякихъ шутокъ. Онъ спрашивалъ ее объ Чабанѣ.

— Это мой батько, отвѣтила дивчина. Батько пошли въ лѣсъ. Вамъ ихъ надо сейчасъ?

— Я наймуть.

Тогда Марта вспомнила, что отецъ договорилъ наймита и ждалъ его еще съ вечера.

— Батько васъ дожидали, промолвила она.

— Я и пришелъ, отвѣтилъ наймуть.

— Вы вѣрно еще не обѣдали? спросила Марта.

— Спасибо, я не хочу. Если ваша ласка, то я бы водицы напился.

Марта проворно вынесла изъ сѣней холодной воды наймиту. Она ему: «добраго вамъ здоровья пивши», а онъ ей: «спасибо», да и полно, ни слова больше. Наймуть сѣлъ на заваленкѣ, да сидѣлъ какъ каменный, глядя въ землю. Марта взялась за шитье, да и нашла вмѣсто *полжюски ляховъ*... Всѣ ея мысли играли около наймита; она видѣла, что сорочка и шаравары у него поношенные, съ заплатками, прас-

ный поясъ полинялъ, бѣлѣсый сталъ; въ мысли Марта нарядила наймита чудесно и такимъ алымъ поясомъ его подоясала, что очи въ себя вбиралъ — чудесная одежда вся! А самъ наймитъ? Сталъ онъ пригожѣй въ нарядѣ щегольскомъ? Марта опять на него поглядѣла и опять у ней загорѣлось, да мысли ужь не объ нарядѣ, а объ немъ самомъ, — видно не надо было лучшаго, а такого надо каковъ былъ онъ!

Какія у него мысли?

Хотѣла она, да не знала что сказать ему, какимъ ему словомъ угодить.

Наймита ни разу на нее глазъ не поднялъ.

Марта забѣгала мыслями все дальше; угадывала она не покинулъ-ли когонибудь наймитъ и гдѣ покинулъ, въ какомъ селѣ, и какова его доля будетъ? И спрашивала, какова ея, Мартина, доля вышется у Бога? Какъ будетъ жить она и съ кѣмъ, и какъ она умретъ. Отчего наймитъ не разговорится? Отчего бы это не знать человѣку напередъ, что съ нимъ на вѣку случится?

Начало повѣвать прохладою, а тучки сивѣли; въ лѣсу зашумѣло; собирался дождь идти. Молнія изрѣдка поблескивала и громъ погромыхивалъ вдалекѣ глухимъ грохотомъ.

— Гроза будетъ, промолвила Марта.

Наймита не отвѣтилъ, только поглядѣлъ на тучи.

Гроза приближалась. Марта посматривала вокругъ себя, словно хотѣла мысли свои приложить къ тому, что ее окружало, къ ежедневнымъ и къ обычнымъ занятіямъ и заботамъ, и вспомнила, что отъ дождя надо спрятать зерно, что сушилось на дворѣ, а въ садикѣ надо снять полотно, что бѣлились.

— Ой лихо, а на дворѣ зерно, въ садикѣ полотно! сказала она и побѣжала.

Наймита тотчасъ всталъ и за ней пошелъ, какъ наймитъ за хозяйкой—служить и помогать. Они вмѣстѣ зерно спрятали, вмѣстѣ полотно сняли. Тутъ слышались смѣшанные голоса—это изъ лѣсу спѣшили домой, отъ дождя бѣжали въ хаты.

Дочка встрѣтила Чабана, онъ ей сказалъ:—Ушли отъ дождя. Увидалъ наймита и сказалъ ему:—Здорово, Маша, садись.

Всѣ сѣли. Наймитъ отъ козьяна подальше; Марта въ уголку.

— Ты опоздалъ, Максимъ, промолвилъ Чабанъ.

— Опоздалъ, добродій, отвѣчалъ наймитъ.

Дождь ужъ лилъ ливнемъ, а за дождемъ градъ сыпнулъ какъ изъ кошика.

— Ге, ге, ге! сказалъ Чабанъ. Пропалъ хлѣбъ!

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ИЗЪ ИСПАНСКИХЪ МОТИВОВЪ.

VII.

Санъ-Яго

Умеръ нашъ патронъ Санъ-Яго
И предсталъ патронъ предъ Бога,
И сказалъ Господь Санъ-Яго:
«Я тобой доволенъ много,

«И за подвиги земные
Ты въ раю живи средь сада.
Что попросишь—все исполню!
Говори, чего же надо?»

Говорить ему Санъ-Яго:
«Пусть въ Испаніи пребудеть
Изобиліе и солнце!»—
Успокойся: это будетъ! —

«Пусть побѣды громкой слава
У Испанцевъ духъ пробудитъ,
Дай имъ храбрость! Дай имъ силу!»—
Успокойся! будетъ! будетъ!..

«Дай имъ мудрое правленье,
Пусть царить оно неложно!»—
Какъ!.. вдобавокъ и правленье! —
Невозможно! невозможно!..

Вѣдь тогда ужъ будетъ раемъ
Вся страна твоя родная
И всѣ ангелы пожалуй
Убѣгутъ туда изъ рая,

А на небѣ воцарятся
Безпорядокъ и смятенье,—
Нѣтъ, ужъ пусть у васъ пребудеть
Ваше старое правленье!

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ТРИ ГОДА СТОЯНКИ.

I.

Быть сѣренькій, осенній день. Небо густымъ туманомъ копѣло надъ землей; въ воздухѣ частилъ мелкій дождь. Весь уѣздный городъ К. съ его живописно разбросанными деревянными домиками принялъ пасмурный видъ. Блестящая колокольня соборной церкви еле свѣтилась въ вышинѣ, точно была флеромъ подернута; зеленые сады, огороды издали казались какими-то синеватыми пятнами; мокрые листья на деревьяхъ опустились и какъ будто плакали; величественная рѣка помутилась, пѣнилась и шумѣла сильнѣе обыкновеннаго; высокіе обрывистые берега ея, покрытые глиной да камнями, размокли и обратились въ совершенную топь; когда-то твердыя ступени земляной лѣстницы, по которымъ дюжія горожанки съ коромыслами на плечахъ безъ усталости сновали взадъ и впередъ, теперь смылись, сгладились, оставивъ только скользкіе слѣды своего прежняго существованія. Дома, съ запертыми на глухо окнами, смотрѣли какъ-то угрюмо, непривѣтливо; желтыя, форменныя стѣны присутственныхъ зданій приняли совсѣмъ не форменный, бурый цвѣтъ; на улицахъ была грязь страшная, вырытыя по бокамъ канавки залились водой. Не смотря на такое неблагоприятное время, на берегу рѣки, на спу-

скѣ, около того мѣста гдѣ ходитъ черезъ нее паромъ, толпилась куча народа. Тутъ были мужики, бабы, дѣти, старики и старухи, удалые парни съ шапками на затылкахъ, полногрудыя молодыя мѣщанки съ пестрыми платочками на головахъ; между ними виднѣлись кое-гдѣ дамскія шляпки, самобытнаго туземнаго фасона, мужскія пальто различныхъ цвѣтовъ и достоинствъ, фризковыя шинели мелкихъ чиновниковъ, мѣстами проглядывали даже простые, засаленные халаты. Позади стояла крестьянская одноколка; изъ нея какъ-то боязливо, осаживая лошаденку назадъ, выглядывалъ старикъ крестьянинъ, а впереди его, врѣзавшись оглоблями въ толпу, помѣщался высокій господскій экипажъ, что-то среднее мѣжду каретой и коляской, запряженный тройкою рыжихъ лошадей съ рыжимъ кучеромъ на козлахъ и лакеемъ въ рыжей дивреѣ на запяткахъ. Въ экипажѣ, вытянувшись во весь ростъ и придерживаясь руками за кучерской армякъ, стояла сѣдая, дородная барыня.

На паромѣ, при звукахъ цѣлаго хора трубачей, съ громкими заливными пѣснями, переправлялись кавалерійскіе солдаты. Остальная часть полка въ ожиданіи очереди была расположена на другой сторонѣ рѣки. Паромъ причалилъ, стукнулъ о бревенчатый плотъ, и кавалеристы одинъ за другимъ, кто галопомъ, кто рысью, шумно, весело, побрякивая саблями поднялись на берегъ. Толпа засуетилась и раздвинулась въ разныя стороны. Мальчишки забѣгали, экипажъ съ барыней попятился назадъ и ударился колесами въ ворота какого-то дома; крестьянинъ въ одноколкѣ совсѣмъ растерялся и торопливо, самъ не зная зачѣмъ, понукалъ свою тощую клячу.

— Вишь, смокли! замѣтилъ въ толпѣ какой-то парень, съ тупымъ удивленіемъ оглядывая гарцовавшихъ солдатъ.

— Смокнешь, мокрынъ экая, отозвался другой.

— Служба!... на службѣ завсегда такъ, порядокъ такой, флегматически произнесъ старикъ съ широкой окладистой бородой.

— Сизый-то—начальникъ надо быть, вишь усамъ ворочаетъ, анараль!... тихо говорилъ простой мужикъ, указывая своему товарищу на стоявшаго не въ далеки сѣдого полковника.

— Смотри-ка, Настя, смотри, саблищи какія, чай звону сколько, шептала краснощекая дѣвушка своей подругѣ. Ой смотреть! вдругъ добавила она, засмѣялась и спрятала голову.

— Ой батюшки, отцы родимые, до косточекъ промокли! голосила старуха баба.

Въ толпѣ раздавалось еще множество самыхъ разнообразныхъ восклицаній. Каждый съ любопытствомъ оглядывалъ вновь прибывшихъ гостей, какъ что-то диковинное, рѣдкое, дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія, составлялъ различныя предположенія касательно ихъ будущей стоянки. Не одно женское сердце быть можетъ забилось сильнѣе обыкновеннаго при взглядѣ на молодцоватаго солдатика или статнаго молодого офицера. Сколько надеждъ, опасеній, желаній, намѣреній быть можетъ шевельнулось при этой встрѣчѣ! Да и не мудрено, въ отдаленномъ городкѣ К, кромѣ инвалидной команды съ старымъ инвалиднымъ начальникомъ, другихъ военныхъ никого не было. А тутъ цѣлый полкъ, да еще и кавалерійскій, съ трубачами, съ пѣсенниками, цѣлая гурьба молодыхъ кавалеровъ, ловкихъ танцоровъ, жениховъ... Какъ не радоваться, какъ не вздохнуть отъ полноты души. Только черствые, сухіе эгоисты, люди старые, отставные, скопидомы смотрѣли на гостей какъ-то неприятно, изъ подлобья, точно видѣли въ нихъ враговъ своихъ, точно говорили между собой: «жили мы до сихъ поръ одни тепло, просторно намъ было, теперь поневолѣ сжаться придется!»

— Стройся! вдругъ раздался голосъ сѣдого полковника.

Толпа смолкла и удвоила вниманіе; солдаты выстроились, затянули какую-то пѣсню и, предводительствуемые офицеромъ, двинулись въ улицы города К.

Стая мальчишекъ повалила вслѣдъ за ними.

Паромъ снова причалилъ, новая часть полка снова загарцовала на берегу и потомъ двинулась вслѣдъ за первою.

Часа черезъ полтора на рѣкѣ уже никого небыло, только нагруженные телѣги да полковья фуры съ большимъ трудомъ подымались по крутому, размокшему спуску.

Нѣсколько времени спустя, по одной изъ городскихъ

*

улицъ, шагомъ, верхомъ на лошади, опустивъ поводья и оглядываясь по сторонамъ, ѣхалъ молодой офицеръ. Въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, какъ-то отчаянно шлепая по грязи, повѣся голову и сильно размахивая руками, шелъ казенный деньщикъ. Порыжѣлый, засаленный скюртукъ его, на красной стаметовой подкладкѣ, доснился и очень походилъ на атласный; синіе, демикотоновые, съ широкимъ краснымъ кантомъ брюки, заправленные въ короткіе сапожные голенищи, облипли на колѣняхъ; безобразная, клеенчатая фуражка торчала на правомъ ухѣ. Сзади, по срединѣ улицѣ, безпрестанно увязая въ грязи, тихо тянулся возъ нагруженный офицерскими пожитками.

Доѣхавъ до перекрестка, офицеръ остановился. Деньщикъ поднялъ голову

— На право, ваше благородіе! громко крикнулъ онъ, и вдругъ, оборотясь къ мужику съ возомъ, гордо прибавилъ: за ними поворачивай, слышь!

Пройдя еще улицу, процессія повернула къ рѣкѣ и вскорѣ остановилась передъ небольшимъ, одноэтажнымъ, бревенчатымъ домомъ, на воротахъ котораго было крупно написано мѣломъ: «г. поручикъ баранъ Шпигель».

Офицеръ слѣзъ съ лошади.

— Здѣсь? спросилъ онъ, указывая на сосѣдній, довольно красивый домъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, тамо-тъ жильцы стоятъ, отвѣтилъ деньщикъ и во всю мочь ударилъ кулакомъ въ калитку.

Рябой, некрасивый мужикъ, въ красной рубахѣ, съ наброшеннымъ на плеча тулупомъ, черезъ минуту отворилъ ее,

— Фатеру ихъ благородію... намъ фатера назначена, слышь! Ворота отвори! повелительно говорилъ деньщикъ.

Мужикъ постоялъ съ минуту, лѣнливо повернулся, почесалъ затылокъ и пошелъ отворять ворота.

Офицеръ ввелъ на дворъ лошадь.

— Куда тутъ? спросилъ онъ.

Мужикъ указалъ на навѣсъ, заваленный всевозможнымъ хламомъ.

— Тамъ конюшня есть, ваше благородіе, въ комнату пожалуйста, комната какъ слѣдуетъ, господская, поубрать

только, безъ всякой церемоніи, совершенно по хозяйски распорядился деньщикъ и ступилъ на лѣсенку.

Офицеръ послѣдовалъ за нимъ.

Они вошли сперва въ темныя сѣни, съ сырими, неприятнымъ запахомъ. Попавшая подъ ноги имъ курица пронзительно закудаhtала, замахала крыльями и стремглавъ вылетѣла на дворъ.

Деньщикъ распахнулъ дверь на лѣво.

— Комната, ваше благородіе, два окна, лежанка, ваше благородіе, кухня тоже, въ кухнѣ плита есть, все есть... ихъ и семья только двое, бездѣтныя... вода близко... фатера настоящая! какъ-то проворно, торжественно говорилъ онъ, ступая по слѣдамъ офицера.

Комната дѣйствительно была порядочная. Стѣны ея оклеенныя пестренками, чистенькими обоями, весело рябили въ глазахъ; полъ лоснился и мѣстами былъ устланъ рогожами. Очень старинная, темная, краснаго дерева мебель была тщательно разставлена; на лѣво стоялъ неуклюжій, узенькій диванъ, съ какими-то львиными ножками, необыкновенно высокой спинкой и жесткой клеенчатой подушкой, надъ нимъ висѣло тусклое, небольшое зеркало въ почернѣлой рамѣ; по бокамъ, въ самомъ строгомъ симметрическомъ порядкѣ, красовались разнокалиберные стулья; около кресла похожаго на диванъ стояло другое, модное, обитое полинялымъ бархатомъ; въ углу помѣщался шкафъ; за стеклами его были также очень тщательно разставлены нѣсколько разрисованныхъ чайныхъ чашекъ и блюдецъ съ различными надписями, три фарфоровыхъ золоченыхъ яйца, штукъ пять чайныхъ серебряныхъ ложекъ, графинчикъ съ отбитымъ горлышкомъ, солонка съ солью, какая-то конфетная фигурка, сильно засиженная мухами, скляночка изъ подъ духовъ и до полдюжины стакановъ и рюмокъ. У противоположной стѣны стоялъ огромный пузатый комодъ, съ дырами вмѣсто замковъ; надъ нимъ висѣла картина, изображавшая видъ какой-то обители, надъ ней другая, вырванная изъ моднаго журнала тридцатыхъ годовъ. Простѣнокъ между окнами занималъ столъ покрытый синею салфеткою; на окнахъ, заставленныхъ горшками жасмина и гераніи, кра-

совались кисейныя съ красною бахрамною занавѣскою; въ переднемъ углу помѣщались темныя образа съ висѣвшею передъ ними лампадою. Огромная изразцовая лежанка была вся завалена мужскимъ и женскимъ платьемъ, по срединѣ ея блестѣлъ ярко вычищенный самоваръ. Вообще въ комнатѣ было необыкновенно чисто; нигдѣ ни пылинки, каждая вещь какъ будто прилипла къ своему мѣсту, точно никогда люди не жили въ ней, а только берегли ее, какъ что-то дорогое, неподходящее къ ихъ обыденной будничной жизни, а нужное только про всякій случай.

Офицеръ обернулся къ двери. Тамъ стоялъ тотъ самый мужикъ, который отворялъ калитку; нѣсколько впереди его, облокотясь на лежанку, выпятилась краснощекая баба въ сарафанѣ, съ платкомъ на головѣ, изъ за нея робко выглядывала дѣвочка недоростокъ.

— Вы хозяева? спросилъ гость, осторожно снимая свою мокрую шинель.

— Хозяева, отвѣтила мужикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Мнѣ здѣсь квартира назначена... я здѣсь, въ этой комнатѣ хочу остановиться... я одинъ, мнѣ одной комнаты довольно, отрывисто говорилъ офицеръ, какъ бы выжидая согласія или возраженія.

Мужикъ и баба молчали и только искоса поглядывали другъ на друга.

— Могу я здѣсь расположиться? Эта комната порядочная... У васъ свое помѣщеніе есть? по прежнему продолжалъ онъ.

— У нихъ, ваше благородіе, нечего спрашивать, отъ начальства приказано... народъ такой! замѣтилъ деньщикъ, успѣвшій напустить на полу цѣлую лужу съ своего мокраго платья.

— Я Коршуновъ не съ тобой говорю, молчи! довольно рѣзко произнесъ офицеръ.

Деньщикъ забормоталъ себѣ подъ носъ.

Немалога труда стоило гостю убѣдить хозяевъ. Квартира ему понравилась, но становиться на ней насильно онъ рѣшительно не хотѣлъ.

Такъ ужъ я останавлиюсь, вы не беспокойтесь, вы вотъ

только вашу одежду куда нибудь вынесите, остальное все здѣсь останется, цѣло будетъ, произнесъ онъ.

— Да куда вынести-то, вынести-то некуда, отвѣтила хозяйка... хоть на кофій пожалуйста, вынесемъ! неожиданно добавила она и какъ то неприятно улыбнулась.

Офицеръ сунулъ ей въ руку какую-то монету. Она посмотрѣла на нее, потрясла на ладони, хотѣла еще что-то сказать, и вдругъ обратилась къ стоявшей сзади дѣвочкѣ.

— Ты чего тутъ? Вишь баринъ становиться хочетъ, слышь! Тащи одежду-то, ну! На передникъ подарить. Дѣвочка принялась убирать съ лежанки кафтаны и тулупы, взвалила ихъ на себя, и черезъ силу поплелась изъ комнаты. Хозяйка постояла съ минуту, оглядѣла вокругъ себя, точно искала чего-то, точно соображала, что оставить и что вынести, схватила со стола салфетку, подошла къ шкапу, головой покачала, потомъ вздохнула, перекрестилась и вышла.

— Вещи вносить! радостно замѣтилъ деньщикъ и удалился во свояси.

Офицеръ сѣлъ на диванъ.

— Жена-то у тебя, братецъ, сердитая, кажется? шутя произнесъ онъ, обращаясь къ стоявшему въ дверяхъ мужику.

— Баба, равнодушно отозвался послѣдній и скрестилъ на груди руки.

— Ты давно женатъ?

— Женатъ-то, а годсъ семь будетъ.

— Дѣти есть?

— Нѣ, дѣтей нѣтъ, былъ одинъ да померъ.

— А это кто? спросилъ офицеръ, указывая на вошедшую снова дѣвочку недоростку.

— Энта-то, а дѣвочка, Танькой прозывается. Дѣвочка, услышавъ свое имя, обернулась, но тотчасъ же снова нагрузила себя и вышла изъ комнаты.

— Да она чтожъ, у васъ живетъ?

— Нѣ, не живетъ, сосѣдская, шляется все, бѣгаетъ, чортъ такой!

— За что жъ ты бранишься?

— Дѣвочка таковская, крѣпкая, ровно лѣшій!

— Тебя какъ зовуть?

— Меня то, а Климомъ зовуть Василичемъ... Жена Марьей Трофимовной прозывается, минуто спустя какъ-то почти-тельно прибавилъ мужикъ.

— Что у васъ въ городѣ много господъ живетъ? спросилъ офицеръ.

— Живуть... господа есть.

— Богатые?

— Нѣ, богатыхъ нѣтъ, купцы больше. Эвоно-тъ рядуш-комъ господинъ живетъ, анаралъ... дочь у него, съ дочерью и живетъ... весь городъ подъ своимъ началомъ держитъ.

— Какъ подъ началомъ?

— Силу такую имѣеть. Дочь красивая, Алена Ивановна по имени; у нихъ и Танька живетъ, ихняя, на побѣгуш-кахъ служитъ.

Офицеръ задумался.

— Вы на долго-тъ что ли сюда пріѣхали? спросилъ хо-зяинъ.

— На долго братецъ, года три, четыре простомъ.

Мужикъ слегка вздохнулъ.

— Не стояли у насъ... какъ бы обиды какой не вышло, въ раздумьи произнесъ онъ и вдругъ прибавилъ: вы уланы что-ли?

— Уланы, братецъ, уланы, повторилъ офицеръ и про-должительно зѣвнулъ.

Между тѣмъ деньщикъ съ подводчикомъ успѣли внести два большіе чемодана, сундукъ, шкатулку, да какой-то ог-ромный узелъ.

Хозяинъ долго еще мялся около дверей, съ тупымъ лю-бопытствомъ оглядывалъ офицерскіе пожитки, наконецъ ви-дя что ему дѣлать нечего, почесалъ затылокъ и удалился.

— Прощайте! произнесъ онъ на порогѣ.

— Прощай братецъ! отозвался офицеръ.

Деньщикъ принялся разставлять складную желѣзную кро-вать, при чемъ не то ворчалъ, не то пѣлъ себѣ подъ носъ; порой останавливался, искоса взглядывалъ на барина, какъ бы о чемъ-то спрашивалъ его, наконецъ полѣзъ въ чемо-данъ, засунулъ руку куда-то въ глубь его, вытащилъ два

куска сахара и подожилъ ихъ себѣ въ ротъ. Потомъ вынулъ бѣлье, одѣяло, понюхалъ понавѣшаннй кусокъ мыла, и снова вернулся въ кровати.

Офицеръ сидѣлъ молча, отвернувшись къ окну.

Хозяинъ съ хозяйкой, побѣгушка Танька, сосѣдъ генералъ, его дочь, Богъ знаетъ по чему, какъ тѣни скользили въ умѣ его. Онъ безсознательно останавливался то на одномъ, то на другомъ изъ этихъ лицъ, мысленно говорилъ съ ними, представлялъ себѣ фигуру генерала высокую, породную, полную величiя, припоминалъ непрiятное рябое лицо хозяина, съ небольшими смотрящими изъ подлобья глазами, его клинообразную рѣдкую бороду, полную грудь хозяйки, пестрый сарафанъ ея и т. д. Всѣ эти предметы нисколько не занимали его, а какъ-то насильно въ туманѣ грезились ему; онъ дремалъ, то закрывалъ, то открывалъ глаза; усталость томила его; теплый комнатный воздухъ, послѣ сыраго и холоднаго, усыпительно дѣйствовалъ на нервы. Казалось, ему было лѣнь смотрѣть, думать; онъ собирался раздѣться, лечь, и между тѣмъ не рѣшался двинуться съ мѣста. Даже прекрасный видъ изъ оконъ не разбудилъ его вниманiя, Онъ полюбовался имъ какъ-то минутно, вкось, мимоходомъ. А видъ былъ дѣйствительно хорошъ. Дождь пересталъ, утреннiй туманъ разсѣялся, на небѣ изъ-за тучъ проглянуло солнышко и своими яркими лучами заиграло, заблестѣло во всѣхъ капляхъ еще не успѣвшей испариться воды. Подъ самыми окнами раскинулся небольшой полисадникъ съ нѣсколькими довольно жалкими кустами какихъ-то растенiй; поперекъ его тянулась извилястая дорога, кое-гдѣ обсаженная густыми раскидистыми деревьями; далѣе, спрятавшись въ глубокомъ обрывистомъ оврагѣ, шумѣла рѣка, противоположный ея берегъ былъ усыпанъ разбросанными въ беспорядкѣ домами, часовнями, садами и огородами; правѣе ихъ на темнососновомъ фонѣ рѣзко бѣлѣла небожьная кладбищенская церковь; далѣе, мѣстность, раскинувшись на необъятное пространство, покрытая золотистою зеленью, то постепенно возвышалась, то уходила куда-то, то подымалась снова, и наконецъ, еще далѣе, темною, сливатою полосой сливалась съ небомъ.

— Эхъ, далеко видно! подумалъ офицеръ, протяжно вздохнулъ, положилъ на руки голову и закрылъ глаза.

— Ваше благородіе, кровать готова! произнесъ деньщикъ, взбивая кулаками барскую подушку.

Офицеръ очнулся, потянулся на стулѣ и сталъ лѣниво раздѣваться.

Деньщикъ съ трудомъ стащилъ съ него совсѣмъ мокрые сапоги.

— Въ три часа разбуди, самоваръ поставь, разбираться завтра будемъ! говорилъ офицеръ, съеживаясь на постели подъ мягкимъ одѣяломъ.

Деньщикъ еще минуты двѣ, три провозился въ комнатѣ, ткнулъ ногою чемоданъ, вытеръ сапоги полою собственнаго сюртука, схватилъ подъ мышку барскую шинель, и, только получивъ вторичное приказаніе убираться вонъ, вышелъ въ сѣни. На крыльцѣ онъ встрѣтился съ хозяиномъ.

— Вишь, умаялся, спать, какъ-то недружелюбно, самъ съ собою, оговзвался онъ, отряхивая барскія брюки.

— Чай версты двадцать прошли? замѣтилъ хозяинъ.

— Двадцать! Такъ что, что двадцать, на конѣ ѣхалъ... одиннадцать день шли, вотъ и считай, ну!.. У насъ что дни, что версты—все едино, и тѣмъ, и другимъ считать можно, прибавилъ деньщикъ и самодовольно усмѣхнулся, точно былъ доволенъ, что задалъ мужику такую трудную задачу.

Последній почесалъ затылокъ.

— Версты двѣ сотни отвалили, порядочно!

— То-то порядочно. Нашъ братъ по тысячамъ ходитъ, а устами не чувствуетъ, человекъ такой!

Хозяинъ тряхнулъ головой.

— Васъ какъ звать? нѣсколько спустя, спросилъ онъ.

— Меня-то? Меня зовутъ Кузьмой, по отчеству величаютъ Микифорычемъ, по фамиліи прозываюсь Коршуновымъ, а все вмѣстѣ взявъ, выходитъ Кузьма Микифорычъ Коршуновъ!.. такъ и зовутъ меня.

— Кузьма Микифорычъ, чуть не поскладамъ повторилъ мужикъ. А барина какъ звать? добавилъ онъ.

— Барина? Что спать-то? Егорій Петровичъ баронъ

фонъ Шпигель, поручикъ. Вонъ его звать какъ! отвѣтилъ деньщикъ и гордо взглянулъ на хозяина.

Послѣдній погладилъ рукою бороду.

— Богатый баринъ? спросилъ онъ.

— Какъ не богатый! Извѣстно богатый, на то и баринъ; небогатому быть не возможно, семь деревень дальнихъ, да три ближнихъ, весь вашъ городъ скупить можетъ. Нашему барину здѣсь негдѣ деньги тратить, потому дрянъ, званія никакого нѣтъ.

— Городъ простой! подтвердилъ хозяинъ. Чай въ Питерѣ бывали?

— Мы съ баринкомъ вездѣ бывали, по такимъ землямъ ѣздили, что супротивъ этого мѣста, что твой брилліантъ... рѣка теперича если течетъ такъ рѣка—на одномъ берегу стоишь, другого видѣть не смѣй, даль! Мы, почитай, что во всемъ свѣтѣ были, въ Америку ѣздили... эвона-тъ! У васъ хозяйка что-ль стряпаетъ? совершенно неожиданно заключилъ деньщикъ.

— Хозяйка. Вамъ обѣдать, что-ли? Щи есть.

— Обѣдать не обѣдать... нашъ обѣдъ поздній, а коли щи—закусить можно; вотъ только лошадь управляю, мигомъ. Онъ швырнулъ въ уголъ находившіеся у него въ рукахъ санеги и шинель, живо спустился съ лѣстницы и принялся возиться съ лошадью.

— Въ свѣтелку ступайте... я хозяйкѣ скажу, произнесъ мужикъ и поплелся во внутрь дома.

— Приду, приду, сами знаемъ... вишь лѣпшій, говорилъ деньщикъ разнуздывая лошадь. Эка народъ глупый! Нашему брату только и жить, коли умъ есть, безъ ума ничего не подѣлаешь... Хуже скотины будешь, ну!.. Я имъ картины-то подведу, литеру такую пушу, что и... Ну, Васька, становись, ну, всякій свое знаніе понимать долженъ, ну! Онъ сильно потянулъ лошадь въ низенькую дверь конюшни, на минуту скрылся въ нее, потомъ вышелъ, взвалилъ на себя дежавшее на телѣгѣ сѣдло и громко сбросилъ его на полъ въ сѣняхъ.

— Фу ты тягота какая? проговорилъ онъ, отмахиваясь руками. Пойди что-ли щи ѣсть!..

Лицо его покоробилось, онъ замоталъ головой и тяжелыми шагами, покачиваясь изъ стороны въ сторону, направился въ хозяйскую кухню.

Григорій Петровичъ баронъ фонъ-Шпигель, поручикъскаго кавалерійскаго полка, былъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, небольшого роста, худенькій, съ недурнымъ лицомъ. Большой лобъ его отъбренный свѣтло-русыми всегда гладко вычесанными, волосами выдавался, нѣсколько впередъ; голубые глаза изъ-подъ тонкихъ бровей смотрѣли какъ-то особенно мягко, симпатично, отчасти даже стыдливо, какъ иногда смотрятъ глаза свѣжей, неопытной дѣвушки. Носъ былъ прямой, совершенно пропорціональный всему окладу лица, подъ нимъ спускались небольшіе свѣтлые усы. Вообще во всей физіономіи и фигурѣ Шпигеля, въ его манерахъ, движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ интонаціи голоса проглядывало что-то женское. Руки его были нѣжныя, маленькія, такія руки, что многія барыни почли бы за счастье имѣть ихъ; цвѣтъ лица совершенно женскій—блѣдно-розовый; голосъ его звучалъ чистымъ, тонкимъ теноромъ, и только иногда, въ сердцахъ, переходилъ въ голосъ мущины. Ходилъ Григорій Петровичъ также по-женски; онъ какъ-то черезчуръ частилъ своими маленькими, коротенькими ногами, ступалъ легко, не твердо, точно боялся не поспѣть за рослымъ человекомъ. Полковые офицеры часто смѣялись надъ нимъ, называли его подковой барышней, дочерью полка, дамой сердца и прочими нѣжными именами, а одинъ ротмистръ очень серьезно увѣрялъ, что барона по ошибкѣ мать на свѣтъ родила, что онъ былъ дѣвочкой, а потомъ, какъ-то нечаянно, по независящимъ обстоятельствамъ, сдѣлался мальчикомъ, что его только въ юнку наряди, такъ самъ чертъ до самой смерти отъ женщины не отличить. Эти шутки повторялись еще болѣе потому, что Шпигель не курилъ, не пилъ никакого вина, не игралъ въ карты, краснѣлъ, слушая не совсѣмъ скромные рассказы, и вообще отличался нѣкоторою щепетильностью, застѣнчивостью, несвойственною въ обыкновенномъ офицерскомъ кругу. Не смотря на все это, онъ былъ отличнымъ, ловкимъ ѣздокомъ, хорошо зналъ службу, усердно исполнялъ всѣ ея обязанности, считался лучшимъ офицеромъ

въ полку. Онъ поступилъ въ полкъ лѣтъ шесть тому назадъ, но по молодежавой наружности скорѣе походилъ на вновь выпущеннаго офицера. Двадцати пяти лѣтъ никто бы не далъ ему. Шпигель былъ сиротой. Въ одинъ годъ, еще будучи въ корпусѣ, онъ лишился отца и матери; изъ родныхъ имѣлъ только отдаленнаго дядю, стараго, больнаго Нѣмца, человѣка очень богатаго, но почти чужаго. Оставшіяся послѣ родителей небольшія деньги сначала помогли офицеру прилично одѣться, обзавестись всѣмъ необходимымъ, а впоследствии ежегодно поддерживали его существованіе, доставляли возможность служить въ кавалеріи. Отецъ Шпигеля былъ родовой курляндскій Нѣмецъ очень хорошей фамиліи, владѣвшей когда-то огромнымъ состояніемъ, которое впоследствии раздробилось по многочисленнымъ наслѣдникамъ, мать русская, такъ, что самъ Григорій Петровичъ по характеру, по образу жизни вышелъ какимъ-то полу-нѣмецкимъ полу-русскимъ человѣкомъ. Воспитанный до тринадцати лѣтъ дома, подъ исключительнымъ надзоромъ матери, онъ приобрѣлъ ту мягкость характера, тотъ простой, свѣжій взглядъ на жизнь, которые лучше всякаго образованія полируютъ человѣка, составляютъ крѣпкій залогъ его внутреннихъ достоинствъ. Особенныхъ способностей Шпигель не имѣлъ; учился въ корпусѣ такъ себѣ, всему одинаково, хорошо говорилъ по французски, прекрасно зналъ нѣмецкій языкъ, даже на фортепьянахъ игралъ не дурно. Онъ былъ образованъ свѣтски, кое-что читалъ, кое-что зналъ по-наслышкѣ, корпуснаго въ немъ ничего не сохранилось. Вступивъ въ полкъ, Григорій Петровичъ остался вѣренъ самому себѣ; онъ не увлекся кутежнымъ обществомъ своихъ новыхъ товарищей, не присоединился къ ихъ иногда шумнымъ собраніямъ, а напротивъ, какъ-то очень учтиво, незамѣтно отдалился отъ нихъ, поселился въ крошечной комнатѣ, чистенько убралъ ее, познакомился съ нѣсколькими семейными домами, читалъ книги, и такимъ образомъ кое-какъ убивалъ скучное, свободное время. Не смотря на такое отчужденіе, офицеры очень любили Шпигеля. Впоследствии, болѣе ознакомившись съ окружающимъ обществомъ, онъ иногда посѣщалъ самыя кутежныя компаніи, но дѣйствовалъ въ нихъ какъ зритель, а не

какъ участникъ, и никто не преслѣдовалъ, никто не удивлялся ему; напротивъ, если бы онъ вздумалъ дѣйствовать иначе, офицеры непремѣнно удержали бы его.

Образъ жизни Григорій Петровичъ велъ очень скромный. Онъ какъ-то умѣлъ справляться съ своими маленькими средствами, ни въ чемъ никогда особенно не нуждался, имѣлъ все необходимое, все въ порядкѣ, никому не былъ долженъ. Онъ вставалъ рано, выписывалъ нѣсколько журналовъ, имѣлъ небольшую походную библіотеку, охотно знакомился въ обществѣ, всегда былъ веселъ и любезенъ, не отказывался отъ удовольствій, любилъ и потанцевать, и провести вечеръ въ тихомъ семейномъ кругу, и поговорить о дѣлѣ, и потужить, и поохотатъ съ пріателемъ.

Въ квартирѣ Григорія Петровича всегда было чисто, уютно, нигдѣ ни пылинки, каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. Что ни подадутъ—обѣдъ, чай, кофе, смотрѣть любо-дорого, все такъ благородно, мило, все блеститъ какъ-то, совсѣмъ на холостого офицера не похоже, только развѣ Коршуновъ что нибудь напакостить. Одѣвался Шпигель также очень порядочно, безъ шикъ, безъ грому; не носилъ черезчуръ звонящихъ шпоръ, не выставлялъ на показъ толстой часовой дѣпочки, не душился, не помадился такъ, что въ другой комнатѣ слышно, не гремѣлъ саблею, не заламливалъ слишкомъ на бекрень шапки, а только каждая нитка цѣла на немъ; бѣлье прекрасное, чистое, и старенькій сюртукъ, и эполеты на плечахъ почернѣли, а все сидитъ такъ ловко, аккуратно, такъ прилично, ничто въ глаза не бросается, ничто взгляда не коробитъ,—смотрѣть пріятно.

Совершенною противоположностью съ бариномъ составлялъ денщикъ его, Кузьма Коршуновъ. Это былъ неуклюжій, рошлый ярославецъ, до чрезвычайности неопрятный, съ самыми топорными чертами лица. Узенькій лобъ его вѣчно морщился, маленькіе глаза казались сонными и какъ-то недовольно смотрѣли на свѣтъ Божій, широкій носъ покосился на сторону, подъ нимъ торчали жесткіе какъ щетина усы; ниже ихъ, пальца на два въ ширину, расположились толстыя одутловатыя губы, которыя при постоянно открытомъ ртѣ выглядывали совершенной лепешкой. Черные клочками

въздерошенные волосы на головѣ походили на растрепанный вѣникъ. Цвѣтъ лица его былъ закоптѣлый, синевато бурый, точно онъ не мылся никогда. Но особеннымъ несчастіемъ Коршунова были его истинно гигантской величины руки; съ ними онъ никакъ справиться не могъ: большую вещь ухватить, а съ маленькой бѣда—или разобьетъ, раздавитъ, или и того хуже, не дается да и шабашъ. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть, когда онъ силился захватить съ пола какую нибудь нитку или иголку: сколько проклятій сыпалось въ это время изъ устъ его, весь вспотѣетъ и кончитъ тѣмъ, что выругается... Одѣвался Коршуновъ совершенно по-своему, такъ что даже иной разъ трудно было разобрать, какое платье на немъ; сколько баринъ ни давалъ ему и новыхъ вещей, и обносковъ, сколько ни разыскивалъ — все было напрасно: получить новую вещь, порядочную, тотчасъ или перекроить ее на свой ладъ, или замачкаетъ въ два дня такъ, что хуже старой выйдетъ.

— Что ты сдѣлалъ? Бога ты не боишься.

— Что-жъ, ваше благородіе, у меня сюртуки есть, на что сюртуки, во фракъ мода, фракъ въ праздникъ надѣтъ хорошо!

Коршуновъ, по утрамъ, въ то время когда еще не входилъ къ барину, даже халатъ надѣвалъ; но каковъ былъ этотъ халатъ, мы рассказать не беремся.

Вообще онъ былъ циникъ страшный, непроходимый, но цинизмъ его прикрывался какою-то наружною, прилизанною чистотой. Онъ, на примѣръ, нисколько не стѣснялся плюнуть на барское платье для того, чтобы стереть какое нибудь пятно; онъ подавалъ барину все въ лоснящемся видѣ, а между тѣмъ очень часто взявъ со стола ложку, безъ церемоніи, вытиралъ ее полою засаленнаго сюртука своего, потомъ дышалъ на нее, вытиралъ снова, и несъ обратно. Уголъ, гдѣ помѣщался Коршуновъ, походилъ на кладовую всевозможной дряни, подъ грязной кроватью помѣщались обыкновенно самыя разнородныя вещи: тутъ былъ черепокъ съ разведенною ваксою, сапожныя щетки, оглоданныя кости, тарелка съ остатками какого нибудь кушанья, барскіе сапоги, разбитая бутылка, засаленная долода картъ и даже котенокъ въ корзинѣ, животное, которое Коршуновъ очень любилъ и которымъ онъ въ свобод-

ное время всегда забавлялся. Кроме того онъ обладалъ еще одною особенностью, даже страстью—попробовать все барское. Несъ ли онъ жаркое, супъ, соусъ, пирожное—онъ непременно просовывалъ въ блюдо палецъ и потомъ облизывалъ его; даже лекарство не оставалось безъ его вниманія. Уходилъ баринъ со двора—онъ чесался его щеткой, смотрѣлся въ его зеркало, нюхалъ его духи, капалъ ихъ на свои закорузлыя руки, сиживалъ иногда на его кровати, даже въ книги глядѣлъ, хотя о грамотѣ не имѣлъ и понятія. Дѣлалось все это не изъ жадности, не изъ желанія поживиться чужимъ добромъ, напротивъ, онъ былъ большой экономя, берегъ барскую копѣйку, а просто по какой-то любознательности пощупать, отвѣдать, укусить все, что ни попадется подъ руку. Григорій Петровичъ давно негодовалъ на Коршунова, нѣсколько разъ грозился прогнать его, часто морщился, глядя на него, и все держалъ при себѣ потому, что онъ былъ человекъ честный, не пьющій, удивительно расторопный и преданный. Это послѣднее качество Коршунова было тоже особаго рода: онъ любилъ барина, а между тѣмъ очень часто сердился на него, ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, даже иногда довольно грубо отвѣчалъ ему. Онъ какъ будто считалъ себя умнѣе, опытнѣе барина, и всегда дулся, когда встрѣчалъ противоѣйствіе. Баринъ и онъ сливались въ его воображеніи какъ-то вмѣстѣ, составляли одно цѣлое, нераздѣльное. Онъ всегда говорилъ: мы, наше, мы жалованье получили, у насъ гости были, мы на балъ ѣздили, наши вещи отправились. Быть можетъ вслѣдствіе-то этой нераздѣльности Коршуновъ любилъ прихвастнуть, пустить пыль въ глаза, возвеличить барина, потому что при этомъ, по его мнѣнію, точно также возвеличивалъ и себя.

II.

А между тѣмъ, въ то самое время, когда Григорій Петровичъ спалъ, какъ убитый, а Коршуновъ усердно ула-

такъ хозѣйскія щи и, еще усерднѣе, самыми радужными, фантастическими красками описывалъ свое житѣе—бытѣе съ бариномъ, въ сосѣднемъ домѣ, томъ самомъ, который занималъ генералъ, въ довольно грязной, небольшой комнатѣ, на ситцевомъ диванѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, дочь генерала.

Прекрасное лице ея выражало нѣкоторое безпокойство, щеки горѣли, она пытливо спрашивала стоявшую передъ нею дѣвочку Таню,—ту самую, которая таскала съ лежанки хозѣйскія вещи,—о вновь прибывшемъ офицерѣ.

— Приѣхали всѣ мокренскіе, такіе мокренскіе, смотрѣть ужаста—вода энта льетъ съ нихъ... Просить зачали, пусти моль въ комнату, говорятъ. Трофимовна пущать не хотѣла... съ вещамъ приѣхали... вещей много, сундуки большущіе, лакей что—ли съ ними, чернявый такой, страшный! очень наивно говорила дѣвочка, разводя руками.

Барыня улыбулась, откинула назадъ волосы и вдругъ, какъ бы мимоходомъ, спросила: онъ молодой, богатый, ты не слыхала Танька?

Дѣвочка выставила два ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ.

— Молоденькіе, такіе молоденькіе, отвѣтила она, покачивая головой, съ вами схожи, ей—Богу, схожи... красенькій, красивенькій! Она вдругъ подскочила къ госпожѣ и поправила башмакъ на половину свалившійся съ ноги ея.

Барышня встала, неопредѣленно посмотрѣлась въ висѣвшее на стѣнѣ полуразбитое зеркало, взглянула на Таню, хотѣла что—то сказать, но только махнула рукой и вышла въ другую комнату. Пройдя залу и гостиную, она остановилась передъ маленькой дверью, весело улыбулась и тихо отворила ее.

— Папочка, можно войти? какъ—то кокетливо произнесла она, засовывая въ дверь голову, и порхнула къ отцу въ кабинетъ.

Генералъ, человекъ лѣтъ шестидесяти, бодрый, свѣжій, одѣтый въ коротенькій тулупчикъ, проворно ходилъ изъ угла въ уголъ; увидѣвъ дочь, онъ остановился, и вопросительно взглянулъ на нее.

— Папочка, тамъ офицеръ приѣхалъ... помнишь, что квар-

тира здѣсь назначена... баронъ, папочка... Его нужно къ намъ обѣдать позвать, ты еще говоришь, что его отца зналъ. Какъ же папочка? говорила она, жеманясь передъ отцомъ.

— Разумѣется, нужно, а?... да, нужно... обѣдать, непременно обѣдать, молодого офицера необходимо привѣтить, обласкать, а?... всегда такъ водилось... Захарка! вдругъ крикнулъ онъ и поднялъ голову.

На порогѣ, какъ изъ земли выросъ, вытянулся малый, лѣтъ тридцати, одѣтый въ казакинъ съ краснымъ кантомъ.

— Тамъ офицеръ пріѣхалъ, ну, слышишь? попросить его обѣдать сюда, кушать! пояснилъ генералъ.

Захарка повернулся было на лѣво кругомъ.

— Пстой, что сказать нужно? Ты что скажешь? ну... сказать нужно: его превосходительство приказали кланяться, приказали кушать просить, такъ?

— Его превосходительство приказали кланяться, приказали кушать просить! густымъ, хриплымъ басомъ повторилъ Захарка и снова повернулся.

Генералъ забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Намъ, папочка, со всѣми офицерами познакомиться нужно... Здѣсь скука такая, совсѣмъ порядочныхъ людей нѣтъ, какъ-то печально замѣтила дочь и надумала губки.

Генералъ снова остановился, снова вопросительно взглянулъ на нее, точно его только что разбудили или новость какую сказали.

— А?... нужно, Леночка, точно нужно... милости просимъ... Я радъ, прошу... прошу! отрывисто произнесъ онъ и зашагалъ пуце прежняго.

Леночка постояла съ минуту, потомъ подскочила къ отцу, поцѣловала его въ плечо и съ озабоченнымъ лицомъ вышла изъ комнаты.

На порогѣ она встрѣтилась съ Захаркой.

— Что, будутъ? спросила она.

— Благодарить приказали, будутъ-съ! прохрипѣлъ малый. На лицѣ Леночки мелькнула улыбка.

Она засуетилась, побѣжала на кухню, освѣдомилась объ обѣдѣ, велѣла повару приготовить дишнее блюдо, приказа-

ля Захарѣ въ комнатахъ убирать, потомъ побѣжала въ свою спальню одѣваться.

Елена Ивановна, дочь отставнаго генерала Ивана Никитича Перегорина, лишилась матери въ самомъ младенцествѣ и получила воспитаніе въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ.

Въ то время отецъ ея занималъ довольно видное мѣсто, жилъ широко, барски, припѣваючи.

Избалованная съ дѣтства, привыкшая къ нѣгѣ и роскоши, Леночка прямо съ школьной скамейки попала въ омутъ шумной, свѣтской жизни. Она порхала съ вечера на вечеръ, съ бала на балъ, наряжалась, кокетничала, принимала гостей, выслушивала комплименты; думала о женихѣ, разумѣется, статномъ, ловкомъ, богатомъ гвардейцѣ; но вдругъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, декорация перемѣнилась: Иванъ Никитичъ долженъ былъ оставить занимаемое имъ мѣсто, выйти въ отставку, лишиться получаемаго имъ большаго содержанія и ограничиться довольно умѣреннымъ пенсіономъ. Нужно было измѣнить прежній образъ жизни, переѣхать на другую, болѣе тѣсную квартиру, навсегда отказаться отъ баловъ, пышныхъ нарядовъ и даже блестящихъ партій. Елена Ивановна плакала, сердилась, выходила изъ себя, падала въ обмороки, упрекала отца, говорила, что Петербургъ опостылѣлъ ей, что она не привыкла къ такой жизни, что надъ ней будутъ смѣяться всѣ подружки, грозилась даже въ монастырь пойти. Однако раздраженное самолюбіе ея вскорѣ уgomонилось; въ видахъ экономіи она сама предложила отцу уѣхать куда нибудь подальше, поселиться въ городъ К., въ окрестностяхъ котораго находилось небольшое имѣніе Перегориныхъ. Сказано—сдѣлано. Въ уѣздѣ Елена Ивановна воскресла, заблестала снова... Теперь она созрѣла, ребяческая неопытность окончательно исчезла въ ней; она поняла свое положеніе, поняла, какую роль должна играть въ окружающемъ обществѣ и исполняла эту роль не безъ такта.

Извѣстіе о стоянкѣ кавалерійскаго полка высосало всю душу Елены Ивановны; нѣсколько ночей сряду она не могла глазъ сомкнуть; надежды, предположенія, одно другаго

*

эффективнѣе, мѣшались въ головѣ ея; она видѣла себя и полковой командиршей, и женой молодого, богатаго офицера. Наканунѣ прибытія попка ея была лихорадка, а въ день самаго прибытія она проклинала погоду, помѣшавшую ей видѣть великолѣпное зрѣлище.

Вотъ почему она такъ жадно спрашивала побѣгушку Таню о сосѣдѣ постояльцѣ, почему выпросила у отца позволеніе пригласить его обѣдать, почему такъ кокетливо одѣвалась, такъ тщательно чесала волосы. Она готовилась къ побѣдѣ надъ кавалерійскимъ сердцемъ...

Да и не мудрено. Елена Ивановна знала свое превосходство, помнила свою столичную жизнь, догадывалась, что многія сердца въ уѣздѣ тщетно вздыхаютъ по ней. Всякій, взглянувши на нее въ ту минуту, когда она въ ожиданіи новаго гостя вышла въ гостиную, навѣрное сложилъ бы передъ ней свое оружіе.

Темные, каштановые, почти черные волосы, нѣсколько приподнятые къверху, лоснились какъ шелкъ, падали на бѣлую шею двумя длинными локонами; лицо сквозило прозрачною нѣжностью, на щекахъ горѣлъ легкій румянецъ; большіе, голубые, полураскрытые глаза смотрѣли невыразимо хорошо, судили чертовское блаженство; улыбка отзывалась чѣмъ-то добрымъ, теплымъ, просящимся въ душу. Черное шелковое платье обхватывало стройную талію, художнически обрисовывало прекрасную грудь; нѣжныя, атласныя руки были полуприкрыты черными кружевными рукавами; голубой, маленькій платочекъ на шеѣ приятно гармонировалъ съ темными локонами; золотая цѣпочка на груди, крошечные брилльянты въ розовыхъ ушахъ, гладкій браслетъ на рукѣ, бантики на туфляхъ, легкій запахъ *есз-буке*, — все говорило о вкусѣ, тонѣ очень рѣдкомъ въ глуши, въ провинціи. Да и обхожденія Елена Ивановна была совсѣмъ не провинціального; она курила легкія папирсы, говорила по-французски, причежь даже слегка картавила, прекрасно играла на фортепьянахъ, пѣла, читала французскіе романы, толковала о литературѣ, о предметахъ возвышенныхъ, о чемъ угодно; отличалась

свѣтскою развязностью — только въ отношеніи горничныхъ дома, наединѣ, проглядывало въ ней что-то грубое, лакейское; она иногда честила ихъ такими словами, которыя никакъ не шли къ ея милому, алому ротику; въ особеннoсти побѣгушкѣ Танѣ сильно доставалось отъ нея.

Отецъ Елены Ивановны, Иванъ Никитичъ, весь вѣкъ свой проносилъ военный мундиръ. Это былъ человекъ небольшого роста, статный, худенькій, живой, проворный, ловкій, нисколько не похожій на шестидесяти-лѣтняго старика. Свѣжее, розовое лице его блестѣло, лоснилось; на маленькомъ лбу ни одной морщинки; глаза на выкатѣ; только сѣдые, короткіе, стоячіе волосы на головѣ, да сѣдые, подстриженные усы какъ-то спорили со всей его остальной молодцоватой фигуркой. Всѣ движенія его отличались необыкновенною живостью, энергіею; онъ сильно, равномерно размахивалъ руками, выставляя впередъ маленькіе кулачки свои, какъ будто бы такъ билъ или упражнялся въ гимнастикѣ; безпрестанно вертѣлся, рѣдко сидѣлъ на мѣстѣ, а большею частью ходилъ, почти бѣгалъ по комнатамъ. Голову держалъ прямо, говорилъ громко, рѣзко, отрывисто, какъ будто командовалъ или отдавалъ приказаніе. Любилъ строгій порядокъ, одѣвался чисто, аккуратно, дома носилъ коротенькій, сѣренькій тулупчикъ на бѣлицемъ мѣху, плотно застегнутый до самой шеи, а въ торжественныхъ случаяхъ, въ гости, облачался въ отставной генеральскій мундиръ.

Какъ всѣ люди дослужившіеся до извѣстнаго солиднаго чина, считающіе себя по этому поводу и лучше, и выше другихъ людей, Иванъ Никитичъ очень дорожилъ своимъ генеральскимъ званіемъ; любилъ видѣть вокругъ себя почетъ, уваженіе и полную безотвѣтную покорность. Прислуга его ходила по стрункѣ, во всемъ домѣ проглядывала какая-то военная выправка, все носило отпечатокъ строгой, военной дисциплины, все отзывалось лощеной казенной чистотой.

Мебель, какъ разъ была наставлена въ комнатахъ, такъ и стояла, никто не смѣлъ подвинуть на вершокъ какогонибудь кресла, перемѣстить подсвѣчники на другой столикъ, подать обѣдъ, чай, ужинъ минутой позже или раньше. Правда, часто Иванъ Никитичъ какъ будто спускался съ своего

пьедестала, любилъ пошутить, посмѣяться, даже съ молодежью поболтать, но отъ всего этого вѣяло какимъ-то генеральствомъ, въ дружескомъ, фамилярномъ тонѣ проглядывало что-то начальническое, смѣхъ былъ черезчуръ рѣзокъ.

Не смотря на все это, роль Ивана Никитича была воображаемою, онъ тѣшился ею какъ дитя игрушкой; въ домѣ забывали о немъ и подобострастно, вмѣстѣ съ нимъ, преклонялись предъ настоящей хозяйкой, Еленой Ивановной.

Жили Перегорины весьма скромно, такъ какъ позволяли ихъ средства: лѣто проводили въ деревнѣ, на зиму переселялись въ городъ, пышныхъ обѣдовъ, баловъ не дали, только вся ихъ обстановка отзывалась какою-то утонченностью, привычкою къ когда-то хорошей, роскошной жизни, умѣніемъ прикрыть настоящіе недостатки. Домъ ихъ считался первымъ въ уѣздѣ; его посѣщало лучшее общество города К. просиживало въ немъ вечера, зѣвало, втихомолку жаловалось на скуку, изподтишка смѣялось надъ черезчуръ скромнымъ обѣдомъ и ужиномъ, иногда ограничивалось однимъ чаемъ и все-таки посѣщало. Таковъ русскій чловѣкъ, не тотъ, который живетъ въ деревняхъ да землю нашетъ—тому не до поклоновъ, а русскій чиновный людъ: знаетъ, что ничего не получить, а все-таки забѣжитъ впередъ и шапку сниметъ. Вотъ, дескать, поклонился, улыбнуться изволили.

Пробило три часа. Елена Ивановна сидѣла на диванѣ въ гостиной и горѣла нетерпѣніемъ. Она при малѣйшемъ шорохѣ поворачивала голову къ двери и прислушивалась. На колѣняхъ ея лежалъ маленькій томикъ какого-то французскаго романа.

Иванъ Никитичъ проворно ходилъ изъ угла въ уголь.

Побѣгущка Таня въ красно-розовомъ, ситцевомъ, лощеномъ платьѣ, съ какимъ-то безобразнымъ платкомъ на плечахъ робко выглядывала изъ-за двери.

Въ комнатѣ было тихо; только мѣрныя, частые шаги генерала стучали какъ часовой маятникъ.

Прошло нѣсколько минутъ,—онъ остановился.

— Обѣдать пора, а?.. Три часа пробило, твой гость не-

аккуратень—это не хорошо, честь не дѣлаетъ молодому чело-
вѣку, нужно аккуратнымъ быть!

Елена Ивановна вспыхнула.

— Папочка, онъ спалъ, теперь одѣвается, придетъ сейчасъ, всего десять минутъ прошло, отвѣтила она, оправдательнымъ тономъ.

Генераль зашагалъ снова.

— Да, говорилъ онъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, десять минутъ!.. спать!.. Время ли днемъ спать, какой это порядокъ, баловство, изнѣженность, въ наше время не такъ служили, въ наше время...

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ остановился и под-
нялъ голову,—кашель и шорохъ въ передней прервали его.

Елена Ивановна поспѣшно откинула волосы,правила
платье и углубилась въ книгу. Руки ея немножко дрожали.

Въ комнату вошелъ Григорій Петровичъ. Онъ ловко
поклонился и отцу, и дочери вмѣстѣ, Леночка принагнулась
и снова опустила глаза. Генераль проворно подошелъ къ
нему.

— Очень радъ, очень радъ! произнесъ онъ, тряся гостя
за руку, прошу безъ церемоніи, сослуживцы, товарищи!—
Моя дочь!.. Лена, прикажи обѣдать подавать, прибавилъ онъ,
указывая на диванъ.

Григорій Петровичъ вторично поклонился. Елена Ивано-
вна присѣла и проворно вышла изъ комнаты.

— Ваша фамилія, молодой челоуѣкъ? спросилъ генераль.

— Фамилія моя, баронъ фонъ Шпигель, почтительно
отвѣтилъ Григорій Петровичъ и поклонился.

— Имя и отчество?

— Меня зовутъ Григорій Петровичъ.

— Григорій Петровичъ фонъ-Шпигель, баронъ, поручикъ,
да?.. Очень радъ, повторилъ генераль и вторично протянулъ
гостю руку. Фонъ-Шпигель, скажите, пожалуйста, я помню...
одинъ Шпигель и баронъ тоже, а?.. въ двадцать... въ двад-
цать восьмомъ году...

— Papa, le dîner est servi, перебила его вошедшая Елена
Ивановна.

— Просимъ милости, произнесъ генераль, указывая гостю на дверь.

Послѣдній понятился.

Елена Ивановна вывела его изъ затрудненія, она порхнула въ дверь первая, за нею нѣсколько бокомъ, почти вмѣстѣ съ хозяиномъ, прошелъ и Григорій Петровичъ.

Въ столовой было еще новое лицо, какаля-то Настасья Матвѣевна, сосѣдка Перегориныхъ, являвшаяся каждый день къ генеральскому обѣду; сѣдая, сморщенная, съ рябымъ, дряблымъ лицомъ и бѣгающими глазами, въ темномъ капотѣ, желтой шалью и чепцѣ съ голубыми лентами.

Всѣ усѣлись.

Елена Ивановна принялась разливать супъ.

За нею, вытянувшись въ струнку, въ форменномъ казакинѣ, съ нитяными перчатками на рукахъ, торчалъ Захарка, а въ другой сторонѣ, робко прижавшись въ углу, стояла побѣгушка Таня.

— Да, да, мы съ ними пріатели были, какже-съ, большіе пріатели, повѣсы, съ дядюшкой вашимъ; вдругъ заговорилъ генераль.

Григорій Петровичъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Вы кажется ошибаетесь, ваше превосходительство, у меня въ военной службѣ, никакого дяди не было, довольно несмѣло замѣтилъ онъ.

— А?... не было?... жаль, нѣтъ, я говорю, что я Шпигеля зналъ, прекрасный человекъ, образцовый, снова повторилъ генераль.

— Папа такъ долго служилъ, много видѣлъ, всегда въ Петербургѣ жилъ,—мы недавно здѣсь, пояснила совсѣмъ не кстати Елена Ивановна.

— Послѣ столичныхъ наслажденій и въ этакій, можно сказать, монастырь прибыть, вотъ развѣ господа военные оживятъ, замѣтила Настасья Матвѣевна, причемъ закатила глаза и какъ-то нервически повернулась на стулѣ.

Григорій Петровичъ едва замѣтно улыбнулся.

— У насъ здѣсь свой кругъ, свое общество; я на скуку не жалуюсь, напротивъ, послѣ институтской жизни, мнѣ

нравится здѣсь—тихо! пояснила Елена Ивановна, всячески старавшаяся заявить передъ гостемъ свой тонъ и значеніе.

— Много офицеровъ въ полку? спросилъ генераль.

— У насъ до сорока человекъ, отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Ого! Женатые есть?

— Женатыхъ очень мало, всего четверо, даже полковой командиръ холостой.

Елена Ивановна покраснѣла, но тотчасъ же отвернулась и заговорила съ своей сосѣдкой.

Генераль какъ-то рѣзко засмѣялся.

— Хе, хе, хе, молодежь все, кавалерійство... а?... Вы господа насъ-то, насъ пощадите, такъ весь городъ перевернете; я самъ служилъ, заключилъ онъ со смѣхомъ и вдругъ прибавилъ: и богатые люди есть?

— Да, у нѣкоторыхъ есть состояніе; впрочемъ, я не смѣю хвалить, ваше превосходительство, но надѣюсь, что жители города не пожалуются на нашу стоянку—наше полковое общество офицеровъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное.

— А, прекрасный полкъ, прекрасный! Вы, конечно, не помните, у меня много товарищей въ немъ служило—прекрасные молодые люди, пробормоталъ генераль и вдругъ повернувшись къ Захаркѣ громко съ разстановкой прибавилъ: а что, братецъ, нужно сдѣлать, если рюмки стоятъ? Зачѣмъ рюмки стоять... ну!

Захарка схватилъ стоявшую на столѣ бутылку съ остатками краснаго вина и налилъ хозяину и гостю.

— Я надѣюсь, М-г Шпигель такъ добръ, что не откажетъ намъ въ удовольствіи познакомиться съ нѣкоторыми офицерами; папа такъ любитъ военныхъ, мы всегда душевно рады, довольно застѣнчиво произнесла Елена Ивановна.

— Я увѣренъ, что мои товарищи почтутъ за особенную честь воспользоваться такимъ лестнымъ знакомствомъ, отвѣтилъ Григорій Петровичъ и слегка наклонилъ голову.

— Да, конечно, конечно, очень радъ, просимъ милости, проговорилъ генераль и протянулъ гостю руку.

— Зимой у насъ клубъ будетъ, всякіе танцы танцовать

можно, выйпалась Настасья Матвѣевна и снова повернулась на стулѣ.

Дальше разговоръ шелъ въ томъ же вкусѣ. Генераль вспомнилъ еще какого-то Шпигеля и освѣдомился не родственникъ ли ему Григорій Петровичъ, даже напередъ сказалъ: этотъ ужъ вамъ навѣрно родственникъ. Елена Ивановна пріятно улыбалась, очень мило потупляла глазки и снова какъ будто нечаянно поднимала ихъ, произнесла нѣсколько фразъ по-французски, дала замѣтить, что она поетъ и играетъ и даже вздохнула по итальянской оперѣ. Настасья Матвѣевна сообщила, что у нея братъ въ офицерахъ былъ, что офицеровъ бояться нужно, что всѣ офицеры люди «костикъ» причемъ опять повернулась на стулѣ. Григорій Петровичъ отдѣлывался какъ могъ.

Обѣдъ тянулся довольно долго и состоялъ изъ четырехъ очень умѣренныхъ блюдъ: жиденькаго супа, вынутой изъ него говядины нарѣзанной тоненькими ломтиками и приправленной какою-то зеленью, жареной курицы и пирожнаго изъ зефировъ, которыми генеральскій поваръ особенно щеголялъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Послѣ обѣда генераль потрясъ гостю руку, прибавивъ: очень радъ, прошу извинить, и отправился въ кабинетъ немножко забыться.

Въ гостиной остались: Настасья Матвѣевна, Григорій Петровичъ и Леночка. Она предложила гостю папироску и узнавши, что онъ не курить, очень удивилась и закурила сама.

— Je vous demande pardon, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что я васъ не обезножую? шутя спросила она.

— Напротивъ, я очень люблю, когда женщина курить, тутъ есть что-то поэтическое, отвѣтилъ онъ и поклонился.

— О, я очень много курю, и знаете почему: въ Петербургѣ, у одного нашего знакомаго—je ne sais comment dire—онъ въ носољствѣ служилъ, были очаровательныя, маленькія папироски; онъ всегда давалъ мнѣ, c'était une polissonnerie... а потомъ такъ привыкла... ахъ! Она вздохнула и выпустила тонкую струйку дыма изъ своего алаго ротика.

Настасья Матвѣевна дремала, сидя на стулѣ, качала го-

ловой и, кажется, готова была клюнуть носомъ стоявшій передъ нею столъ.

— Vous voyez, comme c'est agréable? замѣтила хозяйка, указывая на нее.

— Чистая совѣсть! отвѣтилъ Григорій Петровичъ и улыбнулся.

Елена Ивановна искоса взглянула на него и немного подумавши тихо произнесла: я надѣюсь, М-г Шпигель, вы будете часто бывать у насъ... не забудьте, здѣсь провинція, церемоній не существуетъ; да, иногда здѣсь можно умереть со скуки! добавила она нѣсколько грустнымъ тономъ, вздохнула, опустила на спинку кресла и выставила кончикъ маленькой ножки. Григорій Петровичъ растерялся.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову; онъ видѣлъ, какъ эта ножка, обутая въ туфель съ коблучкомъ граціозно болталась изъ подъ платья; онъ слышалъ легкое дыханіе хозяйки, небрежно спущенный длинный рукавъ ея платья касался руки его.

— Бы меня, Елена Ивановна, ставите въ затрудненіе; я не знаю, какъ отвѣчать на ваше вниманіе, на ваше доброе приглашеніе, я ничѣмъ не заслужилъ его, довольно робко отвѣтилъ онъ.

— Я отвѣтовъ не требую; если вы дорожите имъ, докажете на дѣлѣ, отвѣтила хозяйка и прямо взглянула на гостя своими большими, улыбающимися глазами.

Онъ поднялъ голову и, въ свою очередь, какъ-то робко, несмѣло посмотрѣлъ на нее.

Взгляды ихъ на минуту встрѣтились.

— Вы любите музыку? вдругъ спросила она.

— Очень, я самъ немножко играю.

— Да-а... Mais c'est charmant!.. Мы можемъ играть въ четыре руки, у насъ очень порядочный рояль. Хотите, я вамъ сыграю чтонибудь? Она приподнялась съ кресель.

— Я не смѣлъ просить, отвѣтилъ Григорій Петровичъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Охъ, батюшки, что это, о-ицеры вос! вдругъ прервала Настасья Матвѣевна, открыла глаза, очнулась и совершенно сконфузилась.

Елена Ивановна звонко захохотала, Шпигель улыбнулся.

— Охъ, Господи, что это, право, со мной, никакъ я сказала что-то, проговорила гостя, ворочаясь на стулѣ.

— Не только сказали, испугались! насмѣшливо отвѣтила Леночка и подошла къ роялю.

Григорій Петровичъ помогъ открыть его.

Она сѣла, взяла нѣсколько акордовъ, задумалась и вдругъ вопросительно взглянула на гостя.

— Что играть? Я хочу, чтобъ вы похвалили меня.

— Все, что вамъ угодно, я за все буду благодаренъ...

— Да!?

Она заиграла вариаци изъ какой-то оперы.

Григорій Петровичъ стоялъ напротивъ и не спускалъ съ нея глазъ; онъ внутренно любовался ея прозрачнымъ, разгорѣвшимся личикомъ, то поднимавшеюся, то опускавшеюся грудью, бѣгающими по клавишамъ руками и живой, очаровательной улыбкой.

Онъ какъ-то забылся, сосредоточился на ней. Ему хорошо было.

Она кончила играть, быстро, лукаво, пронзительно взглянула на гостя, точно чѣмъ-то подразнить его хотѣла, взяла снова акордъ и совершенно неожиданно запѣла: «По небу цалуночи ангелъ летѣлъ».

Григорій Петровичъ стоялъ какъ ошнѣвѣлый; какая-то легкая, приятная дрожь пробѣжала по его тѣлу...

Она опять кончила, опять попрежнему взглянула на него, опять взяла акордъ и, какъ бы насмѣхаясь надъ пораженнымъ гостемъ, сама едва удерживаясь отъ смѣха, увѣренная въ торжество свое, шутя, весело запѣла: «Пропадай моя головушка».

Григорій Петровичъ даже повернулся отъ восторга и удивленія.

— Довольно! вдругъ произнесла она, крѣпко ударила по клавишамъ и какъ-то стыдливо прибавила: *c'est gentil?*

— Простите меня, я не знаю что сказать... такое пѣніе кого хотите разшевелить, проговорилъ неуспѣвшій еще онемнѣть Шпигель.

— Не вѣрю, посмотрите! отвѣтила она, улыбулась и кинула головой вправо.

Тамъ, на креслѣ, Настасья Матвѣевна снова спала.

Григорій Петровичъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать, стало быть это не человѣкъ, тихо замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, человѣкъ, и даже очень добрый, только...

→ Что-жъ только?

— Души нѣтъ, сердца...

— А вы признаете возможность человѣка безъ души?

— Признаю, здѣсь ихъ много; поживете, сами узнаете, нѣсколько грустно замѣтила она.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Елена Ивановна, здѣсь быть можетъ нѣтъ человѣка близкаго, подходящаго къ вамъ, къ вашимъ понятіямъ, воззрѣніямъ; вы слишкомъ развиты, чтобъ найти его здѣсь... вы выше этого человѣка!

У Леночки пріятно защекотало на сердцѣ; цѣль ея, выказать предъ гостемъ все свое превосходство, очевидно была достигнута.

— Не знаю, я слишкомъ проста, я всѣхъ людей люблю, отвѣтила она и такъ улыбулась, какъ будто и на душѣ ея никогда ничего кромѣ любви не было.

Настасья Матвѣевна громко вздохнула и открыла глаза.

— Какъ это вы чувствительно пѣли, вспомнить не могу! проговорила она, желая доказать, что не спала а слушала.

— А что я пѣла?

— Да вотъ это, забываю все, «Други милые».

— Какъ это лестно для артистки, *p'est-ce pas?* —

Замѣтила Елена Ивановна и нѣсколько разъ качнула головой.

Въ гостиную вошелъ генералъ.

— Папочка, вдругъ обратилась она, знаете, М. Шнигель на фортопіянахъ играетъ, ахъ, Боже мой, я васъ не попро- сивъ сыграть...

— Слышалъ, слышалъ, прекрасно играетъ! отвѣтилъ Иванъ Никитичъ и зашагалъ по комнатѣ. А въ бостонѣ играетъ? вдругъ прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, не играю.

— Жаль, напрасно, прекрасная игра, умная игра, да!.. Почему это ее оставили, понять не могу, всё ваши играм-дрянь!

— Я ни во что не играю.

— И прекрасно дѣлаете, прекрасно дѣлаете, молодой человекъ, да!.. Въ бостонъ можно играть, бостонъ не игра, это, такъ сказать, голова работаетъ, голова! генералъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ и пустился даже объяснять правила игры.

Къ вечеру явились гости, — какіе-то два поношенные господа изъ туземцевъ.

Елена Ивановна сухо повлонила имъ.

Хозяинъ приказалъ разставить ломберный столъ.

— Если столъ разставленъ, что нужно сдѣлать, а? — говорилъ онъ вытянутому въ струнку Захарѣ. Нужно: двѣ свѣчи поставить, положить щеточки, мѣлки, карты... ну!..

Компанія усѣлась. Настасья Матвѣевна ушла домой докончивать начатый послѣ обѣденный сонъ. Григорій Петровичъ, вдали отъ играющихъ, заговорилъ въ полголоса съ Еленой Ивановной. Она то весело, живо ему что-то рассказывала, то легко, плавно выдыхала, то какъ-то бессознательно, нечаянно взглядывала на него, то поднимала, то опускала глаза.

— Онъ уже нѣсколько разъ собирался уйти, даже внутренно осознавалъ, что сидѣть такъ долго въ первый разъ не должно, и только, наконецъ, часу въ одиннадцатомъ вечера всталъ и откланялся хозяйнѣ.

— Я такъ долго заседѣлся у васъ, простите меня, проговорилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила и протянула ему кончики своихъ пальцевъ.

Онъ дотронулся до руки ея и снова поклонился, потомъ протиснулся съ генераломъ.

— Очень радъ, очень радъ, просимъ милости! — проговорилъ послѣдній, одною рукою трясъ руку гостя, а другою собирая карты.

Шпигель ушелъ.

Въ сѣняхъ его встрѣтилъ Коршуневъ съ саданнымъ огар-

комъ. Григорій Петровичъ взглянулъ въ его рабье, неслладное лицо и невольно вздохнулъ, такъ оно неказалось ему окверненнымъ въ сравненіи съ только что видѣннымъ, прелестнымъ лицомъ хозяйки.

Онъ радѣлся, отпустилъ деньщика, присѣлъ на кровать и задумался.

Елена Ивановна рѣшительно озадачила его.

Онъ никакъ не ожидалъ въ глуши, въ уѣздѣ, прямо съ похода, встрѣтить такой роскошный, столичный цвѣтокъ. Прежде онъ не видалъ такихъ женщинъ; ему никогда не случалось разомъ, въ одномъ существѣ увидѣть столько очарованія, столько самой заманчивой прелести. Прежде ни одна женщина не опутывала его такою любезностью, такою простотою и свободою обращенія, такимъ смѣлымъ душевнымъ радушіемъ. Онъ зналъ вдовъ, дѣвицъ, замужнихъ женщинъ—нѣкоторыя изъ нихъ даже нравились ему, но реѣ онѣ ниоколько не были похожи на Елену Ивановну, во всѣхъ ихъ заключались только мелкія части одного ея дѣдаго; ни одна изъ нихъ съ перваго раза не пожала ему руки, не взглянула на него такими глубокими глазами, не улыбалась такъ, что мурашки бѣгали по тѣлу. Онъ еще мало жилъ; ему никогда не доводилось близко сойтись съ женщиной, извѣдать ея сердце, разгадать мананку ея улыбки, отличить простоту и естественность отъ свѣтской, заученой натяжки.

Кокетка, страшная кокетка! думалъ Григорій Петровичъ, жидя всегда съ отцомъ, въ большомъ свѣтѣ, она привыкла свободно обращаться... курить... Нынче многія курятъ, это идетъ къ ней... А вмѣстѣ съ тѣмъ сколько простоты, гради... Что за сердце у ней?... Смотритъ такими чистыми, добрыми глазами, въ ней много души, много чувства—безъ души такъ пить нельзя. Неужели она всегда такъ любезна? Она меня первый разъ видитъ; что-жь, я?.. думаетъ не нравиться, замужъ выйдетъ? Какой же я женихъ, развѣ я женихъ для нея?.. можетъ и выйдетъ за кого нибудь изъ нашихъ... Выйдетъ, выйдетъ! долго звучало въ умѣ его.

Онъ присидѣлъ еще нѣсколько времени, потомъ погасилъ свѣчку и улегся.

А Елена Ивановна между тѣмъ раздѣвалась, стоя передъ зеркаломъ и какъ-то торжественно улыбалась. Она не думала о невомъ знакомомъ, не разбирала, не анализировала его; онъ какъ-то мимоходомъ проскользнулъ въ умъ ея. Она была довольна, счастлива, что завербовала его и съ нетерпѣніемъ ждала завтрашняго дня, чтобъ завербовать другого ему подобнаго, а потомъ потомъ... выбрать, который побогаче, да повыгоднѣе—того и вять, тому и книгу въ руки.

III.

На другой день утромъ Григорій Петровичъ занялся убранствомъ своей маленькой комнатки. Онъ разобралъ изъ чемодановъ всѣ свои вещи, изъ простаго кронечнаго стола сдѣлалъ письменный, покрылъ его зеленымъ сукномъ, поставилъ на немъ разныя принадлежности: чернильницу, два бронзовыхъ подсвѣчника да другія мелочи; на лежанкѣ помѣстилъ свою небольшую походную библиотеку, перенесъ кровать въ другую сторону, покрылъ ее шелковымъ стеганымъ одѣяломъ, около нея разостлалъ небольшой бархатный коврикъ; платье и бѣлье перенесъ въ пузатый комодъ, на самомъ комодѣ устроилъ туалетъ; вынулъ изъ шкапа хозяйскую посуду и помѣстилъ въ нее свою; приказалъ Коршуну протереть стекла въ окнахъ, и вся комната какъ будто приняла другой видъ,—уютно, живо, весело въ ней стало—лучъ солнца заигралъ на чистомъ, ласнящемся полу. Самъ Григорій Петровичъ очень тщательно вымылся, надѣлъ на себя сѣренькій плафрокъ, отворилъ окно. Свѣжій, легкій воздухъ пахнулъ ему въ лицо. Утро было прозрачное. На чистомъ голубомъ небѣ ни одного облачка; куда вчерашній дождь дѣвался? Зеленъ посвѣжѣла, словно обновилаеь. Рѣка шумѣла тихо, плавно, пріятно; противный ея берегъ пестрѣлъ и переливался тысячами цвѣтовъ и оттѣнковъ; гдѣ-то вдали раздавался благовѣстъ. Григорій Петровичъ долго стоялъ у окна и любовался окружающею картиною; взгляды его устре-

идя въ лоную, широкую, безконечную даль; вчера онъ не замѣтилъ ее, вчера ему не до того было, вчера его томила усталость и потомъ....

— Хорошо здѣсь! подумалъ онъ, выглянулъ изъ окна и повернулъ на лѣво голову.

Тамъ стоялъ красивый, сѣренькій, съ зеленою крышею деревянный домикъ.

Онъ невольно перенесся въ него; вчерашнее лѣніе зазвучало въ ушахъ его; чарующій образъ хозяйки представился глазамъ,—онъ вспомнилъ его, вспомнилъ все и снова занялся имъ.

— Пойдти? подумалъ онъ; неловко такъ скоро... сегодня нельзя идти, притомъ и рано еще... Визитъ сдѣлать? Визитъ бы нужно сдѣлать, поблагодарить...

Я вчера не сказалъ ничего. Онъ задумался.

Дверь въ комнату скрипнула и отворилась,—на порогѣ вытянулся Захарка. Григорій Петровичъ обернулся, у него стукнуло сердце, онъ кажется готовъ былъ поцѣловать вошедшаго.

— Здравствуй, братецъ? Какъ у васъ... генералъ здоровъ? преговорилъ онъ, сѣшавшись.

— Здоровы, ваше благородіе, кланяться приказали, приказали кушать просить.

— Кушать? неопредѣлено повторилъ Шнигель и щеки его вдругъ покраснѣли. Хорошо, братецъ, кланяйся, я приду, скоро приду, да! Онъ отвернулоя, взялъ со стола двугривенный и сунулъ его Захаркѣ.

Посланный удалился.

Григорій Петровичъ снова подошелъ къ окну, снова выглянулъ изъ него и повернулъ голову на лѣво, только на лицѣ его не было и тѣни прежней задумчивости; оно улыбалось свѣтло, спокойно, счастливо, какъ только улыбается человекъ отъ избытка внутренняго душевнаго довольства. Онъ вынулъ новенькій скюртукъ, тщательно оглядѣлъ его, прицѣпилъ эпюлеты, приготовилъ чистыя перчатки, потомъ долго въ нетерпѣніи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливался у окна, то на часы смотрѣлъ, наконецъ кликнулъ Коршунова и сталъ одѣваться.

— Обѣдать дома не будете? какъ-то недружелюбно спросилъ деньщикъ, повидимому недовольный барскими уходомъ.

— Не буду. А тебѣ что? отозвался Григорій Петровичъ, медленно разбирая приборъ на головѣ.

— Мнѣ что?.. Ничего мнѣ. Напрасно только обѣдъ готовимъ... не готовить бы лучше.

Онъ проводилъ барина, потомъ вернулся въ комнату, оглянулся на всѣ стороны и громко плюнулъ.

— Вишь порядокъ завелъ... чортъ!.. Право чортъ! въ сердцахъ проговорилъ онъ, подошелъ къ комоду, понюхалъ скляночку духовъ, колупнулъ бывший ярлыкъ на ней, провель рукою по одѣялу на кровати, высморкался въ уголъ и удалился.

А Елена Ивановна со всею обаятельною прелестью, протягивая кончики розовыхъ пальцевъ, встрѣчала гостя.

Сегодня она казалась другою; она измѣнилась, какъ измѣняется опытная актриса въ своихъ роляхъ.

Лицо ея было блѣднѣе, глаза смотрѣли не такъ живо и казались томными, какъ будто усталыми, улыбка сдѣлалась глубже, сосредоточеннѣе, локоны за ушами исчезли, затесанные назадъ волосы образовали на затылкѣ густую массивную косу; вмѣсто чернаго платья на ней было бѣлое съ мелкими розовыми полосками, на шеѣ простой гладкій воротничекъ, на рукахъ такія же манжетки, на ногахъ дружныя туфли уже не съ голубыми, а съ розовыми бантиками. Она даже говорила нѣсколько иначе, меньше смѣялась, слегка задумывалась, казалась разсѣянною.

Обѣдъ былъ почти тотъ же самый. Послѣ обѣда Настасья Матвѣевна также дремала, старикъ генералъ также ушелъ въ кабинетъ забыться.

— Послушайте, Григорій Петровичъ, говорила хозяйка, играя золотой цѣпочкой, бывшей на груди ея, *faites vous plaisir...* У меня до васъ просьба есть. Черезъ недѣлю напорожденье; мнѣ хочется ему сюрпризъ устроить, шептите *soignée comme ça. Nous danserons*, онъ это очень любитъ. Пригласите кое-кого изъ вашихъ товарищей, такъ человекъ пять, шесть, да?

Она подняла глаза и улыбулась, как улыбаются дѣти при видѣ новенькой игрушки.

— Ваше порученіе слишкомъ лестно; мои товарищи примутъ его съ удовольствіемъ.

На этотъ разъ Григорій Петровичъ ушелъ домой раньше вчерашняго, скоро послѣ обѣда, потому что счелъ совершенно неприличнымъ два дня сряду оставаться такъ долго, притомъ и Елена Ивановна не удерживала его.

День близился къ вечеру. Солнце выглядывало изъ-за вершины далекаго сосноваго бора и розовымъ матовымъ свѣтомъ освѣщало каждый предметъ, каждый кустикъ.

Григорій Петровичъ сидѣлъ у раствореннаго окна своей комнаты; передъ нимъ лежала книга, только онъ не читалъ, даже не глядѣлъ въ нее; мысли его снова сосредоточились на Еленѣ Ивановнѣ; она неотвязно мерещилась въ глазахъ его, насильно лѣзла ему въ голову. Нѣсколько разъ онъ принимался читать и снова бросалъ, и снова забывался. Онъ думалъ кого изъ офиперовъ пригласить къ Перегоринымъ и досадовалъ, что долженъ пригласить, что взялъ на себя эту обязанность; ему отчасти хотѣлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь свое впечатлѣніе, показать другимъ Елену Ивановну, и на другихъ, такъ сказать, повѣрить себя, и въ то же время онъ боялся чего-то. Кругомъ была тишина совершенная, только листья шелестили въ палисадникѣ, да гдѣ-то вдали, на другомъ берегу рѣки, тянулася заунывная русская пѣсня. Шпигель все сидѣлъ неподвижно и все думалъ.

— А! вдругъ раздался подъ самымъ окномъ чей-то мягкій, почти дѣтскій голосъ, а, ге!

— Врешь, не ге, бе!.. Это ге, вишь, крючкомъ то, ге! произнесъ другой голосъ покрѣпче.

— Ге! повторилъ первый.

— Бе да а, ба, слышь, ба!

— Ба! повторилъ первый.

— Ге, де, ель, емъ!

— Ге, де, ель, емъ! вторилъ первый.

Григорій Петровичъ выглянулъ изъ окна.

Въ кустахъ палисадника, на травѣ, сидѣли мальчикъ съ дѣвочкой; дѣвочка была побольше, подростокъ году по че-

*

тырнадцатому, мальчикъ поменьше; на кофѣняхъ первой лежала какая-то книжечка, мальчикъ водилъ по ней пальцемъ, дѣвочка внимательно слѣдила. Григорій Петровичъ не хотѣлъ нарушать ихъ занятія и потихоньку прислонился къ стеклу. Головка дѣвочки показалась ему нѣсколько знакомою, онъ гдѣ-то видѣлъ ее, только не могъ припомнить, гдѣ именно. Онъ забылъ на минуту Елену Ивановну и весь углубился въ новую, интересную сцену.

— Енъ, пе, еръ, говорилъ мальчикъ и вдругъ прибавилъ: нынче Сычихина сына въ школѣ высѣкли.

— Ой-ли, за что сѣкли-то? отозвалась съ любопытствомъ дѣвочка и подняла голову.

— А карандашъ у Петьки слимонилъ. Петька пожаловался, опосля мы подзатыльниковъ ему надавали.

— А за что?

— Извѣстно за что, не жалуйся!

— Воровать грѣхъ?

— Вѣстимо—грѣхъ.

— А какіе еще грѣхи есть?

— А разные, по заповѣдямъ... грѣховъ много.

Дѣвочка задумалась, мальчикъ обрывалъ листья съ куста и щелкалъ ими.

— А что, Ваня, коли читать выучишься, много знать будешь? спросила она.

— Много... Что хошь все узнаешь—какіе города на свѣтѣ есть, какіе Цари были, все знать будешь.

— А какіе Цари?

— Цари-то? Царей много... Царь Соломонъ былъ, мудрый прозывается, Иродъ былъ, младенцевъ велѣлъ избивать.

— А зачѣмъ?

— Такая воля была, который младенецъ родится — значить того и убьютъ... Неронъ былъ... Наполеонъ былъ, землю воевалъ, всѣхъ царей побѣдилъ, а русскаго не могъ.

— А города какіе?

— Города?.. Парижъ, Пекинъ, Лондонъ... есть городовъ много.

Дѣвочка снова задумалась.

— А что Ваня, я могу читать выучиться?

— Извѣстно можешь, коли захочешь такъ и выучишься.

— Я хочу! робко отвѣтила она и опустила голову.

Они снова принялись за азбуку.

Григорій Петровичъ все смотрѣлъ на нихъ; ему было пріятно слышать этотъ наивный лепетъ любознательности, этотъ неудержимый порывъ къ знанію, въ загнанномъ ребенкѣ, который украдкой, втихомолку отъ людей, отъ родныхъ, отъ господъ, спрятавшись подъ кустомъ, жадно твердить азбуку, спрашиваетъ о городахъ и царяхъ.

— Вотъ гдѣ человекъ, вотъ гдѣ сила его! подумалъ Шпигель и невольно перенесся къ быту этой дѣвочки, къ той обстановкѣ, въ которой росла она и дорастаетъ теперь, къ ея прошедшему, настоящему и будущему горю. Григорій Петровичъ даже вздохнулъ тяжело, такъ ему жаль стало эту дѣвочку, эту побѣгушку Таню,—онъ узналъ ее.

— Бѣдная, бѣдная! проговорилъ онъ самъ съ собою, и зачѣмъ ты учишься, зачѣмъ ты родилась въ крестьянской избѣ, а не въ пышной комнатѣ? Тогда бы легко было развиться тебѣ, отдаться твоимъ душевнымъ стремленіямъ, а теперь?.. Нѣтъ, ты только дразнишь себя... Трудно, трудно! А Таня сидѣла, склонивъ голову надъ книжкой. Солнце освѣщало смуглое, загорѣлое лицо ея. Черты ея были довольно правильны; щеки блѣдны, нигдѣ ни кровинки; черные глаза смотрѣли пытливо; тонкія надъ ними брови приподнялись вверхъ; большой лобъ нѣсколько выдавался впередъ и сообщалъ всему лицу что-то особенно умное, прівлекающее, его закрывали падавшіе въ беспорядкѣ бѣлокурые, золотистые волосы, такъ что дѣвочка безпрестанно головой встряхивала. Трудно было сказать хороша или дурна она. Физиономія ея еще не успѣла окончательно сложиться, принять извѣстный характеръ; она дышала переходомъ изъ дѣтскаго возраста въ возрастъ зрѣлый, дѣвичій. Плоская грудь тоже не успѣла сформироваться, принять округленныя, выпуклыя формы. Вообще вся фигура дѣвочки была очень худа: шея тоненькая, плечи выдались впередъ, руки сухія, черныя. Костюмъ ея состоялъ изъ простаго, тиковаго, засаженного платышка, сшитаго даже не на ея ростъ; грудь была повязана накрестъ какимъ-то платкомъ неопредѣленно-

го цвѣта, за негодностью доставшимся съ барскаго плеча; на грязныхъ, голыхъ ногахъ болтались огромные, стоптанные башмаки.

— Солнышко сѣло, домой время! тревожно проговорила она, сложила книжку и тщательно запрятала ее подъ платокъ.

— Домой! на распѣвъ повторилъ мальчишка, перевернулъ кубаремъ и вскочилъ съ травы.

— Завтра придешь, что-ли? спросилъ онъ.

— Приду! отвѣтила она.

Онъ постоялъ съ минуту, потомъ юркнулъ черезъ низенькій заборчикъ, и что есть духу пустился по улицѣ.

Дѣвочка встала.

— Здравствуй Таня! вдругъ проговорилъ Григорій Петровичъ, когда она поровнялась съ его окномъ. Она вздрогнула и пугливо притаилась за кустомъ. Она молчала.

— Чего-жь ты боишься?.. Бояться нечего, Таня.

Она высунула голову и изподлбья своими быстрыми глазами взглянула на него.

— Ты учишься Таня?.. Это хорошо! Чему жъ ты учишься?

— Азбучкѣ-съ! отвѣтила она почти шопотомъ и снова спряталась.

— Кто жъ тебѣ велѣлъ учиться?.. Подойди Таня, не бойся.

Она робко, какъ виноватая, подошла къ самому окну и прижалась за рамой.

— Учиться кто велѣлъ?

— Сама-съ!

— А барыня?

— Барыня не знаютъ-съ, барынька не приказываютъ.

На лицѣ Григорія Петровича мелькнула досада.

— Мать есть у тебя? спросилъ онъ.

— Матушки нѣтъ-съ.

— А отецъ есть?

— Тятенька померши-съ!

— Ты давно у барыни?

— Давно-съ... Какъ пріѣхали, съ деревни взяли.

— Зачѣмъ же учиться хочешь?

— Хочу-съ!

— А зачѣмъ?

— Книжку читать, отвѣтила она чуть не со слезами.

— Хочешь, я тебя учить буду?

Она улыбнулась и взглянула на Шпигеля; глаза ея блесгли.

— Вы барынкѣ скажете, проговорила она робко.

— Нѣтъ, не скажу. Я тебя лучше выучу, скорѣе... все будешь знать, хочешь?

Она молчала.

— Такъ какъ же Таня?

— Какъ же-съ?

— Хочешь у меня учиться?

— Гдѣ-съ?

— Ну, въ комнатѣ у меня! Вонъ у меня книжки есть!

Она снова посмотрѣла на него и, казалось, не довѣряла— шутить ли баринъ или говорить правду.

— Хочешь? повторилъ Григорій Петровичъ.

— Хочу-съ! такъ тихо отвѣтила она, какъ будто насильно выговорила это слово.

— Ну, приходи, вотъ сей часъ и учиться будемъ.

— Какъ приходи-съ?

— Такъ, въ комнату.

— На дворѣ увидятъ-съ... прибьютъ-съ!

— Кто прибьетъ?

— Ключница-съ!

Григорій Петровичъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Ну, въ окошко ступай сюда.

— Въ окошко-съ?..

Она подняла голову и не знала на что рѣшиться, потомъ обернулась и, убѣдившись, что на улицѣ никого нѣтъ, уцѣпилась за раму и такъ быстро прыгнула въ окно, что Григорій Петровичъ едва успѣлъ отскочить отъ него.

Она прижалась въ уголъ комнаты и пугливо, то подымая, то опуская глаза, осматривала ее.

— Ну, садись, Таня, стоя вельзя учиться.

— Можно-съ! еле слышно отвѣтила она, и такъ взглянула на Шпигеля, какъ будто подсмѣивалась надъ совершен-

ной невозможностью его предложенія, какъ будто говорила: «вы баринъ, какъ я смѣю сидѣть съ вами».

Онъ съ трудомъ усадилъ ее на кончикъ дивана, взялъ листъ бумаги, карандашъ, и самъ сѣлъ вовлѣ.

— Это какая буква? спросилъ онъ, начертавъ крупное А.

— А, отвѣтила дѣвочка и встать хотѣла.

Шпигель удержалъ ее.

— А эта?

— Бе!

Онъ ей написалъ всю азбуку; нѣкоторыя буквы она знала, въ другихъ путалась.

— Хорошо тебѣ у барыни? спросилъ онъ.

— Хорошо-съ.

— Барыня добрая?

— Добренькіе-съ.

— Что-жъ ты дѣлаешь у нея?

— Ничего-съ... чудочекъ вяжу.

— Такъ ты, Таня, приходи учиться. Вотъ возьми эту азбуку съ собой да повтори, можетъ еще какія буквы запомнишь, а завтра я спрошу. Придешь завтра?

Онъ сложилъ листъ и подалъ ей.

— Приду-съ! отвѣтила она, встала, сунула листъ за пазуху, и вдругъ быстро нагнулась и хотѣла поцѣловать руку Григорія Петровича.

Онъ отнялъ ее.

— Что ты, Таня, какъ можно... у мужчинъ рукъ не цѣлуютъ! говорилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ; можно цѣловать только у отца да у матери... Тебѣ не у кого цѣловать... грѣхъ!

Она стояла наклонивъ голову, какъ будто провинилась въ чемъ.

Шпигель замѣтилъ ея смущеніе.

— Ты умница, только старайся—все знаешь будешь! одобрительнымъ тономъ проговорилъ онъ.

Она съ благодарностью, радостно посмотрѣла на него, потомъ подошла къ окну, прыгнула въ палисадникъ и побѣжала.

— Завтра приходи! крикнулъ ей вслѣдъ Григорій Петровичъ и заперъ окно.

Эта повидимому ничтожная встрѣча съ простой дѣвочкой заняла Шпигеля, отвлекла на минуту его вниманіе отъ Елены Ивановны. Онъ взглянулъ на Таню, какъ на новый, до сихъ поръ незнакомый ему субъектъ; ея смущеніе, страхъ, трепеть, жажда знанія удивили его; ему никогда не случалось въ простомъ человѣкѣ, въ ребенкѣ, встрѣтить такого порыва; онъ даже замечтался, пожалѣлъ о бѣдномъ мужикѣ, не имѣющемъ никакихъ средствъ образованія себя, поразился впередъ, что нашелъ случай сдѣлать доброе, полезное дѣло—воспитать человѣка, удовлетворить его потребностямъ, быть можетъ, составить счастье всей его жизни; онъ забылъ свой прежній, тяжелый вздохъ, вырвавшійся изъ груди его въ ту минуту, когда онъ черезъ окно, украдкой, любовался дѣвочкой, забылъ слова свои: «ты только дразнишь себя; трудно, трудно развиться тебѣ», и самъ съ жаромъ ухватился за это развитіе, увидѣлъ въ немъ какой-то долгъ, счелъ себя призваннымъ, обязаннымъ помочь ему, употребить все свое стараніе, всѣ силы.

— Человѣкъ изъ грязи подняться хочетъ—подло не пособить ему! проговорилъ онъ съ увлеченіемъ.

На другой день Григорій Петровичъ даже завязалъ съ Еленой Ивановной разговоръ близкій къ этому предмету: ему хотѣлось узнать ея взглядъ, ея образъ мыслей, вывѣдать почему Таня сказала, что барынька учиться не приказываетъ.

— Что это за дѣвочка? спросилъ онъ, указывая на прижавшуюся въ уголъ побѣгушку.

— Дѣвчонка, такъ, въ комнатахъ, изъ деревни взяли, небрежно отвѣтила Елена Ивановна.

— Умное личико, замѣтилъ Шпигель.

— Вы находите?.. На дѣлѣ очень глупа, вѣчно смѣется.

— Вѣроятно отъ любви къ вамъ.

— Да?.. какъ это лестно... Къ сожалѣнію я въ этихъ людяхъ не вѣрю.

— Какъ не вѣрите?

— Такъ, не вѣрю... Они слишкомъ черствы для того, чтобы любить... грубы.

— Что-жъ дѣлать, развивать нужно.

— Кого?.. ее? шутя замѣтила Елена Ивановна и улыбнулась.

— Да хоть бы и ее, почему же нѣтъ, кто виноватъ въ ея грубости? Судьба, случай, неволя, рожденіе; развѣ нельзя ее выучить, образовать, изъ жалкой, ничтожной дѣвочки сдѣлать быть можетъ прекрасную, умную женщину; вѣдь она сырой матеріалъ — его можно обдѣлать какъ угодно, обратиться во что хотите; вспомните, когда нибудь она сдѣлается матерью, у ней будутъ дѣти—тогда она ихъ разовьетъ и ихъ научить... а иначе... Онъ остановился.

Она все время пристально глядѣла на него, и вдругъ громко засмѣялась.

— Боже мой!.. *mais vous êtes charmant*, проговорила она; вы, кажется, хотите доказать, что эти люди лучше и умнѣе насъ. Вы такъ горячо симпатизируете имъ!

— Если не лучше, то покрайней мѣрѣ и не хуже; они одинаковы съ нами,—одна душа, одинъ умъ, только оболочка другая... Чѣмъ же виновата эта дѣвочка, если у ней руки грязныя? Докажите ей сперва, что это не хорошо, щадните ей объ ея человѣческомъ достоинствѣ, развейте ея вкусъ,—она насъ съ вами перещеголяетъ.

Елена Ивановна снова засмѣялась.

— Позвольте предоставить эту заботу вамъ, по крайней мѣрѣ со временемъ у меня будетъ горничная съ бѣленькими ручками, со вкусомъ, съ человѣческимъ достоинствомъ, читающая французскіе романы, говорящая о философіи, и вы, вы будете виновникомъ всего этого. Представьте, эта горничная пойдетъ въ деревню и научитъ философствовать своихъ сестеръ и братьевъ, мужиковъ, бабъ! добавила она довольно презрительно и снова засмѣялась.

— Я, Елена Ивановна, говорю не о философіи; къ чему пускаться въ крайности—замѣтилъ Шпигель нѣсколько обиженнымъ тономъ—миѣ только жаль эту дѣвочку, жаль всѣхъ ей подобныхъ, слишкомъ жаль!.. Почему-жъ не сдѣлать доброе дѣло? Ну, научите ее только грамотѣ, научите ходить,

она и пойдетъ, куда нужно; дайте ей понять, что она такой же человекъ какъ и мы съ вами.

— Я повторяю, Григорій Петровичъ, вы меня очень обяжете, неуждно ли вамъ заняться этимъ; мнѣ не охота съ грязью возиться.

— Если позволите... Я отъ своего слова никогда не отступлюсь. Грязь сойдетъ скоро, а подъ ней много чистаго, но ваго.

— Танька! крикнула Елена Ивановна.

Григорія Петровича нѣсколько покоробило.

Дѣвочка поблѣднѣла и подошла къ госпожѣ своей.

— Хочешь у барина учиться?.. Понимаешь ли, глупая, что значить учиться?... Читать будешь... лучше меня будешь? Вотъ ты теперь дрянъ, чумичка, фи, какая, а тогда... Она снова засмѣялась. Дѣвочка молчала.

— Хочешь?.. говори же, дура?

— Хочу-съ! тихо отвѣтила она и вся задрожала.

— Такъ вотъ баринъ тебя учить будетъ, наказывать, — онъ строгій, ты ходи къ нему, каждый день, ходи, слышишь!.. Я васъ испытать хочу, ваше рвеніе, смотрите, отступаться нельзя... вы дали слово. Поздравляю васъ съ ученицей, съ будущимъ гениемъ! насмѣшливо добавила она и протянула Шпигелю руку.

Онъ пожалъ ее.

— А просьбу мою вы исполнили?.. Смотрите, иначе ученицу отниму! спросила она и, шутя, погрозила пальцемъ.

— Сегодня исполню! почтительно отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

Она взглянула на него такими глазами, такъ хорошо, привѣтливо улыбнулась, такъ дружески пожала руку, что Шпигель, обидѣвшійся на Елену Ивановну, негодовавшій, досадовавшій на нее, готовый бранить ее, разомъ все простилъ ей. На щекахъ его выступилъ яркій румянецъ и легкая, пріятная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

Прямо отъ Перегориныхъ онъ отправился къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ.

— Боже мой, что за женщина! говорилъ онъ какому-то могодцоватому пожилому ротмистру; въ ней столько поэзіи,

столько прелести, что, право, я боюсь ее... Мнѣ страшно смотрѣть на нее.

Ротмистръ громко захохоталъ.

— О, Гриша! О, невинность! воскликнулъ онъ.

— Что жъ тутъ удивительнаго? Ничего и смѣшнаго нѣтъ. Право, страшно, я, просто, боюсь сблизиться съ ней потому, потому... Шпигель замаялся.

— Почему?

— Потому что могу влюбиться.

— Ну и влюбишься, что за важность? Какъ онъ свое сердце бережетъ, нѣженка! Я, братецъ, двадцать разъ былъ влюбленъ, а отъ женитьбы Богъ избавилъ; любовь—занятіе пріятное: гдѣ ручку поцѣловать, гдѣ губки, смотря по обстоятельствамъ—все это очень мило.

— Я не женитьбы боюсь, объ этомъ и думать нечего... во-первыхъ, она не пойдетъ за меня, во-вторыхъ, я самъ на ней не женюсь: она прелестная женщина, но не жена—женой она быть не можетъ.

— Вотъ какъ, тѣмъ пріятнѣе, значить нашего поля ягоды! замѣтилъ ротмистръ и какъ-то иронически улыбнулся.

Шпигель посмотрѣлъ на него.

— Не правда, все это вздоръ, стыдно, грѣшно обижать женщину, такъ низко смотрѣть на нее... у нея характеръ такой. Я только не понимаю, зачѣмъ она кокетничаетъ со мной, къ чему это радушіе, это желаніе понравиться, что ей нужно отъ меня?!.. Въ какіе нибудь два, три дня,—вѣдь не могла же она влюбиться въ меня.

Ротмистръ потянулся на стулѣ.

— Эхъ, Гриша, Гриша! жаль мнѣ тебя, жаль и твою красавицу, — не въ коня кормъ. Хочешь, давай мѣняться квартирами?

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ?.. Успокойся, бояться будетъ нечего.

— Нѣтъ, я квартирой доволенъ, я и безъ того могу не ходить къ нимъ.

— И не пойдешь?

— Нѣтъ, пойду. Съ моей стороны было бы крайне не вѣжливо... нѣтъ никакой причины... меня зовутъ, лаоданта.

— Пропадешь, Гриша!

— Нѣтъ! Я слишкомъ разсудителенъ, холоденъ. Богъ знаетъ почему, мнѣ кажется, что эта женщина врагъ мой, а между тѣмъ она мнѣ нравится; взглянешь на нее—и все простишь ей, все забудешь; она бѣлая, полная—ты знаешь, я люблю полныхъ женщинъ.

— Соловьи баснями не кормятъ, прервалъ ротмистръ.

Шнигель нѣсколько обидѣлся, но не возражалъ товарищу.

— Ты у нихъ будешь? спросилъ онъ.

— Еще бы не быть... Смотри, Гриша, дорогу тебѣ перебую.

— Перебей! отвѣтилъ Григорій Петровичъ и задумался.

Только идучи домой онъ раскаялся въ своей излишней откровенности передъ товарищемъ; ему стало жаль Елену Ивановну, даже совѣстно передъ ней—онъ боялся полковыхъ толковъ. Скажутъ, что влюбленъ, смѣяться будутъ, думалъ онъ самъ съ собою, заговорять о ней. Богъ знаетъ, какъ она покажется имъ, только слава пойдетъ; этотъ Плотниковъ ужасный хвастушъ, на все смотритъ такъ низко. Она воспитана такъ, ребенокъ избалованный!

Въ этотъ день Григорій Петровичъ къ удовольствію Коршунова отобѣдалъ дома. Подъ вечеръ пришла къ нему Таня. Она выучила наизусть всю азбуку, написанную имъ наканунѣ.

— Когда же ты выучить успѣла, вѣдь ты и буквъ не помнила? спросилъ онъ ее.

— Помнила, вы приказали—съ, за ночь выучила; у насъ въ комнатѣ ночничекъ горитъ... всѣ спать полегли—я и выучила.

Григорій Петровичъ пожалъ плечами.

— Ночью учиться нездорово, Таня, заболѣть можно; нужно беречь себя, сказалъ онъ съ какимъ-то восторгомъ, глядя на свою способную ученицу.

— Когда же—съ?

— Днемъ; день великъ, день Богъ создалъ для того чтобъ учиться, работать, дѣло дѣлать, а ночью—отдыхать нужно.

— Днемъ не велятъ—съ, увидятъ—съ, книжку сожгутъ—съ.

— Кто не велить?

— Матрена не велеть-съ, ключница.

— Да вѣдь тебѣ барыня позволила?

— Все одно, не велеть-съ... чулочикъ надо вязать.

Григорій Петровичъ вздохнулъ.

— Ну, садись, Таня, будемъ дальше учиться, сказалъ онъ.

Она сѣла уже не конфузясь, и только пристально, съ какою-то нѣмою, теплою благодарностью взглянула на своего покровителя.

Она принялась за склады, Шпигель писалъ ей, она повторяла вслѣдъ за нимъ, указывая рукою каждую букву.

Руки ея были чисто вымыты.

— Какія у тебя руки чистыя, замѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Вчера вымылась! шопотомъ отвѣтила она и покрасѣла.

Онъ вспомнилъ вчерашнія слова свои, онъ понялъ какъ затронулъ самолюбіе ребенка и готовъ былъ раздѣловать ее.

— Вотъ и всегда мойся, видишь, какая ты сегодня хорошая, чистая,—всегда такъ нужно—и голову чесать нужно, и одѣваться, чтобъ все въ порядкѣ было, говорилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Таня ничего не отвѣчала; она сидѣла, опустивъ глаза въ книжку, только сердце ея прыгало отъ радости, да руки нѣсколько дрожали. Она знала, что голова ея не была растрепана по вчерашнему, что ноги были обуты въ чулки и не болтались въ огромныхъ, стоптанныхъ башмакахъ.

По окончаніи урока, она обратилась къ Шпигелю.

— Нынѣче картинку показывали-съ, нашъ поваръ купилъ, произнесла она какъ бы сама съ собою.

— Какую картинку?

— А чортъ такой сдѣланъ страшный, а подъ нимъ полымя,—это, сказываютъ, кто грѣшитъ будетъ, такъ тотъ въ полымя попадетъ.

Григорій Петровичъ улыбнулся.

— Это не правда, Таня, этимъ только народъ пугаютъ, чтобъ онъ боялся чего нибудь, худаго не дѣлалъ; грѣшитъ скверно—отъ грѣха человекъ пропадаетъ, никуда негоднымъ дѣлается... Нужно доброй быть, всѣхъ любить, никому зла

не дѣлать—тогда и грѣшить не будешь, всё и скажутъ про тебя, что ты дѣвочка хорошая, умная!

Таня ничего не отвѣчала. Она сидѣла выпрямившись, приподняла вверхъ свои тонкія брови, лобъ ея сморщился, глаза были опущены внизъ, она внимательно слушала.

— Видишь, продолжалъ Григорій Петровичъ, Богъ все создалъ, и землю, и деревья, и человѣка, и животныхъ, все... Богъ сказалъ человѣку: вотъ тебѣ все дано, ты хозяинъ всего этого, трудись, наслаждайся, изъ всего пользу извлекай; если трудится человѣкъ, работаетъ—ему и грѣшить нѣкогда...

Дѣвочка все сидѣла неподвижно.

— Вотъ читать выучишься—все узнаешь; въ книжкахъ все написано, а чего не поймешь—меня спроси, замѣтилъ Григорій Петровичъ. А барыня что дѣлаетъ? добавилъ онъ.

— Барынька разговариваютъ—съ, къ нимъ офицеры пришли—съ, двое.

— Какъ, офицеры? переспросилъ Шпигель такъ тревожно, что даже Таня подняла свои глаза и быстро взглянула на него.

— Офицеры—съ, госнода ваши—съ! пояснила она.

— А фамиліи не знаешь?

— Не знаю—съ, одного никакъ Павломъ Петровичемъ называли, а другой длинный, чернявый такой.

Завадкинъ и Котовъ, подумалъ Григорій Петровичъ. Задалъ своей ученицѣ новый урокъ и тотчасъ отпустилъ ее; онъ побоялся, что товарищи могутъ зайти къ нему и не хотѣлъ, чтобъ они застали у него Таню.

— Идти или нѣтъ? подумалъ онъ и минуту спустя кликнулъ Коршунова и велѣлъ подать одѣваться. Онъ одѣвался очень проворно; всё движенія его отзывались какою-то лихорадочною поспѣшностью; руки слегка дрожали. Ему хотѣлось видѣть, какимъ образомъ приняты его товарищи, такъ же-ли любезна съ ними хозяйка, отдыхаетъ или нѣтъ отецъ ея, присутствуетъ ли Настасія Матвѣевна.

Когда онъ вошелъ въ гостиную Перегориныхъ, Елена Ивановна сидѣла на диванѣ, окруженная двумя офицерами.

Она весело смѣялась и что-то рассказывала. Григорій Петровичъ поклонился и подавъ руки товарищамъ.

— Reuez place... изъ вѣхъ васъ, господа, нашъ первый знакомый, замѣтила хозяйка.

— Желалъ бы имъ и остаться, подумалъ Шпигель, и помѣстился на креслѣ нѣсколько поодаль отъ офицеровъ.

Разговоръ возобновился, гости остряли, рассказывали что-то очень забавное; Елена Ивановна то улыбалась, то просто отъ всей души хохотала, то сама говорила, то опускала, то подымала глаза, то какъ-то водила ими, взглядывая то на одного, то на другаго изъ офицеровъ.

Все то же самое, даже платье то же, туфли тѣ же, только пѣнія да музыки нѣтъ,—придетъ время и это будетъ, все будетъ! подумалъ Шпигель и какъ-то насмѣшливо, изподлобья взглянулъ на окружающихъ.

— Григорій Петровичъ, что съ вами? Я не узнаю васъ... вы разстроены... вѣроятно ученицей недовольны? вдругъ замѣтила Елена Ивановна и тотчасъ рассказала всю исторію съ Таней.

Шпигелю стало еще досаднѣе. Онъ слишкомъ дорожилъ взятою на себя обязанностью, видѣлъ въ ней что-то высокое, и до поры, до времени никому ни хотѣлъ сообщать о ней; онъ даже готовъ былъ отвѣтить колкостью, упрекнуть хозяйку, однако не нашелся и только закусилъ усы.

Прошло нѣсколько минутъ; гости встали и раскланялись, хозяйка протянула имъ руки—одному правую, а другому лѣвую, просила чаще бывать, пожаловалась на скуку, намекнула о музыкѣ, о томъ, что отецъ ея очень любитъ военныхъ.

— То же, то же! подумалъ Григорій Петровичъ и почти выбѣжалъ вслѣдъ за товарищами.

Они остановились на улицѣ.

— Ай—да Шпигель, какова барыня—прелесть, восторгъ! заговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Великолѣпная женщина, чудо! подхватилъ другой.

— Пустая, безумная кокетка! Подобныя женщины для меня противны, ничтожны! вдругъ отозвался Григорій Петровичъ.

Офицеры вытаращили глаза.

— Гдѣ-же кокетка, что за вздоръ? Для женщины кокетство необходимо! Свѣтская, образованная дѣвушка! говорили они въ одинъ голосъ.

— Кокетка!... Все заученое, все, ничего естественнаго, кукла! повторялъ Шпигель, слѣдуя за офицерами.

Они заговорили тише, только энергическое размахиваніе руками да безпрестанныя остановки доказывали, что они горячо спорили.

Поздно вечеромъ воротился Григорій Петровичъ домой. Онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, назвалъ Коршунова свиньей за то, что тотъ встрѣтилъ его безъ сюртука, въ одной грязной ситцевой рубашкѣ, выпилъ два стакана холодной воды и тотчасъ легъ спать.

Только на другой день, сидя за утреннимъ чаемъ, онъ нѣсколько успокоился; ему даже стало смѣшно, совѣстно за свою вчерашнюю горячность; онъ ясно рассудилъ, что рассчитывать на какое-то особенное вниманіе Елены Ивановны не имѣетъ никакого права, да и не хочетъ этого вниманія, что она исполняла только должность милой, любезной хозяйки, что она должна была принять офицеровъ точно также, какъ приняла его.

— Изъ чего же я бѣсился, что тревожило меня? Что за нелѣпость такая! подумалъ онъ самъ съ собою и засмѣялся.

Вечеромъ пришла Таня и окончательно разсѣяла Шпигеля. Богъ знаетъ почему ему даже сдѣлалось очень весело; онъ былъ доволенъ этимъ тихо проведеннымъ днемъ, въ бесѣдѣ съ самимъ собою,—точно обновился, что-то стянулъ съ себя. Онъ въ первый разъ отдохнулъ, освѣжился, сосредоточился отъ всѣхъ этихъ внезапныхъ, разомъ прихлынувшихъ тревоженій. Ему стало досадно за прошедшее, онъ думалъ, что навсегда отрезвился отъ него, и съ какой-то злой ироніей подсмѣивался надъ самимъ собою.

IV.

Прошло нѣсколько дней. Григорій Петровичъ, казалось, совершенно успокоился, зажилъ своею обыкновенною, все-

дневною жизнью, ѣздилъ верхомъ, осматрѣлъ городъ и его окрестности, кое-что прочелъ, кое-какія письма написалъ, только спокойствіе его отзывалось чѣмъ-то насильнымъ, вынужденнымъ. У Перегориныхъ онъ не былъ, но за то не разъ порывался зайти къ нимъ; ему казалось неловко, невѣжливо, вдругъ, безъ всякой видимой причины, оставить новыхъ знакомыхъ, не освѣдомиться даже о ихъ здоровьи; съ другой стороны, какое-то непонятное самолюбіе удерживало его, ему хотѣлось получить приглашеніе отъ Елены Ивановны, хотѣлось, чтобъ она сама вспомнила о немъ, замѣтила его отсутствіе. Часто Григорій Петровичъ смотрѣлъ изъ своего окна на зеленныя ставни сосѣдняго дома, часто поджидалъ чего-то или къ чему-то прислушивался, часто видѣлъ, какъ въ этотъ домъ входили его товарищи, часто собирался одѣться и пойдти, а разъ даже кликнулъ Коршунова, одѣлся, но тотчасъ же раздѣлся снова. Онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, почему этотъ домъ насильно лѣзетъ въ его голову, отрываетъ отъ дѣла, что наконецъ въ немъ особеннаго,—хорошенькое, женское личико и ничего больше.

— Красавица!.. такъ что—что красавица, Богъ съ ней!.. Вѣдь это глупо наконецъ, нельзя же льститься на невозможное, жалѣть о немъ! рассуждалъ онъ самъ съ собою,

Въ это время онъ даже съ какимъ-то тайнымъ намѣреніемъ разсѣять себя познакомился съ двумя другими домами, былъ обласканъ, тамъ тоже были и дѣвицы, и женщины, но онѣ нисколько не беспокоили его, онъ не думалъ, какъ и когда пойдти къ нимъ, а если и шелъ, то какъ бы на зло самому себѣ, съ досады, что вотъ дескать не у васъ однихъ можно пріятно время проводить.

Съ Еленой Ивановной и старикомъ генераломъ переехавъ, между тѣмъ большая часть полковыхъ офицеровъ, слава о ней разнеслась по цѣлому полку. Вездѣ, гдѣ только собирались двое или трое изъ офицеровъ, вездѣ говорили о Перегориныхъ, о милой, обворожительной хозяйкѣ, о ея глазахъ, ручкѣ, ножкѣ, спорили о ея душевныхъ качествахъ, то бранили, то превозносили до небесъ, толковали о возможности жениться на ней, объ имѣющемся за нею приданомъ,

даже перечисляли очастливцевъ, могущихъ по своему положенію предложить ей руку. Толки, предположенія были самыя разнообразныя. Самъ полковой командиръ счелъ нужнымъ явиться къ генералу съ почтительнымъ визитомъ и, разумеется, былъ обласканъ до нельзя. Елена Ивановна при этомъ торжественномъ случаѣ пустила въ ходъ всю свою очаровывающую любезность, такъ что посѣдѣвшій полковникъ возвратился домой съ какимъ-то туманомъ въ головѣ и долго смотрѣлся въ зеркало, точно не узнавалъ самого себя или любовался самимъ собою. Вездѣ, гдѣ только показывалась Елена Ивановна, ее окружали офицеры. Богъ знаетъ какъ и когда узнали они, въ какой она бываетъ церкви, по какимъ улицамъ гуляетъ, въ какіе дома ѣздитъ и тамъ перезнакомились.

Только Григорій Петровичъ казался хладнокровнѣе своихъ товарищей; онъ видимо отдѣлялся отъ нихъ, старался избѣгнуть ихъ посѣщеній; ему не хотѣлось слушать ихъ возгласы, ихъ сужденія; онъ досадовалъ, если кто нибудь дурно отзывался объ Еленѣ Ивановнѣ, и досадовалъ еще болѣе, почти бѣсился, когда другіе восхваляли ее. Онъ молчалъ, не вступалъ въ споры, отдѣлывался общими фразами, но это молчаніе, это наружное отдаленіе были насильственны; онъ не хотѣлъ говорить, потому что боялся наговорить слишкомъ много, боялся высказаться, раньше времени открытъ себя.

Не смотря на все это, Шпигелю часто приходилось выслушивать всевозможныя мнѣнія о своихъ сосѣдяхъ; товарищи безпрестанно толкались у него: каждый, кто бывалъ у Перегоринныхъ непременно завертывалъ и къ нему. Только подъ вечеръ, когда приходила Таня, отдыхалъ Григорій Петровичъ: онъ не сказывался дома, запиралъ на ключъ двери, спускалъ шторы на окнахъ и весь отдавался своей ученицѣ, и радостно слѣдилъ за ея развитіемъ.

Елена Ивановна торжествовала, каждый день она облачалась въ различныя платья, чесала на разныя манеры волосы, то распускала ихъ длинными локонами, то собирала на затылкѣ въ массивную косу, то небрежно забрасывала назадъ, то окаймляла свой лобъ мелкими букольками; даже

*

лицо ея какъ будто мѣнялось, по крайней мѣрѣ глаза смотрѣли не одинаково. Она забыла Григорія Петровича, да и нельзя было не забыть. Въ умѣ ея уже носилась цѣлая масса офицеровъ; съ утра до поздняго вечера она никогда не оставалась одна, одни лица смѣнялись другими. Вѣчная гостья Перегориныхъ, Настасья Матвѣвна, чаще прежняго гадала на картахъ, видѣла самые благопріятные сны и уже жениховъ насчитывала, причемъ Елена Ивановна только пріятно улыбалась, опускала глаза, краснѣла и божилась, что со всѣмъ замужъ не хочетъ.

Наступилъ день рожденія генерала.

Коршуновъ еще съ утра, безъ всякаго приказанія, приготовилъ барину мундиръ, такъ что Григорій Петровичъ волею или неволею облачился въ него, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, и безъ этого лишняго со стороны деньщика усердія Шпигель располагалъ быть у Перегориныхъ, даже нетерпѣливо ждалъ этого дня, приготовлялся къ нему. Онъ отправился съ визитомъ и скоро возвратился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Елена Ивановна приняла его одна, и дружески, какъ самому близкому знакомому, пожала руку.

Весь этотъ день прошелъ въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи. У Перегориныхъ была суета страшная: къ дому ихъ безпрестанно подѣзжали самые разнообразные экипажи различныхъ городскихъ сановниковъ. Генераль въ мундирѣ, съ крестами на груди, торжественно принималъ ихъ въ своемъ кабинетѣ; нѣкоторымъ жалъ руки, и звалъ вечеромъ на чашку чая, другимъ сухо кланялся. Въ гостиной Елену Ивановну осаждали дамы. На генеральской кухнѣ немилосердно стучали повара, по двору поминутно сновали горничныя и лакеи. Суетились также и офицеры. Какой-то молодой прапорщикъ очень тщательно цѣлое утро мылъ свои перчатки и потомъ просушивалъ ихъ на солнцѣ, другой чистилъ эполеты, третій уже пожилой господинъ долго выдергивалъ изъ носа совсѣмъ не кстати торчавшіе волоски. О городскихъ дамахъ, удостоившихся чести быть приглашенными на вечеръ, и говорить нечего,—у нихъ была возня такая, что

какая-то горничная съ отчаянія сбѣжала отъ господъ своихъ именно въ этотъ вечеръ, такъ что ее потомъ долго отыскать не могли. Даже Коршунова и того одолѣла не малая забота: онъ былъ приглашенъ въ помощь генеральской услугѣ и такъ назабривъ свои жесткіе, щетинистые усы, такъ затянулъ галстухъ, что Григорій Петровичъ только ахнулъ и руками всплеснулъ.

Наступилъ наконецъ вечеръ.

Шпигель отправился довольно поздно. Онъ хотѣлъ соблюсти нѣкоторый тонъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную Пергоринныхъ, она была уже полна народу. Елена Ивановна стояла въ сторонѣ, окруженная цѣлою толпою молодежи, такъ что Григорію Петровичу нельзя было поклониться ей. Онъ облокотился о рояль и отъ нечего дѣлать принялся разсматривать окружающее общество. Въ гостиной были преимущественно женщины, исключая толпы, увивавшейся около хозяйки. На диванѣ, выпрямивъ спины, сидѣли двѣ сморщенные старухи и какъ будто злились другъ на друга; около нихъ, въ довольно строгомъ, симметрическомъ порядкѣ, размѣстились дѣвицы и молодыя дамы, и, Боже мой, съ какимъ расчетомъ хозяйка умѣла выбирать своихъ гостей, какъ она неизмѣримо отдѣлялась отъ нихъ. Ни одного порядочнаго личика, ни одного костюма со вкусомъ, ни одной головки, на которой бы можно отдохнуть, остановиться. Всюду красныя плечи, красныя руки, тупые, ничего невыражающіе взгляды, грязно голубыя и грязно розовыя платья, безобразныя наковки, измятые цвѣты. Григорій Петровичъ даже вздохнулъ и глаза опустилъ. Все общество въ гостиной больше молчало и изрѣдка мѣнялось отрывочными фразами; шумѣлъ только кружокъ въ сторонѣ.

Столовая была приготовлена для танцевъ; въ кабинетѣ помѣщались мужчины и играли въ карты. Самъ хозяинъ бѣсѣдовалъ съ полковнымъ командиромъ.

Вдругъ Елена Ивановна отдѣлилась отъ толпы и поравнялась со Шпигелемъ. Онъ молча поклонился ей. Дрожь пробѣжала по жиламъ его. Щеки покраснѣли, въ глазахъ помутилось,—такъ поразительно хороша она показалась.

На ней было бѣлое воздушное платье; бѣлыя пышныя плечи, прикрытыя легкимъ тюлемъ, едва замѣтною чертою отдѣлялись отъ него; по нимъ скользили два большіе густые докона, въ косу была заткнута бѣлая чуть-чуть розоватая роза; ничего цвѣтнаго—точно невѣста, только широкая, розовая лента, перехваченная на талии, длинными концами извивалась на переди платья.

Она улыбнулась, кивнула головой и прошла далѣе, но тотчасъ же возвратилась снова.

— Я надѣюсь... позвольте васъ просить, *pour une sou-tredanse*, довольно робко проговорилъ Шпигель, слѣдуя за хозяйкой.

— Я на всѣ ангажирована; небрежно, мимоходомъ отвѣтила она и снова вмѣшалась въ толпу.

Григорій Петровичъ, какъ пудель, облитый водою, отошелъ къ роялю.

На дворѣ грянула полковая музыка. Онъ не ожидалъ ея и вздрогнулъ; въ залѣ начали устанавливаться пары.

Къ Еленѣ Ивановнѣ подошелъ полковой командиръ. Шпигель закусилъ усы и самъ не зная зачѣмъ началъ напивать на правую руку перчатку, потомъ вышелъ въ залу, оглядѣлся кругомъ и помѣстился какъ разъ позади хозяйки, за портьерой, въ дверяхъ, такъ что она не могла видѣть его.

Музыка снова заиграла, начались танцы.

— Первый нашъ знакомый, М-г Шпигель, говорила Елена Ивановна своему кавалеру, слегка махая вѣеромъ на свое разгорѣвшееся личико.

У Григорія Петровича екнуло сердце, онъ наострилъ уши.

— О, это очень достойнѣйшій офицеръ, очень образцовый офицеръ! отвѣтилъ полковой командиръ.

Онъ былъ изъ Шведовъ и не совсѣмъ правильно, съ нѣкоторой натяжкой выражался по-русски.

— Да, папенька его очень подлюбилъ. Онъ кажется такъ аккуратень, расчетливъ, продолжала Елена Ивановна.

— Да, безъ этого невозможно; тому, кто ничего не-

нѣтъ, это очень хорошую честь дѣлаетъ, простодушно заимѣтилъ командиръ, совершенно неподозрѣвавшій уловки дальновидной хозяйки.

— Да-а! неопредѣленно отвѣтила она и принужденно засмѣялась.

Григорій Петровичъ поблѣднѣлъ и сжалъ кулаки.

Изъ этихъ двухъ словъ онъ все понялъ, понялъ, чего добивалась Елена Ивановна, на что рассчитывала.

Самолюбіе его ущипнули за живое; ему стало стыдно, больно; онъ готовъ былъ закричать и только пожалѣлъ самого себя, пожалѣлъ о своей бѣдности, о томъ, что судьба его сдѣлала простымъ, армейскимъ офицеромъ, надѣлила его только поручичьими эполетами.

— Вы смѣло можете сказатья царицей этого бала, этого собранія; намъ, старикамъ, всему этому повѣрить можно, говорилъ нѣсколько спустя полковой командиръ, подбрыкая шпорами и выпрямляя грудь.

— Благодарю васъ, я принимаю ваше названіе въ одномъ случаѣ, если вы согласитесь царемъ быть... Я вашей старости не вѣрю! кокетливо отвѣтила Елена Ивановна.

Григорій Петровичъ тяжело вздохнулъ, и, повѣся голову, выбрался изъ своей засады.

Въ слѣдующую кадрили онъ пошелъ танцевать. Нарочно выбралъ самую дурную, сморщенную дѣвицу въ полиняломъ платьѣ, и сталъ *vis-à-vis* съ хозяйкой; имъ овладѣла какаютто безотчетная досада, ревность, почти злоба; ему хотѣлось какъ бы ни было отмстить ей, показать свое равнодушіе, чѣмъ нибудь возбудить ея вниманіе.

Елена Ивановна танцевала съ тѣмъ самымъ молодцоватымъ ротмистромъ, которому Шнигель первому сообщилъ о своемъ новомъ знакомствѣ.

— Вы сегодня не любезны, посмотрите, ваша дама скучаетъ, проговорила она съ насмѣшкой, переходя на сторону Григорія Петровича.

— Да, я не могу быть любезенъ всегда одинаково, со всѣми! повторилъ онъ ядовито, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ и взялъ за руку свою даму.

Елена Ивановна со смѣхомъ взглянула на него и перелѣла къ ротмистру.

— Я влюбленъ, очарованъ! твердилъ послѣдній, небрежно выдѣлывая па.

— Кѣмъ? спросила она.

— Угадайте, догадаться не трудно, отвѣтилъ онъ и довольно нахально взглянулъ на нее.

Она улыбунулась и снова перешла къ Шпигелю.— Григорій Петровичъ, faites grace, слѣдующій кадрили протанцуйте съ этой дѣвицей... прехорошенькая! она указала на сидѣвшую въ уголкѣ какую-то рыжеволосую госпожу.

— Я, Елена Ивановна, лучше знаю съ кѣмъ танцевать, прошу васъ выборъ мнѣ предоставить, отвѣтилъ онъ довольно рѣзко и принялся любезничать съ своей дамой.

Елена Ивановна почти захохотала ему въ лицо, повернулась и подала руку своему кавалеру.

Кадриль кончился. Елену Ивановну снова окружила цѣлая толпа молодежи.

Григорій Петровичъ больше не танцевалъ. Онъ цѣлый вечеръ, молча, украдкой, какъ-то подозрительно наблюдалъ за хозяйкой; онъ страдалъ, а между тѣмъ самъ навязывался на это страданіе; онъ зналъ, что Еленѣ Ивановнѣ не до него, что она не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія, развѣ только при случаѣ кольнетъ, усмѣхнется, что слова полковаго командира навсегда оттолкнули ее отъ него, положили вѣчную между ними преграду; онъ даже смотрѣлъ на нее съ какимъ-то презрѣніемъ, какъ на что-то жалкое, недостойное себя, а между тѣмъ все-таки смотрѣлъ, впивался глазами, не могъ ихъ оторвать отъ нея.

Началась мазурка. Григорій Петровичъ стоялъ впереди въ числѣ зрителей, сзади помѣщался какой-то другой офицеръ.

Елена Ивановна должна была выбирать кавалера. Она пронеслась по всему кругу, точно искала чего-то, и вдругъ такъ близко остановилась передъ Шпигелемъ, что ему слышно было ея разгоряченное дыханіе.

— *Laissez passer*, произнесла она и вытащила за руку стоявшего за ним товарища.

Григорій Петровичъ весь вспыхнулъ; зала со всѣми танцующими закружилась въ глазахъ его; онъ кое-какъ выбрался изъ круга, схватилъ свою фуражку и почти бѣгомъ отправился домой. У себя въ комнатѣ онъ сбросилъ съ себя мундиръ и кинулся на кровать; его била лихорадка. Онъ, кажется, готовъ былъ заплакать, какъ малый ребенокъ.

Боже мой, что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ тебѣ?.. За что ты преслѣдуешь, гонишь меня? шопотомъ твердилъ онъ самъ съ собою, что за пустая, нелѣпая женщина, что за подлость, какой-то постыдный торгъ—ни сердца, ни души, ничего нѣтъ; тѣло, тѣло, одно! Онъ схватилъ себя руками за голову и замоталъ ею, точно сожалѣлъ о комъ-то, точно на вѣки потерялъ что нибудь родное, близкое сердцу.

А между тѣмъ у генерала все гремя музыка и еще больше раздражала Григорія Петровича, увеличивала его тоску и злобу. Онъ все слышалъ: слышалъ, какъ кончилась мазурка, какъ гости загремѣли стульями и ужинать сѣли, какъ разомъ закричали ура и разомъ смолкли, какъ разѣзжаться стали.

Прощается... всѣмъ руки жметъ, всѣмъ! невольно подумалъ Григорій Петровичъ и тяжело вздохнулъ.

Только на разсвѣтѣ заснулъ онъ, да и то тревожно, пополамъ съ бредомъ; ему все мерещился этотъ проклятый балъ со всѣми его атрибутами, съ рѣчами и взглядами.

Утромъ онъ сперва хотѣлъ отправиться къ Еленѣ Ивановнѣ, потребовать у ней объясненія во вчерашнихъ насмѣшкахъ, наговорить много неприятнаго, высказать самую желчную правду, окончательно прервать всякое сношеніе съ ней, даже въ случаѣ надобности пожаловаться отцу, однако остался дома и разсудилъ личное, тяжелое объясненіе замѣнить письменнымъ. Долго онъ сидѣлъ задумавшись надъ листомъ почтовой бумаги, соображая, какъ бы рѣзче начать письмо, какъ сильнѣе, энергичнѣе выразить свое негодованіе, и даже презрѣніе; нѣсколько разъ начиналъ писать, потомъ снова бросалъ и наконецъ, послѣ долгаго раздумья и усилій, сочинилъ слѣдующее посланіе.

«Милостивая государыня Елена Ивановна,

Вчерашній вечеръ слишкомъ дорого стоилъ мнѣ. Онъ долго останется въ головѣ моей, долго будетъ лежать упрекомъ на моей совѣсти. Только отъ васъ зависитъ разсѣять, смыть этотъ упрекъ, успокоить меня,—вотъ почему я осмѣлился писать къ вамъ. Простите меня, Елена Ивановна, я знаю, что вчера безъ всякой причины я осмѣлился оскорбить васъ, простите меня, я беру свое слово назадъ. Не знаю, что со мной сдѣлалось, у меня болѣла голова, разстроенному моему воображенію все представлялось въ черномъ свѣтѣ: вашу чистѣйшую улыбку я встрѣчалъ какъ насмѣшку, вашъ отказъ танцовать со мной принялъ за явное нежеланіе, между тѣмъ какъ онъ былъ совершенно законенъ, вы не вправѣ были поступить иначе, я самъ виноватъ въ немъ потому, что заранѣе не подумалъ о счастіи танцовать съ вами. Конечно, послѣ всего сказаннаго мною я становлюсь недостойнымъ того лестнаго вниманія, того добродушнаго привѣта, съ которымъ вы такъ обворожительно встрѣтили меня; я самъ потерялъ его, за добро заплатилъ зломъ я не смѣю оправдываться и прошу одного—снисходительнѣе взглянуть на мое безотчетное преступленіе, принять его за болѣзненный припадокъ, за проступокъ вслѣдствіе душевной боли, душевнаго потрясенія. Я знаю, что по всему, по положенію въ обществѣ, по уму, по образованію стою ниже васъ, я самъ сознаю свое ничтожество—у меня впереди ничего нѣтъ, васъ ожидаетъ все! Я бѣдный офицеръ, живущій однимъ жалованьемъ, и только!.. и потому-то я еще болѣе не могу простить себѣ, не могу ни оправдать, ни объяснить своего вчерашняго поведенія. Я думалъ лично просить вашего снисхожденія, но, признаюсь, у меня духу не хватаетъ, я не смѣю вамъ глаза показать, мнѣ стыдно, больно. Простите меня, Елена Ивановна, вѣрите, что вы во мнѣ найдете самаго преданнаго вамъ человѣка! Примите меня въ ваше распоряженіе, въ вашу волю; я отдаюсь ей, я не употреблю во зло ее, я хочу только быть рабомъ вашимъ, я знаю, что такое я и что вы... этими вы докажете ваше великодушіе, ваше доброе сердце».

Григорій Петровичъ перечиталъ письмо, и глаза его сдѣ-

лались влажными, потомъ сложилъ, тщательно запечаталъ въ конвертъ, сдѣлалъ надпись, призвалъ Коршунова и отправилъ по назначенію.

И странное дѣло: это письмо, повидимому совершенно противоположное съ намѣреніемъ Григорія Петровича, разомъ успокоило его, онъ походилъ на человѣка, облегчившагося отъ какого нибудь тяжелаго сомнѣнія.

Получивши неожиданное посланіе, Елена Ивановна сперва очень удивилась, даже читать не рѣшалась, потомъ отъ всей души расхохоталась.

— Смотрите, Настасья Матвѣевна, вотъ мило! Шпигель пишетъ... Что съ нимъ, что онъ съ ума сошелъ! говорила она, передавая письмо своей обычной гостьѣ сосѣдкѣ.

Послѣдняя перевернулась на стулѣ.

— Да-съ... ужъ точно очень странно... сердце-съ! Покорили, на удочку попался! замѣтила она и скривила губы.

Елена Ивановна слегка покраснѣла.

— Да?.. можетъ быть, небольшая находка... нищій. За то сердце доброе, Богъ съ нимъ! Она вздохнула, потомъ встала и послала Захарку къ Шпигелю.

— Хотите съ ума сведу. Знаете, мнѣ захотѣтъ только стоять? очень весело сказала она и прищурила глаза на Настасью Матвѣевну.

— Что мудренаго, только зачѣмъ?.. Молодой человѣкъ, совѣмъ.

— Какъ, зачѣмъ? Такъ! Она захохотала.

Черезъ минуту явился Григорій Петровичъ.

Елена Ивановна чуть не выбѣжала ему на встрѣчу.

— Mais mon Dieu! что съ вами, за что мнѣ сердиться на васъ, съ чего вы взяли? говорила она, дружески протягивая ему руку.

Онъ поднялъ опущенные глаза свои и невольно улыбнулся.

— Какъ, за что?.. За все... за вчерашнее! робко проговорилъ онъ, какъ провинившійся школьникъ предъ грознымъ учителемъ.

— За что, за вчерашнее?.. Я ничего не знаю, ничего не помню, не слыхала, не видала ничего.

— Ничего?

— Ровно ничего... помню только, что одну кадрили вы танцевали vis-à-vis со мной, а потом даже не знаю, танцевали вы или нѣтъ

— Не знаете?.. Я не танцевалъ, отвѣтилъ онъ и слегка вздохнулъ.

— Вы бранили меня? какъ-то наивно спросила она.

— Бранилъ.

— И очень?

— Очень.

— И вы осмѣлились?

— Да!

— Больше бранить не будете?

— Никогда!

Она шутя погрозила ему пальцемъ и снова протянула руку.

— Смотрите... помните, вы отдаете себя въ мое распоряженіе, въ мою волю: не провинитесь... я... я ужасно злая.

Она кротко улыбулась и устремила на него глаза свои.

Шнигель не выдержалъ. Его рука все держала ея руку; онъ быстро нагнулъ голову, пошатнулся, точно упасть хотѣлъ, и быстро выпрямился точно испугался, чего-то.

— Что съ вами? спросила она, и еще сильнѣе впиалась своими глазами, точно дразнила, манила его.

— Rien, отвѣтилъ онъ.

— Bayard... ну!.. Она подняла свою руку и подставила къ губамъ его.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее; на глазахъ его блеснули слезы—ими онъ благодарилъ за поцѣлуй, за дружбу.

Въ комнату вошелъ генералъ.

Довольный, счастливый, съ выросшими крыльями возвра-

тился Григорій Петровичъ дѣмой; на душѣ его было тепло, весело, точно онъ достигъ какой нибудь жизненной цѣли, точно самъ любилъ и получилъ удостовѣреніе въ любви. Онъ ничего не жалѣлъ, ни о чемъ не думалъ, ни къ чему не стремился, во все вѣровалъ,—онъ былъ упоенъ настоящимъ. Скажи ему Елена Ивановна, что она завтра же замужъ выходитъ, что полковой командиръ или кто другой женится на ней, онъ бы благословилъ ее, не выразилъ бы ни сожалѣнія, ни упрека, онъ бы попросилъ только позволенія остаться рабомъ ея, т. е. цѣловать иногда ея руку, видѣть ея ясную улыбку; онъ былъ убѣжденъ, что относительно самого себя достигъ полной цѣли, нашелъ все возможное и любовался своей находкой, какъ любитъ человѣкъ чистымъ, безоблачнымъ, голубымъ небомъ. Его ласкала, убаюкивала какая-то неясная, безотчетная надежда; онъ въ ничемъ видѣлъ все, точно предчувствовалъ, что это все свершится для него, овладѣтъ имъ, что оно неизбѣжно, какъ законъ природы.

Вечеромъ пришла Таня.

Григорій Петровичъ и на ней выразилъ свое настроеніе духа, свое полное упоеніе. Богъ знаетъ почему погладилъ ее по головѣ и назвалъ хорошенькой, такъ что бѣдная дѣвочка отъ неожиданной ласки сконфузилась совершенно; общилъ ей, что очень веселъ сегодня и безъ всякой причины засмѣялся, а когда Таня сидя за урокомъ повторяла склады и водила по нимъ своей рученкой, онъ до того забылся, такъ увлекся, что вдругъ ни съ того ни съ сего, нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

Дѣвочка даже отъ стола отскочила, щеки ея вспыхнули, губы задрожали, она мигомъ ударилась въ слезы.

Григорій Петровичъ какъ ошалѣлый смотрѣлъ на нее.

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ? Со сна или на яву ему вздумалось поцѣловать руку простой дѣвочки; показалась ли ему эта рука другою, дѣйствительно ли онъ поцѣловалъ ее, или только губами приложился къ ней? Онъ даже обернулся какъ бы сомнѣваясь не вздумалъ ли кто

нибудь подшутить надъ нимъ и насильно нагнуть его голову, не видалъ ли кто этого поцѣлуя, не слыхалъ ли его. Онъ и самъ покраснѣлъ и не зналъ, что говорить, что дѣлать,—ему было неловко, совѣстно. Онъ не зналъ; обидѣлъ ли Таню или испугалъ только.

Она сидѣла закрывши глаза руками и плакала.

— Таня, заговорилъ наконецъ Григорій Петровичъ, извини меня, я нечаянно, ей Богу нечаянно, я не зналъ, что ты заплачешь... я и поцѣловалъ.

— У тебя руки нынче чистенькія, мнѣ весело сегодня! добавилъ онъ оправдательнымъ тономъ.

Она все плакала.

— Что жъ ты Таня, неужто сердисься? прости, пожалуйста, Таня?!

Онъ насильно отнялъ отъ глазъ ея руки.

Она взглянула на него и какъ-то нервически-невольнo засмѣялась, а между тѣмъ по щекамъ ея текли слезы.

— Вотъ такъ-то лучше. Полно, полно, Таня!.. Вѣдь я пошутилъ только, заговорилъ обрадованный Григорій Петровичъ.

Она принялась проворно вытирать рукавомъ отъ платья мокрые глаза свои, но все-таки не могла удержаться—то смѣялась, то всхлипывала. Григорій Петровичъ принудилъ ее выпить стаканъ воды. Она успокоилась.

— О чемъ же ты плакала, Таня, а? спросилъ онъ по окончаніи урока.

— Стыдно-съ!

— Отъ чего же стыдно?

— Вы баринъ-съ!

— Такъ что, что баринъ? Я такой же человѣкъ, какъ и ты. Ты выростешь—не хуже барыни будешь; ты умная, хорошая дѣвочка, учишься хорошо! Посмотри, какая ты хорошенькая, чистенькая... вотъ я и поблагодарилъ тебя,—тутъ стыда никакого нѣтъ. Смотри же не сердись, завтра приходи... скоро и читать выучимся! весело добавилъ онъ и проводилъ гостью до дверей.

Она вышла.

— Чортъ знаетъ, что такое сдѣлалось со мной? подумалъ Григорій Петровичъ, засмѣялся и пожалъ плечами.

Ночью, въ уголку, на грязномъ, убитомъ тюфяченкѣ, вся скорчившись, въ одной рубашенкѣ сидѣла Таня. Голова ея уткнулась въ колѣни, руки закрывали лицо, волосы въ беспорядкѣ рассыпались по плечамъ и шеѣ. Она тихо плакала. Богъ знаетъ, что было причиною этихъ слезъ. Съ вечера никто не обижалъ ее; она даже была веселѣе обыкновеннаго—Елена Ивановна подарила ей какую-то затасканную ленточку. Легла она спокойно, скоро заснула, и вдругъ, среди ночи, вдрогнула, проснулась, точно испугалась чего-то, сѣла, скорчилась и залилась слезами. Сонъ ли какой тревожный пригрезился ей, или просто, по народному повѣрью, домовый сдавилъ ее—она сама не знала; она плакала, потому что ей хорошо, отрадно было плакать, а если спросить о чемъ—не отвѣтила бы. Какая-то жгучая, внутренняя боль стѣснила ея сердце, захватила дыханіе; ее сосало, томило что-то, точно въ ней зараждалось какое-то новое, незнакомое, непрощеное чувство, котораго она ни понять, ни назвать не умѣла, а только инстинктивно боялась его. Она перестала плакать, подняла голову и стряхнула съ лица волосы. Оно было совершенно блѣдно. Неподвижно устремленные, влажные, черные глаза при слабомъ свѣтѣ ночника блистали живѣе обыкновеннаго; въ нихъ отражалось что-то зрѣлое, точно дѣвочка со вчерашняго вечера постарѣла двумя, тремя годами, грудь ея высоко подымалась, голова горѣла, полураскрытыя губы запеклись и горячо, лихорадочно дышали. Она казалась нездоровою, дрожала и куталась въ какую-то ватную, засаленую кацавейку, да все правую руку крѣпко подъ мышку прятала, точно эта рука тревожила ее, точно она разбудила ее, была причиною ея слезъ, точно дѣвуха что-то берегла на ней, точно слѣдъ барскаго поцѣлуя не успѣлъ исчезнуть съ нея, точно этотъ поцѣлуй насквозь проникъ ее, какимъ-то жгучимъ клеймомъ навсегда отпечатался на ней. Она легла на подушку, приложила къ щегѣ эту руку, а другою глаза закрыла.

На другой день Таня проснулась какъ ни въ чемъ не

бывала, тѣмъ же кроткимъ, тихимъ недоросткомъ, какимъ была наканунѣ. Казалось, она даже не знала, не помнила, что съ нею ночью происходило, и робко, улыбающимися, подобострастными глазами, совсѣмъ не похожими на тѣ глаза, которые блистали ночью, украдкой, съ наслажденіемъ смотрѣла, какъ Елена Ивановна голову чесала.

А. ВИТКОВСКІЙ.

ТОВВИЛЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА.

Когда появилась въ русскомъ переводѣ книга Токвиля: *Демократія въ Америкѣ*, мы обѣщали высказать свое мнѣніе, какъ о достоинствѣ этой книги, такъ и о главномъ характерѣ политическихъ убѣжденій ея автора. Обѣщаніе было исполнено своевременно, хотя самая статья и запоздала своимъ напечатаніемъ... Но лучше поздно, чѣмъ никогда; и мы думаемъ, что никогда не поздно говорить о такихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ выражается направленіе идей цѣлой эпохи, идей, пережитыхъ нѣсколькими поколѣніями, теперь потерявшихъ свою жизненную силу и переданныхъ въ архивъ, но оставившихъ за собой широкій слѣдъ вліянія на умственное развитіе современныхъ намъ людей. Книга Токвиля имѣла четырнадцать изданій, была прочтана всей образованной Европой и долго пользовалась первостепеннымъ авторитетомъ между публицистами всѣхъ націй. Все это, конечно, не доказываетъ ни особеннаго превосходства идеи, ни истинны ея;—мало ли произведеній и писателей, которые въ свое время были очень популярны, а теперь совсѣмъ забыты; но у хорошей книги всегда есть солидарность съ стремленіями и идеями своего поколѣнія, и этой солидарности она бываетъ обязана своимъ успѣхомъ. Большинство читателей любитъ и сочувствуетъ писателю не за то, что онъ открываетъ много новыхъ и глубокихъ мыслей, а за то, что онъ разъясняетъ наши собственные понятія, угадываетъ и предупреждаетъ наши симпатіи; большинство требуетъ отъ мнѣнія не внутренней его силы и справедливости, а практическаго удовлетворенія своимъ интересамъ.

Если мы возвратимся къ эпохѣ тридцатыхъ годовъ, когда было издано первое сочиненіе Токвиля — *Демократія въ Америкѣ*,

если мы захотим уловить главную политическую идею этого времени, то увидимъ, что конституціонныя стремленія стояли во Франціи на первомъ планѣ. Ихъ представляло молодое поколѣніе, воспитанное подъ влияніемъ двухъ реставрацій; за эти стремленія было большинство финансовой и служебной аристократіи; за нихъ держалась королевская власть, ихъ развивали доктринеры и либералы съ красными ленточками въ петличкахъ и съ самымъ умѣреннымъ взглядомъ на вещи. Для этихъ либераловъ правительственныя формы были идеаломъ реформъ; они проектировали хартии, министерства и кодексы также легко, какъ проектируетъ садовникъ аллеи и дорожки въ предполагаемомъ саду. Такіе вопросы, какъ собственность, право труда, право участія народа въ его собственныхъ дѣлахъ, экономическія отношенія сословій и коренныя основанія общественной жизни, мало или вовсе не обращали на себя вниманіе этихъ либераловъ. Между тѣмъ въ рукахъ ихъ была матеріальная сила, направленіе умовъ, всеобщая реакція Европы, вдвинутой Меттернихомъ въ шляхы австрійской политики, и они принимали эти обстоятельства за непогрѣшимость своей доктрины и ожидаемаго ими прогресса. На противниковъ своихъ, типомъ которыхъ былъ Арманъ Кирель, они смотрѣли съ двусмысленной улыбкой и также двусмысленно покачивали головой, когда ихъ враговъ посылали умирать въ застѣнкахъ Шпильберга или на галерахъ неаполитанскаго берега.

Въ конституціонныхъ понятіяхъ этой эпохи была таже путаница, что и въ самомъ обществѣ. Съ паденіемъ первой имперіи Франція жила двумя преданіями, и постоянно колебалась между революціонной традиціей и умилятельной довѣренностью династіи Бурбоновъ. Блескъ и дымъ побѣдъ Наполеона закрыли на время отъ глазъ народа движеніе XVIII вѣка, но не уничтожили внутренней связи между старымъ и новымъ временемъ... Когда Лудовикъ XVIII въѣзжалъ въ Паряжъ, въ голубомъ мундирѣ, съ орденомъ подвязки и съ представительнымъ дипломомъ въ рукѣ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ половины прерогативъ своихъ предковъ. Ему напомнили, что феодальная монархія Лудовика XVI отошла въ область прошедшаго, что двери тюльерійскаго замка отворятся ему не иначе, какъ подъ условіемъ ограничить его власть. Король покорился, и конституція, наскоро составленная сенаторами наполеоновской школы, между военнымъ лагеремъ союзниковъ и толпой ренегатовъ, торговавшихъ будущей судьбой Франціи, по примѣру Талейрана, была подписана Лудовикомъ XVIII очень неохотно. Какъ компиляція, худ-

нхъ сторонъ английской представительной системы, обязанная своимъ происхожденіемъ силѣ и интригѣ, эта скороспѣлая конституція не могла выражать ни воли народа, ни представить достаточныхъ гарантій для національной свободы. Четырнадцатый параграфъ ея, представившій королю безусловное наблюденіе за *общественнымъ спокойствіемъ*, открывалъ полный произволъ военному деспотизму и полицейской власти. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда Франція еще не успѣла близко ознакомиться съ своими новыми правами, въ ея тюрьмахъ уже не было мѣста для политическихъ преступниковъ; семьдесятъ тысячъ гражданъ были арестованы въ послѣдніе мѣсяцы 1815 года. (Hist. des deux Restaurations, par Vaulabelle. т. II, гл. II). Возвратившіеся Бурбоны воспользовались всѣми средствами для ниспроверженія тѣхъ народныхъ правъ, которыя были вырваны у нихъ силой обстоятельствъ: смутное время какъ нельзя больше благопріятствовало ихъ намѣреніямъ. Быстрая смѣна правительствъ и государственныхъ учреждений, игра страстей, расналенныхъ революціей и сдѣланныхъ имперіей, столкновеніе партій, стоявшихъ подъ четырьмя враждебными знаменами—все это ослабляло національное чувство страны и обезсмыслило политическую жизнь. Нація, измученная постоянными конскрипціями, тяжелыми налогами, потерявшая болѣе милліона самыхъ полезныхъ людей на поляхъ битвъ, наконецъ оскорбленная взятіемъ столицы и завоеванныхъ ею земель, равнодушно смотрѣла на ходъ событий, если только они не отнимали у нея послѣдняго куска хлѣба. При такомъ порядкѣ вещей Лудовику XVIII и Карлу X не трудно было обратить конституцію въ мертвую букву. Но пульсъ больного тѣла еще продолжалъ биться. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны растетъ реакція, грозящая разрушить послѣднія льготы, такъ дорого купленные народомъ, съ другой стороны ведется непрерывный рядъ заговоровъ и тайныхъ обществъ, организованныхъ на разныхъ пунктахъ Франціи. Правда, что въ этихъ заговорахъ играетъ главную роль духъ партій и личной ненависти сословій, но общая цѣль ихъ обозначалась очень ясно; такъ или иначе они выражали общественное мнѣніе, заключенное въ самыя тѣсныя границы гласности.

Іюльскій переворотъ былъ слѣдствіемъ реставрацій. Опять борьба за конституцію и опять тотъ же результатъ; двѣсти тысячъ пролетаріевъ, покрывшихъ своими трупами улицы и площади Парижя, черезъ нѣсколько дней были слѣпкомъ орудіемъ въ рукахъ ничтожной когоріи, измѣнившей только заглавіе хартии. Лудовикъ-Фл-

*

длиннѣ понималъ, что держаться долѣе на прежней почвѣ, подготовленной ему Бурбонами, не было никакой возможности; вмѣсто старой аристократіи онъ выбралъ опорой буржуазію и обставилъ свой престолъ учеными министрами. Но дѣло попрежнему шло очень плохо. Живыя силы націи были оставлены въ пренебреженіи и замѣнены кой-какими административными формами. Все, что находило для себя выгоднымъ опекать народъ своимъ участіемъ въ правленіи, бросилось на поискъ мѣстъ, и бюрократія снова заглушила самостоятельность общества. Людямъ прамыхъ и честныхъ убѣжденій здѣсь нечего было дѣлать—они отошли въ сторону; общіе интересы націи снова были принесены въ жертву привилегированнымъ классамъ. Если разсматривать эту эпоху относительно политическаго воспитанія Франціи, то она представляется еще хуже реставрацій. Тамъ, по крайней мѣрѣ, деспотизмъ дѣйствовалъ открыто и часто искренно, а здѣсь онъ замаскировалъ себя великими обѣщаніями и фразами, отъ которыхъ черезъ семнадцать лѣтъ надо было спасаться на берега Англии; тамъ была оцібочная, но строго проведенная система, а здѣсь трудно было отличить благородный подвигъ гражданина отъ купческаго плутовства на биржѣ.

Среди этого поколѣнія пришлось дѣйствовать Токвилю. Онъ принялъ отъ него множество недостатковъ, онъ рвдѣлялъ его ошибки, впадалъ въ противорѣчія, двоился въ своихъ мнѣніяхъ, но онъ умѣлъ сохранить и достоинства, столь рѣдкія въ дѣятеляхъ его эпохи. Июльская революція застала Токвиля молодымъ—25 лѣтъ отъ роду; черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ восшествія на престолъ Людовика-Филиппа, онъ уже пылалъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ Бомономъ въ Америку для изученія одиночной тюремной системы. Но, приступивъ къ исследованію этого предмета, Токвиль не могъ остановиться на немъ одномъ; отъ его пытливаго взгляда не ускользнули вопросы болѣе интересные и важныя—политическіе законы американской республики в приложеніе ихъ къ самой жизни. Желая провѣрить ихъ на самомъ мѣстѣ и убѣдиться въ ихъ дѣйствительной силѣ, онъ врозьхалъ Сѣверные Штаты, неутомимо наблюдая разнообразныя явленія этого оригинальнаго общества. Черезъ годъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, онъ возвратился во Францію и приступилъ къ составленію книги: «Демократія въ Америкѣ». Свободный отъ служебныхъ обязанностей, полный силъ и энергіи, влюбленный въ миссъ Молгей, въ свою будущую жену, съ вѣрой въ успѣхъ своего труда, онъ спокойно занимался имъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Избѣгая развлеченій

и шумной жизни города, Токвиль удалялся въ уединенную мансарду и тамъ приводилъ къ концу свое лучшее произведеніе. «Эти два года (1832—1834), говоритъ біографъ Токвиля, вѣроятно, были самые счастливые въ его жизни», (*Oeuvres et Correspond. de Tocqueville. Par Beaumont. T. I, стр. 37.*) Первые два тома «Демократіи въ Америкѣ» явились въ началѣ 1835 года. Успѣхъ ихъ былъ огромный. «Не только во Франціи, говоритъ другъ Токвиля, успѣхъ «Демократіи» былъ блистательный, но и за границей, гдѣ книга тотчасъ же была переведена на всѣ языки. Что особенно замѣчательно, это—впечатлѣніе, произведенное ею въ той самой странѣ, о которой она разсуждала, т. е. въ Соединенныхъ штатахъ. Американцы не могли понять, какимъ образомъ иностранецъ, пробывшій среди нихъ не болѣе года, съ такой удивительной проникательностью могъ схватить ихъ учрежденія и нравы, проникнуть въ самое сердце предмета и положить въ такой ясной и логической формѣ то, что представлялось имъ самымъ въ смутномъ видѣ. Нѣтъ ни одного знаменитаго человѣка въ американскомъ союзѣ, который бы не согласился, что конституція Америки и духъ законовъ ея объяснены ему Токвилемъ». (*Oeuvres et Correspond., par Beaumont. T. 1, стр. 42.*)

Дѣйствительно, это было первое систематическое сочиненіе, бросившее свѣтъ на тѣ внутреннія стороны, которыя управляютъ движеніемъ громаднаго политическаго механизма. Токвиль прежде другихъ попробовалъ разъяснить социальную связь между отдѣльными штатами, указать на взаимныя отношенія трехъ расъ, встрѣтившихся подъ однимъ государственнымъ горизонтомъ, но съ разными интересами и враждебнымъ покушеніемъ другъ на друга; онъ издали предвидѣлъ, что «самое ужасное изъ всѣхъ золъ, угрожающихъ опасностью будущему состоянію Соединенныхъ штатовъ, заключается въ присутствіи Негровъ на ихъ землѣ»: (*Démocr. en Amérique, изд. 13, т. I, стр. 412.*) Всѣ эти вопросы были поставлены на видъ въ то время, когда европейская публика смотрѣла на Америку съ дѣтскимъ удивленіемъ, измѣряя ея силы своими собственными силами и навязывая ей предразсудки, которыхъ она не имѣла. Въ журналистикѣ поднимались дикіе возгласы противъ американской свободы, которую смѣшивали съ буйнымъ произволомъ единственно потому, что тамъ не было строго-организованной полиціи и правительственнаго вмѣшательства во всѣ поступки частнаго лица. Ультра-католики и защитники государственной теоріи, въ смыслѣ Гоббеса и подобныхъ ему лакеевъ, серьезно доказывали, что въ Америкѣ нельзя сдѣлать ни одного шагу безъ

револьвера въ рукѣ или не подставивъ кулака къ самому носу своего ближняго. Къ этому невинному убѣжденію присоединялась преднамѣренная клевета англійскаго торизма, еще живо помнившаго свое пораженіе, нанесенное ему возставшей колоніей. Наконецъ въ самой Америкѣ, едва вышедшей изъ кровопролитной борьбы за свою независимость, происходило броженіе молодыхъ силъ, оплодотворенныхъ свободными учрежденіями. Въ этомъ броженіи трудно было отличить случайныя событія отъ фвізіологическихъ явленій исторіи. Элементы, изъ которыхъ слагалось новое общество, еще не успѣли принять опредѣленную форму, а между тѣмъ свободная жизнь, ломая старыя преграды, текла подобно рѣкѣ въ полномъ ея разливѣ. Къ Америкѣ прибывали европейскія эмиграціи, приносящія съ собой отвагу и трудъ людей, которыхъ отдѣлялъ океанъ отъ могилы отцевъ и ставилъ лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ будущимъ и чужимъ міромъ; въ Америкѣ съ волшебной быстротой заселялись пространныя пустыни, покрываемыя городами и фермами; здѣсь строились новые порты, увеличивался купеческій флотъ, расбрасывалась сѣть желѣзныхъ дорогъ, возрастало народонаселеніе каждыя десять лѣтъ въ арифметической пропорціи, и во всемъ этомъ кипѣла самая подвижная и разнообразная дѣятельность. Уловить истинную фвізіономію такого общества было не легко, сгруппировать разбросанныя и едва обозначенныя черты его въ одну полную картину—еще труднѣе, но Токвиль это сдѣлалъ, и этому обстоятельству обязана его книга своей громкой популярностью. О недостаткахъ «Демократіи въ Америкѣ» я скажу послѣ, а теперь возвращусь къ ея автору.

Рѣдко случается современному писателю такъ счастливо выступить на литературное поприще, какъ выступилъ Токвиль. Первое сочиненіе дало ему европейскую извѣстность, сблизяло его съ лучшими людьми, какъ во Франціи, такъ и за границей, и обезпечило ему на будущее время безбѣдное существованіе. Не прерывая своихъ ученыхъ работъ, онъ въ то же время дѣйствовалъ въ палатѣ депутатовъ, избранный представителемъ отъ округа Валона; здѣсь онъ постоянно находился на сторонѣ оппозиціи до послѣдней минуты правленія Людовика—Филиппа. За нѣсколько дней до февральскаго удара онъ произнесъ рѣчь, въ которой предсказалъ, что разгромъ приближается съ той стороны, съ какой всего менше ожидало его правительство; онъ упрекалъ министерство Гизо въ апатіи, въ равнодушіи къ опасному положенію страны, въ непоятномъ и слѣпкомъ упорствѣ, съ которымъ полусонная министерская власть шла навстрѣчу

своему падению. «Утверждаютъ говоряъ Токвиль, что нѣтъ опасности, потому что нѣтъ возстаній; думаютъ, что если нѣтъ наружныхъ взрывовъ на поверхности общества, то революція далеко отстоитъ отъ насъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, господа, что вы ошибаетесь. Нѣтъ сомнѣнія, что опасность угрожаетъ намъ не со стороны фактовъ, а со стороны самыхъ умовъ. Посмотрите, что происходитъ среди рабочихъ классовъ, которые, правда, сегодня остаются спокойными. Изъ волнуютъ собственно не политическія страсти, какъ это было некогда; но развѣ вы не видите, что эти страсти изъ политическихъ обратились въ социальныя?... Я думаю, что мы спимъ въ настоящую минуту на вулканѣ — я въ этомъ глубоко убѣжденъ». Эти слова оправдались черезъ три недѣли. Февральская революція, — третья великая революція въ исторіи Франціи, — приняла значительныя размѣры по своему внутреннему значенію; изъ конституціонной борьбы она перешла на экономическую почву и коснулась самой щекотливой стороны общества — права собственности и труда. Токвиль безъ удивленія, но съ прискорбіемъ смотрѣлъ на вновь нипровозглашенную республику; его душѣ были противны революціонные эффекты и государственный драматизмъ, а положительныхъ результатовъ онъ не ожидалъ отъ этого переворота; онъ видѣлъ, что за люди стояли въ головѣ движенія, какимъ пустымъ крикунамъ нація вѣрнула свою жизнь и грядущія событія... За всѣмъ тѣмъ Токвиль не оставилъ сцены дѣйствія. Но чѣмъ дальше онъ слѣдилъ за происшествіями, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что реакція возьметъ верхъ и побѣда опять останется за болѣе ловкимъ и дерзкимъ искателемъ приключеній. Слѣды грустнаго настроенія Токвиля въ эту пору остались въ его письмахъ къ Евгенію Стоффелю и Бомону. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ такъ: «чувствуется, что старый міръ отходитъ; но какой же будетъ новый? Самые зоркіе умы нашего времени не могутъ отвѣчать на это утвердительно, такъ точно, какъ люди древніе не могли предвидѣть уничтоженія рабства, христіанской реформы, вторженія варваровъ и всѣхъ великихъ вопросовъ, обновившихъ лицо земли. Они чувствовали, что общество ихъ разлагается, — вотъ и все, что они чувствовали... (Correspond. т. I, стр. 461). Наконецъ, среди республиканскихъ формъ и еразъ, незамѣтно подошло 2 декабря 1851 года. Когда Токвиль замѣтилъ приближеніе этого дня, онъ поспѣшилъ оставить неаполитанскій берегъ, гдѣ намѣренъ былъ провести зиму, и явиться въ Парижъ. Въ назначенный день онъ былъ въ числѣ опонентовъ возниавшаго порядка вещей и видѣлъ съ другими быть арестованъ и

отведенъ въ кэзарму. 3 декабря его перевели въ венсенскую тюрьму, гдѣ и окончилась политическая дѣятельность Токвиля; она окончилась съ послѣднимъ вздохомъ умирающей свободы.

Теперь посмотримъ на самыя убѣжденія Токвиля. Мы ужъ замѣтили, что современные ему публицисты не отличались особенно твердыми и ясными воззрѣніями; въ нихъ мѣткихъ была замѣтна лихорадочная дрожь, недовѣріе къ собственнымъ силамъ, вялый скептицизмъ, чѣмъ обыкновенно сопровождаются рѣзкіе политическіе кризисы всѣхъ народовъ. Въ поколѣніи Токвиля, если можно такъ выразиться, соединилось нѣсколько различныхъ поколѣній съ разными мнѣніями, предразсудками и вѣрованіями. Въ немъ были люди, еще жившіе воспоминаніями феодальной эпохи, потомъ приверженцы революціоннаго времени, обстрѣленные съ ногъ до головы полюшниками имперіи и наконецъ защитники представительной формы правленія; въ большей части изъ нихъ всего было понемножку, т. е. отчасти либерализма, отчасти консерватизма, нѣсколько Мирабо и нѣсколько Лудовика XVI. Многие изъ нихъ еще серьезно думали, что, еслибъ взять нѣсколько старыхъ элементовъ, внесенныхъ во Францію средневѣковыми баронами и дворянами, затѣмъ нѣсколько стихій изъ монархіи Бурбоновъ, кой-что изъ революціи, и изъ всего этого слѣпить одну націю, то эта нація была бы великой и свободной Франціей. Политическій фатализмъ и релегаторво были обыкновенными явленіями тогдашнихъ государственныхъ людей. Однимъ словомъ, это поколѣніе походило на плывцовъ, отбитыхъ непредвидѣнной бурей отъ одного берега и приставшихъ къ другому. Само собою разумѣется, что у народа, заранѣе приготовленнаго къ участию въ своемъ собственномъ управленіи, такой неудачи не могло случиться. Къ сожалѣнію, муниципальныя права его давно были вырваны съ корнемъ въ правленіи Лудовиковъ XIV и XV; системы выборовъ и провинціальныхъ сеймовъ давно не существовало; парламентскія формы, никогда не имѣвшія дѣйствительнаго значенія, потонули въ общемъ кораблекрушеніи старой монархіи; нація была разорена и забита, какъ бѣдный школьникъ подъ ферулой учителя. Такимъ образомъ сфера политическихъ идей была самая узкая; что дѣлалось въ Парижѣ, какъ рѣшала судьбу тридцати трехъ милліоновъ людей, о томъ едва знали за чертой столичныхъ барьеровъ. Послѣ этого неудивительно, что и Талейранъ въ свое время считался политическимъ мудрецомъ, хотя онъ мнѣнія свои мѣнялъ еще чаще, чѣмъ бѣлье.

Кромѣ этихъ элементовъ, на убѣжденія Токвиля имѣли вліяніе

его личные обстоятельства. Онъ принадлежалъ по рожденію старой дворянской фамили, въ которой сохранилось много наследственныхъ понятій; отецъ его былъ образованный человѣкъ и превосходный писатель, но все еще мечтавшій о восстановленіи древнихъ общинныхъ правъ и не любившій династію Бурбоновъ, только за ихъ домашніе пороки. Поэтому многія антипатіи были привиты къ автору «Демократія въ Америкѣ» его воспитаніемъ и семейными привычками. Юношескіе годы его прошли въ кругу связей, составленныхъ его отцемъ, на половину изъ добродушныхъ либераловъ и на половину изъ королевскихъ чиновниковъ дѣятельнаго разбора. Вслѣдствіи онъ былъ владѣтелемъ стариннаго замка, сохранившаго всѣ привилегіи феодалныхъ привилегій. Такимъ образомъ, вѣтвяя обстановка, при которой развивался Токвиль, вовсе не благоприятствовала полному отрѣшенію его отъ наследственныхъ убѣжденій. Онъ выросъ на конституціонной почвѣ и былъ убѣжденъ, что для Франціи въ ея настоящемъ состояніи самую лучшую форму правленія была бы представительная монархія. Изъ этого убѣжденія вытекали его политическія сужденія и воступки. Другимъ его мнѣніемъ, составлявшимъ задачу всей его жизни, была увѣренность, что демократическое равенство безъ свободныхъ учреждений можетъ угрожать народной тиранніей обществу, что современная Европа должна бояться за свое будущее именно съ этой стороны. Къ этому убѣжденію привела его исторія Франціи, которая со времени первой революціи постоянно боролась противъ сословныхъ привилегій и феодальнаго господства.

Доселѣ Токвиль былъ правъ; общая и главная идея его несомненно вѣрна, но когда онъ приступилъ къ ея приложенію и выводамъ, тогда оказалось построеніе его совершенно ложнымъ. Капитальная ошибка его теоріи состояла въ томъ, что онъ началъ иѣрить своимъ французскимъ архивомъ всѣ человѣческія общества, какъ будто развитіе ихъ шло по одинаковой программѣ съ французской исторіей. Народы, достигшіе известной степени социальнаго строя, казались ему чѣмъ-то въ родѣ звѣринца, раздѣленнаго на отдѣльные разряды и клѣтки, подъ управленіемъ одного непрѣмннаго закона. Если онъ, наприѣръ, видѣлъ опасность демократическихъ тенденцій во Франціи; не ослабившихъ правительственной централизаціи, то такую же опасность онъ находилъ и въ швейцарской республикѣ, хотя послѣдняя стольже же похожа на первую, сколько Англія XVIII вѣка на Японию XIX-го.

Тотъ же масштабъ Токвиль приложилъ и къ американскому Со-

шоу, разбирая составные его части съ известнымъ предвзятымъ воззрѣніемъ. Въ этомъ главная ошибка его книги. Америка, особенно говоря, послужила Токвиллю рамой, въ которую онъ хотѣлъ вставить свою идею, и если рама была коротка для его мѣрки, то онъ вытягивалъ ее произвольно, а если длинна, то онъ укорачивалъ ее, постоянно сообразуясь съ своимъ французскимъ армянкомъ. Такъ католицизмъ представлялся ему новымъ ковчегомъ, въ который со временемъ войдетъ все человечество. Изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что и въ Америкѣ католическая религія распространяется насчетъ протестантизма (Démocr. en Amérique т. II, гл. VI). Заглянувъ въ статистику тридцатыхъ годовъ, мы находимъ, что дѣйствительно число католиковъ значительно прибавило противъ прежнихъ лѣтъ; но прибавило ли оно вслѣдствіе обращенія американцевъ, или составляетъ случайный фактъ—это требовало еще повѣрки. Между тѣмъ Токвилль, остановившись на этомъ явленіи, успѣшилъ рѣшить его въ пользу своей теоріи и возвести въ общій законъ для всѣхъ народовъ. Но такъ ли это? Не видимъ ли мы, напротивъ, что римскій католицизмъ въ послѣдніе три столѣтія постепенно падаетъ. Каждое новое событіе, отодвигающее Европу отъ среднихъ вѣковъ, прямо и косвенно наноситъ ему смертельный ударъ. Принципъ уже давно умеръ, но держится католическая каста и употребляетъ всѣ средства, чтобы продлить свое существованіе. Обставленная полицейской пропагандой—монашескими орденами и миссіями—она разбрасываетъ свои сѣти повсюду, и если ловить себѣ прозелитовъ среди полудикихъ народностей, то теряетъ ихъ гораздо больше у себя дома—въ Европѣ.

Что же касается Америки, то здѣсь прибавь католиковъ вовсе не зависѣла отъ того, чтобъ Янки питали особенное уваженіе къ Римской церкви и предпочитали ее протестантизму; мѣтъ, это явленіе объясняется гораздо проще—притокомъ европейскихъ эмиграцій изъ Ирландіи, Франціи и Италіи. Притомъ распространеніе католицизма было замѣтно особенно на американскомъ югѣ, гдѣ такъ долго господствовала Испанія и гдѣ религіозный абсолютизмъ могъ удовлетворить политическому абсолютизму плантаторовъ. Слѣдовательно Токвилль принялъ чисто-внѣшній фактъ за органическое явленіе современныхъ обществъ и хоторонился заключить, что всѣ демократическія націи склонны къ принятію католицизма. Исторія европейскихъ народовъ представляетъ совершенно противоположныя примѣры: Кто путешествовалъ по Швейцаріи, тотъ, вѣроятно, видѣлъ, какая огромная разница въ образѣ жизни протестантскаго и католическаго населенія. При одина-

новых условиях климата, почвы и политических учреждений, католик живет несравненно хуже протестанта; у первого вы не найдете ни той чистоты въ домашней обстановкѣ, ни такъ хорошо воздѣланнаго поля, какъ у втораго. Точно такую же параллель можно провести вообще между сѣверной и южной Европой.

Другой недостатокъ Токиаля заключается въ его страсти стрѣнать произвольные выводы на основаніи отрывочныхъ наблюденій и крайне неудовлетворительныхъ матеріаловъ. Есть особенный разрядъ уместившихъ организаций, которыя никакъ не могутъ ограничиться простымъ анализомъ вещей, а снѣгаютъ каждому своему впечатлѣнію придать характеръ общей истины. Это—обыкновенные приемы такъ называемыхъ идеалистовъ, наследованные ими отъ средневѣковой схоластики. Метода этого научнаго лунатизма очень незамысловатая; они берутъ наудачу два-три явленія, осматриваютъ ихъ съ той стороны, съ какой имъ болѣе нравится, и потомъ выводятъ непреложный законъ, общій всѣмъ подобнымъ явленіямъ. Иные поступаютъ еще проще и, по нашему мнѣнію, гораздо практичѣе: положимъ, что мы выгоднѣе, напримѣръ, увѣрить другихъ, что бѣдность лучше богатства, вотъ я и начинаю превозносить нищету со всѣми ея добродѣтелями; между тѣмъ какъ слушатели будутъ восхищаться моимъ краснорѣчіемъ, я преспокойно стану набивать свои карманы въ силу той вѣчной истины, что бѣдность благороднѣе богатства. Говоря такъ, мы вовеки не думаемъ, чтобъ человѣческій умъ совершенно отказался отъ синтеза и занимался однимъ безцѣльнымъ анализомъ, не формулируя свои наблюденія въ извѣстныя общія нормы, но мы хотимъ сказать, что произвольно построенная система гораздо вреднѣе самаго глубокаго невѣжества. А надо согласиться, что строго разработанныхъ истинъ въ нашемъ распоряженіи чрезвычайно мало. Притомъ надо знать, въ какой области предметовъ работаетъ нашъ умъ; такъ въ естественныхъ наукахъ мы можемъ быть смѣлѣе въ своихъ систематическихъ построеніяхъ, потому что наблюденія наши, вооруженныя инструментами и непосредственнымъ анализомъ, имѣютъ гораздо больше твердости и вѣрности; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ предметами, которые можемъ разсѣчь на тончайшія волокна, подвергнуть химическому процессу, разсмотрѣть въ микроскопъ и сравнить съ миллиономъ другихъ предметовъ того же рода. Но такъ ли мы наблюдаемъ въ исторіи и политикѣ? И можетъ ли быть здѣсь, хоть на одну минуту, полная увѣренность въ точности факта или нашего воззрѣнія на него? Въ исторіи мы занимаемся міромъ мертвымъ, отъ котораго остались одни

слова, звуки и разнообразныя воспоминанія, передаваемые въ неясныхъ и произвольныхъ образахъ вымысла; здѣсь мы изучаемъ *дѣйствіемъ* челоуѣка, въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, и только можемъ болѣе или менѣе правдоподобно догадываться о тѣхъ внутреннихъ движеніяхъ воли, которыя управляютъ нашими дѣйствіями; эти движенія, замаскированныя различными оффиціальными формами, доходятъ до потомства въ ложномъ видѣ; при сравненіи историческихъ явленій у насъ нѣтъ казнаго орудія всякой точной науки—опыта, а безъ него можно только предпологать, а не утверждать. Поэтому всѣ историческія теории оказываются болѣе или менѣе заманчивыми иллюзіями нашего собственнаго воображенія. Въ политикѣ еще меньше твердой почвы для вѣрныхъ наблюденій; здѣсь настоящія пружины челоуѣческой дѣятельности совершенно закрыты; передъ нами стоятъ событія съ громкими именами, фразами и обѣщаніями, а между тѣмъ источникъ ихъ тѣхъ мелочей, что становится совѣстно не только за актеровъ, но и за зрителей; въ политическихъ манифестахъ, напримѣръ XVIII вѣка, мы постоянно читаемъ, что такая-то война, предпринимается для блага народа и славы отечества, а между тѣмъ ее предпринимаетъ какая-нибудь Помпадуръ единственно для развлеченія Лудовика XV; мы постоянно слышимъ, что такой-то восточный властитель, желая осчастливить своихъ подданныхъ, посылаетъ имъ новаго правителя, а между тѣмъ этотъ правитель отправляется для явнаго грабежа и насилія... Поэтому не видя ни тайныхъ пружинъ, ни внутренняго механизма, управляющаго событіями нашей жизни, мы часто принимаемъ слова за самое дѣло и воздушные шаражи за дѣйствительные предметы.

Точно такъ поступилъ Токвиль въ отношеніи американской демократіи. Основываясь на одномъ какомъ нибудь явленіи или даже сочиненіи его въ собственной головѣ, онъ старается обобщить его въ политическій принципъ; построивъ силлогизмъ, онъ разбиваетъ его на нѣсколько отдѣльныхъ заключеній и всѣ сводитъ къ одному итогу. Но силлогизмъ оказывается ложнымъ, слѣдовательно, и всѣ выводы его падаютъ въ прахъ. Чтобы выразиться яснѣе, мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Предложивъ себѣ вопросъ: какого рода деспотизмъ можетъ угрожать демократическимъ націямъ?—Токвиль отвѣчаетъ на него такъ: « Наши современники постоянно находятся подъ вліяніемъ двухъ непріязненныхъ страстей: они чувствуютъ необходимость въ руководителяхъ и въ то же время хотятъ остаться свободными. Будучи не въ состояніи одолѣть ни тотъ, ни другой изъ этихъ инстинктовъ, они стараются удовлетворить ихъ вмѣстѣ. Они стремятся къ единой, покровительственной и всемогу-

ной власть, но избранной гражданами. Они соединяют централизацию и эмпирическую имитацию народа. Это дает им некоторый отдых. Они утешаются тѣмъ, что состоятъ подъ опекой, воображая, что они сами избрали своихъ опекуновъ. Каждый позволяетъ приваивать себя, видя, что не отдѣльное лицо и не сословіе, а весь народъ держи въ бечеvu этой веревки». (Démocr. en Amér., т. II, стр. 359). Итакъ, по мнѣнію Токиля, вся бѣда современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они одновременно ищутъ верховнаго права народа и правительственнаго покровительства. Но изъ чего же видно, что эти диаметрально противоположныя стремленія составляютъ общую черту всѣхъ современныхъ націй? Неужели то же явленіе находимъ мы въ современной Англіи и Италіи? Но Токилю нѣтъ никакого дѣла до этихъ вопросовъ; ему надо, во что бы то ни стало, подтвердить свою теорію, и онъ изъ частнаго случая возводитъ ее въ общее правило. А частный случай, подтверждающій его положеніе, представляется ему въ исторіи Франціи. Здѣсь, дѣйствительно, встрѣчается намъ этотъ фактъ, со времени большой революціи. Сброшены вѣсть стараго порядка вещей, она повела народъ къ уравненію его состояній, сблизила сословія, уничтожила тысячи тѣхъ преградъ, которыя лежали между народомъ и привилегированнымъ классомъ, но не дала этому народу свободныхъ учрежденій. Напротивъ, во время революціи и послѣ нея административная централизація увеличилась. Отчего это? Оттого, что современной Франціи недостаетъ именно тѣхъ началъ, за которыя такъ опасается Токиль. Всѣ французскіе перевороты были совершены во имя гражданскаго равенства, а не политической свободы, т. е. во имя только одной половины правъ, составляющихъ полную организацію демократіи. Самъ же Токиль прекрасно оцѣнилъ это явленіе. И это явленіе совершенно понятно: въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ народъ вынесъ феодальный произволъ, и когда пришло время Франція соединила всѣ усилія на одномъ пунктѣ и съ нимъ однимъ боролась; но когда надо было устроиться и въ другомъ отношеніи, тогда она почувствовала, что у ней нѣтъ достаточно силъ, — нѣтъ ни мущиннаго духа, ни политическаго воспитанія, ни способности къ самоуправленію, ни даже истинной любви къ свободѣ. Поэтому она остановилась на одномъ разрушеніи и не могла ничего построить вновь. Но все это свойственно одной французской исторіи и потому не можетъ быть принято за норму общечеловѣческаго прогресса, какъ это дѣлаетъ Токиль.

Развивая свою мысль дальше, онъ приходитъ къ такому резуль-

тату: «Итакъ, мнѣ кажется, что въ демократическія эпохи особенно надо бояться деспотизма». Да въ чего же это слѣдуетъ? Опять изъ того же, что Франція, добившись нѣкотораго равенства состояній, въ то же время усложнила свою административную машину. Но Токвиль и на этомъ не останавливается, онъ идетъ гораздо дальше: «въ Соединенныхъ штатахъ, говоритъ онъ, всемогущество большинства, покровительствуя легальному деспотизму законодателя, въ то же время покровительствуетъ произволу исполнительной власти. Большинство, безусловно располагая законодательной силой и наблюдениемъ за исполнениемъ ея, равно контролируя управляемыхъ и управителей, смотритъ на общественныхъ чиновниковъ какъ на своихъ пассивныхъ агентовъ и охотно возлагаетъ на нихъ заботы содѣйствовать его намереніямъ. Тамъ оно не входитъ предварительно въ подробности ихъ обязанностей и не беретъ на себя труда определять права ихъ. Оно поступаетъ съ ними какъ поступалъ бы господинъ съ своими слугами, который, видя ихъ постоянно передъ глазами, могъ бы исправлять и руководить ихъ каждую минуту». (*Démocr. en Amérique.*, т. I, стр. 306). Изъ этихъ словъ ясно видно, что Токвиль усматриваетъ будущую тиранию демократическихъ обществъ въ произволѣ большинства. И въ этомъ заключается основная идея его теоріи, около которой онъ группируетъ разнообразныя результаты.

Согласимся, что современныя демократическія общества, какъ американское и швейцарское, действительно страдаютъ этимъ недостаткомъ, нередко покрывая силой общественного мнѣнія ужасныя злодѣянія; но имѣемъ ли мы право заключить изъ этого, что и на будущее время грозить человечеству та же опасность? Не есть ли это скорѣе случайный недостатокъ мало развитыхъ народныхъ автономій и плохо-образованнаго общественного мнѣнія? Известно, что во Франціи всеобщая подача голосовъ сопровождалась самыми отвратительными злоупотребленіями—шоднунами представителей народа, угрозами жандармовъ и раболовствомъ передъ важными агентами правительства; известно, какъ происходила востровка въ Савое и Ницца, когда присоединили ихъ къ королѣвскому Наполеону III. Но развѣ такіе примѣры можно брать за принципъ? Развѣ невежество и политическая несвобода нѣкоторыхъ націй можетъ служить приговоромъ надъ будущими судьбами всего человечества? Нѣтъ, мы убеждены, что ни одна нація еще не достигла того развитія, при которомъ была бы возможна полная народная самостоятельность. Въ Англіи тормозитъ ее аристократія, въ Америкѣ—юридическая формалистика и партія, что въ сущности та же аристократія.

Чтобы восполнить этот недостаток, обыкновенно обращаются къ представительной системѣ, къ выбору доверенныхъ лицъ отъ народа. Положимъ, что эти лица могутъ быть хорошимъ органомъ въ выраженіи національныхъ интересовъ и, при известномъ образованіи и гражданской честности, способны лучше обсуждать общественныя дѣла, чѣмъ самое большинство; но кто же станетъ серьезно утверждать, что представитель десяти или двадцати тысячъ людей можетъ вполне понимать ихъ интересы и искренно сочувствовать имъ? И кто можетъ допустить, что этотъ самый представитель, на котораго мысленно положенъ народъ, застра не будетъ подкупленъ какой нибудь партией, домогающейся своихъ личныхъ выгодъ во вредъ всему обществу? А на что же контроль общественного мнѣнія? Возражать намъ. Но понятіе, которое мы соединяемъ съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ условно и растяжимо, что подъ нимъ можно разумѣть все, что угодно—мнѣніе преобладающаго сословія, правительственныхъ лицъ, нѣсколькихъ купцовъ или журналистовъ, однимъ словомъ той или другой партіи, у которой найдется побольше силы и ловкости въ управленіи общими дѣлами. Неужели на вѣсы такого общественного мнѣнія можно положить судьбу всего народа? Оно будетъ дѣйствовать пристрастно, своекорыстно, также деспотически, какъ правительство султана, и въ то же время прикрываться народнымъ именемъ, инициативой всей страны.

Съ такимъ мнѣніемъ дальше своевольной и эксплуатирующей олигархіи уйти нельзя. Но представимъ, что народная автономія развита въ высшей степени правильно и общественное мнѣніе занимаетъ себя съ самой лучшей стороны, тогда нѣтъ ни малѣйшей причины бояться демократической тирании, придуманной Токвилемъ. Странно было бы думать, чтобы народъ сталъ угнетать самого себя. Поэтому все споры о политическихъ формахъ и конституціяхъ, въ послѣднемъ результатѣ, сводятся къ слѣдующему вопросу: насколько народъ умъ и честенъ, чтобы управлять собой? Въ этомъ все его сила и слава. Следовательно, задача нашего времени состоитъ не въ томъ, чтобы лѣпить различныя теории и системы правительствъ, а въ томъ, чтобы вернуть народу его здравый смыслъ, поднять общій уровень умственнаго образованія и нравственнаго достоинства націй.

Высказанныя нами замѣчанія столько же относятся къ теоріи Токвиля, сколько къ разглагольствованіямъ нашихъ самородковъ—публицистовъ, которые сочиняютъ намъ самоуправленіе изъ стараго англій-

скаго трагья или изъ историческихъ началъ времени Шемякина суда и подъячаго Катошихина... Сочинайте въ добрый часъ! Современная жизнь не къ вамъ обратится за своими уроками и не отъ васъ ей ожидать своего обновленія... Токвиль также обманулся въ своихъ надеждахъ и пережилъ прочность своей системы. Онъ видѣлъ, какъ она рухнула передъ новыми требованіями народовъ. Теоретическіе принципы изложены въ послѣднихъ двухъ томахъ его книги; что касается двухъ первыхъ, гдѣ авторъ разбираетъ составъ американской конституціи, ея федеративную связь, коммунальныя права, отношенія народа къ своему правительству, внутрѣнній антагонизмъ племенныхъ и экономическихъ началъ—всѣ эти главы превосходныя. Когда Токвиль держится чисто фактической стороны и строгаго анализа данныхъ, его взгляды отличаются вѣрной критикой и замѣчательными сужденіями. И еслибъ онъ остановился на первомъ томѣ своего произведенія, книга его выиграла бы, какъ въ стройности изложенія, такъ и въ точности идеи.

Есть одна черта, которой Токвиль рѣзко отдѣляется отъ современныхъ ему мыслителей,—это уваженіе къ человѣческой личности, которую онъ ставитъ выше всѣхъ случайныхъ обстоятельствъ. «Я знаю, говоритъ онъ, что многіе изъ моихъ современниковъ считаютъ народы рабами какой-то неострашимой и фатальной силы, вытекающей изъ предшествующихъ обстоятельствъ, изъ племенныхъ, географическихъ и климатическихъ условий. Это ложное ученіе порабощаетъ людей слабымъ и націямъ малодушнымъ». Такой энергическій взглядъ для своего времени былъ новостью. Фаталистическая школа, подчинившая свободную дѣятельность человѣка вѣковой необходимости, господствовала въ эпоху Токвиля; она отнимала у общества лучшія его надежды, парализировала самыя благородныя стремленія, ставя его въ зависимость отъ всякаго случайнаго явленія. Авторъ «Демократіи», напротивъ, открываетъ намъ широкое поле труда и непосредственнаго участія въ нашей собственной участи. Онъ твердо вѣритъ, что сами люди создаютъ себѣ то или другое социальное положеніе, что совершеннѣе отъ нихъ самихъ зависитъ быть рабами, подобно Китаичамъ, или свободными гражданами, подобно Американцамъ. Съ такимъ убѣжденіемъ становится легче, когда несмотришь на историческую годовую человечества, покрывающаго свой путь слезами и кровью...

Г. Б.

БРАТЯ ГУСТАВЪ И РЕЙНГОЛЬДЪ ФОНЪ-ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Наибратство и дружба съ *нѣмцами*, вызовъ ихъ въ Россію, предпочтеніе, оказанное имъ передъ Русскими, и многое множество *нѣмецкихъ* учрежденій и обычаевъ, пересаженныхъ Петромъ Великимъ на русскую почву, были одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ царю его подданныхъ, несокрушимо и свято вѣровавшихъ, что соприкосновеніе съ нѣмцами должно неминуемо осквернить и погубить душу каждаго православнаго человѣка. Все было чуждо, дико и непріязненно въ нѣмцахъ нашимъ своеобразнымъ предкамъ, — все, начиная отъ *позамоу* нѣмецкой вѣры и кончая непосѣдной, юркой нѣмецкой дѣятельностью, которой прежде всего хотѣлось научить Петру своихъ залежавшихся на печкѣ подданныхъ. Нѣмецкая непосѣдность и юркость представляли, дѣйствительно, самую рѣзкую противоположность московской неповоротливости; апатіей и лѣнью никакъ нельзя было непрекнуть нашихъ заморскихъ гостей, и если это именно и казалось въ нихъ москвичамъ достойнымъ презрѣнія, то заморскіе гости, въ свою очередь, съ неменьшимъ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ сонныхъ хозяевъ, рѣшительно недоумѣвая, какъ это мо-

жеть человекъ всю свою жизнь проводить на печкѣ, даже и поворачиваясь-то тамъ съ боку на бокъ съ трудомъ и неудовольствіемъ.

А надобно было заспавшимся москвичамъ слѣзть съ теплой и темной печки; надобно было имъ, расправивъ онѣмъвшіе отъ бездѣйствія члены, выйти на свѣтъ Божій, на воздухъ, на поприще труда, да еще какого труда! Знакомство съ нѣмцами научило Петра очень многому, породило въ головѣ его тысячу самыхъ разнообразныхъ самыхъ колоссальныхъ намѣреній и плановъ, осуществить которые царь рѣшился, по своему обыкновенію, безотлагательно и разомъ. Съ невѣроятной дѣятельностью, съ невообразимой энергіею принялся онъ за работу, и нѣмцы въ этомъ случаѣ оказались въ высшей степени полезными для Петра помощниками. Они годились и въ исполнители, и въ руководители, и въ учителя, и въ ученики. Они, повидимому, все знали, все умѣли, а чего не знали, чего не умѣли, тому учились охотно и понятливо, не отступая ни передъ трудностями, ни передъ препятствіями, передъ которыми, правда, не отступали при случаѣ и русскіе, да только въ надеждѣ на удачу, на авось, на то—*куда не вывезетъ кривая*. У нѣмцевъ не было ни удачи, ни авось, ни кривой: они все рассчитывали впередъ, аккуратно и точно, и тамъ, гдѣ расходившійся Русскій достигалъ желаемой цѣли не иначе, какъ съ разбитымъ лбомъ, тамъ нѣмецъ достигалъ той же цѣли, сохранявъ лобъ свой въ неприкосновенной цѣлости и охранности. Москвичамъ и это свойство въ заморскихъ гостяхъ крѣпко не нравилось. Они называли за это нѣмцевъ жидкокостными жидеморами, смѣялись надъ ихъ умѣнемъ молотить рождъ на обухѣ и снимать иѣнки со всякой дранцѣ, вспоминали при этомъ размашистую удалъ и несокрушимую боду одлу своихъ дѣдовъ и отцевъ и, заливая кислымъ красомъ тухлую рыбу съ вонючимъ ностнымъ масломъ, съ самодовольной ироніей говаривали: «что Русскому здорово, то нѣмцу смерть».

А Петру именно то и любо было въ нѣмцахъ, что дѣйствіями ихъ руководила не *кривая*, что они все впередъ рассчитывали, издѣлялись, соображали. Петръ не былъ врагомъ размашистой удалъ — онъ былъ самъ удалецъ на славу—но онъ не могъ не видѣть, не могъ не убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что русская удалъ цѣлыхъ восемьсотъ лѣтъ выражалась лишь въ томъ, что мы кричали зычнымъ голосомъ, да размакивали руками, и на конецъ концовъ пришли все-таки къ сознанию, что намъ надобно нашу удалъ передѣлать, что безтолково и беспорядочно бродившимъ въ насъ слѣдамъ надобно

дѣль и управленіе, и дѣль, и возможность выразиться въ чемъ нибудь иномъ, кроиъ вычяго крика и маханья руками. Однимъ словомъ, реформа была необходима. Она смутно желалась почти всѣми; она носилась въ воздухѣ; она чуялась тамъ-и-самъ еще до Петра въ робкихъ нововведеніяхъ и полумѣракъ нѣкоторыхъ его предшественниковъ, и только никто не зналъ, какъ произойдетъ эта реформа, чѣмъ обнаружится ея совершеніе, какимъ путемъ поведетъ она обновленную Россію, и куда приведетъ ее?

Зналъ это одинъ Петръ, и хотя затѣянное имъ пришлось не по вкусу дѣлому народу—царь все-таки, не взирая на всеобщее неудовольствіе и сопротивленіе, твердо и бодро повелъ свое царство къ предположенной дѣли, справедливо предчувствуя, что петровская реформа будетъ какъ слѣдуетъ понята, оцѣнена и не разъ съ признательностью помянута даже отдаленнѣйшимъ потомствомъ.

Въ дѣлѣ этой реформы—иногда—нѣмцы оказались въ высшей степени полезными помощниками вооружившему противъ себя весь свой народъ царю. Они поддерживали въ немъ мужество и энергію быстрымъ и точнымъ исполненіемъ его приказаній, предупрежденіемъ его желаній, благоразумными совѣтами и обнадеживаніями. Они обучали на европейскій ладъ наше нестройное и никуда дотолѣ негодное войско; они сооружали намъ флотъ; они строили намъ крѣпости и каналы; они заводили у насъ разные хорошіе порядки; они знакомили насъ съ разными необходимыми въ жизни искусствами и ремеслами. Подъ ихъ вліаніемъ развивалась та небольшая кучка русскихъ сподвижниковъ Петра Великаго, имена которыхъ нераздѣльны съ именемъ царя—преобразователя, подвиги которыхъ составляютъ не одну блестящую страницу въ нашей исторіи. Крѣпкіе, быстрые, неутомимо-дѣятельные, прошедшіе, по русскому выраженію, и огонь, и воду, люди эти, во многомъ, совѣтъ ужъ не походили на своихъ сонныхъ, неповоротливыхъ, неостесненныхъ предковъ и, не смотря на нѣкоторыя темныя стороны своей дѣятельности, имѣютъ полное право на признательное воспоминаніе потомковъ. Темныя ихъ стороны были непосредственнымъ продуктомъ старо-русской жизни, непосредственнымъ продуктомъ первоначальнаго воспитанія на почвѣ суевѣрія, невѣжества, самодурства и крѣпостнаго права; всѣмъ же, что было въ русскихъ сподвижникахъ Петра Великаго, человѣческаго, хорошаго, европейскаго,—всѣмъ этимъ они обязаны были *Нѣмечинъ* и *нѣмцамъ*, которыхъ за то пребы-

*

шіе вѣрными старому толку москвичи называли не иначе, какъ *проклятыми еретиками и врагами христіанскими*.

Таковы были результаты сближенія Россіи съ *Нѣмчиной*; таковы были лучшіе изъ *нѣмцевъ*, призванныхъ Петромъ помогать ему *прорубить окно въ Европу* въ неуклюжей стѣнѣ темнаго московскаго терема. Но были Пѣмцы и другаго сорта, послѣдовавшіе вслѣдъ за первыми въ гостепріимную *Московію* — тоже будто бы съ цѣлью просвѣщать и гуманизировать дикихъ *москвитовъ*, въ сущности же пріѣзжавшіе къ намъ единственно затѣмъ, чтобы набивать свои дырявые карманы московскими деньгами и поправляться на московскихъ хлѣбахъ послѣ антоіевской пищи дома. Это были технологи средней руки, незамѣтные у себя на родинѣ, мелкіе торгаши, мирные войны, несравненные специалисты по части солдатской выправки, *чистоты* ружейныхъ приемовъ и тому подобныхъ премудростей, берейторы, егермейстеры, штукари всѣхъ шерстей и видовъ, — словомъ, люди, бывшіе тоже не совѣтъ бесполезными въ молодости, только что начинавшемъ свою политическую и гражданскую жизнь, государствѣ, но сами по себѣ вовсе не думавшіе ни о чьей пользѣ, кромѣ собственной, а потому не отказывавшіеся ни отъ какой должности, начиная отъ должности простаго лакея и кончая должностью какого нибудь оберъ-штальмейстера или оберъ-церемоніймейстера.

При Петрѣ эти господа держали ухо остро и пробивали себѣ дорожку втихомолочку, безъ шума и скандала. Петръ цѣнилъ однѣ истинныя дарованія, однѣ истинныя заслуги и хотя вообще очень любилъ всякаго рода иноземцевъ, но и отъ нихъ прежде всего требовалъ, чтобъ они дѣлали дѣло и приносили пользу Россіи. Тунеядцы, праздношатающіеся, штукари, годные лишь для одной бесполезной помпы, для однихъ бесполезныхъ, но почетныхъ должностей, были глубоко антипатичны умному и дѣловому царю, и тѣ изъ нѣмцевъ, которые расчитывали, напримѣръ, на одну придворную карьеру, — тѣ горько ошибались въ своемъ сладостномъ расчетѣ. Петръ не любилъ ни пустаго блеска, ни пустой роскоши; онъ жилъ просто, незатѣйливо, какъ небогатый частный человѣкъ, а потому, по справедливому выраженію Василя Никитича Татищева, «чинъ придворныхъ ни во-что вѣнчалъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оныя весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было» (*).

(*) В. Н. Татищевъ и его время, соч. Нила Попова, с. 222.

Нельзя было такимъ образомъ надѣяться на чрезвѣрно быстрыя повышенія, на блестящую карьеру и фортуна при Петрѣ людямъ, гонящимся лишь на какія нибудь оберъ-гофмейстерскія или оберъ-церемоніймейстерскія должности; надобно было для этого ожидать перемѣны обстоятельствъ, и нѣмцы такъ этой благодати дождались. Петрѣ умерѣ. Настали иные времена, явились иные нравы, — «и полѣзли изъ щелей мошки да букашки». Таланты, заслуги, познанія быстро отодвинулись на второй планъ, и мѣсто ихъ заступили фаворитизмъ, интриги, низкокклонничество. Серьезные, дѣльные, способные люди оказались вдругъ не только бесполезными, даже вредными, и замѣнились тѣми, которые умѣли льстить и потѣшать, кетати улыбаться, кетати хмуриться, кетати и некетати кланяться. Настало время шитыхъ золотомъ и серебромъ кафтановъ, богатыхъ камзоловъ, раздушенныхъ париковъ, роскошныхъ экипажей, и тутъ-то именно и пошли въ ходъ тѣ нѣмцы, которые, казалось, самою природою созданы были для оберъ-штаб- и оберъ-гофмейстерскихъ, оберъ-церемоніймейстерскихъ званій. Передъ ними должно было ступенчатся и приникнуть все, выходившее изъ уровня золотой посредственности; они тутъ сразу пустили цѣпкіе корни въ русскую почву, и постоянный приливъ и отливъ ихъ въ Россію и изъ Россіи образовалъ въ нашемъ отечествѣ какое-то особое племя, доселѣ известное подъ названіемъ *русскихъ нѣмцевъ* — несравненныхъ мастеровъ по части разныхъ специальностей, требующихъ точности, аккуратности, педантизма, исполнительности, послушливости и нѣкоторой дозы тупоумія при наружной представительности и важности.

Къ числу такихъ русскихъ нѣмцевъ относятся и братья Густавъ и Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, жизнеописанію которыхъ посвящается настоящая статья. Изъ этого жизнеописанія читатели увидятъ самымъ нагляднымъ образомъ, какъ, за что и почему достигали у насъ во время оно «степеней извѣстныхъ», и что были за люди, достигавшіе этихъ степеней. По этому же жизнеописанію читатели познакомятся довольно подробно и обстоятельно со всей внутренней исторіей царствованія императрицы Анны Іоанновны, т. е. съ одной изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ эпохъ русской исторіи, — съ одной изъ тѣхъ эпохъ, про которую нельзя достаточно наговориться.

Левенвольде были родомъ изъ Лифляндіи (почти всѣ коренные, настоящіе русскіе нѣмцы происходятъ изъ Остзейскихъ провинцій). Отецъ Густава и Рейнгольда, придавшихъ особенную извѣстность на

Руси своей нѣмецкой фамили, носилъ титулъ барона, а потомъ былъ облеченъ чиномъ русскаго тайнаго совѣтника и званіемъ генералъ-адъютанта Петра Великаго. По словамъ Бамтышъ-Камеискаго, баронъ фонъ-Левенвольде «оказалъ притворное усердіе къ пользамъ Россіи» (*). а именно: по ваятіи, въ 1710 году, фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ, Риги, первый присягнулъ въ вѣрности русскому царю и склонилъ къ тому же своими совѣтами и представленіями все ливондское дворянство. За этотъ подвигъ, баронъ фонъ-Левенвольде, во время торжественнаго въѣзда Шереметева въ Ригу, имѣлъ удовольствіе красоваться веркомъ возлѣ парадной кареты фельдмаршала; Ливондцы же, вообще, тоже не остались въ накладъ. 30 сентября 1710 года, Петръ, по ходатайству того же Левенвольде, возобновилъ двумя грамотами всѣ грамоты, законы и привилегіи, дарованные Ливондіи прежними правительствами, повелѣвъ также возвратить Ливондцамъ всѣ несправедливо отнятыя у нихъ Шведами мѣстности, чрезъ что уничтожена была угѣнительная шведская редуція (**). Вслѣдъ за симъ, баронъ фонъ-Левенвольде назначенъ былъ въ Ригу, въ помощь Шереметеву, для управленія гражданскими и «военными дѣлами», въ особенности же дѣлами, касающимися до дворянства, а потомъ опредѣленъ оберъ-гофмейстеромъ во дворѣ супруги царевича Алексея Петровича: Петръ думалъ было сначала назначить Левенвольде гувернеромъ къ царевичу на время путешествія его по Германіи, но не исполнилъ этого потому, что баронъ оказался нужнее дома, въ особенности же для Ливондіи. Левенвольде, по отзывамъ его современ-

(*) *Словарь достопамятныхъ людей русской земли*, ч. III, с. 161.

(**) «Жалованная грамота дворянству княжества ливондскаго, въ подтвержденіе прежнихъ ихъ правъ, а особливо данной отъ польскаго короля Сигизмунда Августа, въ Вильнѣ, 1651 года, привилегіи, касательно шадхотныхъ ихъ правъ, статутовъ, вольностей, достоинствъ и законныхъ ихъ мѣстностей, какъ во владѣніи у нихъ находящихся, такъ и тѣхъ, кои, бывъ наслѣдственными, не по праву у нихъ отняты».

Полное собраніе законовъ російской имперіи, т. IV, стр. 575 и 576.

«Жалованная грамота городу Ригѣ—въ подтвержденіе всѣхъ его прежнихъ городскихъ правъ, статутовъ, судовъ, чиновъ, вольностей, древнихъ обычаевъ, преимуществъ и владѣніи наслѣдственными мѣстностями на томъ же основаніи, какъ оныя издревле отъ разныхъ государей содержаны были».

Тамъ же, стр. 577.

Въ первой изъ этихъ грамотъ баронъ фонъ-Левенвольде титулуется *Нашимъ любезно-вѣрнымъ*, во второй—*Нашимъ особливо-вѣрнымъ тайнымъ совѣтникомъ*.

менниковъ, былъ человекъ очень образованный, дѣльный и зналъ нѣсколько языковъ (*).

У барона фонъ-Левенвольде были три сына. О старшемъ, Фридрихѣ, известно только, что онъ, подобно отцу, былъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-адъютантомъ; въ 1718 году посланъ Петромъ Великимъ въ Вѣну съ просьбою объ отъѣздѣ изъ Россіи цесарскаго резидента Шейера, что и выполнялъ съ успѣхомъ; употребленъ былъ потомъ по нѣкоторымъ другимъ дипломатическимъ дѣламъ и кончилъ жизнь безъ шума и грома, какъ кончаютъ ее тысячи людей. Братьямъ же его, Густаву и Рейнгольду, выпали на долю карьеры гораздо шире и блестящеѣе, и имена этихъ двухъ Левенвольде сияютъ звѣздами первой величины въ яркой плеядѣ другихъ нѣмецкихъ звѣздъ, озаряющихъ землю русскую. Густавъ такъ и досиалъ, начѣвъ немощный, до мирнаго, закономъ природы опредѣленнаго заката; Рейнгольду суждено было померкнуть внезапно, насильственно и преждевременно...

Отличавшійся «примѣрнымъ усердіемъ къ пользѣ Россіи», баронъ, генералъ-адъютантъ и тайный совѣтникъ фонъ-Левенвольде умѣлъ, какъ видно, внушить столь же благонамѣренные принципы и сыновьямъ своимъ, и это, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими качествами, украсившими но-преимуществу Рейнгольда, было главнѣйшею причиною служебныхъ успѣховъ братьевъ. Густавъ началъ свою карьеру прямо на придворномъ поприщѣ, при Петрѣ Великомъ; Рейнгольдъ былъ сначала въ шведской военной службѣ и взятъ въ плѣнъ подъ Полтавою (**). Незначительный, недостаточный офицеръ, онъ жилъ на первыхъ порахъ одною карточною игрою; но физическія свойства его были не изъ тѣхъ, съ которыми въ то доброе старое время молодой человекъ могъ погибнуть и затеряться въ тѣни ничтожества и неизвестности. Рейнгольдъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — высокій, стройный, ловкій, развязный, и взоры женщинъ невольно останавливались на немъ, гдѣ бы онъ ни появлялся. Чья именно женскіе взоры остановились на немъ первые въ Россіи — мы этого не знаемъ; но Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде очень скоро попалъ ко двору, въ число камеръ-юнкеровъ императрицы Екатерины I, и съ этой самой минуты карьера его была устроена. По кончинѣ Петра

(*) *Mémoires et anecdotes d'un ministre étranger, résidant à Petersbourg, concernant les principales actions de Pierre le grand.* La Haye. 1737. P. XXXVIII et XXXIX.

(**) *Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ*, соч. кн. П. Долгорукова, с. 224.

Великаго, Екатерина тотчасъ же произвела Левенвольде въ камергеры, а потомъ въ оберъ-гофмейстеры, возвела его, 24 октября 1726 года, въ графское достоинство, возложила на него, 24 ноября того же года, орденъ св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ году, 31 марта, пожаловала новому графу, въ знакъ особеннаго благоволенія, свой портретъ «для ношенія». Счастье видимо улыбалось красавцу Рейнгольду, и онъ умѣлъ держаться за свое счастье со всею ловкостью развязнаго и увертливаго придворнаго. За исключеніемъ этого умѣнья, да способности вселять въ себя любовь въ самыхъ недоступныхъ женщинахъ, графъ фонъ-Левенвольде младшій едва ли имѣлъ макія либо права на столь быстро приобретенныя имъ почести и отличія, и будь черты лица его менѣе правильны и привлекательны, ростъ пониже, станъ не такъ строенъ — графъ Рейнгольдъ, конечно, пошелъ бы въ ходъ не такъ скоро, хотя все-таки, навѣрное, сдѣлалъ бы болѣе или менѣе видную карьеру. Коротко знавшій его герцогъ Лирійскій говоритъ прямо, что «Левенвольде младшій счастиемъ своимъ обязанъ былъ женщинамъ», присовокупляя къ этому, что «ничто не останавливало его въ достиженіи его намѣреній, и онъ не помянулъ бы лучшаго своего друга и благодѣтеля, еслибы видѣлъ для себя какую либо изъ того пользу (*)». А съ такими свойствами и качествами ловкіе люди не пропадаютъ нигдѣ и никогда.

Густавъ, уступавшій Рейнгольду и въ красотѣ, и въ стройности, и въ ловкости, отсталъ немного, на первыхъ порахъ, отъ младшаго брата на такъ называемой лѣстницѣ почестей и отличій. Графское достоинство, впрочемъ, онъ получилъ въ одно время съ Рейнгольдомъ; камергеромъ же сдѣланъ былъ при Петрѣ II, который, сверхъ этого званія, даровалъ еще Левенвольде старшему, 10 декабря 1728 года, грамоту на владѣніе въ Ливоніи помѣстьями Буртвскъ и Мошъ (**). Эта награда должна была доставить особенное удовольствіе графу Густаву, всегда отличавшемуся замѣчательными хозяйственными способностями и практическими тенденціями.

Густавъ, вообще, былъ гораздо умнѣе, серьезнѣе, дѣльнѣе и разсудительнѣе своего брата. Рейнгольдъ, какъ уже замѣчено выше,

(*) *Записки дюка Лирійскаго и Беренкскаго во время пребыванія его при російскомъ дворѣ, въ званіи посла короля испанскаго, с. 123 и 124.*

(**) «Протоколы верховнаго тайнаго совѣта». *Чтенія, въ обществѣ исторіи и древностей російскіихъ при московскомъ университетѣ, 1838 г., кн. III, с. 100.*

братъ преимущественно своей красотой, дѣйствовалъ спеціально черезъ женщинъ и, подобно всѣмъ героямъ такого рода, болѣе всего любилъ удовольствіе, блескъ, *наслажденіе минуты*, не очень сильно заботясь объ «утрѣ». Густавъ, напротивъ, жилъ, рассчитывая впередъ, желая наслажденій, продолжительнѣйшихъ наслажденій минуты, желая устроить свое положеніе сколь возможно прочнѣе и споконѣе. Онъ былъ тоже придворный, но придворный съ замашками кабинетнаго, даме государственнаго челоука, придворный, умбшій кланяться не столько ловко, сколько почтительно, съ сохраненіемъ при этомъ нѣкоторой дозы собственнаго достоинства. Рейнгольдъ любилъ женщинъ и карты; Густавъ любилъ карты, ружейную охоту и лошадей. Рейнгольдъ игралъ не столько для того, чтобы выиграть, сколько для того, чтобы играть,—значить, игралъ болѣе изъ любви къ искусству, и когда проигрывалъ, то не жалѣлъ объ этомъ, потому что видѣлъ въ деньгахъ не цѣль, а средство; Густавъ игралъ для того, чтобы выигрывать, и выигрывалъ почти всегда, а когда проигрывалъ, то сильно сокрушался о проигрышѣ, потому что видѣлъ въ деньгахъ не средство, а цѣль. Рейнгольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и, казалось, рожденъ былъ для этого званія, и посланъ въ міръ спеціально для того, чтобы устривать блестящіе праздники, церемонные выходы, пыльные церемоніи и сіять на этихъ праздникахъ, выходахъ и церемоніяхъ чучукомъ всѣхъ женскихъ взоровъ; Густавъ былъ оберъ-итальянстеромъ и, какъ челоукъ практическій, аккуратный и свѣдущій; сдѣлалъ по своей части не мало полезнаго. Словомъ, Рейнгольдъ шелъ болѣе на ловкаго, живаго, хвастливаго Француза и оттого, вѣроятно, очень нравился женщинамъ; Густавъ же могъ служить типомъ важнаго, степеннаго, расчетливаго оствейскаго нѣнца и оттого оставилъ по себѣ весьма хорошую память въ придворныхъ компаньяхъ Анны Юлиановны и герцога курляндскаго.

Что касается до образованія братьевъ, то, судя по ихъ дѣятельности и по отзывамъ о нихъ современниковъ, Густава можно было назвать челоукомъ образованнымъ, Рейнгольда же—челоукомъ благовоспитаннымъ, понатершимся и потому способнымъ поддержать въ свѣтскомъ обществѣ какой угодно разговоръ. При этомъ, оба брата не прочь были прихвастнуть и прилгнуть, а Рейнгольдъ, сверхъ того, отличался совершеннымъ индиферентизмомъ въ дѣлѣ религіи и даже, по словамъ герцога Лирійскаго, едва ли вѣрилъ въ Бога (*).

(*) *Вильскіи дѣла Лирійскаго*, с. 123 и 124. *Записки Василія Александрова*.

Обстоятельства, предшествовавшія вступленію на престолъ Анны Іоанновны, дали возможность братьямъ фонъ-Левенвольде выдвинуться разомъ на первый планъ, мимо всѣхъ самыхъ самовитыхъ и перодитыхъ Русскихъ. Эти же обстоятельства послужили и пребыванію каніемъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій будущихъ оберъ-кавалейстера и оберъ-генерала.

Преждевременная, внезапная, никѣмъ нежданная кончина Петра II, въ лицѣ котораго угасло мужское поколѣніе дома Романовыхъ, провела сильныя волненія и хлопоты при дворѣ по поводу вопроса о томъ, кому теперь наследовать опустѣвшій российский престолъ. По завѣщанію императрицы Елизаветы I, право на корону имѣлъ наследный принцъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Карлъ-Петръ-Ульрихъ, сынъ покойной Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго; но члены верховнаго тайнаго совѣта самовластно присвоили себѣ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, и единогласно отвергли права на престолъ принца Шлезвигъ-Гольштинскаго, подъ предлогомъ, чтобы не пришлось Россіи воевать за Шлезвигъ съ Даніей, и чтобы не подпасть подъ власть Гольштинцевъ, въ особенности же графа Бассевича, пріише всѣмъ месалинаго въ царствованіе Елизаветы. Верховный тайный совѣтъ состоялъ въ то время изъ осьми членовъ: канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина, вице-канцлера, барона Андрея Ивановича Остерманна, князей Дмитрія Михайловича и Михаила Михайловича Голицыныхъ и князей Василія Лукича, Василія Владимировича, Михаила Владимировича и Алексѣя Григорьевича Долгоруковыхъ. Остерманнъ, по своему обыкновенію, тотчасъ же заболѣлъ, съ цѣлью владѣть только тогда, когда рѣшится мудреное и опасное дѣло, за тѣмъ его товарищами (*); графъ Головкинъ хотя и не заболѣлъ, но не высказывалъ ничего опредѣлительнаго; а потому рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи легло всюю своею тяжестью на однихъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, чего, впрочемъ, тѣ и добивались.

Цѣли и стремленія Долгоруковыхъ обнаружались сразу, когда князь Алексѣй Григорьевичъ указалъ на дочь свою Елизавету, обрученную невѣсту покойнаго императора, какъ на законную наследницу

см. Пачепина, с. 40 и 41. Записки князя Якова Петровича Швабскаго, ч. I, с. 106. Записки Минина, сына фельдмаршала, писанныя для дѣтей своихъ, с. 51. *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie*, par le général de Manstein, t. II, p. 217.

(*) *Mémoires historiques etc.*, par le général de Manstein, t. I, p. 40.

російскаго престола. «Его дарости—говоритъ Θεοφана Прокоповичъ—яко весьма величавней многіе удивились, но на требованіе его, яко весьма непрестойное и сильна достойное, никто не посмотрѣлъ», и потребованныя затѣя «другихъ господъ мнѣнія уже вѣтъ саміи государя не выжидали (*)». Указано было и на вдовствующую царицу Евдокію Θεодоровну; говорено было и о дочеряхъ Іоанна Алексѣевича, Елагернѣ и Мрасковѣ Іоанновнахъ; упомянута была и Елизавета Цесаревна, —но ни на одномъ изъ этихъ лицъ не сложились *сердосоклики*, и только, по увѣренію Θεοφана Прокоповича, «когда прозвонилось имя Анны, вдовы курляндской герцогини, дочери Іоанна царя, почтись чудное войдѣ явилось согласіе, которому спорить не носились и еяже, неимѣя завладѣнія и, не мнѣнію ихъ, неостъемлемая уже, въ рукахъ была высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила (**)».

Это чудное согласіе объяснялось очень просто: избирая на царство герцогиню курляндскую, князя Долгоруковы и Голицыны задумали, по примѣру Швеціи, ограничить самодержавную власть въ Россіи, и это ограниченіе поставили непразвѣрнымъ условіемъ вступленія на престолъ Анны Іоанновны, въ надеждѣ, что она, изъ благодарности за возведеніе на корону, согласится на все требованіе. Пробываніе герцогини курляндской внѣ предѣловъ Россіи, въ Митавѣ, казалось такою вероянникамъ обстоятельствомъ весьма благоприятнымъ: они надеялись чрезъ это выиграть время и распорядиться исподоволь такъ, чтобы одуманное ими дѣло не встрѣтило никакой помѣхи.

Первое слово объ ограниченіи самодержавія произнесено было княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Упомянувъ о томъ, что со смертію Петра II пресѣклась мужская линия Петра Великаго, Голицынъ сказалъ, что Россія много терпѣла отъ прежняго порядка вещей, поддерживаемаго иностранцами, въ такомъ множествѣ притязаніемъ въ Россію Петрами, и что теперь необходимо ограничить самодержавіе королями и справедливыми законами, а потому императорская власть должна быть предложена герцогинѣ курляндской не иначе, какъ на извѣстныя условія (***) . Мнѣніе это принято было, но слезавъ герцога Анріисаго, «съ громкимъ одобреніемъ» всѣми, послѣ

(*) *Повесть о смерти императора Петра II и о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны*, соч. архіепископа Θεοφана Прокоповича, с. 137.

(**) Тамъ же.

(***) *Mémoires historiques etc.*, par le général de Mausein, t. I, p. 40.

чего тотчасъ назначены были депутатами для поездки въ Митаву князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицыны и генералъ-майоръ Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ. Они должны были отвезти къ Аннѣ Іоанновнѣ *кондиціи* *россійскому* *приселенію* и, въ случаѣ согласія герцогини на эти кондиціи, проводить ее до Москвы.

Задумавъ ограниченіе самодержавія и толкуя по этому поводу о благѣ Россіи и счастіи россійскаго народа, верховники въ сущности гораздо болѣе думали о собственномъ благѣ и собственномъ счастіи, и мыслимы ихъ, основанныя на личныхъ, эгоистическихъ, честолюбивыхъ расчетахъ, не привели ни къ чему, встрѣтившись съ такими же расчетами непріязненной Долгоруковымъ и Голицынымъ партіи. Князь Василій Лукичъ, напримѣръ, предложившій перавъ Анну Іоанновну въ императрицы всероссійскія, предлагалъ ее собственно потому, что, въ бытность свою передъ тѣмъ въ Митавѣ, пользовался особенною, чрезвычайною благосклонностью герцогини курляндской и надѣялся пользоваться таковою же ея благосклонностью и въ Россіи (*). Князь Василій Лукичъ, конечно, дѣйствовалъ такимъ образомъ, руководствуясь обще-человѣческими и нисколько не противестественными побужденіями: онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ еяко возможно наслаждаться быстротечною жизнію; но другіе вѣдь тоже хотѣли жить, другіе тоже хотѣли наслаждаться быстротечною жизнію, а потому, руководствуясь тѣми же обще-человѣческими и нисколько не противестественными побужденіями, приняли втихомолку всѣ зависѣвшія отъ нять вѣры, направленные къ цѣлямъ, противоположнымъ цѣлямъ князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ. И тѣ, и другіе, разумѣется, играли не удачу; но шансовъ удачи, по весьма многимъ обстоятельствамъ, было гораздо болѣе на сторонѣ, непріязненной верховникамъ.

Совѣщанія и распоряженія верховнаго тайнаго совѣта производились въ глубочайшей тайнѣ; но, благодаря Гаврилѣ Ивановичу Головкину и баронессѣ Остерманнѣ, тайна эта не осталась тайною, и вся Москва заговорила и завопила о неслыханномъ, небываломъ дѣлѣ, затѣянномъ князьями Долгоруковыми и Голицыными. Одни, составлявшія большинство, были противъ верховниковъ по непривычкѣ ко всякимъ переменамъ и нововведеніямъ; другіе—по тупоумію и невѣжеству; третьи—по личнымъ соображеніямъ и цѣлямъ. Эти не-

(*) Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, с. 118.

судьи, состоявшие бо́льшую частію изъ такъ называемыхъ *особь*, т. е. изъ людей народнстыхъ и титулованныхъ, почитавшихъ себя несколько не ниже Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, завидовавшихъ имъ и ненавидѣвшихъ ихъ, образовали тотчасъ же самую горячую и дѣятельную оппозицію членамъ верховнаго тайнаго совѣта. Они очень хорошо понимали, что замыслы князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ поведутъ, въ случаѣ успѣха, къ фаворитизму той или другой фамиліи; а фаворитизмъ верныхъ былъ еще у всѣхъ на свѣжей памяти. Всѣ помнили предѣлки князя Ивана Алексѣевича; всѣ видѣли, какъ онъ, окруженный драгунами, скакалъ, бывало, какъ бѣшеный, по городу, сшибая съ ногъ и давя всѣхъ, кто ни попадался ему на встрѣчу; всѣ знали, какъ онъ врывается по ночамъ въ совершенно незнакомые ему дома, вламываясь въ женскія спальни «и до толковой предерзости притомъ, что кромѣ зависти, нечаянной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самого себя, такъ и всю фамилію свою какъ бы нарочно подвергалъ (*)». Никто не желалъ потеренія подобныхъ предѣлокъ, т. е. никто не желалъ терять отъ новаго фаворита; фаворитомъ же хотѣлось быть каждому, и хотя каждый, достигнувъ этого званія, сталъ бы навѣрное производить штучки, можетъ быть, еще почище штучекъ князя Ивана Алексѣевича, но это, разумѣется, несколько не препятствовало ненавидѣвшимъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ лицамъ съ ужасомъ и негодованіемъ помышлять и разглагольствовать о преобладаніи той или другой фамиліи.

Великожи такимъ образомъ составляли оппозицію верховникамъ, подстрекаемые каждый сладостною надеждою затѣвать въ грязь своихъ противниковъ и занять первое мѣсто при новой правительницѣ; лица же, стоявшія пониже, дворяне средней руки, не могшіе по общественному положенію своему, питать столь честолюбивыхъ плановъ, присоединились къ оппозиціи Долгоруковымъ и Голицынымъ по другимъ соображеніямъ. Изъ слуховъ и толковъ, ходившихъ по Москвѣ о замыслахъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, дворяне средней руки провѣдали о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ верховники намѣревались устроить новое проявленіе. Основанія эти были основанія правленія чисто аристократическаго, при которомъ среднее дворянство утрачивало всякое значеніе, и это обстоятельство, разумѣется, не могло прійд-

(*) *Повѣсть* и пр. Феодана Прокоповича, с. 104.

твѣ по душѣ людямъ, и безъ того уже немало терѣвшихъ отъ всякаго рода *особѣ* и сильныхъ міра сего. Среднее дворянство (не крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей) было не прочь отъ нравительственной реформы; но оно желало, чтобы эта реформа была благотворна не для однихъ только аристократовъ, и, не зная какъ это сдѣлать, не имѣя средствъ бороться съ верховниками, единодушно стало на сторону ихъ противниковъ, собиравшихъ, что хотя старый порядокъ вещей и не хорошъ, но новый можетъ быть еще хуже (*).

Знатнѣйшее духовенство, уже по самому своему образу мыслей, не симпатизировавшее никакимъ переменамъ и нововведеніямъ, а теперь еще оскорбленное членами верховнаго тайнаго совѣта тѣмъ, что было устранено отъ всякаго участія въ рѣшеніи вопроса объ избраніи новой императрицы, прикнуло тоже къ оппозиціи Долгоруковымъ и Голлицынымъ. Словомъ, все сословія, болѣе или менѣе рѣшительныя, болѣе или менѣе энергичныя, болѣе или менѣе сознательныя, протестовали противъ замысловъ верховниковъ, и только одинъ такъ называемый народъ, для блага котораго затѣвались все перемены и преобразования, ния котораго всуе, но весьма эффектно признавалось всѣми, власть имѣвшими,—только одинъ народъ пребывалъ, какъ всегда, въ невозмутимомъ, благодушномъ, умилительномъ индифферентномъ, продолжая усердно молиться за здравіе почившаго императора; о кончинѣ котораго объявлено было не прежде 3 февраля 1730 года, т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ самой кончины.

Графъ Рейнгольд Левенвольде, находившійся все это время въ Москвѣ и предававшій изъ перышекъ рукъ, отъ *болѣзняка*, не выходящаго изъ дому, но за всѣмъ слѣдившаго и все знавшаго Остерманна, о замыслахъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, возсталъ

(*) «Въ Россіи, до сихъ поръ, все привыкло повиноваться неограниченному властителю—висалъ англійскій резидентъ Рондо въ доносѣ отъ 28 февраля (н. с.) 1730 года—и никто не составилъ себѣ никакой опредѣленной идеи о правленіи ограниченномъ. Вельможи желали бы сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, а мелкое дворянство, дворяне средней руки этого не желаютъ и предпочитаютъ имѣть одного повелителя вмѣсто несколькихъ, если ужъ нельзя устроить дѣло такъ, чтобы среднее дворянство было хоть чѣмъ нибудь гарантировано въ своихъ правахъ и тѣмъ избавлено отъ тиранніи вельможъ».

Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin. 1858. p. 20.

противъ этихъ замысловъ всѣми силами души своей, замышлять по-
годованиямъ и рѣшилася дѣйствовать, не терпя ни минуты. Да и
могъ ли же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не востать, не замышлять по-
годованиямъ, не рѣшится дѣйствовать? Во-1-хъ, въ числѣ другихъ
должностей своихъ и званій, графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде
облагодѣнъ быль званіемъ тайнаго агента герцогини курляндской, и
умо одно это званіе обязывало его, какъ преданнаго мюландца,
не уклонять изъ виду ничего, касающагося къ пользѣ и выгодѣ
герцогини (*). Во-2-хъ, онъ очень хорошо понималъ, что не да-
ромъ же старый елигартъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голи-
цынъ, усаживалъ въ своей рѣчи, по поводу ограниченія самодержа-
вія, обь иностранцахъ, въ такомъ мѣстоимствѣ произносимыхъ
въ Россію *Петромъ Великимъ*. Онъ зналъ о чувствахъ, которыя
питалъ въ нему не только Голицыны и Долгоруковы, но и вся рус-
ская партія, и несколько не заблуждался на счетъ будущности,
которая, въ случаѣ удачи верховниковъ, должна была ожидати и его
самого, благороднаго графа, и всѣхъ его *ландеманновъ* мюландскаго,
курляндскаго, волыандскаго и чисто германскаго происхожденія (**).
Въ 3-хъ, наконецъ, графъ Рейнгольдъ расчелъ, что броситься на-
прямую въ глава новой повелительницѣ, заявить ей первому чувству
глубочайшей преданности—вещь въ высшей степени выгодная и по-
лезная,—воера, не воспользоваться которой было бы болѣе, чѣмъ
странно. Съ другой точки зрѣнія благородный графъ и не могъ смот-
рѣть на совершавшіяся передъ нимъ событія: онъ пребывалъ въ Рос-
сіи съ единственною цѣлю—сдѣлать карьеру и счастію, и если по

(*) *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ*, с. 225.

(**) «Чтобы лучше познать настоящее состояніе сего двора, надобно
знать, что здѣсь двѣ партіи—говоритъ герцогъ Лирійскій о дворѣ и при-
ворныхъ Петра II—первая царская, къ которой принадлежатъ всѣ тѣ Рус-
скіе, кои главнѣйше стремятся къ тому, чтобы выгнать отсюда всѣхъ ино-
странныхъ. Эта партія раздѣляется на двѣ: одна состоитъ изъ Голицыныхъ,
другая изъ Долгоруковыхъ. Вторая партія называется великой княжны, сестры
царской, и къ ней принадлежатъ баронъ Остерманъ, графъ Левенвольдъ и
всѣ иностранцы. Цѣль сей партіи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать
себя противъ Русскихъ милостію и покровительствомъ великой княжны, ко-
торую царь по сіе время весьма много уважаетъ. Левенвольда ненавидятъ не
только Русскіе, но и всѣ честные люди, а прискорбнѣе всего то, что Остер-
манъ очень любитъ такого человѣка, котораго всячески стараются отдалить
отъ двора».

Записки дюка Лирійскаго, с. 15.

натурѣ своей, какъ уже замѣчено выше, не задумался бы приносить въ жертву этой цѣли «своего лучшаго друга и благодѣтеля», то что же значили для него интересы и блага совершенно чужаго ему народа, на который еще, къ довершенно-всего, благороднейшей злощастности, подобно всѣмъ почти нивоземцамъ, взиралъ съ высока, съ презрѣніемъ и аристократической брюзгливостью, какъ на стадо не совѣтливъ опритныхъ и весьма глупыхъ животныхъ? Ставовась на сторону, враждебную Долгоруковымъ и Голицынымъ, будущій оберъ-гессмаршалъ, конечно, не далъ себѣ труда подумать—на которой изъ двухъ сторонъ слѣдовало бы стоять человѣку, заботившемуся о пользѣ и благѣ Россіи, какіе результаты могутъ произойти изъ задуманнаго верхушками новаго порядка вещей и какіе результаты произошли уже отъ стараго, что хорошаго въ одномъ, и что дурнаго въ другомъ? Такія размышленія были и не подъ силу и не по вкусу человѣку, занимавшемуся специально картами, волокитствомъ и всякаго рода негѣхами; а ужъ если бы, паче чаянія, нечто подобное и забрало въ красивую голову камергера Рейнгольда фонъ-Левенвольде, — онъ и тутъ могъ бы очень легко успокоиться и признать себя впадѣть правымъ во силѣ слѣдующаго силлогизма: замысливъ верхушечкою не симпатизировавъ почти никто и изъ Русскихъ; большинство было помыслительно противъ всякой перемены въ образѣ правленія, следо-ва старій порядокъ,—стало быть, старій порядокъ былъ гораздо благодѣльнѣе для Россіи новаго и неборшня этого порядка были истинными патриотами...

Движимый всѣми этими побужденіями и соображеніями, графъ Рейнгольдъ Левенвольде рѣшился дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ. Онъ написалъ письмо къ брату своему Густаву, находившемуся въ то время въ своихъ люляндскихъ помѣстьяхъ, и умолилъ его немедленно же скатать въ Мятаву, чтобы извѣстить герцогиню объ избраніи ея на царство и предупредить ее о затѣянномъ Долгоруковыми и Голицыными ограниченіи самодержавія. Письмо это графъ Рейнгольдъ вручилъ своему скороходу, который, переодѣвшись въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за городскую заставу, сѣлъ тутъ въ приготовленные для него легкія сани и понесся, какъ вѣтеръ, въ Люляндію, оставивъ своего повелителя въ мучительнѣйшемъ и тревожнѣйшемъ ожиданіи (*).

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 44.

Въ то же самое время и почти такъ же скоро неслись въ Митаву еще два вѣстника: одинъ отъ архіепископа Новгородскаго, Ософана Прокоповича; другой—отъ оберъ-шталмейстера, графа Павла Ивановича Ягушинскаго. Они посланы были тожо съ цѣлью поздравить и извѣстить обо всемъ Анну Иоанновну; но счастье было рѣшительно на сторонѣ счастливаго графа Рейнгольда. Скороходъ его обогналъ всѣхъ, не смотра на то, что, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, задерживаемы были не только всѣ проѣзжіе, но и почты, и Густавъ Левенвольде, получивъ письмо брата, успѣлъ прискакать въ Митаву цѣлыми сутками раньше депутатовъ, хотя тѣ, безпрестанно перемѣняя заранѣе выставленныхъ лошадей, «летѣли паче, нежели ѣхали (*)».

Густавъ Левенвольде повелъ дѣло отлично. Извѣстивъ Анну Иоанновну обо всемъ, о чемъ сообщалъ ему братъ, онъ посоветовалъ ей, чтобы она не отвергала предложеній депутатовъ и подписала безпрекословно всѣ ихъ условія, которыя послѣ очень легко будетъ уничтожить, потому что въ Москвѣ никто не сочувствуетъ Долгоруковымъ и Голицынымъ, и замыслы ихъ непремѣнно рухнуть сами собою. Такая рѣчь была, разумѣется, по-сердцу герцогини курляндской, и она съ признательностью приняла совѣтъ Левенвольде, который тотчасъ же послѣ того откланялся и уѣхалъ обратно въ свои ливонскіе помѣстья—выжидать что-то будетъ. Выжидать этого въ Митавѣ осторожному Густаву Левенвольде показалось неблагоприятнымъ, потому что изъ встрѣчи съ депутатами не предвидѣлось для него ничего особенно хорошаго, и это, дѣйствительно, испыталъ на себѣ голецъ, посланный къ Аннѣ Иоанновнѣ отъ Ягушинскаго, бывшій адъютантъ его, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ.

Сумароковъ значительно отсталъ отъ скорохода графа Рейнгольда и прибылъ въ Митаву, уже пять часовъ спустя послѣ депутатовъ верховнаго тайнаго совѣта (**). Узнавъ о его пріѣздѣ, князь Василій Лукчъ Долгоруковъ самъ отправился къ нему, прибылъ его, арестовалъ, велѣлъ заковать въ кандалы и, взявъ у него письмо Ягушинскаго, отослалъ его обратно въ Москву, къ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, съ генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ. По прибытіи Леонтьева въ Москву, Ягушинскій былъ тожо арестованъ, и только одно предстательство и ходатайство тестя его, Гаврилы Ива-

(*) *Повесть* и пр. Ософана Прокоповича, с. 197.

(**) *Записки князя Ливинскаго*, с. 79.

новича Головкина, спасло неосторожного оберъ-штабмейстера отъ смертной казни. Какая участь постигла гонца Феофана Прокоповича— неизвѣстно; но самъ краснорѣчивый витія не пострадалъ несколько и, какъ во многихъ случаяхъ своей жизни, вышелъ совершенно сухимъ изъ воды.

Видѣвъ съ предательскимъ письмомъ Ягушинскаго, генералъ-майоръ Леонтьевъ привезъ въ Москву и *кондиціи* *россійскому правленію*, подписанныя Анной Иоанновной, къ неизреченной радости верховниковъ, такъ: «по сему общаюсь все, безъ всякаго изъятія, содержать. Анна». Привезъ также Леонтьевъ рескриптъ новой императрицы «любезно вѣрнымъ подданнымъ, присутствующимъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ»,—рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«По соизволенію всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скиптры монарховъ опредѣляетъ, избраны Мы на россійскій прародителей Нашихъ престолъ, и хотя Я разсуждала, какъ тяжело есть правленіе толь великой и славной монархіи, однакоже, повинувась той же божественной волѣ и прося Его, Создателя, поимощи, къ тому же не хотя оставить отечества Моего и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы всѣ Наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. А повеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ Моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли Мы за потребно, для пользы россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое Наше намѣреніе, которое Мы имѣемъ къ отечеству Нашему и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, и для того, елико время Нашъ допустило, написавъ, какими способами Мы то правленіе вести хожемъ, и подписавъ Нашею рукою, послали въ тайный верховный совѣтъ, а сами сего (января) мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, поидемъ. Впрочемъ общаемъ вамъ, и всѣмъ Нашимъ подданнымъ, Нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи Нашемъ, дѣйствительно показать хожемъ, и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу» (*).

(*) *Примѣчанія къ запискамъ дюка Лурійскаго, с. 166—168.*

Помня слова и совѣты Густава Левенвольде, Анна Іоанновна подписала и *кондиціи*, и рескриптъ безъ всякаго прекословія и, повидному, съ полнѣйшею готовностію въ самомъ дѣлѣ «содержать все, безъ изытія»; но истинныя чувства ея къ «любезно-вѣрнымъ подданнымъ, присутствующимъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ», были далеко не дружелюбны, въ особенности же за то, что въ числѣ условий, предложенныхъ этими любезно-вѣрными подданными, находилось дерзкое требованіе—отнюдь не брать императрицѣ съ собою въ Москву камеръ-юнкера Эрнста-Іоганна Бирона. Возложивъ, впрочемъ, все упованія на всемогущаго Бога, Анна Іоанновна простилась съ Ми-тавой и Бирономъ, и 29 января 1730 года выѣхала «къ Москвѣ, для вступленія на престолъ».

Въ Москвѣ между тѣмъ торжествующіе верховники издали манифестъ, въ которомъ объявлялось о кончинѣ императора Петра II и объ избраніи на престолъ «общимъ желаніемъ и согласіемъ всероссійскаго народа» государыни царевны, Анны Іоанновны. Духовенство немедленно открыло присягу императрицѣ *Аннѣ Первой*; но такъ какъ въ манифестѣ верховнаго тайнаго совѣта не говорилось ничего о *кондиціяхъ* *россійскому правленію*, то, воспользовавшись этимъ, расчетливый Феоданъ Прокоповичъ, по соглашенію съ графомъ Гаврилою Ивановичемъ Головкинымъ, разослалъ повсюду присяжные листы, въ которыхъ Анна Первая именовалась *самодержавицей*; а синодъ повелѣлъ провозглашать на эктенияхъ «государыни имя съ полною монаршескою титулою, самодержавіе въ себѣ содержащую (*)». Вмѣстѣ съ тѣмъ и Феоданъ, и Головкинъ, и другіе, недовольныя замыслами верховниковъ, *особы* хлопотали самымъ дѣятельнымъ образомъ объ увеличеніи своей партіи, и къ этой партіи, дѣйствительно, стекались со всѣхъ сторонъ и недруги князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, и недруги вообще всякихъ перемѣнъ и нововведеній. Ядро оппозиціи, кромѣ графа Головкина и Феодана Прокоповича, составляли слѣдующія лица: фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, князь Иванъ Федоровичъ Бяргинскій, графъ Федоръ Андреевичъ Матвѣевъ и генералы: Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Григорій Петровичъ Чернышевъ и Александръ Ивановичъ Румянцевъ. Къ этому же кружку принадлежалъ и ученый Василій Никитичъ Татищевъ, составившій для своихъ единомышлен-

(*) *Повѣсть* и пр. Феодана Прокоповича, с. 206.

никовъ пространную записку, въ которой съ помощью всевозможныхъ историческихъ и философическихъ доводовъ доказывалась *непорядочность* избранія Анны Іоанновны членами верховнаго тайнаго совѣта. «По закону естественному—говорилось въ запискѣ—избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ, какъ—то нынѣ *непорядочно* учинено». Обрушиваясь затѣмъ на верховниковъ всею тяжестью своей учености и благонамѣренности, Татищевъ говорилъ, что «они дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію, объявляя намъ Ея Величества письмо и пункты, яко бы она сама по своей волѣ учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной продерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ онаго имѣеть что представить, то бы имъ объявили. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностью разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и иное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому законнѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули (*)».

Конечнымъ выводомъ изъ ученыхъ словозвѣтій ученаго Василія Никитича вытекала мысль, что въ измѣненіи существующаго въ российской имперіи образа правленія «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ»; въ заключеніе же записки слѣдовала нѣкоторая хвалебная пѣснь новой императрицѣ. «Хотя мы—писалъ Татищевъ—ея мудростью, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ не удобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить (**)».

Вновь учредить для помощи ея величеству, по мнѣнію Татищева и его единомышленниковъ, потребно было слѣдующее: 1) сенатъ изъ

(*) «Двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію императрицы Анны». *Утро*. Литературный Сборникъ. Москва. 1839. с. 370.

(**) Тамъ же. с. 375.

двадцати одного члена, въ числѣ которыхъ были бы и члены верховнаго тайнаго совѣта; 2) другое «нижнее правительство», для завѣдыванія дѣлами внутренней экономіи, изъ ста человѣкъ, дѣлившихся на три части и занимавшихся дѣлами по третямъ года; въ случаяхъ же чрезвычайныхъ, съѣзжавшихся по повѣсткѣ и составлявшихъ общее собраніе. Сверхъ того предполагалось: а) замѣщать мѣста сенаторовъ, президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ въ губерніяхъ посредствомъ балотированія въ сенатѣ и «нижнемъ правительствѣ», а главныхъ командировъ въ войскахъ—посредствомъ балотированія военными генералами. б) Высочайшія повелѣнія относительно изданія новыхъ законовъ посылать на предварительное разсмотрѣніе и обсужденіе во всѣ коллегіи. в) Двумъ членамъ одной и той же фамиліи не быть въ сенатѣ или въ «вышнемъ правительствѣ»; а въ «нижнемъ» и въ коллегіяхъ не допускать только близкихъ родственниковъ. г) Въ тайной канцеляріи, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ правительства лицомъ, засѣдать помѣсячно двумъ членамъ изъ сената; а чтобъ при арестахъ тайная канцелярія не касалась имущества арестуемыхъ,—брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку. д) Относительно шляхетства, «для произвожденія его въ войскѣ и гражданствѣ», искать лучшаго способа, нежели нынѣ, а именно: учредить во всѣхъ городахъ потребныя для шляхетства училища; людей моложе восемнадцати лѣтъ не принуждать къ службѣ и болѣе двадцати лѣтъ въ войскѣ служить не заставлять; въ матросы и ремесла не писать; составить по всему государству роспись шляхетству и всѣмъ, владѣющимъ деревнями, изъ какого бы чина они ни были. е) Разсмотрѣть доходы духовенства и деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей своихъ въ училищахъ, и самимъ не пахать; у кого же есть избытки, употребить ихъ на дѣла, полезныя Богу и государству. ж) Купечество, сколь возможно, уволить отъ постоевъ, избавить отъ утѣсненій и дать ему способы къ развитію мануфактуръ и торговли. з) Пункты о наслѣдствѣ оставить, «а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи Уложенія (*)».

Подъ запиской этой подписались двѣсти девяносто три человѣка, и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій представилъ ее, отъ лица шляхетства, верховному тайному совѣту, прося немедленно разсмотрѣть

(*) Тамъ же, с. 375—377.

изложенныя въ ней требованія, пригласивъ къ тому сто депутатовъ изъ среды дворянъ. Это было 4 февраля. 5-го, въ совѣтъ поступила другая записка, поданная генераломъ Матюшкинымъ и подписанная девяносто шестью дворянами, которые предоставляли право рѣшенія возникшаго вопроса одному верховному совѣту. Черезъ четыре дня послѣ того явилась еще третья записка, представленная княземъ Куракинымъ и подписанная пятнадцатью дворянами. Куракинъ и его единомышленники, соглашаясь почти во всемъ съ мнѣніями Татищева, предлагали оставить при сенатѣ и сточленномъ «нижнемъ правительствѣ» и верховный тайный совѣтъ, а также заявляли желаніе, чтобы столица и резиденція имперіи оставалась въ Москвѣ. На все это верховники отвѣчали, что «имъ надлежитъ все учрежденіе учинить, не требуя ничего совѣта». Мнѣніе это подписали девяносто семь человекъ (*).

Отвѣтъ этотъ раздражилъ всѣхъ; но люди осторожные и предусмотрительные сочли нужнымъ до поры-до времени не давать воли своимъ чувствамъ, видя, что это было бы дѣломъ очень рискованнымъ. Къ числу такихъ мудрецовъ принадлежалъ, разумѣется, и Андрей Ивановичъ Остерманнъ. Онъ все еще страдалъ то главною болѣзною, то подагрой, то хирагрой (смотря по требованію), и потому никогда не выѣзжалъ изъ дому и ни во что не вмѣшивался; но онъ зорко наблюдалъ за всѣмъ, все зналъ, все видѣлъ, и только выжидалъ благоприятной минуты, чтобы принять рѣшительное участіе въ дѣйствіяхъ той партіи, которая восторжествуетъ. Въ душѣ, разумѣется, онъ былъ на сторонѣ оппозиціи князьямъ Долгоруковымъ и Голицынымъ.

Столь же внимательно присматривался ко всему и графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, съ замираніемъ сердца ожидая, чѣмъ то все разыграется, блѣднѣя и содрагаясь при каждомъ новомъ успѣхѣ верховниковъ, радуясь и раздвѣтая душою при каждомъ новомъ шансѣ удачи ихъ противниковъ. Для него, еще болѣе, чѣмъ для Остерманна, вопросъ о побѣдѣ той или другой стороны былъ вопросомъ—*быть или не быть...*

А рѣшеніе этого вопроса было уже не за горами. 10 февраля Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Чашниково и здѣсь встрѣчена была тремя архіереями и тремя сенаторами. Во время этой встрѣчи, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ не отходилъ ни на шагъ

(*) Тамъ же, с. 378.

отъ императрицы и, по выраженію Θεοφана Прокоповича, « остро наблюдалъ » за всѣми движеніями какъ сенаторовъ, такъ и архіереевъ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Анна Іоанновна выѣхала изъ Чашникова въ село Всесвятское, находившееся только въ семи верстахъ отъ Москвы, и, прибывъ туда въ третьемъ часу по полуночи, положила остаться здѣсь до торжественнаго въѣзда своего въ столицу, долженствовавшаго произойти послѣ погребенія усопшаго императора.

II.

Тѣло усопшаго императора предано было землѣ 11 февраля. Послѣ печальной церемоніи, ѣздили во Всесвятское представляться императрицѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, сенаторы и другіе перво-классные сановники; а черезъ три дня послѣ того, 15 февраля, совершилось вшествіе Анны Іоанновны въ Москву « съ великою славою », по церемоніалу, сочиненному въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. По бокамъ раззолоченной и богато убранной кареты императрицы ѣхали верхами: съ одной стороны князь Василій Лукичъ Долгоруковъ въ сопровожденіи генералъ-маіора Леонтьева, съ другой—князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ въ сопровожденіи генералъ-маіора Шувалова. Графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, присутствовавшій тоже, въ качествѣ камергера, при этомъ торжественномъ вшествіи, не безъ волненія и тревоги долженъ былъ взирать на кортежъ ея императорскаго величества, не предвѣщавшій ничего добраго російскимъ камергерамъ нѣмецкаго происхожденія. Единственнымъ утѣшеніемъ для благороднаго графа могло служить развѣ то обстоятельство, что, во время пышнаго и наряднаго церемоніала, много лицъ по сторонамъ отличалось какимъ-то сумрачнымъ, безпокойнымъ и озбоченнымъ выраженіемъ, да и фізіономія самой императрицы не поражала особенной ясностью и умиленіемъ... « Не имѣла Ея Императорское Величество чѣмъ веселиться, и многіе о ея бѣдномъ состояніи тужили и печалились »—говоритъ Θεοфанъ Прокоповичъ—и все это неминуемо предвѣщало еще много смутъ и передрагъ въ будущемъ; все это говорило, что ликовавшимъ верховникамъ еще рано успокаиваться на лаврахъ...

Москва, дѣйствительно, волновалась съ каждымъ днемъ все больше и больше, и число недовольныхъ «затѣйками» князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ возрастало безпреставно. Находились даже герои такого рода, которые намѣревались напасть на верховниковъ вооруженною рукою и перебить ихъ всѣхъ до одного. Другіе, болѣе умѣренные, стремились лишь торжественно передать императрицѣ желаніе всего народа, «дабы Ея Императорское Величество соизволила принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники (*)», — хотя народъ, какъ мы уже говорили, не принималъ ровно никакого участія въ дѣйствіяхъ всельможъ и дворянства, и теперь, присягнувъ новой царицѣ, зналъ лишь одно, что ее зовутъ Анной Ивановной, не зная, да и не желая знать, какая тамъ она — неограниченная или ограниченная, потому что платить подати и нести повинности пришлось бы все равно и ограниченному, и неограниченному, и какому ни на есть начальству...

Ропотъ, жалобы и угрозы оппозиціи, доходившіе, разумѣется, до слуха верховниковъ, заставляли ихъ съ тоской и боязнью сознавать слабость и шаткость своего положенія, и это непріятное сознаніе отражалось невольно на неровности ихъ поступковъ, на нерѣшительности ихъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, принудивъ духовенство сочинить новую присягу императрицѣ, верховники велѣли выкинуть изъ этой присяги титулъ самодержицы и вставить выраженіе: «служить государынѣ и отечеству», но не осмѣлились послѣдовать совѣту князя Дмитрія Михайловича Голицына, который хотѣлъ, чтобы новая присяга принесена была на имя *государыни и верховнаго тайнаго совѣта*. Надеждъ своихъ они, вообще, еще не покидали, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ совершенно деспотически обращался съ новой своей повелительницею, страшась ежеминутно, чтобы кто нибудь другой не заступилъ его мѣста. Онъ помѣстился во дворцѣ возлѣ самыхъ покоевъ императрицы, наблюдалъ за каждымъ ея поступкомъ, не позволялъ никому видѣться съ нею наединѣ, за исключеніемъ однѣхъ придворныхъ дамъ, допускалъ и дамъ не всѣхъ и не всегда, — словомъ, «какъ бы нѣкій драконъ, блюлъ ее неприступну», по выраженію Феодана Прокоповича.

Такого рода опека была, конечно, не по вкусу Аннѣ Іоанновнѣ, и она старательно употребляла всѣ завиствшія отъ нея средства,

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 88.

чтобы какъ нибудь измѣнить свое положеніе. Дѣятельнѣйшимъ пособникомъ ей въ этомъ случаѣ оказался Остерманнъ. Онъ все еще *страдалъ* главною болѣзною и не показывался никуда, но черезъ жену свою, допускавшуюся довольно часто къ императрицѣ, передавалъ ей безпрестанно свои совѣты, наставленія и указанія, отличавшіеся, какъ всегда, и умомъ, и вѣрностью, и тонкимъ знаніемъ и людей, и обстоятельствъ. Такъ, по совѣту Остерманна, еще во время пребыванія своего въ Всесвятскомъ, Анна Іоанновна постаралась привлечь на свою сторону гвардейцевъ, расположеніе которыхъ было для нея въ высшей степени важно. Она собственноручно подчивала офицеровъ и солдатъ виномъ и водкою, была съ ними чрезвычайно пріятельна и любезна, и, въ заключеніе всего, объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардскаго, назначивъ въ то же самое время подполковникомъ въ первый полкъ родственника своего, сенатора и генералъ—поручика, Семена Андреевича Салтыкова. «Это дѣло—говорить герцогъ Лирійскій—заставило всѣхъ призадуматься, и рѣшимость императрицы удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною, ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ былъ и тотъ, чтобы царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею (*)».

Подвизались въ помощь Остерманну, кромѣ супруги его, и другія дамы: княгиня Черкасская, Матюшкина, Чернышева и въ особенности Прасковья Юрьевна Салтыкова (урожденная Трубецкая), нерѣдко тайно разѣзжавшая по ночамъ по разнымъ вельможамъ и сановникамъ, для узнанія ихъ образа мыслей, надеждъ и плановъ. Сестра

(*) *Записки дюка Лирійскаго*. с. 82. По словамъ французскаго резидента Маньяна. Остерманнъ сталъ дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ послѣ того, какъ былъ жестоко оскорбленъ фельдмаршаломъ, княземъ Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ. «Фельдмаршалъ Голицынъ—пишетъ Маньянъ въ депешѣ своей отъ 9 марта (н. с.) 1730 года—отправился нѣсколько дней тому назадъ съ визитомъ къ г. Остерманну; котораго онъ считалъ очень больнымъ. Увидѣвъ, къ удивленію своему, совершенно прѣтвяное. Голицынъ позволялъ себѣ множество самыхъ рѣзкихъ выраженій и тѣло укорялъ мнимаго больного за его нежеланіе принять участіе въ дѣлахъ въ такое время, когда его опытность и познанія могли бы быть очень полезныя. Суровость фельдмаршала до того поразила г. Остерманна, что онъ чуть не умеръ отъ горести, и это было главнѣйшею причиною, побудившею его рѣшиться на все, для противодѣйствія замысламъ касательно ограниченія самодержавія».

Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, p. 31.

Анны Иоанновны, герцогиня мекленбургская Екатерина Иоанновна, сильно озлобленная на Долгоруковыхъ и Голицыныхъ за устраненіе свое отъ престола, дѣйствовала также, по мѣрѣ силъ и возможности, самымъ энергическимъ образомъ и безпрестанно убѣждала сестру не поддаваться ни въ чемъ требованіямъ верховниковъ. Теофанъ Прокоповичъ, съ своей стороны, ратовалъ въ пользу самодержавія и свою собственную всю силу своего кудряваго краснорѣчія и духовнаго вліянія, всѣми орудіями хитрости и пронырства, не гнушаясь ничѣмъ, ибо его высокопреосвященство принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ всѣ средства хороши, коль скоро ведутъ къ вожделѣнной цѣли. Сила оппозиціи видимо росла и крѣпла, и верховники, все еще не уступаая своимъ противникамъ, начинали однакоже часто и крѣпко задумываться.

Императрица все это видѣла и знала, несмотря на неослабный, драконскій надзоръ князя Василія Лукича. Кроме того, что ей передавали о городонныхъ вѣстяхъ и случаяхъ приближенныя къ ней дамы, — эти вѣсти и слухи доходили до нея еще другимъ, довольно оригинальнымъ способомъ, придуманнымъ озлобленными на верховниковъ партизанами самодержавія. Разставшись противъ воли съ камеръ-юнкеромъ своимъ, Эрнстомъ-Іоганномъ Бирономъ, Анна Иоанновна, въ видахъ нѣкотораго утѣшенія, взяла съ собою въ Москву маленькаго Биронова сына, котораго любила чрезвычайно. Малышка помѣщался во дворцѣ, близъ спальни императрицы. Его каждое утро приносили къ Аннѣ Иоанновнѣ, и она каждое утро находила за паузой своего любимца небольшую бумагу, въ которой весьма обстоятельно излагались свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ пользу самодержавія и предлагались ей императорскому величеству совѣты и указанія, какъ вести себя и держать относительно членовъ верховнаго тайнаго совѣта (*).

По мѣрѣ того, какъ эти свѣдѣнія становились все болѣе и болѣе утѣшительными, а лица верховниковъ все болѣе и болѣе пасмурными и озлобленными, угрюмое лице Анны Иоанновны замѣтно пряснялось, а дѣйствія начинали принимать самостоятельный, *самодержавный* характеръ. Она не скрывала своего неудовольствія при видѣ распоряженій князя Василія Лукича Долгорукова; она упорно отказы-

(*) Примѣчаніе къ *Запискамъ дюка Липійскаго*, въ переводѣ Д. Языкова, с. 131.

вазась отъ ратификаціи въ верховномъ совѣтѣ, подписанныхъ ею въ Митавѣ *кондиціи*, и разъ даже весьма выразительно замѣтила, что вѣдь ее провозгласили императрицей только восемь человекъ, а этого очень мало (*)... Начать прямо свое правленіе положительнымъ разрывомъ съ верховниками, сдѣлать самой первый шагъ къ этому— Анна Іоанновна однакоже не рѣшалась, но видимо ожидала благопріятнаго случая и ожидала его съ полною надеждою на успѣхъ.

Ожидали благопріятнаго случая и другіе. Съ трепетомъ и замираніемъ сердца ожидалъ его и графъ Рейнгольдъ Левенвольде, возлагая всѣ свои упованія на мудрость, проникательность и всевѣдѣніе барона Остерманна. Ожидалъ, вѣроятно, какихъ нибудь утѣшительныхъ вѣстей и братъ его, Густавъ, въ глуши своихъ ливонскихъ помѣстій; но Густавъ, какъ человекъ степенный и солидный, ожидалъ развязки, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо терпѣливѣе пылкаго Рейнгольда, съ наслаженіемъ думая, что первый человекъ, поздравившій герцогиню курляндскую съ титуломъ императрицы всероссійской и сообщившій ей вѣсколько благоразумныхъ мнѣній относительно дерзкихъ замысловъ верховниковъ, былъ не кто иной, какъ онъ, благородный ливонецъ и камергеръ россійскаго двора, графъ Густавъ фонъ-Левенвольде...

Всеобщія, томительныя ожиданія разрѣшились 25 февраля 1730 года.

23 февраль, въ домѣ генераль-поручика князя Ивана Федоровича Барятинскаго собралось болѣе семидесяти человекъ дворянъ, которые тутъ же единодушно положили просить императрицу, отъ лица всего россійскаго народа, о принятіи самодержавія. Съ этой вѣстью изъ дома Барятинскаго отправленъ былъ ученый Василій Пикитичъ Татищевъ въ домъ къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, у котораго тоже въ это время собралось болѣе девяноста человекъ генераловъ и офицеровъ гвардіи. Въ числѣ присутствовавшихъ тутъ находился и молодой князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантеміръ, который тотчасъ же вызвался переписать на-бѣло привезенную Татищевымъ челобитную. Она была переписана и немедленно отвезена Татищевымъ въ домъ къ князю Барятинскому, гдѣ всѣ присутствовавшіе безотлагательно скрѣпили своими подписями каллиграфическое произведеніе князя Антиоха Дмитріевича. Послѣ этого, про-

(*) Донесеніе саксонскаго посланника Лесорта отъ 13 марта (н. с.) 1730 года. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 33.

шеніе снова привезено было къ князю Черкасскому и тутъ тоже подписано девяноста тремя челоѣвками. За симъ графъ Матвѣевъ и князь Кантеміръ отправлялись въ гвардейскій и кавалергардскій полки, гдѣ добыли пятьдесятъ восемь офицерскихъ и тридцать семь кавалергардскихъ подписей.

Утромъ 25 февраля, въ домѣ князя Черкасскаго собралось слишкомъ триста челоѣвкъ дворянъ, положившихъ сейчасъ же отправиться во дворецъ съ челобитной императрицѣ. Предварительно, впрочемъ, по православному обычаю, дворяне поѣхали въ Успенскій соборъ и отслужили молебенъ. Во дворцѣ, между тѣмъ, новыи подполковникъ преображенскаго полка, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, удвоилъ караулы и велѣлъ всѣмъ солдатамъ зарядить ружья боевыми патронами.

Анна Іоанновна знала обо всемъ, во-первыхъ, черезъ Θεοφана Прокоповича, во-вторыхъ, черезъ Прасковью Юрьевну Салтыкову. Θεοφанъ Прокоповичъ, за нѣсколько дней до 25 февраля, поднесъ императрицѣ, «въ знакъ усердія», столовые часы, а за пазухой Биронова сына Анна Іоанновна въ тотъ же день нашла записку, въ которой извѣщалось, что въ часахъ, подъ доскою, положенъ «планъ», коимъ слѣдуетъ руководствоваться ея императорскому величеству (*). Императрица, такимъ образомъ, могла приготовиться и ожидала...

Испросивъ въ Успенскомъ соборѣ благословеніе Господне на свое предпріятіе, дворяне прибыли во дворецъ и потребовали у ея императорскаго величества аудіенціи. Анна Іоанновна приняла ихъ въ тронной залѣ, на тронѣ, окруженномъ гвардейцами, которые въ весьма достаточномъ количествѣ разставлены были вокругъ всей комнаты. Тутъ же были и верховники, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, все еще, какъ тѣмъ, слѣдившій за императрицей; но и князь Василій Лукичъ, и всѣ его товарищи были видимо смущены, испуганы, потеряны...

Изъ среды собравшагося дворянства выступилъ генераль-фельдмаршалъ князь Трубецкій и вручилъ ея императорскому величеству челобитную, которую ея императорское величество тутъ же приказала прочитатъ вслухъ ученому Василію Никитичу Татищеву. Въ челобитной прежде всего приносилась всеподданнѣйшая благодарность Аннѣ Іоанновнѣ за то, что ей угодно было подписать условія, предложенныя ея величеству верховнымъ совѣтомъ; потомъ замѣчалось, что въ

(*) Примѣчанія къ замысламъ двора Лурійскаго, стр. 181.

этихъ условійхъ есть нѣкоторыя статьи, заставляющія народъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, почему дворянство уже представляло свои мнѣнія верховному тайному совѣту и просило его, чтобы для блага и спокойствія всей имперіи установлена была, во большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая; въ заключеніе же говорилось, дабы ея императорское величество соизволила повелѣть: рассмотреть вышеозначенныя мнѣнія генералитету и дворянству, назначивъ для этого по одному или по два челоуѣка изъ каждаго семейства. Генералитетъ же и дворянство, обсудивъ всѣ статьи, установить такую форму правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ и будетъ утверждена ея императорскимъ величествомъ (*).

Когда Татищевъ кончилъ чтеніе, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій началъ было что-то говорить, но Василій Лукичъ Долгоруковъ тотчасъ же перебилъ его, обратившись къ императрицѣ съ предложеніемъ выйти въ другую комнату, для обсужденія отвѣта на просьбу дворянства. Это произвело всеобщее волненіе въ залѣ. Всѣ заговорили разомъ; голоса возвысились; нѣсколько челоуѣкъ крикнули слово «самодержавіе»; гвардейцы тѣснѣй окружили тронъ; оружіе ихъ грозно зазвучало. Императрица видимо встревожилась и взволнованнымъ голосомъ замѣтила стоявшему возлѣ нея гвардейскому капитану, что она здѣсь не въ безопасности. Тогда военные собрались въ кучу, упали передъ трономъ на колѣни и предлагали императрицѣ—перебить всѣхъ ея недруговъ. «Мы вѣрные слуги вашего императорскаго величества! кричали они—мы вѣроу и правдоу служили вашимъ предшественникамъ и готовы отдать жизнь за ваше величество! Мы не потерпимъ, чтобы вами повелѣвали! Прикажите—и мы положимъ къ вашимъ ногамъ головы бунтовщиковъ!» Анна Іоанновна просила пылкихъ военновъ успокоиться и слушаться во всемъ генерала Салтыкова, потому что потребовала вероу и написала на прощеніи, поданномъ княземъ Трубацкимъ: «учинить во сему».

Члены верховнаго тайнаго совѣта потерялись окончательно и ни одинъ изъ нихъ не произнесъ ни слова. Да и хорошо они это сдѣлали, потому что противники ихъ, въ особенности же пылкіе воины, твер-

(*) *Записки дюка Липтійскаго*, стр. 85, 86 и 87. Тоже самое сообщаетъ и Маньянъ въ одной изъ своихъ донешъ. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 34.

до рѣшились прибѣгнуть къ насилью въ случаѣ сопротивленія (*). За то противники эти ликовали и сіяли, и тутъ же, не выходя изъ дворца, положили: что такъ какъ императрица соблаговолила дозволить разсудить и представить ей мнѣніе о наилучшей формѣ правленія, то это можно рѣшить сейчасъ же, а именно — всеподданнѣйше просить ея императорское величество о принятіи ею полного самодержавія, по примѣру ея августѣйшихъ предшественниковъ. Съ этой цѣлью къ Аннѣ Іоанновнѣ отправлена была депутація, долженствовавшая исходатайствовать новую аудіенцію.

Аудіенція эта назначена была послѣ обѣда, къ которому императрица пригласила всѣхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, чтобы такимъ образомъ задержать ихъ во дворцѣ и отнять у нихъ всякую возможность что либо затѣять. Въ три часа дворянство снова собралось въ тронной залѣ, и князь Черкасскій поднесъ ея императорскому величеству другое прошеніе, которое ея императорское величество повелѣла прочесть князю Антиоху Кантеміру.

Въ прошеніи этомъ, послѣ всеподданнѣйшей благодарности за то, что императрица соблаговолила подписать первую, поданную ей утромъ, челобитную, говорилось:

«Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными, и поему мы являемся предъ ваше величество съ величайшимъ благоговѣніемъ для изъявленія нашей признательности, и всенижайше просимъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, и уничтожить условія, присланные вашему величеству отъ верховнаго совѣта и подписанныя вами».

За сими дворяне просили, чтобы, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта, возобновленъ былъ правительствующій сенатъ, какъ онъ учрежденъ былъ при Петрѣ I, чтобы сенатъ этотъ состоялъ изъ двадцати одного члена, и чтобы сенаторы, губернаторы и президенты коллегій назначались по выбору дворянства и по жребію. Финалъ же прошенія былъ такого рода:

«Наконецъ мы, всенижайшіе подданные вашего императорскаго

(*) «Члены верховнаго совѣта, пишетъ Маньянъ въ депешѣ отъ 2 марта 1730 года — поступили очень благоразумно, не изъявивъ своего неудовольствія, потому, что, въ случаѣ ихъ сопротивленія, дворяне и офицеры гвардіи сговорились заранѣе выбросить весь верховный совѣтъ за окошко».

Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français p. 37.

величества, надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ, по врожденному вашему величеству многосердію, и можемъ спокойно кончить жизнь свою у ногъ вашихъ» (*).

«Министры верховнаго совѣта—говорить герцогъ Лирійскій—при чтеніи сего прошенія стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго движенія». «Какъ, развѣ условія, подписанныя мною въ Митавѣ, не были изъявленіемъ желанія всѣхъ сословій?» спросила Анна Іоанновна, представляясь горестно-изумленною. «Нѣтъ, нѣтъ, государыня!» крикнуло все собраніе. Императрица тотчасъ же потребовала знаменитыя *кондиціи* и, когда онѣ были принесены, приказала Семену Андреевичу Салтыкову читать ихъ вслухъ. «Согласно ли это съ желаніемъ Русскихъ?» спрашивала она при каждомъ пунктѣ. — «Нѣтъ, государыня!» кричало собраніе. — «Такъ ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» сказала Анна Іоанновна, обращаясь къ Долгорукову. Тотъ не отвѣчалъ ничего. Анна Іоанновна приказала Салтыкову разорвать *кондиціи* и потомъ объявила присутствовавшимъ, что она принимаетъ власть самодержавную и вступаетъ на престолъ *не по избранію, а по наслѣдству*. — «Всякій, противящійся моей волѣ, будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ», сказала императрица, но къ этимъ грознымъ словамъ тотчасъ же присовокупила, что желаетъ царствовать съ кротостью и правосудіемъ и строгія мѣры принимать будетъ только въ крайности (**).

Благородное дворянство и пылкіе воины восторженными кликами приветствовали эту рѣчь, послѣ чего, одинъ за другимъ, стали подходить къ ручкѣ своей самодержавной императрицы. Общему примѣру должны были послѣдовать и окончательно пораженные верховники, «кое дѣйствіе ихъ—съ удовольствіемъ замѣчаетъ Теофанъ Прокоповичъ—понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольно смѣха матерію».

А верховникамъ было не до смѣху!.. «Пиръ былъ изготовленъ, но гости оказались недостойными его—сказалъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ друзьямъ своимъ—я знаю, что бѣда обрушится на мою голову. Пусть! Я пострадаю за отечество. Жизнь моя и безъ

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 88 и 89, и *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 38.

(**) *Mémoires historiques etc. par le général de Manstein*, t. I, p. 52 et 53.

того близится къ концу; но тѣ, которые заставляютъ меня теперь плакать, будутъ плакать больше и дольше моего (*)!»!

И князь Димитрій Михайловичъ сказалъ святую правду. Слова его были пророчествомъ...

А враги Долгоруковыхъ и Голицыныхъ ликовали! Ликовала съ ними и вся Москва. Трауръ по усопшемъ императорѣ сложенъ былъ на три дня; колокола гудѣли веселымъ, радостнымъ трезвономъ; вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

26 февраля разсланы были отъ канцлера графа Головкина ко всѣмъ русскимъ посланникамъ и министрамъ, находившимся при иноземныхъ дворахъ, циркулярныя письма съ увѣдомленіемъ, что ея императорское величество, «слѣдуя примѣру предковъ своихъ, совершенное самодержавіе воспріять изволила». 27 февраля отправлены были въ Успенскомъ и другихъ московскихъ соборахъ, а также во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, благодарныя молебствія. 28 обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось:

«Понеже вѣрныя Наши подданные всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы самодержавство въ Нашей россійской имперіи, какъ издревле прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всеніяжайшему прошенію мы то самодержавство воспріять и соизволили и для того вновь присягу сочинить и въ печать издать повѣлѣли, по которой да имѣютъ всѣ вѣрныя Наши подданные, какъ духовныя, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ присутствующіе, и во всей Нашей всероссійской имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ Намъ, яко самодержавной государынѣ, присягать, и на томъ слово и крестъ цѣловать, и ко оной подписываться (**).»

И вѣрныя подданные присягали, и на томъ словѣ и крестѣ цѣловали, и къ присягѣ подписывались.

«Теперь все спокойно, сообщалъ черезъ день послѣ того своему правительству Маньянъ: — а государыня очень весела и довольна (***)».

(*) Тамъ же, с. 54.

(**) «О вступленіи на россійскій престолъ ея императорскаго величества государыни императрицы, Анны Иоанновны, о воспріятіи самодержавія и объ учиненіи вновь присяги». *Полное собраніе законовъ*, т. VIII, с. 253.

(***) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 40.

III.

Государыня стала еще веселѣй и довольнѣй, когда вслѣдъ за принятіемъ ею самодержавія явился изъ Митавы въ Москву печально томившійся доголъ въ мучительной неизвѣстности камеръ-юнкеръ Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ. Прибылъ изъ Лифляндіи и Густавъ фонъ Левенвольде, сообразившій, что ему теперь гораздо выгоднѣе находиться въ первопрестольной столицѣ руссiйскаго государства, нежели въ глуши своихъ помѣстій. Соображенія его не обманули. Анна Іоанновна помнила очень хорошо, кто первый извѣстилъ ее о коварныхъ замыслахъ верховниковъ и кто первый вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалъ ее увѣреніемъ, что эти коварные замыслы не поведутъ ни къ чему. Сверхъ того, и Густавъ, и Рейнгольдъ фонъ Левенвольде имѣли честь именоваться друзьями Эрнста-Іоганна Бирона—стало быть, они больше, чѣмъ кто либо, могли надѣяться, что предстоящая коронація не пройдетъ для нихъ безплодно.

И надежды ихъ оправдались вполнѣ. Еще накануне коронаціи, 27 апрѣля 1730 года, Густавъ фонъ Левенвольде произведенъ былъ въ генералъ-майоры и объявленъ генералъ-адъютантомъ ея императорскаго величества (*); Рейнгольдъ же, какъ видно, еще раньше брата награжденъ былъ званіемъ оберъ-гофмаршала, потому что въ день коронаціи онъ уже красовался въ этомъ званіи во все время продолжительнаго и разнообразнаго коронаціоннаго церемоніала (**).

(*) *Описаніе коронаціи ея величества императрицы и самодержицы всероссiйской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующую градъ Москву, 28 апрѣля 1730 году.* Москва. 1730. с. 28.

(**) Кромѣ званія оберъ-гофмаршала, Рейнгольдъ Левенвольде получилъ, еще одну награду, о которой такъ извѣщали публику современныя этому высочотржественному событію газеты:

«24 апрѣля 1730 года изволила ея величество всемилоствѣйшая наша государыня императрица и самодержица всероссiйская своему оберъ-гофмаршалу, господину графу фонъ Левенволду, такую высокую милость показать, что ея Императорское Величество присланную отъ его величества короля Прусскаго и отъ тамошняго посланника барона фонъ Мардефельда імянемъ своего короля ея Императорскому Величеству врученную кавалерію ордена чернаго орла при присутствіи онаго господина посланника на онаго всевысочайшею своею особою сама надѣтъ изволила».

Санктпетербургскія ведомости за 1730 годъ, № 36.

Не мало трудовъ на пользу отечества подъялъ и въ этотъ, и въ послѣдующіе дни благородный графъ! Не мало, конечно, выпало ему на долю и блеска, и всякаго рода возвышающихъ и услаждающихъ человѣка торжествъ и побѣдъ!.. Утромъ, 28 апрѣля, во время торжественнаго шествія императрицы изъ дворца въ Успенскій соборъ, графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде, въ богатомъ «цвѣтномъ» платьѣ, съ александровскою лентой черезъ плечо, съ золотымъ, длиною въ шесть съ половиною англійскихъ футовъ, жезломъ въ рукѣ, выступалъ передъ императорскими регалиями, несенными на подушкахъ первоклассными сановниками. Во время коронованія и литургіи, графъ Рейнгольдъ красовался на «пріступѣ первомъ» трона, рядомъ съ оберъ-маршаломъ, фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, и гофмаршаломъ Шепелевымъ. Во время обѣденнаго стола, въ гранитной наладѣ, графъ Рейнгольдъ, вмѣстѣ съ оберъ-маршаломъ, гофмаршаломъ, оберъ-церемоніймейстеромъ и форшнейдеромъ, сопровождалъ изъ сѣней въ залу и изъ залы въ сѣни каждую переѣзную кушанья ея императорскаго величества, — кушанья, которое носили на блюдахъ полковники, а сопровождали кавалергарды съ карабинами въ рукахъ. 29 апрѣля, графъ Рейнгольдъ, снова «въ пребогатомъ убранствѣ», рисовался передъ императорскимъ трономъ близъ балдахина, во время торжественной аудіенціи «знатнѣйшихъ персонъ», приносявшихъ всеподданнѣйшее поздравленіе ея императорскому величеству, — аудіенціи, продолжавшейся около двухъ часовъ. Послѣ обѣда онъ снова присутствовалъ при другой аудіенціи — иностранныхъ министровъ, духовенства, знатнаго шляхетства, бригадировъ, полковниковъ, маіоровъ и «штатскихъ» четвертаго, пятаго и шестаго классовъ. Во время этой аудіенціи графъ Рейнгольдъ имѣлъ удовольствіе выслушать, но не понять, краткую рѣчь, произнесенную императрицѣ Теофаномъ Проконовичемъ «отъ лица всей церкви», — рѣчь, въ которой краснорѣчивый витія поздравляя Анну Иоанновну, по поводу *самодержавія всероссійскаго, даннаго ея императорскому величеству отъ Вышняго, со есмь общимъ великимъ благополучіемъ* (*).

Присутствовалъ графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде и при аудіенціяхъ разныхъ сословій и корпорацій, 30 апрѣля и 1 мая. Участвовалъ онъ и въ увеселительномъ «походѣ», совершенномъ Анной

(*) *Описаніе коронаціи и пр.*, с. 10, 29, 34 и 36.

Іоанновной, 2 мая, въ Головинскій домъ (*), распоряжался тутъ, въ качествѣ оберъ-гофмаршала, баломъ, музыкой, танцами, любовался роскошной иллюминаціей дома и сада, бесѣдокъ и фонтановъ, горѣвшихъ слишкомъ двадцатью тысячами лампадъ, фонарей и шкаликовъ, затѣйливо разставленныхъ и развѣшанныхъ красивыми вензелями, шифрами, гирляндами, эмблемами. Любовался онъ, на возвратномъ пути изъ Головинскаго дома, и иллюминаціей всей Москвы, въ особенности же домами иностранныхъ пословъ и «знатныхъ обывателей», между которыми невольно бросались въ глаза дома полномочныхъ министровъ цесарскаго и испанскаго, ослѣпительно сіявшіе разноцвѣтными шифрами, эмблемами, символами и триумфальными арками. У домовъ этихъ, сверхъ того, «во время шествія ея величества играли на трубахъ, и сами тѣ министры (графъ Вратиславъ и герцогъ Лирійскій), стоя предъ своими квартиры, ея величеству поклонъ и поздравленіе чинили (**).

Распоряжался графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде и баломъ, бывшимъ на другой день въ грановитой палатѣ. Здѣсь, между прочимъ, служилъ онъ отечеству слѣдующимъ образомъ: «принесъ къ знатымъ дамамъ и кавалерамъ на двѣ блюдахъ написанные нумера свернутые, и оныя разобравъ стали парами, каждой кавалеръ при своей дамѣ, и шли въ золотую палату, въ началѣ первыхъ нумеровъ половина, по нимъ Ея Императорское Величество съ высокою фамілією и придворными. Имъ послѣдовала другая половина съ нумерами, и пришедъ стѣла въ объявленной золотой палатѣ за уготованной къ ужинѣ столъ (***)».

Такою же обязанностью несъ графъ Рейнгольдъ и 4 мая, на парадномъ «трактаментѣ», данномъ императрицѣ въ золотой палатѣ придворнымъ дамамъ и кавалерамъ... Словомъ, на всѣхъ церемоніяхъ, торжествахъ и увеселеніяхъ, сопровождавшихъ коронаваніе Анны Іоанновны, графъ Левенвольде младшій занималъ самое видное мѣсто, хлопоталъ и суетился едва ли не больше всѣхъ,— и, вѣроятно, не

(*) Головинскій домъ—дворецъ, выстроенный, по повелѣнію Анны Іоанновны, въ 1731 году, на мѣстѣ, принадлежавшемъ некогда графу Головину, а съ 1721 года казнѣ. Головинскій домъ былъ сначала деревянный, два раза горѣлъ, и въ 1774 году сооруженъ каменнымъ. Въ настоящее время тамъ помѣщается 1-й московскій кадетскій корпусъ.

Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, т. IV, с. 481.

(**) *Описаніе коронаціи* и пр., с. 43.

(***) Тамъ же.

одна пара женскихъ глазъ неотступно и вѣжно слѣдила въ это время за красивымъ и изящнымъ оберъ-гофмаршаломъ, казавшимся еще красивѣе и изящнѣе отъ своего, ежедневно мѣнявшагося, «пребогатаго убранства»...

Но празднества кончились. Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ, еще въ первый день коронаціи пожалованный въ оберъ-каммергеры и признанный безпрекословно всѣми *знатнѣйшею* персоною во всей россійской имперіи, принялся за дѣла,—и на мѣсто блестящаго Левенвольде младшаго выступаетъ на поприще общественной дѣятельности серьезный и солидный Левенвольде старшій.

А поприще теперь открывалось передъ нимъ широкое! Кромѣ личнаго, признательнаго расположенія, которое, по вышеизложеннымъ нами причинамъ, ощущала къ благородному ливляндцу императрица всероссійская, она ощущала къ нему расположеніе и за то уже, что онъ былъ ливляндецъ. Ливляндцы, курляндцы, эстляндцы и, вообще, нѣмцы имѣли во всѣхъ отношеніяхъ преимущество передъ русскими въ глазахъ Анны Іоанновы, какъ потому, что этииъ преимуществомъ пользовались они въ глазахъ Бирона, такъ и потому, что, во время восемнадцатилѣтняго пребыванія своего въ Митавѣ, русская царица успѣла сильно поотвыкнуть отъ Россіи и стала во многомъ похожею на нѣмку (*). Что же касается Бирона, то онъ, положительно, не могъ не сойтись съ Густавомъ фонъ Левенвольде, не могъ не любить его больше, нежели кого либо. Во-1-хъ, Густавъ фонъ Левенвольде былъ любезенъ курляндцу Бирону уже тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ любезенъ и Аннѣ Іоанновнѣ, т. е. своимъ званіемъ ливлянца; во-2-хъ, Густавъ фонъ Левенвольде какъ будто созданъ былъ для того, чтобы состоять фаворитомъ при фаворитѣ, играть второстепенную роль не безъ вліянія однакоже и на игру первоклассныхъ актеровъ. Важный, серьезный, глубокомысленный съ виду, онъ казался мужемъ совѣта и разума, величавымъ, никогда не улыбающимся, ни передъ кѣмъ не кланяющимся сановникомъ,—а между тѣмъ онъ умѣлъ улыбаться очень почтительно, умѣлъ кланяться не хуже самаго эластичнаго придворнаго, умѣлъ быть весьма пріятнымъ и милымъ собесѣдникомъ, съ которымъ можно было безъ скуки провести не одинъ часъ. Будучи дѣйствительно одаренъ и умомъ, и способностями, и самостоятельностью характера, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ода-

(*) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, p. 46.*

ренъ былъ всѣми этими качествами въ такой именно степени, въ какой ни умъ, ни способности, ни самостоятельность характера не колятъ еще чужихъ глазъ, не коробятъ чужаго самолюбія, не заставляютъ худѣть и желтѣть отъ мучительной зависти при видѣ недосигаемаго превосходства. Надменный, надутый, заносчивый Биронъ снисходительно выслушивалъ Левенвольде старшаго, принималъ его совѣты, подчинялся его вліянію, потому что и совѣты эти, и вліяніе, ловко прикрытые чувствами глубочайшаго почтенія и совершеннѣйшей преданности, ни мало не оскорбляли фаворита, нисколько не затрогивали его дикой гордости. Совершенно напротивъ: слушая совѣты и наставленія Левенвольде старшаго, Биронъ какъ будто возвышался въ собственныхъ своихъ глазахъ, и это, разумѣется, только увеличивало его пріязнь и милостивое расположеніе къ ловкому и почтительному совѣтнику.

Сверхъ всего этого, Густавъ Левенвольде любилъ карты, любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ; а Биронъ, какъ извѣстно, готовъ былъ играть хоть нѣсколько сутокъ кряду; къ лошадямъ же питалъ такую страсть, что, по отзыву вѣнскаго посланника, графа фонъ Остейна, только о нихъ и говорилъ по человѣчески, являясь въ сужденіяхъ о людяхъ совершенною лошадию (*).

Первымъ знакомъ особенной довѣренности императрицы и ея фаворита къ Густаву Левенвольде было назначеніе его командиромъ вновь учрежденнаго гвардейскаго Измайловскаго полка, и это назначеніе, дѣйствительно, было знакомъ довѣренности чрезвычайной. Видя вліяніе гвардейцевъ на всѣ внутреннія государственныя дѣла, понимая, какъ важно имѣть на своей сторонѣ этихъ русскихъ преторіанцевъ, Анна Іоанновна положила увеличить свою гвардію еще двумя полками: Измайловскимъ и коннымъ, съ цѣлію имѣть въ нихъ постоянную и надежную опору и противъ всякаго рода безпокойныхъ людей, и противъ искусившихся уже въ политическихъ дѣлахъ другихъ гвардейскихъ полковъ. «Примѣчательно — говоритъ Минихъ-сынъ—что, по сдѣланному проекту, Измайловскій пѣхотный полкъ не изъ настоящихъ російскихъ рекрутъ, но изъ такъ называемыхъ однодворцевъ или украинцевъ набранъ, а офицеровъ опредѣляли въ оный не иныхъ, кромѣ люляндцевъ или другихъ чужестранцевъ. Намѣреніе при семъ было такое, чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ

(*) *Mémoires historiques* etc. par le général de Manstein, p. 1, p. 70.

людей содержать въ рукахъ, что, кажется, для тогдашнихъ времянь и небезнужно было; но какъ начали помалу отъ предположенныхъ правилъ, какъ въ разсужденіи рядовыхъ, такъ и офицеровъ отступать, то въ послѣдующее время оказалось, что успѣха другаго при семъ не было, кромѣ какъ что само по себѣ опасное уже воиство сдѣлано многочисленнѣе» (*).

Формированіе и учрежденіе Измайловскаго полка, равно какъ и выборъ въ полкъ офицеровъ, поручены были исключительно будущему его полковнику, и Густавъ Левенвольде занялся этимъ дѣломъ съ необыкновенной ревностью. 22 сентября 1730 года подписанъ былъ высочайшій указъ объ учрежденіи полка, а равно черезъ мѣсяць, 22 октября, Левенвольде доносилъ уже военной коллегіи, что полкъ со-всѣмъ укомплектованъ (**). 17 февраля 1731 года Измайловскій полкъ въ полномъ составѣ выведенъ былъ за Москву рѣку, на Царьцынь лугъ, и тутъ приведенъ къ присягѣ «о вѣрной службѣ ея

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 48.

(**) Въ Высочайше утвержденномъ 22 сентября 1730 г. докладѣ фельдмаршала князя Голицына «о сформированіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка» говорилось:

«По именному Вашего Императорскаго Величества указу повелѣно, выбравъ изъ ландмилиціи, учредить полкъ въ трехъ баталіонахъ, и по высокому своему намѣренію соизволили объявить, чтобъ опытный полкъ именовать Измайловскимъ. Того ради всеподданнѣйшее мнѣніе свое приношу: надлежитъ оный полкъ, какъ по высокому Вашего Императорскаго Величества намѣренію наименовали, по тому наименованію содержать противъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а именовать третьимъ полкомъ гвардіи же, и офицеровъ опредѣлять изъ ливонцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ русскихъ, откуда Ваше Величество повелите, которые на опредѣленномъ противъ гвардіи рангомъ и жалованіемъ себя содержать въ чистотѣ полка могутъ безъ нужды, и къ обученію приложить свой трудъ, а капитуловать повелѣтъ того полка полковнику Левальду. А на содержаніе того полка сумму впредь на дачу жалованья и на мундиръ и аммуницію опредѣлить (какъ отпускаются на гвардію обохъ полковъ, и строить въ томъ полку, какъ строится, и вычетъ на мундиръ и прочее чинится въ гвардіи жъ) изъ камеръ-коллегіи изъ оставшей къ расходамъ суммы, которая, надѣюсь, вынесетъ и съ остаткомъ. А нынѣ первый годъ, какъ Ваше Императорское Величество повелѣли, ружье, мундиръ и аммуниція построено будетъ отъ военной коллегіи, а для строенія жъ знаменъ и гренадерской роты оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ шапокъ, сумъ и перевязей противъ гвардіи жъ, повелѣтъ отпустить денежной казны изъ военной же коллегіи 8000 рублей изъ остаточной суммы. А того ново учреждаемаго полка о числѣ штабъ и оберъ офицеровъ и рядовыхъ и прочихъ чиновъ, и что каждому и всѣмъ жалованья, о томъ всеняжайше сообщая примѣрную табель.»

Полное собраніе законовъ., т. VIII, с. 325 и 326.

императорскому величеству», послѣ чего отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятиемъ и окроплены святою водою знамена, отнесенныя потомъ, въ сопровожденіи всего полка, во дворецъ. «И послѣ того — говоритъ Нащокинъ — служившій въ то время въ Измайловскомъ полку адъютантомъ — полкъ во всегдашней былъ экзерциции, и въ службу вступалъ для отправления карауловъ ко двору ея императорскаго величества» (*).

Подполковникомъ въ новый полкъ опредѣленъ былъ генералъ-майоръ Джемсъ Кейтъ; майорами — братъ фаворита, Густавъ Биронъ, Иосифъ Гампелъ и Иванъ Шиповъ.

Получивъ видное и завидное мѣсто командира полка, предназначеннаго специально, «чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ», Густавъ фонъ Левенвольде оказался командиромъ образцовымъ и работалъ неутомимо, а въ награду за эту дѣятельность, 15 февраля 1731 года, произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты (**). Поощренный этою наградою, его высокогравское сіятельство (какъ обыкновенно титуловался Левенвольде старшій) принялся за службу еще ревностнѣе прежняго, и въ маѣ 1731 года молодой Измайловскій полкъ, ни въ чемъ не уступая Преображенскому и Семеновскому, повергъ въ «великое удовольствіе» Анну Іоанновну и въ «вѣдшее удивленіе» находившагося въ то время въ Москвѣ турецкаго посланника. Вотъ какъ повѣствовались объ этомъ событіи современныя ему С.-Петербургскія вѣдомости:

«Изъ Москвы отъ 13 дня маіа.

«Предъ нѣкоторыми днями былъ здѣсь смотръ лейбъ-гвардіи Преображенскому, Семеновскому и Измайловскому полкамъ. Всѣ военныя экзерциции чинены отъ оныхъ притомъ въ презрядномъ порядкѣ, такъ что Ея Императорское Величество высокое свое о томъ удовольствіе всемилоствѣйше показать изволила. Турецкій посолъ, который Ея Императорское Величество съ прочими иностранными министрами и знатными придворными особами до того мѣста, гдѣ помянутымъ полкамъ смотръ былъ, провождалъ, пришелъ въ вѣдшее удивленіе, какъ онъ салдаты

(*) *Записки Василія Александровича Нащокина*, с. 35. Сочувствуя, вѣроятно, учрежденію русскаго регимента, дирижируемаго исключительно нѣмцами, Прусскій король прислалъ въ подарокъ Измайловскому полку 2164 ружья.

«Густавъ Биронъ, братъ регента». Соч. М. Хмырова. *Русскій міръ* за 1862 г., № № 2 и 3.

(**) *Санктпетербургскія вѣдомости* за 1731 г., № 15.

изряднаго возраста сикъ трехъ полковъ военныя экзерциціи такъ искусно чинящихъ увидѣлъ».

Военныя экзерциціи, чинимыя «зѣло искусно, въ презрядномъ порядкѣ», были, вообще, главнѣйшею цѣлью заботъ и помеченій графа Густава фонъ Левенвольде. Преслѣдуя эту цѣль, онъ, какъ всѣ русскіе полковые командиры изъ нѣмцевъ, имѣлъ главнѣйшимъ образомъ въ виду красоту, симметрію, стройность и правильность фронта, не слишкомъ много думая о томъ, къ чему повели бы эти пріятныя для зрѣнія качества въ настоящемъ примѣненіи полка къ дѣлу, т. е. въ бою. Левенвольде занимался фронтомъ и шагистикою для фронта и шагистики, какъ нѣкоторые художники занимаются искусствомъ для искусства, и если такой взглядъ на военное дѣло не могъ и не можетъ выдержать безусловно строгой критики, то, относительно, графъ Густавъ фонъ Левенвольде имѣлъ всегда подъ рукою весьма основательное оправданіе. Измайловскій полкъ вовсе не предназначался для боевъ и походовъ: онъ учрежденъ былъ, какъ мы уже говорили, единственно для того, «чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ», и, сверхъ этого назначенія, имѣлъ еще одно— доставлять «высокое удовольствіе» императрицѣ, питавшей необыкновенную любовь ко всѣмъ военнымъ эволюціямъ, въ особенности же, къ эволюціямъ, сопровождавшимся пальбою. А для достиженія этихъ двухъ цѣлей только и требовались «экзерциціи, чинимыя зѣло искусно, въ презрядномъ порядкѣ», да красота, симметрія, стройность и правильность фронта, пріятно увеселяющія зрѣніе. Все остальное было бы излишествомъ, ненужною и трудною обузою, къ которой едва ли и былъ способенъ графъ Густавъ фонъ Левенвольде, походовъ не дѣлавшій, въ битвахъ не бывавшій, героизмомъ имени своего не прославившій.

За то, какъ *мирный* генералъ, какъ фронтовикъ, какъ полковный хозяинъ и администраторъ, онъ, дѣйствительно, заслуживалъ не только наградъ, но и подражанія. Такъ старательно занимался онъ перемѣриваніемъ солдатъ и распредѣленіемъ ихъ въ строю по росту! Такъ неусышно хлопоталъ, чтобы всѣ пріемы дѣлались «бодро и счетомъ»! Такъ неослабно наблюдалъ, чтобы нижніе чины ходили всегда въ штиблетахъ и шляпахъ, а волосы стригли такимъ манеромъ, чтобы они «глазъ не завѣшивали» (*). При этомъ (что бываетъ очень рѣд-

(*) Всѣ свѣдѣнія о Густавѣ фонъ Левенвольде, какъ о полковомъ командирѣ, почерпнуты нами изъ подлинныхъ дѣлъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

не) Густавъ фонъ Левинвольде не отличался не только что жестокостію, но даже особенною строгостію, ноковее хосайство воля отличне, и отъ подчиненныхъ пользовался и уваженіемъ, и любовью. Онъ прощаль нѣтъ нѣтъ малоскихъ вины и оплошности, дозволяль нѣкоторыя льготы (*), а за честь полка стояль, какъ за свою собственную, возмущался въ нужныхъ случаяхъ всею силою своего придворнаго вліянія и значенія, замѣтно возраставшаго со дня на день. Въ притѣрзъ этого заступничества за подчиненныхъ не лишнимъ считаемъ привести слѣдующую премомерію, извлеченную нами изъ дѣлъ Измайловскаго полка:

«Лейбъ гвардіи Измайловскаго полку въ московскую полицеместерскую канцелярію. Прошедшаго 730 году, декабря 9 дня, изъ оного полку писано въ московскую полицеместерскую канцелярію о учиненіи отставнаго поручика Ивана Черемиснова человѣку Амдрію Володимерову надлежащаго, по силе Ея Императорскаго Величества указовъ и не регуламъ, наказанія за то, что онъ того же декабря въ 6 день, стои у рагатовъ ночью на караулѣ, пьяной началъ безъ всякой причины лейбъ гвардіи Измайловскаго полку на гранодера Назара Перегудова и билъ его дубиною смертнымъ боемъ, отъ которыхъ побой оной Перегудовъ едва живъ остался, за что помянутой Володимеровъ подлежалъ жестокому наказанію. А сего февраля въ 16 день, ис присланной премомеріи изъ оной полицеместерской канцеляріи усмотрено, что помянутому Володимерову за вышеобъявленную предерзость учинено наказаніе кошками, какое наказаніе чинитца за самыя малые вины, и оную сатисфакцію лейбъ гвардіи Измайловскій полкъ весьма недоволенъ, понеже она учинена не по силе Ея Императорскаго Величества указовъ и не по регуламъ. Того ради московская полицеместерская канцелярія, о сыску помянутаго Володимерова і о учиненіи ему, по силе Ея Императорскаго Величества указовъ, наказанія, да благовольтъ учинить по Ея Императорскаго Величества указу.

«Послано за рукою Его Высокографскаго сиятельства. 25 февраля 1731 года, № 176» (**).

на. Знакомствомъ съ этими дѣлами обязаны мы М. Д. Хмырову, которому и свидѣтельствуемъ за это нашу искреннѣйшую признательность.

(*) Ничиниъ чинвалъ, напримѣръ, позволялось ѣздить на извощикахъ, «только бѣ не рѣво».

(**) Исходниція бумаги лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка за 1731 года. Часть адъютантская.

Обширнее на свое значеніе и вліаніе, дозволявши ему такъ поступать только и рѣше относить въ вѣдѣнія, его высочайшему сіятельству совершенно не подвластныхъ, Густавъ еонъ Левенвольде дозволялъ иногда и себѣ кое-какія распоряженія, претивнымъ указаніямъ и рѣшеніямъ ея императорскаго величества. Такъ, напримеръ, не взирая на многократныя запрещенія начальникамъ занимать своимъ подчиненныхъ частными работами, Левенвольде преспокойно пользовался новыми мастерами, отрывалъ ихъ отъ казенныхъ занятій для своихъ домашнихъ и, придерживаясь вообще на счетъ казенныхъ интересовъ общаго взгляда того времени, не задумывался и надъ распредѣленіемъ недавнихъ въ его руки казенныхъ суммъ, ибо, по словамъ герцога Лирійскаго, «страшный игрокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скряга, онъ дѣлалъ вѣтки (*)».

Все это, разумѣется, при благопріятной обстановкѣ, сходило съ рукъ совершенно благополучно, и значеніе Густава еонъ Левенвольде какъ мы уже замѣтили, возрастало замѣтно со дня на день. Къ нему обращались, какъ къ источнику всѣхъ благъ, ему кланялись, ему угождали и льстили, у него искали защиты и покровительства, и какъ надежно и могущественно было его покровительство—доказалъ прежде всего примѣръ Ягушинскаго.

Ягушинскій, столь сильно потерѣвшій отъ верховниковъ за свою преданность интересамъ Анны Іоанновны, вознагражденъ была императрицею тотчасъ же по принятіи ею самодержавія. Разодравъ *кондиціи русскаго права* и объявивъ, что вступаетъ на престолъ *не по избранію, а по насильству*, Анна Іоанновна приказала немедленно освободить Ягушинскаго изъ подъ ареста, и когда онъ приведенъ былъ въ тронную залу, императрица торжественно возвратила ему его шапку и андреевскій орденъ, допустила его къ рукамъ и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарила его за преданность

Въ дѣлахъ Имайловскаго полка за то время встрѣчается вообще не мало интересныхъ и весьма характеристическихъ свѣдѣній. Такъ, напримеръ, графъ еонъ Левенвольде, приказомъ отъ 1 мая 1732 года, запретилъ принимать челобитныя отъ недорослей новгородскихъ помѣщиковъ объ опредѣленіи ихъ въ полкъ. За что цитируетъ такое нерасположеніе къ новгородцамъ благородный ливляндецъ—неизвѣстно. Ужъ не за то ли, что Новгородъ, когда-то, управлялся не еяособу, весьма антипатичному высокоблагородному графу, и онъ опасался, чтобъ новгородцы, по старой памяти, не ввели какихъ либо публичныхъ началъ и въ грядущемъ войска лейбъ-гвардіи Имайловскаго полка.

(*) Записки дока Лирійскаго, с. 123.

престолу и отечеству. Павелъ Ивановичъ былъ этимъ очень доволенъ, но ему было всегдѣ хотѣлось получить снова утраченное имъ вліятельное мѣсто генераль-прокурора, и такъ какъ, не взирая на все благорасположеніе и любезность ея императорскаго величества, вакантное мѣсто почему-то Ягушинскому не давалось, — онъ рѣшился обратиться за помощью къ Густаву фонъ Левенвольде. Поводомъ къ ихъ сближенію послужило слѣдующее обстоятельство:

Густавъ фонъ Левенвольде, поддерживая свое благородное отеческое существованіе въ Россіи милостями русскихъ императоровъ и императрицъ, не переставалъ однакоже никогда, какъ честный и пламенный патріотъ, помышлять и заботиться о счастьи и интересахъ своего отечества. Петръ Великій, по заключеніи Нишадтскаго мира, утвердилъ за ливонцами всѣ ихъ права и привилегіи «поволину» оныя системѣ правленія будутъ не противны». Это «поколину» весьма не нравилось патріоту Левенвольде, и онъ вознамѣрился, во что бы то ни стало, освободить отъ него своихъ соотечественниковъ. Царствованіе Анны Іоанновны казалось Левенвольде самымъ благопріятнымъ для исполненія его намѣреній, но онъ, совершенно неожиданно, встрѣтилъ сильнаго противника своимъ замысламъ въ лицѣ графа Остерманна, стоявшаго за «поколину» по разнымъ политическимъ соображеніямъ. Поборить Остерманна было дѣломъ не совсемъ легкимъ, но тутъ-то именно на помощь Густаву фонъ Левенвольде и явился ловкій Ягушинскій съ весьма простымъ и яснымъ предложеніемъ: выхлопотать ему, Ягушинскому мѣсто генераль-прокурора, за что онъ, Ягушинскій, обязуется провести дѣло о ливонскихъ правахъ и привилегіяхъ такъ, какъ это желательно его высокографскому сіятельству, Густаву фонъ Левенвольде. Предложеніе Ягушинскаго очень понравилось ливонскому патріоту. Онъ безъ большаго труда выхлопоталъ ему, Павлу Ивановичу, желаемое мѣсто, а Павелъ Ивановичъ, въ свою очередь, хотя пробывъ въ званіи генераль-прокурора и недолго, весьма искусно выполнилъ свое обязательство относительно Ливоніи (*).

(*) *Mémoires historiques etc.* par le général de Manstein, t. 1, p. 73.

Густавъ фонъ Левенвольде, вообще, ни въ чемъ не упускалъ изъ виду выгоду своего отечества и вслѣдствіе заботился о его процвѣтаніи и благоденствіи, въ особенности же, если съ этимъ соединялось его собственное благоденствіе и процвѣтаніе. По его просьбѣ, напр., въ 1731 году, запрещено было ввозить въ Ливонію пиво и вино изъ Польши и Волыни, ибо чрезъ то

Другимъ доказательствомъ неоспоримаго могущества Густава *фонъ Левенвольде* могутъ служить отношенія къ нему фельдмаршала Минниха, о которыхъ рассказываетъ сынъ фельдмаршала въ своихъ интересныхъ запискахъ. Фельдмаршалъ Миннихъ (тогда еще впрочемъ не имѣвшій этого званія) пріѣхалъ въ 1731 году изъ Петербурга въ Москву представиться императрицѣ и ея оберъ-каммергеру. Снискавъ ихъ благоволеніе и разсмотрѣвъ взоромъ опытнаго человѣка положеніе придворныхъ дѣлъ и лицъ, онъ счелъ первымъ долгомъ снискать также благоволеніе графа Левенвольде старшаго, потому что «старшій графъ Левенвольде—говорять Миннихъ—сынъ—состоялъ въ толь великой силѣ, что хотя и не занималъ никакой должности въ министерствѣ, однако никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и согласенія. Даже самъ Биронъ, который ни съ кѣмъ другимъ не хотѣлъ дѣлить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколѣ онъ живъ былъ,

лифляндскимъ винокуренымъ заводчикамъ, въ числѣ которыхъ находились и самъ Левенвольде, чинилась «великая обида». Въ именныхъ указахъ по этому случаю говорилось:

«Били челомъ Намъ Наши вѣрные подданные лифляндскаго шляхетства депутаты, ландратъ графъ *фонъ Левенвольдъ*, да ландмаршалъ *фонъ Бергъ*, что въ Лифляндію пріѣзжаютъ чужестранные люди, а особливо жида изъ Польши и изъ Волыни и изъ другихъ мѣстъ и привозятъ съ собою горячаго вина многое число, и въ уѣздѣ, и въ городахъ продаютъ, а деньги и еимки вывозятъ изъ нашего государства вонъ, а имъ, Нашимъ подданнымъ, лифляндскимъ обывателямъ, изъ того великая обида: 1) въ продажѣ собственного ихъ вина, которое они продаютъ въ уѣздахъ и городахъ, чинится остановка, и отъ того податей исправно платить не могутъ; 2) на ту заплату еимковъ, за вышписаннымъ вывозомъ, и когда и за высокую плату вымѣняютъ не могутъ, и всеподданнѣйше просили, чтобы мы тотъ изъ чужихъ краевъ вывозъ вина запретить повелѣли; а понеже въ томъ состоитъ государственный интересъ и ихъ, Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, польза: 1) что они то вино курятъ изъ своего хлѣба и продаютъ при своихъ мызахъ въ корчмахъ, за что платятъ оброкъ обще съ мызными податями, а которое въ города привозятъ, съ того акцизъ; 2) отъ такой продажи могутъ исправнѣ положенныя подати платить, къ тому жъ и еимки изъ государства вонъ выходить не будутъ; сверхъ же того въ вышписанномъ челобитѣ объявляютъ, что того своего уѣзднаго вина столько ставить могутъ, сколько на удовольствіе лифляндскихъ городовъ потребно; того ради указали Мы: въ Лифляндію, какъ въ города, такъ и въ уѣзды, изъ Польши и изъ Волыни вина, кромѣ французской, чрезъ лифляндскій рубежъ, откуда бъ оно ни было, отнюдь никому не ввозить подѣ взятіемъ того вина въ Нашу казну безденежно».

Полное собраніе законовъ, т. VIII, с. 393.

при себѣ терпѣть, но также, чему дивиться должно, нѣкоторымъ образомъ его боялся» (*).

Дивиться этому, по нашему мнѣнію, вовсе не должно, если принять во вниманіе какъ характеръ любимца Анны Іоанновны, такъ и тѣ поразительныя случайности, отъ которыхъ завистля участь самаго сильнаго, самаго вліятельнаго человѣка въ ту странную эпоху возможныхъ переворотовъ, совершавшихся въ нѣсколько часовъ съ помощью нѣсколькихъ гвардейскихъ штыковъ. Страшно подозрительный и недовѣрчивый Биронъ «боялся нѣкоторымъ образомъ» каждого, къ кому хоть сколько нибудь благоволила императрица, кто хоть почему либо казался фавориту способнымъ подорвать хоть немного его фаворитскій кредитъ. Онъ боялся и враговъ, и друзей, и соперниковъ, и клеветовъ, и русскихъ, и нѣмцевъ, понимая очень хорошо, что само его не очень-то благо, и бремя его не совсемъ-то легко. Онъ боялся и Остерманна, и Минниха, и всѣхъ, такъ или иначе пробивавшихся на первый планъ, и если, по выраженію Минниха—сына, «не жалея ни съ кѣмъ другимъ дѣлить власти своей у императрицы, терпѣть при себѣ» одного Левенвольде старшаго, т. е. подчинялся иногда его вліянію, то это происходило отъ того лишь, что Левенвольде старшій обладалъ вполне умѣньемъ облекать свое вліяніе въ такія формы, которыя только льстили тщеславному и напыщенному фавориту, не задѣвая болѣзненно ни одной изъ его слабыхъ струнъ. Съумѣлъ бы, конечно, сдѣлать это и Остерманнъ; но Остерманну, равно какъ и Минниху, Биронъ не позволялъ управлять собою, потому что не могъ не созывать—покрайней мѣрѣ въ душѣ—ихъ неоспоримаго надъ собою превосходства. Отъ этого превосходства, разумѣется, не разъ коробилось щекотливое самолюбіе самолюбиваго временщика, и онъ утѣшалъ себя единственно тѣмъ, что старался забирать выше Остерманна и Минниха, любилъ видѣть ихъ, вѣстѣ съ другими, въ качествѣ кланяющихся и унижающихся просителей. Въ Левенвольде же старшемъ Биронъ видѣлъ равнаго себѣ и по уму, и по способностямъ, и по характеру, а потому снисходительно выслушивалъ его совѣты и мнѣнія, наслаждаясь при этомъ мыслью, что Густавъ фонъ Левенвольде можетъ давать ему, фавориту, одни совѣты (да и те потому лишь, что это ему великодушно дозволяется); онъ же, фаворитъ, можетъ давать Густаву фонъ Левенвольде не только столь же мудрыя совѣты,

(*) *Записки Минниха-сына*, с. 50 и 51.

но и еще какія угодныя приказанія. А Густавъ фонъ Левенвольде за этимъ уже не гнался и, благоразумно довольствуясь выгодами своего второстепеннаго положенія, умѣлъ дѣлать изъ него подчасъ первостепенное, умѣлъ поставитъ себя такъ, что «хотя и не занималъ никакой должности въ министерствѣ, однакоже никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и согласенія».

«Доброе согласіе между двумя вышеименованными мужами (т. е. Барономъ и Левенвольде) и вице-канцлеромъ графомъ Остерманномъ было въ тогдѣшнее время несовершеннѣйше—продолжаетъ Минихъ—сынъ—послѣдній сдѣлался необходимо нуженъ своимъ искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ, обширнымъ познаніемъ внутренняго состоянія имперіи и преназаннымъ слогомъ въ сочиненіяхъ. Отецъ мой съ давняго времени пользовался его дружбою и рекомендованъ отъ него новому оберъ-камергеру съ весьма хорошей стороны; почему не прошло еще и двухъ недѣль по прїѣздѣ его въ Москву, какъ онъ со всѣми невозможными знаками благоволенія введенъ въ общество сихъ триумфировъ и вскорѣ потомъ, за долговременныя и обременительныя труды свои, знатный получалъ подарокъ». (*)

Словомъ, и притѣръ Ягушинскаго, и притѣръ Миниха могли убѣдить самымъ осязательнымъ образомъ кого угодно, что, послѣ оберъ-камергера Эрнста—Юганна Бирона, ниже всѣхъ надлежало вѣнчаться генералъ-лейтенанту и полковнику гвардіи, Густаву фонъ Левенвольде. Въ этомъ не могъ не убѣдиться и самъ сіявшій блаженствомъ и гордостью Густавъ фонъ Левенвольде, видя почти что каждый день какіе нибудь новые знаки милости и расположенія къ своей особѣ какъ со стороны фаворита, такъ и со стороны императрицы. Высокое довѣріе императрицы, уже разъ выразившееся благородному люляндцу въ важномъ назначеніи его командиромъ *лейбъ-гвардейскаго* по преимуществу Измайловскаго полка, скоро выразилось еще рельефнѣе: въ концѣ 1731 года командиръ Измайловскаго полка возведенъ былъ волею ея императорскаго величества въ званіе дипломата и отправленъ за-границу, въ качествѣ полномочнаго министра, съ важными порученіями. Съ этихъ поръ, до самаго конца своей жизни, графъ фонъ Левенвольде старшій уже почти что и не сходилъ съ дипломатическаго поприща, оказавшись тутъ, дѣйствительно, человекомъ далеко не бесполезнымъ.

І. ШИШКИНЪ.

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 51 и 52.

Книга.

Книга... открываю....
«Бытопись російская».
Ну, тебя я знаю,
Знаю, степь ливійская:

Какъ она, равнина
Бытія безплоднаго,
Вѣчная картина
Горъ несходнаго.

Гдѣ тебя ни вскрою,
Книга безотрадная,
Всюду предо мною
Таже жизнь несладная,

Всюду злу свобода,
Права непризнаніе,
Съ жизнью духъ народа
Въ вѣчномъ отрицаніи,

Ширина основы,
Нищета развитія....
Мрачны и суровы
Люди и событія:

Наглые миньоны
Гордо недоступные
Всякіе Бироны
Мелкіе и крупныя;

Сумрачныя лица,
Темныя сказанія,
Рѣдко, гдѣ страница
Свѣтлаго преданія.

Нива не приглядно
Тошная раскинулась,
Небо безотрадно
Сѣрое надвинулось;

Глухо боръ сосновый
Съ вѣтромъ окликается,
Жалобно суровой
Пѣснью заливается,

Шепчетъ все о чемъ-то
Грустныя сказанія,
Словно все о комъ-то
Правитъ поминанія.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЮЖНОЙ РОССИИ.

Говорить о важности значенія сельскаго хозяйства я считаю дѣломъ совершенно лишнимъ. Кто же не знаетъ, что все, что обезпечиваетъ существованіе человѣка и обусловливаетъ нравственное его развитіе, получается изъ произведеній земли, и кому также неизвѣстно, что сельское хозяйство служитъ главнымъ источникомъ благосостоянія и богатства извѣстнаго народа и основаніемъ для другихъ родовъ его промышленности. Англія въ настоящее время представляетъ небывалый въ исторіи примѣръ развитія торговли и заводско—мануфактурной промышленности; но полагаютъ, что доходъ, получаемый ею отъ сельскаго хозяйства, въ три раза больше дохода, приобретаемаго отъ торговли и фабрично—заводскихъ производствъ. Въ Россіи же цѣнность произведеній земли, какъ думаютъ, въ десять разъ превосходитъ стоимость всего получаемаго отъ торговли, фабрикъ и заводовъ. Следовательно, для нея сельское хозяйство есть не только главный источникъ благосостоянія и богатства, но даже и единственнѣйшій, и еще далеко то время, когда другія отрасли промышленности займутъ въ этомъ государствѣ болѣе видное мѣсто,—и еще займутъ ли? Природныя свойства нашего народа, степень его нравственнаго развитія, обиліе земель, изъ которыхъ въ европейской Россіи 18 проц. по своей натуральной тучности могутъ назваться лучшею почвою въ мірѣ, наконецъ, умножающееся народонаселеніе западной Европы, котораго она и теперь уже не въ состояніи содержать произведеніями своей земли — вотъ данныя, на основаніи которыхъ мы имѣемъ полное пра-

во полагать, что Россія вынуждена будетъ остаться страню по преимуществу сельскаго хозяйства. И вотъ почему она должна употребить всё свои силы на развитіе этой промышленности, какъ самой естественной, даже пезвѣжной. И напрасно она силится поставить на высшую степень развитія свои мануфактуры и заводы; они всегда останутся для ея народа тяжелымъ бременемъ. Плыть противъ теченія воды—трудно и даже це безопасно, а выростить пальмы въ полярныхъ странахъ и совершенно невозможно. Новая эпоха настанетъ для Россіи и производительныхъ силъ ея, какъ скоро она соединится нѣсколькими желѣзными дорогами съ западомъ Европы: тогда немедленно обрисуетъ характеръ дѣятельности страны, которая должна кормить огромную часть европейскаго народонаселенія произведеніями своей земли.

Но все это не входитъ въ программу настоящей моей статьи. Я намѣренъ представить здѣсь значеніе сельскаго хозяйства собственно на югѣ Россіи, сдѣлать очеркъ здѣшняго хозяйства, наконецъ указать, что задерживало отъ развитія производительныя силы Россіи вообще, а слѣдовательно и здѣшняго края.

Сельское хозяйство юга Россіи, сложилось и шло такъ, какъ заставляли его сложиться и идти извѣтныя обстоятельства, которыя нерѣдко были такъ сильны, что скорѣе можно было изнемочь въ борьбѣ съ ними, чѣмъ выйдти побѣдителемъ.

Картина его, какъ намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, не совсѣмъ привлекательная и не выдерживаетъ строгой критики: тамъ недостаетъ полноты жизни, здѣсь—самый контуръ сдѣланъ неправильно; на однихъ мѣстахъ краски не тѣ, а здѣсь — какія-то краски были положены, но время или обстоятельства стерли ихъ.

Впрочемъ колонизація южнаго края Россіи началась такъ недавно, что мы едва ли вправѣ искать болѣе отрадныхъ сторонъ въ этой картинѣ. Такъ могутъ сказать одни, но другое мы услышимъ отъ другихъ.

Правда, говорятъ эти послѣдніе, еще съ небольшимъ 60 лѣтъ прошло, какъ необозримыя степи юга Россіи стали заселяться осѣдыми жителями, и, стало быть, здѣсь всему нужно было положить основаніе, все создавать вновь и притомъ нерѣдко изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и по своимъ собственнымъ планамъ. Но за то—продолжаютъ эти недовольные настоящимъ состояніемъ юга Россіи—этотъ край находится въ такихъ выгодныхъ условіяхъ для развитія

сельской промышленности, что могъ бы представить ее въ самомъ блестящемъ видѣ. Нѣкоторые штаты сѣверной Америки позднѣ здѣшняго края населились, но имѣютъ цвѣтущіе города, желѣзные дороги и шоссе; дѣятельность народа самая живая и плодотворная, — народа, большею частью составившагося изъ бѣдныхъ пришельцевъ западной Европы, нерѣдко не имѣвшихъ ничего общаго между собою. Если же Америка представляетъ намъ такой поучительный примѣръ, то, конечно, неудовлетворительное состояніе юга Россіи не можетъ быть отнесено къ молодости края, къ недавней его колонизаціи, — стало быть, были другія причины, удерживавшія этотъ край въ полудремотномъ и полупищенскомъ состояніи. Что же это были за причины? Смѣю сказать, что Россія не поняла важнаго значенія этого края, а потому и не сдѣлала для него того, что должна бы была сдѣлать. На все побережье Чернаго и Азовскаго морей мы должны были бы смотрѣть, какъ на самыя широкія двери, чрезъ которыя удобно и легко можемъ соединиться не только съ цивилизованнымъ западомъ Европы, но и съ богатыми странами Азіи. И если гдѣ Россія должна была устроить желѣзныя дороги, проложить шоссе, прочистить русла рѣкъ, устроить по нимъ и морямъ судоходство, разработать сокровища царства ископаемаго — я разумѣю по—преимуществу горючій матеріалъ — этотъ современный и мощный двигатель промышленности и цивилизаціи — такъ это здѣсь, на берегахъ Понта Эвксинскаго. Здѣсь она должна была увеличивать народонаселеніе всевозможными льготами и особенно отдачею казенныхъ земель, почти ничегдъ неприносящихъ казны, въ частныя руки, умножить техническія заведенія, наконецъ, употребить всевозможныя мѣры къ распространенію въ краѣ просвѣщенія, чтобы, между прочимъ, Россія, стоя лицомъ къ лицу съ западомъ Европы, не краснѣла бы, не подавала бы повода называть себя страной варваровъ...

Петръ I, прорубивъ окно въ западную Европу на сѣверѣ Россіи, постигивъ, несмотря на суровое небо, на болотистую землю и отдаленность отъ центра страны, основать тамъ, предъ самымъ этимъ окномъ, столицу, и новую столицу соединить съ прочими частями Россіи водяными путями. Умъ его постигалъ, что безъ этой мѣры прорубленное окно не будетъ имѣть своего значенія, что свѣтъ цивилизаціи, изукъ и промышленности не принесетъ пользы Россіи, если бу-

*

деть отражаться на бездушныхъ тундрахъ и болотахъ, и не станеть разливаясь внутрь пробужденной имъ страны.

Мы не знаемъ, основалъ ли бы онъ на югѣ Россіи новую столицу, еслибъ ему удалось этотъ край присоединить къ Россіи, но не имѣемъ права отвергать, что онъ сдѣлалъ бы здѣсь больше, чѣмъ на сѣверѣ, такъ какъ здѣсь и географическія, и топографическія, и даже этнографическія условія болѣе благопріятствуютъ сближенію Россіи съ западомъ Европы, чѣмъ такія же условія Балтійскаго края. Если мы припомнимъ, что для Россіи почти только два естественныхъ выхода на западъ Европы и даже въ другія страны свѣта, что народы растутъ и идутъ на пути усовершенствованій только при взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, то мы не можемъ не при- дать особенной важности югу Россіи въ дѣлѣ преуспѣянія и развитія производительныхъ силъ Россіи. На эту роль даютъ ему право: приморское положеніе его, природная тучность его земель, теплый климатъ и легчайшій сбытъ произведеній за границу. Не вдаваясь въ подробныя объясненія по этому предмету, мы приведемъ здѣсь слова Гакстгаузена:

«Будущее историческое значеніе повтійскихъ странъ для образованнаго міра Европы, заключается, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ: придетъ время, когда большая часть образованной Европы безъ подвоза хлѣба извнѣ не будетъ въ состояніи пропитывать густаго населенія своего. Тогда скорѣе всего ей могутъ оказать помощь двѣ обильныя житницы, именно: сѣверная Америка и черноземная полоса въ средней и южной Россіи. Последняя заключаетъ въ себѣ (считая въ томъ числѣ и ту часть степей, которая еще невоздѣлана, но имѣетъ прекрасную почву) отъ 20 до 25 т. кв. миль самой плодородной въ мірѣ почвы, мало населенной въ настоящее время и которая по всей вѣроятности не будетъ густо населена и въ слѣдующемъ столѣтіи. Со-временемъ здѣсь образуются огромныя хлѣбныя магазины для Европы, когда пути сообщенія устроятся такимъ образомъ, что запасы будутъ достигать пристаней Чернаго и Азовскаго морей во всякое время года и безъ большей потери времени и труда. Но и для самой Россіи, продолжаетъ Гакстгаузенъ, этотъ край имѣетъ безмѣрное и непосредственное значеніе. Одинъ взглядъ на карту Россіи можетъ намъ показать это!»

Дѣйствительно такъ. Но мало того, что здѣшній край съ приле-

гающими къ нему губерніями можетъ быть житницею западно-европейскихъ государствъ; онъ долженъ удовлетворять множеству очень важныхъ потребностей самой Россіи, или другими словами, сѣверныя и среднія страны Россіи должны быть для здѣшняго края огромнѣйшимъ рынкомъ, т. е. рынкомъ внутреннимъ, который, какъ извѣстно, болѣе или менѣе обуславливаетъ процвѣтаніе и виѣшняго. Да, понтійскія страны должны доставлять во внутрь Россіи пшеничный хлѣбъ, который въ большей половинѣ нашего отечества не родится, но который съ улучшеніемъ быта нашего народа долженъ составить его насущную потребность. Эти страны должны снабжать Россію кукурузою, которой урожанъ отлѣчаются постоянствомъ и обиліемъ, и которая, слѣдовательно, можетъ въ извѣстной мѣрѣ устранять голодъ, столь неизбѣжный въ нашемъ отечествѣ по его континентальному положенію. Онѣ пошлютъ на внутренніе рынки свою шерсть, сало, кожи, шелкъ, вино, фрукты, красильныя растенія, лекарственныя, пряныя, въ томъ числѣ табакъ и многія другія произведенія своего теплаго климата. Конечно, все это можетъ быть тогда, когда въ массѣ народа разовьются высшія потребности жизни, и когда югъ Россіи соединится съ среднею и сѣвѣрною полосами ея желѣзными дорогами. Когда это сбудется, то нѣтъ сомнѣнія, что рынки для здѣшнихъ произведеній откроются даже тамъ, гдѣ теперь повидимому не имѣютъ въ нихъ никакой нужды. Да, мы увѣрены, что со-временемъ на сѣверѣ Россіи перестанутъ для пахатныхъ угодій рубить лѣса — эту единственную защиту отъ холода для всего континента европейской Россіи, и сѣверная лѣсная полоса, какъ и слѣдуетъ, будетъ составлять только лѣсное хозяйство. Также скорѣе можно изъ тундръ и болотъ сдѣлать пастбищныя мѣста, чѣмъ пахатныя поля, а хлѣбъ получать изъ странъ болѣе способныхъ производить его, каковъ югъ Россіи съ прилегающими къ нему губерніями.

Таково будущее значеніе понтійскихъ странъ, которое со-временемъ должно перейти въ область дѣйствительности; но что же такое въ настоящее время югъ Россіи?

Простой нашъ народъ, при всѣхъ задаткахъ къ нравственному развитію и матеріальному благосостоянію, находится въ нищенскомъ состояніи. Посмотрите на его кое-какъ слѣпленное изъ глины или вырытое въ землѣ жилище, брошенное, какъ говорится, среди неба на землѣ, т. е. почти не имѣющее ни оградъ, ни хозяйственныхъ службъ и защиты для скота; посмотрите на его домашнюю утварь,

на его одежду, пищу, на босыхъ дѣтей, на земледѣльческія орудія, на шаткость его положенія при первомъ неурожаѣ хлѣба, при первой гибели его скота. А вѣдь этотъ—то чернорабочій людъ и составляетъ первую производительную силу нашего края, на немъ—то и заждется все наше благосостояніе. Бѣденъ народъ — бѣдно и государство, или та часть его, гдѣ живетъ этотъ бѣдный народъ. Сказавши это, мнѣ кажется, я все сказалъ, и картина домохозяйства юга Россіи можетъ обрисоваться сама собою, если только держаться набросаннаго мною абриса. Но я чувствую, что не затруднятся представить мнѣ такія данныя, которыя эту картину могутъ нѣсколько подкрасить.

Югъ Россіи изъ всѣхъ своихъ портовъ выпускаетъ въ общей сложности отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 и даже до 5 мил. четвертей хлѣба. Развѣ этого мало? Не мало, но и не много; онъ могъ бы отправлять едва ли не вдвое больше. Не забудемъ, что мы съ своихъ превосходныхъ полей получаемъ въ общей сложности не болѣе какъ 4 четверти, между тѣмъ какъ могли бы получить по крайней мѣрѣ 7, какъ получаютъ наши колонисты, а можетъ быть и болѣе. Причина скудости нашихъ урожаевъ лежитъ въ незнаніи климатическихъ условій края, въ общей нашей страсти къ обширнымъ запашкамъ и въ самой нераціональной обработкѣ земли нашими гнуснѣйшими орудіями.

Далѣе говорятъ, что Югъ Россіи выкармливаетъ до $2\frac{1}{2}$ мил. (*) (скорѣе до 3 мил.) головъ рогатаго скота, изъ котораго онъ въ иные годы высылалъ за границу до 20 т. головъ, кожъ продавалъ до 50 т. пудовъ и сала до 400 т. п. Вѣдь это крупныя цифры! Правда, но правда и то, что эту прекрасную породу мы чуть—ли не довели до самой дурной, малорослой и малосильной. По мнѣнію очень многихъ здѣшнихъ опытныхъ хозяевъ, скотъ нашъ на половину потерялъ изъ прежнихъ добрыхъ своихъ качествъ, такъ что, считая $2\frac{1}{2}$ мил. головъ рогатаго скота на югѣ Россіи и цѣня голову по 15 руб., означенная потеря будетъ равняться $37\frac{1}{2}$ мил. руб., т. е. при прежнихъ качествахъ $2\frac{1}{2}$ мил. головъ стоили бы 75 мил. руб.

Странно, во всѣхъ европейскихъ государствахъ употребляютъ самыя энергическія мѣры для улучшенія рогатаго скота, даже воспѣываютъ такія породы, которыя превосходятъ самую природу, обладающую, какъ извѣстно, могущественною творческою силою. Но мы, южные хозяева, съ каждымъ поколѣніемъ выводимъ нашъ скотъ

(*) По Скальковскому.

въ худшее и худшее положеніе. И не мудрено: зимой—солома и неприютность отъ разрушительныхъ вліяній климата, лѣтомъ, при тяжелыхъ трудахъ обработки земли или передвиженіи тяжестей—подножный кормъ, нерѣдко состоящій изъ сухихъ, мелкихъ, даже трудно съѣдомыхъ травъ и пыли. Этого мало: посмотрите на наши водопои въ заирудахъ, гдѣ вмѣсто воды скотъ пьетъ тишистую, прогнившую влагу. И какъ будто бы пить средствъ сдѣлать изъ этой же воды здоровое питье! А вѣдь это тотъ скотъ, выя котораго дала намъ все, что мы имѣемъ. И едвали бы мы погрѣшили, если бы оказывали этому доброму созданію такое уваженіе, какимъ онъ пользовался у Египтянъ, которые, въ этомъ отношеніи были умнѣ насъ.

Правда, были и есть у насъ хозяева, которые, видя упадокъ силъ мѣстнаго скота, желали обзавестись какими нибудь улучшенными породами; но эти улучшенныя породы, кое-гдѣ сохранивши лучшія типическія черты, при худыхъ кормахъ, при небрежномъ уходѣ, при грубомъ обращеніи съ ними, скоро сравнивались съ туземнымъ скотомъ, представляющимъ намъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Прекраснѣйшую породу бессарабскаго скота мы почти совершенно утратили. Грустно подумать, что мы до сихъ поръ не позаботились измѣнить даже наши фуры для передвиженія произведеній земли, что такъ необходимо при отсутствіи у насъ дорогъ, не подумали даже переимѣнить ярмо для нашихъ быковъ, тяжелое для нихъ и не легкое для насъ, если мы согласимся, что по милости этого ярма мы теряемъ едва ли не половину рабочей силы. Давно въ лучшихъ хозяйствахъ западной Европы это ярмо брошено и замѣнено то хому-тами, то ярмами несравненно лучшаго устройства.

Думаю, что почти исключительное употребленіе въ работу воловъ, а не лошадей, главнымъ образомъ происходитъ отъ простоты нашего ярма, отъ соломы и подножныхъ кормовъ, т. е. отъ нежеланія доставить нашему рабочему скоту лучшій уходъ, лучшее содержаніе; а между тѣмъ, употребляя лошадей, мы могли бы производить обработку земли и перевозку тяжестей съ большою скоростію—столь необходимою въ нашемъ климатѣ и при нашихъ путяхъ сообщенія. Я ни слова не скажу о лошадяхъ на югѣ Россіи, потому что въ массѣ нашего народа ихъ нѣтъ; но и у землевладѣльцевъ онѣ не составляютъ особой статьи доходности и рабочей силы, о чемъ, конечно, вѣдѣть не пожалѣть.

Но вотъ лучшая отрасль южно-русскаго хозяйства—это тошкорунное

овцеводство. Развитие этой отрасли, говорят многие, безпритворно. Начавшись съ стадъ Рувье и Миллера въ какихъ нибудь 3,000 головъ, съ небольшимъ въ полстолѣтїя оно возросло по крайней мѣрѣ до 5 милліон. (3,712,180, по Тенгобор.) штукъ. Не мало есть заводовъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 25 до 60, даже до 100 т. и болѣе головъ. Шерсти мы отпускаемъ за границу до 500,000 пуд. (*). Соображая всѣ эти данныя, кто же не скажетъ, что тонкорунное овцеводство дѣлаетъ честь южно-русскому хозяйству. А если къ этому присоединить, что съ разведеніемъ испанскихъ овецъ цѣнность земли у насъ увеличилась по крайней мѣрѣ въ четыре раза, то, очевидно, что эта отрасль хозяйства внесла въ массу народнаго богатства огромную долю; и, въ самомъ дѣлѣ, югъ Россіи можетъ гордиться тѣмъ, что онъ понялъ важность этой промышленности и съумѣлъ развить и упрочить ее. Нельзя не согласиться съ подобными умозаключеніями; но иной разъ, представляя многочисленныя стада тонкорунныхъ овецъ и тѣ громадныя тюки шерсти, которые идутъ отъ насъ за границу и внутрь Россіи, я невольно припоминаю себѣ стихи Фонъ-Физина, сказанныя имъ, впрочемъ, къ другимъ овцамъ:

«Овечки родятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри межъ тѣмъ карманы набиваютъ».

Въ чемъ нашъ трудъ состоялъ разработать изъ тонкоруннаго овцеводства такую видную отрасль хозяйства? Положить первоначальный—для многихъ, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время — самый ничтожный капиталъ, выстроить кошары или даже, вмѣсто ихъ, сдѣлать закуты изъ камыша, приставить большею частью даровыхъ чабановъ, накосить сѣна,—затѣмъ вся забота объ этомъ овцеводствѣ и кончалась. Стало быть, если тонкорунное овцеводство развилось у насъ въ очень широкихъ размѣрахъ, то этому отнюдь не обязано оно особеннымъ усиліямъ или пожертвованіямъ со стороны хозяевъ, а единственно тому, что оно казалось простымъ и легкимъ. Скажу яснѣе, тонкорунное наше овцеводство произведено нашимъ теплымъ небомъ, нашими малонаселенными землями. Но мнѣ скажутъ: зачѣмъ же и употреблять было особыя усилія и жертванія, когда дѣло обошлось и безъ нихъ? Въ томъ—то и задача сельскаго хозяина—получать какъ

(*) Въ опытѣ стат. Новор. Кр. г. Скальковскаго за 1845 годъ показано 485,686 пуд.

можно больше, а затрачивать какъ можно меньше, т. е. стремиться къ увеличенію чистаго дохода. Это правда, но если мы припомнимъ, что большая часть нашихъ шерстей на заграничныхъ рынкахъ стоятъ въ числѣ посредственныхъ сортовъ, или даже ниже посредственныхъ, что нередко отъ сляшккомъ большихъ надеждъ на материнское попеченіе о насъ природы въ одинъ годъ десятки тысячъ головъ этихъ животныхъ падаютъ или отъ безкормицы, или отъ болѣзней, какъ напр. въ 1848 г. наши хозяева лишились $1\frac{1}{2}$ мил. головъ, то невольно представляется, что эта благодарная отрасль хозяйства имѣла и имѣеть право на гораздо болѣе вниманіе нашихъ хозяевъ. Нельзя не согласиться, что только то составляетъ истинное богатство народа, гдѣ главнымъ дѣятелемъ становится разумный трудъ человѣка, гдѣ человѣкъ покоряетъ себѣ силы природы и становится полнымъ ихъ властелиномъ. Потому—то бананы и хлѣбныя деревья, которыя обезпечиваютъ огромное народонаселеніе нѣкоторыхъ тропическихкихъ широтъ, мы никакъ не можемъ назвать богатствомъ страны, хотя эти деревья доставляютъ столько продуктовъ, что, какъ полагаютъ Шлейденъ, извѣстное пространство, засаженное бананами, можетъ прокормить 25 человѣкъ, между тѣмъ какъ то же самое пространство земли, засѣянное пшеницею, прокормитъ только одного человѣка.

Но почему же подобные дары природы не могутъ назваться богатствомъ народа! И неужели Швеція и Норвегія, гдѣ съ успѣхомъ могутъ воздѣлываться почти только рожь и ячмень, богаче тѣхъ странъ, гдѣ растутъ хлѣбныя деревья и бананы?—Несравненно богаче. Для южно-русскихъ хозяевъ, по крайней мѣрѣ для очень многихъ изъ нихъ руна тонкорунныхъ овецъ — золотое руно. Колхиды. Но еслибы волны Понта Эвксинскаго вмѣсто гравія и песку выбрасывали намъ груды золота и серебра самой высокой пробы, мы не сдѣлались бы богаче. Истинное богатство народа заключается въ богатствѣ его способностей, въ широкомъ развитіи его соціальной жизни, въ его энергическомъ стремленіи къ труду, въ его самобытной и настойчивой дѣятельности. При такомъ состояніи народъ можетъ превратить сыпучіе пески и холодныя тундры въ золотыя россыпи, которыя предъ настоящими золотыми россыпями всегда будутъ имѣть то неоспоримое преимущество, что онѣ не изсякнутъ своимъ золотомъ.

Бросая бѣглый взглядъ на сельское хозяйство юга Россіи, я указалъ, что главнѣйшія отрасли его — земледѣліе и скотоводство пред-

ставляют собою далеко незавидную посредственность или, по крайней мѣрѣ, не носятъ на себѣ печати рациональности, дальновидности и прочности.

Послѣ земледѣлія и скотоводства, конечно, на первомъ планѣ стоятъ лѣсоводство и садоводство. Благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ нашихъ частныхъ землевладѣльцевъ, разведенію лѣсовъ въ степяхъ юга Россіи проложена торная дорога. Нѣкоторые изъ нашихъ ревнителей лѣсохозяйства добыли множество дорогихъ данныхъ, такъ что, на основаніи этихъ данныхъ, лѣсоразведеніе въ здѣшнемъ краѣ становится дѣломъ вполне возможнымъ. Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что лѣсоразведеніе въ нашемъ краѣ далеко не пользуется правами гражданства. Правда, не мало у насъ землевладѣльцевъ, которые успѣли расширить свои плантаціи на 50—100 и даже 500 дес., усердно трудились надъ лѣсоразведеніемъ въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ; прекрасныя лѣсовыя растенія мы находимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, особливо у менонитовъ; но за то сколько имѣній обширнѣйшихъ и доходнѣйшихъ, гдѣ и куста не посажено; а у нашихъ простыхъ поселянъ оно еще и не начиналось, такъ что всѣ наши лѣсныя и садовыя насажденія по отношенію къ общему лицу степей не могутъ назваться даже оазисами. Еслибы мы заглядывали въ будущее, еслибы заботились о судьбѣ края и позднѣйшихъ поколѣній и еслибы на лѣсоразведеніе $\frac{1}{1000}$ часть употребляли изъ доходовъ отъ нашей пшеницы и скотоводства, — лѣсовъ и садовъ въ нашемъ краѣ было бы несравненно больше.

Но мало того, что нѣкоторые хозяева нисколько не занимаются разведеніемъ лѣсовъ, они даже не вѣрятъ въ возможность и доходность этой отрасли сельскаго хозяйства для юга Россіи. А можетъ быть они только хотятъ прикрыться этимъ щитомъ? Мое искреннее убѣжденіе, котораго опровергнуть, думаю, невозможно, такое: лѣсоводство на югѣ Россіи вполне возможно и можетъ составить одну изъ доходнѣйшихъ статей хозяйства. Скажу болѣе, хотя и знаю, что сказанное мною покажется ужаснымъ парадоксомъ: въ Россіи и даже на западѣ Европы нѣтъ края, который бы такъ способенъ былъ къ лѣсоразведенію, какъ степи Новороссіи. Впослѣдствіи я надѣюсь доказать это фактами, а теперь укажу только на то обстоятельство, что въ низменностяхъ нашихъ (которыхъ у насъ не мало) всѣ лѣсныя породы, какъ то: дубъ, ясень, берестъ, тополь, особливо виргинскій кленъ, ель, даже береза и др. растутъ такъ быстро, какъ

нигдѣ въ Россіи. Дубъ — эта туго растущая порода — въ 20 лѣтъ у насъ достигаетъ 8 сажень высоты и имѣетъ до 6 вершковъ въ отрубѣ; виргинскій тополь въ 25-лѣтнемъ возрастѣ достигаетъ 15 саж. высоты и даетъ бревно до 3 саж. длины съ поперечникомъ до 3 четв. арш. Такой растительности я не видѣлъ даже въ лѣсахъ южной Германіи, и то же подтвердили мнѣ лучшіе таксаторы нѣкоторыхъ лѣсныхъ имѣній на западѣ Европы, напр. въ Виртембергѣ. Возвышенности наши, собственно степныя равнины, по сухости и твердости почвы, не легко приурочиваютъ къ себѣ обыкновенныя лѣсныя породы; но зато мы имѣемъ акацію, которая, довольствуясь даже сухими почвами и не глубокою обработкою земли (до 8—10—12 верш.), имѣетъ такія высокія достоинства, что, по общему сознанію лѣсоводовъ западной Европы, предъ нею блѣднѣютъ всѣ древесныя породы, свойственныя европейскому матеріку среднихъ широтъ. Она превосходитъ всѣ эти породы быстротою своего роста, плотностію древесины, которая теперь на западѣ и нашими менонитами употребляется для самыхъ прочныхъ сооружений или подъялокъ, далѣе, своею способностію легко размножаться всѣми способами, сѣменами, корнями, черенками, порослями отъ корней; производительность свою акація сохраняетъ до глубокой старости. Это вы можете замѣтить на деревьяхъ, растущихъ по улицамъ Одессы. Нерѣдко можно видѣть однолѣтнія сѣянцы акаціи въ 4 арш. высоты; я видѣлъ нѣсколько подъ-корень срубленныхъ деревьевъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, изъ которыхъ каждое дало до 12 и 18 побѣговъ отъ пня, и эти побѣги выросли въ одинъ годъ въ 3—4 арш. Какая растительность! Если мы къ этой древесной породѣ присоединимъ софору, айлантъ, гледичію, сосну, можжевельникъ (особливо виргинскій), тамариксъ, татарскій кленъ и др., которые также превосходно растутъ на открытыхъ степяхъ, то наше лѣсоводство не понуждается въ другихъ породахъ и даже будетъ удовлетворять эстетическому чувству.

Все сказанное мною по отношенію къ лѣсоразведенію должно относиться и къ разведенію плодовыхъ деревьевъ. Нѣкоторыми садами, какъ напр. садами Крыма и Бессарабіи, югъ Россіи можетъ похвалиться, и они составляютъ довольно видныя статьи доходности. Присоединивъ сюда сады по нашимъ рѣкамъ, сады у нѣкоторыхъ помѣщиковъ внутри степей и у менонитовъ, затѣмъ мы можемъ сказать, что садоводство у насъ не существуетъ или по крайней мѣрѣ эта отрасль хозяйства отнюдь не можетъ назваться народною. Между тѣмъ мно-

гимь плодовымъ деревьямъ такъ благопріятствуетъ нашъ климатъ! Выращенные отъ сѣмянъ абрикосы, персики, вишни у насъ нерѣдко на четвертомъ году даютъ плоды! Привитой глазокъ абрикоса превращается въ одинъ годъ въ деревцо съ 40 и болѣе вѣтвями 2½ арш. высоты!

Въ Бессарабіи, при ничтожномъ уходѣ, превосходно растутъ сливы, и этотъ край сжегодно десятки тысячъ пудовъ отправляетъ внутрь Россіи, въ сушеномъ видѣ. Къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить грецкіе орѣхи, которые въ Крыму и Бессарабіи составляютъ довольно видную статью для внутренней торговли. Но сколько прекраснѣйшихъ низменныхъ мѣстъ въ степяхъ юга Россіи, которыя могли бы быть запяты сливникомъ, орѣшникомъ и другими плодовыми деревьями и составить серьезную статью доходности! И придетъ время, когда нашъ край будетъ снабжать своими плодами внутреннія губерніи Россіи, что составитъ немаловажный источникъ для обогащенія жителей края.

Дѣлая подобныя предсказанія, я держусь, какъ читатель, можетъ быть, и замѣчаетъ, одной нити — представить — къ чему способенъ здѣшній край и чему до сихъ поръ положенъ только одинъ зародышъ.

Но если какая отрасль сельскаго хозяйства на югѣ Россіи дѣлаеть огромные успѣхи, такъ это — винодѣліе. По Кеппену, въ 1835 году, въ южныхъ губерніяхъ, со включеніемъ земли Войска Донскаго и губерній Ставропольской, Астраханской, Киевской и Подольской, въ годъ получалось съ небольшимъ 1 миліонъ ведеръ вина (1,011,209), а чрезъ 15 лѣтъ, т. е. въ 185—первыхъ годахъ количество это доходило до 7½ мил. ведеръ (7,475,000) (*). Въ томъ числѣ на однѣ новороссійскія губерніи, т. е. на Таврическую, Херсонскую, Бессарабскую и Екатеринославскую, приходится болѣе 4 мил. ведеръ. Если къ означеннымъ 7½ мил. ведеръ присоединить вина закавказскихъ губерній, которыхъ собирается болѣе 8 мил. ведеръ (8,354,420) (**), то получимъ итогъ всего производства вина въ южной Россіи почти въ 16 мил. ведеръ (15,830,000), которые Тенгоборскій оцѣниваетъ въ 7,700,000 руб. сер.

Останавливаясь единственно на цифрахъ, относящихся къ новорос-

(*) По Тенгоборскому.

(**) Тенгоборскій.

сийскому краю, и принимая въ соображеніе, что въ послѣднее десятилѣтіе производство вина увеличилось по крайней мѣрѣ на 1 мил. ведеръ, мы счѣло можемъ сказать, что съ 1835 г., т. е. въ 25 лѣтъ производство вина въ нашемъ краѣ увеличилось въ 10 разъ. Но кто же не знаетъ, что и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ хозяйства, мы больше гонимся за количествомъ, чѣмъ за качествомъ. Тенгоборскій $7\frac{1}{2}$ мил. (7,475,000) ведеръ оцѣниваетъ въ $3\frac{1}{2}$ мил. р. (3,600,000) или почти ведро въ 50 к. Принимая во вниманіе, что главная масса нашихъ винъ, болѣе чѣмъ 3 мил. ведеръ, приходится на Бессарабію, гдѣ вино, особливо приготовляемое поселянами, продается по 10—20 коп. за ведро, мы думаемъ, что для южно-русскихъ винъ нельзя въ общей сложности поставить болѣе 40 коп. за ведро. Такая низкая цѣнность вина не слишкомъ характеризуетъ наши южно-русскія вина. Даже въ одной странѣ простая вода съ нѣкоторыми слѣдами постороннихъ веществъ имѣетъ несравненно высшую цѣнность... Вы конечно, не думаете, чтобы я здѣсь разумѣлъ знойныя, безводныя степи Африки, — нѣтъ, я разумѣю страну, отживающую свой вѣкъ пительныхъ откуповъ, т. е. наше любезное отечество.

Итакъ, если мы можемъ похвалиться успѣхами нашего винодѣлія, то все-таки на половину, и счастливая доля этой благодарнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства все-таки впереди, а не въ настоящемъ. Берега Чернаго и Азовскаго морей окаймятся широкою (можетъ быть въ 100 верстъ) гирляндю виноградинокъ. Не забудемъ, что покойный винодѣль Тарданъ (на югѣ Бессарабіи) съ 45 десятинъ своего виноградника получалъ чистаго доходу, въ общей сложности, 7 тысячъ руб. сер.

Не желая изъ краткаго моего обзора различныхъ отдѣловъ хозяйства вынустить ни одного, я долженъ еще упомянуть о шелководствѣ, пчеловодствѣ и разведеніи такъ называемыхъ (впрочемъ неправильно) торговыхъ растений. Но съ этими отдѣлами мы покончимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Шелководство, которому такъ благопріятствуютъ климатическія условія, при всемъ стараніи правительства и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, не привилось на югѣ Россіи, за исключеніемъ колоній менонитовъ, гдѣ въ нѣкоторые годы въ позднѣйшее время собиралось шелку до 200 пудовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, положено было довольно прочное основаніе этой промышленности, но теперь или совершенно она оставлена или держится, такъ сказать, на водоскѣ.

Отъ 1833 до 1835 года, какъ гласятъ извѣстiя, собранныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, среднимъ числомъ въ годъ собиралось шелку въ Астраханской, Саратовской, Киевской, Подольской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губернiяхъ около 300 пуд. Но въ 1849 году, какъ видно изъ отчета департамента сельскаго хозяйства, сборъ шелка въ губернiяхъ Таврической, Подольской, Херсонской, Астраханской, Екатеринославской и Бессарабской области среднимъ числомъ доходилъ только до 180 пуд. (*). И странно, почему бы шелководству не привиться на югъ Россiи! Эта отрасль сельскаго хозяйства, по простотѣ своей и по легкости въ отношенiи къ физическимъ силамъ, можетъ назваться бабьею промышленностью, а между тѣмъ она одна изъ доходнѣйшихъ: вѣдь хорошiй шелкъ продается по 200 и болѣе руб. за пудъ. Нѣкоторыя провинци Францiи живутъ шелкомъ. Одни эту неудачу относятъ къ нашему малолюдству—но это невѣрно; другiе, къ пшеницѣ и скотоводству, которыя, такъ сказать, глушатъ второстепенныя отрасли сельскаго хозяйства,—это отчасти справедливо. Но скорѣе всего мы должны искать причину непрививающемуся къ намъ шелководству, въ отсутствiи поземельной собственности для крестьянъ, которымъ всего ближе заниматься этою отраслью, далѣе — въ неразвитости ихъ, и наконецъ — что конечно, покажется страннымъ — къ широкой размахистой натурѣ русскаго народа, которому какъ будто не по плечу возиться съ червями и тянуть такiя тонкiя канители. Конечно, когда руки нашихъ поселянъ слѣдуютъ понѣжнѣе, потребности почище, они займутся шелководствомъ, и югъ Россiи завладѣетъ этою отраслью хозяйства, какъ родною, и будетъ одѣвать своимъ шелкомъ матушку Россiю, вмѣсто ея пестрадины и серяги.

Пчеловодство во всей Россiи падаетъ, а на югѣ, благодаря, можетъ, быть нашимъ овечкамъ, такъ гладко брѣющимъ наши степи, и совсѣмъ почти упало. Здѣсь бывали пасѣки, гдѣ считалось до 3,000 колодъ, а пасѣки въ 1000 колодъ были не рѣдкость. Нынѣ остались пчелы кое у кого и большею частью у помѣщиковъ, которые имѣютъ сады или лѣски; но и у нихъ пасѣки въ 300—500 колодъ считаются рѣдкостью. Жаль, что и эту, такъ сказать, доморощенную нашу от—

(*) Впрочемъ отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ я слышалъ, будто бы въ прошедшемъ году южно-русскiе шелководы выработали и продали шелку до 400 пуд.

расль хозяйства мы упускаемъ изъ рукъ. Даже Франція — эта маленькая землячка въ сравненіи съ Россією — цѣнитъ произведенія своего пчеловодства (по Тенгоборскому въ 3,250,000 руб., а пчеловодство всей европейской Россіи едва ли дастъ 3,000,000 руб.)

Изъ такъ называемыхъ торговыхъ, фабричныхъ или приныхъ растений, которымъ такъ благопріятствуетъ нашъ климатъ, до настоящаго времени только табакъ — и то въ послѣднее десятилѣтіе — довольно хорошо приурочился особенно въ Бессарабіи, въ которой въ одномъ Сорокскомъ уѣздѣ производится такъ называемаго ципловскаго табаку болѣе 100 т. пуд., между тѣмъ какъ въ 50-хъ годахъ, т. е. назадъ тому 10 лѣтъ во всей Бессарабіи собиралось небогѣе 20—30 т. пуд. Нѣтъ сомнѣнія, что этому растенію предстоитъ счастливая будущность, какъ одному изъ доходнѣйшихъ. Нѣкоторые изъ табаководовъ въ Бессарабіи продаютъ свой табакъ уже по 20—30 р. за пудъ. Считая урожай на десятинѣ только въ 50 пуд., выходитъ валоваго дохода 1500 руб. Извѣстный намъ баронъ Местмахеръ, занимающійся разведеніемъ табаку въ Подольской губерніи, на границѣ съ Херсонской, въ 1853 г. представилъ въ общество с. х. ю. Р. подробный учетъ всѣхъ расходовъ и дохода съ его табачныхъ плантацій, которыми завѣдуетъ искусный садовникъ Кребсъ; изъ этого учета мы видимъ, что 1 десятина, занятая табакомъ, даетъ ему валоваго дохода 480 руб. сер.; вычтя изъ этой суммы расходы на обработку 138 р. 90 к. и за доставку 30 р., и продавая табакъ (какъ и продавалъ баронъ) по 8 руб., остается чистаго дохода 311 р. 40 к. Доходъ, какъ изволите видѣть, очень значительный.

За этимъ растеніемъ есть еще нѣсколько, которыя можетъ приурочить къ себѣ югъ Россіи, но которыя почти еще не нашли мѣста среди нашихъ полей и огородовъ.

Если я не ошибаюсь, до послѣднихъ годовъ въ нашемъ краѣ только одинъ г. Дульветовъ, помѣщикъ Таврической губерніи, разводилъ у себя на нѣсколькихъ десятинахъ (но не болѣе 3—4) марену, и только назадъ тому 4 года французскій подданный, арендовавшій имѣніе у князя Кочубея въ Крыму, сталъ разводить это цѣнное растеніе въ значительномъ размѣрѣ. Его превосходныя плантаціи теперь доходятъ до 50 дес. Какъ доходно это растеніе, могущее, какъ опыты сосѣднихъ землевладѣльцевъ графа М. Д. Толстаго и А. А. Шостака

показали, съ успѣхомъ разводиться даже на открытыхъ стѣнныхъ равнинахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго приблизительнаго расчета, общеннаго намъ г. Рено. Выкопку марены г. Рено производить черезъ 26 мѣсяцевъ, т. е. черезъ 2 года въ третій. Если эту выкопку дѣлать заступомъ, то получается, какъ увѣряетъ г. Рено, до 400 пуд. корней, а если плугомъ, то не менѣе 300 пуд.; цѣня пудъ по 5 руб. (но марена обыкновенно продается по 7 и 7 р. 50 к. за пудъ), выходитъ, что десятина въ двухлѣтній періодъ дастъ валоваго дохода 1500 руб. Вычтя изъ этой суммы, какъ полагаетъ г. Рено, 500 руб. на расходы, остается чистой прибыли 1000 руб., или по 500 руб. на каждый годъ. Стало бытъ, засѣянная мареной у г. Рено 50 десятинъ должны давать черезъ каждые два года 50,000 руб. И это—не мечта; я и многіе другіе видѣли плантаціи г. Рено, видѣли и собранную марену до нѣсколькихъ тысячъ пудъ. По пробамъ, произведеннымъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Москвѣ, оказывается, что наша крымская марена хотя и уступаетъ (вѣроятно вслѣдствіе ранней выкопки) кавказской, но также находитъ себѣ мѣсто въ фабричномъ дѣлѣ.

500 руб. съ десятины—да положимъ и половину—развѣ это не кладъ, не калифорнскія розсыпи? И странно, какъ же мы до сихъ поръ не обращали на это цѣнное растеніе никакого вниманія...

Но мало ли подобныхъ растеній, которыя могли бы внести въ нашъ край огромную долю народнаго богатства! Многія фабрики Россіи получаютъ ворсильныя шипки изъ заграницы, и значительная часть ихъ идетъ черезъ нашъ портъ. Но если бы мы занялись разведеніемъ этого растенія, могли бы не только снабжать его продуктомъ всѣ фабрики Россіи, но даже и заграничныя. Какъ благопріятствуетъ нашъ климатъ этому растенію, достаточно указать на слѣдующій фактъ: въ Бессарабіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ это растеніе въ дикомъ состояніи, въ видѣ огромнѣйшихъ кустовъ, на которыхъ на одномъ насчитывалъ отъ 30 до 50 шишекъ, между тѣмъ какъ съ культурныхъ кустовъ собирается только отъ 4 до 6. И это растеніе, какъ опыты показали, съ полнымъ успѣхомъ можетъ воздѣлываться у насъ вездѣ, особливо по низменностямъ, которыми мы не бѣдны. Впрочемъ, въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, т. е. на совершенно ровномъ и сухомъ мѣстѣ, неразъ сѣяли ворсянку, и она вполнѣ удавалась. Считаютъ, что десятина, занятая этимъ растеніемъ, можетъ дать отъ 200 до 300 руб. сер. и болѣе чистаго дохода.

Въ эту же категорию выгодныхъ и могущихъ приурочиться къ нашему краю растений должны быть включены: хмель, хлопчатникъ, растущій у насъ дико, красильная гречиха, дающая синюю, очень цѣнную краску, сафлоръ, шафранъ, роцсъ, горчица, китайская рѣпка, подсолнечникъ и другія извѣстныя по своей цѣнности растенія, о которыхъ нѣкоторые изъ нашихъ хозяевъ не имѣютъ никакого понятія.

Въ заключеніе этого перечня я укажу еще на одно растеніе, которое мы разводимъ въ цвѣтникахъ и любимъ его дородствомъ и роскошными, темнозелеными, лапчатыми листьями. Это растеніе по-латынѣ называютъ *Ricinus communis*, а русскіе дали ему очень удачное названіе — клещевина, по удивительному сходству съ-мятъ его съ клещами, которыя вшиваются въ нашихъ домашнихъ животныхъ. Клещевина даетъ намъ извѣстное спасительное во многихъ случаяхъ рициное масло, которое одесскимъ фармацевтическимъ магазинамъ обходится въ покупкѣ 9—10 р. за пудъ, а въ другихъ мѣстахъ, напр. подалеко въ Кишиневѣ, какъ пишетъ г. Романдинъ, по 17 руб. за пудъ. Но этого мало, клещевина въ нѣкоторомъ отношеніи бабанъ: все въ немъ можетъ служить для пользы человѣка, и, между прочимъ, стебли его даютъ очень значительное количество волоконъ, подобна коноплю, которыя могутъ идти на приготовленіе веревокъ, канатовъ, грубыхъ полотонъ и писчей бумаги. Клещевинное масло можетъ имѣть очень значительное приложеніе въ общезжитіи для освѣщенія и въ малярномъ дѣлѣ; но если видѣть въ немъ только медикаментъ, то и въ такомъ случаѣ оно заслуживаетъ вниманіе нашихъ хозяевъ. Докторъ Гауревичъ въ своемъ сочиненіи полагаетъ, что въ двухъ нашихъ столицахъ и другихъ большихъ городахъ Россіи расходуетса этого лекарственнаго масла по крайней мѣрѣ на 200,000 руб. Онъ же говоритъ, что къ воздѣлыванію этого растенія способна вся южная полоса Россіи, гдѣ оно растетъ даже лучше, чѣмъ на островахъ Вестъ-Индіи (?), и что Россія могла бы снабжать этимъ цѣннымъ продуктомъ всю Европу, которая получаетъ его изъ Индіи. Если я не ошибаюсь, одинъ только аптекаръ Романдинъ (въ Кишиневѣ) воздѣлывалъ клещевину въ значительномъ количествѣ и добывалъ изъ нея масло, которое военно-медицинскимъ департаментомъ найдено хорошимъ и было рассылаемо по военнымъ госпиталямъ.

Доселѣ я старался представить краткій очеркъ всѣхъ главныхъ отраслей нашего хозяйства и показать, что нѣкоторые изъ нихъ на-

ходятся въ плѣну у рутны, а другія даже не пеняли на свѣтъ Божій. Стало быть, картина производительныхъ силъ благодатнаго юга Россіи не можетъ или, по крайней мѣрѣ, до послѣднихъ годовъ не могла представиться намъ въ привлекательныхъ краскахъ. Но какова она будетъ, если мы поставимъ на ней нѣсколько вопрошительныхъ знаковъ.

Почему мы не стараемся или, по крайней мѣрѣ, до позднѣйшаго времени не стараемся нѣкоторые сырые произведенія нашего края превращать въ болѣе или менѣе измѣненную форму и такимъ образомъ удешевлять провозъ ихъ до мѣста потребленія и получать известную плату за обработку? На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ обработанныхъ или измѣненныхъ продуктовъ, конечно, долженъ стоять спиртъ. Но о немъ мы не будемъ говорить, такъ какъ производство его подчинялось особымъ условіямъ. Но отправлять въ возможно-большемъ количествѣ муку вмѣсто зерна, крахмалъ и камедь вмѣсто семени, стеаринъ вмѣсто сала, выдѣланныя кожи вмѣсто сыромятныхъ, мясо въ соленомъ или консервированномъ видѣхъ и т. д., и т. д., что удерживало насъ увеличить доходность нашихъ земель переработкою этихъ и подобныхъ имъ сырыхъ матеріаловъ въ болѣе или менѣе фабричный видъ? Не знаю что, но отнюдь не недостатокъ капиталовъ и рукъ, которые нашлись же для фабрикаціи сахара, для гонки спирта и т. п. Здѣсь главная причина—недостатокъ предприимчивости, кредита и ассоціаціи между частными лицами.

Поставимъ еще одинъ вопросъ: позаботились ли мы о сбереженіи производительности нашихъ земель? Возвращаемъ ли мы нашей почвѣ то, что собираемъ съ нея въ видѣ хлѣба, мяса, шерсти, сала и т. п.? Нѣтъ, мы сами сознаемся, что производительность нашихъ превосходныхъ земель уже уменьшилась на $\frac{1}{3}$. Впрочемъ такая трата силъ земли безъ вознагражденія ведется не у насъ однихъ. Человѣкъ, обыкновенно, вида кипучую жизнь природы, слишкомъ много надѣется на запасъ ея силъ и становится мотомъ, какъ наследникъ большого капитала, оставленнаго отцемъ или дядею. Такъ было вездѣ и всегда. Въ нѣкоторыхъ соединенныхъ штатахъ Америки положительно доказываютъ, что вслѣдствіе истощенія земли урожан хлѣбовъ и другихъ хозяйственныхъ растений въ послѣднее время уменьшился тамъ на-половину. Есть лица въ Америкѣ, которыя съ болѣзненно сердца и упреками смотрятъ на такое расхищеніе національнаго богатства.

Какъ видите не советишь привлекательна картина домохозяйства юга Россіи; но все-таки на этой картинѣ виднѣются болѣе утѣшительныя черты, болѣе отрадный колоритъ, чѣмъ на картинѣ, изображающей собою производительныя силы внутренней Россіи, которой, какъ намъ извѣстно, скоро исполнится 1000 лѣтъ.

Сопоставимъ на нѣкоторыя цифры.

Поконный Тевгоборскій въ своемъ трудѣ весь валовой доходъ отъ сельскаго хозяйства европейской Россіи полагаетъ съ небольшимъ въ 8 миллиардовъ (8,104,000,000 франк.), но во Франціи—государствѣ, которое далеко еще не можетъ похвалиться своею сельскою промышленностью въ сравненіи напр. съ Англіею, Бельгіею, Голландіею и болшею частью Германіи (почему мы и взяли для сравненія съ Россіею именно это государство)—валовой доходъ считается слишкомъ въ 6 миллиардовъ франк. (6,077,000,000). Конечно, нашъ доходъ превышаетъ доходъ Франціи на 2 слишкомъ миллиарда; но не забудемъ, что въ европейской Россіи (по Тевгоборскому) считается 62,000,000 жителей, а во Франціи почти половина этого, именно 35,680,000. И сверхъ того классъ, непосредственно занимающійся сельскимъ хозяйствомъ, въ Россіи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ во Франціи; въ первой, т. е. Россіи, на 100 городскихъ жителей приходится сельскихъ 1,148, между тѣмъ какъ во Франціи только 464, т. е. менѣе чѣмъ на половину. Или другими цифрами: во Франціи изъ 100,000 жителей приходится 17,728 городскихъ, а въ Россіи изъ того же числа, т. е. изъ 100,000—только 8,710 жителей.

Отсюда само собою слѣдуетъ заключить: если количество рукъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи, вдвое больше, чѣмъ во Франціи, то очевидно и валовой доходъ отъ сельскаго хозяйства долженъ бы быть вдвое больше, что въ свою очередь могутъ подтвердить и слѣдующія цифры: во Франціи считаютъ городское населеніе съ жителями мѣстечекъ въ 8,300,000, это значить, на долю городского населенія приходится почти $\frac{1}{4}$ всего народонаселенія; вычтя эту четверть изъ общей массы населенія, т. е. изъ 35,680,000, останется на долю сельскихъ жителей 27,380,000. Городское же населеніе въ Россіи, по Тевгоборскому, доходить только до 5,400,000, т. е. у насъ въ европейской Россіи 56,000,000 занято собственно сельскимъ хозяйствомъ.

*Эти сравненія, т. е. отношенія производительныхъ земель къ народонаселенію, говоритъ Тевгоборскій, доказываютъ, на какомъ еще

*

твердомъ основаніи лежитъ въ европейской Россіи будущее населеніе этой имперіи», и, осмѣлимся прибавить, въ какомъ жалкомъ состояніи находится сельская промышленность ея, т. е. этой имперіи!

Но еще яснѣе это представится намъ, если мы, согласно показаніямъ нашихъ статистиковъ, примемъ для Россіи все количество производительной земли, т. е. обработанной и находящейся подъ лугами, садами, виноградниками и т. п. равнымъ 150,000,000 дес., между тѣмъ какъ во Франціи количество этихъ земель равняется только 29,162,000; но какая огромная разница въ итогѣ произведеній этихъ земель? Наши 150 мил. дес. даютъ 8 миллиард. фр. валоваго дохода, а во Франціи 6 миллиард. получается менѣе чѣмъ съ 30 мил. дес. Или еще ближе: полагаютъ, что въ европейской Россіи собственно подъ одними хлѣбными растеніями находится не менѣе 72 мил., (по Заблоцкому—75), а во Франціи только до 14 мил. (въ 1840 г. считалось 13,534,000 десят.). Но сколько хлѣба производитъ Россія и сколько Франція? Первая 260,000,000 четв., а вторая—104,000,000 четв., т. е. столько, сколько Россія должна бы производить только на $\frac{1}{5}$ своихъ пахатныхъ полей, которыя, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, въ 5 разъ больше численностью, чѣмъ поля Франціи. Еще разительнѣе слабая производительность нашихъ полей къ полямъ Великобританіи: тамъ только съ 6,928,333 десят. собирается хлѣба 85 мил. четвертей, т. е. въ Великобританіи получается почти третья часть нашихъ урожаевъ съ такого пространства земли, которое равняется съ небольшимъ $\frac{1}{10}$ нашихъ полей.

Заключу въ эти цифры нижеслѣдующими: въ Англій средній урожай съ десятины полагается $12\frac{1}{2}$ четверт.; во Франціи—7,36, въ Австріи—6,60, въ южной Германіи до 8, а въ Россіи только до $4\frac{1}{2}$ четв. (4,63). Правда, скажутъ, что и климатъ западной Европы благоприятнѣе для растительности, за то мы имѣемъ около 90 мил. десят. такой земли, которой нѣтъ тамъ—это нашъ черноземъ.

Обратимся къ другимъ цифрамъ. Еще нѣсколько данныхъ, и обрисъ русскаго сельскаго хозяйства будетъ почти полный, потому что имъ будутъ очерчены двѣ главнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства въ Россіи—земледѣліе съ луговодствомъ и скотоводство.

Въ Англій десятина луговъ даетъ 220 пуд., во Франціи 167, въ Австріи 120, въ Россіи же только 60 пуд., а для всего ея юговостока едва ли можно положить среднимъ числомъ болѣе 35 или 40 пуд. Стало быть, наше скотоводство гораздо менѣе обеспечено;

чѣмъ въ западной Европѣ. А если мы примемъ въ соображеніе, что тамъ почти повсемѣстно, гдѣ только возможно, введены орошеніе луговъ и травосѣяніе, а у насъ, въ Россіи, едва проложены слабыя слѣды тому и другому, то это будетъ еще очевиднѣе. Сравнивая цифры земель, доставляющихъ сѣно съ численностью скота, мы приходимъ и къ другому неутѣшительному результату, именно, что нашъ скотъ главнымъ образомъ прокармливается соломой, а не сѣномъ, которое почти втрое питательнѣе первой и, стало быть, скотоводство наше безъ приличной выси не можетъ представить намъ отрадной картины, что на самомъ дѣлѣ и есть.

Главные рѣды нашихъ домашнихъ животныхъ — лошади и рогатый скотъ. Въ общей массѣ, т. е. какими они находятся въ рукахъ народа, въ сравненіи съ лошадьми и рогатымъ скотомъ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Франціи, наши домашнія животныя скорѣе могутъ назваться народіями на этихъ животныхъ, чѣмъ настоящими животными, находящимися на попеченіи разумныхъ существъ, т. е. человека. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ и личныхъ наблюденіяхъ, я смѣло могу утверждать, что рабочій скотъ означенныхъ государствъ западной Европы вчетверо сильнѣе или производителнѣе, чѣмъ нашъ. Г. Тенгоборскій, сравнивая англійскихъ лошадей съ нѣмецкими, находитъ, что первыя втрое сильнѣе послѣднихъ. Подобное же отношеніе онъ полагаетъ между русскими и англійскими лошадьми; но мы не безъ основанія думаемъ, что онъ слишкомъ польстилъ народному коневодству нашего отечества. Положительно можно сказать, что сила всей массы англійскихъ лошадей, взятыхъ въ пзвѣстной пропорціи, должна превзойти силу лошадей Россіи по крайней мѣрѣ въ 5 разъ.

Припомнимъ, что у насъ тяжесть вѣса для крестьянской лошади полагается только въ 15, но допустимъ и въ 25 пуд.; въ Англіи же, правда, по шоссейнымъ дорогамъ, тяжесть въ 90 пуд. для лошади очень обыкновенная; не есть лошади, напр. на заводахъ, которыя легко везать по 3 тонны, т. е. по 180 пуд.; въ Германіи на пару лошадей кладутъ по большей части отъ 40 до 70 центнер. или отъ 120 до 210 пуд. Правда, здѣшнія, я разумно одесскія, пзвозническія лошади отвезать на гавань по 5 четверт., т. е. по 50 пуд., но не забудемъ, что эти лошади живутъ 2—3, много 5 лѣтъ; а мыныя не болѣе мѣсяца; но на западѣ, особливо въ Англіи, вѣкъ рабочей

лошади считаютъ въ 15—20 лѣтъ. Сказанное объ одесскихъ лошадяхъ отчасти можетъ относиться и ко всему рабочему скоту Россіи.

Но допустивъ, что лошади въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы только втрое сильнѣе нашихъ, мы увидимъ, какую огромную потерю несемъ мы въ одной изъ главныхъ рабочихъ силъ. У насъ, говорятъ г. Тенгоборскій, во многихъ мѣстахъ крестьянскія лошади еще меньше и слабѣ нѣмецкихъ и можно предполагать безъ преувеличенія, что, улучшивъ лошадиную породу, можно получить при томъ же количествѣ лошадей втрое большую двигательную силу, нежели теперь, и какое бы приращеніе мы получили черезъ это въ производительныхъ силахъ! Полагаютъ, что въ областяхъ европейской Россіи находится около 18 мил. лошадей, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 12 мил. принадлежатъ земледѣльческому сословію. Если же оцѣнить только въ 12 руб. теперешнюю двигательную силу крестьянской лошади въ продолженіи года, что составляетъ безъ сомнѣнія очень умеренную оцѣнку, то, увеличивъ улучшеніемъ эту силу только вдвое, мы получили бы ежегоднаго приращенія къ національному богатству на 144 мил. руб. А если увеличить, прибавимъ мы, вчетверо, что будетъ еще правильнѣе, то ежегодное приращеніе къ національному богатству доходило бы до полумиллиарда, но правильнѣе—до миллиарда, потому что оцѣнка двигательной силы лошади въ 12 руб. слишкомъ низкая. Здѣсь есть о чемъ подумать и пожалѣть!

Думаемъ, еще большую разность найдемъ мы между производительностью нашего рогатаго скота и производительностью его на западѣ Европы, разумѣя подъ этою производительностью молочныя скопы, мясо, сало и кожи. Въ Англіи напр. откармливаютъ воловъ на убой въ 50 и 80 пуд. живаго вѣса, а у насъ волъ въ 25 или 30 пуд. можетъ считаться рѣдкостью.

Во Франціи считается среднимъ числомъ на одного быка 672 ф. мяса, 63½ ф. сала; въ Пруссіи—570 ф. мяса и 62 ф. сала; въ Россіи не полагаютъ болѣе 400—450 ф. мяса и 50 сала.

Въ болѣе части государствъ западной Европы считаютъ годичный сборъ молока отъ коровы въ 2000 — 3000 штоф., а у насъ едва ли его можно считать въ 300 — 400 шт. Но можетъ быть, если мы не взяли качествомъ, то беремъ по крайней мѣрѣ количествомъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ; исключенія на этотъ разъ составляютъ только лошади, что, конечно, произошло вслѣдствіе дальности разстояній и, можетъ быть, по крайней мѣрѣ частью, отъ немного лѣтливой

славянской натуры, которая вообще любитъ ѣздить или выѣзжать на дугахъ.

Изъ слѣдующихъ цифръ легко можемъ видѣть численность нашего скотоводства, включая сюда и лошадей, и овецъ (*).

Во Франціи на квадратную милю производительной земли число годовъ рогатаго скота приходится 1,025

Въ Австріи 1,779

— Пруссіи 1,361

а въ Россіи только 630

На то же пространство земли приходится овецъ :

Во Франціи 5,153

— Пруссіи 4,382

— Австріи 5,153

— Россіи же 1,260

Лошадей :

Во Франціи 369

Въ Пруссіи 422

— Австріи 435

— Россіи 454

Всѣхъ же головъ этихъ трехъ родовъ животныхъ на квадратную милю полагается :

Во Франціи 5,605

Въ Пруссіи 6,165

— Австріи 7,367

— Россіи 2,344

Для ночеыхъ народовъ скотоводство составляетъ почти единственную отрасль сельскаго хозяйства и служитъ главнѣйшимъ источникомъ ихъ богатства. Среди народа осѣдлаго, но малочисленнаго, т. е. владѣющаго обширными землями, если не можемъ находиться на высокой ступени развитія земледѣліе, то, повидимому, мы вправѣ ожидать отъ него многочисленнаго и лучшаго скотоводства, такъ какъ эта отрасль можетъ быть ведена имъ, при обширности земель, безъ особенныхъ пожертвованій труда и капиталовъ. Къ сожалѣнію, даже и этого мы не видимъ въ Россіи, между тѣмъ какъ средства есть, что видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Россіи на каждую голову крупнаго и мелкаго скота (т. е. лошадей, рога-

(*) Эти цифры также взяты изъ соч. Тенгоборскаго.

таго скота и овецъ) среднимъ числомъ приходится на 100 десятъ луговъ 72 головы; во Франціи 201 голова; въ Австріи 260 головъ. Стало бытъ, мы богаты естественными средствами для того, чтобы имѣть наше скотоводство и въ лучшемъ видѣ, и въ большемъ количествѣ; и слѣдовательно, если оно представляется намъ въ такомъ незавидномъ, даже жалкомъ состояніи, то единственно вслѣдствіе нашего дурнаго ухода за нимъ, вслѣдствіе того, что его давятъ иракъ рутины, безопасности и грубости нравовъ.

Вотъ, какими чертами обрисовывается сельское хозяйство, или по крайней мѣрѣ, двѣ главнѣйшія отрасли его, въ нашемъ отечествѣ! Угодно взглянуть на другіе отдѣлы хозяйства? Желаете посмотрѣть на нѣкоторыя детали общаго нашего домоустройства? Но это повело бы насъ слишкомъ далеко, и притомъ картина нашего домохозяйства такъ мрачна, такъ тяжела для сердца, что лучше отвернуться отъ нея... Дымныя, грязныя, сырыя, гнилыя и холодныя жилища у поселянъ; сохи, бороны, телеги и прочая домашняя и хозяйственная утварь—почти такія же, какія были у древнѣйшихъ народовъ, напр. у Египтянъ. Пожары опустошаютъ русскую землю и пожираютъ миллиарды народнаго богатства. Лѣса повсюду истребляются, а за ними исчезаютъ воды и ухудшается климатъ. Дорогъ нѣтъ. Кредита почти не существуетъ. Уваженіе къ личной и общественной собственности самое слабое, и если поддерживается, то отнюдь не вслѣдствіе нравственныхъ убѣжденій, которыя, по всеобщему нашему невѣжеству, еще не вырѣли и не окрѣпли среди русскаго народа. Но довольно! Чѣмъ дальше въ этотъ лѣсъ, тѣмъ больше мрака...

Отчего же, такъ неутѣшительна картина русскаго домохозяйства? Отчего же мы въ русскомъ глѣбѣ не видимъ той полноты жизни, которая такъ шла бы къ его богатырскому складу?..

Много, много отвѣтовъ можно дать на эти вопросы, но мы ограничимся только нѣсколькими.

Одни говорятъ: Россія — государство еще молодое, и притомъ развитіе его болѣе или менѣе было сдерживаемо различными внѣшними и внутренними историческими событіями. Если бы мы не имѣли передъ глазами народовъ, которые соединились въ государства позднѣе насъ, каковы, напримѣръ, соединенные штаты Америки, то, пожалуй, безусловно согласились бы, что можно и тысячелѣтнее государство называть юнымъ. Развитіе гражданской и промышленной жизни народовъ совершалось медленно тогда, когда эти народы должны были къ всему

прокладывать новые пути; но если эти пути проложены, то жизнь другихъ народовъ естественнымъ образомъ должна развиваться несравненно быстрее. Въ такихъ именно условіяхъ поставленно наше отечество. Слѣдовательно, воображаемая молодость его—есть просто сладкое самообольщеніе гнилаго патриотизма. Равнымъ образомъ мы не можемъ вводить раздѣлять мѣтвія тѣхъ, которые застой русской жизни, рабскиное настроеніе духа русскаго народа, слабое развитіе производительныхъ силъ его относятъ къ историческимъ ударамъ. Этого мѣтвія, какъ извѣстно, придерживался покойный исторіографъ Карамзинъ и друг. По нашему мѣтвію подобныя удары должны бы были только развить и укрѣпить силу Россіи, но не подавить ее. Удары судьбы грозны только для дряхлаго старика; но юношу или мужа, въ которыхъ жизнь полна силы, эти удары могутъ только возвысить и облагородить. Такъ вѣтры и бури для молодого дерева служатъ могущественною силою для его развитія; но для дерева, отживающаго свой вѣкъ, при всей видимой мощности его, ударъ вѣтра нередко бываетъ роковымъ. Но допустимъ, что историческія потрясенія на-время сдерживаютъ развитіе силъ русскаго народа; за то съ одной стороны было слишкомъ много времени оправиться отъ нихъ, а съ другой были же и сильныя толчки, которые должны бы были усилить теченіе русской жизни.. Но какъ мы ими воспользовались?.. Поэтому не въ молодости и не въ историческихъ ударахъ надо искать причины застоя нашего сельскаго хозяйства, а въ построеніи самой жизни. Мы обходимъ молчаніемъ разясненіе коренныхъ политическихъ и нравственныхъ причинъ, и должны ограничиться указаніемъ только на внѣшнія явленія природы.

Въ наше время никто не сомнѣвается въ томъ, что природа оказываетъ могущественное вліяніе на развитіе внутреннихъ силъ народа, на складъ его общественной жизни. Это вліяніе бываетъ особенно сильно тогда, когда народъ еще не приобрѣлъ нравственнаго превосходства надъ окружающими явленіями, когда онъ находится въ постоянной зависимости отъ нихъ и ведетъ робкую и безуспѣшную борьбу съ враждебными внѣшними силами.

«Все обиліе разнообразнѣйшихъ матерій, говоритъ Гумбольдъ, въ ихъ соединеніяхъ и переобразованіяхъ, въ вѣчной измѣняющейся игрѣ, вызванныхъ къ дѣятельности силъ, доставляетъ для духа пищу, для изученія радостное незамѣримое поле дѣятельности, словомъ, приноситъ дары, сообщающіе умственнымъ соерамъ человѣчества, образованіемъ и

укрѣпленіемъ мыслящей способности, часть ихъ возвышеннаго величія. Миръ чувственныхъ явленій отражается въ глубинѣ міра идей; богатство природы, масса, различаемая въ ней, мало-по-малу переходитъ въ разумное сознаніе». Нужно ли пояснять и доказывать эти глубокія мысли творца космоса? Нужно ли приводить факты на то, что миръ явленій отражается въ глубинѣ міра идей и что богатства природы переходятъ въ разумное сознаніе? Человѣкъ такъ созданъ и такъ поставленъ, что пробужденіе внутреннихъ его силъ начинается, по выраженію Гумбольда, чрезъ шумъ волнъ внѣшняго міра. Самыя возвышенныя идеи не вдругъ пробуждались въ немъ; зарождались изъ единичныхъ понятій, онѣ выработывались въ тайникѣ души, вслѣдствіе инициативы предметовъ внѣшняго міра на душу.

Если неизмѣримый, вѣчно живой и бушующій океанъ могъ работать такой желѣзной, такой самобытный и дѣятельный духъ Британца, если возвышенныя, величественныя, вѣчно борющіяся съ громами и молніями, Альпы Швейцаріи и Кавказа могли вдохнуть въ ихъ обитателей неодолимое чувство свободы и борьбы за права человѣчскія; то нѣтъ сомнѣнія, что равнинность континента европейской Россіи, этотъ застывшій великій океанъ безъ грозныхъ волнъ и движенія могъ положить печать неподвижности на русскій народъ, и кровь его стыла подобно застывшему океану, на которомъ онъ поселился.

Къ сожалѣнію, стывшая кровь не могла разгорячаться отъ прилива постороннихъ элементовъ. Этимъ я хочу сказать, что топографическое положеніе европейской Россіи служило самымъ сильнымъ и даже непреодолимымъ препятствіемъ къ общенію ея съ западомъ Европы, а равно и съ другими частями свѣта; безъ этого же общенія естественно долженъ былъ образоваться застой развитія русскаго народа. Я выше замѣтилъ, что для Россіи два естественныхъ выхода: ея сѣверныя и южныя моря; но эти пути недавно стали нашими и, дѣйствительно, съ открытіемъ ихъ Россія сдѣлала шагъ впередъ. Но если возьмемъ восточныя и западныя границы, тамъ мы увидимъ, что не только нѣтъ для русскаго народа естественныхъ общеній съ образованнымъ челоѣчествомъ, но даже и не съ кѣмъ сообщаться. Правда, западными границами мы примыкаемъ къ западу Европы, но намъ перешли дорогу фанатизмъ дряхлѣющей Турціи, іезутизмъ католической Австріи и родное, по почему-то несроднившееся съ нами племя... Могло ли же наше отечество развиваться, будучи замкнуто подобно Китаю, само въ себя, безъ общенія съ образованными націями и внѣ своей народъ, разбросанный

почти на 100 тысяч. квадрат. миль? Естественно, нѣтъ. И вотъ, гдѣ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ преградъ для развитія силъ русскаго народа. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Гумбольдтъ, что сближеніе съ моремъ имѣло сильное вліяніе на развитіе духа и характера многихъ народныхъ племенъ, на размноженіе тѣхъ изъ нихъ, которые должны нѣкогда связать весь родъ человѣческій въ одно цѣлое... что это вліяніе сдѣлалось общимъ и распространилось на народы, живущіе вдали отъ моря, внутри материка».

Изъ этихъ словъ великаго ученаго ясно видно, что естественные пути, обобщающіе народы одинъ съ другимъ, главнымъ образомъ служатъ къ развитію силъ человѣчества. Можетъ ли кто оспаривать, что русскій народъ съ произведеніями занимаемой имъ земли не былъ бы тѣмъ, какинъ мы его видимъ, если бы Балтійское и Черное моря издавна принадлежали Россіи, и еще, если бы они врѣзывались большими заливами вглубь этого обширнаго континента? Къ сожалѣнію, у насъ внутреннихъ морей нѣтъ и замѣнить ихъ, хотя и не впамятъ, могутъ только желѣзныя дороги, которыя насъ свяжутъ съ западомъ Европы. Эти дороги для него настолько же необходимы въ нравственномъ отношеніи, насколько и въ вещественномъ.

За этуо причину, замедлявшею развитіе производительныхъ силъ Россіи, мы должны поставить климатическія условія, на которыя обыкновенно ссылаются наши хозяева.

Дѣйствительно, на этотъ разъ природа немного обдѣлила русскую землю.

Возьмемъ самый главный элементъ, обусловливающій все растительное царство—воду. Изъ метеорологическихъ наблюденій выведено, что число дождливыхъ и снѣжныхъ дней и количество выпадающей влаги въ Европѣ распределяются слѣдующимъ образомъ:

	<i>Дождл. дней</i>	<i>Выпад. влаги дюйм.</i>
Въ западной Англіи.	160	36,25
» восточной »	153	27,06
У западныхъ береговъ Европы	140	29,26
Въ южной Франціи и Италіи	91	32,08
» Италіи на сѣверѣ	104	44,20
» сѣверной Франціи и Германіи.	145	26,74
» Скандинавіи	133	18,78
» балтійск. странахъ и западномъ краѣ европейской Россіи	139	20,10

Въ центральн. и сѣвер. губерніяхъ	124	17,74
» восточныхъ губерніяхъ	109	15,27
» степныхъ южныхъ губерніяхъ	80	12,30

Изъ этихъ цифръ, взятыхъ изъ сочиненій извѣстнаго французскаго хозяина, Гаспарена, и нашего академика г. Веселовскаго, ясно видно; что природа дѣйствительно обдѣлала русскую землю однимъ изъ первыхъ элементовъ—водою, которой въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи выпадаетъ такъ мало, какъ нигдѣ на западѣ Европы—напр. въ Астрахани считается съ небольшимъ 4 дюйма (4,04) выпадающей въ годъ влаги; въ Севастополѣ 7 съ половиною (7,67). На долю всего новороссійскаго края приходится въ общей сложности около 12¹/₂ дюйм., но въ нѣкоторые годы, а именно въ лѣтніе мѣсяцы, выпадаетъ и того менѣе. Годы, въ которые у насъ въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ не бываетъ и капли дождя—не рѣдкость; но были годы, какъ напр. 1832 и 1833, въ которые мѣстами не было дождей въ теченіе 20 мѣсяцевъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что урожанъ въ Россіи, особливо на югостокѣ ея, при недостаткѣ влаги должны отличаться несравненно большимъ непостоянствомъ, чѣмъ на западѣ Европы, что и на самомъ дѣлѣ есть. Умножить количество выпадающей влаги въ такой мѣрѣ, въ какой она выпадаетъ на западѣ, мы не можемъ, потому что не можемъ измѣнить территоріальнаго нашего положенія; но вотъ вопросъ—умѣли ли мы до сихъ поръ пользоваться тою скудною влагою, какую намъ посылаетъ небо? Не только нѣтъ, но мы употребляли всевозможныя мѣры уменьшить количество выпадающей воды, и, такъ сказать, сгонять съ лица нашей земли то, что посылаетъ намъ наша атмосфера. Я здѣсь разумѣю всеобщее истребленіе лѣсовъ, которые, какъ извѣстно, увеличиваютъ количество выпадающей влаги и удерживаютъ ее на данной мѣстности. Лѣса для континентальныхъ странъ—то же, что океаны для приморскихъ и островскихъ странъ. Если мы къ этому присоединимъ, что открытыя воды внутри материковъ, т. е. рѣки, озера, ключи и т. п., смачивая атмосферу, также въ свою очередь способствуютъ увеличенію влаги въ данной мѣстности, то мы еще болѣе убѣдимся, что малое количество выпадающей влаги не только не вызвало съ нашей стороны особыхъ усилій къ увеличенію ея, но даже мы стремились къ ея уменьшенію, потому что, съ уничтоженіемъ лѣсовъ многія изъ нашихъ открытыхъ водъ совершенно исчезли, а оставшіяся находятся на пути яснаго оскуденія. Истребляя лѣса, говоритъ патріархъ ученаго міра, Гумбольдъ, чело-

вечество готовить потомству два неизбежныхъ бедствія: недостатокъ воды и недостатокъ топлива.

Въ равной мѣрѣ Россія обдѣлена природою и относительно теплоты. Въ удѣлъ этому огромному континенту, сравнительно съ замкомъ Европы, даны: низшая средняя температура года, жары лѣта и холода зимы. Чтобы показать, какая рѣзница въ климатахъ западной Европы и европейской Россіи, я приведу нѣсколько цифръ: въ Лондонѣ среднюю температуру года полагають $+ 9, 1$, лѣта $+ 15, 5$, зимы $+ 3, 1$; въ Россіи же подъ тою же широтою, т. е. подъ 50, напр. въ Саратовѣ, средняя температура года $+ 4$, лѣта $+ 16$, зимы $- 8$; Почти такое же отношеніе будетъ, если мы сравнимъ и другія мѣстности Европы съ ея востокомъ, т. е. съ Россіею. Страннымъ покажется, если мы припомнимъ, что на Нордкапѣ, подъ 72° с. ш., зима также холодна, какъ у насъ въ Астрахани подъ 46° . Но эта неравномерность температуры еще явственнѣе видна на самыхъ растеніяхъ, какъ дикихъ, такъ и культурныхъ: на западѣ букъ мы находимъ даже подъ 54° с. ш., а въ Россіи — самый высшій предѣлъ 52° , а на востокъ ея — букъ доходитъ только до 40° с. ш.; дубъ и плодовые деревья на западѣ встрѣчаемъ подъ 54 даже 63° с. ш., а въ Россіи, въ срединѣ ея, въ общей сложности, они доходятъ до 55° с. ш.; граница хлѣбныхъ посѣвовъ на западѣ восходитъ даже до 70° , а въ Россіи не далѣе 63° ; полоса винограда и кукурузы на западѣ граничить съ 54° с. ш., а у насъ только съ 48° с. ш.

Кромѣ этого, нигдѣ на западѣ Европы нѣтъ такихъ колебаній температуры, быстрыхъ переизмѣнъ ея, какъ на континентѣ европейской Россіи, и эти переизмѣны очень губительно дѣйствуютъ на растительность. Прибавимъ къ этимъ даннымъ нѣсколько строкъ, прочитанныхъ нами въ обзорѣ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства за 10 лѣтъ. «Умѣренность климата позволяетъ въ западной Европѣ начинать весенніе посѣвы въ мартѣ, а осенніе въ сентябрѣ, именно въ то время, или около того времени года, когда идутъ періодическіе равноденственные дожди. Мы начинаемъ посѣвы: *весенніе* гораздо позже равноденствія — въ апрѣлѣ и маѣ, когда вмѣсто дождей, стоитъ часто ясная, сухая погода, съ восточными губительными вѣтрами; а *осенніе* — шестью недѣлями раньше равноденствія, во время еще лѣтняго зноя, и потому часто бываемъ лишены возможности уловить удобное время для посѣва; притомъ для всѣхъ полевыхъ работъ время у насъ гораздо короче», — разумѣется, за исключеніемъ юга Рос-

сін. Но довольно, сколько бы мы не приводили цифръ и свѣдѣтельства; мы все-таки пришли бы къ тому заключенію, что климатъ въ Россіи хуже, чѣмъ на западѣ Европы. Однако все-таки оиъ не есть главная причина плохого состоянія нашего полеводства. Большая часть сельско-хозяйственныхъ растений отличаются необыкновенною живучестью въ различныхъ широтахъ и при различныхъ климатическихъ условіяхъ. Вотъ примѣръ: въ Якутскѣ средняя температура года ниже 11° , зимой морозы доходятъ до 50° и земля оттаиваетъ не бѣже какъ 3 фута, а между тѣмъ тамъ съ успѣхомъ воздѣлываютъ рожь, даже пшеницу, картофель, рѣпу и т. п.

Переходимъ къ другимъ причинамъ, останавливавшимъ развитіе нашихъ производительныхъ силъ, и въ особенности—нашего сельского хозяйства.

Говорятъ, потому наша сельская промышленность стоитъ на низкой степени развитія, что Россія бѣдна народонаселеніемъ! Но, мнѣ кажется, подобный отвѣтъ мы могли бы дать только въ томъ случаѣ, если бы насъ спросили: почему въ Россіи такъ много остается земель пустопорожнихъ, лежащихъ въ родѣ мертваго капитала, безъ всякой производительности? На подобный вопросъ мы дѣйствительно могли бы отвѣтить такъ: потому у насъ много пустопорожнихъ земель, что некому ихъ обрабатывать. Но можемъ ли мы дать подобный отвѣтъ, если насъ спросятъ: тамъ, гдѣ вы не такъ бѣдны народонаселеніемъ, наприм. въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ по густотѣ народонаселенія мы не только равняемся со многими провинціями Франціи, Пруссіи и др. западно-европейскихъ государствъ, но даже и превосходимъ ихъ (Тенгоборскій стр. 120—121), почему земледѣльческій классъ нашъ и его сельское хозяйство находятся въ такомъ жалкомъ состояніи? Трудно на этотъ вопросъ отвѣтить малочисленностью народонаселенія. Тамъ, скажутъ намъ, гдѣ природа вслѣдствіе слабаго народонаселенія, еще не истощена въ своихъ силахъ, и человѣку остается только помогать ей производительнымъ силамъ, какъ наприм. въ нашемъ черноземномъ бассейнѣ, жители должны быть богаче матеріальными средствами, такъ какъ они естественно должны имѣть за свой трудъ больше чистаго дохода. Просторъ въ соединенныхъ штатахъ Америки не помѣшалъ этому народу развитъ свои производительныя силы и построить болѣе 40 т. желѣзныхъ дорогъ.

Впрочемъ согласимся, что въ слабости нашего народонаселенія есть

задержка (богѣ плодотворной жизни русскаго народа; но эту задержку мы признаемъ только въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) при слабомъ народонаселеніи не могло быть среди народа живой мѣны понятій, и 2) трудно было создать искусственные пути сообщеній, которые такъ необходимы какъ для взаимнаго общенія жителей, такъ и для передвиженія произведеній земли съ одного мѣста на другое, т. е. для торговли, промышленности.

Мы согласились сдѣлать эту уступку въ пользу тѣхъ, которые слабое развитіе нашихъ производительныхъ силъ отчасти слагаютъ на слабое наше народонаселеніе. Но не сдѣлаютъ ли намъ такого вопроса: почему же народонаселеніе ваше худо приращается сравнительно съ другими государствами Европы? А оно дѣйствительно у насъ слабо приращается: такъ, по мнѣнію политико-экономистовъ, при благоприятныхъ условіяхъ, народонаселеніе въ данной мѣстности должно удвоиться черезъ 25—30 лѣтъ, при неблагоприятныхъ—въ 50; а у насъ, по соображеніямъ нашихъ статистиковъ, оно можетъ увеличиться только черезъ 70 лѣтъ. Отъ чего же народонаселеніе наше такъ туго приращается? Во всякомъ случаѣ не вслѣдствіе слабой производительности славянской природы; она на этотъ разъ нисколько не отстаетъ отъ другихъ расъ рода человѣческаго... Такъ въ Англіи на 29 жителей родится 1, въ Пруссіи 1 на 24, а въ Россіи 1 на 21 жит. «Но эта значительная цифра рожденій, говоритъ г. Тернеръ въ своихъ лекціяхъ, болѣе чѣмъ уравнивается усиленною смертностью. Между тѣмъ какъ въ Англіи на каждые 45 жителей умираетъ 1, а въ Пруссіи на каждые 33, у насъ умираетъ по 1 на каждые 27 жителей».

Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе причинъ слабого приращенія нашего народонаселенія; скажемъ коротко: первая и самая главная причина—это скудость матеріальныхъ средствъ къ жизни, за нею невѣжество, страшная рекрутчина былыхъ временъ и наконецъ бывшій недостатокъ полныхъ правъ гражданственности. Слѣдовательно, скорѣе слабость нашего народонаселенія есть слѣдствіе слабой производительности матеріальныхъ силъ Россіи, но не наоборотъ, т. е. будто бы эта слабая производительность есть слѣдствіе слабости народонаселенія.

Въ заключеніе высказанныхъ нами мыслей касательно народонаселенія, мы не можемъ не припомнить, что изъ 100 умирающихъ въ Россіи приходится на долю бѣдныхъ младенцевъ отъ 40 даже до 70%,

конечно вследствие грязных жилищъ и дурной пищи, — вообще вследствие нечистоты, бѣдности и невѣжества.

Нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ въ число причинъ, ослабляющихъ и ослабляющихъ ходъ нашей сельской промышленности, между прочимъ, ставятъ: а) дешевизну нашихъ с. произведеній, и б) непостоянство цѣнъ на нихъ. Но не одни наши ученые такъ думаютъ; спросите любого хозяина изъ высшаго слоя, и онъ вамъ тоже скажетъ, что продукты с. промышленности такъ дешевы, что не окупаютъ затрачиваемыхъ капиталовъ и трудовъ, что въ Россіи нѣтъ рынковъ, которые поддерживали бы нормальныя цѣны и т. п.

Дѣйствительно, если только вспомнить, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи четверть хлѣба, наприм. ржи, продается по 1 руб. сер, что сотни тысячъ четвертей различныхъ зеренъ, не имѣя сбыта, или съѣдаются мышами, или гниютъ, то невольно убѣждаешься, что сельскіе продукты въ Россіи стоятъ на низкой цѣнѣ, не окупаются, не приносятъ должнаго вознагражденія за трудъ. Но правда ли все это? На самомъ ли дѣлѣ, говоря вообще, наши сельскія произведенія очень дешевы? Я, такого мнѣнія, что не только они чрезмерно дороги, но даже ихъ нѣтъ въ Россіи. Мнѣ скажутъ: это парадоксъ! Всмотритесь въ дѣло ближе и едва ли вы не согласитесь со мной. Можно сказать, что почти вся масса нашего народа, 50 милліоновъ, питается ржанымъ, чернымъ, т. е. дурнымъ хлѣбомъ. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: почему же въ составъ ея пищи не входитъ пшеничный хлѣбъ? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: или масса нашего народа не любитъ пшеничнаго хлѣба, или его нѣтъ. Что касается перваго, то здѣсь и сомнѣнія быть не можетъ, если мы только припомнимъ, что пшеничный калачъ нашимъ крестьянствомъ покупается какъ лакомство. За симъ остается послѣднее, т. е., что масса нашего народа не употребляетъ въ пищу пшеничнаго хлѣба потому, что его нѣтъ, или что то же, что онъ слишкомъ для нея дорогъ. Гдѣ же дешевизна нашихъ сельскихъ продуктовъ, когда одинъ изъ нихъ, самый важный, недоступенъ по цѣнѣ своей почти всему народонаселенію? До сихъ поръ русскому народу мясо, масло, сыръ служатъ не пищею и не приправою къ пищѣ, а лакомствомъ. Такъ, въ другихъ государствахъ западной Европы приходится на каждого жителя отъ 150 до 200 фунтовъ мяса, а въ Россіи только до 25 фунт. И послѣ этого можно сказать, что сельскіе продукты у насъ дешевы? Большая часть русскаго народа носятъ лапти, толстыя опу-

чи, стѣрый толстый зипунъ, грубую носконную рубашку,—и это означаетъ дешевизну сельскихъ произведеній? Свеяловица, морковь, рѣпа, даже картофель, которые на западѣ Европы употребляются на кормъ скоту, въ Россіи, говоря вообще, не только не служатъ подспорьемъ къ пищѣ, но вчистую считаются рѣдкостью,—и это также дешевизна сельскихъ произведеній? Различные плоды фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, огородные овощи и, которые почти во всей западной Европѣ продаются сравнительно по ничтожнымъ цѣнамъ, у насъ большинству народа даже малозвѣстны, — и это также дешевизна сельскихъ продуктовъ?

Нѣтъ, сравнивая русскую землю съ западомъ Европы, мы едва ли не придемъ къ одному заключенію, что у насъ дешева только солома: ею покрыты всѣ наши селы и деревни, ею по-мѣстамъ отапливаютъ крестьяне свои дымныя лачуги, ею кормятъ они свой скотъ и ею же, во всемъ черноземномъ бассейнѣ, заваливаютъ овраги, а по городамъ выбоины и ямины, т. е. она служить вмѣсто мостовыхъ.

Я полагаю, что скорѣе высокая, недоступная для массы народа цѣнность сельскихъ произведеній можетъ считаться у насъ признакомъ худаго состоянія нашей сельской промышленности, но уже никакъ не причиной.

Есть хозяева и политико-экономисты, которые видятъ причину худаго состоянія нашего сельскаго хозяйства въ необразованности и грубости русскаго народа. Я не совѣмъ соглашаюсь и съ этимъ мнѣніемъ, и не хочу смѣшивать дѣйствія съ причиною. Выразусь яснѣе: не потому сельское хозяйство наше плохо и народъ бѣденъ матеріальными средствами къ жизни, что онъ необразованъ, напротивъ, потому онъ необразованъ, что главное основаніе его быта—его сельское хозяйство плохо. Пойдетъ ли на умъ грамотность тому, который съ утра до поздней ночи обливаема кровавымъ потомъ или подавленъ тяжелою душою о своемъ житьѣ-бытьѣ, о добываніи насущнаго куска хлѣба?

Упрочьте внѣшнее благосостояніе народа,—и онъ самъ собою образуется вслѣдствіе непреодолимаго стремленія человѣка къ совершенству; и на этотъ разъ дѣло передовыхъ людей — только помогать ему, но не тащить насильно къ просвѣщенію. Наука палки не любитъ.

Есть на Руси одно село (а можетъ быть и не одно), только теперь вышедшее изъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ селѣ до

двухъ десятковъ француженокъ-гувернантокъ и, какъ слышно, съ полсотни фортепяновъ. Кто сдѣлалъ это чудо? Довольство и богатство. Но сколько у насъ селъ и деревень, въ которыхъ живутъ поселяне издавна свободные, и между-тѣмъ въ этихъ селахъ грамотный чело-вѣкъ—рѣдкость, и почему? Потому что народъ бѣденъ.

Многіе медленное развитіе и улучшеніе нашей сельской промыш-ленности приписывали обязательному труду. Я не вполне раздѣляю и это мнѣніе; но крайней мѣрѣ не вижу въ этомъ существенной при-чины. Здѣсь невольно представляется вопросъ: почему же сель-ское хозяйство не улучшилось у тѣхъ нашихъ поселянъ, на ко-торыхъ не лежалъ этотъ трудъ? Почему мы не въ лучшемъ состо-яніи видимъ бытъ нашихъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, даже крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и т. п? И здѣсь тѣ же ды-мныя избенки, тотъ же истощенный, малорослый скотъ, тѣ же земле-дѣльческія орудія и упряжь, та же неурядица въ обработкѣ земли и во всемъ домохозяйствѣ. Пѣтъ, стало быть, лежало на всемъ нашемъ земледѣльческомъ классѣ что-то по-тяжелѣе обязательнаго труда...

Но если обязательный трудъ нельзя считать главною причиною плохаго состоянія нашей сельской промышленности, то съ другой сто-роны я убѣжденъ, что этотъ трудъ былъ своего рода тормозомъ и для тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ приносился, и для тѣхъ, на кото-рыхъ онъ лежалъ. Землевладѣльцы, пользовавшіеся этимъ трудомъ не являли надобности ни въ пріобрѣтеніи знаній, ни въ рациональномъ устройствѣ своихъ хозяйствъ, ни въ трудолюбіи, ни даже въ честно-сти. Они находились въ положеніи трутней, по самому ходу вещей...

Что же касается другой половинны, на которой лежалъ обязатель-ный трудъ, то этотъ трудъ дѣйствительно тормозилъ, если непарализи-ровалъ миліоны русскаго народа, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ тормозъ болѣе или менѣе задерживалъ собою и другіе миліоны пользовавшихся въ своихъ трудахъ свободою. Западно-европейскіе хозяева, которые нѣ-когда также эксплуатировали народъ обязательнымъ трудомъ, теперь находятъ, что работа обязательная къ работѣ свободной относится какъ 1: 3, т. е., что сдѣлаетъ свободно-вызывающійся на трудъ въ день, то можетъ сдѣлать въ 3 дня тотъ, который долженъ, обязанъ это сдѣлать. Принявъ этотъ расчетъ, невольно представляешь себѣ ту громадную массу силъ, которая оставалась у насъ непронзво-дительною въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Но если еще при этомъ припомнить, что подобный трудъ препятствовалъ развитію народа въ

моральномъ отношеніи, что онъ удерживалъ его отъ любви къ труду, приучалъ къ вразумности, тупеядству, а за нимъ ко всеѣмъ грубѣйшимъ проступкамъ, то, дѣйствительно, мы должны убѣдиться, что этотъ трудъ былъ своего рода убійствомъ русскаго народа и его производительныхъ силъ.

Этотъ же самый трудъ былъ причиною, почему въ средѣ нашихъ земледѣльцевъ не могли скопиться капиталы, на что наша сельская промышленность жаловалась всегда, и особенно жалуется теперь.

Средній нашъ классъ, замѣтимъ, болѣе или менѣе развитый и трудолюбивый, съ скромными потребностями жизни, могъ бы скопить капиталы, если бы занялся сельскимъ хозяйствомъ (какъ скопило ихъ наше купечество), но онъ не занимался этою промышленностью, и не занимался потому, что существовалъ обязательный трудъ. Дѣйствительно, для него сельское хозяйство не могло быть прибыльнымъ, потому что его продукты, добываемые наемнымъ трудомъ, естественно, не могли вступить въ конкуренцію съ добываемыми даромъ. Равнымъ образомъ не старались скопить капиталовъ и тѣ, которымъ служилъ обязательный трудъ. И это очень понятно. Капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ идетъ на инвентарь, на наемъ рабочихъ силъ; но если почти все это было даровое, зачѣмъ же было и беречь капиталъ. Правда, надобно бы было откладывать извѣстные проценты изъ дохода на погашеніе основнаго капитала, на непредвидимые расходы или, какъ говорятъ, на черный день. Но основные капиталы были большею частью даровые; думы же о черномъ днѣ, который теперь насталъ, не допускалъ и самый законъ.

Такимъ образомъ все, что наживалось—и проживалось, проживалось даже и то, что еще не наживалось: имѣнья закладывались и перекладывались со всеми своими чистыми и нечистыми доходами...

Я могъ бы поставить въ число причинъ, задерживавшихъ и задерживающихъ производительныя силы нашего отечества и еще нѣсколько, наприм.: права владѣнія и пользованія землею, милліоны подъ ружьемъ (разумѣется, въ былыя времена), отсутствіе современныхъ путей сообщенія; но подобныя причины такъ ясны, что грѣшно плодять и рѣчь о нихъ; доказывать, наприм., необходимость лучшихъ путей сообщенія для Россіи, по моему, то же, что доказывать необходимость воздуха для органическихъ существъ.... Но все, что ни да-

ла бы намъ природа изъ своихъ благъ, все что ни завоевали бы мы своимъ трудомъ, принести существенную пользу только при свободной общественной жизни, при лучшемъ политическомъ устройствѣ! Свобода удобрить наши поля лучше всякаго тука, оживить нашъ умъ, облагородить сердце и вмѣстѣ съ народною жизнью возвысить и сельское хозяйство.

И. ПАЛИМПЕСТОВЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ.

РЕСПУБЛИКА.

Паденіе іюльской монархіи и основаніе республики развивало руки журналистамъ; появилось множество новыхъ изданій; воспоминанія 93 года воскресли, и люди временнаго правительства увидѣли, что потребности и стремленія общества далеко опередили ихъ собственныя, близорукія доктрины. Журналистика постоянно заявляла новыя требованія общества, постоянно разрушала своею критикою нравственное вліяніе правительственныхъ распоряженій, и тѣ самыя люди, которые при Людовикѣ Филиппѣ считали себя радикалами и лучшими защитниками народныхъ правъ, вскорѣ замѣтили, что, очутившись во главѣ правленія, они превращаются въ робкихъ доктринеровъ и торжуютъ собою свободное развитіе народной жизни. Люди временнаго правительства захотѣли узнать волю народа посредствомъ поголовной подачи голосовъ—имъ доказали, что результатъ пресловутаго *suffrage universel* часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ желаніемъ націи; люди временнаго правительства захотѣли облегчить участь рабочаго класса учрежденіемъ мастерскихъ, раздачею орудій, назначеніемъ директоровъ, инспекторовъ и контролеровъ,—имъ доказали, что прежде всего необходимы заказы, запросъ на работу, сбытъ издѣлій; люди временнаго правительства захотѣли наложить подати на богачей, брать налоги съ капиталовъ и съ предметовъ роскоши—имъ доказали, что всякій налогъ въ концѣ концовъ всею своею тяжестью

обрушивается все-таки на пролетаріевъ. Словомъ, люди временнаго правительства, искренно желая добра своему отечеству, видѣли, что кромѣ добрыхъ желаній, у нихъ нѣтъ ровно ничего: ни силъ, ни средствъ, ни практическихъ знаній, ни энергической воли. Члены временнаго правительства были люди честные, но честность—достоинство отрицательное, а разрѣшеніе той общественной задачи, которую поставила на очередь февральская революція, требовало положительныхъ, колоссальныхъ силъ. Надо было разрѣшить вѣковой споръ между трудомъ и капиталомъ, надо было спасти пролетарія отъ голодной смерти, надо было обезпечить его существованіе не филантропическими заведеніями, похожими на тюрьмы, а такимъ общественнымъ порядкомъ, который отнялъ бы у одного человѣка возможность эксплуатировать трудъ сотни другихъ людей. Какъ это сдѣлать?—въ этомъ заключался весь вопросъ. Но вопросъ этотъ былъ такъ важенъ, что его неудовлетворительное разрѣшеніе неминуемо должно было погубить плоды февральской революціи. Только сытые люди могутъ быть свободными гражданами; толпа голодныхъ и продрогшихъ бѣдняковъ всегда пойдетъ за тѣмъ человѣкомъ, который покажетъ ей въ перспективѣ обезпеченный кусокъ хлѣба; диктатура Цезаря и имперія Августа вышли изъ римскаго пролетаріата; имперія Наполеона III также неизбежно должна была выдти изъ неудовлетворительнаго рѣшенія соціальной задачи. Члены временнаго правительства понимали важность предстоящаго дѣла, но дѣло это было имъ не по силамъ; всѣ ихъ попытки оказывались неудачными; они терлись и опускали руки, а время было горячее; размышлять было некогда, потому что каждый потерянный день усложнял и безъ того тяжелое положеніе страны; кредитъ падалъ, торговля шла вяло, мастерскія закрывались, капиталы прятались, ремесленники сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ пристанища. Надо было дѣйствовать, но какъ дѣйствовать, что предпринять? Положеніе временнаго правительства дѣлалось трагическимъ. Журналистика оглушала ихъ совѣтами, упреками, насмѣшками, теоретическими и практическими замѣчаніями всякаго рода, воззваніями къ народу, выходками противъ богачей, противъ доктринеровъ, противъ коммунистовъ; рядомъ съ дѣльными мыслями встрѣчались тысячи нелѣпостей и груды звонкихъ фразъ; народъ имѣлъ свои экономическія причины къ неудовольствію; неудовольствіе это выражалось въ демонстраціяхъ и мѣстныхъ возстаніяхъ; правительство несправедливо ввинуло въ этихъ возстаніяхъ задорную журналистику, которая сама

но себя не имѣла бы никакого вліянія; явились распоряженія противъ свободы печати, и радикалы июльской монархіи стали на точку зрѣнія тѣхъ людей, которыхъ они сами громили рѣчами съ парламентской трибуны и статьями въ журналахъ либеральной партіи. Уже 29 февраля было запрещено приклеивать на стѣны и распространять въ народѣ листки, на которыхъ не означено имя типографщика. Это запрещеніе предполагаетъ возможность преслѣдовать типографщика за напечатаніе такого сочиненія, которое не понравится правительству, состоящему изъ радикаловъ. Въ концѣ іюня 1848 года, диктаторъ, генералъ Кавеньякъ, распорядился съ журналами по-военному. Десять журналовъ было закрыто.

«Въ минуты общественныхъ кризисовъ, говорили члены правительства, можно и должно рѣшиться на все». Жиранденъ, главный редакторъ журнала *Presse* былъ подвергнутъ предварительному аресту; его продержали двѣ недѣли въ секретной, и національное собраніе изъявило Кавеньяку общественную признательность за энергическое служеніе истиннымъ интересамъ отечества.

Въ началѣ августа, реакція противъ своеволія прессы сдѣлалась систематическою; правительство не ограничилось наказаніями журналовъ и журналистовъ; оно потребовало гарантій и возстановило обязательные залоги; правительство, выражавшее теплую любовь къ пролетаріямъ, высказало ту идею, что человекъ, не имѣющій возможности внести сумму въ 24,000 франковъ для обезпеченія своего добропорядочнаго поведенія въ печати, не имѣетъ права издавать журналы.

«Мы требуемъ, говорилъ въ національномъ собраніи гражданинъ Сенаръ, гарантій противъ анархической прессы, противъ прессы социалистовъ, противъ той зловредной прессы, которая толкуетъ о правахъ труда, противъ журналовъ, которые продаются по 5 сантимовъ и обращаются къ бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности абонироваться. Что касается до серьезной и важной журналистики, до тѣхъ органовъ, которые имѣютъ 500,000 франковъ основнаго капитала, — то мы не думаемъ ихъ беспокоить, потому что эта пресса отличается своею нравственною чистотою и просвѣщеннымъ патріотизмомъ».

Предлагаемая мѣра была одобрена, получила силу закона и немедленно принесла свои благодѣтельные плоды; нѣсколько журналовъ закрылось вслѣдствіе недостатка средствъ, и народъ лишился многихъ честныхъ органовъ, горячо стоявшихъ за его разумныя права. Въ

*

коицѣ 1848 года Людовикъ Наполеонъ Бонапарте былъ избранъ президентомъ французской республики и началъ исподволь, съ своею обыкновенною осторожностью, готовить вторую имперію. Въ маѣ 1849 года новый президентъ запретилъ шесть журналовъ и въ томъ числѣ знаменитую *Réforme*, игравшую такую важную роль въ агитаціи противъ министерства Гизо. Редакціи этихъ журналовъ были заняты вооруженными солдатами, типографскіе станки разбиты и приведены въ негодность.

Въ іюль 1849 года министръ Одилонъ-Барро, тотъ самый, который стоялъ такъ недавно во главѣ либеральной оппозиціи, объявилъ въ національномъ собраніи, что положеніе страны требуетъ усиленія законовъ противъ злоупотребленій печати. Ему возразили, что никогда еще законы противъ печати не спасали правительство и не восстанавливали спокойствія въ странѣ. Это возраженіе не смутило бывшаго предводителя оппозиціи: «это возможно, отвѣчалъ онъ очень откровенно, но во всякомъ случаѣ подобныя законы отсрочиваютъ паденіе правительства».

Несмотря на сопротивленіе либеральныхъ членовъ національнаго собранія, новые законы были приняты. Они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ собою законодательныя мѣры 1819, 1822, 1828 и даже 1835 года. Залогъ остался необходимымъ условіемъ для изданія журнала; сочиненія, касающіяся политики или политической экономіи и заключающія въ себѣ менѣе 20 печатныхъ листовъ, должны быть представляемы прокурору республики за двадцать четыре часа до публикаціи и поступленія въ продажу. Эта статья новаго законодательства показываетъ, что правительство республики боится учредить предварительную цензуру, но на самомъ дѣлѣ вполнѣ чувствуетъ принципъ этой цензуры.

Дѣйствительно, въ 24 часа очень не трудно прочесть брошюру листовъ въ десять; прочитавъ эту брошюру, прокуроръ можетъ начать преслѣдованіе противъ книги раньше поступленія ея въ продажу, слѣдовательно, онъ можетъ предупредить ея выходъ въ свѣтъ. Такого рода система для писателя и издателя тяжелѣе чисто предупредительной цензуры; предупредительная цензура спасаетъ издателя отъ разорительныхъ издержекъ; она запрещаетъ или разрѣшаетъ сочиненіе въ рукописи или въ корректурѣ. Система, принятая законодательствомъ 1849 года, напротивъ того, допускаетъ печатаніе книги и потомъ предоставляетъ себѣ право остановить ея распространеніе.

Издатель лишень такимъ образомъ всякой гарантіи и принужденъ принимать на себя роль цензора въ отношеніи къ писателю. Если бы издатель былъ даже человѣкомъ глубокопреданнымъ какой нибудь идѣе, если бы онъ за распространеніе этой идеи въ обществѣ готовъ былъ подвергнуться самой тяжелой отвѣтственности, то новая статья закона побѣждала бы ему поступить такимъ образомъ; представляя экземпляръ вновь отпечатанной книги къ прокурору, за двадцать четыре часа до публикаціи о ней, издатель можетъ быть увѣренъ, что все изданіе книги будетъ немедленно захвачено, если въ книгѣ заключаются какія нибудь идеи, не соотвѣтствующія вкусу правительства. Новое законодательство не ограничилось этими предосторожностями.

Оскорбленіе президента республики путемъ печати причислено къ преступленіямъ; при этомъ не оговорено, что именно можетъ считаться оскорбленіемъ, такъ что подъ категорію оскорбленій оказалось возможнымъ подводить всякое критическое замѣчаніе, всякое порицаніе дѣйствій правительства.

Чтобы сдѣлаться разнощикомъ книгъ, надо получить предварительное разрѣшеніе правительства; журналъ, навлекшій на себя неувольствіе правительства и осужденный два раза въ теченіи одного года, можетъ быть запрещенъ на—время или навсегда; членъ національнаго собранія не можетъ быть отвѣтственнымъ редакторомъ журнала. Такимъ образомъ, послѣ двухъ революцій, Франція опять очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которомъ она находилась при Карлѣ X; формы были приличнѣе, но фактическое положеніе писателей нисколько не улучшилось; тотъ же дамокловъ мечъ висѣлъ, если не надъ ихъ головами, то надъ ихъ карманами; залогъ, штемпельный сборъ, штрафы и тюремныя заключенія, задержаніе книги равнѣе ея поступленія въ продажу, запрещеніе журнала, замѣчсннаго въ непріятномъ образѣ мыслей, — всѣ орудія гнета, всѣ способы стѣсненія снова были на—лицо, снова въ полномъ собраніи находились въ рукахъ административной власти. Всѣ книги, кромѣ молитвенниковъ, азбукъ, грамматикъ и календарей были подчинены штемпельному сбору и вслѣдствіе этого должны были сильно возвыситься въ цѣнѣ, такъ что французскимъ книгопродавцамъ становилось невозможнымъ бороться съ заграничною контръ—факціею.

Новая статья закона потребовала, чтобы каждая статья, напечатанная въ журналѣ и касающаяся политики, философіи или религіи, была подписана собственнымъ именемъ автора; за ложную подпись

зыскивается штрафъ и опредѣляется шестимѣсячное тюремное заключеніе какъ автору статьи такъ и отвѣтственному редактору журнала. Это нововведеніе распространяло отвѣтственность на автора и на редактора; таково было общее направленіе правительственныхъ распоряженій; правительство хотѣло, чтобы возможно большее число лицъ подвергалось отвѣтственности; оно рассчитывало такъ: если не побоятся авторъ, то побоятся редакторъ; если не редакторъ, то издатель; если не издатель, то типографщикъ; не типографщикъ, такъ книгопродавецъ, — пусть всѣ боятся отвѣтственности, и тогда ненавистная идея, родившаяся въ мозгу безпокойнаго писателя, поневолѣ должна будетъ заглохнуть въ неизвестности. Вплоть до шнѣшняго 1862 года, этотъ расчетъ оказывался вѣрнымъ, а что будетъ дальше—неизвѣстно.

Еще новое распоряженіе правительства обязало отвѣтственнаго редактора вносить положенные штрафы въ теченіи трехъ дней послѣ объявленія судебного приговора; неисполненіе этого правила вестъ за собою прекращеніе журнала. Президентъ велъ дѣло такъ круто, что литераторамъ не разъ пришлось пожалѣть о королѣ Людовикѣ-Филиппѣ.

Такъ прозябала французская пресса до конца 1851 года. 2 декабря 1851 года президентъ республики распустилъ національное собраніе, распустилъ государственный совѣтъ, объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи и, обращаясь къ французскому народу, спросилъ у него, согласенъ ли онъ поручить ему, Людовику-Наполеону Бонапарту, составленіе новой конституціи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ былъ служить результатъ поголовной подачи голосовъ. Чтобы надлежащимъ образомъ направить эту *свободную* подачу голосовъ, Людовикъ-Наполеонъ принялъ свои мѣры. Подозрительныя типографіи и литографіи заняты военными отрядами; при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ устроена потихоньку ценсурная коммисія; двѣнадцать журналовъ, въ томъ числѣ *National* и *Siècle* запрещаются; редакторы этихъ журналовъ и множество непріятныхъ для правительства писателей высылаются за предѣлы Франціи. Оппозиція лишается такимъ образомъ лучшихъ своихъ предводителей; поголовная подача голосовъ происходитъ въ такое время, когда некому руководить общественнымъ мнѣніемъ и обличать дѣйствія президента; очень понятно, что результатъ оказывается благопріятенъ для Людовика-Наполеона. Комедія сьграна—французскій народъ уполномочилъ его создать новую конституцію.

При Наполеонѣ III.

I.

Въ декабрѣ 1851 года президентъ республики издалъ декретъ, по которому вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи. Пресса потеряла такимъ образомъ свою лучшую и послѣднюю гарантію—судъ присяжныхъ; прессу отдали въ руки коронныхъ судей; движеніе реакціи пошло такъ быстро, какъ не шло ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ.

Въ февралѣ 1852 года президентъ республики издалъ органическій декретъ о печати, который убилъ послѣдніе остатки свободы мысли и открыто подчинилъ прессу безграничному произволу центральной власти. По этому декрету каждый издатель журнала обязанъ испрашивать у правительства предварительное разрѣшеніе. Каждый типографщикъ и литографщикъ, каждый книгопродавецъ обязанъ взять патентъ отъ министра полиціи, который, конечно, можетъ отказать въ этомъ патентѣ, если считаетъ просителя человекомъ неблагонадежнымъ. Если издатель журнала желаетъ продать свой журналъ, то покупатель долженъ также испрашивать разрѣшеніе правительства, чтобы имѣть право продолжать изданіе журнала. Если перемѣняется отвѣтственный или главный редакторъ, то эта перемѣна производится не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Политическіе или экономическіе журналы, издающіеся за-границею могутъ быть ввозимы во Францію только съ разрѣшенія правительства. Если бы весь органическій декретъ не былъ очень печальною и серьезною дѣйствительностью, то эта статья его показалась бы честнымъ гражданамъ Франціи смѣшною шуткою: Францію охраняютъ отъ вреднаго вліянія заграничныхъ идей, Францію, ту самую Францію, которая въ продолженіи шестидесяти лѣтъ была родиною и колыбелью соціальныхъ и демократическихъ идей. Президентъ даетъ себѣ трудъ беречь умственную невинность такой страны, которая постоянно служила камертономъ для остальной Европы, такой страны, въ которой три революціи изломали въ-конецъ сословныя грани, вѣковые авторитеты, рутину мысли и жизни. Къ сожалѣнію, до нашего времени, до ны-

нѣшняго дня еще нельзя рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли г. президентъ давалъ себѣ въ этомъ случаѣ напрасный трудъ? Событія до сихъ поръ не отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, а между тѣмъ не хочется вѣрить, чтобы теперешнее *statu quo* уже рѣшило этотъ вопросъ отрицательно.

Органическій декретъ удвоилъ сумму залоговъ и довелъ его для ежедневныхъ газетъ до 50,000 франковъ; штемпельная пошлина увеличилась; плата за пересылку по почтѣ, сливавшаяся съ штемпельною пошлиною по закону 1850 года, была восстановлена.

Органическій декретъ запретилъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати, и, кромѣ того, предоставилъ всѣмъ трибуналамъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, печатаніе отчетовъ о процессахъ исправительной полиціи, гражданскихъ и уголовныхъ. За журналами осталось только очень незавидное, но за то неотъемлемое право публиковать приговоръ, и то, вѣроятно потому, что приговоръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ остаться государственною тайною.

Органическій декретъ запретилъ печатать статьи, написанныя такими лицами, которыя осуждены на карательное и безчестное или только на безчестное наказаніе. За нарушеніе этого правила издатели, отвѣтственные редакторы и типографшники подвергаются штрафу отъ 1000 до 5000 франковъ. Эта статья закона направлена противъ политическихъ преступниковъ, противъ тѣхъ изгнанныхъ литераторовъ, въ которыхъ президентъ не могъ предполагать особенно дружелюбныхъ наклонностей къ своей особѣ и къ своему правительству. Президенту казалось необходимымъ застрашать издателей и типографшниковъ, чтобы отрѣзать изгнанникамъ всякую возможность имѣть вліяніе на общественное мнѣніе страны.

Самое важное нововведеніе органическаго декрета заключается въ системѣ правительственныхъ предостереженій (*avertissements*). Министерство, замѣчая вредныя тенденціи журнала, имѣетъ, по словамъ декрета, право послать издателю предостереженіе; вслѣдъ за вторымъ предостереженіемъ оно имѣетъ право приостановить журналъ на два мѣсяца, безъ приговора суда.

Высшее правительство имѣетъ право приостановить журналъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ послѣ осужденія его за проступокъ противъ законовъ печати. Оно можетъ также, по своему благоусмотрѣнію запретить провинившееся изданіе. Запрещеніе журнала необходимо въ случаѣ осужденія его за пре-

ступленіе, совершенное путемъ печати, или въ случаѣ двукратнаго осужденія его за проступки, совершенные путемъ печати въ теченіи двухъ лѣтъ.

Кромѣ того журналъ можетъ также быть запрещенъ, въ видахъ общественной безопасности, особымъ декретомъ президента республики.

Положеніе прессы вълѣдствіе органическаго декрета дѣлалось до такой степени тяжелымъ, что знаменитые сентябрьскіе законы 1835 года, изданные Людовикомъ—Филипомъ вълѣдствіе постоянныхъ покушеній на его драгоцѣнную жизнь, могли сравнительно показаться легкими и милосердными. Сентябрьскіе законы оставили по крайней мѣрѣ судъ присяжныхъ и выгородили прессу отъ административныхъ распоряженій. При Людовикѣ—Филиппѣ даже за оскорбленіе королевской власти нельзя было безъ суда взять ни одной копѣйки штрафа, нельзя было подвергнуть издателя самому легкому аресту. При Людовикѣ—Наполеонѣ все сдѣлалось возможнымъ; самый законъ предвидѣть возможность крайнихъ мѣръ и незаконныхъ посягательствъ административной власти на частную собственность. Посягательствами административной власти на частную собственность могутъ быть названы по всей справедливости приостановка или запрещеніе журнала, производящаяся безъ суда, по декрету президента или по приказанію министра. Приостановка или запрещеніе журнала наноситъ убытокъ издателю и владѣльцамъ; этотъ убытокъ наносится безъ суда, слѣдовательно онъ можетъ быть нанесенъ и правому, и виноватому; слѣдовательно, самымъ токетомъ своего органическаго декрета президентъ республики предоставляетъ себѣ и своимъ министрамъ право самовольно бить по карману свободныхъ гражданъ французской республики. Очевидно, что Людовикъ—Наполеонъ поставилъ прессу на военное положеніе и объявлялъ себя диктаторомъ, имѣющимъ надъ журналами право жизни и смерти. Онъ не боялся именно той или другой идеи, тѣхъ или другихъ стремленій періодической литературы; онъ просто хотѣлъ парализовать энергію мысли, нагнать на пишущихъ людей робость и нерѣшительность, свести ихъ всѣхъ на уровень посредственности и такимъ образомъ, опошлявъ литературу, ослабить нравственное вліяніе образованныхъ и передовыхъ людей на массу публики и народа. Все въ органическомъ декретѣ направлено прямо къ этой цѣли. Читая и перечитывая этотъ декретъ съ величайшимъ вниманіемъ, журналисты никакъ не могли сообразить, о чемъ и какъ можно писать, что именно составляетъ преступленіе и

проступокъ, въ какихъ случаяхъ министерство будетъ дѣлать предостереженія, какія статьи могутъ вызвать противъ себя особый декретъ президента. Всѣ подробности были совершенно неясны; ясно было только одно, вовсе неутѣшительное обстоятельство—то, что правительство было неразборчиво въ средствахъ, и что оно отъ души ненавидѣло свободную журналистику. Что отъ этого правительства нельзя было ждать справедливости—въ этомъ сознавалось само правительство, предоставляя себѣ право дѣйствовать безъ суда. О милосердіи нечего было и толковать; къ тому же зависть отъ милосердія правительства въ сущности все равно, что зависть отъ его произвола. Органическій декретъ въ эффектной перспективѣ показывалъ литераторамъ тѣлый лабиринтъ препятствій и непріятностей. «Я васъ буду преслѣдовать», говорилъ президентъ.—За что? «Это уже мое дѣло; я васъ предупредилъ, будьте осторожны». Получая такое неопредѣленное предупрежденіе, похожее на таинственную угрозу, литераторы, конечно, должны были стать въ тупикъ и растеряться; Людовику—Наполеону только этого и хотѣлось. Очень естественно, что пресса, пробирающаяся ощупью между невѣдомыми опасностями, не можетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Гдѣ царствуетъ постоянный, неясный страхъ, тамъ не можетъ быть энергія, а политическая литература безъ энергіи, безъ твердыхъ гарантій, безъ самостоятельности, неминуемо должна впасть въ совершенное ничтожество. Неопредѣленность органическаго декрета сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать самыя жестокія уголовныя наказанія. Весь 1852 годъ былъ ознаменованъ многочисленными предостереженіями; многіе журналы закрылись по собственному желанію, находя борьбу съ правительствомъ невозможною по неравенству силъ и оружія; административная система предостереженій, приостановокъ и запрещеній окончательно восторжествовала надъ системою судебныхъ преслѣдованій. Процессы по дѣламъ печати сдѣлались очень рѣдкими, и правительство стало поражать журналы, не выслушивая никакихъ оправданій, не принимая никакихъ объясненій. Нѣкоторые журналы въ эту тяжелую эпоху рѣшились высказать правительству нѣсколько горькихъ истинъ. «Правительство, пишетъ *Presse*, видитъ въ періодической литературѣ орудіе безпорядковъ и смутъ; оно поступаетъ, согласно съ этимъ убѣжденіемъ, и мы надѣемся польстить его самолюбію, объявляя громко, что никогда еще ни одно законодательство не вооружалось противъ этого стараго врага такими страшными и многочисленными средства-

ми угнетенія; мысль подобна воздуху и пару—она сильна и опасна только при давленіи; намъ жаль, что у насъ отнимають судъ присяжныхъ и что насъ подчиняють приговору полицейскихъ судовъ. Мы помнимъ, впрочемъ, что во время реставраціи эти суды давали блестящія доказательства честности и самостоятельности»... «Надъ нами постоянно виситъ угроза запрещенія; одинъ декретъ можетъ зажать намъ ротъ и уничтожить нашъ органъ»... «Вступая въ новую, многотрудную карьеру, мы будемъ рассчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, единственной несокрушимой силы»...

«Всего серьезнѣе и опаснѣе для печати тѣ распоряженія, писала *Assemblée nationale*, въ силу которыхъ журналъ можетъ быть приостановленъ приказомъ министра или запрещенъ въ видахъ общественной безопасности... Эти распоряженія уничтожаютъ всѣ гарантіи, необходимыя для предпріятія, основаннаго на какомъ нибудь капиталѣ; ужь лучше было бы оставить предупредительную цензуру, которой насъ подчинили со 2-го декабря, чѣмъ возвратитъ намъ такую *свободу*, которою мы, при всѣхъ предосторожностяхъ, не можемъ пользоваться, не навлекая на себя самыя гибельныя послѣдствія»... «Свобода печати проникла въ наши нравы и привычки; всякое правительство поневолѣ должно дать ей мѣсто. Если оно теперь уничтожаетъ ее не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, то публика будетъ искать въ другихъ мѣстахъ ту умственную пищу, которую она до сихъ поръ находила въ журналахъ». Нашлись, впрочемъ, и такіе литераторы, которые съ сочувствіемъ отнеслись къ новому законодательству. Веронъ, въ журналѣ «*Constitutionnel*», оправдалъ его какими-то высшими административными соображеніями. Журналистъ сошелся въ этомъ случаѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Персвильи, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору, въ началѣ 1853 года, прославляетъ органическій декретъ, какъ одно изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ Франціи Наполеономъ III. Въ этомъ любопытномъ докладѣ встрѣчаются напримѣръ слѣдующіе лестные отзывы о періодической литературѣ. «Теперь пресса уже не можетъ измѣнять своей настоящей роли и сдѣлаться орудіемъ партій; теперь она не можетъ тревожить страну ложными извѣстіями о несуществующихъ опасностяхъ; такимъ образомъ устранено великое зло, а между тѣмъ свобода мысли осталась неприкосновенною. Никогда еще тонъ прессы не отличался такимъ благоразуміемъ, такою скромностью, вполне сообразною съ достоинствомъ писателей. Никогда еще она не обнаружи-

вала такихъ патріотическихъ чувствъ». Что должны были чувствовать французскіе журналисты, когда Персиньи гладилъ ихъ такимъ образомъ по головкѣ—это я предоставляю рѣшить самому читателю. Изъ доклада министра мы видимъ, что правительство Наполеона неуспѣшно заботилось о нравственномъ воспитаніи гражданъ. Благоразуміе, скромность, достоинство, патріотическія чувства — вотъ тѣ нравственныя качества, которыя оно стремилось путемъ пріостановокъ и запрещеній провести черезъ періодическую литературу въ общество. Воспитателями націи были назначены всеѣ полицейскіе чиновники; въ департаментахъ журналы зависѣли отъ мѣстныхъ властей, отъ префектовъ и ихъ помощниковъ.

Добросовѣство отправляя свои педагогическія обязанности, эти чиновники считали долгомъ вразумлять провинившихся литераторовъ, и потому, облекая свои предостереженія въ болѣе или менѣе литературную форму, они обыкновенно присоединяли къ нимъ назидательныя размышленія. Такъ напр. *Conciliateur de l'Indre* напечаталъ, что «новое законодательство о печати наноситъ рѣшительный ударъ самымъ элементарнымъ началамъ общественнаго права и свободы». За это *Conciliateur* получилъ предостереженіе, въ которомъ было сказано, что, говоря такимъ образомъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, журналъ «отстываетъ отъ благоразумія и умѣренности, составляющихъ необходимое условіе періодической прессы». *Gazette du Midi* напечатала въ одной статьѣ курсивомъ слова *народъ* и *законный*; ей сдѣлали предостереженіе и замѣтили въ курсивѣ лукавое намѣреніе осмѣять примѣненіе этихъ словъ къ недавнимъ событіямъ. Въ *Ami de l'Ordre* попалась такая фраза: «исторія говоритъ намъ, что имя Бонапарте не всегда бываетъ спасительнымъ талисманомъ противъ паденій». Эта фраза подала поводъ къ предостереженію; правительство приняло ее за дерзость. Два журнала *Union bretonne* и *Esperance du Peuple* вели между собою ожесточенную полемику и обмѣнивались между собою колкостями и дерзостями, не касаясь правительственныхъ распоряженій. Префектъ послалъ предостереженія въ редакціи обоихъ журналовъ и замѣтилъ имъ, что въ ихъ статьяхъ встрѣчаются такія сильныя выраженія, которыя совершенно выходятъ изъ границъ дозволенной полемики. Такимъ образомъ заботливая администрація наблюдала не только за чистотою политическихъ мнѣній, но даже за изяществомъ манеръ и за мягкостью перебранокъ. Французы должны были во что бы то ни стало казаться счастливыми и довольными; добродушная

улыбка не должна была сходить съ ихъ губъ; журналистъ, раздраженный притѣсненіями правительства, не могъ даже на своихъ со-братьевъ по ремеслу выливать избытокъ накопившейся желчи. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ все было спокойно, чтобы надо всею Франціею царилъ мертвая тишина, чтобы даже въ частной ссорѣ между двумя журналистами не встрѣчалось ни одной рѣзкой идеи, ни одного энергическаго оборота рѣчи. Надо всею Франціею раскинулась съѣтъ полицейскаго наблюденія; префекты и разныя мѣстныя власти съ особенною любовью взялись содѣйствовать видамъ центральнаго правительства и принялись преслѣдовать всякое гласное выраженіе непринятыхъ идей и стремленій. Нѣкоторые чиновники увлеклись такъ далеко въ дѣлѣ разыскиванія и преслѣдованія вредныхъ мыслей, что начали заглядывать въ частныя письма, отправлявшіяся за границу. За содержаніе этихъ писемъ нѣкоторые корреспонденты заграничныхъ газетъ были арестованы, бумаги ихъ опечатаны; на другой день послѣ этихъ арестовъ въ журналахъ *Pays* и *Moniteur* появились наивныя статьи, пояснявшія причину этихъ крутыхъ мѣръ; эти наивныя статьи показали, что усердіе чиновниковъ, вскрывающихъ чужія письма, не показалось высшему правительству ни преувеличеннымъ, ни предосудительнымъ. Оказалось, что Людовикъ—Наполеонъ находитъ такой образъ дѣйствій вполне естественнымъ и не краснѣя разсуждаетъ о тѣхъ фактахъ, которые ему пришлось узнать такимъ окольнымъ путемъ. «Въ Парижѣ, гласитъ статья въ *Moniteur*, подъ вліяніемъ старинныхъ партій уже давно составилось нѣсколько тайныхъ агентствъ и политическихъ корреспонденцій; изъ этихъ центровъ клеветы и анархій выходили ежедневно, окольными путями, тѣ гнусныя и безсовѣстные пасквили, которые позорятъ собою нѣкоторые органы заграничной прессы, съ цѣлью навлечь презрѣніе Европы на правительство, добровольно принятое Франціею; правительство, которому были извѣстны эти интриги, не могло долѣе терпѣть этой системы поруганія и опозориванія». Съ этою официальною статьею, написанною на основаніи совершенно неофициальныхъ документовъ, не мѣшаетъ сопоставить слѣдующій циркуляръ одного изъ министровъ Наполеона I. «Я узналъ, пишетъ Карно, министръ внутреннихъ дѣлъ, что во многихъ частяхъ имперіи тайна частныхъ переписокъ была нарушена агентами правительства. Кто могъ дозволить подобныя мѣры? Виновники скажутъ, можетъ быть, что они хотѣли услужить правительству и предупредить его желанія? Но вносить въ управление подобный образъ дѣйствій не

значитъ служить императору, — это значитъ клеветать на его величество; государь съ презрѣніемъ отворачивается отъ такихъ доказательствъ преданности, которыя состоятъ въ нарушеніи законовъ. А законы говорятъ рѣшительно съ 1789 года, что тайна писемъ неприкосновенна. Всѣ наши несчастія въ различныя эпохи революцій происходили отъ нарушенія принциповъ. Пора взяться за умъ. Прошу васъ преслѣдовать, по всей строгости законовъ, это нарушение одного изъ священнѣйшихъ правъ цивилизованнаго человѣка, живущаго въ обществѣ. Мысль гражданина должна быть также свободна, какъ и его личность». Сравнивая циркуляръ Карно, написанный въ 1815 году, съ статьею Монитера, напечатанною въ 1852 году, мы можемъ замѣтить, на сколько французское правительство въ теченіи 37 лѣтъ развилось въ своихъ понятіяхъ о чести. Надо сказать правду, что если правительство 1815 года было немного поделкатнѣе и поразборчивѣе въ средствахъ, то правительство 1852 года было гораздо послѣдовательнѣе. Въ глубинѣ души ни Наполеонъ I, ни Наполеонъ III не могли считать себя избранниками народа; и тотъ, и другой должны были помнить, что основаніе ихъ господства заключается въ насиліи. Позволивши себѣ крупную неправду, навязавшись въ вѣнценосные благодѣтели Франціи, оба Наполеона должны были хорошо понимать, что мелкая совѣстливость въ ихъ положеніи смѣшна и приторна. Кто похитилъ корону, тому недѣло задумываться надъ кусочкомъ сургуча, скрывающимъ собою чужую тайну. Поэтому, деликатность Карно не можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ мысли Наполеона I; приведенный мною циркуляръ можетъ быть объясненъ или тѣмъ обстоятельствомъ, что въ распечатанныхъ письмахъ не нашлось ничего интереснаго для правительства или же тѣмъ, что правительство нуждалось въ популярности и прикидывалось деликатнымъ, зная легковѣрность французской націи и ея привязанность къ виѣшнимъ формамъ вѣжливости. Въ поведеніи Наполеона III, напротивъ того, нѣтъ даже этой виѣшной уступки общественному мнѣнію; онъ равнодушенъ къ нему и презираетъ его вполне, не давая себѣ труда скрывать это презрѣніе; онъ не гонится ни за популярностью, ни за уваженіемъ націи; его господство — фактъ, а какъ смотреть на этотъ фактъ — до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Это откровенное презрѣніе къ дѣлой націи, сдѣлавшей три революціи, лежитъ въ основаніи всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Наполеона III и само основывается на сознаніи рѣшительнаго перевѣса собственныхъ, матеріальныхъ силъ надъ одѣве-

нѣжными умственными и нравственными силами Франціи. Иностранные публицисты поняли и опредѣляли отношенія между императоромъ и народомъ такъ вѣрно и такъ рельефно, что *Moniteur* счелъ долгомъ обидѣться за Францію и съ укоромъ перепечатать на своихъ столбцахъ нѣкоторые отзывы англійскихъ газетъ. Вотъ, напрямѣръ, что говорилъ 7 января 1853 года *Morning-advertiser*: «На всей поверхности земнаго шара нѣтъ ничего подобнаго тому деспотизму, который тяготѣетъ надъ Франціею, и тому униженію, въ которое погружена эта страна. Права народа находятся подъ каблуками Наполеона, котораго имя—синонимъ угнетенія и тиранніи. Искусство писать книги будетъ скоро совершенно оставлено у нашихъ сосѣдей. Литературные таланты преслѣдуются, какъ преступленіе; умы заключены въ оковы. Никто не смѣетъ разинуть ротъ на улицѣ, въ обществѣ, въ прессѣ. Еще нѣсколько времени—и Французы будутъ погружены въ такое варварство, которому нельзя будетъ найти подобіе въ исторіи націй». «Къ чему увеличивать число цитатъ, съ глубокою грустью присовокупляетъ *Moniteur*. Довольно и этого, чтобы показать, въ какихъ выраженіяхъ нѣкоторые журналы отзываются о дружественной націи и о томъ государѣ, котораго призвали на престолъ ея восторженные клики». Надо было глубоко презирать французскую республику, чтобы въ официальномъ журналѣ перепечатывать отзывъ *Morning-advertiser'a*, заключающій въ себѣ такую горькую правду. Правительство Наполеона смотритъ на свой портретъ и, обращаясь къ публикѣ, которая очень хорошо знаетъ, что портретъ похожъ, какъ двѣ капли воды, говорить въ своемъ официальномъ журналѣ: посмотрите, добрые люди, какъ на насъ клеветаютъ; посмотрите, какая гнусная каррикатура. Самъ императоръ, впрочемъ, не думалъ, что гражданская свобода процвѣтаетъ во Франціи; открывая въ 1853 году засѣданіе законодательнаго собранія, онъ въ своей рѣчи помѣстилъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Тѣмъ людямъ, которые пожалѣютъ о недостаткѣ свободы, я отвѣчу: свобода никогда не содѣйствовала основанію политическаго зданія, — она вѣнчаетъ его тогда, когда его скрѣпило время.» Самъ Наполеонъ скромно сознается такимъ образомъ, что свобода Франціи еще впереди, и съ нимъ соглашаются въ этомъ отношеніи всѣ здравомыслящіе Французы, хотя, конечно, они рисуютъ себѣ эту вождедѣльную свободу не совѣтъ такъ, какъ общаетъ ее императоръ. Приближенные Наполеона расходятся во мнѣніяхъ съ своимъ властелиномъ и прославляютъ свободу

Франція, какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ настоящемъ. «Развѣ не свободна та страна, восклицаетъ Тролонъ въ Монитерѣ, въ которой можно, не имѣя дѣла съ цензурою, писать книги обо всѣхъ предметахъ религіи и философіи, политики и нравственности? Развѣ не свободна та страна, въ которой журналы имѣютъ право говорить, когда они должны были бы молчать, или молчать, когда они должны были бы говорить?» Особенно завидно послѣднее право, въ которомъ Тролонъ видитъ доказательство французской свободы, — право молчать. Презрѣніе Наполеона къ націи становится понятнымъ, когда приходится читать подобныя панегирики о свободѣ, написанныя не дюжиннымъ продажнымъ писателемъ, а человекомъ, обеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и высоко поставленнымъ по своему общественному положенію. Читая ежедневно подобныя статьи въ *Moniteur*, въ *Pays*, въ *Constitutionnel*, выслушивая разные торжественныя рѣчи въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ, Наполеонъ могъ на неопредѣленное время отерочить обѣщанное вѣнчаніе политическаго зданія. «Зачѣмъ я буду расширять свободу этой страны, говорилъ онъ одному англійскому министру, съ нея довольно; она большаго не желаетъ, а представители ея и отъ этого готовы отказаться».

Journal des Débats возражалъ на статью Тролона, и редакторъ его Бертенъ удачно очертилъ положеніе журналистовъ послѣ обнародованія органическаго декрета. «Насъ, говоритъ онъ, не пугаетъ никакое законодательство, какъ бы ни было оно сурово; насъ пугаетъ то, что приходится писать въ потьмахъ, думая при каждомъ словѣ; что, не смотря на всю благонамѣренность, мы выходимъ за предѣлы тѣхъ правъ, которыя намъ оставлены. Мы не просимъ своеволія, Боже сохрани! Мы всегда возставали противъ него; мы не просимъ даже такой свободы, которая, можетъ быть, несовмѣстна съ теперешними обстоятельствами и потребностями Франціи. Пусть авторъ (Тролонъ) скажетъ намъ только (такъ какъ онъ это знаетъ), въ какихъ случаяхъ мы имѣемъ право говорить, и когда мы должны были бы молчать; мы бы сочли себя совершенно счастливыми. Кто держится мнѣній г. Тролона, кто раздѣляетъ его политическія симпатіи и пользуется содѣйствіемъ Монитера, тотъ, конечно, можетъ считать себя совершенно свободнымъ и даже не понимать тѣхъ мучительныхъ затрудненій, въ которыя поставлены люди честные, уважающіе общественный порядокъ и желающіе только высказывать совершенно умѣренныя свои идеи, не вполне сходныя съ идеями г. Тролона».

Органическій декретъ принесъ свои плоды, и писатели поняли всю свою беззащитность.

II.

Въ послѣдніе десять лѣтъ, т. е. со времени изданія органическаго декрета до нынѣшняго дня, въ судьбѣ французской прессы не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Правительство по прежнему смотритъ за журналистикою во всѣ глаза и по прежнему въ официальныхъ статьяхъ своихъ литературныхъ агентовъ и въ официальныхъ рѣчахъ своихъ чиновниковъ превозноситъ ту драгоценную свободу, которою пользуются французскіе писатели. Журналистика съ своей стороны тихо стонетъ о своихъ потерянныхъ правахъ и гарантіяхъ и, не смотря на свою осторожность, навлекаетъ себѣ предостереженія за предостереженіями.

Каждое политическое событіе отзывается на отношеніяхъ правительства къ прессѣ. Когда журналистика пытается разгадать тайну дипломатическихъ соображеній Наполеона, когда она высказываетъ свои догадки и предположенія, тогда ей замѣчаютъ сверху, что она вмѣшивается не въ свое дѣло и понапрасну тревожитъ націю своими вымыслами заглянуть за непроницаемую завѣсу будущаго. Переговоры съ Австріею, предшествовавшіе началу итальянской войны, подали газетамъ поводъ предвидѣть приближеніе важнаго событія; въ началѣ февраля 1859 года *Presse* въ статьѣ объ итальянскомъ кризисѣ заявила сочувствіе Франціи къ страданіямъ угнетенной Италіи; въ этой статьѣ было выражено желаніе, чтобы Франція остановила посягательства Австріи. За эту статью *Presse* получила предостереженіе, въ которомъ было сказано, что «подобныя выходы могутъ возбуждать въ умахъ неосновательное безпокойство». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого предостереженія въ продажѣ появилась брошюра, подъ заглавіемъ «Napoléon III et l'Italie», не подписанная авторомъ; нѣкоторыя французскія и заграничныя газеты приписывали эту брошюру самому императору; какъ бы то ни было, эта брошюра выражала тѣ самыя мысли, за которыя *Presse* получила предостереженіе; она приглашала дипломатію сдѣлать «наканунѣ битвы то, что по-невозможности придется сдѣлать на другой день послѣ побѣды». Не смотря на эти ясные намеки, брошюра не подвергалась преслѣдованію, и даже

тѣ журналы, которые видѣли въ ней произведеніе самаго императора, не получили за свои догадки никакихъ предостереженій. Журналистика, видя, что брошюра остается безнаказанною, опять заговорила о приближеніи войны; тогда официальная газета *Moniteur* въ началѣ марта замѣтила, что «все это бредъ, воображеніе и ложь, и что пора оставить безъ вниманія неясные слухи, распространяемые журналистикой по всеѣмъ концамъ Европы». 5 го марта была напечатана эта статья, а 3-го мая въ томъ же Монитерѣ правительство извѣстило Францію о началѣ войны. Намѣренія правительства до послѣдней минуты остаются такимъ образомъ тайною; политическимъ газетамъ запрещается даже догадываться и предполагать; имъ остается такимъ образомъ только записывать совершившіяся событія, не вывода изъ нихъ снѣлыхъ заключеній; даже записать событіе позволяется только въ томъ случаѣ, если его нельзя утаить или не зачѣмъ утаивать. Когда началась итальянская война, то министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило журналамъ слѣдующее замѣчаніе: «Правительство уже нѣсколько разъ совѣтовало журналамъ публиковать съ крайнею осторожностью извѣстія и письма, относящіеся къ итальянской арміи. Правительство теперь еще разъ принуждено напомнить журналамъ обязанности, налагаемыя на нихъ текущими событіями. Они должны воздерживаться отъ печатанія подробностей, не имѣющихъ серьезнаго характера, распространяющихъ тревогу въ семействахъ или обманывающихъ общественное мнѣніе на счетъ положенія нашей арміи; тѣмъ болѣе они должны избѣгать сообщенія такихъ свѣдѣній, которые могли бы приносить пользу неприятелю. Они поймутъ также, что не слѣдуетъ произвольно разсыпать похвалу или порицаніе и подрывать авторитетъ официальныхъ бюллетеней несправедливыми сужденіями или ситиными объявленіями. Правительство надѣется, что это воззваніе къ просвѣщенному патриотизму французской прессы предупредитъ дальнѣйшія увлеченія, находящіеся впрочемъ въ странномъ разладѣ съ единодушными проявленіями національнаго чувства, которое въ журналистикѣ должно находить себѣ достойное отраженіе». Первое свойство, бросающееся въ глаза при чтеніи подобныхъ документовъ—это фразистость и мягкость рѣчи; подумаешь, что министерство находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ литературою и пишетъ ей самыя пріятныя и любезныя замѣчанія; на самомъ же дѣлѣ выходитъ, что пилюля очень горька, не смотря на свою позолоту; практическій выводъ изъ бумагъ министерства тотъ, что журналы не должны печатать объ итальянской

армія ничего, кромя официальныхъ бюллетеней, т. е. они должны, не мудрствуя лукаво, не толкуя вкривь и вкось, съ вѣрою, надеждою и любовью идти по слѣдамъ Монитера и перепечатывать изъ него извѣстія объ итальянской арміи. Можетъ быть министерство не хотѣло придти къ этому суровому выводу; можетъ быть оно желало только, чтобы редакторы не пускали утокъ, но редакторамъ, получившимъ этотъ циркуляръ, надо было поневолѣ отказаться отъ печатанія частныхъ извѣстій. Получая письмо изъ Италіи, они никакъ не могли знать, что всё сообщаемыя въ немъ извѣстія совершенно вѣрны. Если даже эти извѣстія были вѣрны, то нельзя было знать, находятъ ли правительство полезнымъ ихъ обнародованіе. Правительство всегда имѣло предлогъ послать журналу предостереженіе за напечатаніе частнаго извѣстія; оно могло сказать, что такое-то извѣстіе способно встревожить общественное мнѣніе или же, что имъ можетъ воспользоваться непріятель. Приведенный мною циркуляръ министерства по своему общему характеру сходенъ съ органическимъ декретомъ; онъ, подобно послѣднему, грѣшитъ своею совершенною неопредѣленностью; общіе совѣты, которые правительство даетъ литераторамъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются совершенно неосуществительными—они только сбиваютъ съ толку; что можно писать, чего нельзя писать—это все—такъ остается неизвѣстнымъ; поэтому тотъ редакторъ, который желаетъ оградить себя отъ всякой ответственности и чувствовать себя совершенно спокойнымъ, долженъ принимать самыя преувеличенныя, часто совершенно лишнія предосторожности. Вотъ на что и рассчитываетъ правительство; вотъ задняя мысль, побуждающая его издавать неопредѣленныя узаконенія и разсылать циркуляры, не имѣющіе осязательнаго смысла.

Послѣ окончанія итальянской кампаніи, 16-го августа 1859 года последовали другъ за другомъ два милостивые декрета: во-первыхъ, объявлена полная амнистія «всѣмъ лицамъ, осужденнымъ за политическія преступленія и проступки и изгнаннымъ изъ Франціи въ видахъ общественной безопасности», во-вторыхъ, «всѣ предостереженія, данныя журналамъ въ силу декрета 17 февраля 1852 года, объявлены недействительными».

Эти два милостивые декрета имѣютъ свою обратную сторону; правительству очень хотѣлось привлечь во Францію тѣхъ политическихъ изгнанныхъ, которые за границею были опаснѣе, чѣмъ въ отечествѣ, потому что за границею они могли писать и печатать такіа

*

вещи, которыя во Франціи не нашли бы себѣ ни издателя, ни типографика. За личиною великодушія кроется такимъ образомъ очень вѣрный политическій расчетъ. Второе милостивое распоряженіе, т. е. уничтоженіе уже данныхъ предостереженій, тоже объясняется довольно просто: многіе журналы имѣли уже по два предостереженія; запретить ихъ за третій проступокъ было неудобно, потому что провинившихся было слишкомъ много, а возбуждать безъ особенной необходимости вниманіе и неудовольствіе общества неприятно даже такому правительству, которое не придаетъ значенія расположенію гражданъ; если же третій проступокъ журналовъ не повелъ бы за собою запрещенія, тогда это обстоятельство могло ослабить нравственное вліяніе предостереженій; стало быть, запретить нѣсколько журналовъ разомъ было неудобно, оставить ихъ безнаказанными—также неудобно; оставалось только простить данныя *avertissemens* и придать этому акту прощенія какъ можно больше торжественности. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не удивить публику великодушіемъ и милосердіемъ, когда это великодушіе и милосердіе не стоитъ ни копѣйки и даже нисколько не уменьшаетъ силы правительства? Вѣдь любой изъ прощенныхъ журналовъ могъ быть закрытъ по распоряженію административной власти на другой же день послѣ милостиваго прощенія, если только онъ своимъ послѣдующимъ поведеніемъ показалъ бы недостатокъ признательности и благонадежности.

Въ сущности положеніе журналистики нисколько не улучшилось отъ этой милости; литераторы, конечно, поняли это и дали это замѣтить правительству.

Послѣ окончанія итальянской войны на очередь выдвинулся вопросъ о папствѣ; французскіе публицисты начали разработывать его въ брошюрахъ и въ журнальныхъ статьяхъ. Журналы клерикальной партіи старались обвинить Наполеона въ недостаткѣ благочестія и въ неуваженіи къ правамъ папы; эти попытки побудили правительство обратить особенное вниманіе на статьи, писавшіяся подъ вліяніемъ духовенства; это особенное вниманіе выразилось въ томъ, что на клерикальные журналы посылались предостереженія; затѣмъ послѣдовали болѣе серьезныя мѣры,—*Univers* былъ запрещенъ.

«Религіозная журналистика, писалъ по этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ въ докладѣ императору, забыла, что ея дѣло — умѣрять страсти и мирить враждующія стороны. Журналъ *l'Univers* въ особенности, не обращая вниманія на сообщаемыя ему предостереже-

ніа, каждый день доходить до послѣднихъ предѣловъ буйства; по его милости возникаютъ пылкія полемики, въ которыхъ, къ сожалѣнію, его выходки вызываютъ рѣзкія возраженія, служащія соблазномъ и огорченіемъ для всѣхъ добрыхъ гражданъ». Теряя *Univers*, французская пресса потеряла, конечно, очень немного, но тѣмъ не менѣе, въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, правительство Наполеона осталось вѣрнымъ своему основному принципу, отвращенію къ рѣзко проведеннымъ идеямъ и къ крайнимъ выводамъ, сдѣланнымъ въ ту или въ другую сторону. Въ такой странѣ, какъ Франція, при томъ правительствѣ, которымъ она пользуется уже слишкомъ десять лѣтъ, преданность интересамъ католической религіи должна, конечно, считаться признакомъ благонамѣренности, потому что католицизмъ, какъ извѣстно, вовсе не поощряетъ развитія свободной мысли и вовсе не оправдываетъ возстанія человеческого разума противъ авторитета преданій и существующихъ учреждений. Не смотря на то, правительство Наполеона смотритъ недоброжелательно на ревностныхъ католиковъ; ревностный католицизмъ есть все-таки сильное убѣжденіе, не смотря на всю свою ветхость и мертвенность; а сильное убѣжденіе всякаго рода не можетъ быть терпимо при томъ порядкѣ вещей, который господствуетъ въ современной Франціи; фанатики—все-таки люди беспокойные; они мѣшаютъ и противодействуютъ развитію крайней централизаціи; какъ бы они ни были безтолковы, съ ними все-таки не такъ легко управляться, какъ съ людьми совершенно безличными и равнодушными вслѣдствіе своей посредственности. До свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло извѣстіе, что въ департаментахъ распространяются стараніями духовенства разныя брошюры, агитирующія въ пользу папы; тотчасъ къ префектамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ напоминалось, что законъ запрещаетъ раздавать или продавать брошюры безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, и что нарушители этого правила подвергаются тюремному заключенію срокомъ отъ одного мѣсяца до полугода и денежному штрафу отъ 25 до 500 франковъ. Тонъ этого циркуляра даетъ замѣтить, что правительство не желаетъ давать спуска служителямъ церкви. «Въ этихъ случаяхъ, гласитъ окончаніе циркуляра, правительство должно будетъ на столько удалиться отъ своего обычнаго милосердія, на сколько это будетъ необходимо для укрощенія взволнованныхъ умовъ; поэтому я требую отъ васъ въ одно и то же время умѣренности и твердости.

Обуздывая такимъ образомъ излишнюю ревность пастырей и слу-

жителей церкви, правительство въ то же время не допускаетъ, чтобы частныя лица высказывали печатно критическія замѣчанія о религіи, о церкви и о духовенствѣ. Процессъ Прудона, происходившій въ 1838 году, показываетъ ясно, что философская мысль свободна во Франціи на столько, на сколько она держится въ области чистыхъ отвлеченностей; вы можете разсуждать сколько вѣшей душѣ угодно о субъективности и объективности, объ идеальномъ и трансцендентальномъ, но если вы вздумаете съ философской точки зрѣнія посмотреть на существующую дѣйствительность, на осязательныя явленія и учрежденія, то вамъ тотчасъ же придется имѣть дѣло не съ литературными оппонентами, а съ императорскимъ прокуроромъ и съ мѣстнымъ трибуналомъ исправительной полиціи.

22-го апрѣля 1858 года, въ Парижѣ, у братьевъ Гарнье поступила въ продажу книга Прудона: «О справедливости въ революціи и въ церкви», состоявшая изъ трехъ томовъ, и заключавшая въ себѣ 1,700 страницъ убористаго шрифта; 27-го апрѣля полиція получила отъ императорскаго прокурора приказаніе остановить распространеніе этой книги; 28-го книга была захвачена въ полицію; 2-го іюня судъ исправительной полиціи приговорилъ Прудона къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ штрафа въ 4,000 франковъ; книгу его признали вредною и продажу ея запретили; издатель Гарнье и типографщикъ Бурдые также признаны виновными: перваго посадили въ тюрьму на 1 мѣсяць, втораго—на 15 дней; съ того и съ другаго взыскали по тысячѣ франковъ штрафа. Но правительство этимъ не удовлетворилось; находя, что Гарнье недостаточно наказанъ, оно перенесло дѣло въ высшую инстанцію, которая приговорила подсудимаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу въ четыре тысячи франковъ.

Осужденные могли рассчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, которое вообще не расположено смотрѣть строго на политическія преступленія, и которое, по правдѣ сказать, не понимаетъ, чтобы та или другая мысль могла быть преступною; но правительство постаралось отрѣзать имъ удобнѣйшій путь къ сношенію съ обществомъ: органный декретъ запретилъ журналамъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати; осужденнымъ оставался еще одинъ способъ: законъ 1819 года, не отмѣненный послѣдующими законодательствами, позволялъ подсудимому написать и напечатать защитительный мемуаръ. Текстъ закона говорилъ положительно, что напечатаніе этого мемуара

не можетъ подать повода къ новымъ преслѣдованіямъ и нисколько не увеличиваетъ вины подсудимаго.

Прудонъ написалъ свою защиту, но парижскіе типографщики отказались печатать его. «Правительство предупредило насъ, отвѣчали они ему, что все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, опасно. Мы ничего не будемъ печатать для васъ безъ разрѣшенія прокурора». Прудонъ обратился тогда къ генеральному прокурору; онъ напомнилъ ему, что статья 23-я закона 17 мая 1819 года дозволяетъ печатаніе защиты безо всякихъ стѣсненій, и просилъ его дать форменное свидѣтельство, удостоверяющее типографщика въ томъ, что для него не можетъ быть никакой опасности. Чтобы показать прокурору умѣренность своихъ требованій, Прудонъ согласался даже напечатать свой мемуаръ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Эта уступка не подвинула впередъ дѣла Прудона.

— Я вамъ не могу дать никакого свидѣтельства, отвѣчалъ ему прокуроръ; назначать вамъ количество экземпляровъ я также не имѣю права. У васъ есть ваше право, у насъ есть свое право. Поступайте, какъ знаете, принимая на себя рискъ и отвѣтственность.

Прудонъ готовъ былъ рисковать собою, но одной готовности было мало. Надо было найти типографщика, а въ Парижѣ не нашлось охотниковъ за чужое дѣло платить штрафъ и сидѣть въ тюрьмѣ.

Прудонъ напечаталъ свой мемуаръ въ Брюсселѣ, но это тоже не помогло. Его книжку не впустили во Францію, и приговоръ не былъ измѣненъ.

Дѣйствія французскаго правительства въ отношеніи къ Прудону находятся въ совершенной гармоніи съ порядкомъ вещей, водворившимся съ 1852 года. Удивляться не чему; негодовать смѣшно, потому что негодованіе ничего не разъясняетъ. Посмотримъ лучше, въ чемъ именно заключаются въ данномъ случаѣ отступленія правительства отъ законности. Два обстоятельства прежде всего бросаются въ глаза: во-первыхъ, книгу захватили черезъ пять дней послѣ ея поступленія въ продажу, во-вторыхъ, типографщикамъ запретили принимать отъ Прудона для напечатанія тотъ мемуаръ, который законъ положительно позволяетъ обнародовать каждому гражданину, обвиненному за преступленіе или проступокъ, совершенный путемъ печати. Первое обстоятельство доказываетъ, что книга была захвачена по подозрѣнію, или вѣрнѣе, по предубѣжденію правительства противъ личности автора. Въ пять дней невозможно прочесть 1,700 страницъ серьезнаго сочиненія, особенно если читатель имѣетъ добросовѣстное желаніе отдать

себѣ отчетъ въ основной идѣѣ книги и обсудить вліяніе этой идеи на умы согражданъ и современниковъ. Если же приказаніе захватить книгу Прудона было отдано тогда, когда еще убѣжденіе въ дѣйствительности ея вреднаго вліянія не могло составить въ умъ коронныхъ чиновниковъ, то очевидно, что правительство поступало съ Прудономъ не какъ съ гражданиномъ, заподозрѣннымъ въ преступленіи, а какъ съ личнымъ врагомъ.

Второе обстоятельство обнаруживаетъ намъ ту же самую неприимую и притомъ трусливую ненависть правительства къ Прудону. У него отнимаютъ то средство, которое по закону предоставляется каждому подсудимому; всѣ мысли Прудона заранее объявляются опасными; правительство заранее предупреждаетъ типографчиковъ, чтобы потомъ, въ случаѣ появленія какой нибудь новой книги опаснаго писателя, имѣть возможность взыскать съ провинившагося типографщика вдвое строже, какъ съ челоуѣка сознательно и преднамѣренно идущаго наперекоръ желаніямъ административной власти. Подвергая отвѣтственности типографщика, правительство фактически возстановляетъ предупредительную цензуру, и притомъ возстановляетъ ее въ самомъ тяжеломъ видѣ. Цензоръ, какъ чиновникъ отъ правительства, не имѣетъ права сказать писателю: я не хочу читать вашу рукопись, а типографщикъ всегда можетъ сказать: я не хочу печатать ваше сочиненіе, точно также, какъ всякій купецъ можетъ сказать, что не хочетъ продать вамъ тотъ или другой товаръ, точно также, какъ всякій домовладѣлецъ можетъ отказать вамъ въ квартирѣ. Конечно, съ другой стороны, цензоръ, поставленный отъ правительства, можетъ зачеркнуть всю представленную ему рукопись, но, поступая такимъ образомъ, онъ долженъ все-таки опираться на инструкцію, данную ему правительствомъ, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, найти объясненіе своему поступку; вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сказать автору: «я запрещаю вашу статью, потому что ваша фамилія—Прудонъ». Въ благоустроенномъ государствѣ можно жаловаться на самоуправство чиновника, но жаловаться на типографщика, не желающаго принять отъ васъ заказъ—это все равно, что жаловаться на купца, съ которымъ вы не сошлись въ цѣнѣ товара. При существованіи предупредительной цензуры, правительство Наполеона III могло бы значительно ослаблять дѣятельность Прудона; но совершенно запретить ему писать—это такой подвигъ, на который оно, можетъ быть, не рѣшилось бы, боясь громкаго и смѣшнаго скандала. Когда же будутъ запугашены типогики, тогда павир-

тельство можетъ запретить вамъ писать, несколько не компрометируя себя дѣйствіями рѣзкаго произвола; стоитъ только оштрафовать двухъ, трехъ типографщиковъ—и ваша литературная дѣятельность окажется прервательною, потому что ни одинъ типографщикъ не захочетъ изъ-за васъ разориться и сидѣть въ тюрьмѣ. Вы, можетъ быть, захотите открыть свою собственную типографію? Но вы забываете, что для этого надо взять патентъ отъ правительства, которое можетъ отказать вамъ, не выходя изъ предѣловъ закона.

Словомъ, если сравнивать между собою двѣ системы законовъ о печати—карательную и предупредительную, то, безъ всякаго сомнѣнія, надо будетъ отдать предпочтеніе карательной, но при этомъ надо будетъ замѣтить, что французское законодательство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо карательнымъ.

Карательнымъ по настоящему можетъ быть названо только такое законодательство, которое предоставляетъ каждому гражданину полную возможность писать и печатать что ему угодно, и потомъ взыскиваетъ съ него за нарушеніе извѣстныхъ правилъ. Когда отвѣтственность ограничивается личностями писателя и издателя, тогда законодательство остается еще карательнымъ, потому что издатель, какъ человекъ, затрачивающій на книгу свой капиталъ и содѣйствующій такимъ образомъ предпріятію автора, можетъ быть признанъ его нравственнымъ соучастникомъ. Кто же въ самомъ дѣлѣ ставитъ тратить свои деньги на неизвѣстное ему дѣло? Если же издатель знаетъ автора и характеръ его книги, то онъ можетъ быть названъ его единомышленникомъ. Издатель можетъ получить отъ продажи книги выгоду, слѣдовательно, онъ можетъ дѣлить съ авторомъ опасности предпріятія. Взысканія съ издателей могутъ только уничтожить породу мелкихъ спекуляторовъ, издающихъ такіе книги, о которыхъ они сами не имѣютъ понятія. Слѣдовательно, налагая взысканія на издателей, законодательство не перестаетъ быть карательнымъ, потому что оно ничѣмъ не усложняетъ положенія писателя, желающаго напечатать свой трудъ. Если у писателя есть свободныя деньги, онъ самъ можетъ быть издателемъ; если у него нѣтъ денегъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ обратиться къ другому лицу и поставить себя въ нѣкоторую зависимость отъ него; это другое лицо, конечно, разсчитетъ цѣну предпріятія и его возможные выгоды; сдѣлавъ этотъ приблизительный расчетъ, оно рѣшится издавать или не издавать предлагаемую книгу; если это другое лицо откажетъ автору, то авторъ можетъ обратиться къ любому изъ своихъ знакомыхъ, имѣю-

нихъ свободный капиталъ и сочувствующихъ его предпріятію; каждый изъ этихъ знакомыхъ можетъ быть издателемъ, потому что на это не надо ни особеннаго разрѣшенія правительства, ни особеннаго заведенія. Но если бы, напримѣръ, только одни парижскіе трактирщики имѣли право издавать книги или, если бы человекъ, желающій издать книгу, долженъ былъ сначала попросить позволенія у правительства, тогда, конечно, законодательство перестало бы быть чисто карательнымъ, потому что тогда правительство имѣло бы возможность препятствовать обнародованію того или другаго сочиненія; оно могло бы сдѣлать это или запугивая извѣстнымъ образомъ парижскихъ трактирщиковъ, или же отказывая въ необходимомъ позволеніи тѣмъ людямъ, которые пожелають сдѣлаться издателями. Именно такъ и поступаетъ правительство съ типографщиками. Оно знаетъ, что типографщикъ получаетъ просто деньги за работу и что онъ, слѣдовательно, не заинтересованъ лично въ успѣхѣ книги; если бы на немъ лежала отвѣтственность, то онъ печаталъ бы безъ разбору все, что ему заказываютъ, точно также, какъ напримѣръ, оружейникъ продастъ вамъ ружье или пистолеть, не освѣдомляясь о томъ, какъ вы намерены пользоваться этими орудіями. Типографщикъ есть содержатель мастерской; онъ—исполнитель, не заинтересованный въ успѣхѣ предпріятія; какъ бы хорошо ни пошла книга, онъ все-таки получить ту же условленную плату, которую получалъ бы въ случаѣ совершенной неудачи; спрашивается, ради чего же типографщикъ рѣшится подвергать себя малѣйшему риску? Съ одной стороны правительство представляетъ ему въ перспективѣ судъ, тюрьму и штрафъ; съ другой стороны, писатель и издатель предлагаютъ ему обыкновенную плату за трудъ. Всѣ выгоды типографщика побуждаютъ его разсматривать очень внимательно, вѣтъ ли какойнибудь опасности? Если есть хоть тѣнь опасности, типографщикъ откажется отъ предлагаемой работы; такъ поступитъ и другой, и третій, и всѣ типографщики. Окажется, что писатель и издатель остаются съ своимъ отвѣченнымъ правомъ печатать все, что угодно. Книга остается ненапечатанною. А кто же пожьмалъ ея напечатанію? Конечно, не типографщики; типографщикамъ все равно, что ни печатать. Пожьмало правительство, которое грозитъ наказаніемъ не только писателю, не только людямъ, обнаруживающимъ нравственное сочувствіе его идеямъ, но и тѣмъ ремесленникамъ, которые приводятъ его идею въ исполненіе и работаютъ по его заказу. А если правительство мѣшаетъ напечатанію книги, то оно, очевидно, измѣняетъ чисто карательной системѣ.

Если подвергать взысканію типографщика, который ни душой, ни тѣломъ не участвуетъ въ идеѣ автора, то отчего же не наказывать фабриканта бумаги, на которой напечатана вредная книга? Отчего не взыскивать съ каждаго отдѣльнаго наборщика? Отчего не судить перешетчика, брошюрующаго сочиненіе, несогласное съ видами правительства? Существеннаго различія нѣтъ между типографщикомъ и остальными ремесленниками, содѣйствующими сооруженію книги. Если взыскивать съ типографщика, то нѣтъ причинъ ограничиваться имъ однимъ. Эта непоследовательность французскаго законодательства объясняется именно тѣмъ, что правительство старается замаскировать карательными формами предупредительный элементъ своихъ дѣйствій. Правительство ненавидитъ самую свободу мысли; его тревожитъ самое безвредное проявленіе этой свободы; оно боится простыхъ выводовъ здравой логики, потому что его существованіе, его происхожденіе, его дѣйствія во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ этимъ простымъ выводамъ. Поэтому, правительство желаетъ обуздывать, а не наказывать. Ему важно, что бы мысль не распространилась въ обществѣ, а не то, чтобы мыслитель посядѣлъ въ тюрьмѣ или заплатилъ штрафъ. Процессъ, тюрьма, штрафъ—все это лишняя огласка, все это нарушаетъ дремоту общества, которую правительство старается поддержать во что бы то ни стало. Поэтому карательная система не удовлетворяетъ требованіямъ французскаго правительства. Возвратиться къ предупредительной системѣ оно какъ-то совѣстится; вѣроятно ему памятно то впечатлѣніе, которое постоянно производило на французское общество учрежденіе предупредительной цензуры; памятно и то обстоятельство, что Людовикъ-Филиппъ, вступая на престолъ, торжественно обѣщалъ націи, что цензура никогда не будетъ возстановлена. Сочувствуя въ глубинѣ души предупредительной системѣ и, между тѣмъ, не рѣшаясь привести ее въ дѣйствіе, правительство Наполеона III изобрѣло какую-то смѣшанную систему, чрезвычайно удобную для администраціи и невыносимо тяжелую для писателей. Выгоды чисто карательной системы заключаются для писателей въ томъ, что они, рискуя или жертвуя собою, могутъ пустить въ ходъ самую смѣлую идею. Выгоды чисто предупредительной системы заключаются также для писателей въ томъ, что они, по настоящему, ни за что не отвѣчаютъ и ничѣмъ не рискуютъ. Система Наполеона отнимаетъ у писателей выгоды обѣихъ системъ; писатель за все отвѣчаетъ и, не смотря на то, ничего не можетъ провести въ общество помимо воли

правительства. Было бы вовсе не удивительно, если бы французскіе писатели теперь попросили Наполеона учредить цензуру; тогда они по крайней мѣрѣ пользовались бы безнаказанностью и могли бы быть совершенно спокойны. Когда Прудонъ обратился къ генеральному прокурору съ просьбою о свидѣтельствѣ, удостоверяющемъ типографщика въ отсутствіи опасности, когда онъ, чтобы получить это свидѣтельство, соглашался ограничить количество экземпляровъ, смотря по желанію прокурора, тогда Прудонъ очевидно желалъ, чтобы прокуроръ, оберегая и успокоивая типографщика, принялъ на себя ту роль, которую при существованіи предупредительной цензуры играетъ цензоръ. Прокуроръ, какъ мы видѣли, отказался отъ этой роли; онъ сказалъ Прудону, что умываетъ руки въ его дѣлѣ, и сочиненіе Прудона осталось непечатаннымъ. Значитъ, цензура типографіи запретила книгу, а между тѣмъ и авторъ, и издатель, и прежній типографщикъ попали подъ судъ, подъ штрафъ и въ тюрьму.

Все это вовсе не доказываетъ превосходства предупредительной системы надъ карательной. Наша литература до сихъ поръ находилась въ невыгодныхъ условіяхъ; это сознавали всѣ наши честные писатели; въ этомъ убѣдилось и правительство, рѣшившееся сдѣлать существенныя преобразованія въ нашемъ законодательствѣ о печати. Занявшись составленіемъ новыхъ правилъ, правительство пригласило литературу заявить свое мнѣніе и освѣтить, по возможности, вопросъ историческимъ и сравнительнымъ обзоромъ законовъ о печати, существующихъ въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы. Мои три историческія статьи о печати во Франціи были вызваны этимъ приглашеніемъ. Историческая часть моего обзора окончена; читатель имѣетъ понятіе о положеніи французской прессы въ настоящее время; утомлять его вниманіе перечнемъ предостереженій, пріостановокъ, запрещеній—я считаю излишнимъ; это не усиливъ впечатлѣнія; теперь остается только сдѣлать практическій выводъ; остается сказать, какъ я смотрю на исторію французскаго законодательства о печати, какимъ законамъ я сочувствую, какіе законы было бы пріятно видѣть у насъ въ Россіи и испытывать на самомъ себѣ. Я очень хорошо знаю, что мой практическій выводъ на самомъ дѣлѣ не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, но я думаю, что каждый мыслящій и пишущій человекъ имѣетъ право сказать свое искреннее слово, когда рѣшается такое дѣло, отъ котораго будетъ зависеть во многихъ отношеніяхъ развитіе нашей литературы и движеніе нашей мысли.

Поэтому, я буду говорить безъ утайки: изъ всѣхъ законовъ, сѣненившихся во Франціи со времени первой реставраціи до нынѣшняго дня, нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы не скрывалась задняя мысль правительства, враждебная дѣйствительнымъ интересамъ національной мысли. Истинная терпимость остается совершенно неизвѣстною всѣмъ французскимъ правительствамъ, быстро слѣдовавшимъ другъ за другомъ. Каждое правительство наказываетъ литератора за его мысль; каждое правительство принимаетъ предосторожности противъ журналистики, какъ противъ враждебной партіи. Залоги и штемпельный сборъ придумываются для того, чтобы уменьшить число журналовъ, чтобы возвысить ихъ цѣну и чтобы, по возможности, не пропустить ихъ въ низшіе слои націи.

Распределение отвѣтственности между авторомъ, издателемъ, типографщикомъ и отвѣтственнымъ редакторомъ (если дѣло идетъ о журналь) имѣетъ цѣлью запугать пишущихъ людей; въ основаніи всѣхъ этихъ учреждений лежитъ глубокое недовѣріе къ литературѣ, а недовѣріе къ литературѣ равносильно недовѣрію ко всей мыслящей части націи. Изъ этого основнаго чувства развиваются всѣ стѣснительныя ухищренія, всѣ замысловатыя изобрѣтенія, всѣ систематическія искаженія существовавшихъ законовъ. Если правительство смотритъ на литературу, какъ на своего естественнаго и непримиримаго врага, тогда оно, конечно, извратитъ самые разумные законы и съумѣетъ уничтожить самыя непоколебимыя гарантіи. Если же правительство чувствуетъ себя способнымъ довѣряться честности писателей, если оно знаетъ, что здравый смыслъ и нравственное чувство читающей публики представляетъ самый надежный оплотъ противъ преднамѣренной клеветы или противъ легкомысленной болтовни писателей менѣе честныхъ или менѣе развитыхъ, тогда это правительство не нуждается въ особомъ законодательствѣ противъ печати. Во Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи не было такого правительства; за то въ теченіи шестидесяти лѣтъ не было ни одного счастливаго года ни для народа, ни для правительства. Правительство и нація ненавидѣли и боялись другъ друга; вслѣдствіе этого техническая часть управленія доведена до виртуозности; въ законодательствѣ все предусмотрено и опредѣлено; всѣ лазейки тщательно законопачены; вотъ почему французскіе законы печати могутъ показаться очень совершенными по своей внѣшней Technikѣ. На самомъ же дѣлѣ это мнимое совершенство указываетъ только на крайнюю напряженность отношеній, господствовавшихъ между законодателями и націею. Правительство въ каждой частицѣ

національной свободы видѣла только поводъ къ злоупотребленіямъ; нація въ каждомъ распоряженіи административной или законодательной власти видѣла только попытку отнять у нея какія нибудь права. Правительство съ боязливымъ вниманіемъ предусматривало и оговаривало всѣ возможные случаи нарушенія закона; каждому изъ этихъ нарушеній была назначена своя такса, по возможности высокая; каждый законъ о печати заключалъ въ себѣ подробный преискурантъ преступленій и проступковъ. Нація поневолѣ должна была искать возможности ускользнуть отъ закона, вывернуться изъ частыхъ петель этой юридической сѣти. Законы были такъ составлены, что остаться правымъ передъ ними и быть въ то же время честнымъ и умнымъ писателемъ было невозможно; оставалось только грѣшить и не попадаться, шарушать законъ и избѣгать наказанія.

Очень понятно, что такому неестественному положенію дѣлъ сочувствовать невозможно. Поэтому повторяю еще разъ, что насъ не удовлетворяетъ ни одна фаза французскаго законодательства по дѣламъ печати. Если же изъ многихъ золъ выбрать меньшее, тогда, конечно, придется отдать предпочтеніе законамъ 1819 года. По этимъ законамъ литературныя преступленія судились судомъ присяжныхъ; административныхъ мѣръ и вѣдѣтельства администраціи въ ходъ процесса не было; наказанія ограничивались штрафами и тюремными заключеніями; мріостановокъ и запрещеній не полагалось; залогъ считался необходимымъ для изданія журнала, и это обстоятельство было, конечно, важнымъ неудобствомъ и сильнымъ тормозомъ въ развитіи журналистики; требованіе залога оправдывается въ законѣ тѣмъ аргументомъ, что правительству необходимо обезпечить исправную уплату налагаемыхъ штрафовъ. Этотъ аргументъ оказывается несостоятельнымъ предлогомъ; обезпеченіемъ для правительства можетъ служить личность редактора и весь основной фондъ журнала; кто приступаетъ къ изданію журнала, тотъ, конечно, имѣетъ капиталъ и самъ имѣетъ съ этимъ капиталомъ находится въ рукахъ правительства. Зачѣмъ же еще ослаблять этотъ капиталъ, отбирая часть его въ государственное казначейство? Отвѣтъ не заставитъ себя ждать: затѣмъ, чтобы только богатые люди, которые по самому своему положенію расположены быть консерваторами, могли предпринимать изданіе журнала. Въ требованіи залога проглядываетъ та глубокая неискренность французскаго правительства, которая проходитъ чрезъ всѣ его законодательныя мѣры, касающіяся прессы. Въ законахъ 1819 года есть

такія черты, которымъ невозможно сочувствовать, но при всемъ томъ они оказываются сносѣе предъидущихъ и послѣдующихъ положеній.

Къ сожалѣнію, эти законы не долго продержались въ полной чистотѣ своей. Насильственная смерть герцога беррійскаго воскресила предупредительную цензуру, усилила мѣры строгости и увеличила количество преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ законамъ. Положеніе прессы сдѣлалось немного легче послѣ 1830 года; первое пятилѣтіе царствованія Людовика-Филиппа было, можетъ быть, самою свѣтлою полосою въ исторіи французской журналистики нынѣшняго столѣтія. Предупредительныхъ мѣръ не было; литературныя преступленія судились присяжными; коронные чиновники отличались, правда, особенною ревностью въ преслѣдованіи отдѣльныхъ выраженій и неприязненныхъ тенденцій, но правительство не нарушало естественнаго хода правосудія; присяжные по совѣсти объявляли писателей виновными или невинными; учрежденія были чисто карательныя, и правительство довольствовалось штрафами и тюремными заключеніями, не прибѣгая къ приостановкамъ и запрещеніямъ. 1835 годъ ознаменованъ усиленіемъ строгости; залоговъ значительно повысились; штрафы и тюремныя заключенія возрасли до громадной цѣны; кромѣ того, судьи получили право приостанавливать изданія на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Какъ только явились приостановки, такъ законодательство перестало быть чисто карательнымъ. Цѣль приостановокъ заключается въ томъ, чтобы ослабить дѣйствіе журнала, который правительству признаетъ опаснымъ. Ослаблять дѣйствіе журнала, значитъ отнимать у его сотрудниковъ возможность высказывать передъ читающимъ обществомъ свои идеи; отнимать у кого бы то ни было возможность высказываться, значитъ предупреждать то преступленіе, которое онъ можетъ сдѣлать, а не наказывать преступленіе уже сдѣланное. Если правительство опредѣляетъ за литературное преступленіе огромный штрафъ, тяжелое тюремное заключеніе, даже смертную казнь, то оно все еще остается въ предѣлахъ карательной системы; если же оно старается отнять у гражданина возможность писать и печатать, тогда оно начинаетъ предупреждать, и косвеннымъ образомъ восстанавливаетъ цензуру.

Революція 1848 года принесла печати очень мало пользы; свобода журналистики была очень непродолжительна; уже съ августа 1848 года возобновлены залогов; потомъ стѣсненія идутъ постоянно *crescendo* и наконецъ достигаютъ своего апогея въ началѣ 1852 г., въ день изданія знаменитаго органическаго декрета. Съ этой минуты

нечего и говорить о свободѣ печати во Франціи; пресса оказывается безусловно подчиненною благоусмотрѣнію полицейской власти; журналы приостанавливаются и запрещаются, книги захватываются и конфискуются безъ суда; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда правительство считаетъ нужнымъ, для виду, подвергнуть суду провинившагося литератора,—его судятъ не присяжные, а коронные судья. Стало быть, о гарантіяхъ для личности и собственности писателя нечего и толковать. Съ мыслителемъ, старающимся добраться до истины, обращаются во Франціи, по выраженію Прудона, какъ съ уличнымъ буяномъ, нарушающимъ общественный порядокъ. Его судятъ въ полицейскомъ судѣ, безъ присяжныхъ, безъ обнародованія процесса. Подвергаясь осужденію, онъ увлекаетъ за собою въ бѣду несчастнаго издателя и совершенно невиннаго типографщика. Терпя гоненіе за чужую мысль, издатель и типографщикъ по неволѣ начинаютъ присматривать за писателемъ и останавливать тѣ проявленія его идеи, которыя кажутся имъ черезъ-чуръ сильными для нашего извѣтшеннаго вѣка. Знаменитый поэтъ, талаптливыи ученый, смѣлый публицистъ попадаютъ въ зависимость, подъ руководство двухъ трусливыхъ лавочниковъ, неимѣющихъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ книгѣ. Читающая публика беретъ въ руки произведеніе Эрнеста Ренана, Жана Мишле, П. Ж. Прудона и не знаетъ, что эти извѣстные ученые имѣли каждый по два непростыхъ и очень мало извѣстныхъ сотрудника. Это мѣсто надо смягчить, говорилъ какой нибудь книгопродавецъ Гарнье или Дидье; это мысль слишкомъ смѣлая, замѣчалъ типографщикъ, котораго фамилію вѣроятно и не слыхала публика. Писатель пожинаетъ плечами, спорить, злится, и все-таки уступаетъ; Ренанъ, Мишле, Прудонъ повинуются простому типографщику, и повинуются не въ выборѣ шрифта, а въ изложеніи своихъ любимыхъ идей, своихъ задушевныхъ убѣжденій.

Да, намъ не въ чемъ позавидовать французскимъ писателямъ. Заимствовать намъ что нибудь изъ теперешнихъ французскихъ законовъ о печати значило бы убить въ самомъ зародышѣ нашу формирующуюся мысль, нашу пробуждающуюся энергію, наши молодые силы, которыя мы съ радостью собираемся истратить для общаго блага нашихъ соотечественниковъ.

И. РАГОДИНЪ.

Ровоамъ.

Прахъ владыки въ Сіонѣ царившаго,
Окадивъ, облекли въ плащаницу —
И стenanья исполнился храмъ.
И рыдая, отца опочившаго
Въ благолѣпную предковъ гробницу
Положилъ сынъ и царь Ровоамъ.

А на утро, въ народномъ собраніи,
Растворилась въ Сихемѣ палата,
Чуть зардѣлася въ небѣ заря —
Ибо вызвалъ народъ изъ изгнанія
Осужденнаго сына Навата (*)
И предсталъ съ нимъ на судъ предъ царя.

«Нестерпимо намъ иго жестокое
И насилье царя Соломона!»
Ровоаму народъ возглашалъ:
«О, яви ты намъ царство высокое,
Дай намъ правду благаго закона —
И ликуй средь народныхъ похвалъ!»

(*) Сыномъ Навата библія называетъ Геровоама. См Паралипоменонъ кн. II, гл. 9, 10.

И въ чертоги отъ взоръ укриты
 Тайно звалъ онъ старшинъ отъ народа,—
 И покорно властителю вновь,
 Тамъ повѣдали старцы маститые:
 «Царь! народу—законъ и свобода.
 А тебѣ—и хвала, и любовь!»

Но отвергнувъ онъ думы разумныя
 И призвалъ на совѣтъ и трапезу
 Всѣхъ любимцевъ своихъ молодыхъ;—
 И вопили состоянники шумные:
 «Обреки ихъ бичу и желѣзу
 И казни, чтобъ ихъ ропотъ затихъ!

«И собранью вѣщай своевольному:
 «Царь даруетъ вамъ правду въ законахъ.
 Правду свыше—отъ узъ и бича:
 Не звучать при ней слову крамольному!
 Царскій бичъ о семи скорпіонахъ
 Бьетъ ослушниковъ на смерть, съ плеча!»

Царь вѣщаль...

Но подъ серпъ нечестиваго
 Хотъ склонился народъ какъ солома,
 Только серпъ пополамъ пересѣкъ.
 Царь! ты трупъ безъ народа счастливаго!
 Знай: съ тѣхъ поръ отъ Давидова дома
 Отложился Израиль на-вѣкъ.

ВСЕВ. КРЕСТОВСКІЙ.

ПРИБЛЮЧЕНІЯ ФИЛИППА

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЕЯ.

ГЛАВА XIX.

QU'ON EST BIEN À VINGT ANS.

Времена, о которыхъ мы пишемъ, тѣ времена, когда Луи Филиппъ былъ королемъ, такъ были не похожи на нынѣшнія, что когда Филиппъ Фэрминъ отправился въ Парижъ, тамъ рѣшительно было дешево жить и Филиппъ жилъ очень хорошо по своимъ небольшимъ средствамъ. Филиппъ клянется, что это время было самымъ счастливейшимъ въ его жизни. Онъ рассказывалъ впоследствии о своихъ избранныхъ знакомствахъ. Онъ познакомился съ удивительными медицинскими студентами, съ художниками, которымъ недоставало только таланта и трудолюбія, чтобъ стать во главѣ своей профессіи, съ двумя, тремя магнатами его собственной профессіи, газетными корреспондентами, домъ и столъ которыхъ были открыты для него. Удивительно, какія политическія тайны узнавалъ онъ и передавалъ въ своей газетѣ. Онъ преслѣдовалъ политиковъ того времени съ изумительнымъ краснорѣчіемъ и пыломъ. Старого короля осматривалъ онъ неподобными остротами и сарказмами.

Онъ разсуждалъ о дѣлахъ Европы, рѣшалъ судьбу Франціи, напа-

далъ на испанскія бракосочетанія, распорядился папою съ неутомимымъ краснорѣчіемъ.

— Полынная водка была моимъ напиткомъ, сэръ, рассказывалъ онъ своимъ друзьямъ. Она сообщаетъ чудное краснорѣчіе слогу. Господи, какъ я отдѣлывалъ этого бѣднаго французскаго короля подъ вліяніемъ полынной водки, въ кофейной напротивъ биржи, гдѣ я обыкновенно сочинялъ мое письмо! Кто знаетъ, сэръ, можетъ быть вліяніе этихъ писемъ ускорило паденіе бурбонской династіи! Мы съ Гиллиганомъ, корреспондентомъ *Вьжа*, писали наши письма въ этой кофейной и дружелюбно вели журнальную полемику.

Гиллиганъ, корреспондентъ *Вьжа*, и Ферминъ, корреспондентъ *Пэль-Мэльской Газеты* были однако весьма маловажными особами среди корреспондентовъ лондонскихъ газетъ. Старшины ихъ въ современной прессѣ занимали прекрасныя квартиры, давали великолѣпныя обѣды, бывали принимаемы въ кабинетахъ министровъ и обѣдали у членовъ палаты депутатовъ. На Филиппа совершенно двояльнаго самимъ собою и свѣтомъ, на Филиппа друга и родственника лорда Рингуда, смотрѣли его старшины и начальники милостивымъ окомъ, которое обращалось не на всѣхъ джентльменовъ его профессіи. Бѣднаго Гиллигана никогда не приглашали на обѣды, которые давали эти газетныя посланники, между тѣмъ какъ Филиппъ принимался гостеприимно.

— У этого Фермина такой видъ, съ которымъ онъ пройдетъ вездѣ! признавался товарищъ Филя. Онъ какъ будто покровительствуетъ посланнику, когда подходитъ говорить съ нимъ.

Я не думаю, чтобы Филиппъ удивился, еслибы министръ подошелъ говорить съ нимъ. Для него всѣ люди были равны—и знатные, и ничтожные, и рассказываютъ, что когда лордъ Рингудъ сдѣлалъ ему визитъ въ его квартиру, Филиппъ любезно предложилъ его сіятельству жаренаго картофеля, которымъ съ весьма обильнымъ количествомъ табаку, разумѣется, Филиппъ угощалъ себя и двухъ, трехъ друзей, когда лордъ Рингудъ заѣхалъ къ своему родственнику.

Неужели Филиппъ не могъ отыскать для себя ничего лучше замѣтій въ еженедѣльной газетѣ? Нѣкоторые друзья его досадовали на то, что Филиппъ считалъ счастьемъ для себя.

Газетный корреспондентъ всю жизнь остается газетнымъ корреспондентомъ, а Филиппъ имѣлъ друзей въ свѣтѣ, которые, еслибы онъ захотѣлъ, могли помочь проложить ему дорогу. Такъ мы убѣждали его, какъ будто какія бы то ни было убѣжденія могли тронуть этого упряма, который привыкъ потворствовать самому себѣ!

«Меня нисколько не удивляетъ—писалъ Филиппъ къ своему біографу—что вы думаете о деньгахъ. Вы имѣли то проклятое несчастье,

которое разрушаетъ все великодушіе, поражаетъ эгоизмъ — небольшое состояніе. Вы получаете по третямъ нѣсколько сотъ фунтовъ и это жалкое содержаніе портитъ всю вашу жизнь. Оно мѣшаетъ свободѣ мысли и поступковъ. Это дѣлаетъ скрягой человѣка, который не лишень великодушныхъ побужденій, какъ миѣ извѣстно, мой бѣдный, старый Гарпагонъ: потому что не предлагали ли вы миѣ своего кошелька. Говорю вамъ, меня тошнитъ при мысли о томъ, какъ люди въ Лондонѣ, особенно добрые люди, думаютъ о деньгахъ. Вы проживаете ровно столько, сколько позволяетъ вамъ доходъ. Вы жалко бѣдны. Вы хвастаетесь и льстите себя мыслью, что вы никому не должны; но у васъ есть кредиторы своего рода такіе же ненасытные, какъ любые ростовщики. Вы называете меня безпечнымъ, мотомъ, лѣнтяемъ, потому что я живу въ одной комнатѣ, работаю такъ мало, какъ только могу, и хожу въ дырявыхъ сапогахъ: а вы льстите себя мыслью, что вы осторожны, потому что занимаете цѣлый домъ, имѣете ливрейнаго лакея, и даете съ полдюжины обѣдовъ въ годъ! Несчастный человѣкъ! Вы невольникъ, а не человѣкъ. Вы нищій, хотя живете въ хорошемъ домѣ и носите хорошее платье. Вы такъ жалко благоразумны, что тратите для себя всѣ ваши деньги. Вы боитесь нанять извозчика. Куча безполезныхъ слугъ—ваши безжалостные кредиторы, которымъ вы каждый день должны платить страшные проценты... Меня, съ дырявыми локтями, обѣдающаго за одинъ шиллингъ, называютъ сумасброднымъ, лѣнивымъ, беззаботнымъ, я ужъ не знаю чѣмъ; между тѣмъ какъ вы считаете себя благоразумнымъ. Какая жалкая, обманчивая мечта! Вы бросаете кучу денегъ на безполезные предметы, на безполезныхъ горничныхъ, на безполезную квартиру, на безполезное щегольство и говорите: «бѣдный Филь! Какой онъ лѣнтяй! какъ онъ безполезно тратитъ время! Какимъ жалкимъ, безславнымъ образомъ онъ живетъ!» Бѣдный Филь также богатъ, какъ и вы, потому что ему достаточно его средствъ и онъ доволенъ. Бѣдный Филь можетъ лѣниться, а вы не можете. Вы должны трудиться, чтобы содержать этого долговязаго лакея, эту поджарую пухарку, эту кучу болтливыхъ нянекъ и мало ли еще чего. И если вы желаете покоряться рабству и униженію, которыя неразлучны съ вашимъ положеніемъ, — пересчитывать огарки, что вы называете порядкомъ — я сожалею о васъ и не ссорюсь съ вами. Но я желалъ бы, чтобы вы не были такъ нетерпимо добродѣтельны, не такъ спѣшили порицать меня и сожалѣть обо мнѣ. Если я счастливъ, къ чему же вамъ беспокоиться? А если я предпочитаю независимость и дырявые сапоги, не лучше ли это чѣмъ поддаваться гнету вашихъ отвратительныхъ условныхъ приличій и быть лишены свободы дѣйствія? Я

*

жалѣю о васъ отъ всего моего сердца, и мнѣ прискорбно думать, что эти прекрасныя, честныя дѣти—чистосердечныя и откровенныя пока—должны лишиться своихъ природныхъ добрыхъ качествъ по милости ихъ тщеславныхъ отцевъ. Не говорите мнѣ о свѣтѣ—я знаю его. Взгляните-ка на моихъ жалкихъ родственниковъ. Взгляните на моего отца. Я получилъ отъ него письмо, заключающее тѣ ужасныя совѣты, которые подають фарисеи. Еслибы не для Лоры и дѣтей, сэръ, я искренно желалъ бы, чтобы вы разорились, какъ любящій васъ Ф. Ф.

PS. О! Пенъ, я такъ счастливъ! Она такая милочка! Я омываюсь ея невинностью, сэръ! Я укрѣпляюсь ея чистотою. Я преклоняю колѣна передъ ея кроткой добротою. Я выхожу изъ моей комнаты и вижу ее каждое утро до семи часовъ. Она любитъ васъ и Лору. И вы любите ее. И когда я подумаю, что полгода тому назадъ, я чуть было не женился на женщинѣ безъ сердца... Ну, сэръ, слава Богу, что мой бѣдный отецъ истратилъ мои деньги и избавилъ меня отъ этой ужасной участи! Лордъ Рингудъ говоритъ, что я счастливо отдѣлался. Онъ называетъ людей англо-саксонскими именами и употребляетъ очень сильныя выраженія; и о тетускѣ Тунсендъ, о дядѣ Тунсендѣ, о дочеряхъ ихъ и о сынѣ онъ говоритъ такъ, что я вижу, какъ вѣрно осудилъ онъ ихъ.

PS. № 2. Ахъ, Пенъ, какая она милочка! Мнѣ кажется я самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ!»!

Вотъ чтò вышло изъ разоренія! Шалунъ, который, когда у него въ карманѣ было много денегъ, былъ запальчивъ, повлительнъ, недоволенъ, теперь, когда у него нѣтъ и двухъ пенсовъ за душу, объявляетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ! Помнишь, моя милая, какъ онъ ворчалъ на наше бордосское и какія дѣлалъ гримасы, когда за обѣдомъ у насъ было только холодное мясо? Шалунъ теперь совершенно доволенъ хлѣбомъ и сыромъ и сладенькимъ пивомъ—даже такимъ дурнымъ, какое продають въ Парижѣ!

Въ это время я увидался съ другомъ Филиппа, Сестрицею. Онъ писалъ къ ней время отъ времени. Онъ ей сообщалъ о своей любви къ миссъ Шарлоттѣ, и мы съ женою утѣшили Каролину, увѣреніемъ, что на этотъ разъ сердце молодого человѣка было отдано достойной владычицѣ. Я говорю *утѣшили*, потому что это извѣстіе было печально для нея. Въ маленькой комнаткѣ, которую она всегда держала на-готовѣ для него, онъ будетъ проводить безсонныя ночи и думать о той, кто для него дороже сотни бѣдныхъ Каролинъ. Она хотѣла придумать что нибудь пріятное для молодой дѣвушки. На Рождество миссъ Бэйнисъ получила чудно вышитый батистовый носовой платокъ, на

углу красовалось «Шарлотта». Это была лепта любви и нежности бѣдной вдовы.

Вы, разумѣется, понимаете, почему Филиппъ былъ счастливѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ. Французы встаютъ рано. Въ той маленькой гостиницѣ, гдѣ жилъ Филиппъ, весь домъ вставалъ въ такіе часы, когда лѣнивые англійскіе господа и слуги и не думали еще подниматься. Ранехонько Филю подавалась чашка кофе съ молокомъ и хлѣбомъ, а потомъ онъ отправлялся въ Елисейскія поля, дымъ его сигары предшествовалъ ему пріятнымъ запахомъ. Въ тѣнистыхъ рощахъ, гдѣ фонтанъ брызжетъ брильянтами къ небу, Филиппъ встрѣчался съ одною особою, съ которою иногда шли маленькій братъ или сестра. Румянецъ вспыхивалъ на ея щекахъ, и лицо сіяло нежною улыбкой, когда она подходила здороваться съ нимъ, потому что едва ли ангелы были чище этой молодой дѣвушки. Она и не помышляла объ опасности. Работники шли къ своимъ работамъ, дэнди спали; и, принимая въ соображеніе ихъ лѣта и взаимныя ихъ отношенія, я не удивляюсь, что Филиппъ называлъ это счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни. Впослѣдствіи, когда обомъ пожилымъ джентльменамъ случилось вмѣстѣ быть въ Парижѣ, мистеръ Филиппъ Фарминъ настойчиво потащилъ меня на сантиментальную прогулку въ Елисейскія поля, я, смотря на старый домъ, на довольно ветхій старый домъ въ саду, сказалъ со вздохомъ:

— Вотъ это мѣсто! Тутъ жила баронесса Смоленская. Вотъ это окно, третье, съ зеленой жалюзи. Ахъ, сэръ, какъ я былъ счастливъ и несчастливъ за этой зеленой сторой!

И мой другъ погрозилъ кулакомъ на ветхій домъ, откуда давно исчезли баронесса Смоленская и ея жильцы.

Я боюсь, что баронесса затѣяла свое предпріятіе съ недостаточнымъ капиталомъ или вела его съ такою щедростью, что ея барыши поглощались ея жильцами. Я могу рассказать ужасныя исторіи, оскорбляющія нравственный характеръ баронессы. Говорили, будто она не имѣла права на званіе баронессы и на иностранную фамилію Смоленской. Еще живы люди, знавшіе ее подъ другимъ именемъ. Баронесса была что называется красивою женщиною, особенно за обѣдомъ, гдѣ она являлась въ черномъ атласномъ платьѣ и съ разрумяненными щеками. Въ утреннемъ же пеньюарѣ она вовсе не была красива. Контуры круглыя вечеромъ, по утрамъ бывали угловаты и худощавы. Розы процвѣтали только за полчаса до обѣда на щекахъ совершенно желтыхъ до пяти часовъ. Я нахожу, что со стороны пожилыхъ особъ, имѣющихъ дурной цвѣтъ лица, скрывать опустошенія времени и представлять глазамъ нашимъ румяное и пріятное лицо — знакъ большой

доброты. Станете ли вы осориться съ своимъ сосѣдомъ, что онъ украситъ передній фасадъ своего дома или поставитъ розы на балконѣ? Вы скорѣе будете признательны ему за это украшеніе. Передній фасадъ мадамъ Смоленской украшался такимъ же образомъ къ обѣду.

Филиппъ говорилъ, что онъ уважалъ эту женщину и удивлялся ей,—она дѣйствительно была достойна уваженія въ своемъ родѣ. Она расписывала свое лицо и улыбалась, между тѣмъ какъ заботы гримаш ей сердце. Она должна была ласкать молочницу, смягчать продавца масла, уговаривать виноторговца, выдумывать новые предлоги для хозяина дома, мирить своихъ жилищъ, генеральшу Бейнисъ съ мистриссъ Больдеро, которая вѣчно ссорилась, заботиться, чтобы обѣдъ былъ приготовленъ хорошо, чтобы Франсоа, которому она уже нѣсколько мѣсяцевъ не отдавала жалованья, не напился или не нагрубилъ, чтобы Огюстъ, также ея кредиторъ, вымылъ чисто стаканы и приготовилъ лампы, а послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, въ шесть часовъ разрѣзывать кушанье и быть любезной за столомъ, не слышать ворчанья недовольныхъ (за какимъ табльд'отъ не бываетъ ворчуновъ?), разговаривать со всѣми, улыбаться мистриссъ Бейчъ, сдѣлать замѣчаніе полковнику, сказать вѣжливую фразу генеральшѣ и даже похвалить наудача Огюста, который какъ разъ передъ обѣдомъ взбунтовался на счетъ своего жалованья.

Развѣ это не довольно трудовъ для женщины? Вести хозяйство безъ достаточныхъ средствъ? Смѣяться и шутить безъ малѣйшей веселости? Принимать насмѣшки, брань, выговоры, дерзость съ веселымъ добродушіемъ и ложиться въ постель усталой и думать о цифрахъ?

— Мой бѣдный отецъ долженъ былъ скрывать настоящее положеніе своихъ дѣлъ, говаривалъ Филь, рассказывая впоследствии эти вещи, но какъ? Вы знаете, у него всегда былъ такой видъ, какъ будто его хотятъ повѣсить.

А баронесса Смоленская была превеселая всегда.

— Позвольте узнать, кто такой былъ москѣ Смоленскій? спросила одна простодушная дама, слушавшая рассказъ нашего друга.

— Ахъ, порядочная была суматоха въ домѣ, когда былъ предложенъ *этотъ* вопросъ, сказалъ другъ нашъ, смѣясь.

Да и какое дѣло вамъ и мнѣ, до этой исторіи,—кто такой былъ Смоленскій?

Когда Бейнисы поселились въ ея домѣ, Смоленская и все вокругъ ея улыбалось. У ней жило много индійцевъ; она ихъ обожала. N'était-ce la polygamie — индійцы были самые почтенные люди. Въ особенности она обожала индійскія шали. Шаль генеральши была восхитительна. Общество, жившее у баронессы, было преприятное. Мист-

риссъ Больдеро была женщина свѣтская, жившая въ лучшемъ кругу, — это было видно сейчасъ. Дуэты ея дочерей были поразительны. Мистеръ Больдеро охотился въ Шотландіи у своего брата, лорда Стронгитарма. Мистриссъ Бэйнисъ не знала Лэди Эстриджъ, посланницу? Когда Эстриджи воротятся изъ Шантильи, мистриссъ Больдеро съ радостью представитъ ее.

— Вашу хорошенькую дочь зовутъ Шарлоттой? Дочь лэди Эстриджъ также зовутъ—она почти такого же роста. Хорошенькія дочери у Эстриджей; прекрасныя длинныя шеи, ноги большія, но у вашей дочери, лэди Бэйнисъ, прехорошенькая нога. Я сказала лэди Бэйнисъ? Ну, вы скоро будете лэди Бэйнисъ. Генераль долженъ быть кавалеромъ ордена Подвязки послѣ своихъ услугъ. Какъ, вы знаете лорда Трито? Онъ долженъ сдѣлать это для васъ. А то братъ мой Стронгитермъ сдѣлаетъ.

Я не сомнѣваюсь, что мистриссъ Бэйнисъ была въ восхищеніи отъ внимательности сестры Стронгитарма. Дочери мистриссъ Больдеро, Минна и Бренда, играли сонаты на фортепьяно, которое было порядочно разбито ихъ упражненіями, потому что руки у молодыхъ дѣвушекъ были очень сильныя. Баронесса говорила имъ «благодарю» съ самою милою улыбкой, а Огюсть подавалъ на серебряномъ подносѣ—я говорю серебряномъ, чтобы не оскорбить приличія—бѣлый напитокъ, который заставлялъ мальчиковъ Бэйнисъ вскричать:

— Чтѣ это за противное питье, мамѣ?

А баронесса съ нѣжною улыбкой обратилась къ обществу и сказала:

— Эти милыя дѣти любятъ оржадъ! и продолжала играть въ пикетъ съ старымъ Бидоа—этимъ страннымъ старикомъ въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ красной лентой, который такъ много нюхалъ табуку и сморкался такъ часто и такъ громко.

Минна и Бренда играли сонаты. Мистеръ Клэнси, изъ Дублина, перевертывалъ ноты, а потомъ дамы уговорили его пропѣть ирландскія мелодіи. Я не думаю, чтобы миссъ Шарлотта Бэйнисъ внимательно слушала эту музыку. Она слушала другую музыку, которой она занималась вмѣстѣ съ мистеромъ Ферминоу. О, какъ пріятна была эта музыка! Она была довольно однообразна, но все-таки было пріятно слышать эту арію.

Пожавъ сперва маленькую ручку, а потомъ руку папѣ и мамѣ, Фидиппъ отправляется по темнымъ Елисейскимъ полямъ на свою квартиру въ Сеяъ-Жерменское предмѣстье.—Позвольте... какой это свѣтящійся червячокъ сіяетъ у стѣны напротивъ дома баронессы? свѣтящійся червячокъ,

издающій ароматическій запахъ. Миѣ кажется, это сигара мистера Филиппа. Онъ смотритъ, смотритъ на окно, мимо котораго время отъ времени мелькаетъ стройная фигура. Темнота падаетъ на маленькое окно. Нѣжные глаза закрылись. Звѣзды сіяютъ на небѣ, и мистеръ Ферминъ отправляется домой, разговаривая самъ съ собою и макая большой палкой.

Желалъ бы я, чтобы бѣдная баронесса могла спать также хорошо какъ и ея жильцы. Но забота съ холодною ногою пробирается подъ одѣяло и говорить:

— Вотъ и я! Вы знаете, что завтра счету срокъ.

Ахъ, ага сига (черная забота) неужели ты не можешь оставить бѣдняжку въ покоѣ? Развѣ у ней мало было трудовъ цѣлый день.

ГЛАВА XX.

Потокъ истинной любви.

Мы просимъ любезнаго читателя вспомнить, что мистеръ Филиппъ былъ занятъ въ Парижѣ только корреспонденціей въ еженедѣльную газету, и что, слѣдовательно, у него было очень много свободного времени. Онъ могъ пересматривать положеніе Европы, описывать послѣднія новости изъ салоновъ, сообщаемыя ему, я полагаю, какими нибудь писаками-товарищами, присутствовать во всѣхъ театрахъ посредствомъ депутатовъ и громить Луи-Филиппа или Гизо и Тьера въ весьма краснорѣчивыхъ параграфахъ, которые стоили небольшихъ трудовъ этому смѣлому и быстрому перу. Полезною, но унизительною мыслью должно было быть для великихъ и ученыхъ публицистовъ, что ихъ краснорѣчивыя проповѣди годятся только для настоящаго дня и что прочтя, что философы говорятъ во вторникъ или въ среду, мы уже болѣе не думаемъ о ихъ вчерашнихъ проповѣдяхъ.

— Однако были мои письма—говорилъ впоследствии мистеръ Филиппъ—которыя, какъ миѣ казалось, свѣтъ неохотно бы забылъ. Я хотѣлъ перепечатать ихъ въ одномъ томѣ, но не нашелъ ни одного издателя, который рѣшился бы на этотъ рискъ. Одно любящее существо, воображающее, будто во всемъ, что я говорю или пишу, есть гениальность, уговаривала меня перепечатать письма, которыя я писалъ въ *Паль-Мэльской Газету*; но я былъ слишкомъ робокъ,

или она, можетъ быть, слишкомъ снисходительна. Эти письма никогда не были перепечатаны. Пусть они забудутся.

И они были забыты. Онъ вздыхаетъ, упоминая объ этомъ обстоятельстве; и, мнѣ кажется, старается убѣдить себя, скорѣе чѣмъ другихъ, что онъ непривзванный гений.

— Притомъ, знаете,—убѣждалъ онъ—я былъ влюбленъ, сэръ, и проводилъ всѣ мои дни у ногъ Омфалы. Я не отдавалъ справедливости моимъ способностямъ. Если бы я писалъ для ежедневной газеты, я думаю, что изъ меня вышелъ бы хорошій публицистъ; во мнѣ были всѣ задатки, сэръ, всѣ задатки!

А дѣло въ томъ, что если бы онъ писалъ въ ежедневную газету и имѣлъ въ десять разъ болѣе работы, то мистеръ Филиппъ все-таки нашелъ бы возможность слѣдовать своей наклонности, какъ онъ дѣлалъ это всю жизнь. Кого молодой человѣкъ желаетъ видѣть, того онъ видитъ.

Филиппъ сдѣлалъ много жертвъ, замѣьте—много жертвъ, на которыхъ не всѣ мужчины имѣютъ способность. Когда лордъ Рингудъ былъ въ Парижѣ, онъ три раза отказался обѣдать съ его сіятельствомъ, пока наконецъ этотъ вельможа не догадался въ чемъ дѣло—и сказалъ:

— Ну, юноша, я полагаю, вы бываете тамъ, гдѣ привлекательнѣе для васъ. Когда вы доживете лѣтъ до восьмидесяти, мой милый, вы узнаете всю суету подобныхъ вещей, и найдете, что хорошій обѣдъ и лучше, и дешевле лучшей изъ нихъ.

Когда богатые университетскіе друзья встрѣчались съ Филиппомъ въ его изгнаніи и приглашали его въ Rocher или къ Trois Frères, онъ уклонялся отъ этихъ банкетовъ; а отъ двухсмысленныхъ собесѣдницъ, которыхъ молодые люди иногда приглашаютъ на эти пиршества, Филиппъ отвертывался съ презрѣніемъ и гнѣвомъ. Онъ былъ добродѣтеленъ и громко хвастался своею добродѣтью. Онъ надѣялся, что Шарлотта оцѣнитъ это и рассказывала ей о своемъ самоотверженіи. А она вѣрила всему что онъ говорилъ, восхищалась всѣмъ что онъ писалъ, списывала его статьи изъ *Пэль-Мэльской Газеты*, хранила его поэмы въ своихъ заветныхъ ящикахъ.

По моимъ прежнимъ замѣчаніямъ о мистриссъ Бейнисъ, читателю уже извѣстно, что жена генерала имѣла также свои недостатки какъ и всѣ ея ближніе, и уже откровенно сообщивъ публикѣ, что писатель и его семейство не пользовались расположеніемъ этой дамы, я теперь буду имѣть пріятную обязанность сообщить мое личное мнѣніе о ней. Генеральша Бейнисъ вставала рано. Она была женщина воздержная, любила своихъ дѣтей или, лучше, заботилась,

чтобы имъ было хорошо,—и тутъ кажется каталогъ ея хорошихъ качествъ и кончается. У ней былъ дурной, запальчивый характеръ, наружность непрятная; одѣвалась она съ самымъ дурнымъ вкусомъ; голосъ имѣла пронзительный, и обращеніе двухъ родовъ: почтительное и покровительственное и оба одинаково противныя. Когда она приказала Бэйнису жениться на ней, великій Боже! зачѣмъ онъ не бѣжалъ? Кто осмѣлился первый сказать, что браки устраиваются на небесахъ? Мы знаемъ, что въ нихъ бываютъ не только ошибки, но и обманъ. Развѣ не каждый день случаются ошибки?

Я не думаю, чтобы бѣдный генералъ Бэйнисъ сознавалъ свое положеніе, или зналъ какое право имѣлъ онъ считать себя несчастнымъ. Онъ бывалъ веселъ иногда; человѣкъ молчаливый, онъ любилъ поиграть въ вистъ, любилъ выпить рюмку вина; это былъ человѣкъ очень слабый въ обыденной жизни, въ чемъ должны были сознаться лучшіе его друзья, но я слышалъ, что въ сраженіи это былъ настоящій тигръ.

— Я знаю ваше мнѣніе о генералѣ—говаривалъ мнѣ Филь—вы презираете мужчинъ, которые не обижаютъ своихъ женъ; да, вы презираете, сэръ! Вы считаете генерала слабымъ, знаю, знаю. И другіе храбрые мужчины бываютъ слабы съ женщинами, навѣрно вы объ этомъ слышали. Этотъ человѣкъ, столь слабый дома, былъ храбръ на войнѣ; и въ его вѣгвамѣ висятъ волосы безчисленныхъ враговъ.

Журнальныя дѣла приводили иногда Филиппа въ Лондонъ, и, кажется, во время одного изъ его пріѣздовъ имѣли мы этотъ разговоръ о генералѣ Бэйнисѣ. И въ то же время Филиппъ описывалъ намъ домъ, въ которомъ жили Бэйнисы, жильцовъ, хозяйку и все, что тамъ происходило.

Этой борющейся съ обстоятельствами хозяйкѣ, также какъ и всѣмъ страдающимъ женщинамъ, другъ нашъ очень сочувствовалъ и очень ихъ любилъ, а она платила за доброту Филиппа ласковостью къ мадамозелль Шарлоттѣ и снисходительностью къ женѣ генерала и другимъ его дѣтямъ. Апетитъ этихъ малютокъ былъ ужасенъ, а характеръ генеральши почти нестерпимъ, но Шарлотта была ангелъ, а генералъ—баранъ—настоящій баранъ. Ея родной отецъ былъ такой же. Храбрые часто бываютъ баранами дома. Я подозреваю, что хотя баронесса могла имѣть мало прибыли отъ семейства генерала, все-таки его мѣсячная плата очень помогала ея скудному доходу.

— Ахъ, если бы всѣ мои жильцы походили на него! говорила со вздохомъ бѣдная баронесса.

Я никогда не пускалъ къ себѣ жильцовъ, но я увѣренъ, что съ этой профессіей связаны многія тягостныя обязанности. Что можете

вы сдѣлать, если какая нибудь лэди или какой нибудь джентльмэнъ не платитъ вамъ? Выгнать ее или его? Можетъ быть эта лэди или этотъ джентльмэнъ именно этого и желаютъ. А въ чемоданахъ, удержанныхъ вами съ такимъ шумомъ и скандаломъ, не найдется и на сто франковъ имущества. Вы не любите поднимать шумъ въ вашемъ домѣ. Вы спрашиваете, чтò я хочу этимъ сказать? Мнѣ жаль называть по именамъ, мнѣ жаль разглашать, что мистриссъ Больдеро не платила своей хозяйкѣ. Она все ждала денегъ, которыхъ Больдеро все не присылалъ. Ужасный человекъ! Онъ охотился за оленями въ замкѣ Габерлунци у его сіятельства. А въ одинъ печальный день узнали, что Больдеро забавлялся въ Гомбургѣ опасными увеселеніями на зеленомъ сукиѣ.

— Слыхали вы когда о подобномъ развращеніи? Эта женщина самая отчаянная авантюристка! Я удивляюсь какъ баронесса осмѣливается сажать меня, дѣтей моихъ и моего генерала за одинъ столъ съ подобными людьми, Филиппъ! кричитъ генеральша. Я говорю объ этой женщинѣ, съ двумя дочерьми, которыя сидятъ напротивъ; онѣ не заплатили хозяйкѣ ни одного шиллинга въ три мѣсяца. Эта жепщина должна мнѣ пятьсотъ франковъ; она заняла ихъ до четверга, ожидая будто бы денегъ отъ лорда Стройгитерма; она увѣряла будто коротка съ посланникомъ, хотѣла представить меня и ему, и въ Тюильри, а мнѣ сказала, будто у лэди Гартертонъ оспа въ домѣ, а когда я сказала, что у насъ у всѣхъ оспа была привита и что я не боюсь, она придумала какой-то новый предлогъ. Я такъ думаю, что эта женщина—обманщица. Она услышитъ! А мнѣ все равно, пусть ее слышитъ! Какая жесткая говядина! и каждый день все говядина и говядина, такъ что надоѣстъ!

По этому образчику разговора мы видимъ, что дружба, возродившаяся между обѣими дамами, кончилась, вслѣдствіе неприятныхъ денежныхъ споровъ, что отдавать квартиры со столомъ не можетъ быть приятнымъ занятіемъ, и что даже ожидать за табльд'отомъ не очень весело, когда общество скучное и за столомъ сидятъ двѣ старухи, готовыя швырнуть блюдо въ лицо одна другой. А бѣдная баронесса должна была улыбаться и говорить любезности то тому, то другому. Она знала какова бѣдность и жалѣла даже о мистриссъ Больдеро.

— *Tenez, monsieur Philippe*, говорила она, *la générale* слишкомъ жестока. Другіе также могли бы пожаловаться, а молчать.

Филиппъ чувствовалъ все это; поведеніе его будущей тещи наполняло его смущеніемъ и ужасомъ.

Нѣсколько времени послѣ этихъ замѣчательныхъ обстоятельствъ, онъ разсказалъ мнѣ, краснѣя, унижительную тайну.

— Знаете ли, что въ эту осень я не только работалъ въ *Палль-Малльскую Газету*, но и Смитъ, корреспондентъ Daily Intelligence, желавшій отдохнуть мѣсяць, передалъ мнѣ свою работу по десяти франковъ въ день, и въ это же самое время я встрѣтилъ Редмана, который былъ долженъ мнѣ двадцать франковъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ университетѣ; онъ только-что воротился изъ Гомбурга и заплатилъ мнѣ. Ну, поклянитесь, что вы не расскажете никому! Я отправился съ этими деньгами къ мистриссъ Болдеро. Я сказалъ, что если она заплатитъ драконшѣ— то есть мистриссъ Бэйнисъ—я дамъ ей взаймы. И я далъ ей, а она не заплатила! Не говорите, общайте, что вы не скажете мистриссъ Бэйнисъ. Я никакъ не ожидалъ получить долгъ отъ Редмана, и не сталъ бѣднѣе.

Но какъ могла такая пронципательная женщина, какъ генеральша Бэйнисъ, безпрестанно стѣсняться званіемъ и титулами? У баронессы часто обѣдалъ какой-то нѣмецкій баронъ съ большимъ перстнемъ на грязномъ пальцѣ, и на этого барона генеральша смотрѣла милостивымъ окомъ, а онъ вздумалъ влюбиться въ ея хорошенькую дочь. Молодой мистеръ Клэнси, ирландскій поэтъ, также пѣлся предестями этой прекрасной молодой дѣвицы, и неустрашимая мать подавала надежды обоимъ поклонникамъ, къ невыразимому безпокойству Филиппа Фермина, который часто чувствовалъ, что, пока онъ сидитъ за своей работой, эти обитатели дома баронессы Смоленской находятся возлѣ его очаровательницы, рядомъ съ нею за завтракомъ, даже подаютъ ей чашку чаю за утреннимъ чаемъ, смотреть на нее, когда она гуляетъ по саду, и я думаю, что мученія ревности составляли часть тѣхъ невыразимыхъ страданій, которыя Филиппъ переносилъ въ этомъ домѣ, гдѣ онъ ухаживалъ за своей возлюбленной.

Маленькая Шарлотта въ письмахъ къ своимъ друзьямъ въ Лондонъ кротко жаловалась на наклонность Филиппа къ ревности.

«Неужели онъ думаетъ, что я, зная его, могу думать объ этихъ противныхъ людяхъ? спрашивала она. Я совсѣмъ не понимаю, что бормочетъ мистеръ Клэнси, и умѣетъ ли кто читать стихи такъ какъ Филиппъ? А нѣмецкій баронъ—который даже не называетъ себя барономъ, это мамѣ непременно хотеть такъ его называть—такъ грязно одѣвается и такъ пахнетъ сигарами, что я не люблю подходить къ нему. Филиппъ тоже курить, но его сигары имѣютъ пріятный запахъ. Ахъ, милый другъ, какъ *можетъ* онъ думать, что такихъ людей можно поставить съ нимъ наравнѣ! Онъ такъ сердится и бранить этихъ бѣдныхъ людей, когда приходитъ вечеромъ! Характеръ у него такой горячій! Скажите ему *словечко* осторожно и кротко, знаете—за

гѣжно привязанную и счастливѣйшую — только онъ дѣлаетъ меня несчастной иногда; но вы уговорите его?

«Шарлота Бейнисъ»

Я могу вообразить какъ Филиппъ разыгрывалъ роль Отелло, и его бѣдную юную Дездемону не мало пугалъ его мрачный нравъ. Тѣ ощущенія, какія Филиппъ чувствовалъ сильно, онъ выражалъ громко. Корреспондентка Шарлотты, по обмывовенію, старалась смягчить эти маленькія непріятности.

«Женщинамъ нравится ревность, говорила она. Это немножко скучно, но это всегда комплиментъ. Нѣкоторые мужья такъ хорошо думаютъ о себѣ, что они не удостоиваютъ ревновать».

— Да, и я говорю, женщины предпочитаютъ имѣть мужьями тирановъ. Онѣ думаютъ, что ревность значить вниманіе.

— Ужъ не лучше ли тебѣ купить плеть, моя милая, и подарить ее мнѣ съ поклономъ и съ комплиментомъ, и кроткою просьбою прибить ею тебя!

— Подарить тебѣ плеть! Экой простака! говорить лѣди, которая поощряетъ выговоры въ другихъ мужьяхъ, а своему не позволяетъ сказать себѣ слова.

Оба сворившіе сентиментально желали брака этого молодого чело-вѣка съ этой молодой женщиной. Сердце Шарлотты такъ стремилось къ этому замужству, что мы думали оно непременно разобьется, если обманется въ ожиданіи, и поведеніе ея матери намъ казалось, судя потому, что мы знали о характерѣ этой женщины, подавало серьезную причину къ опасенію. Если бы представилась болѣе выгодная партія, мы боялись, что мистрисъ Бейнисъ броситъ бѣднаго Филиппа, а онъ естественно помирился бы съ нею и въ этой ссорѣ у него могли вырваться выраженія смертельно оскорбительныя. Первый пылъ признательности къ «спасителю» генерала Бейниса могъ пройти, и эта мать могла сказать себѣ: «я не могу допустить мою дочь выйти за нищаго». Для низкаго поступка можно придумать прекрасную и нравственную причину. Я дрожалъ за любовь бѣднаго Филиппа, за надежды Шарлотты, когда эти предположенія мелькали въ головѣ моей. Оставалась надежда на честь и признательность генерала Бейниса. Онъ не броситъ своего молодого друга и благодѣтеля. Но генералъ Бейнисъ былъ храбрый воинъ, но и Джонъ Молборо былъ храбрый воинъ, однако оба боялись своихъ женъ.

Намъ извѣстно, кто уговорилъ генерала Бейниса переѣхать въ Парижъ. Когда Бейнисы пріѣхали, Бѣнчи встрѣтили ихъ на лѣстницѣ. Оба старика служили большимъ утѣшеніемъ другъ другу; они вмѣстѣ отправлялись къ Галиньяни каждый день, вмѣстѣ читали тамъ газеты.

Но въ достопамятной ссорѣ за пятьсотъ франковъ, мистриссъ Бѣтчъ приняла сторону мистриссъ Больдеро.

— Елиза Бѣйнисъ слишкомъ къ ней жестока. Можно ли оскорблять ее при ея несчастныхъ дочеряхъ. Эта женщина противная, пошлая, хитрая—я всегда такъ говорила. Но давать ей пощечины при ея дочеряхъ—это стыдно Элизѣ!

— Душа моя, ты лучше скажи это ей самой! замѣтилъ Бѣтчъ сухо, не только, пожалуйста, не при мнѣ!

И вотъ въ одинъ день, когда оба старыхъ офицера возвратились съ прогулки, мистриссъ Бѣтчъ сообщила полковнику, что она отдѣлала Элизу; а мистриссъ Бѣйнисъ съ разгорѣвшимся лицомъ разсказала генералу, что она поссорилась съ мистриссъ Бѣтчъ и рѣшила, что это въ послѣдній разъ.

— По крайней мѣрѣ, до насъ это не распространится, Бѣйнисъ, мой милый! говорить своему другу полковникъ, который былъ сангвиническаго темперамента.

— Не будьте слишкомъ увѣрены въ этомъ, не будьте слишкомъ увѣрены! отвѣчалъ со вздохомъ другой ветеранъ, который былъ болѣе склоненъ къ унылому расположенію духа, когда послѣ свалки за завтракомъ, въ которой свирѣпо бились амазонки, оба старыхъ вонна отправились къ Галиньяни.

Къ роднымъ Шарлотты Филиппъ былъ почтителенъ по долгу, а можетъ быть и по чувству интереса. Особенно до женитьбы, мужьямъ очень ласковы къ родственникамъ возлюбленнаго предмета. Они говорятъ комплименты мамашѣ, слушаютъ старыя исторіи папашни и хохочутъ: они приносятъ подарки малюткамъ. Филиппъ ласково обходился съ юными Бѣйнисами; онъ водилъ мальчиковъ къ Франкони, и поддѣлывался, какъ умѣлъ къ разговору стариковъ. Онъ любилъ генерала, простаго и достойнаго старика, и имѣлъ, какъ мы говорили, сердечное сочувствіе и уваженіе къ баронессѣ Смоленской, восхищался ея мужествомъ и добродушіемъ при ея многочисленныхъ неприяностяхъ. Но, какъ извѣстно, мистеръ Фарминъ могъ иногда быть очень неприятнымъ. Когда, растянувшись на диванѣ, онъ разговаривалъ съ своею очаровательницей, онъ не хотѣлъ встать съ мѣста, если другія дамы входили въ комнату. Онъ хмурился на нихъ, если онѣ ему не нравились. Онъ имѣлъ привычку вставлять въ глазъ лорнетъ, засовывать руки въ карманы жилета, разговаривать и хохотать очень громко надъ своими собственными шуточками и остротами—а это было непочтительно къ дамамъ и не правилось имъ.

— Вашъ молодой другъ, чтò говорить такъ громко и носить сапоги со скрипомъ, имѣеть очень mauvais ton, милая мистриссъ Бѣй-

иногда, замѣчала мистриссъ Больдеро своей новой пріятельницѣ въ первомъ вылу ихъ дружбы. Родственникъ лорда Рингуда? Лордъ Рингудъ очень странный человекъ. Сынъ этого ужаснаго доктора Фаррина, который убѣжалъ обманувши всѣхъ? Бѣдный молодой человекъ! Не виноватъ онъ, что у него такой отецъ, какъ вы говорите, и это показываетъ большое великодушіе, большую доброту съ вашей стороны. Генералъ и Филиппъ Рингудъ были товарищами? Но имѣя такого несчастнаго отца, какъ докторъ Фарринъ, мнѣ кажется мистеръ Фарринъ долженъ былъ бы быть не такъ прононсэ, какъ вы думаете? Не слышать какъ скрипятъ его сапоги, видѣть какъ онъ разваливается на диванѣ и хохочетъ, и говорить такъ громко, когда мои душечки поютъ дуэты—признаюсь неприятно, для меня. Я не привыкла къ такому *sonde* и мои душечки также. Вы очень обязаны ему, онъ поступилъ очень благородно, говорите вы? Какъ! Этотъ молодой человекъ помолвленъ съ этимъ милымъ, невиннымъ, очаровательнымъ ребенкомъ, вашей дочерью? Моя милая мистриссъ Бэйнисъ, вы пугаете меня! Сынъ такого отца и, извините меня, человекъ съ такими манерами и безъ копѣйки за душою, помолвленъ съ миссъ Бэйнисъ! Боже милостивый! Этого не должно быть. Этого не будетъ, моя милая мистриссъ Бэйнисъ. Я написала моему племяннику Гектору, любимому сыну Стронгитерма и моему любимому племяннику, чтобы онъ пріѣхалъ сюда. Я сообщила ему, что здѣсь есть премилое, юное созданіе, которое онъ долженъ увидать. Какъ мила была бы эта дѣвушка хозяйкой въ Стронгитермскомъ замкѣ? И вы хотите отдать ее этому ужасному человекъ съ такимъ громкимъ голосомъ и въ сапогахъ со скрипомъ—о, это невозможно!

Баронесса, безъ сомнѣнія, насакала всего хорошаго о своихъ жильцахъ другимъ своимъ жильцамъ; и сама она и мистриссъ Больдеро думали, что всѣ генералы, возвращавшіеся изъ Индіи, были очень богаты. А мысль, что ея дочь можетъ быть баронессой Стронгитермъ, вскружила голову мистриссъ Бэйнисъ. Когда бѣдный Филиппъ пришелъ въ этотъ вечеръ въ своихъ поношенныхъ сапогахъ и потертомъ пальто, мистриссъ Бэйнисъ угрюмо приняла его. Онъ безсознательно болталъ возлѣ своей Шарлотты, нѣжные глазки которой покоились на немъ, а щеки горѣли румянцемъ. Онъ болталъ, онъ громко смѣялся, между тѣмъ какъ Минни и Бренда распѣвали свой дуэтъ.

— *Taisez-Vous donc, monsieur Philippe*, кричитъ баронесса, прикладывая палецъ къ губамъ.

Мистриссъ Больдеро взглянула на свою милую мистриссъ Бэйнисъ и пожала плечами. Бѣдный Филиппъ! смѣялся ли бы онъ такъ громко

(и такъ грубо, я въ этомъ сознаюсь), если бы онъ зналъ, что приходило въ умъ этихъ женщинъ? Какъ суха была генеральша съ Филиппомъ, какъ сердита съ Шарлоттой! Бѣдный Филиппъ, зная, что его очаровательница была во власти своей матери, держалъ себя смиренно передъ этимъ дракономъ, и старался лестью умиловать ее. У ней былъ странный, сухой юморъ; она любила шутки, но Филиппъ въ тотъ вечеръ былъ какъ-то ненаходчивъ. Мистриссъ Бейнсъ отвѣчала на его шутки:

— О, неужели?

Ей показалось, что кто-то изъ дѣтей ея плачетъ въ дѣтской: Пожалуйста, поди и посмотри, Шарлотта, о чемъ плачетъ этотъ ребенокъ.

И бѣдная Шарлотта уходитъ, имѣя еще весьма смутное предчувствіе о несчастьи. Вѣдь мама часто бывала не въ духѣ, и не всѣ ли они привыкли къ ея брани?

А что касается до полковницы Бѣнчъ, то я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что Филиппъ не только не былъ ея фаворитомъ, но что она терпѣть его не могла. Я уже рассказывалъ вамъ о недостаткахъ нашего друга. Онъ говорилъ громко и рѣзко, онъ бывалъ часто грубъ, часто досаждалъ своимъ смѣхомъ, своимъ неуваженіемъ, своими ухарскими манерами. Съ тѣми кого онъ любилъ, онъ былъ кротокъ какъ женщина и обращался съ ними съ чрезвычайной нѣжностью и съ трогательнымъ уваженіемъ. Но тѣмъ, къ кому онъ былъ равнодушенъ, онъ не давалъ себѣ ни малѣйшаго труда угождать. Если, напримѣръ, они рассказывали длинныя исторіи, онъ уходилъ или перебивалъ ихъ своими собственными замѣчаніями, совершенно о другихъ предметахъ. И такъ полковница Бѣнчъ положительно терпѣть не могла этого молодого человѣка и, мнѣ кажется, имѣла на это очень хорошія причины. А полковникъ Бѣнчъ говорилъ Бейнису подмигнувъ:

— Хладнокровный молодецъ этотъ юноша!

А Бейнсъ говорилъ Бѣнчу:

— Странный мальчикъ. Прекрасный человѣкъ, какъ я имѣю причины знать очень хорошо.

Клэнси ненавидѣлъ Филиппа. Это былъ человѣкъ кроткій, котораго Ферминъ, однако, успѣлъ оскорбить.

— Этотъ человѣкъ — замѣчалъ бѣдный Клэнси—вѣчно наступалъ мнѣ на мозоли, и это было нестерпимо для меня!

А со всѣмъ Больдеровскимъ кланомъ мистеръ Ферминъ обращался съ самою забавною дерзостью и какъ будто вовсе не хотѣлъ знать о ихъ существованіи. И такъ вы видите, бѣдашка въ своей бѣдности

не научился самречію, не узналъ самыхъ первоначальныхъ правилъ искусства пріобрѣтать друзей. Кажется, его лучшимъ другомъ въ этомъ дѣлѣ были хозяйка, баронесса Смоленская. Мистеръ Филиппъ обращался съ нею какъ съ равною, а этотъ знакъ любезности онъ не имѣлъ привычки оказывать всѣмъ. Со многими знатными и богатыми людьми онъ былъ нетерпимо сѣлъ. Ни званіе, ни богатство не имѣли никакого вліянія на этого человѣка, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ былъ способенъ ударить Биттена по жилету и противорѣчить герцогу при первой встрѣчѣ. Если общество надоело ему за обѣдомъ, онъ просто на просто засыпалъ. У насъ дома—мы всегда находились въ пріятномъ безпокойствѣ, не отъ того что онъ сдѣлалъ или сказалъ, а отъ ожиданія, что онъ сдѣлаетъ или скажетъ. За столомъ баронесса Смоленской онъ не засыпалъ, предпочитая не отсучивать глазъ съ хорошенькой Шарлотты.

— Были ли у кого такіе сапѣры, какъ его глаза? думала она.

А ея глаза? Ахъ! если они должны были проливать слезы, я надѣюсь, что добрая судьба скоро ихъ осушитъ.

ГЛАВА XXI

Разсказываетъ о танцахъ, овздахъ и смерти.

Старые университетскіе товарищи Филиппа пріѣзжали въ Парижъ время отъ времени, и съ удовольствіемъ брали его къ Борелю или къ Trois Frères, гостепрѣмно угощая того, кто былъ гостепрѣмнѣе къ нимъ въ свое время. Да, слава Богу, на этомъ свѣтѣ есть довольно добрыхъ Самаритянъ, охотно помогающихъ несчастному. Я могъ бы назвать двухъ, трехъ джентльменовъ, которые разъѣзжали по городу и смотрѣли на языки другихъ людей и писали странныя латинскія слова на бумажкахъ; они сложились и послали денегъ доктору Фармину въ его изгнаніи. Несчастный поступилъ очень дурно, но онъ не имѣлъ ни одной копѣйки и ни одного друга. Кажется и докторъ Гуденовъ, въ числѣ другихъ филантроповъ, засунулъ руку въ карманъ. Искренно ненавидя доктора Фармина во время его благоденствія, онъ смягчился къ бѣдному, несчастному изгнаннику: онъ даже готовъ былъ вѣрить, что докторъ Фарминъ былъ довольно искусенъ въ своей профессіи, а въ практикѣ не совсѣмъ былъ шарлатаномъ.

Старые университетскіе и школьные товарищи Филиппа смѣялись,

услышать, что онъ думаетъ жениться теперь, когда онъ разорился. Этотъ планъ совпадалъ съ неизвѣстными благоразуміемъ и предубежденностью мистера Фермина. Но они предвѣстили возмущеніе противъ этого брака, которое еще прежде держала ласъ. Теща была довольно хороша, но теща... Великій Боже! какая теща угрожала будущности Филиппа! Мы никогда не были слишкомъ сократительны къ мистриссъ Бейнцъ, а то что Филиппъ разговаривалъ намъ о ней, не могло внушить особеннаго уваженія.

На Рождествѣ мистеръ Ферминъ пріѣхалъ въ Лондонъ по своимъ дѣламъ. Мы не ревновали, что онъ остановился у своего маленькаго друга въ Торнгоуской улицѣ, а Сестрина позволила ему обѣдать у насъ, только бы ей доставалось удовольствіе приютить его подъ своими кровомъ. Какъ не были мы важны—подъ какою обширною кровлею не найдеть тщеславіе приставница? — Но, зная добродѣтели мистриссъ Брандонъ и ея исторію, мы удостоили бы принять ее въ наше общество, но маленькая леди сама была горда и держала себя поодаль.

— Родители мои не дали мнѣ такого образованія, какъ ваши вамъ, говорила Каролина моей женѣ. Я знаю очень хорошо, что мое мѣсто не здѣсь, если только вы не занеможете и тогда вы увидите, съ какою радостью я приду. Филиппъ можетъ бывать у меня; для меня видѣть его—блаженство. Но невесело мнѣ будетъ въ вашей гостиной, да и вамъ также видѣть меня тамъ. Милыя дѣти съ удивленіемъ слушаютъ, какъ я говорю, и неудивительно: они иногда даже смѣются между собою, Господь съ ними! Я не обижаюсь. О моемъ воспитаніи не заботились. Меня почти не учили ничему. У папѣ не было средствъ, а въ сорокъ лѣтъ ужъ поздно ходить въ школу. Я починила все бѣлье Филиппа, желала бы, чтобы во Франціи держали его вещи въ такомъ же порядкѣ. Кланяйтесь отъ меня молодой дѣвницѣ. Какъ мнѣ пріятно слышать, что она такая добрая и кроткая! У Филиппа нравъ горячій, но тѣ, кого онъ любитъ, могутъ легко управлять имъ. Вы были его лучшими друзьями, и я надѣюсь, что и она тоже будетъ; они могутъ быть счастливы, хотя они очень бѣдны; но они еще успѣютъ разбогатѣть, не правда ли? Не всѣ богатые счастливы—я это вижу во многихъ знатныхъ домахъ, гдѣ бываетъ сидѣлка Брандонъ; она видитъ все, только не говоритъ.

Вотъ такимъ образомъ болтала сидѣлка Брандонъ, когда приходила къ намъ. Она обѣдала съ нами и всегда поименно благодарила слугъ, которые служили ей. Дѣтей нашихъ она называла «миссъ» и «мистеръ», и мнѣ кажется эти юные сатиристы не очень зло смѣялись надъ ея странностями. Имъ говорили, что сидѣлка Брандонъ

стала добра, что она забегидься о своемъ престарѣломъ отцѣ, что она имѣла большія огорченія и непріятности, что она ухаживала за ледою Филиппомъ, когда онъ былъ очень боленъ и когда многіе побоялись бы подойти къ нему и что она проводила жизнь, ухаживая за больными и дѣлая добро своимъ ближнимъ.

Въ одинъ день, когда Филиппъ былъ у вѣсь, намъ случилось проехать въ газетакъ е вѣздѣ лорда Рингуда въ Лондонъ. У милорда былъ свой собственный большой домъ, въ которомъ онъ не всегда жилъ. Онъ предпочиталъ веселую жизнь въ гостиницѣ. Рингудскій отель былъ санционъ великъ и смѣшкомъ мраченъ. Ему не хотѣлось одному обѣдать въ столовой, окруженной призрачными изображениями умершихъ Рингудовъ—его покойнаго сына, юноши, рано скончавшагося, его покойнаго брата въ мундирѣ его времени, самого его, наконецъ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, собесѣдникомъ Регента и его друзей.

— А! на этого молодца я меньше всего люблю смотрѣть, говорить старинки, хмурясь на свой портретъ, работы Лауренса, съ однимъ изъ тѣхъ ругательствъ, которыя украшали разговоры въ его молодости. Этотъ молодежь могъ ѣздить верхомъ цѣлый день, спать цѣлую ночь или вовсе не спать; выпивалъ онъ по четыре бутылки и никогда не имѣлъ головной боли. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, какъ говорилъ старый Молборъ, смотрѣвшій на свой собственный портретъ. А теперь докторъ и подагра распоряжаются имъ. Живу я кашей и пудлингами, какъ младенецъ. Если я выпью три рюмки хереса, мой буфетчикъ грозитъ мнѣ. Хотя у васъ, молодой человѣкъ нѣтъ и двухъ пенсовъ въ карманѣ, я охотно помѣнялся бы съ вами мѣстомъ. Только вы не захотите, чортъ васъ возьми, вы не захотите!

Подобныя замѣчанія и разговоры своего родственника Филиппъ пересказывалъ мнѣ. Двое, трое нашихъ знакомыхъ въ Лондонѣ очень хорошо передразнивали этого беззубаго, ворчливаго стараго циника. Онъ жилъ великодушнѣе и былъ скупъ; имѣлъ запальчивый характеръ, но его легко было водить за носъ; его окружали льстецы, и онъ былъ совершенно одинокъ. Онъ имѣлъ старинныя понятія, которыя, кажется, теперь уже вышли изъ моды у знатныхъ людей. Онъ считалъ унизительнымъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, и почтовый экипажъ его одинъ изъ послѣднихъ видѣлся на большихъ дорогахъ. Не только онъ, но и передразнивавшіе его умерли всѣ, и только въ нынѣшнемъ году старинки Джэкъ Мэммерсъ передразнивалъ его въ кофейной Бади (гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ его передразниванія принимались съ громкимъ ходотомъ). Въ кофейной была печальная тишина, только трое молодыхъ людей за ближнимъ столомъ сказали:

*

— Что этот старый дурачок ругается? передразнивает лорда Рингуда? А кто он такой?

Так исчезают и забываются наши имена. Я не забываю Миллорда также, как не забыл повара в моей школе, о котором, может быть, вам слышать не интересно. Я вижу живую форму миллорда; его орлиный нос, несматываемые брови, высокий бархатный воротник, большой черный рот, дрожащую руку и дрожащие паразиты вокруг него, могу слышать его голос, громкий ругательство и смех. Все нижние паразиты являются другими живыми людьми, а этот знатный вельможа, бывший в живых еще вчера, умрет как Георг IV, как Навуходоносор.

Итак мы прочли, что благородный родственник Филиппа, лорд Рингуд, приехал в гостиницу в то время, как Филипп был у нас, и признаю, я посоветовал моему другу сходить к его сителству. Он был к нему очень добр в Париже—он очевидно любил Филиппа. Ферминт должен повидаться с ним. Почему знать? Лорд Рингуд, может быть, захочет сделать что-нибудь для внука своего брата.

А именно уговаривать к этому Филиппа вряд ли можно, кто его знает. Заставлять его кланяться и улыбаться знатному человеку с целью заслужить его будущую милости—значило требовать невозможного от Фермина. Конюхи королевские могут отвести королевских лошадей к водопою, но сам король не может заставить их пить. Я признаю, что я несколько раз возвращался к этому предмету и безпрестанно уговаривал моего друга.

— Я был, сказал Филипп угрюмо. Я оставил ему карточку. Если он желает меня видеть, он может послать в № 120 на Королевский сквер, в гостиницу Честмиллтон, где я теперь живу. Но если вы думаете, что он даст мне что-нибудь кроме обѣда—вы ошибаетесь.

Мы обѣдали в этот день у мистера Мэгфорда, который был необыкновенно гостеприимен и особенно любезен к Филиппу. Мэгфорду нравились письма Фермина, и вы можете быть уверены, что более строгий критик не противоречил добродушному патрону моего друга. Мы поехали в Гэмпетидскую виллу, и запах супа, баранины и лука приветствовал нас в передней и предупредил о том, какія вкусныя кушанья приготовлялись для гостей. Лакон в черных фраках, в белых бумажных перчатках, встретил нас, а мистрисс Мэгфорд в великолѣпном голубом атласѣ и в перьях, в воланах, кружевах, драгоценных вещах, встала принять нас с величественнаго дивана, гдѣ она сидѣла, окруженная своими

дѣтми. Они тоже были въ великолѣпныхъ нарядахъ, съ расчесанными волосами. Дамы, разумѣется, начали тотчасъ говорить о своихъ дѣтяхъ, и непритворный восторгъ моей жены къ послѣднему малюткѣ мистриссъ Мѣгфордъ, кажется, тотчасъ приобрѣлъ расположеніе этой достойной lady. Я сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что одинъ изъ мальчиковъ—живой портретъ отца, но не удачно. Я не знаю почему, но мнѣ говорилъ самъ ея мужъ, что мистриссъ Мѣгфордъ всегда думала, будто я «поддразниваю» ее. Одинъ изъ мальчиковъ откровенно сообщилъ мнѣ, что къ обѣду будетъ гусь, а въ ближней комнатѣ я услышалъ, какъ откупориваютъ бутылки. Зачѣмъ мистриссъ Мѣгфордъ сдѣлала выговоръ проговорившемуся ребенку и сказала:

— Джэмсъ, замолчишь ли ты?

Я никогда не видалъ ни лучшаго вина, ни болѣе бутылокъ. Если когда нибудь можно было сказать о столѣ, что онъ стоналъ, то это выраженіе именно можно приписать къ столу Мѣгфорда. Тальботъ Тунсденъ накормилъ бы сорокъ человекъ тѣми кушаньями, которыми нашъ гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ восьмерыхъ. Всѣ почести угощенія воздавались *парижскому корреспонденту*, котораго особенно просили вести къ обѣду мистриссъ Мѣгфордъ. Мы, разумѣется, чувствовали, что это почетное мѣсто принадлежитъ по праву мистеру Фармину, какъ внуку графа и правнуку лорда. Какъ мистриссъ Мѣгфордъ поддразнивала его! Она разрѣзывала сама—я очень радъ, что она не просила Филиппа разрѣзывать, потому что онъ, пожалуй, вывалилъ бы гуся на колѣна къ ней—она разрѣзывала, говорю я, и право, мнѣ кажется, она отдавала ему лучшіе куски, но можетъ быть это одна зависть съ моей стороны. За обѣдомъ безпрестанно говорили о лордѣ Рингудѣ.

— Лордъ Рингудъ пріѣхалъ въ Лондонъ, мистеръ Фарминъ, сказалъ поднигивая Мѣгфордъ. Вы, разумѣется, были у него?

Мистеръ Фарминъ свирѣпо на меня взглянулъ и долженъ былъ признаться, что онъ былъ у лорда Рингуда. Мѣгфордъ такъ часто обращалъ разговоръ на благороднаго лорда, что Филиппъ просто отдавливалъ мнѣ ноги подъ столъ.

— Могу я предложить вамъ кусочекъ фазана, мистеръ Фарминъ? вдругъ скажетъ мистриссъ Мѣгфордъ, ужъ конечно онъ не такъ хороша, какъ у лорда Рингуда, и Филиппъ наступитъ мнѣ на ногу.

Или мистеръ Мѣгфордъ воскликнетъ:

— Попробуйте—на эту бутылочку, мистеръ Фарминъ! у лорда Рингуда нѣтъ вина лучше этого.

Моя нога страшно наказывается подъ столъ.

Послѣ обѣда разговоръ мистриссъ Мѣгфордъ безпрестанно отно-

сился къ Рингудской фамилии и къ родству Филиппа съ этимъ благороднымъ домою, какъ жена послѣ открыла мнѣ. О встрѣчѣ стараго лорда съ Ферминомъ въ Парижѣ разсуждали съ чрезвычайнымъ интересомъ. Его сѣятельство называлъ Филиппа очень любезнымъ. Онъ очень любилъ мистера Фермина. Маленькая птичка, сказала мистриссъ Мёгфордъ, что мистера Фермина любилъ еще кто-то другой. Она надѣялась, что изъ этого выйдетъ свадьба, и что его сѣятельство сдѣлаетъ что нибудь хорошее для своего родственника. Жена моя удивлялась, что мистриссъ Мёгфордъ знала о дѣлахъ Филиппа. Мистриссъ Мёгфордъ, сказала птичка,-- другъ обѣихъ дамъ, эта милая, добрая сидѣлка Брандонъ, которая...

Тутъ разговоръ коснулся таинственностей, которыхъ я, конечно, не открою. Достаточно сказать, что мистриссъ Мёгфордъ была одною изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ добрыхъ и самыхъ постоянныхъ покровительницъ мистриссъ Брандонъ.

— Да-съ, мистриссъ Пенденниссъ, прибавила мистриссъ Мёгфордъ, наша пріятельница, мистриссъ Брандонъ, разсказывала мнѣ объ *одномъ джентльманѣ*, котораго не нужно называть. Онъ обращенія холоднаго, чтобы не сказать надменнаго. Онъ какъ будто насмѣхается надъ людьми иногда—не говорите нѣтъ; онъ обѣдалъ у меня раза два съ мистеромъ Ферминомъ. Но онъ истинный другъ, такъ говоритъ мистриссъ Брандонъ. А когда узнаешь его, то увидишь, что сердце у него доброе.

Такъ ли это? Одинъ знаменитый писатель недавно сочинилъ комедію, въ которой мораль: «мы не такъ дурны какъ кажемся». Неужели это опять такъ?

Когда мы разсуждали объ обѣдѣ мистера Мёгфорда на возвратномъ пути домой, я воспользовался этимъ случаемъ и указалъ Филиппу на основательность надеждъ, которыя онъ могъ имѣть относительно помощи отъ своего богатаго родственника, и просто заставилъ его обѣщать навѣстить милорда на слѣдующій день. Но если Филиппъ Ферминъ дѣлалъ что нибудь противъ воли, то онъ дѣлалъ это нелюбезно. Когда онъ недоволенъ, онъ не представлялся счастливымъ, а когда мистеръ Ферминъ не въ духѣ, онъ весьма непріятный собесѣдникъ. Хотя онъ ни разу не упрекнулъ меня впоследствии за то, что случилось, я признаюсь, что меня жестоко мучила совѣсть. Если бы я не послалъ его сдѣлать этотъ почтительный визитъ его дѣду, то можетъ быть не случилось бы того, что случилось. Я дѣйствовалъ къ лучшему, но горевалъ о послѣдствіяхъ, которыя имѣлъ мой совѣтъ.

Если Филиппъ держалъ себя поодаль отъ лорда Рингуда въ Лондонѣ, то за то милые родственники кузена ухаживали за его сѣ-

тельствомъ, и не пропускали случая выказывать ему свое почтительное сучувствіе. Нездоровилось ли лорду Рингуду?—Мистеръ Тунсенъ, или мистриссъ Тунсенъ, или ихъ милыя дочери, или братья ихъ, каждый день являлись въ передней его сіятельства узнавать о его здоровьѣ. Они почтительно кланялись дворецкому лорда Рингуда. Они дали бы ему денегъ, какъ они всегда признавались, только какую сумму могли они дать такому человѣку какъ Рѣджъ? Они пробовали было подкупить мистера Рѣджа своимъ виномъ, за которымъ онъ дѣлалъ ужасныя гримасы. Они лестили и улыбались ему всегда. Мнѣ хотѣлось бы видѣть эту спокойную, эту высокообразованную мистриссъ Тунсенъ, которая бросила бы свою лучшую пріятельницу, если бы къ ней свѣтъ повернулся спиною, я хотѣлъ бы видѣть и *могу* ее видѣть душевными глазами, какъ она ласкаетъ этого лакея. Она дѣлала дешевые подарки мистеру Рѣджу, она улыбалась ему и спрашивала о его здоровьѣ. И, разумѣется, Тальботъ Тунсенъ также лестилъ ему по-тальботовски. То онъ подмигнетъ ему, то кивнетъ головою, то скажетъ: «какъ поживаете»? и послѣ надлежащихъ вопросовъ и отвѣтовъ о его сіятельствѣ, прибавитъ:

— Рѣджъ, кажется у моей ключницы приготовлена рюмка добраго портвейна для васъ, когда вамъ случится пройти мимо и когда милорду вы будете не нужны!

И я могу себя представить, какъ мистеръ Рѣджъ кланяется мистеру и мистриссъ Тунсенъ, и благодаритъ, и идетъ въ комнату мистриссъ Бленкинсонъ, гдѣ для него готовъ портвейнъ, и я воображаю, какъ мистеръ Рѣджъ и мистриссъ Бленкинсонъ разсуждаютъ о характерахъ и особенностяхъ хозяевъ.

Никто не могъ снисходительнѣе мистера Филиппа Фэрмина обращаться съ слугами. Въ то время, когда у него въ карманахъ бывало много денегъ, онъ давалъ ихъ зачастую мистеру Рѣджу, и тотъ помнилъ его щедрость; когда Филиппъ сталъ бѣденъ, и Рѣджъ, также какъ и я, совѣтовалъ Филиппу повидаться съ его сіятельствомъ.

Когда наконецъ Филиппъ сдѣлалъ свой второй визитъ лорду Рингуду, мистеръ Рѣджъ сказалъ:

— Милордъ, я думаю, приметъ васъ. Онъ говорилъ о васъ. Онъ очень нездоровъ. Мнѣ кажется у него будетъ припадокъ подагры. Я скажу ему, что вы здѣсь.

Воротившись къ Филиппу послѣ краткаго отсутствія, съ нѣсколькими разстроеннымъ лицомъ, онъ повторилъ позволеніе войти и опять предостерегъ Филиппа, говоря, что «милордъ очень страненъ».

Дѣйствительно, какъ мы узнали впоследствии, милордъ, услышавъ, что Филиппъ пришелъ, закричалъ:

— Чортъ его возьми! пришли его! А, это вы? сказалъ онъ, увидя Филиппа. Вы уже давно въ Лондонѣ. Тунсенъ говорилъ мнѣ о васъ вчера.

— Я былъ у васъ, отвѣчалъ Филиппъ очень спокойно.

— А я удивляюсь, какъ у васъ достаетъ духу приходить ко мнѣ, сэръ! закричалъ старикъ, смотря на Филиппа сверкающими глазами.

Физиономія его сѣятельства была желта, благородные глаза были налиты кровью и выкатились; голосъ всегда жесткій и хриплый теперь былъ особенно неприятенъ, а съ губъ его срывались громкія ругательства.

— Какъ я имѣю духу, милордъ? сказалъ Филиппъ все очень кротко.

— Да! Тунсенъ былъ здѣсь вчера и рассказалъ мнѣ кое-что хорошее про васъ.

Филиппъ покраснѣлъ. Онъ зналъ, въ чемъ состояли эти извѣстія.

— Тунсенъ говоритъ, что теперь, когда вы сдѣлались нищимъ, когда вамъ осталось только гранитъ камня на мостовой — вы поступили какъ сумасбродъ и дуракъ, помолвили такую же нищую какъ вы!

Бѣдный Филиппъ изъ краснаго сдѣлался блѣднымъ и проговорилъ медленно:

— Извините, милордъ, вы сказали...

— Я сказалъ, что вы дуракъ, сэръ! заревѣлъ старикъ—развѣ вы не слышите?

— Я, кажется, членъ вашей фамиліи, милордъ, отвѣчалъ Филиппъ, вставая.

Въ ссорѣ онъ иногда выходилъ изъ себя и высказывалъ все, что думалъ, или иногда—и тогда онъ былъ опаснѣе—онъ казался особенно спокоенъ и величественъ.

— Какой нибудь авантюристъ, думая, что вы получите денегъ отъ меня, подцѣпилъ васъ для своей дочери, такъ ли?

— Я помолвилъ молодую дѣвушку, и я бѣднѣе ея, сказалъ Филиппъ.

— Она думаетъ, что вы получите денегъ отъ меня, продолжалъ его сѣятельство.

— Она думаетъ? а я не думалъ никогда, отвѣчалъ Филиппъ.

— И ей Богу не получите, если не выкините этого вздора изъ головы.

— Я не выкину ее изъ головы и обойдусь безъ вашихъ денегъ, сказалъ очень смѣло мистеръ Ферминъ.

— Отправляйтесь въ тартарары! закричалъ старикъ.

Филиппъ сказалъ намъ, что онъ отвѣчалъ: «Seniores priores, милордъ» и ушелъ.

— Итакъ вы видите, что если онъ хотѣлъ оставить мнѣ что-нибудь, то надежда теперь исчезла и славно же я обдѣлалъ мою дѣла.

И я послалъ его туда! Мой добрый Филиппъ не только не выговаривалъ мнѣ за это, но принималъ всю вину на себя.

— Съ тѣхъ поръ какъ я помолвленъ, сказалъ онъ, я сдѣлался ужасно скутъ и почти сталъ такой же скрага на счетъ денегъ, какъ эти Тумсденъ. Я работѣствовалъ передъ этимъ старикомъ, я ползалъ у его больной ноги. Я готовъ ползти отсюда до Сентъ-Джэмскаго дворца, чтобы достать денегъ для моей маленькой Шарлотты.

Филиппъ работѣствовалъ и ползалъ! Если бы ни у кого не было спины такой гибкой какъ у него, низкоклонство сдѣлалось бы погибшимъ искусствомъ какъ *придворный менуэтъ*. Но не бойтесь! Спина людскія созданы на то, чтобы сгибаться, и порода паразитовъ еще довольно въ силѣ.

Когда нашъ другъ сказалъ намъ, какъ кратко началось и кончилось его свиданіе съ лордомъ Рингудомъ, кажется, тѣмъ, кто совѣтовалъ Филиппу навѣстить его дѣда, сдѣлалось нѣсколько стыдно совѣта, который дали они. Мы достаточно знали нашего друга, чтобы знать также, какъ опасно было отправлять его кланяться въ передней лордовъ. Не способны ли его руки разбить какой нибудь фарфоръ, а ноги наступить и разорвать какой нибудь дамскій шлейфъ? Итакъ вмѣсто пользы мы заставили его посориться съ его патрономъ. Лордъ Рингудъ признался, что онъ хотѣлъ оставить Филиппу денегъ, а мы, отправивъ бѣднаго молодого человѣка къ больному старнику, возбудили ссору между родственниками, которые разстались съ взаимными угрозами и гнѣвомъ.

— О, Боже! стоная я въ супружескомъ совѣщаніи, — отправимъ его отсюда. Теперь ему остается только дать пощечину Мѣгфорду и сказать мистриссъ Мѣгфордъ, что она пошлая и скучная женщина.

Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ воротиться къ своей возлюбленной въ Парижъ. Мы не удерживали его. Боясь еще какого нибудь приключенія, мы даже желали, чтобы онъ уѣхалъ скорѣе. Въ уныломъ и грустномъ расположеніи духа проводилъ я его на булонскій пароходъ. Онъ взялъ второе мѣсто и мужественно простился съ нами. Ночь была бурная; на палубѣ мокро и сыро; пассажировъ множество, а Филиппъ былъ между ними въ тонкомъ плащѣ; вѣтеръ развѣвалъ его рыжіе волосы и бороду. Я теперь вижу этотъ пароходъ, я оставилъ его съ обрушеніемъ и стыдомъ. Зачѣмъ я посылалъ Филиппа къ этому свирѣпому старнику? Зачѣмъ принудилъ его къ этому покорному поступку? Грубость лорда Рингуда была всѣмъ извѣстна. Это былъ злой, развратный циникъ, а мы отправили Филиппа кланяться и

льстить ему! Ахъ, mea culpa, mea culpa! Вѣтеръ дулъ свирѣло въ эту ночь, и когда я думалъ, какъ бѣднаго Филиппа качаетъ въ холодной второй каютѣ, я безпокойно вертѣлся на своей постели.

Я зашелъ черезъ день въ Бэйскій клубъ и встрѣтился тамъ съ обоими Тунсденами; отецъ цѣплялся за пуговицу одного важнаго человѣка, когда я вошелъ, сынъ пріѣхалъ въ клубъ въ кабриолетѣ капитана Улькома и вмѣстѣ съ этимъ знаменитымъ мулатомъ. Они посмотрѣли какимъ-то особеннымъ образомъ. Я въ этомъ увѣренъ. Тальботъ Тунсенъ, оглушая своимъ громкимъ разговоромъ бѣднаго лорда Лепеля, бросилъ на меня взглядъ торжества и говорилъ такъ, чтобы я слышалъ. Ривгудъ, Тунсенъ и Улькомъ, попивая полыннiую водку, для возбужденія аппетита, перемигивались и ухмылялись. Глаза Улькома были одного цвѣта съ водкою, которую онъ пилъ. Я не видаю, какъ Тунсенъ оторвалъ пуговицу лорда Лепеля, но этотъ вельможа съ разстроенной физиономіей поскорѣ отошелъ отъ своего маленькаго гонителя.

— Откажитесь и пріѣзжайте ко мнѣ! я слышалъ, какъ сказалъ великодушный Тунсенъ,—я жду Ривгуда и еще кое-кого.

При этомъ предложеніи, лордъ Лепель съ трепетомъ пробормоталъ, что онъ не можетъ отказаться отъ даннаго слова и убѣжалъ изъ клуба.

Обѣды Тунсдена—вѣжливому читателю уже было о томъ сообщено—были замѣчательны, и онъ постоянно хвастался, что у него обѣдаетъ лордъ Ривгудъ. Такъ случилось, что въ этотъ самый вечеръ, лордъ Ривгудъ съ тремя своими льстецами обѣдалъ въ Бэйскомъ клубѣ, рѣшившись посмотрѣть пантомиму, въ которой играла очень хорошенькая, молоденькая Коломбина, и кто-то шутя сказалъ его сіятельству:

— Вѣдь вы обѣдаете у Тальбота Тунсдена; онъ сейчасъ сказалъ, что ждетъ васъ.

— Онъ сказалъ? спросилъ его сіятельство. Такъ стало быть Тальботъ Тунсенъ совралъ!

И маленький Томъ Ивись, рассказывавшій мнѣ объ этомъ, вспомнилъ эти замѣчательныя слова, потому что почти немедленно случилось одно обстоятельство.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Филиппа, нашъ другъ, маленькая Сестрица пришла къ намъ, когда мы сидѣли за утреннимъ чаемъ, и ея доброе личико выражало большое волненіе и грусть. Она объяснила намъ причины этой грусти, какъ только наши дѣти ушли въ классную. Между друзьями мистриссъ Брандонъ и постоянными собесѣдниками ея отца былъ достойный мистеръ Ридли, отецъ знае-

витаго живописца, который былъ слишкомъ благороденъ, чтобы стыдиться своего смиреннаго происхожденія съ отцовской стороны. Отношенія отца и сына не могли быть очень тѣсны и коротки, особенно, такъ какъ въ дѣтствѣ молодого Ридли, отецъ его, ничего не понимавшій въ изящныхъ искусствахъ, считалъ мальчика болѣзненнымъ, полунимымъ ребенкомъ, который долженъ былъ сдѣлаться родителямъ въ тягость. Но когда Джонъ Джэмсъ Ридли началъ достигать знаменитости въ своей профессіи, глаза отца раскрылись, вмѣсто презрѣнія онъ началъ глядѣть на своего сына съ искреннимъ, навнымъ восторгомъ, и часто со слезами рассказывалъ, съ какою гордостью и съ какими удовольствіемъ служилъ онъ Джону Джэмсу въ тотъ день, когда онъ обѣдалъ у его господина, лорда Тодмордена. Ридли, старшій, теперь чувствовалъ, что онъ былъ жестокъ и несправедливъ къ своему сыну въ его дѣтствѣ, и съ весьма трогательнымъ смиреніемъ старикъ сознавался въ своей прежней несправедливости и старался загладить ее уваженіемъ и любовью.

Хотя нѣжность къ сыну и удовольствіе, которое онъ находилъ въ обществѣ капитана Ганна, часто привлекали мистера Ридли въ Торнгофскую уличу и въ клубъ Адмирала Бинга, гдѣ они оба были главными членами, Ридли, старшій, принадлежалъ къ другимъ клубамъ, гдѣ буфетчикъ лорда Тодмордена пользовался обществомъ буфетчиковъ другихъ вельможъ; и нѣ сказали, что въ этихъ клубахъ Ридли называли «Тодморденомъ» долго послѣ того, какъ его отношенія къ этому почтенному вельможѣ прекратились.

Въ одномъ изъ этихъ клубовъ буфетчикъ лорда Тодмордена постоянно встрѣчался съ буфетчикомъ лорда Рингуда, когда ихъ сіятельства находились въ Лондонѣ. Эти джентльмены уважали другъ друга и когда встрѣчались, сообщали одинъ другому свое мнѣніе объ обществѣ и о характерѣ благородныхъ особъ, которымъ они служили. Реджъ зналъ все о дѣлахъ Филиппа Фэрмина, побѣгъ доктора, великодушный поступокъ Филиппа. И Реджъ сравнивалъ благородное поведеніе молодого челоѣка съ поведеніемъ нѣкоторыхъ *подминахъ*, которыхъ онъ не хотѣлъ тогда называть, но которые всегда говорили дурно о бѣдномъ молодомъ челоѣкѣ за глаза и ползали передъ милордомъ, а ужъ другихъ такихъ низкихъ обманщиковъ найдти мудрено; конечно, о вкусахъ спорить нельзя, но онъ, Реджъ, не выдалъ бы *свою* дочь за Негра.

Въ тотъ день, когда мистеръ Фэрминъ ходилъ къ лорду Рингуду, былъ одинъ изъ самыхъ худшихъ дней милорда, когда приближаться къ нему было почти также опасно, какъ къ бенгальскому тигру.

— Когда у него припадокъ подагры, его сіятельство проклинаетъ и

ругаетъ всѣхъ, замѣчалъ Рѣдждъ, всѣхъ, даже настоявъ и дамъ—ему все равно. Въ тотъ самый день, когда былъ мистеръ Ферминъ, милордъ сказалъ мистеру Тусдену:

— Вонъ отсюда, не смѣйте приходить сюда затѣмъ, чтобы клеветать и чернить этого бѣднягу. И Тусденъ ушелъ, поджавъ хвостъ, и говорить мнѣ:

— «Рѣдждъ, милордъ необыкновенно нехорошъ сегодня. Ну, не больше какъ черезъ часъ является бѣдный Филиппъ, и милордъ, только что выслушавшій отъ Тусдена объ этой молодой дѣвницѣ, напустился на бѣднаго молодого человѣка и разругалъ его хуже, чѣмъ Тусденъ. Но мистеръ Ферминъ не изъ такихъ. Онъ не позволитъ никому бранить себя и вѣрно отплатилъ милорду тѣмъ же, потому что я собственными ушами слышалъ, какъ страшно милордъ ругалъ его. Когда у милорда припадокъ подагры, онъ просто страшенъ, говорю я вамъ. Но у насъ на Рождество гости приглашены въ Уингемъ и мы должны быть тамъ. Онъ вчера принялъ лекарство и сегодня такъ ругается и бѣсится на всѣхъ, словно у него бѣлая горячка. А когда мистеръ и мистриссъ Тусденъ прѣехали въ этотъ день (если вы выгоните этого человѣка въ дверь, онъ навѣрно спустится въ трубу) — онъ не захотѣлъ ихъ видѣть, а мнѣ закричалъ:

— «Если придетъ Ферминъ, швырни его съ лѣстницы — слышишь? и ругается, и клянется, что никогда больше не пуститъ его къ себѣ на глаза. Но это еще не все, Ридли. Онъ послалъ за Брадгетомъ, своимъ стряпчимъ, въ этотъ же самый день. Взялъ назадъ свое завѣщаніе, на которомъ я самъ подписывался свидѣтелемъ — я и Уилкоксъ, хозяинъ гостиницы—и я знаю, что онъ отказалъ что-то Фермину. Помните мое слово. Онъ хочетъ сдѣлать что нибудь нехорошее этому бѣдному молодому человѣку.

Мистеръ Ридли пересказалъ подробно весь этотъ разговоръ своей пріятельницѣ мистриссъ Брандонъ, зная, какое участіе принимала она въ этомъ молодомъ джентльменѣ; и съ этими неприятными извѣстіями мистриссъ Брандонъ пришла посоветоваться съ тѣми, кто—какъ говорила добрая сидѣлка — были лучшими друзьями Филиппа на свѣтѣ. Мы желали бы утѣшить Сестрицу, но всѣмъ было извѣстно, какой человѣкъ былъ лордъ Рингудъ, какъ онъ былъ самовластенъ, какъ мотыгелевъ, какъ жестокъ.

Я зналъ мистера Брадгета, стряпчаго, съ которымъ у меня были дѣла, и я пошелъ къ нему болѣе затѣмъ, чтобы говорить о дѣлахъ Филиппа, чѣмъ о своихъ. Но Брадгетъ увидалъ значеніе моихъ вопросовъ и отказался отвѣчать на нихъ.

— Мы съ моимъ кліентомъ не закадычные друзья, сказалъ Брад-

гэтъ, но я обидѣвъ оставался его стричимъ и не долженъ говорить вамъ, находится ли имя мистера Филиппа въ завѣщаніи его сителства, или нѣтъ. И какъ могу я это знать? Онъ можетъ измѣнить свое завѣщаніе, можетъ оставить Фэрмину деньги, можетъ и не оставить. Я надеюсь, что молодой Фэрминъ не расчитываетъ на наслѣдство, а если расчитываетъ, онъ можетъ обмануться. Я знаю десятки людей, которые имѣютъ разныя надежды и не получаютъ ничего.

Вотъ весь отвѣтъ, какого я могъ добиться отъ стриччара.

Я пересказалъ это моей женѣ—разумѣется, каждый послушавшій мнѣ рассказываетъ все-получившей женѣ—но, хотя Брадгэтъ обезкуражилъ насъ, все-таки у насъ оставалась надежда, что старый вельможа обезпечитъ нашего друга, потому Филиппъ женится на Шарлоттѣ, потому онъ все болѣе и болѣе будетъ зарабатывать въ своей газетѣ, потому онъ будетъ счастливъ навсегда. Жена моя считала яички не только прежде, чѣмъ они были выложены, но даже прежде, чѣмъ были у нее курицы. Никогда не видалъ я ни въ чемъ характеръ такого упорнаго упованія. Я съ другой стороны смотрю на вещи—отъ раціональной и умной точки зрѣнія; а если дѣло кончится лучше чѣмъ я ожидалъ, я любезно сознаюсь, что я ошибся.

Но насталъ день, когда мистеръ Брадгэтъ не считалъ уже себя обязаннымъ хранить молчаніе о намѣреніяхъ своего благороднаго клиента. Это было за два дня до Рождества и я, по обыкновенію, зашелъ послѣ полудня въ клубъ. Между посѣтителями происходило нѣкоторое волненіе. Тальботъ Тунсденъ всегда приходилъ въ клубъ десять минутъ пятого и спрашивалъ вечернюю газету такимъ тономъ, какъ будто содержаніе ея было для него чрезвычайно важно. Возьметъ бывало за пуговицу своихъ знакомыхъ и разсуждаетъ съ ними о передовой статьѣ этой газеты съ изумительной серьезностью. Въ этотъ день онъ пришелъ въ клубъ десятью минутами позже обыкновеннаго. Вечернюю газету читали другіе. Лампы на столѣ освѣщали головы плѣшивыя, сѣдые, въ парикахъ—въ комнатахъ слышался говоръ:

- Скоропостижно.
- Подагра въ желудкѣ.
- Обѣдалъ здѣсь только четыре дня тому назадъ.
- Казался совсѣмъ здоровъ!
- Совсѣмъ здоровъ? Нѣтъ! Я не видалъ человѣка болѣе болѣзненной наружности.
- Желтъ какъ гиней.
- Не могъ пить.
- Ругалъ слугъ и Тома Ивиса, который обѣдалъ съ нимъ.
- Семьдесятъ шесть лѣтъ.

— Родился въ одномъ году съ герцогами Беркскими.

— Сорокъ тысячъ годового дохода.

— Сорокъ? Пятьдесятъ восемь тысячъ, говорю я вамъ. Онъ всегда былъ экономенъ.

— Титулъ переходитъ къ его кузену, сэру Джону Рингуду; онъ не здѣшній членъ—онъ членъ Будля.

— Не графство, а баронство.

— Они ненавидѣли другъ друга. У старика былъ бѣшеный характеръ.

— Желательно бы знать, оставилъ ли онъ чтонибудь старому Тунсу...

Тутъ вошелъ Тальботъ.

— Ахъ, полковникъ, какъ поживаете? Чтѣ новаго?—Завтра въ моей новгородѣ, сводилъ счеты. Ъду завтра въ Уингемъ провести Рождество у дяди моей жены, Рингуда, знаете. Я всегда ѣзжу на Рождество въ Уингемъ. Онъ держитъ для насъ фазановъ—я уже плохой охотникъ теперь.

Пока хвастуясь предавался своей напыщенной болтовнѣ, онъ не примѣчалъ значительныхъ взглядовъ, устремленныхъ на него, а если и примѣчалъ, то можетъ быть ему было пріятно возбуждаемое имъ вниманіе. Въ этомъ клубѣ давно раздавались разговоры Тунсдена о Рингудѣ, о фазанахъ, о томъ, что онъ уже плохой охотникъ и о суммѣ, которую его семейство получить послѣ смерти ихъ благороднаго родственника.

— Миѣ кажется, я слышалъ отъ васъ, что сэръ Джонъ Рингудъ наследникъ вашего родственника? спросилъ мистеръ Гукгэмъ.

— Да, баронство—только баронство. Графство принадлежитъ только милорду и его прямымъ наследникамъ. Почему бы ему опять не жениться? Я часто ему говорю: «Рингудъ, зачѣмъ вы не женитесь, хоть бы только для того, чтобы надуть этого вига, сэра Джона. Вы свѣжи и здоровы, Рингудъ. Вы можете еще прожить двадцать лѣтъ, даже двадцать пять. Если вы оставите вашей племянницѣ и ея дѣтямъ чтонибудь, мы не спѣшимъ получать наследство, говорю я—зачѣмъ вы не женитесь?»

— Ахъ, Тунсденъ, ему уже нельзя жениться, сказалъ плачевно мистеръ Гукгэмъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Онъ человѣкъ крѣпкій, необыкновенно сильный, здоровый человѣкъ, еслибы не подагра. Я часто говорю ему: Рингудъ...

— О, ради Бога, остановите его, сказалъ старикъ Тремлеттъ, ко-

терый всегда начиналъ дрожать при звукѣ голоса Тусседенъ. Скажите ему что нибудь.

— Развѣ вы не слышали, Тусседенъ? Не видали? Не знаете? торжественно спросилъ Гунгемъ.

— Слышалъ, видѣлъ, знаю, что? закричалъ тотъ.

— Съ лордомъ Рингудонъ случилось несчастье. Загляните въ газету. Вотъ.

Тусседенъ вынулъ свой золотой лорнетъ, взялъ газету и, милосердый Боже... не я не стану описывать агонію этого благороднаго лица. Надобно Тимадту, живоряску, и набрасываю покрывало на этого Агамемнона.

Те, что Тусседенъ прочелъ въ Globe, былъ краткій параграфъ; но на слѣдующее утро въ Times была одна изъ тѣхъ панахидныхъ статей, которымъ знатные вельможи должны подвергаться отъ таинственныхъ некрографовъ этой газеты.

ГЛАВА XXII.

PULVIS ET UMBRA SUMUS.

Первый и единственный графъ Рингудъ покорился участи, которой должны подвергаться и пэры и простолюдины. Сидя въ свой великолѣпный уипгэмскій замокъ, гдѣ онъ располагалъ угощать знатныхъ гостей на Рождество, его сіятельство оставилъ Лондонъ, только что оправившись отъ подагры, которая мучила его уже нѣсколько лѣтъ. Должно быть болѣзнь вдругъ бросилась въ желудокъ. Въ Террейсъ-Регумъ, за тридцать миль отъ своего великолѣпнаго жилища, гдѣ онъ привыкъ останавливаться, чтобы пообѣдать, онъ уже страдалъ ужасно, на что окружающіе его не обратили такого вниманія, какое должно было бы возбудить его положеніе, потому что, страдая этою мучительною болѣзнию, онъ громко кричалъ и слова его, и обращеніе были чрезвычайно запальчивы. Онъ сердито отказалъ послать за докторомъ въ Террейсъ и непремѣнно хотѣлъ продолжать путь. Онъ принадлежалъ къ людямъ старой школы, которые не хотятъ ѣздить по желѣзной дорогѣ (хотя его состояніе значительно увеличилось, когда черезъ его владѣнія была проложена желѣзная дорога), и его собственными конями всегда встрѣчали его въ Пашперской тавернѣ, въ ничтожной деревушкѣ, за семнадцать миль отъ его великолѣпнаго

зѣмна. Приѣхавъ въ эту таверну, онъ не сдѣлалъ никакого знака, не сказалъ ни одного слова, такъ что слуги его серьёзно испугались. Когда засвѣтили фонари у экипажа и заглянули въ его карету, этотъ владѣлецъ тысячи десятинъ и, по слухамъ, огромнаго богатства, былъ мертвъ. Путешествіе изъ Тёррея было послѣдней стацией продолжительной, счастливой, если не знаменитой, то по крайней мѣрѣ замѣчательной и великолѣпной карьеры.

«Покойный Джонъ Джорджъ, графъ и баронъ Рингудъ и Висконтъ Спикбарсъ вступилъ въ публичную жизнь въ опасный періодъ передъ французской революціей и началъ свою карьеру какъ другъ и товарищъ принца Валлійскаго. Когда его королевское высочество оставилъ партію вигговъ, лордъ Рингудъ также присоединился къ торіямъ и графство было наградою за его вѣрность. Но когда лордъ Стенли былъ сдѣланъ маркизомъ, лордъ Рингудъ поссорился съ своимъ королевскимъ покровителемъ и другомъ, считая, что услуги его несправедливо оскорблены, потому что такое же званіе не было даровано ему. Въ разныхъ случаяхъ онъ подавалъ голосъ за вигговъ. Онъ никогда не примирялся съ покойнымъ королемъ Георгомъ IV, съ которымъ онъ имѣлъ привычку говорить съ характеристическою рѣзкостью. Приближеніе Билла о реформѣ однако окончательно привлекло этого вельможу на сторону торіевъ и онъ оставался съ тѣхъ поръ если не краснорѣчивымъ, то по крайней мѣрѣ ревностнымъ ихъ защитникомъ. Говорятъ, что онъ былъ щедрымъ помѣщикомъ, если его арендаторы не шли наперекоръ его видамъ. Его единственный сынъ умеръ рано, и его сіятельство, если вѣрить молвѣ, находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ и наследникомъ, сэромъ Джономъ Рингудомъ Эпшлшо, баронетомъ, теперь барономъ Рингудомъ. Баронство существуетъ въ этой древней фамиліи со временъ царствованія Георга I, когда сэръ Джону Рингуду было пожаловано дворянство, а сэръ Фрэнсисъ, его братъ, былъ сдѣланъ баронетомъ первымъ изъ нашихъ ганноверскихъ государей».

Эту статью мы съ женою прочли утромъ, наканунѣ Рождества, между тѣмъ какъ наши дѣти украшали лампы и зеркала остролистникомъ для предстоявшаго торжества. Я наскоро отправилъ къ Филлипу наканунѣ записку съ этимъ извѣстіемъ. Судьба его очень насъ тревожила теперь, когда черезъ нѣсколько дней она должна была рѣшиться. Опять мои дѣла или мое любопытство, привели меня къ мистеру Брадгвту, страпчему. Разумѣется, онъ зналъ все. Онъ былъ не прочь поговорить объ этомъ. Смерть его кліента отчасти разжвала языкъ страпчяго, и я долженъ сказать, что Брадгвтъ весьма не лестно отзывался о своемъ благородномъ, покойномъ кліентѣ. Грубости

покойнаго графа тяжело было свосить. Въ послѣднее изъ свиданіе его ругательства и дерзкое обращеніе были особенно противны; онъ разругалъ всѣхъ своихъ родныхъ. Онъ говорилъ, что его наслѣдникъ лицемеръ, методистъ и притворщикъ. Есть у него родственникъ (котораго Брадгэтъ не хотѣлъ назвать) хитрый, низкій плутъ и паразитъ, вѣчно ползавшій передъ нимъ и съ нетерпѣніемъ желавшій его смерти. А другой его родственникъ, безстыдный сынъ мошенника доктора, оскорбилъ его за два часа передъ тѣмъ въ его собственномъ домѣ—явшій, а хочетъ распространять потомство для рабочаго дома, потому что, послѣ его сегодняшняго поведенія, онъ скорѣе очутится надѣ Ахерона, чѣмъ онъ, лордъ Рингудъ, дастъ этому негодаю хоть одинъ пени изъ своихъ денегъ.

— И его сіятельство велѣлъ мнѣ прислать къ нему обратно его завѣщаніе, прибавилъ мистеръ Брадгэтъ. И онъ уничтожилъ это завѣщаніе, прежде чѣмъ уѣхалъ,—это онъ уже не первое сжигалъ. И я могу вамъ сказать теперь, когда все кончено, что въ этомъ завѣщаніи онъ отказывалъ внуку своего брата порядочную сумму денегъ, которую вашъ бѣдный другъ получилъ бы, если бы не былъ у милорда въ этотъ несчастный припадокъ подагры.

А, mea culpa, mea culpa! А кто послалъ Филиппа къ его родственнику въ этотъ несчастный припадокъ подагры? Кто былъ умнѣ такъ свѣтски, такъ по тунсеновски, чтобы совѣтовать Филиппу лесть и покорность? Если бы не этотъ совѣтъ, онъ былъ бы теперь богатъ, онъ могъ бы жениться на своей возлюбленной. Я чуть было не подавился нашей рождественской индѣйкой, когда ѣлъ ее. Свѣчи горѣли тускло, а поцѣлуй и смѣхъ дѣтей нагоняли на меня меланхолю. Если бы не мой совѣтъ, какъ могъ бы быть счастливъ мой другъ! Я искалъ отвѣта въ честныхъ личикахъ моихъ дѣтей. Чтò они сказали бы, если бы знали, что отецъ ихъ совѣтовалъ своему другу ползати и кланяться, и унижаться передъ богатымъ, злымъ старикомъ? Я сидѣлъ безмолвно, какъ на похоронахъ. Смѣхъ моихъ малютокъ терзалъ меня какъ бы угрызениемъ. Съ перьями, съ факелами, съ парадной свитой хоронили лорда Рингуда, который сдѣлалъ бы Филиппа богатымъ, если бы не я.

Вся остававшаяся еще надежда скоро рушилась. Въ Уитгэмѣ было найдено завѣщаніе, написанное годъ тому назадъ, въ которомъ не упоминалось о бѣдномъ Филиппѣ Фэрминѣ. Самая маленькая сумма—постыдно ничтожная, какъ говорилъ Тунсенъ, была оставлена Тунсенамъ, вмѣстѣ съ портретомъ во весь ростъ графа, въ парадномъ костюмѣ, и этотъ портретъ, я полагаю, мало принесъ удовольствія родственникамъ покойнаго, потому что пересылка этого большаго

портрета изъ Уингема стоила такъ дорого, что Тальботъ заплатилъ съ гримасами. Если бы портретъ сопровождался тридцатью, сорока или пятидесятью тысячами—почему онъ не оставилъ имъ пятьдесятъ тысячъ?—какъ различна была бы тогда горестъ Тальбота! Когда онъ считалъ обѣды, которые онъ довалъ для лорда Рингуда,—а они всѣ были записаны у него въ дневникъ—Тунсенъ нашелъ, что онъ изтратилъ болѣе на милорда, чѣмъ тотъ отказалъ ему въ завѣщаніи. Но все семейство надѣло трауръ, даже кучеръ и лакей Тунсена облеклись въ траурную ливрею въ честь знаменитаго покойника. Не каждый день человѣкъ имѣетъ возможность публично оплакивать потерю сѣтельного родственника.

А какъ бѣдный Филиппъ перенесъ свое обманутое ожиданіе? Онъ должно быть чувствовалъ его, потому что мы сами поощряли его въ надеждѣ, что дѣдъ сдѣлаетъ что нибудь для облегченія его нужды. Филиппъ надѣлъ крепь на шпину и отказался отъ всякихъ другихъ наружныхъ признаковъ печали. Если бы старикъ оставилъ ему денегъ, это было бы хорошо. Такъ какъ онъ не оставилъ—дымъ сигары кончаетъ фразу, и нашъ философъ перестаетъ думать о своемъ разочарованіи. Развѣ Филиппъ бѣдный не былъ также независимъ какъ и Филиппъ богатый? Борьба съ бѣдностью здорова въ двадцать пять лѣтъ. Мускулы молодые укрѣпляются борьбою. Это для пожилыхъ, ослабѣвшихъ отъ разстроеннаго здоровья или, можетъ быть, отъ продолжительнаго счастья, битва тяжела.

Широкая спина Фэрмина могла снести тяжелую ношу, и онъ съ радостью бралъ всякую работу, попадавшуюся ему. Фиппсу, сотруднику Daily Intelligencer, нуженъ былъ помощникъ,—Филиппъ съ радостью продалъ четыре часа въ день мистеру Фиппсу; переводилъ изъ французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, заходилъ иногда въ палату депутатовъ и сообщалъ о какомъ нибудь важномъ засѣданіи. Онъ положительно началъ откладывать деньги. Онъ носилъ ужасно поношенное платье, потому что Шарлотта не могла ходить къ нему на квартиру и чинить его лохмотья, какъ дѣлала это Сестрица; но когда мистриссъ Бѣйнисъ бранила его за это—и дѣйствительно должно было быть досадно иногда видѣть, какъ человѣкъ въ своемъ старомъ платьѣ расхаживаетъ въ комнатахъ баронессы Смоленской, говорить громко, противорѣчить и предписываетъ законы—Шарлотта защищала своего оскорбляемаго Филиппа.

— Вы знаете почему мосье Филиппъ носитъ такое поношенное платье? спросила она мадамъ Смоленскую,—потому что онъ посылаетъ деньги своему отцу въ Америку.

А Смоленская сказала, что мосье Филиппъ былъ прекрасный мо-

людей человѣкъ, и что онъ можетъ одѣваться какъ проказецъ на ея вечера,—онъ все-таки будетъ принять хорошо. А мистриссъ Бейнисъ была груба къ Филиппу въ глаза и насмѣкалась надъ нимъ въ отсутствіе. И Филиппъ дрожалъ передъ мистриссъ Бейнисъ и принималъ ея пощечины съ большою кротостью, потому что его Шарлотта была аманатомъ въ рукахъ своей матери, и развѣ генеральна Бейнисъ не могла заставить страдать это бѣдное, маленькое существо?

Нѣсколько индійскихъ дамъ, знакомыхъ мистриссъ Бейнисъ, проводили эту зиму въ Парижѣ; онѣ нанимали меблированныя квартиры въ предмѣстьи Сентъ-Онорэ или въ Елисейскихъ поляхъ, ѣздили въ своихъ экипажахъ, съ лакеемъ на запяткахъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на мистриссъ Бейнисъ за то, что она нанимала квартиру со столомъ и не держала экипажа. Ни одна женщина не любитъ, чтобы ее презирали другія женщины, особенно такая тварь какъ мистриссъ Баттерсъ, жена стряпцаго, изъ Калькутты, которая не бывала въ обществѣ, не ѣздила къ губернатору, а теперь разѣзжалась по Елисейскимъ полямъ и важничала! Вотъ и докторша Мэкуиъ съ своей *юрнишкой*, съ своимъ *поварамъ*, съ своей *коляской* и съ своей *каретой*. (Пожалуйста, читайте эти слова съ самымъ выразительнымъ удареніемъ). А кто такая была мистриссъ Мэкуиъ, позвольте спросить? Ни болѣе, ни менѣе какъ мадамъ Берэ, дочь французской модистки. А эта тварь брызжетъ грязью на тѣхъ, кто получише ея, и которыя ходятъ пѣшкомъ.

— Я говорю моимъ бѣднымъ дочерямъ, сказала мистриссъ Бейнисъ баронессѣ Смоленской, что если бы я была дочь модистки, или отецъ ихъ стряпчимъ, а не вонномъ, служившимъ своей государинѣ во всѣхъ частяхъ свѣта, онѣ *лучше бы одѣвались*, бѣдняжечки! Мы могли бы нанимать прекрасную квартиру въ предмѣстьи Сентъ-Онорэ, а не жили бы здѣсь!

— А если бы я была модистка, я не пускала бы къ себѣ жильцовъ! закричала Смоленская. Отецъ мой былъ генералъ и также служилъ своему государю. Но какъ же вы хотите? Мы всѣ должны дѣлать непріятное и жить съ непріятными людьми.

И съ этими словами баронесса сдѣлала генеральшѣ вѣжливый поклонъ и отправилась къ другимъ дамамъ или гостямъ. Она держалась мнѣнія многихъ друзей Филиппа.

— Ахъ, мосьё Филиппъ, говорила она ему, когда вы женитесь, вы будете жить подалеже отъ этой женщины, не правда ли?

Когда мистриссъ Бейнисъ услышала, что мистриссъ Баттерсъ ѣдетъ въ Тюльри, я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что генеральнею

*

овладѣло пылкое соревнованіе, и она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не уговорила генерала отвезти ее къ посланнику и во дворецъ короля, управлявшаго тогда Франціей. Издержки были не велики. Шарлотту надо же было вывезти. Ея тетка Макъ-Гиртеръ, изъ Тура, прислала ей въ подарокъ денегъ на платье. Надо отдать справедливость мистриссъ Бэйнисъ, она очень мало истратила на свой собственный нарядъ и вынула изъ своего чемодана костюмъ, украшавшій ее въ Калькуттѣ.

— Услышавъ, что поѣхала мистриссъ Баттерсъ, я знавъ, что она не успокоится, сказалъ генералъ Бэйнисъ со вздохомъ.

Жена его отпиралась отъ этого обвиненія, считая его оскорбленіемъ, говорила, что мужчины всегда приписываютъ женщинамъ самыя дурныя причины, между тѣмъ какъ Богу извѣстно, что ея желаніе—только представить приличнымъ образомъ въ свѣтъ свою возлюбленную дочь, а мужа видѣть на мѣстѣ, приличномъ его званію въ обществѣ. Шарлотта была очень мила вечеромъ, въ день бала, и баронесса Смоленская очень мило причесала волосы Шарлоттѣ и предложила Огюста въ лакеи, но тотъ возмутился и сказалъ:

— Non, merci! Я сдѣлаю все для генерала и миссъ Шарлотты, но для генеральши—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

И хотя Шарлотта была такъ прелестна, какъ розовый бутонъ, ей не очень было весело на балѣ, потому что тамъ не было Филиппа. И какъ могъ онъ быть тамъ, когда у него былъ только одинъ сюртукъ и дырявые сапоги?

Послѣ солнечной осени наступаетъ холодная зима, когда вѣтеръ нездоровъ для слабой груди, когда грязно для маленькихъ башмачковъ. Какъ могла Шарлотта выходить въ восемь часовъ по грязи или снѣгу зимняго утра, если она наканунѣ поздно пріѣхала съ бала? Генеральша Бэйнисъ начала часто выѣзжать на парижскіе вечера, т. е. на наши Троядскіе вечера, гдѣ бывало сорокъ Англичанъ, три Француза и одинъ Нѣмецъ, играющій на фортепяно. Шарлоттой очень восхищались. Молва о ея красотѣ разнеслась. Маленькій Гели изъ посольства просто самъ назвался къ докторшѣ Мэкунъ, чтобы посмотреть эту молодую красавицу и танцевалъ съ ней безпрестанно. Гели былъ самый модный кавалеръ; онъ танцевалъ съ принцессами и бывалъ на всѣхъ балахъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Онъ проводилъ Шарлотту до кареты (предряннаго извозничьяго фіакра, надо признаться, но мистриссъ Бэйнисъ сказала ему, что они имѣли не такой экипажъ въ Индіи). Онъ сдѣлалъ имъ визитъ и оставилъ карточку. Я могу назвать много знатныхъ особъ, которыя были очарованы хорощенькой Шарлоттой. Мать ея все болѣе и болѣе стыдилась

длиааго фіанра, въ которомъ наша молодая дѣвица ѣдила на балх, и того кавалера, который иногда помогаль Шарлоттѣ садиться въ экипажъ. Мать Шарлотты не пропускала мимо ушей порицательныхъ замѣчаній объ этомъ кавалерѣ. Какъ? помолвлена за этого страннаго, ржебородаге, молодаго человекка, который наступаль всѣмъ на ноги въ полкъ? Онъ пишеть въ газетахъ, будто бы?—Сынъ того доктора, который убѣжалъ, обманувъ всѣхъ? Какъ это странно, что генераль Бейнисъ задумаль помолвить свою донь за этого человекка.

Мистера Фэрмина приглашали не во всѣ знатные дома, гдѣ бывала его Шарлотта. Да онъ этого и не желаль, и велъ себя очень дерзко и надменно, когда бываль приглашень, опрокидываль подносы, хототаль и кстати, и не кстати, расхаживаль по гостиной, какъ будто онъ Богъ знаетъ какая важная особа — право, онъ принималь такой тонъ, потому что брать его дѣда былъ графъ! А позвольте спросить, чтѣ сдѣлаль для него графъ? И какое право имѣль онъ расхототаться, когда миссъ Крокли пѣла немножко фальшиво? Какъ это могъ генераль Бейнисъ выбрать такого мужа для такой милой, скромной дѣвухи?

Старый генераль, спокойно играя въ вистъ съ другими британскими старичками въ дальней комнатѣ, не слыхаль этихъ замѣчаній, можетъ быть, но мистриссъ Бейнисъ своими зоркими глазами и чуткими ушами видѣла и знала все. Многіе говорили ей, что Филиппъ дурная партія для ея дочери. Она слышала, какъ онъ спокойно спориль съ богачами. Мистеру Гобдѣю, у котораго въ Лондонѣ собственный домъ, и который бываеть въ первѣйшихъ домахъ въ Парижѣ, Филиппъ противорѣчилъ напрямки, такъ что мистеръ Гобдѣй даже вспыхнулъ, а мистриссъ Гобдѣй не знала, куда ей глядѣть. Свръ Чарльзъ Пеплоу изъ зѣйка Пеплоу, хвалиль поэмы Томлинсона и предложилъ прочеть ихъ вслухъ мистриссъ Баджеръ, а онъ читаеть прекрасно, хотя можетъ быть немножко въ носъ—а когда онъ собирался начать, мистеръ Фэрминъ сказаль:

— Любезный Пеплоу, ради Бога, не читайте этой гнили.

Гнили! Какое выраженіе! Разумѣется, мистеръ Пеплоу былъ очень раздосадованъ. И это простой сотрудникъ газеты! Слыхаль ли кто когда такую грубость! Мистриссъ Туффинъ сказала, что она тотчасъ приняла свои мѣры, какъ только увидала мистера Фэрмина въ первый разъ.

— Можетъ быть онъ племянникъ графа, хотя мнѣ это все равно. Можетъ быть, онъ былъ въ университетѣ, однако онъ не имѣеть порядочныхъ манеръ. Можетъ быть онъ уменъ, и я не выдаю себя за судью; но онъ надмененъ, неуклюжъ, непріятенъ. Я не приглашу его

на мои вторники и я прошу тебя, Эмма, когда онъ пригласитъ тебя танцовать, чтобы ты съ нимъ не шла!

Вы понимаете, что быкъ на лугу, въ стадѣ другихъ быковъ—животное благородное, но быкъ въ Фарфоровой лавкѣ не на мѣстѣ: таковъ былъ и Филиппъ на этихъ маленькихъ вечерахъ, гдѣ его грива, копыта, ревъ производили безконечную суматоху.

Эти замѣчанія о будущемъ своемъ зятѣ, мистриссъ Бейнисъ слышала и повторяла. Она управляла Бейнисомъ, но была очень осторожна и втайнѣ боялась его. Разъ или два она зашла слишкомъ далеко въ своемъ обращеніи съ спокойнымъ старикомъ; онъ возмущился, остановилъ ее и никогда ей не простилъ. Далѣе извѣстной точки, она не смѣла раздражать мужа. Она говорила:

— Бейнисъ, бракъ—лоттерей, и мнѣ кажется, что нашей бѣдной Шарлоттѣ достался не хорошій билетъ.

На это генераль отвѣчалъ ей:

— Не хуже чѣмъ другимъ, моя милая! И перемѣнялъ разговоръ.

Въ другой разъ она говорила:

— Ты слышалъ, какъ грубъ былъ Филиппъ Ферминъ съ мистеромъ Габдэйемъ?

А генераль отвѣчалъ:

— Я игралъ въ карты, моя милая.

Опять она говорила:

— Мистриссъ Туффинъ говоритъ, что она не хочетъ приглашать Филиппа Фермина на свои вторники.

А генераль отвѣчалъ:

— Тѣмъ лучше для него!

— Ахъ, прибавила она, онъ вѣчно обижаетъ когонибудь!

— Кажется, онъ не очень нравится тебѣ, Элиза! замѣтилъ генераль.

— Да, я признаюсь, отвѣчала она:—и мнѣ непріятно думать, что мое кроткое дитя будетъ терпѣть бѣдность и съ такимъ человѣкомъ.

— А ты развѣ думаешь, что я нахожу это очень хорошей партией? вскричалъ генераль и, отвернувшись къ стѣнѣ, заснулъ.

Бѣдной же Шарлотты мать не боялась, и когда онъ объ оставались вдвоемъ, бѣдная дѣвушка знала, что мать будетъ ее огорчать нападками на Филиппа.

— Видѣла ты какъ онъ одѣтъ? На жилетѣ недостаетъ пуговицы, въ сапогѣ дыра.

— Мамá, вскричала Шарлотта, вспыхнувъ, онъ могъ бы лучше одѣваться, если бы... если бы...

— То есть ты хотѣла бы, чтобы твой отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ,

мать просила милостыню, сестры ходили въ лохмотьяхъ, братья умирали съ голода, Шарлотта, чтобы заплатить Филиппу Фермину деньги, украденныя его отцемъ! Да... Вотъ что ты хотѣла сказать. Нечего тебѣ объясняться. Я могу очень хорошо понять тебя, благодарствую. Спокойной ночи. Я надѣюсь, что ты будешь спать хорошо, а я не буду послѣ этого разговора. Спокойной ночи, Шарлотта!

О потокъ истинной любви, всегда ли ты гладко течешь? Бѣдная Шарлотта помолчалась за своего Филиппа, и когда она закрыла глаза на своемъ изголовьи, они были смочены слезами. Почему ея мать вѣчно говорить противъ него? Почему ея отецъ ставовится такъ холодеетъ, когда упомянуть о Филиппѣ? Можетъ ли Шарлотта думать о комъ нибудь другомъ? О, никогда, никогда! А въ смежной комнатѣ старшій джентльменъ не можетъ сомкнуть глазъ и все думаетъ:

«Моя бѣдная дѣвочка помолвлена за нищаго. Всѣ наши надежды, что онъ получитъ наслѣдство послѣ этого лорда, кончилися. Бѣдное дитя, бѣдное дитя, что будетъ съ нею?»

Теперь перенесемся въ комнату мистера Филиппа, который былъ такъ грубъ и неприятенъ на вечерѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ оскорбилъ кого нибудь. Онъ воротился домой очень довольный. Прежде чѣмъ легъ спать, онъ сталъ на колѣна возлѣ своей кровати, и отъ всего сердца, и отъ всей души поручилъ свою возлюбленную покровительству небесному и заслужъ какъ ребенокъ.

ГЛАВА XXIII.

Въ которой мы еще бродимъ около Елисейскихъ полей.

Биографъ друга моего, мистера Филиппа Фермина, не старался ничего смягчать, и я надѣюсь ничего не представилъ злоумышленно. Если у Филиппа были дыры на сапогахъ, я и писалъ, что у него дыры на сапогахъ. Если у него борода рыжая—она и представлена рыжей въ этой исторiи. Я могъ бы разрисовать ее великолѣпныхъ каштановымъ оттѣнкомъ. Съ скромными людьми онъ всегда бывалъ кротокъ и нѣженъ; но я долженъ признаться, что вообще въ обществѣ онъ не всегда былъ прiятнымъ собесѣдникомъ. Онъ часто бывалъ надмененъ и дерзокъ; онъ терпѣть не могъ ни длинныхъ разсказовъ, ни пошлостей. Гарнизонныя анекдоты мистриссъ Бейнисъ очень нетерпѣливо выслу-

шивались мистеромъ Филиппомъ, хотя Шарлотта кротко увѣщевала его, говоря:

— Дайте же мамѣ до конца разсказать свою исторію, не отвѣтывайтесь, не заговаривайте о другомъ, не говорите ей, что вы слышали прежде эту исторію, грубійнѣ! Если она недовольна вами, она сердится на меня, и я должна страдать, когда вы уйдете.

Шарлотта не говорила, до какой степени она страдала безъ Филиппа, какъ постоянно ея мать бранила его, какую грустную жизнь, вслѣдствіе своей привязанности къ нему, должна была вести молодая дѣвушка, и я боюсь, что неуклюжій Филиппъ, въ своей эгоистической беззаботности, не очень принималъ во вниманіе страданія, какія его поведеніе причинило дѣвущкѣ. Видите, я признаюсь, что онъ былъ виноватъ съ своей стороны, его, впрочемъ, можно бы извинить въ некоторой степени, тѣмъ, что генеральша Бэйнисъ была гораздо болѣе виновата передъ нимъ. Она не любила бы Филиппа всегда, а неужели вы думаете, что она могла полюбить Филиппа за то, что была обязана ему? Любите ли вы вашего кредитора за то, что вы должны ему болѣе, чѣмъ въ состояніи ему заплатить? Если бы я никогда не платилъ моему портному, находился ли бы я съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ? Мнѣ не нравились бы ни его сукно, ни его покрой, и навѣрно я находилъ бы счеты его непоимѣрными, хотя не платилъ по нимъ. Одолженія очень неудобоваримы. Они тяжелы для очень гордыхъ желудковъ.

Изъ экономіи Бэйнисы не имѣли гостиной у баронессы Смоленской, потому что нельзя же было назвать гостиной эту комнату во второмъ этажѣ, въ которой стояло двѣ кровати, и въ которой младшіе Бэйнисы учились на фортепяно у бѣдной Шарлотты. Филиппъ долженъ былъ ухаживать за своей возлюбленной на глазахъ всего семейства; это было бы ужасно и почти невозможно, если бы наши друзья не прогуливались иногда въ Елисейскихъ поляхъ. Я не намѣренъ секретничать относительно того, что они наконецъ обвѣнчались и были счастливы. Я презираю хитрости. Въ то время, когда была мода писать романы въ три тома, не глядѣли ли вы всегда на конецъ, будутъ ли счастливы Луиза и графъ (а можетъ быть и молодой пасторъ)? Если они умрутъ или будутъ имѣть какія нибудь огорченія другаго рода, я положилъ бы книгу въ сторону. Но эта чета обвѣнчалась и, надѣюсь, была счастлива. До свадьбы и послѣ, однако, они имѣли большія горести и непріятности. Они обвѣнчались? Разумѣется. Неужели, вы думаете, я допустилъ бы Шарлотту встрѣчаться съ Филиппомъ въ Елисейскихъ Поляхъ, если бы они не должны были обвѣнчаться потомъ? Они гуляли вмѣстѣ, и разъ, когда шла рука объ ру-

ку по Елисейскимъ Полямъ, съ маленькимъ братомъ Шарлотты, разу- мѣется, кого, вы думаете, увидали они въ щегольской коляскѣ? Моло- даго Тунседова и мистера и мистриссъ Улькомъ, которыхъ Филиппъ снялъ свою шляпу съ низкимъ помпокомъ, а потомъ тремко захохо- талъ. Улькомъ вѣрно это слышалъ. А мистриссъ Улькомъ слетна по- краснѣла, что, безъ сомнѣнія, еще увеличило красоту этой изыщной лэди. Я не секретничаю насчетъ моихъ дѣйствующихъ лицъ и вы- сказываю мое мнѣніе о нихъ совершенно свободно. Говорятъ, что Уль- комъ былъ ревнивъ, скупъ, жестокъ, что жена его вела печальную жизнь. Ну такъ что жъ? Мнѣ, право, все равно.

— Это нищій Ферминъ! закричалъ смуглый новобрачный, кусая свои усы.

— Безстыдный и дерзкій негодяй, сказалъ младшій Тунседъ.

— Не лучше ли остановить коляску и разругать его передъ нами, а не при мнѣ? тожно сказала мистриссъ Улькомъ, откидываясь на подушки.

— Ну, чортъ тебя возьми! Vite! закричали джентльмены въ ко- ляскѣ кучеру.

— Я воображаю, какъ вамъ не хочется его видѣть, продолжала мистриссъ Улькомъ. У него характеръ горячій, и я не хотѣла бы, что- бы вы поссорились.

Улькомъ опять разругалъ кучера и счастливая чета, какъ говорит- ся, покатила въ Булонскій лѣсъ.

— Чему вы такъ смѣетесь? спросила Шарлотта нѣжно, идя возлѣ своего возлюбленнаго.

— Потому что я такъ счастливъ! отвѣчалъ Филиппъ, прижимая къ своему сердцу маленькую ручку, которая лежала на его рукѣ.

И онъ думаетъ о той женщинѣ, которая проѣхала въ коляскѣ, а потомъ взглядываетъ въ чистое личико кроткой дѣвушки, которая идетъ рядомъ съ нимъ, и неизмѣримое чувство признательности наполняетъ грудь молодого человѣка—признательности за избавленіе отъ опасности, которой онъ подвергался, и за чудную награду, достав- шуюся ему.

Но не всѣ прогулки мистера Флиппа были такъ пріятны, какъ эта, и мы приступаемъ теперь къ исторіи мокрыхъ, скользкихъ до- рогъ, дурной, зимней погоды. Я могу вамъ обѣщать только, что эта мрачная часть въ разсказѣ будетъ непродолжительна. Вы признаетесь, что мы скоро покончили съ любовью, которую я считаю самымъ лег- кимъ дѣломъ для романиста. Когда плутъ восторженный сцени между героемъ и героиней, писатель, зная свой дѣло, можетъ думать о чемъ нибудь другомъ—о слѣдующей главѣ или о томъ, что у него

будеть за обѣдомъ, намъ о чемъ вы хотите; следовательно, если мы быстро пройдемъ восторгъ и радости любви, то и о горестяхъ нечего распространяться. Если наши молодые люди должны страдать, пусть ихъ огорченія скорѣе пройдутъ. Пожалуйте, сядьте на это кресло, миссъ Байнсъ, а вы, мистеръ Фермиль, на это. Позвольте мнѣ поспиритить, отерите вашъ ротъ, и — вотъ уже и кончено! Немножко одеколонна съ водою. А теперь, мистеръ Фермиль, мы — какой огромный! Двѣ гинемъ. Благодарю. Доброе утро. Пожалуйте ко мнѣ развѣ въ годъ.

И я не набреюсь заниматься неприятными дѣлами болѣе чѣмъ тѣмъ сочувствительный и проворный операторъ, которому я осмѣлился уподобить себя. Если у моей хорошенькой Шарлотты надо выдернууть зубъ, онъ будетъ выдернуть чрезвычайно осторожно. Что касается до рысобоковой челюсти Филиппа, я не прочь, чтобы Филиппъ немножко разревѣлся. Однако эти раны остаются на всю жизнь. Мы всѣ страдали; весьма вѣроятно, что вы, моя милая, юная миссъ или мой милый мистеръ, читающіе эту скромную страницу, будете также страдать въ свое время. Вы не умрете отъ операціи, но она мучительна, и много лѣтъ спустя, когда рана разболится, печальная трагедія опять разыграется.

Филиппъ любилъ, чтобы его возлюбленная выѣзжала, танцевала, смѣялась, возбуждала восторгъ, была счастлива. Она невинно рассказывала ему о своихъ балахъ, вечерахъ, удовольствіяхъ, кавалерахъ. Въ первый сезонъ выѣзда ничто не ускользаетъ отъ дѣвушки. Не слышали ли вы, какъ онѣ рассказываютъ о нарядахъ матушекъ, о комплиментахъ молодыхъ людей, о поведеніи дѣвушекъ и мало ли еще о чемъ?

Шарлотта болтала обо всемъ Филиппу, а Филиппъ, хохоталъ во все горло! Какъ могъ человѣкъ недавно раззорившійся, человѣкъ только что обманувшійся въ ожиданіи насчетъ полученія наследства отъ своего родственника, графа, человѣкъ, у котораго сапоги въ такомъ плачевномъ состояніи, — какъ могъ онъ такъ смѣяться и быть такъ веселъ? Какъ смѣетъ такой дерзкій нищій, какъ Рингуадъ Тундсенъ называлъ своего кузена, быть счастливымъ! Дѣло въ томъ, что этотъ смѣхъ, какъ олеуза, заставилъ щени этихъ трехъ Тундсеновъ покраснѣть. Веселость Филиппа прогнала тучи съ нѣжнаго личика Шарлотты. Сомнѣнія, заставлявшія биться ея сердце, исчезали. Шарлотта лицезрѣла, что случается иногда со всѣми добрыми женщинами. У ней были огорченія, она скрывала ихъ отъ Филиппа. Ея сомнѣнія и опасенія исчезали, когда она глядѣла въ его честные, голубые глаза. Она не говорила ему о тѣхъ мучительныхъ вочахъ, когда ея глаза бывали заплаканы и безсонны. Старуха въ бѣлой кофѣ, въ ночномъ

часикѣ приходила не встать изъ ея кровати и соннѣ угрюмый голосомъ лаяла противъ Филиппа. Жестявый наездъ этой старухи указывалъ на всѣ недостатки Филиппа. Она надергивала носъ, говорилъ о трубкѣ бѣднаго молодого человѣка, его трубкѣ, его собеседницѣ и угнѣнительницѣ, когда его возлюбленной нѣтъ съ нимъ. Старуха разсуждала о вчерашнихъ кавалерахъ; объ очевидномъ вниманіи мучила, о вѣжливости ихъ и благородномъ обращеніи.

А когда кончалась ночная пытка, и мать Шарлотты оставляла въ покоѣ бѣдную дѣвушку, иногда баронесса Смоленская, сидѣвшая за своими книгами и счетами и не снѣвшая отъ своихъ собственныхъ заботъ, прокрадывалась къ Шарлоттѣ угнѣнять ее, и приносила ей какую нибудь тизану превосходную для нервовъ, и говорила съ нею о—о томъ, что Шарлота любила слушать болѣе всего. И хотя Смоленская бывала вѣжлива къ мистриссъ Бейнсомъ утромъ, какъ ей предписывалъ долгъ, она признавалась, что часто чувствовала желаніе задупшить генеральшу за ея поведеніе съ этимъ ангельчикомъ, ея дочерью, и все только потому, что отъ мосье Филиппа пахнетъ трубкой.

— Какъ, семейство обязанное вамъ насущнымъ хлѣбомъ, бросаетъ васъ изъ-за трубки! Трусы, трусы! Дочь солдата этого не боятся! Послушайте, мосье Филиппъ, сказала баронесса нашему другу, когда дѣла дошли до крайности. Знаете что я сдѣлала бы на вашемъ мѣстѣ? Французу я этого не сказала бы, это разумѣется само собой. Но въ Англіи иначе дѣлаются эти вещи. У меня нѣтъ денегъ, но у меня есть кашмировая шаль—возмите ее; и будь я на вашемъ мѣстѣ, я сдѣлала бы маленькую вождку въ Гретна-Гринъ.

Теперь, если вамъ угодно, мы оставимъ Елисейскія поля и проберемся въ предмѣстье Сентъ-Онора и войдемъ въ ворота дома, занимаемаго англійскимъ посольствомъ, прямо въ канцелярію. Тамъ мы найдемъ мистера Моткома, мистера Лоундеса, мистера Гакина и нашего пріятеля Уальсингѣма Гели сидящихъ за своими столами среди значительныхъ клубовъ дыма.

Гели съ семнадцатилѣтняго возраста (теперь ему двадцать три года) постоянно былъ влюбленъ, разумѣется, въ дочь своего учителя, въ лавочницу, въ сестру своего пріятеля, въ прелестную датчанку въ прошломъ году, а теперь, я очень боюсь, что одна наша молодежькая знакомая привлекла вниманіе этого пылкаго Донъ-Жуана. Всякій разъ, какъ Гели влюбится, онъ думаетъ, что его страсть продолжится вѣчно; выбираетъ въ повѣренныя перваго встрѣчнаго, проливаетъ обильныя слезы и сочиняетъ стихи. Помните, какъ въ предыдущей главѣ мы говорили, что мистриссъ Тѣффинъ рѣшила,

что они не будутъ приглашать Филиппа на свои soirées, и объявила его непріятнымъ молодымъ человѣкомъ? Она съ радостью принимала Уэльситама Гели съ его томнымъ видомъ, пониженною головою, блѣдыми кудрями и цвѣткомъ въ петлицѣ; мистеръ Гели, пылко гонимый за высокою миссъ Блэклокъ, бывалъ у мистриссъ Тэффниъ и былъ принимаемъ тамъ съ почетомъ; а потому нашъ мотылекъ перепорхнулъ къ миссъ Бейнисъ. Миссъ Бейнисъ такъ любила танцовать, что пошла бы и съ мукой, а Гели, отличавшійся въ разныя Шаупиёгес, Мабилес (или какія публичныя танцевальныя мѣста были тогда въ модѣ) былъ прелюбезный и прекрасный кавалеръ. Шарлотта рассказала на слѣдующій день Филиппу, какого милого кавалера она нашла — бѣдному Филиппу, не приглашенному на этотъ вечеръ. А Филиппъ сказалъ, что онъ знаетъ этого маленькаго человѣчка, что кажется онъ богатъ, что онъ сочиняетъ прехорошенькіе стихи—словомъ, Филиппъ, по своей львиной заманкѣ, смотрѣлъ на маленькаго Гели, какъ левъ смотритъ на болонку.

А этотъ маленькій лукавецъ умѣлъ придумывать разныя хитрости. У него была очень тонкая чувствительность и прекрасный вкусъ, который очень скоро прельщался невинностью и красотой. Слезы у него явились, я не скажу по заказу, потому что онѣ лились изъ его глазъ противъ его воли. Невинность и свѣжесть Шарлотты наполнили его живѣйшимъ удовольствіемъ. *Bon Dieu!* Что такое была эта высокая миссъ Блэклокъ, бывшая уже на тысячи балахъ, въ сравненіи съ этимъ безыскусственнымъ, счастливымъ созданіемъ? Онъ перепорхнулъ отъ миссъ Блэклокъ къ Шарлоттѣ, какъ только увидѣлъ няшу молоденькую пріятельницу; а Блэклоки, знавшіе все и о немъ, и о его деньгахъ, и о его матери, и о его надеждахъ, имѣвшіе его стихи въ своихъ жалкихъ альбомахъ, и помнившіа, что онъ каждый день скакалъ возлѣ ихъ коляски въ Булонскомъ лѣсу, нахмурились, когда онъ бросилъ ихъ и все танцовалъ съ этой миссъ Бейнисъ, которая жила въ квартирѣ со столонъ и пріѣзжала на вечера въ фіакрѣ съ своей противной, старой матерью! Блэклоки перестали существовать для мистера Гели. Онѣ пригласили его обѣдать, а онъ совсѣмъ о томъ забылъ! Онъ не приходилъ уже къ нимъ въ ложу въ оперѣ и не чувствовалъ ни малѣйшихъ угрызеній, не имѣлъ никакихъ воспоминаній.

Какую свѣжестью, какую невинностью, какими веселымъ добродушіемъ отличалась Шарлотта! Мистеръ Гели тронуть, вѣжко заинтересованъ; ея безыскусственный голосъ заставляетъ его трепетать; онъ дрожитъ, когда вальсируетъ съ нею. Ей нечего скрывать. Она рассказала ему все, что ему хотѣлось знать. Это ея первая зима въ Парижѣ, ея первый сезонъ выѣзда. Она прежде была только на двухъ ба-

лакъ и два раза въ театрѣ. Они жила въ Блусейджикъ, возлѣ, у баронессы Смоленской. Они были у мистриссъ Дашъ и у мистриссъ Бланкъ, и она думаетъ, что они ѣдутъ къ мистриссъ Старсъ въ пачинну. А бываетъ ли она въ церкви? Разумѣется, въ улицѣ Агессо. И мистеръ Гели отправился въ церковь въ слѣдующее воскресенье. А дома пѣлъ романсы собственнаго сочиненія, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Онъ пѣлъ и въ гостяхъ. У него былъ прехорошенькій голосъ. Я полагаю, что всѣ поэмы, сочиненныя Гели, были внушены миссъ Бэйнисъ. Онъ началъ писать о ней и о себѣ послѣ перваго вечера, въ который увидалъ ее. Онъ курилъ сигары и пилъ зеленый чай. Онъ былъ такъ блѣденъ—такъ блѣденъ и грустенъ, что ему самому было жаль себя, когда онъ глядѣлся въ зеркало въ своей квартирѣ, въ улицѣ Мирожениль. Онъ сравнивалъ себя съ морякомъ, претерпѣвшимъ крушеніе, и съ челоѣкомъ, погребеннымъ заживо и возвращеннымъ къ жизни. И онъ плакалъ наединѣ самъ съ собою. А на слѣдующій день онъ отправился къ своей матери и сестрѣ въ Hôtel de la Terrasse и плакалъ передъ ними, и говорилъ, что на этотъ разъ влюбленъ навсегда. Сестра назвала его дуракомъ. Наплакавшись вдоволь, онъ пообѣдалъ съ прекраснымъ адетитомъ. И всѣхъ, и каждого бралъ онъ въ повѣренныя, какъ онъ дѣлалъ всегда, когда былъ влюбленъ; онъ всегда рассказывалъ, всегда сочинялъ стихи, всегда плакалъ. А что касается до миссъ Блэклокъ, то трудъ этой любви онъ зарылъ глубоко въ океанѣ своей души.

Мать и сестра, некрасивая, живая дѣвушка, баловали Гели, какъ женщинами всегда балуютъ сына, брата, отца, мужа, дѣда—словомъ всякаго родственника мужескаго пола.

Видѣть женатымъ этого избалованнаго сына было любимымъ желаніемъ добродушной матери. Старшій сынъ умеръ жертвою удовольствій и праздности. Вдова—мать отдала бы все на свѣтѣ, чтобы спасти втораго сына отъ той карьеры, на которой погибъ старшій. Молодаго челоѣка ожидало впереди такое богатство, что она знала, какъ будутъ стараться поймать его разныя хитрыя женщины. Ее выдали за его отца, потому что онъ былъ богатъ, и она помнила, какъ мраченъ и несчастенъ былъ ихъ союзъ. О, еслибы она могла видѣть своего сына избавленнымъ отъ искушенія и мужемъ честной дѣвушки! Это первый сезонъ молодой дѣвушки? Тѣмъ вѣроятнѣе, что въ ней нѣтъ еще суетности.

— Генералъ? ты помнишь премилаго старичка, въ парикѣ, въ тотъ день, когда мы обѣдали у лорда Тримма и когда тамъ былъ этотъ противный лордъ Рингулъ? Это былъ генералъ Бэйнисъ, онъ съ такимъ энтузіазмомъ заступился за одного бѣднаго молодого челоѣка, сына

доктора Фермина, который, кажется, был дурной человекъ. Да, въ темномъ парикѣ—я очень хорошо помню его, лордъ Тригъ говорилъ, что это былъ замѣчательный офицеръ. И я не сомнѣваюсь, что его жена должна быть препріятная особа. Жены генераловъ, путешествовавшіе по всему свѣту, должны быть необыкновенно свѣдущи. Они нанимаютъ квартиру со столомъ? Это должно быть очень пріятно и весело. Мы сейчасъ къ нимъ поѣдемъ.

Въ этотъ самый день, когда Макгригоръ и Мойра Бейниси играли въ саду баронессы Смоленской, мнѣ кажется Мойра только что собирался приколотить Макгригора, когда его братоубійственная рука была остановлена подѣхавшей желтой каретой, большой, лондонской, семейной каретой.

— *Ceci madam Smolensk?* спросилъ напугренный лакей.

— *Oui*, сказалъ мальчикъ, кивая головой.

— *Ici demeure general Bang?* продолжалъ лакей.

— Нѣтъ дома, отвѣчалъ по-англійски мальчикъ.

— Кого нѣтъ дома? спросилъ слуга.

— Генерала Бейниси, моего отца, нѣтъ дома. Мы отдадимъ ему карточку, когда онъ воротится; *мистриссъ Гели*. О, Макъ, это то самое ния, которое было на карточкѣ того щоголя, чѣмъ былъ у насъ намедни! Дома нѣтъ. Уѣхали съ визитами. Нарочко наняли карету. Уѣхали съ моей сестрой. Право, уѣхали.

Филиппъ пришелъ обѣдать, и такъ какъ это не его ночтовый день, онъ явился рано, надѣясь, можетъ быть, прогуляться съ миссъ Шарлоттой или поговорить въ маленькой гостиной баронессы Смоленской. Онъ нашелъ обонихъ мальчиковъ на дворѣ съ карточкой мистриссъ Гели въ рукахъ; они рассказали ему о посѣщеніи дамы въ щегольской каретѣ, матери щоголя съ цѣткомъ въ петлицѣ, который приѣзжалъ намедни на такой рѣзвой лошади.

— Да. Онъ былъ въ воскресенье въ церкви и подарилъ Шарлоттѣ книгу съ гимнами, и пѣлъ. Папа сказалъ, что онъ пѣлъ, какъ дудочникъ. А мамѣ сказала, что папа злой, а это неправда, папа только шутилъ. Мамѣ говорить, что вы никогда не бываете въ церкви. Зачѣмъ вы не бываете?

У Филиппа не было ни капли ревности въ его великодушномъ характерѣ, и онъ скорѣе обвинилъ бы Шарлотту въ воровствѣ серебряныхъ ложекъ у баронессы, чѣмъ въ кокетствѣ съ другими мужчинами.

— У васъ были важные гости, сказалъ онъ Шарлоттѣ. Я помню эту богатую мистриссъ Гели, пациентку моего отца. Моя бѣдная мать бывала у нея.

— О, мы часто видимъ мистера Гели, Филиппъ! вскричала миссъ

Шарлотта, не обращая вниманія на то, что мать ея нахмурилась и сердито киваетъ ей головою.

— Вы ни разу не упомянули о немъ. Онъ одинъ изъ первыхъ дяди въ Парижѣ, настоящій левъ, замѣтилъ Филиппъ.

— Онъ? Какой забавный львенокъ! Я вовсе не думала о немъ, просто сказала Шарлотта.

О, неблагодарность! А мы рассказывали, какъ онъ выплывалъ глаза о ней.

— Вы говорите о дудочникѣ? спрашиваетъ папѣ. Я называю его дудочникомъ, потому что онъ такъ хорошо... Ну, что такое моя душа?

Мистриссъ Бейнисъ толкнула генерала въ эту минуту. Она не желала, чтобы дудочникъ составлялъ предметъ разговора.

— Мать дудочника очень богата и дудочникъ получить наследство послѣ ея смерти. У ней въ Лондонѣ прекрасный домъ. Она даетъ прекрасные вечера. Она ѣздитъ въ каретѣ; она была у тебя вѣрно приглашать тебя на свои балы.

Мистриссъ Бейнисъ была въ восторгѣ отъ этого посѣщенія. И когда она говорила: «Я не дорожу важными людьми, ихъ балами, ихъ каретами, но я желаю, чтобы моя милая дочь видѣла свѣтъ», — я не вѣрю ни одному слову мистриссъ Бейнисъ. Она радовалась болѣе Шарлотты при мысли посѣщать эту важную даму, а то зачѣмъ бы ей такъ льстить генералу и любезничать съ нимъ во весь вечеръ? Ей хотѣлось новаго платья. Ея желтое платье было уже очень поношено; но Шарлотта въ своемъ простомъ бѣломъ, кисейномъ казалась такъ мила, что могла обойтись безъ помощи французской модистки. Я воображаю, какъ происходило совѣщаніе съ баронессой Смоленской и съ мистриссъ Бейнчъ. Я воображаю, какъ нанять былъ фіакръ и какъ отправились къ модисткѣ на слѣдующій день. А когда фасонъ платья былъ рѣшенъ съ модисткой, я воображаю, какой ужасъ изобразился на лицѣ мистриссъ Бейнисъ, когда она увидѣла счетъ. Надо отдать ей справедливость, жена генерала тратила мало на свою непригожую особу. Она выбирала себѣ платья не красивыя, а дешевыя. Столько плечъ надо было придѣть въ этой семьѣ, что бережливая мать не обращала вниманія на украшеніе своихъ собственныхъ.

ГЛАВА XXIV.

NEC DULCES AMORES SPERNE, PUER, NEQUE TU CHOREAS.

— Моя милая, сказала мистриссъ Бейнисъ своей дочери, ты теперь много выѣжаешь въ свѣтъ. Ты будешь часто тамъ, гдѣ бѣдный Филиппъ не можетъ надѣяться быть принятымъ.

— Я не хочу бывать тамъ, гдѣ не будутъ принимать Филиппа! вскричала дѣвушка.

— Ты успеешь бросить выѣзды, когда выдешь за него. Но напрасно ты думаешь, что онъ вѣчно будетъ оставаться дома. Не все мужчины такіе домосѣды, какъ твой отецъ. Немногіе любятъ сидѣть дома такъ какъ онъ. Право, я могу сказать, что я умѣла сдѣлать для него пріятнымъ его домъ. А Филиппъ не можетъ надѣяться бывать тамъ, гдѣ бываемъ мы. Онъ не въ такомъ положеніи. Вспомни, отецъ твой генераль и скоро можетъ сдѣлается кавалеромъ ордена подвязки, а мать твоя генеральша. Мы можемъ бывать вездѣ. Я могла бы бывать у насъ при дворѣ. Леди Биггсъ съ радостью представила бы меня. Тетка твоя была представлена ко двору, а она только маіорша Макъ-Гиртеръ; большую глупость сдѣлалъ Макъ, отпустивъ ее. Но она управляетъ имъ во всемъ и у нихъ нѣтъ дѣтей. А я жертвую собою для дѣтей. Ты не знаешь, чего я лишаю себя для дѣтей. Я сказала леди Биггсъ: мужъ мой можетъ представиться. У него есть свой мундиръ, и это ничего ему не будетъ стоить, кромѣ того, что онъ найметъ карету; но я не буду тратить денегъ на перья и брилліанты, и хотя я не уступаю въ вѣрноподданствѣ никому, моя государыня не хватится меня. Ея величеству есть о чемъ подумать кромѣ генеральши Бэйнисъ. Она сама мать и можетъ оцѣнить жертву матери дѣтямъ.

Если я до сихъ поръ не передавалъ вамъ подробно разговоры генеральши Бэйнисъ, я не думаю, чтобы вы, мой уважаемый читатель, очень сердились на это.

— Позволь мнѣ предостеречь тебя, дитя, продолжала генеральша, не много говорить Филиппу о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты бываешь безъ него, и гдѣ ему не позволяетъ быть его положеніе въ жизни. Скрывать отъ него? О, Боже мой, нѣтъ! Это только для его же пользы, ты понимаешь... Я не все рассказываю твоему папѣ, чтобы не раздражать его и не раздражить. Чтò можетъ сдѣлать ему удовольствіе и обрадовать его, то я рассказываю ему. А Филиппъ—я должна сказать тебѣ какъ мать—имѣть свои недостатки. Онъ *завистливъ*. Не обижайся. Онъ много думаетъ о себѣ; его избаловали, его слишкомъ превозносили при его несчастномъ отцѣ; онъ такъ гордъ и надмененъ, что *забываетъ свое положеніе*, и думаетъ, что онъ можетъ жить въ высшемъ обществѣ. Если бы лордъ Рингудъ оставилъ ему состояніе, какъ Филиппъ *обнадежилъ* насъ, когда мы давали наше согласіе на этотъ несчастный бракъ, потому что мысль, что наше милое дитя выдетъ за нищаго, весьма непріятна и печальна для насъ; я не могу не говорить этого, Шарлотта; если бы я лежала на смертномъ одрѣ,

я не могла бы сказать этого, и я желала бы отъ всего сердца, чтобы мы никогда не видали его и не слышали объ немъ. Вотъ, пожалуйста, не обижайся! Что я сказала, позвошь спросить? Я сказала, что Филиппъ не имѣетъ никакого положенія въ обществѣ или, лучше сказать, занимаетъ весьма, весьма ничтожное—онъ просто сотрудникъ газеты, да еще второстепенный—въ этомъ сознаются всѣ. А когда онъ услышитъ отъ насъ, что мы были на тѣхъ вечерахъ, гдѣ мы имѣемъ право бывать, куда ты имѣешь право ѣздить съ твоею матерью, женою генерала, онъ обидится. Ему будетъ непріятно, что его не принимаютъ туда; тебѣ лучше вовсе не говорить съ нимъ о томъ, гдѣ ты бываешь, съ кѣмъ встрѣчаешься, съ кѣмъ танцуешь. У мистриссъ Гели ты можешь танцовать съ лордомъ Гэдбѣри, сыномъ посланника. А если ты скажешь Филиппу, онъ обидится. Онъ скажетъ, что ты этимъ хвастаешься. Когда я была только женою поручика въ Баррапорѣ, капитанша Кэперсъ ѣздила въ Калькутту на балы къ губернатору, а я нѣтъ. И я обижалась, и я говорила, что Флора Кэперсъ важничаетъ и вѣчно хвастается своею короткостью съ маркизой Гэстингсъ. Мы не любимъ, чтобы равные намъ находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ мы. Помяни мое слово; если ты будешь говорить съ Филиппомъ о тѣхъ, кого ты встрѣчаешь въ обществѣ и съ кѣмъ ему не позволяеть знакомиться его несчастное положеніе, ты обидишь его. Вотъ почему я толкнула тебя наемни, когда ты говорила о мистриссъ Гели. Какая нелѣпость! Я видѣла, что Филиппъ разсердился,—началъ кусать свои усы, какъ онъ всегда дѣлаетъ, когда сердится; вотъ и ты опять разсердилась, душечка! Моя ли это Шарлотта, которая, бывало, не сердилась никогда? Я знаю свѣтъ, милая, а ты не знаешь. Погляди, какъ я обращалась съ твоимъ папѣ; повторяю тебѣ, не говори Филиппу о томъ, что можетъ оскорбить его! Поцѣлуй твою бѣдную, старую мать, которая любитъ тебя. Сходи на верхъ, вымой свои глаза и приходи къ обѣду счастливою.

За обѣдомъ генеральша Бэйнисъ была необыкновенно любезна къ Филиппу, а любезность ея была особенно противна Филиппу, великодушная натура котораго не могла выносить хитростей этой необразованной старухи.

Слѣдуя совѣту матери, бѣдная Шарлотта почти совсѣмъ не говорила съ Филиппомъ о тѣхъ вечерахъ, на которыхъ они бывали, и объ удовольствіяхъ, которыми она пользовалась безъ него. Я думаю, что мистриссъ Бэйнисъ была совершенно счастлива при мысли, что она «руководитъ» своею дочерью, какъ слѣдуетъ. Какъ будто грубая женщина, потому что она низка, жадна, лицемѣрна, имѣетъ право руководить невинною натурою къ дурному! Ахъ, еслибы многіе изъ

нась, стариковъ, поучились у дѣтей своихъ, я увѣренъ, сударыня, что это было бы очень полезно для насъ! Въ моемъ правнукѣ Томми хранится такой запасъ здраваго смысла и благороднаго чувства, который поцѣнитъ всей опытности и знанія свѣта его дѣдушки. Знаніе свѣта ничто иное какъ эгоизмъ и притворство! Томъ презираетъ ложь, когда ему хочется персика, онъ кричитъ, чтобы ему дали его. Если его мать желаетъ ѣхать на вечеръ, она хитритъ и льститъ цѣлый мѣсяць, чтобы достигнуть своей цѣли; получаетъ тысячу возраженій и опять принимается за свое съ улыбкою—и эта женщина вѣчно читаетъ нравоученія своимъ дочерямъ и сыновьямъ о добродѣтели, честности и моральномъ поведеніи!

Маленькій вечеръ у мистриссъ Гели въ Hôtel de la Terrasse былъ очень пріятенъ и блестящъ; миссъ Шарлоттѣ было весело, хотя ея возлюбленнаго тамъ не было. Но Филиппъ былъ радъ, что его Шарлотта веселится. Съ удивленіемъ смотрѣла она на парижскихъ герцогинь, на американскихъ миллионершъ, на дэнди изъ посольствъ, на депутатовъ и французскихъ пэровъ съ большими звѣздами и въ парикахъ какъ ея папá. Она весело описала этотъ вечеръ Филиппу, т. е., разумѣется, описала все, кромѣ своего успѣха, который былъ несомнѣненъ. У мистриссъ Гели было много красавиць, но никого не было свѣжѣе и красивѣе Шарлотты. Миссъ Блэклокъ уѣхала очень рано и въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Хитрый принцъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ отъѣздъ. Всѣ его мысли были устремлены на Шарлотту. Мама Шарлотты видѣла, какое впечатлѣніе производила ея дочь и преисполнилась личною радостью. Добродушная мистриссъ Гели похвалила ей ея дочь.

— Слава Богу, она столько же добра сколько хороша, сказала мать, и я увѣренъ, что на этотъ разъ она говорила именно что думала.

Хитрый принцъ почти не танцевалъ ни съ кѣмъ кромѣ нея. Онъ осыпалъ ее цѣлымъ потокомъ комплиментовъ. Она была такъ простодушна, что не поняла и десятой части изъ того, что онъ говорилъ ей. Онъ усыпалъ ея путь розами поэзіи, онъ увѣшалъ сентиментальными гирляндами всю дорогу изъ передней, съ лѣстницы, до фіакра, который отвозилъ ее домой.

— Ей Богу, Шарлотта, ты плѣнила этого молодца, вскричалъ генераль, котораго необыкновенно забавлялъ молодой Гели—и его восторги, его аффектація, его длинные волосы. Бэйнисъ никогда не видаль подобнаго щеголя. Офицеры въ его полку говорили о собакахъ, лошадяхъ, охотѣ. Гражданскій чиновникъ, болтавшій на двѣнадцати

ямкахъ, раздушенный, улыбающійся, совершенно довольный и собою и свѣтомъ, былъ новостью для стараго генерала.

Насталъ день рожденія королевы—и дай Богъ, чтобы онъ наста-валъ еще много лѣтъ—а вмѣстѣ съ нимъ ежегодный балъ, даваемый лордомъ Эстрадажемъ въ честь своей государыни. Генералу, генераль-шѣ и миссъ Бэйнисъ былъ посланъ пригласительный билетъ; безъ сомнѣнія, это было сдѣлано посредствомъ мистера Уальсингема Гели. Еще разъ мундиръ ветерана былъ вынутъ изъ чемодана, съ эполетами, крестомъ и лентой, жена уговаривала его купить непременно новый парикъ—парики были дешевы и хороши въ Парижѣ, но Бэйнисъ сказалъ, что при новомъ парикѣ старый мундиръ покажется очень ветхъ, а новый мундиръ будетъ стоить слишкомъ дорого.

Если генераль Бэйнисъ былъ въ поношеномъ платьѣ на балѣ у посланника, мнѣ кажется, я знаю одного моего пріятеля, который также имѣлъ поношенный костюмъ. Въ дни своего благоденствія, мистеръ Филиппъ былъ *agens cultor et infrequens* баловъ, раутовъ и дамскаго общества. Можетъ быть Филиппъ до того такъ неглижировалъ всемъ этимъ, что отецъ его слишкомъ дорожилъ его успѣхами въ свѣтѣ и сердился за его равнодушіе къ нимъ. Притворныя улыбки, лицемерная вѣжливость старшихъ возбуждаютъ презрѣніе молодыхъ людей. Филиппъ презиралъ притворство и свѣтъ, принимавшій это притворство съ доброжелательствомъ. Онъ тогда держался подальше отъ баловъ и вечеровъ, его бальный костюмъ служилъ ему надолго. Я не знаю, какъ старъ былъ его фракъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, но онъ привыкъ уважать этотъ костюмъ и считать его новымъ и красивымъ. Вы знаете, что въ Пале-Роялѣ вывѣшиваютъ самыя великолѣпныя плафроки, жилеты и проч.

«Нѣтъ, думалъ Филиппъ, возвращаясь съ своего дешеваго обѣда и смотря подъ аркадами на лавки портныхъ, засунувъ руки въ карманъ, мой коричневый, бархатный жилетъ, купленный мною еще въ университетѣ, гораздо изящнѣе, чѣмъ эти пестрыя вещи. Мой фракъ, конечно, старъ, но мѣдныя пуговицы очень ярко блестятъ, и это самый приличный, джентльменскій костюмъ.

Подъ вліяніемъ этой обманчивой мечты, честный юноша одѣлся въ старый фракъ, зажегъ двѣ свѣчи и самодовольно поглядѣлся въ зеркало, надѣлъ пару дешевыхъ перчатокъ и отправился въ домъ англійскаго посольства. Цѣлый рядъ экипажей тянулся по улицѣ и, разумѣется подъѣздъ былъ великолѣпно освѣщенъ.

Почему Филиппъ не заплатилъ за перчатки три франка, вмѣсто двадцати девяти су? Мистриссъ Бэйнисъ нашла отличную лавку съ дешевыми перчатками, куда бѣдный Филь отправился въ простотѣ сво-

его сердца; теперь же, подходя къ освѣщенному подъѣзду, Филиппъ увидалъ, что перчатки лопнули и руки его видѣлись сквозь прорѣхи красные какъ сырой бифтексъ. Удивительный видъ имѣютъ красныя руки сквозь дыры въ бѣлыхъ перчаткахъ. Сюртукъ и жилетъ были узки и стариннаго фасона. Нужды нѣтъ. Грудь широка, руки мускулисты и длинны, а лицо Филиппа было мужественно, честно и красиво. Нѣсколько времени глаза его свирѣпо и тревожно обошли всю комнату отъ группы до группы, но теперь—а! теперь—они остановились. Они встрѣтили другіе глаза, которые засвѣтились радостнымъ привѣтствіемъ. Юныя же щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ. Это были щеки Шарлотты, а возлѣ нея щеки мамѣ приняла совершенно различный цвѣтъ.

Большой палецъ на одной изъ дешевыхъ перчатокъ Филиппа разорвался—ужасная бѣда, потому что онъ будетъ танцовать съ Шарлоттой и долженъ давать свою руку визави.

Кто подходитъ улыбаясь, съ развѣвающимися кудрями и усами, въ изящныхъ перчаткахъ, на маленькихъ хорошенькихъ рукахъ и съ крошечными ногами? Это Гели Уальсингемъ, легче всѣхъ танцующій. Генеральша Бэйнисъ чрезвычайно любезно встрѣчаетъ молодаго человѣка. Свѣтло и весело засіяли глаза Шарлотты, когда она взглянула на своего любимаго кавалера. Это вѣрно, что бѣдный Филь не можетъ надѣяться танцовать такъ, какъ Гели.

— Посмотри, какія у него прекрасныя ноги и руки, говоритъ мистриссъ Бэйнисъ. *Comme il est bien ganté!* Джентльмэнъ долженъ всегда имѣть хорошія перчатки.

— Зачѣмъ вы послали меня въ лавку, гдѣ перчатки продаются по двадцати девяти су? возражаетъ бѣдный Филь, смотря на свой торчащій красный палецъ.

— О, *ваши* руки (тутъ мистриссъ Бэйнисъ пожала своими старыми, желтыми плечами) прорвутъ всякія перчатки! Какъ ваше здоровье, мистеръ Гели? Ваша мамѣ здѣсь? Да, разумѣется, она здѣсь! Какой восхитительный вечеръ дала она намъ! Милая посланница кажется не совсѣмъ здорова. Какія у ней пріятныя манеры; а лордъ Эстриджъ какой совершеннѣйшій джентльмэнъ!

На какой танецъ аганжирована миссъ Бэйнисъ?

— На какой вамъ угодно! вскричала Шарлотта, которая называла Гели своимъ танцевальнымъ учителемъ и думала о немъ только, какъ о кавалерѣ въ танцахъ.

— О, какосъ счастье! О, если бы это могло продолжаться вѣчно! сказалъ со вздохомъ Гели послѣ вальса, польки, мазурки, устремивъ на Шарлотту весь пылъ своихъ голубыхъ глазъ.

— Вѣчно! повторила Шарлотта, смѣясь. Я точно очень люблю танцевать. Вы танцуете прекрасно. Но не знаю, хотѣла ли бы я танцевать вѣчно!

Прежде чѣмъ она кончила эти слова, онъ опять завертѣлъ ее по комнатамъ. Его маленькія ноги летали съ изумительною легкостью. Его волосы развѣвались. Онъ распространялъ благоуханіе вокругъ себя. Носовой платокъ, которымъ онъ обмахивалъ свое блѣдное чело, выходилъ на кисейное облако, а бѣдный Филиппъ видитъ съ ужасомъ, что въ его носовомъ платкѣ три большія дыры. Его носъ и одинъ глазъ высунулись сквозь нихъ, когда Филь отиралъ свой лобъ. Было очень жарко. Ему было очень жарко; ему было жарче, хотя онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, чѣмъ Гели, который танцевалъ.

— Хи-хи! Поздравляю васъ съ такими перчатками и съ такимъ носовымъ платкомъ, сказала мистриссъ Бейннись, качая своимъ турбаномъ. — Вотъ! Благодарствуйте! Уйдите лучше въ другое мѣсто, вскричала съ бѣшенствомъ мистриссъ Бейннись.

Нога бѣднаго Филиппа наступила на ея воланъ. Какой онъ красивый! Гели и Шарлотта вертятся, какъ оперные танцовщики! Филиппъ скрежещетъ зубами, застегиваетъ свой фракъ. Какъ онъ ему узокъ! Какъ свирѣпо сверкаютъ его глаза! Всегда ли молодые люди бываютъ свирѣлы на балахъ? Молодые англичане обязаны танцевать. Общество призываетъ его къ исполненію этого долга. Но я не знаю, долженъ ли онъ имѣть веселый и легкомысленный видъ во время такого важнаго занятія.

Нѣжное личико Шарлотты улыбалось такъ весело на Филиппа черезъ плечо Гели и казалось такъ счастливо, что ему не могло придти на мысль сердиться на нее за ея удовольствіе, и счастливъ былъ бы онъ этииъ созерцаніемъ, смотря не на танцующихъ, кружившихся около него, а на нее—центръ всѣхъ его радостей и удовольствій, какъ вдругъ пронзительный голосъ послышался позади его:

— Прочь съ дороги, чортъ васъ побори!

И на Филиппа наткнулся Рингудъ Тунсенъ, вертась съ миссъ Флорой Тоттеръ, самой неустрашимой танцовщицей этого сезона въ Парижѣ. Они промчались мимо Филиппа, они оттолкнули его къ колоннѣ. Онъ услышалъ крикъ, ругательство и громкій смѣхъ Тунсена.

Я говорилъ вамъ, что фракъ Филиппа былъ очень узокъ. При этомъ сильномъ толчкѣ онъ лопнулъ на спинѣ, а на груди отскочила пуговица. Это было въ тѣ времена, когда бронзовыя пуговицы еще красовались на груди нѣкоторыхъ отважныхъ, и мы сказали, что дроствующій Филиппъ еще считалъ свой фракъ прекраснымъ.

Не только разорвался фракъ, не только отскочила пуговица, но

даже лопнул бархатный жилетъ Филиппа. Что дѣлать? Отступление было необходимо. Онъ сказалъ миссъ Шарлоттѣ, какой онъ получилъ толчокъ и на лицѣ ея выразилось комическое выраженіе состраданія — онъ закрылъ часть прорѣхъ своею шляпою — и хотѣлъ пробраться черезъ садъ, разумеется, тоже иллюминированный, свѣтлый и наполненный толпою, но не до такой степени, какъ залы и галлерей.

Итакъ нашъ бѣдный раненый другъ отправился въ садъ, на который сіяла луна съ самымъ безстрашнымъ равнодушіемъ къ празднеству и разноцвѣтнымъ фонарикамъ. Филиппъ говорилъ, что душа его успокоилась при видѣ безстрастной луны и мерцающихъ звѣздъ, и что онъ совершенной забылъ свое маленькое приключеніе и разорванный фракъ, и жилетъ, но я сомнѣваюсь въ справедливости этого увѣренія, потому что, рассказывая объ этомъ въ другой разъ, мистеръ Филиппъ признавался, что онъ былъ раздосадованъ и взбѣшенъ.

Ну, пошелъ онъ въ садъ и успокоивалъ себя созерцаніемъ звѣздъ, когда у фонтана съ статуею Прадѣ, освѣщенной чуднымъ рядомъ фонариковъ, онъ увидалъ трехъ джентльменовъ разговаривавшихъ между собой.

Громкій голосъ одного Филиппъ давно зналъ. Рингудъ Тунсденъ любилъ поговорить и угостить себя чужимъ виномъ. Онъ шелъ за здоровье государыни весьма прилежно, я полагаю, и говорилъ необыкновенно громко и весело. Съ Рингудомъ стоялъ Улькомъ, физиономію котораго ярко освѣщали фонарики и глаза котораго блестяли при огнѣ, а третій въ группѣ былъ мистеръ Лоундись.

— Я терпѣть его не могу, Лоундись, говорилъ Рингудъ Тунсденъ. Я терпѣть его не могу! Чортъ его возьми! И вдругъ вижу онъ стоять. Честное слово удержаться не могъ, направилъ на него миссъ Троттеръ, да и прижалъ его къ стѣнѣ. Затрещалъ фракъ нищого, отлетѣли пуговицы! Не мѣсто ему здѣсь....

Тутъ рѣчь мистера Рингуда прервалась: его кузенъ очутился передъ нимъ, угрюмо кусая усы.

— Зачѣмъ вы подслушиваете мой разговоръ? записалъ Рингудъ. — Я....

Филиппъ протянулъ руку въ разорванной перчаткѣ, схватилъ заворотъ своего родственника и швырнулъ его въ маленькій бассейнъ, посреди цвѣтовъ, воды и фонариковъ.

Не знаю, сколько мѣдныхъ пуговицъ отарвалось отъ бѣднаго стараго фрака, который затрещалъ и лопнулъ отъ волненія гнѣвно воздвигавшейся груди. Я надѣюсь, что нашъ художникъ не будетъ описывать мистера Фармина въ этомъ оборванномъ видѣ, а его распростертаго врага ревавшего въ водѣ, посреди разбитыхъ фонариковъ у его

ногъ. Когда Сандрильона уѣхала съ своего перваго бала, послѣ того какъ часы пробили двѣнадцать, мы всё знаемъ, какой она имѣла жалкій видъ. Филиппъ казался еще хуже ея. Не знаю, въ какую боковую дверь мистеръ Лоундись выпустилъ его. Онъ также добродетельно помогъ родственнику и противнику мистера Филиппа, мистеру Рингуду Туисдену. Руки и фалды фрака Туисдена были обожжены и значканы масломъ и обрѣзаны стеклами. Но хотя молодой Лоундись брать сторону Филиппа, описывая эту сцену (я боюсь, что не безъ смѣха), его превосходительство велѣлъ вычеркнуть имя мистера Фермина изъ списка его гостей, и я увѣренъ, что ни одинъ умный человѣкъ не будетъ защищать его поведеніе въ этомъ случаѣ.

Миссъ Бэйнисъ и ея родители не знали нѣсколько времени о суматохѣ, случившейся въ саду посольства. Шарлотта была слишкомъ занята своими танцами; папѣ игралъ въ карты съ какими-то ветеранами мужскаго и женскаго рода, а мамѣ съ восторгомъ смотрѣла на свою дочь, которую молодые джентльмены изъ многихъ посольствъ съ восхищеніемъ выбирали своею дамою. Когда лорда Гэдбѣри, сына лорда Эстриджи, представили Миссъ Бэйнисъ, мать ея пришла въ такой восторгъ, что сама была готова танцевать. Я не завидую майоршѣ Макъ-Гиртеръ въ Турѣ, получившей огромную рукопись отъ сестры съ описаніемъ этого бала. Вотъ эта прелестная, изящная, образованная, *всюду производящая восторгъ*, Шарлотта, о которой *сходили съ ума* молодые и богатые вельможи, помолвлена съ грубымъ, *самонадѣяннымъ*, дурно воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, *безъ кнѣпки за душой* — не досадно ли это? Ахъ, бѣдный Филиппъ! Какъ эта кислая, желтая будущая теща нахмурилась на него, когда онъ пришелъ съ нѣсколько пристыженнымъ видомъ къ своей невѣстѣ, на другой день бала! Мистриссъ Бэйнисъ заставила дочь одѣться нарядно, запретила бѣдной дѣвушкѣ выходить, ласкала ее, нарядила въ разныя свои украшенія, съ нѣжною надеждою, что лордъ Гэдбѣри, что желтый испанецъ изъ посольства, прусскій секретарь и Уэльсингамъ Гели, кавалеры Шарлотты на балѣ, пріѣдутъ непременно; но единственный экипажъ подъѣзжавшій къ воротамъ дома баронессы Смоленской, былъ фіакръ, изъ котораго вышли хорошо знакомые, дырявые сапоги Филиппа. Такая нѣжная мать, какъ мистриссъ Бэйнисъ, очень могла раздосадоваться.

Филиппъ же былъ необыкновенно застѣнчивъ и скромнень. Онъ не зналъ, съ какой точки зрѣнія его друзья взглянуть на его вчерашній поступокъ. Онъ сидѣлъ цѣлое утро дома съ однимъ польскимъ полковникомъ, который жилъ въ одной съ нимъ гостинницѣ, и котораго Филиппъ пригласилъ въ свои секунданты на случай, если вчерашняя

баталия будетъ имѣть послѣдствія. Онъ оставилъ полювника съ табакомъ и нивомъ, а самъ поспешилъ взглянуть на свою возлюбленную. Бэйнисы не слыхали о вчерашней баталиі. Они только и говорили о балѣ, о любезности лорда Эстриджа, о присутствіи королевскихъ принцевъ, удостоившихъ этотъ балъ своимъ присутствіемъ. Филиппа мамъ побранныла и холодно приняла; но онъ привыкъ къ этому обращенію и почувствовалъ большое облегченіе, найдя, что ей неизвѣстно его безпорядочное поведеніе. Онъ не сказалъ Шарлоттѣ о своей ссорѣ: это могло испугать дѣвушку, итакъ разъ въ жизни другъ нашъ промолчалъ.

Но если онъ имѣлъ вліяніе на издателя *Galigani's Messenger*, почему онъ не упросилъ редакторовъ этой превосходной газеты не упоминать о суматохѣ, происходившей на балу посланника? Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что черезъ два дня послѣ бала, въ газетѣ появился параграфъ, рассказывавшій подробности баталиі. И виновный Филиппъ нашелъ нумеръ этой газеты на столѣ передъ мистриссъ Бэйнисъ и генераломъ, когда онъ пришелъ въ Елисейскія Поля по своему обыкновенію. За этой газетой сидѣлъ генералъ майоръ Бэйнисъ въ большомъ смущеніи, а возлѣ него его грозная супруга. Но Шарлотты въ комнатѣ не было.

ПОЛИТИКА.

Америка.—Паденіе метрополіи рабства.—Симпатія европейскіхъ пролетаріевъ къ Неграмъ.—Пораженіе рабовладѣльцевъ при Питтсбургѣ.—Послѣднія извѣстія о Мерримакѣ и Мониторѣ.—Странное путешествіе французскаго посланника при вашингтонскомъ правительствѣ въ Ричмондъ.—Замыслы тюльерійскаго двора относительно мексиканскаго престола. **Испанія.**—Правленіе маршала О'Довнела и сестры Патроцаніо.—Преслѣдованіе протестантовъ. **Англія.**—Открытіе лондонской выставки.—Положеніе парламентскихъ партій.—Состояніе англійскихъ рабочихъ.—Дѣла Индіи.—Милосердый Капитанъ.—Его возвращеніе въ Англію.—Подлоги въ государственныхъ бумагахъ, совершенныя Пальмерстономъ. **Франція.**—Освобожденіе и новзя блистательная выходка Миреса.—Снисходительность французскаго суда къ «финансовымъ операціямъ» и строгость его къ литературѣ. **Италія.**—Отозваніе Гойона въ Парижъ.—Овація, сдѣланныя Виктору Эммануилу въ Неаполѣ и Сициліи.—Подвиги папы Пія IX.—Воззваніе къ Римлянамъ.—Импровизированный походъ на Австрію.—Аресты.—Положеніе Гарибальди. **Греція.**—Взятіе Навплии.—Состояніе народнаго духа. **Турція.**—Война съ Сербами и Черногорцами.—Возвращеніе Омера Паша въ Константинополь. **Австрія.**—Затруднительное положеніе австрійскаго кабинета по поводу Венгрии и Венеціи. **Пруссія.**—Открытіе новой палаты.—Празднованіе памяти Фихте. **Курфюршество Гессенское.**—Несогласія между курфюрстомъ и его подданными.—Пруссія, Австрія и Германскій сеймъ принимаютъ сторону права народовъ противъ такъ называемаго права божескаго.

Итакъ, взята наконецъ столица этого могущественнаго владыки хлопка! Метрополія рабства пала передъ федеральными солдатами, явившимися съ бомбардами и канонерными лодками. Новый Орлеанъ сдался своему непріятелю безусловно. Знамя, предвѣщающее свободу, теперь развѣвается надъ этимъ обширнымъ рынкомъ рабовъ!

До сдачи, жители этого города столько хвастались своимъ могуществомъ и съ такимъ пренебреженіемъ говорили о своихъ врагахъ, что никто не хотѣлъ вѣрить извѣстію о паденіи гордой столицы сепаратистовъ. Цѣлый годъ журналы Нового Орлеана трубили наперерывъ другъ передъ другомъ: «Когда же наконецъ нападутъ на насъ эти проклятые Янки?! Пусть только явятся они — и мы немедленно обратимъ ихъ въ бѣгство! Посмотримъ, какъ-то суда ихъ поѣдутъ вверхъ по Миссиссиппи, какъ-то проберутся они подъ выстрѣлами фортовъ Джэксона, Сентъ-Филлиппа и Сентъ-Леона и какъ-то сладятъ съ нашими желѣзными пароходами и съ нашими броненосными батареями! Если они не погибнуть въ продолженіе этого ряда битвъ, то пусть явятся къ нашему городу, къ тому самому мѣсту, откуда въ 1815 году долженъ былъ обратиться вспять англійскій флотъ! Съ нетерпѣніемъ ждемъ мы высадки федеральныхъ войскъ: пусть вступаютъ они на то самое поле сраженія, гдѣ армія генерала Пэкенгема была истреблена до послѣдняго человѣка и гдѣ наши предки едва успѣвали хоронить убитыхъ непріятелей!» Эти родомонтады повторялись такъ часто и съ такимъ воодушевленіемъ, что привели въ недоумѣніе всѣхъ. Самые свѣдущіе федералисты опасались, что пройдетъ еще цѣлое лѣто, прежде чѣмъ отпавшій городъ снова вступитъ въ предѣлы союза.

И вотъ вдругъ бѣглецы Негры приносятъ великое, невѣроятное извѣстіе: фортъ Джэксонъ и его могущественная артиллерія взяты послѣ страшной бомбардировки, продолжавшейся тридцать шесть часовъ. Форты Сентъ-Филиппъ и Сентъ-Леонъ не представляли серьезнаго сопротивленія. Пятьдесятъ федеральныхъ канонерныхъ лодокъ расположились въ боевой порядокъ передъ городомъ сепаратистовъ, простирившимся на двѣнадцать километровъ вдоль берега рѣки. Въ то же время войска, назначенныя для высадки, смѣло вступили на поле сраженія, гдѣ въ 1815 году разбита была армія Англичаевъ. Пока федеральные солдаты шли на городъ, хвастливыя войска рабовладельцевъ выступали оттуда въ строгомъ порядкѣ, не рѣшаясь на бой съ непріателемъ, но унося съ собою свои сокровища и дѣлая выстрѣлы по женщинамъ и дѣтямъ, которыя, при видѣ приближавшагося звѣздоноснаго знамени отечества, испускали радостныя крики. Увѣренный въ своей безнаказанности, мэръ Нового Орлеана хотѣлъ пасть подобно Рийляпиу и произнесъ гордые слова: «Я уступаю грубой силѣ. Я не солдатъ, не располагаю арміею и не могу защищаться»... Онъ дѣйствительно не располагалъ войскомъ въ городѣ, содержащемъ полтора-

ста тысяч жителей, преданныхъ, по его словамъ, дѣлу правды и независимости! Сила въ томъ, что въ числѣ этихъ 150,000 душъ находится 20,000 Негровъ, пришедшихъ въ истинный восторгъ по поводу прибытія федералистовъ, 30,000 Нѣмцевъ, 20,000 Ирландцевъ и 10,000 Французовъ, которые всѣ болѣе или менѣе сочувствуютъ дѣлу освобожденія невольниковъ и болѣе или менѣе разорены въслѣдствіе возстанія южныхъ штатовъ. Ужъ, конечно, не между ними мѣръ Нового Орлеана могъ надѣяться набрать войско для защиты города!

Политическія послѣдствія взятія метрополи юга неимоверны. Начать съ того, что армія Борегара не можетъ болѣе рассчитывать на полученіе съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, которые ей доставлялись прежде. Миссиссипи теперь по всему своему теченію переходитъ во власть федералистовъ. Между тѣмъ какъ флотилія изъ каюшернахъ лодокъ осаждастъ Мемфисъ съ верховья, флотъ гораздо болѣе страшный можетъ плыть вверхъ по рѣкѣ, взять на пути Батонъ-Ружъ и Виксбургъ и угрожать Мемфису со стороны низовья. Съ утвержденіемъ господства федералистовъ на рѣкѣ Миссиссипи, силы рабовладѣльцевъ, уже и безъ того раздвоенныя, распадаются на три части, которыя не могутъ подать помощи другъ другу и должны сражаться каждая отдѣльно, то есть безъ надежды на успѣхъ. Генералу Борегару, притѣсняемому федеральными войсками съ сѣвера и съ востока, угрожаетъ опасность съ юга въслѣдствіе взятія Нового Орлеана и съ запада отъ флота, находящагося на Миссиссипи. Этотъ предводитель сепаратистовъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ непріателемъ. Если онъ герой, то ему остается только пробить себѣ дорогу сквозь непріятельскіе ряды и, переходя отъ одной битвы къ другой, искать окончательнаго своего пораженія. Тогда опустошеніе и пожаръ одни будутъ служить слѣдами храбрыхъ рыцарей невольничества. Возстаніе южныхъ штатовъ будетъ имѣть послѣдствіемъ одно только разореніе плантаторовъ. Опустошеніе, произведенное войною, уже дѣйствительно ужасно! Южная часть Миссури и сѣверная Аркансаса, икогда бывшія обѣтованною землею рабовладѣльцевъ, «страною, гдѣ течетъ млеко и медъ», теперь представляютъ пустыню, въ которой, какъ въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны, находятся одни покинутыя села и поля, заростаемые хворостникомъ. Невозможность содержать себя въ этой странѣ заставила войска той и другой стороны, по взаимному соглашенію, покинуть эту спорную территорію и перейти въ долину Миссиссипи.

*

Надо сказать къ чести нашего поколѣнія—оно не допустило огромнымъ матеріальнымъ интересамъ восторжествовать надъ чувствомъ справедливости. У него на одной чашкѣ вѣсовъ взгромождены были кны хлопчатой бумаги на милліоны и милліоны франковъ; въ нихъ заключались богатство фабрикантовъ, благосостояніе купцовъ, насущный хлѣбъ работниковъ. На другой чашкѣ находилась какая-то невидимая сила, быть можетъ ничтожная сама по себѣ, братская любовь и симпатія къ черному невольнику—этому отверженнику человѣческаго общества, состраданіе къ несчастному рабу, угнетенному и битому. И что же? Къ удивленію, перевѣсъ оказался не на сторонѣ богатства, не на сторонѣ товаровъ, золота и серебра!

Сказать правду, мы были менѣе хорошаго мнѣнія о нашей эпохѣ, чѣмъ она заслуживаетъ. Нами сначала овладѣло страшное безпокойство. Соединенные штаты затѣяли гражданскую войну, притворяясь, будто не знаютъ о существованіи невольниковъ. Сѣверъ въ своихъ врагахъ хотѣлъ видѣть только мятежниковъ, нарушавшихъ союзный договоръ. Что касается до правительствъ Франціи и Англій, то они поступили еще хуже (*): они при каждомъ удобномъ случаѣ выказывали предпочтеніе дѣлу рабовладѣльцевъ. Противъ Сѣвера они начали войну протоколовъ, стараясь раздражить его внушительными нотами и разными коварными продѣлками. Когда возникло дѣло *Трента*, они были увѣрены, что можно будетъ затѣять также войну пушечную. После того, какъ неожиданнымъ образомъ уладилось это первое затрудненіе, они отчаянно возстали противъ загражденія Чарльстонской гавани, называя это дѣйствіе *кровавымъ*. Наши оффиціальныя филантропы и публицисты въ угоду правительству твердили изо всѣхъ силъ, что хлопокъ есть необходимая пища для машинъ, *conditio sine qua non* нашей современной цивилизаціи; что безъ хлопка не можетъ быть мануфактуръ, безъ мануфактуръ—торговли, безъ торговли—государства, безъ государства—правительства, и что тамъ, гдѣ нѣтъ правительства, должны водвориться безпорядокъ, анархія и безчеловѣчность. Наши правительства, по увѣренію этихъ учителей, имѣли не только право, но даже обязанность подать руку помощи рабовладѣльцамъ; цѣною нашихъ флотовъ, нашихъ армій, цѣною несправедливости слѣ-

(*) Это ясно обнаружилось также изъ переписки, найденной на кораблѣ сепаратистовъ, Колгоунгъ, зашедшемъ на мель въ Миссиссипи и взятомъ федералистами.

довало дать хлѣбъ милліонамъ работниковъ, живущихъ хлопчатобумажною промышленностью; надо было, во что бы то ни стало, воспрепятствовать закрытію огромнаго множества фабрикъ, гдѣ сосредоточивается столько живыхъ силъ, которыя, оставаясь безъ занятія, рано или поздно могутъ сдѣлаться опасными.

И что же? Между тѣмъ, какъ наши правительства и богатые и образованныя сословія хлопотали о войнѣ, наши работники требовали мира съ Соединенными штатами. Закрытіе американскаго рынка повергало въ бѣдствіе и работниковъ французскихъ, лишившихся возможности посылать туда свои шелковыя ткани и другія издѣлія, и работниковъ англійскихъ, которые не могли болѣе получать оттуда хлопокъ и разные сырые продукты. А между тѣмъ и англійскіе, и французскіе работники съ твердостью переносили свое бѣдственное положеніе; они не оставили дѣла угнетеннаго Негра и не перешли на сторону его господина, не смотря на увѣщанія ловкихъ и умныхъ публицистовъ. Въ особенности въ Англии, гдѣ голосъ работника можетъ раздаваться почти свободно, митинги и журналы рабочихъ классовъ разразились криками проклятій противъ гнусной войны, которая готовилась въ высшей правительственной сферѣ, подобно тому какъ гроза и опустошительный градъ готовятся въ мрачныхъ тучахъ. Бѣлый бѣднякъ почувствовалъ, что онъ братъ несчастному Негру; производитель хлопчатобумажной ткани полюбилъ того, кто за морями занимается разведеніемъ хлопка. Наши пролетаріи безмолвно претерпѣвали бѣдствіе и голодь для того, чтобъ невольникъ не стоналъ подъ ударами бича плантатора. Честь и слава нашему современному пролетаріату, который съ такимъ умомъ и съ такимъ самоотверженіемъ выказалъ себя достойнымъ великой будущности!

Въ то самое время, когда метрополія рабства пала передъ федералистами, генералъ Гентеръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ Негровъ, приневоленныхъ своими господами служить въ арміи рабовладельцевъ, и выдалъ этимъ освобожденнымъ жертвамъ неволи свидѣтельства, по которымъ имъ предоставлялось свободно проживать на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ. Адмиралтейство издало приказъ капитанамъ принимать въ число матросовъ бѣглыхъ невольниковъ, изъявившихъ желаніе вступить на службу въ федеральный флотъ. Семьдесятъ учителей, посланныхъ на счетъ разныхъ обществъ Бостона, Нью-Йорка и Филадельфіи, поселились въ Бофортскомъ архипелагѣ съ миролюбивою цѣлью обучать освобожденныхъ Негровъ чтенію, пись-

му и, что весьма замѣчательно, современной исторіи! Между тѣмъ какъ рабство побито было такъ сильно, торговля Неграми получила смертельный ударъ, вслѣдствіе договора, заключеннаго съ Англіею. До сихъ поръ этотъ гнусный промыселъ производился при помощи американскихъ кораблей, такъ какъ вашингтонское правительство никогда не допускало освидѣтельствования судовъ, носившихъ его флагъ, къ какой бы націи они не принадлежали. Теперь право свидѣтельства кораблей обоюдно, и звѣздоносный флагъ не будетъ болѣе служить защитою того, что Джонъ Весли прозвалъ «*суммою всѣхъ человѣческихъ подлостей*». Это великая новость для друзей человѣчества, и мы отъ всей души присоединяемся къ торжеству жителей округа Колумбіи, которые сотнею пушечныхъ выстрѣловъ отпраздновали окончательное уничтоженіе у себя грязнаго пятна невольничества!

Оттого-то война затянулась такъ долго, оттого-то при началѣ она ознаменовалась неудачами, что сѣверъ, приступая къ ней, не обратился прямо къ этимъ радикальнымъ и энергическимъ мѣрамъ, не сдѣлалъ воззванія къ принципу свободы! Только тогда побѣда и симпатія Европы обратились на сторону федералистовъ, когда сѣверъ пересталъ видѣть въ черномъ человѣкѣ одну «*военную контрабанду*». Какъ бы то ни было, чудовище рабства поражено смертельнымъ ударомъ; оно будетъ жить еще слишкомъ долго, но ему уже невозможно болѣе торжествовать. Это—аккула, людоѣдъ, пронзенный гарпуномъ и выкинутый волнами въ болотистую яму. Оно уже не можетъ возвратиться въ море и умереть отъ своей рапы или, лучше сказать, издохнетъ въ своемъ вонючемъ болотѣ. Но прежде чѣмъ околѣетъ, оно еще будетъ страшнымъ и опаснымъ. Слишкомъ долго еще мы будемъ видѣть его отвратительную ярость, но рано или поздно оно испуститъ послѣдній вздохъ въ предсмертныхъ судорогахъ!

Сраженіе при Питтсбургѣ, въ Теннесси, 6 и 7 апрѣля, было великимъ происшествіемъ, быть можетъ не столько по своимъ непосредственнымъ результатамъ, сколько по значительности армій, которыя здѣсь помѣрялись силами, и по ожесточенію, какое при этомъ выказывалось съ той и другой стороны. При Питтсбургѣ югъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ дѣйствовалъ наступательно; онъ хотѣлъ нанести своему врагу отчаянный, рѣшительный ударъ и въ страшномъ сраженіи уничтожить *проклятаго* Янки, но меч сломался въ его рукѣ!

Рабовладѣльцы увѣряютъ, что ихъ генералы Джонстонъ и Боре-

гарь хотѣли доставить своимъ врагамъ маленькія побѣды, съ тѣмъ, чтобы самимъ выиграть время и сосредоточить свои собственные силы, разбѣянные на протяженіи трехъ сотъ лѣтъ. На каждый фортъ, говорятъ оны, на каждый значительный постъ посылались отряды, заранѣе осужденные на поражение, но которые въ состояніи были на нѣкоторое время задержать непріятеля. Въ фортъ Донельсонъ, въ Спрингфилдъ, повсюду генералы Уніи встрѣчали эти разбѣянные войска, которыя сопротивлялись ихъ нападенію. Они переходили отъ одной побѣды къ другой, но двигались впередъ медленно. Островъ номеръ 10 былъ послѣднимъ пунктомъ, назначеннымъ сепаратистами для подобной жертвы. Наконецъ, когда этотъ островъ, защищаемый сильнымъ разлитіемъ Миссиссипи, принужденъ былъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ, Джонстонъ и Борегаръ успѣли принять мѣры для нанесенія своему врагу рѣшительнаго удара. Они избрали жертвою корпусъ генерала Грента, расположенный въ Питтсбургѣ и ожидавшій войска Буэля, которыя для соединенія съ нимъ должны были пройти черезъ Теннесси. Итакъ нельзя было терять времени, и 4 апрѣля рабовладѣльческія войска выступили въ походъ въ числѣ 60,000 человекъ противъ федералистовъ, простиравшихся до 38,000. Они шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, по направленію отъ верховья рѣки внизъ и отъ низовья вверхъ, такъ чтобы предоставить своимъ врагамъ одно только убѣжище — воды Миссиссипи, заключенныя между гористыми берегами.

Въ Питтсбургѣ всего два дома и парходная пристань. На юго-западъ отъ него тянется обширная, возвышенная равнина, большею частью покрытая мелкимъ дубовымъ кустарникомъ, но мѣстами прорѣзанная оврагами и содержащая обработанныя поля. Посреди поля сраженія возвышается маленькая церковь Шайло. Горизонтъ замыкается лѣсами, гдѣ господствуетъ сосна.

Въ воскресенье, 6 апрѣля, съ разсвѣтомъ, сепаратисты напали на армію Грента и съ яростью атаковали ее въ центрѣ и на обонихъ флангахъ. Они съ самаго начала произвели смятеніе между федеральными войсками, застигнувъ въ располхъ дивизію Прентисса, на половину погруженную въ сонъ. Находясь на крайнемъ правомъ флангѣ, эта дивизія едва услышала первый шумъ тревоги, какъ страшная пальба непріятельскихъ орудій опрокинула ея палатки и повалила выходящихъ оттуда людей. Генералъ Прентиссъ и многіе изъ его подчиненныхъ немедленно были взяты въ плѣнъ. Паническій страхъ рас-

пространился между солдатами; группы бѣглецовъ полуодѣтыхъ, безъ оружія бѣжали къ берегамъ рѣки; не было никакой возможности собрать ихъ въ строй.

Генералъ Шерменъ находился по правую сторону генерала Прентисса. Его войска въ безпорядкѣ покинули лагерь, но не разбѣжались; они выстроились и вступили въ бой съ непріателемъ. Все правое крыло съ трудомъ удерживало свою позицію. Было около полудня. Позиціи, взятая сначала сепаратистами, были отняты у нихъ, потомъ снова ими взяты. Съ той и другой стороны борьба происходила отчаянная. Войска Юга хотѣли довершить свою побѣду, а войска Сѣвера рѣшились пасть до послѣдняго человѣка въ ожиданіи подкрѣпленій. Ихъ генералы пробѣгали ряды своихъ солдатъ, извѣщая, что колонна, вышедшая изъ Саванны, приближается къ нимъ по тому самому берегу, гдѣ происходитъ сраженіе. Съ другой стороны видны были солдаты генерала Буэля, мало-по-малу собиравшіеся на противоположномъ берегу и готовившіеся къ переправѣ; недоставало людей для устройства моста; надо было собрать барки и средства для перевозки войскъ и снарядовъ; все это длилось долго. Но съ обѣихъ сторонъ солдаты привѣтствовали другъ друга и размахивали знаменами, а въ промежуткахъ между залпами артиллеріи раздавались крики, на одномъ берегу: На помощь къ намъ, на помощь, Буэль! а на другомъ: Ура! Да здравствуетъ Грентъ! Не робѣйте, держитесь крѣпко!

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру; сепаратисты должны были сдѣлать рѣшительный шагъ, чтобъ довершить побѣду. Въ пять часовъ они усиленнымъ натискомъ снова разогнали утомленные дивизіи Грента и заняли двѣ трети ихъ лагеря. Уже передовые ряды ихъ колоннъ достигли берега рѣки; но превосходство федеральной артиллеріи спасло уніонистовъ отъ окончательнаго пораженія.

Полковникъ Вебстеръ, начальникъ главнаго штаба, составилъ страшную позицію изъ орудій огромнаго калибра и выдвинулъ всѣ батареи на передовую линію, начиная отъ крайняго праваго фланга до береговъ рѣки. Поле покрылось картечью, будто скатертью. Въ продолженіе часа страшная пальба останавливала движеніе рабовладѣльческихъ войскъ; ихъ артиллерія вскорѣ должна была замолкнуть. Федеральныя канонерныя лодки, Лексингтонъ и Тайлеръ, подослѣвшія кстатіи, начали метать гранаты, которыми истреблялись цѣлые ряды непріятельскихъ войскъ.

Наконецъ наступила ночь. Это была крайняя пора для измучен-

ныхъ федералистовъ. Въ полночь прибылъ генералъ-маіоръ Уоллесъ, заблудившійся на дорогѣ. Явилась также дивизія Триттѣндема и немедленно заняла позицію; потомъ пришла дивизія Нельсона, подозрѣвавшая критическое положеніе арміи и отправившагося къ ней на помощь ночью, вопреки формальнымъ приказаніямъ Грента, котораго онъ спасъ своимъ неповиновеніемъ, подобно тому, какъ Макъ-Магонъ спасъ французскую армію при Маджентѣ, не послушавшись императора Бонапарта. Генералъ Буэлль посилѣшилъ стать во главѣ своихъ войскъ. Поле сраженія представляло ужасное зрѣлище. Повсюду валялись мертвые и раненыя, люди и лошади, сбитыя орудія и разныя разрушенныя принадлежности лагеря. Посреди этого опустошенія лежали измученныя, измелъчавшія войска, погруженныя въ глубокой сонъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ они сражались.

Съ разсвѣтомъ раздались первые пушечные выстрѣлы и разбудили дремавшее эхо равнины. Но въ этотъ разъ федералисты дѣйствовали наступательно. Дивизіи, прибывшія вечеромъ, первыя вступили въ бой; войска, сражавшіяся наканунѣ, оставались въ резервѣ. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генералы уніонистовъ двинули впередъ свою артиллерію многочисленными батареями. Войска юга отступали шагъ за шагомъ, покрывая землю своими трупами, но отвѣчая преслѣдовавшимъ врагамъ страшными залпами. По временамъ они обращались къ штыкамъ и съ успѣхомъ дѣйствовали наступательно; но противъ нихъ высылались свѣжія силы, и въ одиннадцать часовъ генералъ Буэлль овладѣлъ лѣвою позиціею. Но правое крыло федералистовъ было разбито; войска юга съ каждой минутой все болѣе и болѣе подвигались впередъ. Подкрѣпленія, прибывавшія къ обѣимъ арміямъ съ часу на часъ, полкъ за полкомъ, отправлялись въ атаку и на помощь правому крылу. Но наконецъ армія Юга не была болѣе въ состояніи сражаться—она выбилась изъ силъ.

Тогда наступила минута бездѣйствія; войска той и другой стороны были изнурены, ослѣплены дымомъ и какъ бы поражены ужасомъ при видѣ столькихъ убитыхъ и раненыхъ. Было три часа по полудню. Генералъ Грентъ, наблюдавшій съ холма войска сепаратистовъ, понялъ, что насталъ рѣшительный моментъ. Онъ распредѣлилъ начальство надъ пятью полками между офицерами генеральнаго штаба и, обнаживъ мечъ, самъ повелъ атаку и рѣшилъ участь сраженія.

Въ пять часовъ тридцать минутъ сепаратисты всѣ отступали въ

занимаемую ими твердую позицию. Федеральная кавалерия преслѣдовала ихъ безъ большаго успѣха.

Деревья и кустарники были изломаны снарядами артиллеріи; обломки ихъ разсыпаны по полю. Почти вездѣ земля орошена была кровью; всюду валялись павшія лошади и разбитые фургоны и пушки. Въ особенности 8-го числа, утромъ, поле сраженія, гдѣ еще находились раненыя и убитые, представляло самое ужасное и печальное зрѣлище: изъ мертвыхъ нѣкоторые лежали на спинѣ, съ приподнятыми къ небу руками; у другихъ руки были скрещены, будто для молитвы. Многие распростерты были лицомъ къ землѣ, сжавъ въ предсмертныхъ судорогахъ свои ружья. Семь или восемь тысячъ раненыхъ валялись въ крови и грязи, испуская плачевные крики. Посреди поля, гдѣ борьба была ужасная, возвышался цѣлый холмъ труповъ.

Федеральная армія истощила свои силы. Она одержала побѣду, которая стоила дорого; но дѣло могло кончиться для нея кровавымъ поражениемъ. Она не въ состояніи была сдѣлать болѣе. Борегаръ удался на возвышенности Коринта. Онъ находился въ отчаянномъ положеніи и могъ быть атакованъ въ одно время съ трехъ сторонъ. Самый чувствительный ударъ угрожалъ ему съ четвертой стороны взятіемъ Новаго Орлеана. Паденіемъ этого города заключается первый періодъ этой страшной междоусобной войны. Новый Орлеанъ былъ, какъ мы уже замѣтили, жизненнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались производительныя силы юга. Въ этомъ большомъ складочномъ мѣстѣ хлопка, сахара, невольниковъ, лѣса и солиныи, въ этомъ денежномъ рынкѣ, куда стекались торговые богатства со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, конфедерація рабовладѣльческихъ штатовъ черпала свои ресурсы матеріальные, финансовыя и нравственныя (бѣдность языка заставляетъ насъ употребить это послѣднее слово въ ложномъ значеніи). Это былъ обширный арсеналъ юга, одинъ изъ его пороховыхъ заводовъ, верфь, гдѣ строились двѣнадцать панцирныхъ фрегатовъ. Въ сравненіи съ Новымъ Орлеаномъ, Ричмондъ только второстепенный городъ, возведенный въ политическую столицу вслѣдствіе необходимости приблизиться къ Вашингтону и имѣть въ виду Европу. Онъ можетъ быть атакованъ въ свою очередь. Рабовладѣльцы покинули Юрктоунъ, чтобъ укрыться въ Ричмондѣ. Они теперь преслѣдуются Макъ-Клелланомъ. Федеральныя канонерныя лодки приближаются къ Саваннѣ; панцирные корабли *Ногатѣкъ* и

Гэлеме посланы для охраненія Гамптонской рейды, служащей выходомъ изъ большаго рабовладѣльческаго арсенала Норфолька, арсенала, содержащаго тысячу пушекъ и передъ которымъ пышетъ чудовище *Мерримакъ*, разрушившее *Конгрессъ* и *Кѣмберлендъ*.

Нужны ли извѣстiя о Мерримакѣ? Мы его потеряли изъ виду въ то время, какъ онъ оставилъ сраженiе и какъ ядро Монитора разбило жерло одной изъ его пушекъ. Мерримакъ хотѣлъ воспользоваться этимъ урокомъ и вооружился огромнымъ орудiемъ, нарочно приготовленнымъ для него и метавшимъ ядра въ триста фунтовъ. Онъ излечилъ свои раны и снова отправился въ бой. Обратившись на *Пога-тѣкъ*, гордо стоявшiй передъ Мониторомъ, и для котораго настала очередь сражаться, Мерримакъ хотѣлъ испытать на его желѣзныхъ бокахъ дѣйствiе своихъ страшныхъ снарядовъ,—но при первомъ выстрѣлѣ ядро и пушка взорвались. Осколки разлетѣлись во все стороны и въ то же время изъ покрытой палубы показался густой дымъ. Множество людей при этомъ было убито и ранено, и судно сильно повреждено. Мерримакъ покачнулся, пошелъ задомъ напередъ и возвратился въ Норфолькъ въ сопровожденiи флотiлин изъ яхтъ и шлюпокъ любителей, прiѣхавшихъ полюбоваться уничтоженiемъ Монитора. Говорятъ, что онъ выступитъ въ бой въ третiй разъ. Онъ вооружился новой страшной пушкой, усовершенствованнымъ клювомъ и громаднымъ дрекомъ, приводимымъ въ движенiе посредствомъ пара и который долженъ опуститься на башню Монитора и раздавить дальгренновскiя пушки. Опрокинувъ и потопивъ своего врага, онъ на этотъ разъ отправится въ Нью-Йоркъ, чтобъ окончательно и немедленно сжечь этотъ городъ. Жители юга съ какою-то суевѣрною страстью привязались къ Мерримаку, какъ будто онъ носитъ въ себѣ судьбу невольничества.

Что касается до *Монитора*, то онъ неподвижно ждетъ своего врага, стоя на якорѣ.

Мы еще не знаемъ настоящей цѣли дѣйствительно страннаго путешествiя, предпринятаго въ Ричмондъ господиномъ Мерсье, французскимъ посланникомъ въ Соединенныхъ штатахъ. Говорятъ, что это лицо, занимающее священную должность, отправилось съ тѣмъ, чтобы условиться относительно доставки французскому правительству опредѣленнаго количества табаку. По мнѣнiю другихъ, цѣль этого путешествiя состоитъ въ томъ, чтобы узнать, не согласятся ли рабовладѣльцы на заключенiе мира при посредничествѣ императора Бонапарта,

съ уступкою Съверу всей долины Миссиссипи и всѣхъ областей, находящихся къ западу отъ этой рѣки, причеъ конфедерация юга должна будетъ пожертвовать половиною своей территоріи, съ тѣмъ чтобы ея существованіе было признано официально.

Какую бы роль господинъ Мерсье приготовилъ для Франціи, еслибъ дѣйствительно заставилъ ее стать между побѣжденными мятежниками и побѣдоноснымъ закономъ и принять сторону рабовладѣльцевъ противъ освободителей невольниковъ?! Неужели французское правительство до того восхищается послѣдствіями виллафранкскаго договора, что готово облагодѣтельствовать подобною же мѣрою Американцевъ?! Все это непонятно.

Увы! мы бы теперь считали себя счастливыми, еслибъ не видѣли ясно дѣлъ Мексики.

Moniteur officiel французской имперіи увѣдомляетъ насъ, что война уже окончательно объявлена противъ Мексики, что уже кровь проливалась и что послѣ счастливой (!) стычки съ непріателемъ экспедиціонный корпусъ вступилъ въ Оризабу, на пути къ Мексикѣ.

Послѣ конвенціи, подписанной въ Соледадѣ, Хуаресъ предложилъ окончательную сдѣлку, о которой разсуждали союзники. Его условія можно было принять—и Англичане, и Испанцы изъявили на нихъ свое согласіе. Но вдругъ переговоры были прерваны генераломъ Лоренсецомъ, который объявилъ, что имѣеть приказаніе отъ императора ни въ какомъ случаѣ не признавать ирравительства Хуареса, но выступить въ походъ противъ столицы. Уполномоченные англійскіе и испанскіе, какъ видно изъ одного письма генерала Прима, возразили, что по договору, заключенному въ Лондонѣ, всѣ три державы условились требовать отъ Мексики не войны, а мирнаго соглашенія; что онѣ въ виду цѣлаго свѣта торжественно общались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны; что правительство французское признало Хуареса на самомъ дѣлѣ, заключивъ конвенцію въ Соледадѣ и вступивъ въ переговоры въ Оризабѣ, и пр., и пр. На это Лоренсецъ отвѣтилъ: «Я имѣю приказанія отъ императора». Уполномоченные замѣтили, что честь запрещаетъ имъ дѣйствовать такимъ образомъ и что они предоставляютъ французскому правительству всю отвѣтственность за послѣдствія, какія могутъ произойти отъ такого рода поступковъ. Сэръ Чарльсъ Уайкъ, посланникъ англійскій, объявилъ, что онъ оставитъ Мексику въ тотъ самый день, когда Французы начнутъ дѣйствовать наступательно. Генералъ Примъ отдалъ прика-

заніе своимъ солдатамъ удалиться въ Вера-Круцъ съ тѣмъ, чтобы оттуда немедленно отправиться на родину. Онъ написалъ по этому поводу въ Гавану, требуя необходимыя для того транспортныя суда. Такъ какъ маршалъ Серрано препятствовалъ исполненію этого намѣренія, то генераль Принь послалъ въ Мадридъ просьбу о своей отставкѣ.

Такимъ образомъ, даже вѣроломный Альбионъ, какъ обыкновенно называютъ Англію, эта страна, извѣстная своимъ эгоизмомъ и отсутствіемъ скрупулезности въ дѣлахъ внѣшней политики, и даже Испанія, отличающаяся своею ненавистью къ Мексикѣ, на которую она смотритъ, какъ мачиха на свою падчерицу, — и тѣ отступились отъ такого поступка, тогда какъ французское правительство смѣло идти впередъ по пути несправедливости. Итакъ исторія скажетъ со временемъ, что это правительство, для возвращенія власти Мирамону, измѣннику Альмонте и іезуиту Мирандѣ, послало за 1200 лѣ солдатъ, бывшихъ въ Крыму и Пей-Хо; что оно, для предохраненія этихъ солдатъ отъ желтой горячки, признало Хуареса, испрашивая у него здороваго мѣста пребыванія экспедиціонному корпусу и общаясь, вслучаѣ какихъ либо непредвидимыхъ несогласій, заставить свои войска отступить за дефилен, служащія ключемъ страны. Мексиканцы великодушно исполнили эту просьбу и даже встрѣтили съ распростертыми объятіями зуавовъ и французскихъ военныхъ, давая имъ пріютъ въ гостепріимныхъ домахъ и приглашая на семейныя обѣды и на танцы. Чтобы выиграть время, представители Франціи вступили въ переговоры въ Оризабѣ, и когда прибыли новыя подкрѣпленія, повѣренный императора, вмѣсто того чтобы взять предложенное ему перо для подписи мирнаго договора, снялъ свою саблю, положилъ ее на зеленый столъ конференціи и приказалъ зуавамъ не отступать за дефилен, но смѣло двинуться на Мексику, съ тѣмъ чтобы возстановить тамъ порядокъ, святость семейныхъ узъ и католическую религію!

Вѣдь съ этою цѣлью мы и идемъ на войну: дѣло до того невѣроятное, что надо повторять это, какъ можно чаще. Мы беремъ Мексику не съ какою нибудь заднею мыслью, не ради матеріальныхъ интересовъ, а ради платоническаго удовольствія доставить торжество *идель*. Согласно императорскому слову, одна Франція въ состояніи сражаться изъ-за идеи, вести войну, исполненную самоотверженія. Боже мой! Мы идемъ разстрѣливать Мексиканцевъ, чтобы освободить

ихъ отъ конституціонной анархіи и доставать имъ благодѣнія, сопряженныя съ абсолюціонными учрежденіями; мы намѣрены громить жителей картечью съ тѣмъ, чтобы по словамъ *Journal de l'Empire*, «превратить въ трудолюбивыхъ работниковъ населенія праздныя и лѣнныя». Подобно всѣмъ арміямъ, отправляющимся на войну, мы хотимъ немного убивать людей и много грабить; но, по увѣренію сенатора Мишеля Шевалье, человека близкаго императору, все это дѣлается «съ цѣлью воспрепятствовать Борегару и Джефферсону Дэвису ввести рабство въ эту великолѣпную страну». Наши зуавы отправляются насиловать женщинъ и предавать пламени села въ пользу этихъ интересныхъ іезуитовъ, которыхъ мы возвращаемъ въ Мексику, скрывая въ рядахъ нашей инфантеріи, какъ возвращали въ Пекинъ, въ Кохинчину и въ Римъ, гдѣ поддерживаемъ ихъ вопреки Италіи, Европѣ и праву народовъ.

Чуть было мы не забыли другаго драгоцѣннаго аргумента, употребляемаго обыкновенно услужливыми защитниками правительства и другими *удобливыми журналистами*, въ родѣ Гранъ-Гилью и Мишель Шевалье: высадиться на берегъ и тутъ же заключить миръ, не дѣлая ни одного выстрѣла,—на что бы это было похоже?! Въ славныхъ традиціяхъ французской арміи не было примѣра, чтобъ она останавливалась на границахъ какой нибудь страны, чтобъ она не проникала побѣдоноснымъ маршемъ въ самое ея сердце, и не водружала своего знамени на стѣнахъ непріятельской столицы. Французская армія, которая бы возвратилась въ такомъ же видѣ, какъ ушла, представила бы печальное зрѣлище! Военная честь имѣетъ свой законъ. *Dura lex, sed lex*—какъ онъ ни жестокъ, но все же онъ законъ! Честь требовала, чтобъ мы пошли на Мексику! Безъ сомнѣнія, въ видахъ повиновенія закону военной чести, герцогъ Малаховъ диктовалъ въ Петербургѣ условія мира послѣ крымской экспедиціи, а императоръ Наполеонъ III водрузилъ свое императорское знамя въ Венеціи, столицѣ венеціанскаго королевства. Безъ сомнѣнія, съ тому же цѣлью въ 1812 году императоръ Наполеонъ I потрудился проникнуть до Москвы!

Есть и другія причины, но онѣ содержатся въ тѣни: французское правительство желаетъ поддержать маленькую войну, гдѣ бы то ни было, чтобы занять своихъ солдатъ и удовлетворить любопытству подданныхъ, отвлекая ихъ вниманіе отъ своихъ собственныхъ дѣлъ и обращая его то на Сайгонъ, то на Пекинъ, то на Мексику, а по-

томъ, пожалуй, на Каракасъ, Монтевидео или Буэносъ-Айресъ. Нужна война, чтобъ приучить солдатъ къ военному дѣлу и чтобъ награждать капитановъ толстыми эполетами, а генераловъ титулами, въ родѣ графа Па-ли-као, барона Сайгона, герцога Малахова, и пенсией въ пятьдесятъ, шестьдесятъ или сто тысячъ франковъ, не считая разной другой поживы, такъ называемыхъ *razzia* и сокровищъ какого нибудь китайскаго дворца, подвергаемаго грабежу и пожару! Есть и еще причина, но это уже по части такъ называемой *galanterie*: императрица французская считаетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ законною государынею имперіи Монтецумы. Аббатъ Брассёръ де Бурбургъ, во второмъ томѣ своей исторіи Мексики, на страницѣ 601, вамъ объяснитъ почему.

«Въ Испаніи до сихъ поръ существуетъ множество потомковъ Монтецумы. Одни относятся сюда, потому что принадлежать къ семейству Ока и Монтецума, другіе—потому, что происходятъ отъ донны Маріи и донны Леоноръ де Монтецума, дочерей мексиканскаго государя, вышедшихъ за благородныхъ Испанцевъ. Они вступали въ родство съ самыми знаменитыми семействами полуострова, и кровь несчастнаго мексиканскаго монарха, умершаго плѣнникомъ Кортеса, течетъ въ жилахъ древняго рода Гусмана, откуда происходитъ ея величество, императрица Французовъ».

Итакъ для удовлетворенія генеалогической фантазіи, императрица Евгенія удостоиваетъ Мексику своей высокой протекціи. Съ этою цѣлью она признала кандидатомъ престола Монтецумы молодаго и любезнаго принца, Максимилиана. Съ этою же цѣлью она черезъ каждыя двѣ недѣли удостоиваетъ своимъ предѣдательствомъ такъ называемый совѣтъ мексиканскихъ министровъ. На этомъ совѣтѣ, повѣрьте, трактуются вопросы международной политики самаго деликатнаго свойства и самымъ романтическимъ образомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ истинной *galanterie*! Ваши читатели уже предупреждены относительно дурныхъ замысловъ французскаго правительства насчетъ испанскихъ республикъ Америки. Эти слухи теперь подтверждаются со всѣхъ сторонъ. Для большей краткости приведу въ довазательство только полуофициальное письмо, помѣщенное въ мадритскомъ министерскомъ журналѣ *La Erosa*. Это письмо написано господиномъ Гидальго, бывшимъ секретаремъ мексиканскаго посольства въ Мадритъ и въ Парижѣ, и на котораго въ 1854 году Санта Анна и консорты возложили обязанность содѣйствовать тайнымъ образомъ возстановленію

новархіи въ Мексикѣ. Оно адресовано къ господину Арангому, единomyшленнику автора, въ Мадридъ.

Изъ этого письма, получающаго большой интересъ въслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, и на которое будущіе историки нашей эпохи должны будутъ обратить вниманіе, мы извлечемъ только нѣсколько строчекъ. Вотъ онѣ: «Нѣтъ сомнѣнія, что внезапное водвореніе монархической власти въ Мексикѣ будетъ имѣть послѣдствіемъ движенія, въ родѣ тѣхъ, какія происходили въ другихъ испанскихъ республикахъ Америки, и поэтому, по крайней мѣрѣ, необходимо принять въ соображеніе достоинства тѣхъ превосходныхъ принцевъ, которыхъ вы рекомендуете».

Вотъ оно что! Дѣйствительно, въ этихъ обширныхъ испанскихъ республикахъ Америки, содержащихъ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ, найдется мѣста довольно для всѣхъ европейскихъ претендентовъ, найдутся фермы, герцогства, домѣны и помѣстья для всѣхъ кобургскихъ принцевъ, для всѣхъ младшихъ сыновей всѣхъ тридцати шести нѣмецкихъ династій!

Но зачѣмъ думать о преступленіяхъ вѣроятныхъ или возможныхъ, когда теперь, на нашихъ глазахъ, производится такое гнусное насиліе, къ бѣдствію и стыду Франціи! Если Франція обязана отвѣчать народамъ за дѣйствія, совершаемыя подѣ сѣнью ея знамени, то она отвѣчаетъ и за Альмонте, такъ какъ она объявила, что «окутаетъ его въ свое знамя». Безъ сомнѣнія, исторія не приметъ пустой отговорки, которую въслѣдствіи представитъ французская нація: «Не я въ этомъ виновата—виновато мое правительство!» Не входя въ подробное разсмотрѣніе результатовъ, которые, по всей вѣроятности, должны произойти отъ этого жалкаго похода, предпринятаго при ироническихъ рукоплесканіяхъ *Таймса*, мы, однакожъ, не можемъ сомнѣваться, что рано или поздно настанетъ день возмездія. Вѣрно уже то, что Соединенные штаты приготовляются потребовать отъ насъ отчета за наше преступное вмѣшательство и что они вооружаютъ свой Мониторъ и свои Iron Sides столько же противъ насъ, сколько противъ сепаратистовъ. Несомнѣнно и то, что французское имя, нѣкогда любимое всѣми жителями испанскихъ республикъ Америки, теперь предается ими проклятію, и что между ними посѣяно отравленное сѣмя ненависти, распространяющающейся подобно чумѣ или холерѣ.

Намъ совѣтуютъ не слишкомъ принимать этого дѣла къ сердцу.

Говорятъ, что это преступленіе маловажно, такъ какъ оно совершено противъ маленькой націи! Вотъ оно что! Очень хорошо! Измѣна сильнаго и могущественнаго лица противъ слабого и малаго невинна! Такъ, такъ точно! Было бы преступно нападать на человѣка сильнаго и вооруженнаго, но весьма извинительно убивать ребенка, если только этотъ ребенокъ малъ и беззащитенъ!

Въ Испаніи, этому отечествѣ испанскихъ республикъ Америки, дѣла идутъ по прежнему. Въ продолженіе года, двухъ, трехъ лѣтъ и даже болѣе, политическое положеніе этой державы не измѣнилось замѣтныхъ образомъ. Нѣсколько сотъ километровъ, благодаря частной предпримчивости, прибавлено къ сѣти желѣзныхъ дорогъ; королева и герцогиня Монпансье увеличили королевское семейство нѣсколькими принцами и принцессами; владѣтели государственныхъ кредитныхъ билетовъ не довольны болѣе чѣмъ когда либо. Чтѣ бы ни говорили и какъ бы ни роптали, ханжа О'Доннель и могущественная сестра Натронцино все еще держатъ въ рукахъ кормило правленія. Генералъ и мгуменья заставили большинствомъ ста сорока двухъ голосовъ противъ тридцати четырехъ отвергнуть амнистію, предложенную въ пользу китежниковъ Лои. Они все еще посылаютъ на галеры протестантовъ, обвиненныхъ въ чтеніи евангелія на испанскомъ языкѣ. Въ послѣднее время по этому поводу происходило нѣсколько скандаловъ, надѣлавшихъ много шума въ Европѣ. Въ особенности, Англія сильно возставала за то, что ея консулу въ Севильѣ хотѣли запретить держать капеллу для себя и для своихъ друзей. Боже мой! Китайскій императоръ не былъ такъ строгъ въ отношеніи къ французскимъ іезуитамъ и англійскимъ контрабандистамъ, а между тѣмъ, чтобъ наказать его, императоръ Франціи послалъ въ Китай своихъ зуавовъ, а королева Викторія — своихъ артиллеристовъ съ армстронговскими пушками!

Теперь Англійе до консульской капелки. Эта страна занята исключительно своею выставкою, которая открылась 1 мая. Посланники иностранныхъ державъ обнаружили неудовольствіе за то, что не были приглашены на открытіе дворца промышленности. Дѣйствительно, странно, что ихъ отстранили отъ этого *международнаго* праздника. Какъ бы то ни было, произошло ли это случайно или намѣренно, но такое отсутствіе вниманія къ этимъ дипломатамъ со стороны англійскихъ промышленниковъ служитъ характеристическою чертою времени. Впрочемъ на это торжество не была приглашена также ни одна депутація работниковъ, которые построили дворецъ и наполнили

его въѣмъ сокровищами современной промышленности. За то въ вертежѣ, собравшемся для освященія этого зданія, красовались парики изъ Святи и разные *жезлоносцы* и *мечносцы*. Надо замѣтить, что до сихъ паръ усѣбъ выставки былъ не очень великъ; число посѣтителей было менѣе значительно, чѣмъ въ 1851 году, въ продолженіе такого же времени. Дворецъ, впрочемъ, едва достроенъ. Когда онъ будетъ совершенно готовъ, то будетъ отвратителенъ, — *dam ugly*, какъ уже выразились Англичане. Эта жалкая постройка на отвѣстственности принца Альберта, который, вопреки всѣмъ сдѣланнымъ ему воображеніямъ, настоялъ на томъ, чтобъ принтъ былъ планъ его вротекѣ, Тоукса, капитана инфантеріи или кавалеріи. Этотъ джентльменъ, быть можетъ, весьма опытенъ въ дѣлѣ заряданія ружей и двѣнадцать томповъ, но очевидно не понимаетъ толка въ наизощренной архитектурѣ. Впрочемъ, самъ принцъ Альбертъ не слишкомъ отличался хорошимъ вкусомъ. Онъ удивительнымъ образомъ умѣлъ соединить дурной англійскій вкусъ съ дурнымъ нѣмецкимъ. Замѣчательно, что англійскіе журналы, признававшіе уродливость этого зданія, извѣщали ее недостаткомъ денегъ, не дозволившимъ употребить бѣлый мраморъ вмѣсто квернича. Они наввно полагали, что красота архитектурнаго памятника зависитъ отъ его материала, а не отъ формы и очертаній. Они гордились тѣмъ, что куполъ дворца четырьмя или пятью футами выше купола св. Петра, и увѣряли, что если зданіе промышленности не будетъ украшено фресками, не уступающими фрескамъ Микель Анжело и Делла-Роббіа, то единственно по недостатку денегъ. Такимъ образомъ, открытіе выставки было довольно скучно. Оно отличалось отсутствіемъ порядка; каталоги были неполны; товары едва расставлены. Первые посѣтители ходили по сѣну и солому, валившись на полу; сокровища промышленности не всѣ были гордо выставлены на показъ, но на половину покрыты. Французскіе экспоненты дали опредѣлить себя даже лѣнливымъ Австрійцамъ; говорятъ, что это произошло вслѣдствіе придирокъ таможи, нарочно задерживавшей товары. Правда, съ каждымъ днемъ положеніе выставки улучшается, но она на самомъ дѣлѣ будетъ открыта не ранѣе, какъ 1 іюня, когда дѣна за входъ понизится до одного шиллинга съ персоны и когда туда въ состояніи будутъ приходиться ремесленники.

Кромѣ выставки, Англія мало представляетъ новостей. Известно, что парламентскія партіи заключили родъ перемирія между собою; еще не касаются ни одного вопроса, который бы могъ быть опаснымъ для

состоянія *status quo*. Для обѣихъ сторонъ такое положеніе выгодно; онѣ прикрываютъ свою враздностъ и свои мелкіе политическіе расчеты видомъ рѣдкой деликатности и сочувствія къ трауру королевы. Съ одной стороны, Пальмерстонъ и его друзья не прочь еще сократить свою власть; лишь бы только ихъ не трогали и лишь бы они не имѣли надобности касаться скучныхъ резервовъ. Съ другой стороны, Дерби и его приверженцы знаютъ, что въ настоящій моментъ для нихъ министерство недоступно и готовы выждать удобнаго случая для того, чтобы захватить въ свои руки управленіе государственнымъ дѣлами. Только нетерпѣливый Д'Израэли прервалъ монотонность всѣхъ маленькой нападкой на бюджетъ своего врага Гладстона, бюджета, котораго существенную часть, а именно расходы, онъ самъ вѣтровалъ. Д'Израэли нападалъ блестящимъ, но поверхностнымъ образомъ; Пальмерстонъ возражалъ поверхностно, но за то блестящею. Тори англодировали Д'Израэли, виги аплодировали Пальмерстону, и все осталось довольны.

Если все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ парламентовъ, то все идетъ къ лучшему въ странѣ самой мануфактурной въ мірѣ. Юркияйръ, Уеттъ-Райдингъ и Ланкашайръ сильно пострадали въ послѣднее время. Война Соединенныхъ штатовъ нанесла имъ жестокій ударъ, остановивъ и привозъ сырыхъ продуктовъ, и отпускъ мануфактурныхъ произведеній. Изъ нѣсколькихъ сообщенныхъ намъ статистическихкихъ данныхъ видно, что 1678 хлопчатобумажныхъ фабрикъ Великобританіи доставляютъ своимъ 350,000 рабочимъ (не считая разныхъ конки, механиковъ и другихъ служащихъ) еженедѣльной работы только на 1,177,000 рабочихъ дней, вмѣсто 2,100,000; составляющихъ нормальное число. Изъ этого выводять заключеніе, что производство хлопчатобумажной ткани понизилось тамъ до пятидесяти шести процентовъ противъ обыкновеннаго своего количества. Впрочемъ, въ подобной же пропорціи унази и прочія промышленности. Терпите, бѣдные работники, терпите! Въдъ вы не армстронговскія пушки, чтобъ за вами ухаживали, вы не фрегаты съ желѣзными бортами, чтобъ на васъ тратились милліоны и милліоны изъ капитала, назначеннаго въ бюджетъ! Впрочемъ, одно время Англія какъ будто была тронута положеніемъ этихъ несчастныхъ. Нобльмены и джентльмены хотѣли составить надѣлку въ пользу бѣдныхъ рабочихъ, оставшихся безъ работы. Но противъ этого возстали фабриканты, объявивъ, что они одни и имѣютъ право помогать этимъ людямъ. На томъ дѣло и

остановилось вследствие важных социальных соображений, и последние работники все еще находятся в бедственном положении.

Лорд Каннингъ возвратился изъ Индіи. Его правленіе было однимъ изъ самыхъ важныхъ и почти единственнымъ, къ которому Индійцы не питали ненависти. При самомъ его началѣ возникнувшій страшный мятежъ Синаевъ. Новый губернаторъ не хотѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, вѣшать Индійцевъ сотнями и разставлять отвратительныя висѣлицы по большимъ дорогамъ на протяжении нѣсколькихъ мильсотъ. Онъ также не находилъ удовольствія привлекать туземцевъ къ жерлу пушекъ, заряженныхъ картечью. Поэтому онъ торжественно былъ призванъ неспособнымъ къ отправленію занимаемой имъ должности. Но пожалованные имъ Индійцы дали ему титулъ милосердаго, *Clemency Canning*, и этотъ титулъ останется для него самымъ почетнымъ. Этотъ человеколюбивый губернаторъ содѣйствовалъ къ прекращенію существованія ненавистнаго товарищества, известнаго подъ названіемъ *John Company*. Онъ имѣетъ еще другую важную заслугу: онъ дозволилъ туземцамъ и завоевателямъ единоково обладать землею, которая прежде была предметомъ исключительной спекуляціи индѣйской казны.

Каннингъ въ качествѣ генералъ-губернатора замѣненъ былъ лордомъ Эдмундомъ. Въ 1855 году онъ самъ замѣнилъ злаго и жаднаго маркиза Дальгоузи. Съ этой переимѣной совпадаетъ извѣстіе, совершенно сходное съ тѣмъ, которое въ 1835 году поразило Англію и имѣло страшныя послѣдствія: «Персы идутъ на Гератъ. Они его берутъ. Менриятель угрожаетъ Кандагару. Афганцы призываютъ на помощь Англичанъ». Англичане въ 1862 году приняли съ совершеннымъ хладнокровіемъ это извѣстіе, которому въ 1835 г. придавали весьма важное значеніе. Россія, говорили они, возмущаетъ Персовъ, съ тѣмъ чтобы, при помощи ихъ, проложить себѣ дорогу въ англійскія оостъ-индскія владѣнія. Россія рукою Персовъ стучится въ ворота англо-индѣйскаго государства. И уже взорамъ Англичанъ представлялось видѣніе страшнаго нашествія, простиравшагося до предѣловъ Сина. Говорили, что какой-то русскій генералъ управляетъ осадой Герата и что русскій агентъ, Виковичъ, уговариваетъ афганистанскаго владѣтеля, Доса Магомета, отдѣлаться отъ союза съ Англичанами. Сэръ Александръ Бёрнетъ, англійскій агентъ въ Афганистанѣ, сообщалъ своему правительству не нарушать по этому поводу мира. Онъ доказывалъ неосновательность этихъ преувеличенныхъ опасеній и отвѣчалъ

за вѣрность Досса Магомата. Но лордъ Мельбурнъ и Пальмерстонъ недогрѣхали къ войнѣ. Такъ какъ донесенія Бёрнса служили погрѣхой, то ихъ искажали. Благодаря стараніямъ Пальмерстона, совершенно была подложна въ государственныхъ бумагахъ. Корреспонденцію отъ посланца Афганистана намечтали оффициально въ искаженномъ видѣ и съ разными прибавленіями. Эта игра произвела свое дѣйствіе, и Англія вслѣдъ за лордами Мельбурномъ, Оклендомъ и Пальмерстономъ вступила въ эту роковую войну. Англичане свергли Досса Магомата съ престола, заключили его въ темницу и сошлѣли въ Кабула. Но за то войска англійскія, разбѣжались въ Афганистанѣ, были истреблены. Изъ арміи въ 5,000 человекъ, съ 12,000 обозныхъ слугъ, остался въ живыхъ только одинъ. На мѣстѣ этого истребленія водвинутъ былъ скелетъ Англичанина, съ запискою въ зубахъ такого содержанія: «Феринги пришли въ Кабулъ, и вотъ что осталось отъ Феринговъ».

И Пальмерстонъ все шутитъ и смѣется; онъ все веселъ, гордъ и дерзокъ; онъ все торжествуетъ, все джентльменъ по преимуществу, истинный типъ Англичанина! Въ своемъ отвѣтѣ Д'Израэлю, онъ утверждаетъ, что ему миръ обязанъ тѣмъ, что не возникла странная война между Англіею и Соединенными штатами по поводу истеріи, бывшей съ Трентомъ. А между тѣмъ это онъ, Пальмерстонъ, скрывалъ миролюбивую депешу Сьюарда и говорилъ, что не получалъ такой бумаги!

Отъ Пальмерстона перейдемъ къ Миресу. Переходъ этотъ неупотребителенъ, правда, но онъ внушенъ намъ подложномъ въ общественныхъ бумагахъ, въ которомъ обвинялись обѣ эти личности, съ той разницею, что Миресь совершенно освобожденъ отъ всякой вины судомъ въ Дуэ, тогда какъ Пальмерстонъ оправданъ англійскимъ парламентомъ только на половину. Итакъ, по высшему судебному рѣшенію, Миресь объявленъ честнымъ человекомъ, хотя, не говоря уже о другихъ предметахъ, онъ пресудалъ себя или своей *кассѣ* три милліона франковъ, въ которыхъ обманомъ заставилъ подписаться акціонеровъ Панпелунской дороги. Судъ призналъ его невиннымъ въ этой ничтожной погрѣшности, «принявъ, какъ говоритъ онъ, во вниманіе бандирскія обыщовенія». Вотъ извольте видѣть! Моралисты, старающіеся найти человека праведнаго, котораго бы могла представить нашему вниманію императорская Франція, теперь уже болѣе не видятъ необходимости искать. Нашъ строгій и неподкупный судъ былъ

счастливѣе Дитона и нашего человѣка, и этотъ человекъ, этотъ праведникъ — это банкиръ, Жюль Миресъ, директоръ классы акціонеревъ!

Въ одной каррикатурѣ, ходящей по рукамъ, представленъ страшный Дюмоляръ, этотъ убійца служаковокъ. Онъ идетъ съ того свѣта быстрымъ шагомъ, держа въ рукахъ палку, а подъ мышкою своею голову. На вопросъ: «Дюмоляръ, куда идешь ты?» онъ отвѣчаетъ: «Въ Дуэ, чтобъ быть оправданнымъ въ судѣ!»

Возвращеніе праведнаго Аристиды не возбудило такого энтузіазма, съ какимъ былъ встрѣченъ на биржѣ возвратившійся Миресъ. Онъ сіялъ радостью, этотъ честный человекъ, котораго компрометировали мошенники. Ему возвращена была честь и глаза его блестяли благородною отвагой. Надо было видѣть, съ какимъ апломбомъ этотъ господинъ снова явился въ общество важныхъ администраторевъ и дерзкихъ сановниковъ, депутатовъ и сенаторовъ! Онъ ознаменовалъ свое возвращеніе въ общество блестящею выходкою, обратившись прямо къ довѣрію публики съ такою непринужденностью, которая сдѣлала бы честь Пальмерстону. Миресъ, который послѣ рѣшенія суда въ Дуэ ничѣмъ не затрудняется и который еще не совсѣмъ успѣлъ стереть мазацкую пыль, приставшую къ его пальто, — этотъ самый Миресъ теперь требуетъ отъ публики двухъ сотъ милліоновъ франковъ, — сумму, составляющую болѣе половины русскаго займа. Эти двѣсти милліоновъ ему будутъ вручены съ тѣмъ, чтобъ онъ дѣлалъ ихъ, куда хочетъ, не давая въ этомъ никому никакого отчета. Онъ отдастъ ихъ какой нибудь имперіи, какому нибудь королевству или какой нибудь конфедераціи, кто его знаетъ, и отдастъ на условіи, о которыхъ не удостоитъ насъ чести сообщить. Но проза Миреса заслуживаетъ быть приведенною буквально, собственными его словами. Вотъ маленькій образецъ ея, который мы дѣлимъ подобно историческому документу:

... «кредитныя операціи, произведенныя мною во всѣхъ классахъ общества, доставили мнѣ вліяніе на правительства, обнаружившееся въ то время, когда королевство Испанское и имперія Турецкая хотѣли поправить свои финансы.

«Мое содѣйствіе, увеличившееся успѣхомъ въ Испаніи въ 1856 г., породило новую эру благосостоянія въ этой плодородной и прелестной странѣ.

«Такой же результатъ полученъ былъ бы въ 1860 году и для

империи Оттоманской, еслибъ не встрѣтились пренятствія, которыя известны всему свѣту.

«Эти дѣйствія даютъ мнѣ возможность совершить съ одной державой финансовую операцію, отъ которой нужно ждать такой же результатъ, какой былъ бы полученъ мною и имперією востока въ 1860 году.

«Для осуществленія такого же рода операціи, которая въ одно и то же время представляетъ и несомнѣнно вѣрное обезпеченіе и большія выгоды, я открываю подписку.

«Эта подписка назначается для капитала въ двѣсти милліоновъ франковъ, котораго первый взносъ ограничивается десятью процентами, т. е. двадцатью милліонами, и пр., и пр.»... Другими словами: дайте мнѣ двѣсти милліоновъ и не смѣйте дѣлать никакихъ замѣчаній. И послѣ этого говорятъ еще, что мы живемъ не въ вѣкъ чудесъ!

Справедливость требуетъ замѣтить, что судебное рѣшеніе, оправдавшее Мареса, уравнивается другимъ, совершенно противоположнаго свойства. Если судъ въ Дуэ выказалъ удивительную снисходительность къ «операціямъ финансовымъ», то судъ парижскій обнаружилъ изумительную строгость въ дѣлѣ охраненія «философскаго православія». Вотъ извлеченіе изъ его приговора, состоявшагося 17 мая:

Принявъ во вниманіе, что статьи Фердинанда Толя и Тредона содержатъ публичное оскорбленіе религіозной нравственности, какъ это ясно видно и изъ общаго характера этихъ сочиненій гдѣ говорится, что названіе матеріалиста принято будетъ авторомъ за похвалу, и гдѣ утверждается, что гдѣ матерія безъ силы, ни силы безъ матеріи и что оба эти термина не уступаютъ другъ другу въ значеніи.

Въ № 2-го марта, на 23-й строкѣ 3-го столбца, гдѣ написано: Добро и зло, въ мірѣ нравственномъ соответствуютъ добру и злу въ мірѣ физическомъ, ощущеніямъ пріятнымъ и непріятнымъ, и пр., и пр...

Принявъ во вниманіе всѣ эти и другіе равносильные имъ аргументы, которые я не привожу здѣсь, чтобы не отяготить столбцовъ вашего журнала, судъ приговорилъ Толя къ восьмидесячному заключенію въ тюрьму и къ тысячѣ пяти стамъ франкамъ штрафа, а Тредона—къ трехмѣсячному заключенію и къ двумъ стамъ франкамъ пени.

Цѣлыхъ два мѣсяца намъ напѣваютъ, что французское правительство намѣрено наконецъ принять относительно Италіи новую откровенную политику. Насъ увѣряютъ въ этомъ самымъ положительнымъ об-

разомъ. Всѣ журналы, черпающіе свои свѣдѣнія изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ, и всѣ люди, хорошо знакомые съ самыми свѣжими новостями, т. е. всѣ тѣ, которые насъ угощаютъ ложными извѣстіями, пустили въ ходъ множество слуховъ, служащихъ какъ будто предвѣстниками великихъ событій.

Мы встрѣтили всѣ эти обольстительныя обѣщанія съ непоколебимой недověрчивостью, которая служить для насъ оборонительнымъ орудіемъ въ подобномъ случаѣ, и хорошо сдѣлали: всѣ эти слухи, до сихъ поръ распространяемые нѣкоторыми запоздалыми политиками, мало-по-малу утихаютъ и возвращаются въ мракъ, откуда бы имъ никогда не слѣдовало выходить на свѣтъ Божій. Всѣ эти прелестныя проекты бонапартовской политики, о которыхъ намъ толкуютъ, быть можетъ истинны, быть можетъ, ложны. Они могутъ быть истинны на время и ложны окончательно, или наоборотъ. Таково наше убѣжденіе относительно этого предмета, и при всемъ томъ мы иногда ошибаемся и грѣшимъ избыткомъ довѣрія. Умѣть быть недověрчивымъ — дѣло не легкое. Не всякій къ тому способенъ. Чтобы вѣрить, нужно имѣть только нѣкоторую степень чистосердечія и душевной простоты, но чтобы сомнѣваться, для этого необходимы свѣдѣнія, надо знать жизнь, людей, явленія и ихъ причины.

Итакъ все великодушіе императора Наполеона относительно римскаго вопроса состояло въ томъ, что онъ отозвалъ въ Парижъ поборника папы, Гойона, который на время уступилъ поле сраженія поборнику Италіи, Де-Лавалетту. Принцъ Наполеонъ отправился экстраофициальнымъ образомъ въ Неаполь поздравить своего тестя невѣстиво съ чѣмъ. Французскій флотъ случайно встрѣтилъ короля Италіи и отдалъ ему quasi-императорскія почести. Но что это доказываетъ? Развѣ это не тотъ самый флотъ, который недавно крейсировалъ передъ Гаэтой и направлялъ свои пушки на итальянскіе корабли?

Съ другой стороны, слова, произнесенныя *королемъ-galantuomo*, весьма странны. Ужъ не увлекся ли онъ парижскими новостями? Или, быть можетъ, онъ былъ пьянъ отъ восторга, вслѣдствіе торжественнаго приѣма, сдѣланнаго ему въ Неаполѣ. Какъ могъ онъ сказать, обращаясь официально къ сенаторамъ: «Общественная безопасность не восстановлена, пока Римъ служитъ центромъ мятежа. Но повѣрьте, сколько Итальянцы желаютъ занять свою столицу, столько же и Французы готовы ее оставить».

При другомъ случаѣ, онъ говорилъ, что вопросъ римскій будетъ

сверю рѣшентъ. Кромѣ того онъ объявлялъ, что если уже одинъ патриотамъ обязываютъ Итальянцевъ взять Римъ и Венецію, то онъ, Викторъ Эммануэль, обязанъ это сдѣлать болѣе всякаго другаго, такъ какъ ему предстоитъ еще исполнить одну клятву.

Какъ бы то ни было, король Викторъ Эммануэль вступилъ въ Неаполь съ великимъ торжествомъ. Въ продолженіе пятнадцати-дневнаго пребыванія его въ южную провинцію, овациямъ не было конца: онѣ сдѣлали одна за другой, беспрестанно уславиваясь. При пламенномъ темпераментѣ Неаполитанцевъ, радость переходила въ восторгъ, а восторгъ превращался въ неистовство, которое вдругъ овладѣло тремя или четырьмястами тысячъ душъ. Всѣ головы были возпалены, даже кровь святаго Януарія вскипала нѣсколько разъ. Этого страшнаго святаго пылала благодарностью и внтузіазмомъ. Орденъ Ангусіады и посвященіе короля Италіи привели его въ восторгъ. Вѣнцы съ нимъ ликовали и всѣ ланцарони. Когда король проходилъ по улицамъ, всѣ окна и крыши устаны были зрителями, на каждомъ шагѣ его встрѣчали звуки трубъ и бой барабановъ, всюду раздавались радостные крики. Шумъ могъ бы казаться ужаснымъ, еслибъ не былъ упоительнъ. Всюду сыпался дождь розъ и букетовъ, подъ которыми исчезали ноги короля. Только одинъ бюстъ Виктора Эммануэля виднѣлся на поверхности этого моря цвѣтовъ.

Надо замѣтить, что радостные крики Неаполя провесились по всей Европѣ и заглушили эхо нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, которыми все еще обмѣниваются Берсагліеры и бурбонокіе разбойники. Залпы, которыми англійскіе и французскіе олоты приветствовали короля Италіи, раздавались также громко, какъ шумъ морскаго сраженія, и привѣтствія, съ какою встрѣтили Виктора Эммануэля Бенедетти и сэръ Джэмсъ Гѣдсонъ, казались надгробною рѣчью, произнесенною для упокоя души динствіи бурбоновъ.

За то въ Римѣ пресвященный Меродъ забавлялъ плуу военной энеидиціей, съ маршемъ, контръ-маршемъ, осадой, атакой, зандртой и высадкой. При этомъ слово заставляло ораторомъ «Бессмьанное зачатіе», на которомъ мина обещала сбѣжать въ Италію, если того потребуютъ обстоятельства. Въ ожиданіи готовящихся великихъ событій, нашъ святой отецъ улыбается, по своему обыкновенію, какъ улыбался въ тотъ день, когда убитъ былъ пещиннѣй Локателли. Пана страдаетъ подгрой, у него образовались ясные артыци на ногатъ! Нашество свидѣется ракомъ,—оно почернѣло отъ гангрены, и Пій IX

свѣтъ неланнолическимъ тихимъ блескомъ. Никогда, быть можетъ, онъ не былъ болѣе счастливъ, чѣмъ въ настоящую минуту. Онъ тихъ и гордъ въ рѣчахъ, оканчивается ласковымъ обращеніемъ, эгоизмомъ, упрямствомъ и слабымъ, ограниченнымъ умомъ. Своимъ пріятнымъ гелесомъ онъ весьма кетати цитируетъ мѣста изъ священнаго писанія, исполненные грознаго величія, и потомъ отпускаетъ какую-нибудь шутку, вызывающую улыбку на устахъ прелатовъ. Чтобъ опредѣлить эту личность однимъ словомъ, скажемъ—это ханжа! Это Людовикъ XVI въ панской тиарѣ. Но какимъ безцвѣтнымъ существомъ представляется мученикъ Бурбонъ подлѣ несравненнаго Пія IX?

Его святѣйшество утѣшается тѣмъ, что совершило въ своей жизни два великихъ подвига. Первый заключается въ установленіи новаго таинства «безсѣмяннаго зачатія». Второй подвигъ состоитъ въ созваніи собора епископовъ, которые теперь почти уже все собрались. Эти закаленные головы уже начали свои совѣщанія. Вотъ—то примутся важныя рѣшенія! Что-то будетъ? Свѣтъ мало заботится о великомъ событіи, которое готовится. Но *Attonia* дрожитъ или притворяется дрожащею отъ внутренняго волненія. «Пидримы, говоритъ она, начинаютъ являться, а вмѣстѣ съ ними являюся священники, епископы. Какая-то душевная дрожь пробѣгаетъ по всему свѣту. Римъ! Римъ!—вотъ лозунгъ, однаково провозносимый христианами и нечестивцами. Теперь очередь за нами. Католики спѣшатъ въ Римъ, какъ некогда престonosцы спѣшили въ Иерусалимъ. Тогова воля Божія!»

Центральный комитетъ ассоціаціи, учрежденной для освобожденія Италіи, адресовавъ къ Римлянамъ прокламацію, которая и была прибиита на многія углы города. Вотъ ея содержаніе:

«Римляне!

«Представители итальянскихъ либеральныхъ обществъ, основаніе въ Генуи ассоціацію для освобожденія Италіи, посылаютъ къ вамъ чрезъ нашего посредника братскій привѣтъ. Мы сочувствуемъ вашимъ страданіямъ. И мы также негодуемъ на притѣсненіе и позоръ, которыми подвергаетъ васъ правительство, видящее въ благородномъ народѣ только толпу пономарей, а въ искупительномъ крестѣ — символъ рабства.

«Римляне! Съ вашею судьбою связана участь Италіи, которая не можетъ существовать безъ столицы. Наши враги теперь хлопочутъ надъ всѣхъ слѣдъ и употребляютъ все зависящія отъ нихъ средства, чтобъ

осудить Римъ отъ остальной Италіи. Клянемся вамъ, клянемся клятвою мучениковъ, умершихъ за отечество, что посвятимъ всю свою жизнь, что прольемъ всю свою кровь съ тѣмъ, чтобъ возвратить Римъ Италіи, а Италію Риму. Вотъ почему мы образуемъ комитеты и почему смыкаемъ свои ряды. Мы рѣшились показать, что нашъ народъ обнаружитъ свою волю и возьмется за оружіе. Наше право можетъ быть достигнуто не сузными словами, но подвигами.

«Римляне! ваши обязанности велики. Удвойте свою энергию. Отвергните съ негодованіемъ совѣты гнусныхъ трусовъ, которые хотятъ васъ убаюкать. Берите примѣръ съ Миланцевъ, которые смѣло востали противъ австрійскаго знамени. Между вами и подвижниками партіи духовенства находится стѣна: это—ненависть, воздвигнутая въ сердцахъ вашихъ притѣсненіемъ. Доставьте міру зрѣлище непоколебимаго осужденія свѣтской власти. Полагайтесь на насъ, такъ мы полагаемся на васъ. Револьюція приближается; покажите себя достойными имени Римляне!»

«Во истину, мы говоримъ вамъ, сердце Италіи, это — Римъ. Будьте вѣрными его стражами. Въ немъ заключается Италіи. Въ ожиданіи дня освобожденія ведите себя такъ, чтобъ ваше положеніе служило постояннымъ протестомъ противъ произвола, который отказываетъ вамъ, исключительно вамъ въ цѣломъ свѣтѣ, въ правѣ имѣть законы и отечество. Подобно всѣмъ Итальянцамъ, вы должны пристать къ программѣ, которая теперь торжествуетъ до самаго Везувія. Эта программа заключается въ словахъ: «единство Италіи и Викторъ Эммануэль!» Такимъ образомъ мы освятимъ символы римскаго величія, мы разобьемъ цѣпи нашихъ угнетенныхъ братьевъ и осуществимъ желаніе, пылающее во всѣхъ сердцахъ, эту надежду будущихъ вѣковъ—единство отечества.

«Генуя. Апрель, 1862 года».

Все это въ порядкѣ вещей. Святой Януарій въ восторгѣ. Императоръ Людовикъ-Наполеонъ все еще играетъ роль бога Януса. Подвижники Италіи вслухъ называютъ его благодѣтелемъ, а тайкомъ проклинаютъ, какъ палача, а приверженцы папы — наоборотъ: они громко ругаютъ Наполеона палачемъ, а втихомолку признаютъ благодѣтелемъ. Король Викторъ Эммануэль на свой ладъ завоевываетъ королевство Обѣихъ Сицилій. Папа также торжествуетъ по своему. Одна только Италіи страдаетъ нестерпимо. Несчастное событіе недавно потрясло въ печаль всѣхъ ея друзей, которые уже нездоровали этотъ

важнѣйшій народъ съ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ умѣлъ соединять энергію и дѣятельность революціонныя съ благоврауишемъ, свойственнымъ истиннымъ консерваторамъ, и сохранять нераздѣльными силы демократіи, дворянства и буржуазіи. Золотая нить согласія теперь разорвана. Будетъ ли она вновь укрѣплена?

Выведенные изъ терпѣнія страданіями Италіи, убѣжденные, что Наполеонъ Бонапарте—другъ сомнительный, котораго надо принудить дѣйствовать въ пользу этой стороны, увлеченные возстаніемъ Греціи, войною Черноморіи и призывнымъ крикомъ Венгріи, толпа молодыхъ людей, самыхъ рѣшительныхъ членовъ революціонной партіи, полагали, что настала благоприятная минута приступить къ дѣлу освобожденія. Съ отвагою, свойственною ихъ возрасту, они не задумались рискнуть будущностью своего отечества и предпринять импровизированный походъ. Сколько можно судить по первымъ, весьма неполнымъ извѣстіямъ, полученнымъ объ этомъ дѣлѣ, нѣсколько шаекъ хотѣли проникнуть черезъ австрійскую границу съ тѣмъ, чтобы возмутить итальянскую часть Тироля; другіе партизаны должны были вслѣдъ затѣмъ отправиться въ Грецію и Черногорію для того, чтобы оттуда перейти въ долину Дуная, гдѣ, по ихъ убѣжденію, недовольные Венгерцы только ожидали сигнала возстанія. Вслучаѣ успѣха этой диверсіи, возсталъ бы Венеція, и Италія, волею-неволею, вступила бы въ большую войну съ Австріею. Это, быть можетъ, послужило бы къ возобновленію наваррскаго похода и доставило бы возможность австрійской арміи вступить въ Миланъ безъ выстрѣла. Но такіа предположенія теперь излишни.

А какова была роль Гарibaldi въ этомъ дѣлѣ?

Это еще не вполне извѣстно. Правительство, желая предоставить себѣ болѣе простора дѣйствія, объявило полуоффициальнымъ образомъ, но такъ, чтобы можно было впоследствии отказаться отъ своихъ словъ, что знаменитый полководецъ выразилъ неудовольствіе по поводу этого предпріятія, которое считалъ преждевременнымъ. Извѣстно, что въ продолженіе ночи жилище Гарibaldi въ Траскорра было закрыто и что тамъ арестовали полковника Каттабони, друга итальянскаго героя. На арестанта наложены ручныя цѣпи, и два жандарма, въ мундирѣ, отправлены съ нимъ въ Геную. На основаніи допущеній, найденныхъ у Каттабони, то есть у Гарibaldi, арестовали вслѣдъ затѣмъ гарibaldiскаго адъютанта, полковника Нулло, и нѣсколько сотъ волонтеровъ. Жители Бресции возмущались и потребовали отъ

префекта выдачи арестантовъ. Префекту, быть можетъ, удалось бы успокоить ихъ нѣсколькими разумными словами, но онъ предпочелъ разогнать безоружную толпу своими солдатами и велѣлъ отвести въ цитадель Александрин пятьсотъ сорекъ плѣнныхъ. Гарibaldi обратился съ письмомъ въ министерство юстиціи, прося во имя своего собственного достоинства и гостепрѣимства, нарушеннаго въ его домѣ, освобожденіемъ полковника Каттабени. Но, увидѣвъ, какой оборотъ приняло дѣло, онъ потребовалъ, чтобъ освободили его офицеровъ или чтобъ вѣсть съ ними заключили его самого. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ за отсутствіемъ министра, весьма неразумно отвѣтилъ, что ни за что не уступитъ этому требованію, еслибъ даже ему грозили междоусбною войной. Между тѣмъ, король Викторъ Эммануилъ, котораго эти неприятныя извѣстія застали во время триумфальнаго путешествія по Неаполю и Сициліи, гнѣвно приказалъ поступить какъ можно строже со всеми подсудимыми, кто бы они ни были. Это несчастная исторія, наполняющая насъ грустью. Бѣда, если итальянскій народъ не водворитъ у себя порядка, если онъ, съ одной стороны, не обуздастъ потерянливыхъ порывовъ революціонной партіи, а съ другой — не разрешитъ тѣхъ боязливыхъ людей, которые готовы остановить всякое народное движеніе къ свободѣ, насколько угодно будетъ его тираническому величеству и нашему святому отцу, папѣ. Что касается до Гарibaldi, то онъ долженъ вести себя осторожно: достаточно одной неудачи со стороны этого героя для того, чтобъ его привели въ असвѣданный судъ. Гарibaldi долженъ знать, что, подаривъ королю-galantuomo цѣлое королевство и не принявъ взаменъ того ни ордена Анжуйскіи, ни титула герцога Палермскаго или маркиза Каттабени, ни сотни тысячъ ливровъ ренты, онъ предоставлялъ несчастному Виктору Эммануилу одно только средство быть благодарнымъ: заключеніе въ тюрьму или заточеніе?

Отъ Италіи перейти къ Греціи значить отъ итальянскаго движенія обратиться къ его отголоску. Благодаря всеобщей амнистіи, инсургенты очистили цитадель Навплин, съ условіемъ, чтобы двенадцать офицеровъ, на которыхъ не простиралось прощеніе, отправлены были въ безопасное мѣсто на иностранныхъ корабляхъ. Дѣйствительно, одни изъ нихъ благополучно прибыли въ Италію, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями, но другіе, по прїѣздѣ въ Смирну или на Іонійскіе острова, были задержаны. Послѣ взятія Навплин, король Оттонъ обратился къ своей арміи и къ своему флоту съ благодар-

ственной рѣчью, по поводу ихъ превосходнаго поведенія въ этомъ дѣлѣ. Это было весьма милостиво съ его стороны. Потому онъ назначилъ собраніе палаты къ 7 мая. Министерство, желая избѣгнуть перваго свиданія, подало въ отставку. Трикуписъ, посланникъ въ Лондонъ, отказался отъ порученія составить новый кабинетъ, и король отложилъ сессию до другаго времени.

Много ли выиграло правительство взятіемъ Навплин? Этой побѣдой оно приобрѣло только перемиріе. Несмотря на то, что греческая нація не рѣшалась отвѣтить на призывъ Гриваса, она на самомъ дѣлѣ возмужавшая, не довольна своимъ положеніемъ и желаетъ перемѣны. Правда, она придавала событіямъ Навплин только значеніе воззванія, довольно повелительнаго. Но царедворцы, окружающіе королеву Амелию, не хотятъ мирной революціи. Они желаютъ невозможнаго—возстановленія прошедшаго. Изъ Афинъ въ Навплию послана цѣлая толпа прокуроровъ, свидѣтельныхъ приставовъ и полицейскихъ агентовъ разнаго названія и вида. Несмотря на амнистію, либералы подвергаются арестамъ. Правительство сильно негодуетъ на одного офицера, командовавшаго арсеналомъ, и который былъ прощенъ. На его имущество наложено секивестръ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы вознаградить промажу тридцати тысячъ ружей, которыя могутъ явиться при какомъ нибудь новомъ возстаніи. Нація наружнымъ образомъ спокойна, но она не унала духомъ. Ея отвращеніе къ настоящей династіи не прекратилось, и пока дворъ будетъ слушаться однихъ совѣтовъ, получаемыхъ изъ Мюнхена и Вѣны, онъ только еще болѣе расширитъ роль, уже и такъ весьма глубокой, который отдѣляетъ его отъ народа. Первый актъ этой драмы конченъ; мы скоро будемъ видѣть второй.

Турки, Сербы и Черногорцы продолжаютъ убивать другъ друга съ различнымъ успѣхомъ. Омеръ Паша, которому надоѣли частыя неудачи, подалъ въ отставку и возвращается въ Константинополь.

Венгрія все еще погружена въ нѣмую печаль. И она также подавлена, но не побѣждена. Она устремляетъ взоръ на Венецію въ ожиданіи помощи, въ которой ей снова отказано. Ея безпокойство увеличивается, когда она обращаетъ взглядъ на Кромачію, Трансильванію, Молдавію и Валахію. Эти земли до того проникнуты самостоятельной инициативою, что не захотятъ войти въ составъ Венгріи, а съ другой стороны онѣ такъ тѣсно съ нею связаны, что не могутъ отъ нея отдѣлиться. Когда Венгрія смотритъ на Вѣну, въ ней, восхитан-

нается злоба и усиливается отвага. Всякая другая нація, кромѣ венгерской, погибла бы въ этомъ безвыходномъ положеніи, погибла бы, измученная нетерпѣннѣемъ и обманутыми ожиданіями. Но эта твердая раса не отчаивается. «Videbimus infra!» таковъ теперь ея девизъ. Такъ какъ намъ нельзя идти впередъ, то побережемъ свои силы— наше время придетъ!

Венгрія и Венеція ставятъ австрійскій кабинетъ въ затруднительное положеніе, о которомъ и не подумали главные либералы, испускавшие крики радости, когда Рехбергъ объявилъ въ рейхсратѣ, что Австрія въ отношеніи къ Италіи хочетъ оставить колытку вѣнствительства и придерживаться одной обороны. Но случаю разстроеннаго состоянія казны, армія должна быть уменьшена на семьдесятъ тысячъ человекъ. Но захотятъ ли очистить отъ войскъ Венгрію, Венецію и итальянскую часть Тироля? Позволительно въ этомъ сомнѣваться. А эта удивительная свобода прессы, которою должна пользоваться Австрія, будетъ ли она распространена на Венгрію и Венецію, составляющія, какъ говорятъ, часть этой имперіи? Глазное, мы не должны болѣе расточать напрасно вѣру и надежду. Намъ слишкомъ часто обманывали и мистифировали. Будемъ впередъ восмищаться не иначе, какъ убѣдившись на дѣлѣ, что есть къ тому достаточная причина. Не надо преждевременно изъяснять благодарность.

Пруссаки того же мнѣнія, и поэтому они на послѣднихъ выборахъ имѣли блестятельный успѣхъ. Этотъ успѣхъ довершился былъ открытіемъ новой палаты. Король, по нѣкоторымъ причинамъ, считалъ лишнимъ присутствовать на этомъ торжествѣ. Онъ отъ своего имени велѣлъ произнести рѣчь, отличавшуюся безвѣтностью. Это было самое лучшее, что могъ онъ сдѣлать. Открытіе новой палаты совершилось въ день празднованія памяти Фихте; общества наукъ и философій соединились на банкетъ. Университетъ, національ-серейнъ, ассоціація ремесленниковъ должны были праздновать память могущественнаго философа, отличавшагося великими гражданскими доблестями. Вѣсть съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, праздновалась и побѣда, одержанная оппозиціею. Что предприметъ палата? Что будетъ дѣлать министерство? Планы самыя странныя попеременно принимались въ официальныхъ кружкахъ. То предполагалось объявить осадное положеніе, уменьшить число избирателей и въ то же время обнародовать либеральныя иѣры! То признавалось нужнымъ предоставить членамъ палаты полную свободу слова, но запретить имъ говорить о нѣкоторыхъ важныхъ

рѣшеніяхъ, на которыхъ укажетъ правительство. Люди очень искусные объясняли либераламъ, что такъ какъ министерство воспользовалось программой прогрессистовъ, то прогрессисты обязаны поддерживать министерство, чтобы тѣмъ доказать, что программа составлена искренно. Боже мой! знаемъ мы эту ложь. Мы съ нею сливкомъ хорошо ознакомились во Франціи. Не Итцерншицъ и не Фанъ-дербъ-Гейдтъ выдумали такую уловку. Она съ большимъ успѣхомъ употреблялась въ 1848 году. Но что я говорю? Не только тогда. Съ незапамятныхъ временъ эта ложь служила ловушкой, въ которую безпрестанно попадались либералы. «А, вы люди мирные! говорятъ имъ. Вы желаете свободы для всѣхъ! Хорошо! Докажите же это на дѣлѣ: бросьте свои мечи, такъ какъ вы люди мирные. Потомъ мы уберемъ и васъ, и вашихъ женъ и дѣтей. Такъ велитъ намъ свобода. Намъ пріятно истреблять васъ и подобныхъ вамъ людей. Если ваши принципы искренны, то вы должны съ нами согласиться!»

Вильгельмъ I, король милостію Божіею и въ то же время король конституціонный, весьма стѣсненъ своею присягою; онъ стѣсненъ своею врожденною честностію гораздо болѣе, чѣмъ было бы на его мѣстѣ стѣснено его министерство!

Между тѣмъ произошло событіе совершенно неожиданное—одно изъ тѣхъ невѣроятныхъ событій, какія могутъ случиться только въ Германіи. Рѣчь идетъ о курфирштерствѣ Гессенскомъ. Курфирствъ, управляющій этою странюю, какъ говорится, по праву, данному Богомъ, задумалъ пожаловать своимъ подданнымъ конституцію, заставить ихъ votar въ пользу кандидатовъ своего собственного выбора. Но вдругъ король Вильгельмъ отправляетъ въ Кассель два корпуса, съ тѣмъ чтобы выгребовать визитную карточку своего генерала. Это странно, но это не все еще! Австрія и Пруссія, которыя въ Бронцеллѣ, по поводу того же самаго курфирста, чуть было не вѣднались другъ другу въ волосы, теперь единодушно дѣйствуютъ противъ этого правителя. Но и это еще не все! Сеймъ франкфуртскій, т. е. сеймъ германскій—надо же называть его настоящимъ именемъ—и тотъ вдругъ принимаетъ сторону права народовъ противъ такъ называемаго божескаго права!

Мы болѣе и слышать не хотимъ. Не хотимъ знать причины такого явленія. Не станемъ разбирать такого чуда. Мы поражены удивленіемъ, нами овладѣло оцѣненіе!

ЖАКЪ ДЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Руководство для учащихся и для дѣловыхъ людей. *Вильгельма Рошера*. Переводъ И. Бабста. Томъ первый. Отдѣленіе второе. Москва, 1862.

«Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно самоотрицаніе, чтобы добраться до истины».

В. Рошеръ.

Первая книжка перевода г. Бабста появилась въ октябрь 1860 года.

Выпуская ее тогда, переводчикъ предупреждалъ публику, что вторая книжка, т. е. 2-е отдѣленіе I-го тома, «выйдетъ въ декабрь, а второй томъ готовится къ печати».

Объщанная книжка, однако, не появилась ни въ декабрь 1860, ни въ теченіи всего 1861, ни въ началѣ 1862 г. Она вышла только въ прошедшемъ апрѣлѣ и то, вѣроятно, для оправданія известной пословицы: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ предисловіи къ этой книжкѣ г. Бабстъ говоритъ: этимъ «изданіемъ я кончилъ переводъ I-го тома творенія Рошера. Второй томъ мною переведенъ и къ концу нынѣшняго года я надѣюсь его издать. За всѣ указанія на вкрашіяся ошибки я буду искренно благодаренъ».

Итакъ второй томъ появится въ концѣ этого года. Очень рады.

Отд. II.

1

Замѣтимъ, однакожь, что общаемый томъ *готовился къ печати* еще въ концѣ 1860 года, такъ по крайней мѣрѣ сказано въ предисловіи къ первой книжкѣ перевода.

Смѣемъ ли надѣяться, что почтенный профессоръ будетъ намъ искренно благодаренъ за подобныя замѣчанія?.. Кстати: мы говоримъ о нашей надеждѣ и забываемъ, что самъ профессоръ не прочь понадѣяться кое-на-что. Вотъ доказательство: «Будемъ надѣяться, говоритъ Бабстъ, что плоды многолѣтнихъ усилій, трудовъ и неутомимаго прилежанія знаменитаго германскаго ученаго (Рошера) найдуть и у насъ радушный пріемъ». (Предисловіе).

Итакъ г. Бабстъ самъ надѣется, надѣется, замѣтимъ на то, что мы окажемъ радушный пріемъ творенію знаменитаго германскаго ученаго. Мало того: почтенный профессоръ считаетъ даже нужнымъ рекомендовать намъ своего собрата, лейпцигскаго профессора, какъ усерднаго и неутомимо-прилежнаго труженика.

Надежда г. Бабста на наше радушіе, впрочемъ, весьма основательна. Мы, Русскіе, всегда отличались гостепримствомъ; хлѣбосоольство—наша завѣтная слабость. Это знаютъ всѣ иностранцы вообще, нѣмцы въ особенности; знаетъ это, конечно, и самъ г. Бабстъ, проживающій въ хлѣбосоольной Москвѣ. Отчего, послѣ этого не порадытъ родному человѣку; отчего г. Бабсту не похвалить Рошера!.. Между своими иначе и быть не можетъ.

Скажемъ мимоходомъ, что знаменитый Рошеръ смотритъ на насъ, Русскихъ, довольно подозрительно и считаетъ насъ «соперниками» и даже «врагами» нѣмецкаго племени.

Какъ бы то ни было, а г. Бабстъ рекомендуетъ намъ Рошера; это фактъ. Г. Бабстъ знакомитъ насъ съ Рошеромъ и переводитъ его «замѣчательное» сочиненіе на нашъ языкъ; это другой фактъ.

Эти факты г. Бабстъ заявляетъ сознательно и преднамѣренно; его цѣль—вызвать въ насъ потребность изучать политическую экономію, а переводомъ сочиненія Рошера «внести съ своей стороны скромную лепту въ дѣло развитія и распространенія экономическихъ знаній» въ русскомъ обществѣ.

Вопросъ о необходимости для насъ экономическихъ знаній г. Бабстъ поднималъ еще въ 1856 году.

1856 годъ! Сколько важныхъ вопросовъ поднято было у насъ въ этотъ знаменательный годъ?! Да, то была славная пора, пора невиданныхъ чудесъ! Въ эту пору слѣпые видѣли, нѣмые говорили,

глухіе слышали и мертвецы, подымаясь изъ гробовъ, подымали самыя живыя вопросы.

1856 годъ! Кому изъ насъ не памятенъ этотъ годъ... И г. Бабеть, конечно, не забылъ его; онъ, безъ сомнѣнія, живо помнитъ и торжество 5-го іюня въ казанскомъ университетѣ. Въ этотъ незабвенный для него день онъ произнесъ торжественную рѣчь и стяжалъ вѣнецъ оратора.

«Мм. гг.! Имѣю честь говорить предъ вами, какъ представитель одной изъ отраслей человѣческаго знанія... торжественно говорилъ профессоръ Бабеть.

«Распространеніе здравыхъ экономическихъ понятій, мм. гг., составляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ потребностей нашего общества... Горе тому народу, который теряетъ всякое желаніе къ улучшенію своего экономического быта, всякую заботу о немъ: онъ теряетъ съ угнѣмъ вмѣстѣ сознаніе своего нравственного достоинства, сознаніе честности... (Слушайте, слушайте). Чистота и опрятность—это необходимыя условія нравственнаго развитія. Не даромъ же, мм. гг., бѣлый цвѣтъ есть символъ непорочности. Благо тому народу, который имѣетъ средства жить въ покойномъ жилищѣ, одѣваться хорошо, хорошо ѣсть. (Браво).

«Ополчимся вѣе дружно и дружно станемъ дѣйствовать для распространенія просвѣщенія и для умноженія нашего богатства.

«Передъ каждымъ истинно-русскимъ, патриотомъ долженъ всегда носиться великій образъ вѣнценоснаго труженика, перваго русскаго машиниста, инженера, врача, ученаго, литератора, нашего великаго Петра, натершаго себѣ трудами, для образованія Россіи, мозоли на своихъ царственныхъ рукахъ».

И такъ въ 1856 году, по заключеніи мира, когда распушено было по домамъ государственное ополченіе, г. Бабеть призывалъ подъ свое знамя новыхъ ополченцевъ, натирать мозоли и распространять какія-то здравыя экономическія понятія въ нашемъ отечествѣ.

«Ополчимся дружно и дружно станемъ дѣйствовать», взывалъ профессоръ и на зовъ его откликнулись гг. Ростовцевъ, Щепкинъ и другіе переводчики произведеній школы такъ называемыхъ экономистовъ. Въ непродолжительномъ времени на нашемъ языкѣ появились переводы разныхъ «основаній, курсовъ и началъ политической экономіи»—Густава де-Моллиаріи, Бруно фонъ-Гильдебранда, Курсель-Сенея, Жозефа Гарнье, Эллиса... Заговорили наконецъ и наши

*

ученые—гг. Вернадскій, Гегемейстеръ, Тернеръ, Вернеръ,... право всѣхъ не упомянешь. Последнимъ явленіемъ нашей домашней экономической литературы было замогильное твореніе г. Горлова въ 2-хъ томахъ, или сборникъ ветхозавѣтныхъ экономическихъ теорій.

Нѣтъ! нѣтъ! говорить г. Бабсть, глядя на труды этихъ ополченцевъ, не такъ вы дѣйствуете, распространяя экономическія понятія. Всѣ ваши авторитеты ошибаются; ваше начальство ведетъ васъ по ложному пути, потому что мало обращаетъ вниманія на исторію экономической жизни древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ. Вашимъ вожатаямъ мало дѣла до того, что передумали эти народы, чего они хотѣли, къ чему стремились... Нѣтъ! если вы дѣйствительно желаете быть настоящими ополченцами, то должны учиться по другому уставу. Рекрутская школа вашихъ экономистовъ уже не годится; она не научитъ васъ путному и сдѣлаетъ изъ васъ только мечтательныхъ утопистовъ. Я говорю вамъ это, какъ представитель экономической науки и какъ вѣрный послѣдователь знаменитаго и неутомимо-прилежнаго германскаго ученаго, Вильгельма Рошера. Этотъ ученый вовсе не утопистъ, какъ ваши начальники; онъ не пытается, какъ они, «растянуть народную жизнь на прокустовомъ ложѣ». Вся задача его состоитъ въ томъ, чтобы отыскать въ кучѣ историческаго мусора первобытные зачатки народнаго хозяйства въ самыя отдаленныя эпохи. Вашъ авторитетъ—Ж. Б. Сей осмѣлился сказать: «какую пользу извлечемъ, мы собирая безумныя мнѣнія и опровергнутыя всѣми теоріи? Выкапывать ихъ изъ могилы и бесполезно и скучно»!!! Какой взглядъ на исторію, какое невѣжество! Нѣтъ ничего мудренаго, такое ученіе могло только породить утопію, абсолютизмъ теорій и страшно повредить наукѣ. Нѣтъ! чтобы узнать народное хозяйство, мы должны изучать прежде всего древность, старину. Взгляните на Рошера—вотъ примѣръ. Посмотрите какъ копотливо и неутомимо-усердно разгребаетъ онъ историческій мусоръ, какъ терпѣливо глотаетъ архивную пыль и съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ подбираетъ онъ всякій хламъ, всякую повидимому негодную ветошь... Вотъ что значитъ любовь къ наукѣ, вотъ что значитъ заниматься наукою для науки.

Конечно, только «люди дѣльные, ищущіе науку ради науки», какъ говоритъ мой учитель, самъ знаменитый Рошеръ, могутъ признать все достоинство подобнаго метода изученія народнаго хозяйства... Но мы не теряемъ надежды на готовность нашихъ ополченцевъ усвоить

взглядъ германскаго ученаго на политическую экономію. Мы имѣемъ глубокое убѣжденіе, что истинно-просвѣщенные ополченцы бросаютъ нашою *идеальнѣйшій*, утопическій методъ официальной школы экономистовъ. Да, мм. гг., пора намъ понять значеніе *историческаго* метода, пора намъ оцѣнить, какъ подобаетъ, заслуги ученѣйшаго Рошера и провозгласить его *первымъ* европейскимъ политико-экономомъ, какъ это сдѣлалъ мой собратъ Воловскій. Этотъ замѣчательный экономистъ, отрекаясь торжественно отъ идеальнаго метода Росси, восклицалъ: «Я человекъ—и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, потому что вмѣстѣ съ Рошеромъ я благоговѣю передъ исторіею древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ. Итакъ, мм. гг. *homo sum, humani nihil a me alienum puto* — вотъ что можетъ сказать про себя каждый изъ васъ, кто усвоить методъ Рошера и, вслѣдъ за Воловскимъ и мною, сдѣлается глашатаемъ его ученія.

«Ополчимся дружно, мм. гг., и дружно станемъ дѣйствовать для утвержденія историческаго метода въ нашей экономической наукѣ».

Вотъ сущность пропаганды г. Бабста (см. предисловіе его).

Теперь мы обратимся къ самому Рошеру. «Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно *самоотрицаніе*, чтобы добраться до истины».

Съ такимъ грознымъ напоминаніемъ обращается Рошеръ къ школѣ такъ называемыхъ экономистовъ.

Итакъ, по убѣжденію перваго современнаго политико-эконома, политическая экономія должна прибѣгнуть къ самоотрицанію, т. е. къ *самоубійству*, во имя истины: иначе—она не можетъ быть наукою. Какое ужасающее условіе истины! Но правда ли это? Понимаетъ ли самъ Рошеръ весь смыслъ этого убійственнаго условія истины... или онъ высказываетъ его бессознательно, по наитію? Чтѣ, наконецъ, разумѣть ученый подъ этимъ страшнымъ словомъ *самоотрицаніе*? Посмотримъ.

Рошеръ говоритъ слѣдующее:

«Въ каждой наукѣ, занимающейся народною жизнью, замѣтишь всегда два главные вопроса, а именно: *что существуетъ теперь?* (то есть, что было прежде и какъ оно получило настоящую свою форму) и *что должно быть?*

«Большая часть политико-экономовъ смѣшиваютъ въ своихъ трудахъ два эти вопроса, хотя и въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ, т. е. у однихъ преобладаетъ первый, у другихъ второй вопросъ.

«Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ оба упомянутые нами вопроса рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, мы встрѣчаемъ *рѣшительную противоположность* между *физиологическимъ* или *историческимъ* и *идеальнымъ* методомъ». (Т. I, кн. I, стр. 48).

Такимъ образомъ экономисты до сихъ поръ еще не усвоили одного общаго метода для своихъ изслѣдованій. Въ этомъ—то и кроется главная причина видимой неустойчивости и неостоятельности экономического ученія. *Безъ метода нѣтъ науки*—это знаетъ каждый экономистъ, хотя нѣсколько знакомый съ какою нибудь наукою.

Теперь спрашивается: какой методъ должна усвоить политическая экономія? Идеальный, т. е. математическій, или историческій? Отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависетьъ участь политической экономіи, какъ науки.

Прежде всего мы замѣтимъ, что большая часть цеховыхъ экономистовъ, въ родѣ какого нибудь Молинали, Гарнье или Бодрильяра, не обращаетъ никакого вниманія на значеніе метода въ наукѣ вообще, а занимается словозверженіемъ. Для такихъ писакъ наука не существуетъ... Поэтому искать метода въ ихъ сочиненіяхъ или, говоря вѣрнѣе, въ ихъ скучныхъ романахъ—трудъ совершенно напрасный. Итакъ обратимся поскорѣе къ настоящимъ представителямъ политической экономіи, какъ науки, имѣющей свой методъ.

Мальтусъ, Рикардо, Росси, а въ последнее время Дж. Ст. Милль ввели въ политическую экономію методъ *математическій* или *идеальный*, какъ называетъ его Рошеръ.

Слѣдуя этому методу, помянутые писатели смотрятъ на политическую экономію, какъ на науку умозрительную; по ихъ мнѣнію, она должна быть основана на принципахъ *a priori*, на *опредѣленіяхъ*, отъ которыхъ путемъ логическаго вывода слѣдуетъ доходить до послѣднихъ умозаключеній. Короче, политическая экономія должна быть построена на тѣхъ же началахъ какъ и математическія науки, какъ геометрія на примѣръ. Такъ думаютъ тѣ экономисты, которые желаютъ сдѣлать политическую экономію наукою вполне точною, рациональною.

Допустимъ, что Мальтусъ, Рикардо, Росси и другіе думаютъ основательно. Допустимъ, что политическая экономія дѣйствительно должна усвоить методъ математическій *a priori*; положимъ, что она—

наука умозрительная, вполне рациональная, основанная на *опредѣленіяхъ*, какъ и геометрія.

Теперь спрашивается: можетъ-ли представить намъ политическая экономія *точныхъ*, недвусмысленныхъ и навсегда усвоенныхъ *опредѣленій* своихъ терминовъ? Могутъ ли, напримѣръ, экономисты *опредѣлить* намъ что такое богатство, цѣнность, трудъ, капиталъ, заработная плата, доходъ и прочіе экономическіе термины, которые требуютъ неизбѣжнаго значенія въ наукѣ, желающей быть рациональною? Что думаетъ объ этомъ самъ Росси, который громче всѣхъ проповѣдывалъ о необходимости математическаго метода для политической экономіи?

Богатство, цѣнность, капиталъ... неужели эти слова не могутъ имѣть точнаго опредѣленія?

«Хотя наука, говоритъ Росси, усвоила уже эти слова, но до сихъ поръ еще не согласны насчетъ ихъ настоящаго смысла и опредѣленнаго выраженія. Другими словами: наука не установилась даже въ основныхъ своихъ принципахъ, потому что первымъ признакомъ совершенства науки служитъ разъ на всегда принятая и усвоенная номенклатура». (Rossi, Cours d'Econ. pol, II leç., p. 33. 2 ed.).

Итакъ политическая экономія не даетъ намъ точныхъ *опредѣленій* своихъ словъ. Но безъ этого непрѣмнаго условія, какъ известно, математическій методъ совершенно бесполезенъ; слѣдовательно политическая экономія не наука и не можетъ называться наукою, пока не найдетъ и не представитъ намъ синтетическихъ опредѣленій своихъ основныхъ терминовъ.

Тутъ невольно рождается вопросъ: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ экономистъ найти эти опредѣленія; можетъ ли его наука усвоить математическій методъ?

На такой основательный вопросъ ни одинъ экономистъ не даетъ положительнаго отвѣта. Всѣ его стараются обойти. Впрочемъ Мальтусъ, говоря о богатствѣ, сознавался, что весьма трудно, даже *невозможно* съ точностью опредѣлить этого неуловимаго понятія. Гдѣ же искать рѣшенія этого важнаго вопроса объ опредѣленіяхъ? Неужели приходится заглянуть въ методологію?.. Заглянемъ.

Въ своей «Критикѣ чистаго Разума» Кантъ говоритъ слѣдующее:

«*Однѣ* только математическія науки могутъ давать опредѣленія своихъ терминовъ.

«Математическія опредѣленія, составляясь синтетически, *a priori*,

никогда не могутъ быть ложны; на нихъ построены всё математическія доказательства; безъ нихъ, наконецъ, немислима сама математика, какъ наука чисто рациональная, логически—последовательная въ своихъ выводахъ.

«Математическій методъ ни въ какомъ случаѣ не примѣнитъ къ философскимъ, опытнымъ изслѣдованіямъ. Поэтому только въ одной математикѣ можно начинать съ опредѣленій словъ и основныхъ понятій». (*Kant. Trad. Tissot, 1845, t. II, pp. 425—430*).

Итакъ оказывается, что политическая экономія не должна и не можетъ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, искать опредѣленій своихъ «основныхъ» понятій, а менѣе всего—пользоваться методомъ математическихъ наукъ. Такъ велитъ законъ методологій, открытый Кантомъ, такъ доказываетъ и самый опытъ. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ экономистъ школы Мальтуса и Рикардо не опровергнувъ доказательствъ Канта о невозможности примѣнить къ политической экономіи математическій методъ *a priori*. Мы имѣемъ даже основаніе предполагать, что ни одинъ изъ нихъ не читалъ Канта. Вотъ почему, чуждые философіи своего вѣка, эти мнимо—ученые слѣпо и упорно продолжали проповѣдывать о математическомъ методѣ, писали громадные трактаты политической экономіи и постоянно начинали ихъ съ опредѣленій «основныхъ» понятій и терминовъ. Однако логика безжалостно казнила ихъ за оскорбленіе науки, осуждая на безвыходное противурѣчіе всё созданнаго ими теоріи и системы, вмѣстѣ съ тѣмъ она наложила на нихъ позорное клеймо абсолютизма. Загляните въ любой курсъ политической экономіи, прослѣдите внимательно за ея доводами, взвѣсьте ихъ на вѣсахъ строгой логики—и вы непременно найдете въ нихъ бездну самыхъ отчаянныхъ противурѣчій, даже нелѣпостей. Мы смѣемся надъ метафизиками и схоластиками среднихъ вѣковъ, потѣшаемся надъ алхимиками и астрологами и не замѣчаемъ, что творится въ ученоемъ мірѣ экономистовъ. Мы мало обращаемъ вниманія на ихъ фантазіи и мечты, а то смѣху нашему не было бы конца... Но, по правдѣ сказать, мы забыли уже смѣяться надъ тѣмъ, что дѣйствительно смѣшно—и серьезно смотримъ на труды алхимиковъ и метафизиковъ нашего вѣка,—на современныхъ экономистовъ. Или, можетъ быть, намъ уже наскучили они своими противурѣчіями, спорами и логомахіей и мы махнули на нихъ рукой? И то правда: они были бы смѣшны, когда не наводили бы на насъ тоски и унынія.

Однако обратимся лучше къ Рошеру, этому смѣлому отрицателю

математического метода. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ о сочиненіяхъ эконоμισстовъ, усвоившихъ этотъ методъ

«Кому удалось просмотрѣть хоть нѣсколько такихъ идеальныхъ сочиненій, гдѣ говорится о томъ, каково должно быть народное хозяйство, того прежде всего поразить различіе и даже противурѣчіе во всемъ, чего требуютъ *теоретики*, чего они желаютъ и что считаютъ необходимымъ. Нѣтъ почти ни одного вопроса, въ пользу или противъ котораго не говорили бы самые извѣстные авторитеты. Такое странное явленіе стараются всѣми силами прикрыть и полагаютъ, что въ главныхъ своихъ вопросахъ политическая экономія остается вездѣ и всегда одна и та же, точно также, какъ и естествознаніе... Не зачѣмъ жмурить глаза передъ такимъ явленіемъ». (Т. I, кн. I, стр. 49 и 50).

Итакъ германскій ученый совѣтуетъ намъ открыть глаза и посмотреть на странное явленіе противурѣчія современныхъ экономическихъ системъ и теорій. Посмотримъ.

На дверяхъ экономического лабиринта, какъ на дверяхъ Дантова ада мы читаемъ мрачную надпись: *lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*—оставьте всякую надежду вы всѣ, со страхомъ и трепетомъ приступающіе къ изученію такъ называемой политической экономіи.

Поразительное въ самомъ дѣлѣ явленіе представляетъ намъ политическая экономія въ современномъ ея состояніи. Несмотря на все рвеніе своихъ представителей, по сіе время еще она продолжаетъ вращаться въ безвыходномъ, какъ будто заколдованномъ кругу однихъ и тѣхъ же неразрѣшенныхъ вопросовъ... Чѣмъ дѣйствительно заявила себя эта пресловутая наука въ теченіи почти ста лѣтъ, отъ Адама Смита до Молинали и Дж. Стюарта Милля? Системы слѣдуютъ за системами, теорія смѣняетъ теорію; разнообразіе принциповъ, несходство возрѣній на предметъ науки, безплодные споры о словахъ, проще говоря—словозверженіе—все это безжалостно отрицало самую науку и ея значеніе. Противурѣчіе школъ англійской, французской, германской, итальянской, борьба системъ меркантильной, мануфактурной, земледѣльческой, регламентарной и пр., и тутъ же одновременный взрывъ утопій коммунистовъ, филантроповъ, мистиковъ и теорій спекуляторовъ и шарлатановъ всѣхъ сортовъ! Не пытка ли то Сизифа и Даннаидъ? Невольно спрашиваешь себя: за какое преступленіе осуждены экономисты трудиться надъ созданіемъ такой науки, какъ политическая экономія? Гдѣ кроется причина безплодности ихъ усилій?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ исторія развитія естественныхъ наукъ. Со временъ Бэкона эти науки, найдя *методъ* своихъ изслѣдовацій, неуклонно шли путемъ постепеннаго развитія и дали намъ много полезныхъ, блестящихъ и почти чудесныхъ открытій. Пока наука не опредѣляла съ точностью *дѣйствительнаго* предмета своего изученія и не усваивала *настоящаго* метода, до тѣхъ поръ, конечно, она и не могла установиться на прочныхъ началахъ. До Бэкона науки не было, а были философскія системы, теорія. Послѣдователи Аристотеля и Платона безцѣльно блуждали въ безграничной области гипотезъ и спорили о словахъ... То была пора схоластики, метафизики, — царство артаритетовъ. Но вотъ явился Бэконъ, и мракъ средневѣковаго обскурантизма разсѣялся. Авторитету Аристотеля былъ нанесенъ страшный ударъ и средневѣковая схоластика, и философія должны были уступить мѣсто положительному знанію — наукѣ. Принципъ знанія — это непосредственное *наблюденіе* явленій; поэтому наука, идя по пути, указанному ей Бэкономъ, не ищетъ ничего *абсолютнаго*, а довольствуется наблюденіемъ и анализомъ явленій, изучая ихъ отношенія и открывая законы.

Можно ли было послѣ этого грезить о какихъ бы то ни было системахъ философіи и создавать теоріи изъ началъ ума?

Многіе, даже послѣ Бэкона, мечтали о томъ. Декартъ, Спиноза, Малбраншъ, Лейбницъ, Вольфъ, наконецъ въ наше время Шеллингъ, Фихте и другіе великіе умы предполагали возможнымъ построить какую-то единую философскую систему. Отвергая схоластику, признавая и проповѣдая значеніе науки, но желая въ то же время создать отвлеченную теорію міросозерцанія, эти мыслители отдавали дань средневѣковому абсолютизму и впадали въ неизбежное противурѣчіе. Анализъ и критика всѣхъ философскихъ системъ доказали самымъ очевиднымъ образомъ, что въ основѣ каждой изъ нихъ лежитъ гипотеза, бездоказательная идея, не имѣющая значенія для науки, какъ положительнаго знанія. Принципъ науки — *наблюденіе* исключаетъ всякую теорію, всякую систему *a priori*. Тамъ, гдѣ одни только факты составляютъ весь авторитетъ, другимъ авторитетамъ нѣтъ болѣе мѣста. Наблюденіе фактовъ можетъ быть доступно каждому; всѣ факты можно наблюдать съ безчисленныхъ сторонъ; каждый можетъ глядѣть на нихъ съ какой угодно точки зрѣнія. Такимъ образомъ: безконечное разнообразіе фактовъ, воззрѣній на нихъ, способность каждого создавать системы и теоріи — все это явно отрицаетъ и уничтожаетъ

авторитетъ системъ и дѣлаетъ ихъ построение совершенно праздною, даже вредною забавою ума. Настоящая философія гнушается такою забавою; ея назначеніе состоитъ вовсе не въ созданіи теорій, а въ томъ, чтобы показать какъ и почему мы философствуемъ и къ чему можетъ привести насъ всякое умозрѣніе. А строить теоріи, системы, послѣ Бэкона и Канта, въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, въ нашъ вѣкъ критики—да это просто безуміе... Наше настоящее дѣло—это совершенствовать орудія критики—логику, методъ, очищать науку отъ негодной эрудиціи, софистики обскурантовъ, а болѣе, всего систематически отрицать системы теоріи и утопіи.

Но если вы отрицаете всѣ теоріи, то что же ставите взамѣнъ ихъ? спросать идеалисты.—Ничего. Какъ, неужели одно отрицаніе?—Да. А кто же будетъ строить, создавать!—Тотъ, кто не понимаетъ ни духа времени, ни исторіи, ни смысла науки, т. е. абсолютъ. Исторія воспитываетъ челоѣчество. Но какъ она его воспитываетъ?—Путемъ послѣдовательнаго отрицанія форменныхъ условій жизни народовъ. Отрицаніе—это духъ исторіи, это сама жизнь. Поэтому и самый прогрессъ есть ничто иное, какъ процессъ отрицанія, его развитіе и непрекращаемое движеніе. Чтобы убѣдиться въ томъ, бросимъ бѣглый взглядъ на прошедшее воспитаніе челоѣчества.

Въ основѣ древнихъ обществъ лежало *рабство*. Ведчайшіе мудрецы и законодатели Рима и Аѳинъ смотрѣли на это явленіе современной имъ жизни, какъ на вполне законное и естественное. Ни Сократъ, ни Аристотель не могли себѣ представить общества безъ рабовъ. Даже для Платона самый идеалъ республики былъ немислимъ безъ рабства.

Восемнадцать слишкомъ вѣковъ тому назадъ, древній міръ, основанный на рабствѣ, погибалъ въ суетѣри и развратѣ подъ властью чествомъ цезарей.

Рабство подвластныхъ, дикомство и грабежи правителей, войны и оргіи римскихъ императоровъ убивали въ покоренныхъ ими народахъ всякое сознаніе права и справедливости. Отвратительнымъ возраздалось варварство изъ этого непомѣрнаго разврата правовъ. Мудрецы предвидѣли конецъ имперіи, а чѣмъ пособить—не знали. И что дѣйствительно могли они придумать? Для спасенія этого дряхлаго общества нужно было отрицаніе всѣхъ условій его рабской жизни, нужно было измѣнить укоренившіяся понятія и уничтожить права, освященныя вѣками. Кто могъ рѣшиться на такое страшное отрица-

ніе? Мудрецы говорили: Римъ побѣдилъ своею политикою и богами; всякая реформа, противная духу его учрежденій, былабы безуміемъ и святотатствомъ. Мало того, Римъ, милосердый къ побѣжденнымъ, заковывая ихъ въ цѣпи, дарить имъ жизнь; рабство—самый обильный источникъ его богатствъ; освобожденіе рабовъ, поэтому, было бы отрицаніемъ самыхъ священныхъ правъ его и гибелью финансовъ. Римъ, наконецъ, погруженный въ наслажденія, обогащенный міровою добычею, пользуется своею побѣдою и управляетъ; роскошь и сластолюбіе—награда за его побѣды; онъ не можетъ ни отречься отъ нихъ, ни выпустить изъ своихъ рукъ захваченной добычи.

Итакъ Римъ признавалъ за собою дѣло и право. Притязанія его были оправданы всѣми обычаями и международными правами. Идолопоклонство въ религіи, рабство въ государствѣ, эгоизмъ и развратъ въ домашней жизни составляли основу учрежденій и нравовъ. Посягать на нихъ значило потрясать общество въ его основаніяхъ.

Вотъ почему идея отрицанія не могла придти въ голову древнимъ мудрецамъ—эпикурейцамъ, циникамъ или стоикамъ. А между тѣмъ общество умирало въ крови, развратъ и банкротствѣ и настоятельно требовало покаянія и ликвидаціи.

Но вотъ раздалась евангельская проповѣдь изъ Іудеи, и разнеслась по всему пространству имперіи. Затрепеталъ древній міръ язычества, почувявъ близость неминуемой кончины. Завязалась страшная война палачей и мучениковъ вѣры и, послѣ трехъ—вѣковой пропаганды евангелія, языческій міръ былъ обращенъ и принялъ новый завѣтъ. Идолопоклонство истреблено, рабство уничтожено, развратъ уступилъ мѣсто болѣе суровымъ нравамъ и презрѣніе богатствъ доведено до нищенства. Общество было спасено отрицаніемъ его принциповъ, ниспроверженіемъ старой религіи и нарушеніемъ вѣковыхъ учрежденій.

Законъ вѣчнаго отрицанія былъ исполненъ.

Въ концѣ V вѣка западная римская имперія падаетъ подъ ударами варваровъ. На развалинахъ ея появляются новыя государства и въ основѣ ихъ ложится право завоевателя, право сильного. Европейское общество среднихъ вѣковъ живетъ и воспитывается по всѣмъ правиламъ феодальной системы, на началахъ крѣпостнаго права. По понятіямъ мудрецовъ этой эпохи крѣпостное право—явленіе совершенно законное и естественное; феодалъ никакъ не можетъ представить себѣ общества безъ крѣпостныхъ. Но исторія не ждетъ покаянія и сила

отрицанія рушить феодальную систему и уничтожаетъ крѣпостное право, какъ уничтожило рабство.

Это послѣднее отрицаніе выводитъ человѣчество на новую дорогу жизни; политическое рабство европейца среднихъ вѣковъ смѣняется *закономно* свободою современнаго рабочаго, получившаго право гражданства. Мудрецы западной Европы провозглашаютъ вмѣстѣ съ гражданскою свободою лица и право *труда*. Тюрго первый провозгласилъ это право издавшемъ постановленія, уничтожавшаго средневѣковыя ремесленные корпораціи. «Природа, говорилъ онъ, давая человѣку нужды, сдѣлала право труда собственностью каждаго, и эта собственность священна и неотчуждаема». Одновременно съ экономической реформою появляется въ западной Европѣ новое экономическое ученіе, которое объявляетъ трудъ первымъ источникомъ богатства народовъ.

Возвѣщая этотъ великій принципъ экономической жизни обществъ, Адамъ Смитъ этимъ самымъ указалъ современному историку на такой фактъ, который долженъ сдѣлаться въ его рукахъ самымъ вѣрнымъ путеводителемъ для изслѣдованія жизни человѣческаго рода. Дѣйствительно, вся прошедшая жизнь народовъ прошла въ трудѣ, въ борьбѣ съ природою изъ-за насущнаго хлѣба. Мало того: вся ихъ исторія намъ доказываетъ, что въ трудѣ, болѣе чѣмъ на войнѣ, человѣкъ заявлялъ свою доблесть и свое стремленіе къ свободѣ. Вотъ почему мы считали себя въ правѣ показать, что рабство и крѣпостное состояніе были главными условіями и фактами жизни древняго міра и среднихъ вѣковъ. При этомъ мы видѣли, какъ исторія, путемъ отрицанія этихъ двухъ условий, выработала наконецъ въ современной Европѣ начала, совершенно противоположныя рабству и крѣпостному праву. Свобода лица, свобода и право труда — вотъ принципы, во имя которыхъ слагается жизнь настоящихъ обществъ.

Но если трудъ — только одинъ трудъ — есть принципъ богатства, то, съ другой стороны, какой же принципъ той ужасающей нищеты, которая разъѣдаетъ цивилизованный западъ? Чѣмъ объясняется нищета рабочихъ классовъ Англіи и Франціи? Неужели исторія отрицала рабство, крѣпостное право затѣмъ только, чтобы породить *пролетариатъ* и пауперизмъ? That is the question.

Да, самое поразительное и мрачное явленіе западной цивилизаціи, источникъ всѣхъ политическихъ переворотовъ Франціи и сдавленная причина будущихъ революцій Англіи — это та хроническая болѣзнь народовъ, названіе которой — нищета, пауперизмъ. Этотъ грустный фактъ

цивилизации давно уже обращает на себя вниманіе передовых мыслителей, желающих облегчить участь самаго беднато и многочисленнаго класса людей.

Тѣмъ не менѣе науперизмъ все болѣе и болѣе развивается на западѣ. Какъ фактъ общественной жизни, онъ былъ неоднократно подвергнутъ самому строгому логическому, историческому и нравственному анализу; его распредѣлили по родамъ, видамъ, группамъ и категориямъ и сдѣлали изъ него четвертое царство природы.

Долго спорили на западѣ о причинахъ нищеты, ея послѣдствіяхъ для будущаго прогресса цивилизаціи; объясняли ея назначеніе, указывали на степень развитія въ разныхъ странахъ.

...Одни заглавія книгъ, въ которыхъ описывался и обсуждался этотъ вопросъ жизни и смерти, могли бы напомянуть собою цѣлые томы.

Въ заключеніе всего, нашлись счастливые люди, которымъ до того надоѣли всѣ эти анализы, статистическія изслѣдованія, романтическія и поэтическія словоизверженія и вопли о нищетѣ, что они подъ конецъ зажмурили глаза и перестали вѣрить въ ея дѣйствительность... Странная, право, судьба человѣка: онъ доходитъ иногда до того, что разумъ его начинаетъ отвергать свидѣтельство чувствъ, физическую боль, даже самую смерть... Если не ошибаемся, Грекъ Пирронъ отрицалъ движеніе; стоики не признавали страданія и боли; приверженцы ученія о переселеніи душъ отвергали смерть; спиритуалисты не вѣрили въ существованіе матеріи, а скептики наконецъ, не желая впасть въ односторонность взгляда, рѣшили за лучшее сомнѣваться во всемъ... Однако жръ, не взирая на всѣ людскіе толки и пересуды, продолжалъ свой непрерывный ходъ во времени, смѣняя одни явленія другими... И въ исторіи рода человѣческаго страданія и нищета остаются попрежнему самыми будничными, насущными фактами...

Что же такое нищета? Какой ея принципъ? Какъ спастись отъ этого чудовищнаго сѣянка, готоваго пожрать цивилизованную, трудолюбивую Европу?

Нищета въ обществѣ есть зло; это, очевидно, не требуетъ никакихъ философскихъ умствованій и доступно здравому смыслу. Нищета всегда заявляется недостаткомъ средствъ существованія, — и это понимаетъ каждый. Но человѣкъ одаренъ отъ природы сознательнымъ чувствомъ самосохраненія, поэтому законъ самой жизни побуждаетъ и

обязываетъ его искать средствъ существованія. Первое, самое необходимое и неизбежное условіе жизни—это питаніе; слѣдовательно, прежде всего человѣкъ долженъ ощущать потребность питанія. Въ этомъ отношеніи онъ повинуется общему всѣмъ животнымъ условію жизни. Коротче: человѣку нужно ѣсть.

Таковъ—въ порядкѣ экономическихъ фактовъ нашъ первый законъ, законъ неумолимый и постоянно насъ преслѣдующій.

Долгимъ путемъ развитія природа приучаетъ насъ къ труду, какъ единственно—разумному средству существованія. Въ жизни человѣчества можно отличить два главные періода: состояніе дикости, когда человѣкъ, незнакомый съ трудомъ, живетъ только плодами земли и сырымъ мясомъ животныхъ, и состояніе цивилизации, прогресса, когда люди, занимаясь промышленностью и обработкою сырыхъ продуктовъ природы, живутъ произведеніями своего труда.

Въ первомъ періодѣ, нищета, т. е. истощеніе запасовъ пропитанія, имѣетъ непосредственною и главною своею причиною лѣность, общее бездѣйствіе способностей человѣка. Очевидно, что тутъ фактъ нищеты, какъ послѣдствіе праздности, не представляетъ ничего нормальнаго; понятно, что такая нищета только предупреждаетъ человѣка и заставляетъ его приняться за трудъ, какъ необходимое средство существованія.

Но какъ объяснить нищету при трудѣ? Неужели трудъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ нищету, когда онъ—то и представляетъ единственный выходъ изъ нея?..

«Трудъ—это первый принципъ богатства» (замѣтьте богатства, а не нищеты), такъ говорятъ экономисты. А если они такъ говорятъ, то пусть же и объяснятъ намъ причину нищеты. Это ихъ дѣло, потому что нищета—явленіе экономическое.

Экономистъ, Англичанинъ Мальтусъ въ 1803 году утверждалъ слѣдующее:

«Исслѣдованіе принципа населенія привело меня къ изученію того вліянія, какое можетъ имѣть этотъ принципъ на дѣйствительное состояніе общества. Вліяніе его мнѣ показалось до такой степени очевиднымъ, что, по моему убѣжденію, въ немъ-то и кроется главная причина нищеты и бѣдствій низшихъ классовъ вслѣдствіе націй и бесплодности усилій высшаго сословія облегчить ихъ участь.

(Malthus. Principe de population, trad. par Prévost. 1809, Intr).

Такимъ образомъ, по словамъ Мальтуса, вопросъ о пауперизмѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о населеніи и находится въ прямомъ, непосредственномъ къ нему отношеніи, какъ послѣдствіе къ причинѣ.

Этотъ ученый пришелъ къ тому глубокому убѣжденію, что господствующая причина всѣхъ общественныхъ страданій вообще, а нищеты въ особенности, заключается въ постоянномъ стремленіи населенія каждой страны увеличиваться за предѣлы необходимыхъ для него средствъ пропитанія.

Итакъ причина нищеты найдена; эта причина — излишекъ населенія. Люди умираютъ съ голоду, потому что ихъ много родится. Такъ рѣшилъ мудрецъ Мальтусъ, написавшій безсмертное сочиненіе «О принципѣ населенія».

Вопросъ о народонаселеніи безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ ряду общественныхъ и экономическихъ вопросовъ какъ по своему значенію для науки, такъ и по громадности и постоянству своего вліанія на судьбу всѣхъ государствъ.

Дѣйствительно, въ каждомъ обществѣ населеніе составляетъ средство и цѣль его дѣятельности на пути матеріальнаго и нравственнаго развитія. Населеніе каждой страны трудится, живетъ трудомъ и, трудясь, размножается.

Повсюду законодателя, философы, государственные люди всегда смотрѣли на увеличеніе народонаселенія какъ на источникъ и залогъ общественнаго благосостоянія. Во всѣхъ законодательствахъ и религіяхъ, со временъ Зороастра и Конфуція, во всѣхъ историческихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ мы встрѣчаемъ постоянно одни и тѣ же афоризмы: *плодитесь, размножайтесь; тамъ, гдѣ много народу, тамъ и сила и пр...* Въ настоящее еще время всѣ правительства вѣрятъ попрежнему, что прямая цѣль ихъ — способствовать размноженію населенія, и въ этомъ отношеніи они опираются на вѣковые вѣрованія, ссылаются на моралистовъ, поэтовъ, философовъ и на народный смыслъ... Кольберъ, Питтъ, Наполеонъ до такой степени были проникнуты этимъ убѣжденіемъ, что хотѣли учредить даже преміи въ пользу тѣхъ гражданъ, которые имѣютъ многочисленное семейство.

Но вотъ въ началѣ настоящаго вѣка является человекъ, который рѣшительно возстаетъ противъ этого міроваго предрасудка и доказываетъ, что размноженіе людей составляетъ главную и постоянную причину народныхъ бѣдствій, голода, нищеты и междоусобныхъ войнъ. Этотъ человекъ самоувѣренно утверждаетъ, что законы и общественныя

ныя учрежденія безцѣльны облегчить участь самаго многочисленнаго и бѣднѣйшаго класса населенія, и что всѣ реформы и улучшенія, принятыя съ этою цѣлью—преступный обманъ или пагубное заблужденіе, которыя рано или поздно ввергнутъ народы въ бездну насильственныхъ революцій.

Какія же, спрашивается, имѣлъ Мальтусъ основанія идти на перекоръ обычаямъ, нравамъ, преданіямъ и вѣрованіямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ? Почему, наконецъ, его зловѣщее ученіе, не смотря на то, что въ массахъ оно возбуждаетъ только негодованіе, *de facto* принято, усвоено и проповѣдуется сектою такъ называемыхъ экономистовъ, какъ непреложный законъ, какъ догматъ науки?

Ученіе Мальтуса, какъ мы уже сказали, заключено въ его сочиненіи: «О принципѣ населенія. (An essay of the principle of Population). Этотъ принципъ онъ вывелъ изъ физиологическаго закона размноженія растений и животныхъ.

Наблюденія показываютъ, по словамъ Мальтуса, что природа не положила границъ производительной способности растений и животныхъ. Если бы на землѣ вовсе не было растений, то одинъ какой нибудь видъ, напр. укропъ, покрылъ бы всю ея поверхность. Если бы на землѣ существовалъ только одинъ народъ, напр. Англичане, то, въ силу того же принципа, онъ населилъ бы въ нѣсколько столѣтій всѣ страны свѣта.

И этотъ законъ, по мнѣнію Мальтуса, неоспоримъ.

Но если природа, утверждаетъ онъ далѣе, такъ щедро надѣлила оба царства сѣмянami жизни, то, съ другой стороны, она была *бережлива* (?!) относительно пространства и средствъ питанія, (т. е. растений и животныхъ).

Эти два положенія Мальтусъ облекъ въ научную, чисто-математическую форму и возвелъ ихъ въ непогрѣшимый законъ своей теоріи, въ непремѣнное условіе прошедшей, настоящей и будущей жизни человѣческаго рода. «Имя Мальтуса, говоритъ экономистъ Россія, неразрывно связано съ вопросами о населеніи, какъ имя Галилея съ закономъ движенія земли, или какъ имя Гервея съ ученіемъ о кровообращеніи».

Вотъ формулы Мальтуса.

1. Если населеніе не встрѣчаетъ никакихъ нравственныхъ или физическихъ препятствій своему развитію, то оно стремится увеличи-

ваться въ геометрической прогрессіи — 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256...

2. Средства же существованія, наоборотъ, развиваются всегда медленнѣе и увеличиваются только въ прогрессіи арифметической — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9...

Другими словами: население, по свойственному ему органическому принципу, стремится всегда размножиться за предѣлы средствъ, необходимыхъ для его существованія. Изъ этого вытекаетъ неизбѣжная для насъ необходимость: или предупреждать излишнее нарожденіе воздержаніемъ отъ брачной жизни, или же подчиняться неумолимому приговору самой мачихи-природы и умирать отъ голода, войны, заразы и другихъ бичей человѣчества. Вотъ, между прочимъ, какими страшнымъ, зловѣщимъ пророчествомъ грозитъ Мальтусъ родившемуся бѣдняку.

«Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, гдѣ все уже занято до его появленія, не имѣетъ ни малѣйшаго права на кусокъ хлѣба, если семейство не въ состояніи его прокормить или общество не нуждается въ его трудѣ. Дѣйствительно, такой человѣкъ уже лишній на землѣ. На великомъ пиру природы итъ ему мѣста. Природа велитъ ему уйти прочь,—и это приказаніе она сама не замедлитъ привести въ исполненіе».

Почтенный экономистъ Мальтусъ, пасторъ англиканской церкви, былъ кроткій, добрый отецъ многочисленнаго семейства (*) и пріятельный гражданинъ Великобританіи. Онъ скончался 29 декабря 1834 года. Миръ праху его! Благодарное потомство, говоритъ поклонникъ его ученія, экономистъ Жозефъ Гарнье, оцѣнить его великія услуги человѣчеству и воздвигнетъ ему памятникъ. Заслуга Мальтуса состояла въ томъ, что онъ, къ неописанному восторгу школы экономистовъ, первый провозгласилъ политическую экономію, какъ доктрину нищеты, рабства и смерти. Въ теченіи всей своей жизни проповѣдая воздержаніе отъ брака (moral restraint), какъ единственно-нравственное средство противъ нищеты, Мальтусъ болѣе всего клеймилъ укореившіяся въ обществѣ предразсудокъ, относительно необходимости и пользы брака.

«Во всѣхъ слояхъ общества, говоритъ онъ, царствуетъ убѣжденіе,

(*) По словамъ экономиста Шербюлье (Cherbuliez), Мальтусъ имѣлъ 11 дочерей.

будто брак есть какой-то долгъ. Подобное убѣжденіе, конечно, не остается безъ послѣдствій. Кто вѣруеть, что онъ не исполнитъ своего гражданскаго долга, пока не оставитъ потомства послѣ своей смерти, тотъ, конечно, не станетъ повиноваться голосу благоразумія. Вступая въ бракъ, такой человѣкъ будетъ убѣжденъ, что имѣеть полное право рассчитывать вполнѣ на милость providѣнія».

Очень недавно, знаменитый англійскій экономистъ, философъ и публицистъ, Джонъ Стюартъ Милль, размышляя о суетѣ мірской, предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ ученія челоуѣколюбиваго Мальтуса, съ горечью высказалъ такія мысли: «Люди такъ созданы, что сами не могутъ обсудить нравственныхъ вопросовъ. Они только тогда поймутъ добро пли зло, когда имъ станутъ почаше растолковывать его. Кто хочетъ предупредить и лечить общественные недуги, тотъ долженъ высказываться откровенно. Религія, нравственность, политика наперерывъ возбуждали въ людяхъ охоту къ брачной жизни и къ размноженію рода; религія до сихъ поръ не перестаетъ разжигать это желаніе. До сихъ поръ еще большинство умовъ заражено религіозными предразсудками противъ настоящаго ученія о бракѣ. И къ чему это ведетъ? Каждый честный челоуѣкъ презираетъ пьяницу и отворачивается отъ него; по попадаетъ бѣднякъ — и честный челоуѣкъ даетъ ему милостыню, на томъ основаніи, что тотъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ и не можетъ прокормить его.

«Нѣтъ, торжественно заключаетъ Милль, на развитіе нравственности можно надѣяться лишь тогда, когда люди станутъ смотрѣть на многочисленную семью съ такимъ же омерзѣніемъ, какъ на пьянство и всякій другой плотскій развратъ. Но пока аристократія и духовенство продолжаютъ по прежнему подавать примѣръ невоздержности, то чего же можно ожидать отъ бѣдныхъ?» (J. S. Mill, Principes d'économie polit., ch. XIII).

Такой взглядъ знаменитаго экономиста на бракъ и семейство естественнымъ образомъ привелъ его къ тому искреннему убѣжденію, что «бѣднымъ необходимо запретить жениться» (id. ch. XI).

Теорія Мальтуса о народонаселеніи составляетъ *caput et fundamentum* политической экономіи. Ж. Б. Сей, Рикардо, Макъ-Куллохъ, Джемсъ Милль, Росси, Джонъ Стюартъ Милль, Вильгельмъ Рошеръ, Молянари—вотъ самые замѣчательные глашатаи этой теоріи, о которой, замѣтимъ, не мыслятъ Адамъ Смиттъ.

*

Последнее слово этой зловещей теории—*голодная смерть рабочего класса*.

Устами Дж. Милля школа экономистов проповедует следующее:

«Население стремится постоянно увеличиваться за пределы средств пропитания. Это достаточно очевидно. Мало того, если это уже доказано, то нам нѣтъ особенной нужды определять теперь скорости народненія людей. Какъ бы медленно оно не происходило, по если уже капитал (т. е. средства продовольствія) увеличивается еще медленнѣе, то задѣльная плата должна постоянно уменьшаться и известная часть населенія *непрѣменно умирать съ голоду*».

Lasciate ogni speranza.

Но да не подумаетъ читатель, что мы обвиняемъ Мальтуса и его послѣдователей за недостатокъ любви къ человечеству. Напротивъ того, мы глубоко убѣждены въ томъ, что экономисты всегда душевно желали ему всевозможныхъ благъ на землѣ. Неужели мы станемъ называть ихъ бездушными за то, что они не могутъ сообразить, какъ безъ онанизма и голодной смерти лишнѣхъ людей установится равновѣсіе между населеніемъ и средствами продовольствія? О, никогда! Мы полагаемъ, наоборотъ, что сами экономисты клеветаютъ на себя, когда рѣшаются рисоваться передъ публикою своимъ безстрастіемъ. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что англійскій экономистъ Сеньоръ жестоко клеветалъ на себя и на своихъ собратій, когда говорилъ слѣдующее:

«Экономистъ не долженъ позволять себѣ, чтобы сердечное участіе къ нищетѣ, негодованіе противъ мотовства или скупости, ненависть къ настоящимъ злоупотребленіямъ, увлеченіе популярностью... могли мѣшать ему утверждать то, что онъ считаетъ основаннымъ на фактахъ, или выводить изъ нихъ такія заключенія, которыя ему кажутся законными». (Senior. Esquisse de l'Econ. polit., p. 130).

Клеветаетъ на себя экономистъ, клеветаетъ онъ на науку и на своихъ собратій! Нѣтъ, никто не разубѣдитъ насъ въ томъ, что разумъ экономистовъ сознаетъ, а сердце и совѣсть ихъ твердятъ совершенно противное... Нѣтъ! Вмѣстѣ съ Кери, передовымъ американскимъ мыслителемъ, они глубоко, сердечно убѣждены въ томъ, что настоящая наука вовсе не налагаетъ такого безстрастія на тѣхъ, кто ее проповѣдуетъ. Сама совѣсть непрестанно напоминаетъ имъ, что чѣмъ болѣе изучается наука, тѣмъ сильнѣе окружающая нищета должна возбуждать къ себѣ участія и тѣмъ свободнѣе слѣдуетъ за-

двлять его; въ томъ неодолимомъ убѣжденіи, что существованіе подобнаго порядка вещей аномально, неестественно. Чѣмъ энергичнѣе въ насъ отвращеніе, вызываемое расточительностью или скупостью, которыя порождаютъ нищету, тѣмъ глубже должны мы уважать учрежденія, имѣющія цѣлю способствовать развитію привычки къ общенію и сближенію людей. Только благодаря этой глубоко-нравственной привычкѣ, человѣкъ приобрѣтаетъ власть надъ природою и достигаетъ богатства. Поэтому, чѣмъ выразительнѣе будетъ въ насъ ненависть къ злоупотребленіямъ, которыя стремятся увѣковѣчить нищету и горе, тѣмъ живѣе и рѣшительнѣе станемъ мы трудиться надъ ея отрицаніемъ для блага общаго.

Такъ думаетъ вслухъ Кери; недовѣдуютъ эти мысли и всѣ экономисты, въ глубинѣ своей совѣсти. Если же эти ученые, увлекаясь ложными теоріями Мальтуса и Рикардо, говорятъ вовсе не то, что слѣдуетъ, то не забудемъ словъ Рощера: «Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно самоотрицаніе, чтобы добраться до истины». Итакъ будемъ покойны. Сами экономисты съумѣютъ своевременно напомнить другъ другу, что они заблуждаются и что ихъ наука нуждается въ *самоотрицаніи*, во имя истины и добра.

Однако, прежде нежели политическая экономія, по приговору Рощера, посягнетъ на самоотрицаніе, т. е. на самоубійство, поспѣшимъ спросить ее: что она такое и чѣмъ занимается?

Политическая экономія не наука—въ этомъ сознаются сами экономисты. До сихъ поръ она стремилась усвоить методъ, опредѣлить предметъ, найти объемъ и предѣлы своихъ изслѣдованій—и не могла достигнуть этой научной цѣли. Это фактъ. Математическій методъ, какъ доказали опытъ и логическій анализъ, не примѣнимъ ни въ какомъ случаѣ къ экономической наукѣ: она должна была поэтому искать другой методъ. Нашла ли она его?.. Рощеръ кричитъ: Эврика, нашель. Объ немъ поговоримъ послѣ. Профессоръ, экономистъ, юрисконсультъ и перъ Франціи — Росси, которымъ гордится школа экономистовъ, потерявъ всякую надежду ввести въ политическую экономію свой идеальный методъ, въ отчаяніи восклицаетъ: «Всякая мысль о методѣ изгнана теперь изъ экономической науки, а между тѣмъ нѣтъ науки безъ метода». Итакъ политическая экономія—это система, теорія, утопія, фантазія, романъ... все что хотите, только не наука.

Политическая экономія, какъ современная доктрина, выражаетъ

собой воззрѣніе извѣтнаго рода ученыхъ на экономическіе факты общественной жизни.

Теперь спрашивается: съ какой точки зрѣнія смотреть эти извѣстные ученые на экономическіе факты? Чѣмъ, по ихъ мнѣнію, должна заниматься политическая экономія?

Вотъ что говоритъ одинъ изъ авторитетовъ этой доктрины, Джонъ Ст. Милль:

«Политическая экономія изучаетъ только тѣ явленія общественной жизни, которыя поражаютъ жаждою человѣка къ пріобрѣтенію богатствъ. *Отвращеніе отъ труда*, жажда непосредственнаго наслажденія самыми дорогими благами — вотъ единственныя побужденія и страсти человеческой природы, на которыя обращаетъ свое вниманіе политическая экономія. Она, изучаетъ какъ человечество, подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ двухъ побудительныхъ причинъ, производить и потреблять богатства» (System of Logic).

Въ другомъ мѣстѣ Милль говоритъ, что вопросы о богатствѣ, которыми занимается политическая экономія, не имѣютъ ничего общаго съ вопросами о свободѣ, нравственности, правѣ и пр. По его мнѣнію «все эти предметы изученія существенно различны и никто въ томъ никогда не сомнѣвался». *Magister dixit!* Право, мы въ восторгѣ отъ Милля и любимъ его за непоколебимую откровенность и наготу его мысли. Въ немъ такъ и видѣнъ Британецъ. Такіе мыслители не попадаютъ между экономистами французской школы, на которыхъ лежитъ печать какого-то слабоумія и жалкой посредственности. Сравните, напримѣръ, Мальтуса, Рикардо, Макъ-Куллоха съ Сеемъ, Мишель Шевалье, Пасси, Гарнье, Бастіа, и вы тотчасъ замѣтите, что англійскіе экономисты рѣзко отличаются отъ французскихъ и силою логики, и глубиною убѣжденія, и сжатостью слога, и упорствомъ мысли... Англичанинъ доказываетъ, Французъ болтаетъ.

Возвратимся къ нашему предмету.

Итакъ, по мнѣнію Милля, этого Геркулеса политической экономіи, экономистъ долженъ изучать явленія производства и употребленія одного лишь матеріальнаго богатства съ чисто-физиологической точки зрѣнія. Физиологія богатства—вотъ прямой и исключительный предметъ изученія и созерцанія современнаго экономиста, — вотъ его дѣло. Что же касается нравственности и юридическаго значенія экономическаго фактовъ, то экономистъ этимъ не занимается, — это не его дѣло. Вопросы о богатствѣ не имѣютъ ничего общаго со всеми прочими об-

нественными вопросам. Такъ рѣшила никольная мудрость экономистовъ. Прекрасно. О взглядахъ не спорять, какъ и о вкусахъ. Каждый волеяь создавать свою систему, или теорію; наукѣ нѣтъ до этого никакого дѣла—она отрицаетъ всѣ теоріи и системы.

Станемъ теперь на точку зрѣнія экономистовъ и посмотримъ, что значить у нихъ слово *трудъ*.

Первый источникъ богатства—это трудъ. Съ этимъ согласны всѣ экономисты безъ исключенія.

Трудъ есть умственное или физическое, мускульное или нервное напряженіе съ производительною цѣлью (Милль).

Человѣкъ работаетъ *по нуждѣ*, для поддержанія своего существованія. По своей природѣ онъ имѣетъ *отвращеніе* отъ работы и ненасытно жаждетъ наслажденія земными благами (Милль).

Такимъ образомъ трудъ, какъ условіе жизни, не имѣетъ для экономиста нравственно-юридическаго, т. е. человѣчнаго начала, а налагается неумолимымъ закономъ природы, страхомъ голодной смерти. Слѣдовательно, трудъ не предполагаетъ человѣческаго произвола. Вся свобода труда, какъ учить политическая экономія, сводится на то, чтобы не заставлять человѣка работать насильно, по принужденію, и доставить ему возможность безъ стѣсненій умереть съ голоду.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи, трудъ, даже добровольный и свободный, имѣя своимъ побужденіемъ только фатализмъ нужды, а *не совѣсть* и нравственное сознаніе его необходимости, становится противнымъ, тяжелымъ бременемъ, и человѣкъ естественно стремится избѣжать его какъ пытки. Это уже не трудъ, а каторжная работа, по суду *мачихи-природы*.

Отвращеніе отъ труда!.. Подумалъ ли Милль, когда писалъ эти слова, о ихъ сочетаніи?..

Отвращеніе отъ труда! Исторія всѣхъ народовъ намъ доказываетъ, что сочетаніе этихъ словъ заявлено было рабствомъ, крѣпостнымъ состояніемъ, и, въ настоящее время, въ богатой Англіи, работою машинъ—людей, *пролетаріевъ!* Это знаетъ самъ Милль.

Состояніе рабочихъ классовъ на западѣ, въ особенности же въ Англіи, какъ извѣстно каждому, далеко неутѣшительное. Тамъ трудъ составляетъ признакъ ничтожества, рабской зависимости пролетарія, *какимъ* его униженія. Это фактъ. Экономисты возвели его въ идеалъ своего ученія и, считая трудъ *товаромъ*, смотрятъ на работника, какъ на машину. О взглядахъ не споримъ.

По нашему же убѣжденію, если разсматривать трудъ независимо отъ нравственности и права, то онъ всегда обращается для работника въ пытку Сизифа, въ самую непроизводительную и убыточную затрату силъ и способностей. Развитіе пауперизма въ Англіи доказываетъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Что же намъ говорить послѣ этого о богатствѣ Англіи, о чудесахъ ея промышленности!..

Почти ежедневно мы слышимъ толки о выставкахъ. Парижъ и Лондонъ состязаются на этомъ поприщѣ, оглашая просвѣщенный міръ славою своихъ промышленныхъ фабричныхъ и земледѣльческихъ произведеній. Экономисты и фельетонисты наперерывъ поютъ хвалебныя гимны въ честь труда, величія и пышности его произведеній!..

Нѣтъ! пора перестать играть въ куклы и задать вопросъ: какую истину докажутъ намъ всѣ эти блески, вся эта мишура наряднаго костюма, въ который такъ театально одѣвается современная промышленность запада и его убогое, жалкое тщеславіе?

Нѣтъ! пусть Лондонъ выставитъ лучше на показъ всему міру рубища сыновъ гордаго Альбіона; пусть, вмѣсто откормленныхъ быковъ, свиней и заводскихъ лошадей, покажетъ онъ намъ заморенныхъ голодомъ, изнуренныхъ машинною работою и доведенныхъ до идиотизма своихъ заводскихъ рабочихъ. Мы не предполагаемъ, что успѣхи современной промышленности доведутъ когда либо быка или свинью до состоянія разумнаго существа; но мы знаемъ, что та же промышленность съумѣла низвести человѣка, въ лицѣ пролетарія, на степень скота.

Итакъ, да не прельстятъ насъ ни тщеславіе современной промышленности, ни чудеса лондонской всемірной выставки. Раскроемъ глаза: нищета, страшная, чудовищная нищета разъѣдаетъ первую цивилизованную націю міра—Англію. Статистическія таблицы смертности и преступленій, тюрьмы, рабочіе дома—вотъ настоящія выставки ея богатства и цивилизація. На 9 чел. жителей—одинъ оффиціальныи нищій!.. Какъ баснословный Сатурнъ, великолѣпная Англія пожираетъ своихъ дѣтей и въ пресыщеніи извергаетъ ихъ въ колоніи, въ Америку, въ Австралію... На домашнемъ ея банкетѣ нѣтъ уже болѣе мѣста пролетаріямъ... Родина сама гонитъ ихъ со-свѣту — и сама приводитъ въ исполненіе свой материнскій приговоръ. Изгнаніе нищихъ, выселеніе Ирландцевъ—вотъ средства спасенія отъ пауперизма!.. Какимъ тяжелымъ упрекомъ лежать на совѣсти представителей Великобританіи всѣ сдавленные, непризнанныя страданія ея рабочихъ классовъ!..

«Очень недавно на обсужденіе палаты общинъ было представлено, что въ одномъ заведеніи, гдѣ отбѣивались англійскія и шотландскія полотна, мушны, жемчужны и дѣти были принуждаемы работать отъ 16 до 20 часовъ въ сутки, при температурѣ до такой степени высокой, что «гвозди на полу накалялись такъ сильно, что на ногахъ рабочихъ выступали пузыри». Каморы, въ которыхъ производилась эта убійственная работа, назывались *смертными покоями*. Такое названіе дали имъ сами рабочіе.

Въ палатѣ общинъ по этому случаю было предложено: сократить число рабочихъ часовъ, съ цѣлю хотя нѣсколько уменьшить смертность между рабочими и облегчить ихъ участь, особенно же дѣтей, на которыхъ, по словамъ одного изъ ораторовъ палаты, промышленникъ обыкновенно смотритъ, какъ на рабочій скотъ».

Такимъ образомъ величіе правосудія, законъ нравственности, общественная польза, однимъ словомъ все требовало немедленнаго прекращенія этого умышленнаго убійства рабочихъ.

Дѣло вышло иначе: алчный интересъ богатства восторжествовалъ, и билль былъ отвергнутъ послѣ рѣчи сэра Джемса Грегга (Sir James Graham), послѣ рѣчи, въ которой ораторъ убѣдительно доказалъ членамъ палаты, что на работника слѣдуетъ смотрѣть, какъ на орудіе производства, не болѣе.

«Всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что нашъ бѣлильщикъ полотень выдерживаетъ самую тяжелую конкуренцію со стороны иностранныхъ своихъ соперниковъ и для успѣшной съ ними борьбы онъ долженъ развить все свое искусство, *всю свою энергію!*..

Сравнивая за тѣмъ условія промышленности съ условіями скачки почтенный сэръ сказалъ: и я тутъ же предсказываю вамъ, джентльмены, что утверждая такой опрометчивый, неблагоприятный и сумасбродный законодательный актъ (о сокращеніи рабочихъ часовъ), тѣмъ самымъ вы обезпечите чужестраннымъ соперникамъ первенство надъ нами въ этой отрасли промышленности. (Cagey. Principes de la science sociale t. I, pp. 546, 547).

Подобнаго рода явленія вовсе не рѣдкость въ законодательной и филантропической Англій, гдѣ цѣль—богатство оправдываетъ средства условія труда. Трудъ — единственный источникъ богатства. — Трудъ отравя для пролетарія, которую онъ глотаетъ по нуждѣ. Трудъ—денежный товаръ для промышленника.

Для промышленника, который въ производствѣ употребляетъ ма-

шины и рабочихъ, вся задача заключается въ томъ, чтобы съ наименьшими издержками и платою рабочимъ получить наибольшее количество произведеній труда, а слѣдовательно и богатства.

Очень понятно, что каждый промышленникъ всѣми силами старается рѣшить эту задачу въ собственную пользу—такъ велитъ ему личный интересъ. Поэтому для него трудъ работника становится товаромъ, и чѣмъ товаръ этотъ дешевле, тѣмъ ему лучше. И это понятно каждому.

Но вотъ что намъ не совсѣмъ—то понятно: почему такой же взглядъ на трудъ проповѣдуютъ экономисты? Почему они такъ равнодушно смотрятъ на выборъ средствъ для производства богатства?

Россия говорила:

«Наука намъ доказываетъ, что для увеличенія богатства слѣдуетъ производить какъ можно дешевле».

Допустимъ, поэтому, что, заставляя дѣтей работать по пятнадцати часовъ въ сутки, мы могли бы увеличить народное богатство. Нравственность скажетъ, что это непозволительно; политика представитъ свои требованія. «Но развѣ за это слѣдуетъ возставать противъ политической экономіи? Нѣтъ, политическая экономія заслуживаетъ только отношенія вещей и выводитъ изъ нихъ свои заключенія. Она изучаетъ условія труда, а на практикѣ примѣняете трудъ сообразно цѣли вашей. Развѣ это доказываетъ, что политическая экономія ложь? Нѣтъ, это доказываетъ, что вы смѣшиваете то, что должно быть раздѣлено... Поэтому, когда самый дорогой интересъ націи и ея господствующая цѣль заключаются въ *богатствѣ*, то въ такомъ случаѣ политическая экономія должна одержать верхъ надъ другими вопросами». (Rossi. Cours d'Econ. polit. 2 leçon, pp. 34, 38—40).

Короче, по убѣжденію экономистовъ цѣль—богатство оправдываетъ средства—условія труда; «вопросы о богатствѣ существенно различны отъ вопросовъ о нравственности». (Мильт).

«О, неужели богатство—все, а человекъ ничто!» восклицалъ Сисмонди.

«Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ самъ Мальтусъ, если для достиженія богатства слѣдуетъ заставлять рабочихъ довольствоваться ничтожною платою, то я смѣло скажу: *да погибнутъ такія богатства*» (Malthus. Principes d'Econ. polit. trad. par. Constancio, t. I, p. 339).

Трудъ—единственнымъ источникомъ богатства. Это аксіома. Трудъ—

товаръ: это выдумка экономистовъ, которые сами не понимаютъ, что говорятъ.

Самъ по себѣ трудъ вовсе не товаръ и не подлежитъ оцѣнкѣ. Онъ цѣнится только въ виду тѣхъ цѣнностей, которыя онъ можетъ произвести по предположенію. *Цѣнность труда* поэтому,—выраженіе чисто условное; это точно такой же вымыселъ, какъ и *производительность капитала*. Трудъ производитъ, а капиталъ цѣнится, стоитъ. Когда мы говоримъ про цѣнность труда, то говоримъ въ смыслѣ переносномъ, который нисколько не противорѣчитъ правиламъ языка. Экономисты должны были помнить это и не принимать разговорную выдумку за дѣйствительность. Какъ свобода, любовь, честолюбіе, гений, такъ и трудъ *самъ по себѣ* не имѣетъ ничего опредѣленнаго, осязательнаго, а заявляется и опредѣляется своимъ предметомъ, т. е. становится дѣйствительностью въ своемъ произведеніи. Итакъ, когда говорятъ: работа, трудъ этого человѣка стоитъ рубль въ сутки, то подъ этимъ выраженіемъ нужно понимать, что *произведеніе* суточной работы такого человѣка стоитъ рубль. Такимъ образомъ, повторяемъ, тутъ цѣнится не самый трудъ, а его произведеніе, цѣнность котораго опредѣляется издержками производства. Отсюда и формула Сейя: *каждое произведеніе стоитъ то, во что оно обходится*.

Къ сожалѣнію, ни самъ Сей, ни его послѣдователи, никто изъ экономистовъ не понялъ значенія этой безупречной, научной формулы. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы основать политическую экономію на точномъ анализѣ промышленныхъ явленій и принципѣ равновѣсія экономическихъ отношеній, школа экономистовъ стала смотрѣть на трудъ, какъ на товаръ, на работника, какъ на орудіе производства, а на запросъ и предложеніе,—какъ на единственное правило торговъ и установкн цѣнъ.

Запросъ и предложеніе—вотъ геркулесовы столбы политической экономіи, вотъ ея догматъ; въ немъ же Сей и его пророки.

Непреклонные глашатаи *laissez faire, laissez passer*, видя въ обществѣ одну лишь безвыходную борьбу личныхъ интересовъ, рѣшились возвести въ законъ науки торговую анархію и меркантильный произволъ. Но какому-то непонятному ослѣпленію, они видятъ въ произволѣ цѣнъ самый священный законъ и принципъ отношеній между производителями и потребителями и ставятъ его наравнѣ съ свободой труда.

Нѣтъ сомнѣнiя, что цѣнность, какъ выраженiе свободы труда, не терпитъ никакихъ ограниченiй и враждуетъ со всякимъ насилiемъ.

Тутъ—то, какъ и въ пропагандѣ своей о свободѣ торговли, никола экономистовъ и находить благовидный предлогъ для оправданiя своей рутины. Но почему, спрашивается, идея установки цѣнностей такъ противна экономистамъ? Всѣ вѣрятъ въ возможность этой установки, всѣ ее желаютъ и ищутъ. Общее убѣжденiе всѣхъ единодушно признаетъ существенное отлiчiе рыночной торговой цѣнности отъ настоящей. Вотъ почему столько товаровъ продается по опредѣленной цѣнѣ (*prix fixe*). Если цѣнность дѣйствительно не подлежитъ никакому уставу и ускользаетъ отъ полицейскаго надзора, то собственно потому, что она *должна* быть опредѣлена полюбовнымъ договоромъ между продавцемъ и покупателемъ, на началахъ взаимности, справедливости и добросовѣстности договаривающихся сторонъ.

Каждому извѣстно, что всякая торговая сдѣлка распадается на двѣ операции: *куплю* и *продажу*.

Съ точки зрѣнiя экономической справедливости, всякая продажа была бы нормальною и добросовѣтною, если бы товары продавались по *настоящей цѣнѣ, по ихъ стоимости*.

Что такое настоящая цѣна?

Настоящая цѣна какого нибудь товара заключаетъ въ себѣ: 1) сумму всѣхъ издержекъ на его производство, и 2) плату за услугу продавца, за комиссию.

Если бы всѣ сдѣлки, договоры, если бы все, что продается или обмѣнивается, слѣдовало этому правилу, то каждый былъ бы доволенъ, благосостоянiе его вполне бы зависѣло отъ его труда и усилiй, и никто бы не требовалъ посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла.

Но, къ сожалѣнiю, ежедневный опытъ доказываетъ, что торговля и вообще всякiй обмѣнъ произведенiй и услугъ еще далеки отъ такого совершенства. Мы знаемъ всѣ, что цѣна товаровъ не совпадаетъ съ дѣйствительною, настоящею ихъ цѣнностью, а всегда превышаетъ ее въ болѣе или менѣе значительной степени, смотря по капризу и своеволiю ажиотажа.

Ажиотажъ—это коммерческiй произволъ, то *laissez faire, laissez passer*, которое возвели въ правило торговъ. Этотъ произволъ объясняется отсутствиемъ солидарности между производителями и потребителями. Дѣйствительно, такъ какъ ни производитель, ни торговецъ не имѣютъ достаточнаго ручательства въ сбытъ своихъ това-

ровъ, то каждый изъ нихъ, желая обезпечить себя, вынужденъ бываетъ возвышать цѣну и, конечно, старается получить возможно большую прибыль.

Такая-то прибыль и называется *ажіо*, который такимъ образомъ становится члѣнъ-то въ родѣ премии за промышленный и торговый рискъ.

Если бы при всякой обоюдной сдѣлкѣ между продавцемъ и покупателемъ ажіо былъ бы взаимнымъ и одинаковымъ для обѣихъ сторонъ, то балансъ не былъ бы нарушенъ и обществу не на что было бы жаловаться. Двѣ равныя величины увеличите по-ровну и равенство не нарушится. Это математическая аксіома.

Но ажіо, какъ мы уже сказали, основанъ на произволѣ, на случайности; онъ не подчиняется никакому закону и равновѣсіе отношеній, балансъ съ нимъ не мыслимы.

Въ настоящее время товары не продаются по настоящей ихъ цѣнѣ—это фактъ, известный каждому. Отчего это происходитъ?

Кунецъ отказывается продавать товары по настоящей цѣнѣ, потому что 1) въ качествѣ *продавца* онъ не можетъ ручаться за своевременный сбытъ своихъ товаровъ въ такомъ количествѣ, чтобы выручить затраченный на нихъ капиталъ, т. е. *оплатить ихъ*, и 2) въ качествѣ *покупателя*, при общей несолидарности, онъ не можетъ рассчитывать на то, что другіе согласятся продавать ему товары или услуги по настоящей ихъ стоимости.

Безъ этого двойнаго обезпеченія продажа по настоящей цѣнѣ невозможна; кунецъ не можетъ даже продавать по цѣнѣ ниже рыночной. По настоящей цѣнѣ продаютъ теперь товары только или по случаю ликвидаціи дѣлъ, или по причинѣ несостоятельности, раззоренія.

Вотъ почему дешевизна товаровъ можетъ установиться только тогда, когда *производители* и *потребители* войдутъ въ непосредственныя, прямыя сношенія другъ съ другомъ, и контрактомъ, взаимнымъ ручательствомъ облегчатъ себѣ обмѣнъ услугъ и производеній труда по настоящей ихъ стоимости. Въ Германіи, Бельгіи, Франціи, Англии уже десятки и болѣе лѣтъ существуютъ различные товарищества ремесленниковъ, основанныя на началахъ взаимности безъ посторонняго посредничества, съ цѣлю обезпечить запросъ и предложеніе услугъ по настоящей цѣнѣ. Объемъ статьи, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ объяснить подробнѣе устройство подобныхъ обществъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются...

Здѣсь мы замѣтимъ, что образованіе ихъ и развитіе возможны только въ томъ случаѣ, когда всѣ сдѣлки будутъ подлежать контролю, когда посредствомъ правильнаго счетоводства можно будетъ сохранять равновѣсіе отношеній и тѣмъ самымъ предупреждать нарушение справедливости. Взаимность уваженія—вотъ принципъ личнаго права; взаимность услугъ—таковъ принципъ экономическихъ отношеній. Отсюда вытекаетъ и самая необходимость отчетности, контроля и счетоводства, какъ возможно—лучшихъ гарантій справедливости.

При настоящемъ распредѣленіи занятій, при постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ всѣхъ членовъ общества между собою во всемъ, что касается ихъ труда и обмена, каждый поневолѣ долженъ придти къ тому неизбѣжному заключенію, что его личное благосостояніе зависитъ не только отъ него самаго, но и отъ той среды, въ которой онъ вращается и дѣйствуетъ. Вотъ почему каждому необходимо не только работать, чтобы жить, но и знать на сколько и сколько ему нужно работать, чтобы трудъ его не пропалъ для него даромъ. Короче, каждый долженъ сводить счеты, вести приходо-расходную книгу. *Счетоводство*, бухгалтерія дѣлается такимъ образомъ неизрѣнимой обязанностью каждаго производителя-потребителя и орудіемъ справедливости экономическихъ отношеній всѣхъ членовъ общества.

Въ обыкновенной, повседневной жизни изученіе законовъ производства, распредѣленія и потребления ограничивается простымъ, общеизвѣстнымъ счетоводствомъ, смѣтою прихода и расхода, знаніемъ ариметическихъ правилъ сложения и вычитанія.

Теперь мы видимъ, что въ каждомъ промышленномъ заведеніи, въ каждомъ торговомъ домѣ, кромѣ рабочихъ, занятыхъ производствомъ, отпускомъ и пріемкою товаровъ, всегда находится главный повѣренный, которому поручено вести отчетность всему, что происходитъ въ заведеніи, съ точки зрѣнія общихъ условій производства, обращенія и потребления. Такой повѣренный называется управляющимъ.

Онъ одинъ только можетъ оцѣнить какъ выгодноѣе распредѣлять занятія, какую экономію приноситъ употребленіе машинъ, сколько даютъ онѣ барыша, гдѣ выгодноѣе сбывать товары. По своему положенію, управляющій удобно можетъ слѣдить за явленіями конкуренціи, предвидѣть результаты монополии, угадывать возвышеніе или упадокъ цѣнъ; наконецъ, помощью отчетности въ выдачѣ денегъ или переводѣ векселей, онъ вѣрнѣе можетъ судить о состояніи рынка, о движеніи торговыхъ и денежныхъ цѣнностей и обращеніи капиталовъ.

Счетоводчикъ, таково дѣйствительное его назначеніе, есть настоящій экономистъ; безъ его вѣдома лже-литераторы похитили это званіе, сами не замѣчая того, что политическая экономія, о которой они такъ кричатъ, сводится на самое надутое, жалкое пустословіе о бухгалтеріи.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія? Экономисты называютъ ее наукою общихъ законовъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Слѣдовательно, политическая экономія вовсе не техника производства; она не учитъ какъ слѣдуетъ сѣять, жать, молотить, печь хлѣбъ, шить сапоги или разрабатывать руду; она вовсе не энциклопедія искусствъ и ремеслъ.

Что же такое политическая экономія? Если она занимается, какъ говорятъ экономисты, только изученіемъ условій, при которыхъ творится, увеличивается, расходуется и потребляется богатство, то очевидно, что ея назначеніе и цѣль состоятъ въ томъ, чтобы находить общія правила отчетности и контроля общественному богатству.

Однако, странное дѣло! Ни въ одномъ изъ пресловутыхъ курсовъ политической экономіи вы не встрѣтите и намека объ отчетности, счетоводствѣ, бухгалтеріи, этомъ полезномъ, необходимомъ и самомъ дѣйствительномъ приложеніи математики къ экономическимъ фактамъ!..

Причину подобнаго невниманія, впрочемъ, легко понять. Своими противурѣчіями экономисты явно доказали, что не умѣютъ вовсе вести приходе-расходныхъ счетовъ общественному богатству.

Вотъ почему они принуждены были прикрывать свое незнаніе школьнымъ доктринерствомъ, и кричать: *laissez faire, laissez passer*.

Laissez faire, laissez passer—тамъ гдѣ нужно вести отчетность, контроль, гдѣ все должно быть записано въ приходъ или расходъ, гдѣ всему нужно искать *балансъ*, гдѣ все основано на математикѣ!.. Какая нелѣпость, но какая смѣлость!..

Балансъ, вотъ загадочное слово для экономистовъ!.. Балансъ — это сѣмкъ для политической экономіи. Школа экономистовъ, не понимая значенія этого многозначительнаго слова и инстинктивно пугаясь его, постоянно напрягала всѣ усилія, чтобы исключить его изъ своей науки и даже вывести изъ общаго употребленія. Вѣзмъ известна пропаганда ихъ о свободѣ торговли и непримиримая вражда противъ таможенной системы, которая основана на торговомъ *балансѣ*, на равновѣсіи привоза и вывоза. Изъ всѣхъ экономическихъ во-

прессъ ни одинъ не подвергался такому жестокому нападению, какъ принципъ запретительной системы. Тутъ—то, между прочимъ, и выказалось исключительное одностороннее направление экономистовъ, которые, забывая на время свои консервативныя привычки, рѣшительно возстали противъ таможенъ и торговаго баланса. Бдительные стражи всѣхъ монополей, эти ученые первые начали вести открытую и упорную войну противъ монополя торговли; преданія, народные интересы, политика,—однимъ словомъ все, что обуславливало до сихъ поръ жизнь государствъ, было принесено въ жертву новому экономическому догмату—*безусловной свободѣ торговли*.

Мы не можемъ не сочувствовать горячему увлеченію поборниковъ свободы торговли. Мы сознаемъ, что она необходима для развитія народнаго богатства и для водворенія мира. Принципъ свободной торговли основанъ на правѣ и правдѣ; цѣль ея—обезпечить сбытъ произведеній, ихъ дешевизну и связать народы неразрывными узами общихъ интересовъ и взаимныхъ симпатій. Свободная торговля, наконецъ, необходима, какъ отрицаніе ученія экономистовъ. Вотъ все, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ сказать въ ея пользу. Принципъ и цѣль ея безукоризнены, идея истинна и плодотворна. Развивать эту тему, послѣ всего, что было писано и говорено въ честь свободной торговли, совершенно напрасно.

Но если мы признаемъ законною самую идею свободной торговли, то, съ другой стороны, имѣемъ основаніе отвергать ея форму, ту форму, которую эта идея можетъ принять при настоящемъ экономическомъ значеніи денегъ, какъ всецѣльномъ посредникѣ торговыхъ сношеній и вообще всякой мѣны.

Мы говоримъ: если бы всѣ товары получили ту опредѣленность цѣнности, то подлинное значеніе, какимъ пользуются золото и серебро; если бы ихъ стали принимать безразлично, съ тою же готовностью, какъ монету, при каждой уплатѣ, во всякой торговой сдѣлкѣ, то тогда вопросъ о свободѣ торговли разрѣшился бы самъ собою и балансъ привоза съ вывозомъ не требовалъ бы никакихъ тарифовъ, потому что экономическая аксіома—*товары мѣняются на товары*—осуществилась бы на дѣлѣ.

Но пока это не осуществится, пока золото и серебро сохранять свое всецѣльное вліяніе на торговлю, свобода ея—будетъ ложь, заплата, посягательство на независимость и благосостояніе народовъ. При деньгахъ, какъ посредникѣ торговли, не перестанемъ повторять: свобода

ея не мыслима, невозможна безъ рабства труда. При деньгахъ свободная торговля значить: право сильнаго, всеподавляющій монополь, алчный меркантилизмъ, короче, политико-экономическое убійство народовъ по всѣмъ правиламъ ученія экономистовъ и политики Англичанъ.

Постараемся объяснить вкратцѣ и выставить на видъ эту экономическую мистификацію, которая надѣлала столько шума въ Англии и съ такимъ жаромъ проповѣдуется сектою экономистовъ на европейскомъ континентѣ.

Петръ Пустынный крестоваго похода противъ таможенной системы, Ж.—Б. Сей построилъ такой силлогизмъ:

Произведенія мѣняются на произведенія, товары покупаются на товары.

Золото, серебро и всѣ вообще металлы—такія же произведенія труда, точно такіе же товары, какъ и каменный уголь, сукно, шелкъ, вино, слѣбъ и пр.

Слѣдовательно, каждый привозъ товаровъ оплачивается сполна равноцѣннымъ вывозомъ; предполагать, что въ международной торговлѣ одна сторона выигрываетъ, а другая терять—нелѣзно, потому что привозъ всегда равноцѣненъ вывозу, будетъ ли послѣдній состоять въ товарахъ или деньгахъ. Напротивъ того, такъ какъ золото и серебро въ монетѣ не идутъ на непосредственное потребленіе, а служатъ только посредникомъ при мѣнѣ товаровъ и вообще ихъ обращенія, то очевидно, что всѣ выгоды на сторонѣ той націи, которая получаетъ товаровъ сравнительно болѣе, нежели ихъ отпускаетъ.

Вотъ почему вмѣсто того, чтобы стремиться уравнивать, какъ говорятъ консерваторы, условія народнаго труда таможенными тарифами и запрещеніями ввоза, слѣдуетъ, наоборотъ, уравнивать эти условія самою неограниченною, *безусловною свободою внѣшней торговли*.

Это доказательство, совершенно противное и вредное охранительной системѣ, показалось до такой степени яснымъ, рѣшительнымъ и либеральнымъ, что, со временъ Сея, оно сдѣлало свободную торговлю, какъ крайнюю степень конкуренціи и *laissez faire, laissez passer*, главнымъ догматомъ политико-экономическаго ученія... Попробуйте только оспаривать этотъ догматъ, только зайнитесь—и васъ экономисты тотчасъ же назовутъ консерваторомъ, отсталымъ, если не хуже. Но почему же останавливаться на однихъ словахъ, и не вдаваться въ глубже!

Возвратимся къ силлогизму Сея и посмотримъ, насколько справедливы послышки.

1) *Произведенія мѣняются на произведенія; товары покупаются на товары.* Вотъ большая посылка, въ которой выражёнъ самый плодотворный и неоспоримый принципъ общественной экономии.

2) *Золото, серебро и всѣ металлы*—такіе же товары какъ и каменный уголь, сукно, шелкъ и пр.

Тутъ—то и начинается мистификація.

Нѣтъ! Золото и серебро вовсе не такой товаръ, какъ каменный уголь сукно, хлѣбъ....

Утверждать справедливость подобнаго предложенія и доказывать затѣмъ необходимость и пользу свободной торговли — значить отрицать такой фактъ, который существуетъ въ—очію, а именно—первенствующее въ торговлѣ значеніе денегъ.

Что такое деньги?

Деньги—товаръ, товаръ по преимуществу, такой товаръ, который, по своимъ качествамъ, служитъ посредникомъ, всемірнымъ орудіемъ торговли и владычествуетъ надъ всемірнымъ рынкомъ.

Деньги подчиняютъ себѣ всѣ другіе товары, оцѣниваютъ ихъ, пускаютъ въ обращеніе, а сами принимаются при всякой уплатѣ, будучи представителемъ всѣхъ цѣнностей, произведеній и капиталовъ.

Дѣйствительно, кто имѣетъ только товаръ, тотъ, строго говоря, не владѣетъ еще богатствомъ; для этого необходимо еще подчиниться условіямъ мѣны, условіямъ часто опаснымъ, сопряженнымъ съ тысячами непредвидимыхъ случайностей.

Но кто владѣетъ деньгами, тотъ обладаетъ уже богатствомъ, потому что располагаетъ всесвѣтною цѣнностью, космополитическимъ товаромъ; короче, тотъ владѣетъ тѣмъ, кѣмъ хочетъ владѣть каждый.

Помощью этого единственнаго товара онъ можетъ приобрести во всякое время, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и при самыхъ благоприятныхъ для себя обстоятельствахъ, всѣ другіе товары. На торговомъ рынкѣ денежный капиталистъ—полный господинъ; деньги въ его рукахъ то же, что козырная мастъ въ рукахъ игрока за карточнымъ столомъ; а козырная двойка, какъ извѣстно, бьетъ всѣхъ тузовъ, королей некозырныхъ мастей.

На такомъ чисто—качественномъ значеніи денегъ, въ особенности же на томъ, что запросъ на нихъ, какъ на всесвѣтныи товаръ, всегда превышаетъ предложеніе, основана фактическая, всепоглощающая,

чуждая имъ монополия, которая облагаетъ податю всѣ товары и мѣшаетъ имъ обращенію.

Такимъ образомъ, повторяемъ, если мы отрицаемъ свободную торговлю, то вовсе не по идѣ, по принципу, а потому что доказательство ея основано на ошибочной послыжкѣ, на неточномъ обобщеніи самаго понятія о товарѣ. Деньги, какъ товаръ, не похожи, въ общественномъ ихъ значеніи, на другіе товары; деньги—это нервъ торговли, распорядитель труда и обращенія, всегда и всюду рыночный владыка. Уничтожьте царство денегъ, преобразуйте всю кредитную систему, основанную на нихъ—и свободная торговля осуществится; а при деньгахъ она—химера. Это очень хорошо известно каждому банкиру. Въ самомъ дѣлѣ, спросите у банкира и онъ откровенно вамъ скажетъ, что таможи устроены вовсе не затѣмъ, чтобы запрещать ввозъ иностранныхъ товаровъ, а затѣмъ, чтобы не выпускать за границу денегъ, потому что банкъ не можетъ обойтись безъ нихъ.

Товары мѣняются на товары, говоритъ экономистъ; деньги—это товаръ: мѣняйте ихъ на товары!

Деньги не товаръ, хладнокровно отвѣчаетъ банкиръ, а фондъ моего банка и я ихъ не выпущу такъ легко, какъ вы думаете.

Въ какойнибудь странѣ, положимъ во Франціи, неурожай. Франціи угрожаетъ торговый и промышленный кризисъ и гибель рабочаго населенія. Правительство рѣшается временно отказаться отъ таможенной системы, облегчаетъ ввозъ и принимаетъ всѣ мѣры для ускоренія обращенія.

Что дѣлаетъ банкъ? Всѣ взоры устремлены на него, на этотъ общественный органъ торговли и обращенія товаровъ; отъ него ждетъ спасенія вся страна.

И что же? Въ ту минуту, когда торговля и промышленность болѣе всего нуждаются въ услугахъ банка, на дверяхъ его читаютъ мрачную надпись: *lasciate ogni speranza*. Адвокатъ банка говоритъ: торговля нуждается въ деньгахъ. Это правда. Но развѣ банкъ можетъ существовать безъ нихъ? Развѣ банкъ, металлическій фондъ котораго и безъ того уже истощенъ, можетъ удовлетворить тому страшному запросу, съ которымъ къ нему обращаются въ настоящую критическую минуту? Развѣ вы забываете, что отъ банка требуютъ услугъ не только свои, но и иностранцы? Всѣ ищутъ денегъ, всѣ хотятъ ихъ достать, какъ можно дешевле. Вотъ почему банку поневолѣ приходится теперь увеличить процентъ учета и сократить срокъ платежа по тор-

*

говымъ векселямъ. Согласитесь сами, можетъ ли банкъ учитывать 4%, когда англійской банкъ, папримѣръ, возвышаетъ учетъ до 5, 6 и 7%? Что станется съ нимъ, съ его фондомъ, когда купцы со всего міра стануть обращаться къ нему? Взгляните на биланъ банка за послѣдній мѣсяць, и вы ужаснетесь: въ кассѣ не достаётъ, противъ нужнаго, 10 милліоновъ!...

Но какъ же это? Банкъ располагаетъ ходомъ всей торговли, всего обращенія внутри страны. Если банкъ увеличиваетъ процентъ учета, то увеличиваютъ учетъ и всѣ мѣнялы и ростовщики... Какой примѣръ!..

Ваши мѣры вредятъ торговлѣ и наносятъ ударъ всей промышленности и народному благосостоянію. И вы это дѣлаете, когда общество болѣе всего надѣется на васъ и нуждается въ вашей услугѣ!..

Банкъ живетъ деньгами; онъ не можетъ выпускать ихъ изъ своей кассы по желанію публики; ему не хочется кончатся смертью Сенеки, пустившаго кровь изъ своихъ жилъ.

Но страна умираетъ съ голоду; нужно покупать хлѣбъ заграницею. Неужели, за недостаткомъ денегъ, купцы принуждены будутъ продавать за безцѣнокъ свои товары? И безъ того въ промышленности застой, работы прекращены...

Увы, банкъ не можетъ пособить горю!...

Но если деньги дѣйствительно душа торговли, ея нервъ, какъ женовѣдуетъ это банкъ, то почему же онъ отказываетъ торговлѣ, когда та особенно въ нихъ нуждается?

Увы... денегъ мало...

Свободная торговля, о которой мечтаютъ экономисты, не возможна. Деньги—вотъ корень зла. Пока они будутъ играть роль посредника въ торговлѣ, до тѣхъ поръ свобода ея не мыслима. Постоянно возрастающія нужды промышленности, настоятельная потребность уменьшить процентъ учета, установить правильность обращенія, облегчить торговые сношенія, разрѣшить задачу продовольствія и экономической солидарности народовъ, положить конецъ финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ кризисамъ — все это рано или поздно, но неизбежно, вызоветъ необходимость уничтожить паразитную монополию денегъ и извести ихъ. Къ сожалѣнію, денежное идолопоклонство еще довольно развито. *Make money, my son, honestly if you can, but make money* (Занимай деньги, мой сынокъ; если можешь, такъ честно, но занимай, занимай). Вотъ американская пословица.

«Нужда въ деньгахъ, говорить Ожье, есть единственная досто-
верная исторія людей всѣхъ странъ. (Augier. Du crédit public. Ери-
графье).

И царству денегъ настанетъ конецъ. Экономисты думаютъ иначе,
это правда; но они не должны забывать, что ихъ наука нуждается
въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины. Такъ твердятъ собратъ
ихъ Вильгельмъ Рошеръ.

Шаткость и несостоятельность политической экономіи, какъ школь-
ной доктрины, уже давно обращали на себя вниманіе не только пере-
довыхъ людей нашего вѣка, но и самихъ экономистовъ.

Вотъ что говорилъ Мальтусъ.

«Главный источникъ заблужденій, разнообразія и противорѣчій
мнѣній, господствующихъ между писателями о политической экономіи,
по моему убѣжденію, кроется въ той поспѣшности, съ которою они
стараются *все обобщать* и упрощать; эти ученые, вдаваясь въ край-
ность (т. е. абсолютизмъ), вовсе не подчиняютъ своихъ теорій повѣр-
кѣ и доказательству помощью строгаго и многосторонняго опыта, кото-
рый только и можетъ подтвердить ихъ справедливость и пользу....

«Есть люди, которые до такой степени привязываются къ таимъ
называемымъ правиламъ политической экономіи, что, сознавая даже всю
ихъ практическую неумѣстность, тѣмъ не менѣе полагаютъ неблаго-
разумнымъ упоминаеть о томъ, изъ боязни ослабить *авторитетъ*
этихъ правилъ и поколебать къ нимъ довѣріе публики....

«Наконецъ, продолжаетъ Мальтусъ, находятся и такіе поклонники
политической экономіи, которые полагаютъ, что ея правила подлежатъ
самому широкому примѣненію на практикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ за-
блужденія меркантильной системы были доказаны и, взявши ихъ,
стали распространяться болѣе здравыя сужденія, они *успривали*, что
знають все и не нуждаются въ новыхъ изысканіяхъ. Вотъ почему,
довольные своимъ знаніемъ, они подозрительно смотрятъ на всякую
новую мысль.» (Malthus. Principes d'Econ. polit. trad. par Constancio,
Introd).

Magister dixit! Почему экономисты, поклонники Мальтуса не
обратили должнаго вниманія на подобныя замѣчанія своего учителя и
на его проповѣдь смиренія? Почему они до сихъ поръ кричатъ о своей
непогрѣшимости и подозрительно смотрятъ на всякую новую мысль?
Развѣ нельзя ихъ послѣ этого назвать гасильниками экономическаго
огня?...

Итакъ язва политической экономіи — это *абсолютизмъ*, который довелъ экономистовъ до самаго пошлаго доктринаризма и систематическаго обскурантизма.

Впрочемъ, отдадимъ справедливость экономистамъ: они сами начинаютъ сомнѣваться въ непогрѣшимости своихъ теорій. Критика нанесла имъ страшный ударъ. Разочарованіе овладѣло школою экономистовъ; они сознаются теперь, что ихъ пресловутая наука грѣшитъ во многомъ и нуждается, особенно, въ методѣ. Но это еще не все. Ихъ болѣе всего занимаетъ теперь вопросъ, какъ согласить выводы зловѣщаго ученія школы съ принципами нравственности и права. Насколько это справедливо—доказательствомъ тому могутъ служить духъ и направленіе вышедшихъ въ послѣднее время экономическихъ сочиненій. Да! политическая экономія нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины, какъ говоритъ Рошеръ.

Обратимся теперь къ этому «знаменитому» германскому политико-эконому, который высказалъ такую смѣлую и вѣрную мысль.

Этотъ ученый, какъ мы уже упоминали, отрицая прежній методъ политической экономіи, считаетъ нужнымъ ввести въ нее новый, *историко-физиологическій*. Какія же имѣлъ онъ на то основанія?

Вотъ что отвѣчаетъ Рошеръ.

«Вопросъ, какимъ образомъ лучше всего содѣйствовать развитію народнаго хозяйства, останется всегда *главнымъ* вопросомъ политической экономіи; но онъ не составляетъ еще *главной ея задачи*... Цѣль ея—изложить, что передумали народы, чего они хотѣли, къ чему стремились и чего достигли каждый въ своемъ хозяйствѣ, наконецъ, почему они стремились и почему именно этого достигли. Но такое изложеніе невозможно безъ исторіи права, государственныхъ учрежденій, исторіи литературы и т. д.» (Т. I, отд. I, пред. переводч.)

Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ *главный вопросъ* политической экономіи не составляетъ еще *главной ея задачи*? Если главный вопросъ ея — какъ содѣйствовать развитію народнаго богатства, то и главная задача предполагаетъ то же самое. Задача и вопросъ, по-нашему, выражаютъ одно и то же. Вѣроятно, г. Бабстъ ошибся или не сообразилъ этого... Но дѣло не въ томъ.

По мнѣнію Рошера, цѣль политической экономіи—«изложить, что передумали народы, чего они хотѣли и чего достигли въ своемъ хозяйствѣ»....

Мы рѣшительно не можемъ сочувствовать этому расплывающемуся везерію на цѣль и назначеніе науки народнаго хозяйства.

Дѣйствительно, что бы вы сказали, если бы профессоръ медицины сталъ утверждать и доказывать вамъ, что цѣль медицины—излечить, что передумали о ней народы, какъ лечили различныя болѣзни знахари и колдуны въ старыя времена и проч.? Какую, спрашивается, пользу можетъ принести наукѣ и обществу подобное знаніе? Когда же поймутъ жрецы науки, что она должна быть прежде всего полезна? Когда они перестанутъ заниматься «наукою ради науки», какъ это дѣлаетъ Рошеръ, въ чемъ онъ и самъ сознается?

Историческій методъ для науки, особенно такой, какъ общественная экономія, совершенно бесполезенъ; онъ ее не двигаетъ, а отодвигаетъ ко временамъ Ксенофонта и Фукидида, этого великаго древняго историка, котораго Рошеръ считаетъ своимъ учителемъ. И что докажетъ намъ выставка мертвецовъ? Финикіане, Греки, Римляне работали, торговали, обманывали, грабили своихъ и чужихъ, брали за деньги страшные проценты, банкротились по всѣмъ правиламъ экономическаго искусства и умѣли эксплуатировать работника. Обо всемъ этомъ писались и пишутся тысячи сочиненій. Конечно, подобныя изслѣдованія имѣютъ свою цѣну; но вводить ихъ въ науку, заваливать ее такимъ хламомъ—вотъ что намъ кажется непростительнымъ.

Нѣтъ, въ настоящее время мы болѣе всего нуждаемся въ познаніи явленій окружающаго насъ міра, нежели въ изученіи минувшей жизни. Мало того, если мы желаемъ понять исторію человѣка прошедшихъ вѣковъ и отдаленныхъ странъ, то намъ слѣдуетъ изучать его *въ настоящемъ времени*; только узнавая прошедшее помощью настоящаго, мы можемъ имѣть возможность предсказывать будущее.

Вотъ почему методъ естественныхъ наукъ или философскій, который введенъ теперь въ социальную науку извѣстнымъ американскимъ экономистомъ, Керн (Cary), только и можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ по своей очевидной пользѣ. Помощью этого метода изучается прежде всего то, что находится у насъ подъ рукою и доступно *непосредственному* наблюденію. Простое статистическое изслѣдованіе въ этомъ отношеніи несравненно полезнѣе всякаго трактата политической экономіи. «Статистика — эта народная бухгалтерія», какъ называетъ ее самъ Рошеръ, должна въ настоящее время сдѣлаться первою общественною наукою. Раскрывая намъ *настоящее* во всемъ краснорѣчій цвѣтъ, она даетъ намъ такія поло-

жизельныя знанія, помощью которыхъ мы можемъ познать не только причины минувшихъ явленій, но и прозрѣть будущее. Намъ важно знать не то, что было, а то, что *дѣлается* и по какому направле- нію идетъ развитіе самаго общества. Вызвать направленіе, тен- денцію общества — вотъ что хочется теперь каждому. А подобному любопытству можетъ удовлетворить только раціональная статистика, усвоившая методъ математической школы Кетле.

Стоить ли послѣ этого обращать вниманіе на политическую экономію, которая возвела въ идеалъ форменныя условія настоящей жизни, фактъ въ право?

Стоить ли, послѣ этого, знакомиться съ такими сочиненіями, какъ «начала народнаго хозяйства» Рошера, гдѣ изучается, что передумали древніе азіатскіе и африканскіе народы?

Нѣтъ, нѣтъ! Жизни, намъ жизни! Мы не желаемъ имѣть дѣла съ мертвецами. Пусть мертвые погребаютъ мертвыхъ!

Неужели г. Бабстъ, переводчикъ «творенія» Рошера, твердо убѣ- дить, что оно можетъ служить полезнымъ «руководствомъ для уча- щихся и для дѣловыхъ людей»? Неужели, какъ ученый, онъ полагаетъ, что историческій методъ усерднаго и прилежнаго нѣмецкаго экономиста можетъ принести наукѣ какую нибудь пользу? Что новаго даетъ намъ его жалкая компиляція и эрудиція? Какой прак- тическій смыслъ, въ глазахъ дѣловаго человѣка, могутъ имѣть безконечныя ссылки автора на Фукидида, Плинія, Страбона, Ксено- фонта и десять тысячъ Грековъ. Развѣ нуженъ ему этотъ безсвязный, одуряющій наборъ извлеченій, этотъ систематическій обскурантизмъ современнаго жреца науки, который завалилъ ее археологическимъ хламомъ. Мы ужасаемся при одной мысли о той невыразимой скукѣ, которую должны были чувствовать переводчики этой кни- ги... Нѣтъ, мы скорѣе полагаемъ, что переводя на нашъ языкъ сочиненіе Рошера, г. Бабстъ хочетъ намъ показать, какъ пишутъ ученые Нѣмцы свои *gründliche System's*. Короче, г. Бабстъ желаетъ показать намъ, что для экономической науки Василій Рошеръ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ у насъ для литературы Василій Тредьяковскій.

Мы сравняли Рошера съ Тредьяковскимъ (*System der Volkswirth- schaft*) съ «Телемахидомъ») по праву личнаго воззрѣнія на труды и заслуги этихъ замѣчательныхъ ученыхъ. Мы въ своемъ правѣ. Нашъ взглядъ не обязателенъ ни для кого, — всего же менѣе для г. Бабста.

Кто захочет имѣть свой взглядъ на сочиненіе Рощера, тотъ, конечно, не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на наше сужденіе о немъ и ни авторитетъ переводчика. Кто пожелаетъ оцѣнить значеніе и пользу сочиненія Рощера, какъ «руководства для учащихся и для дѣловыхъ людей», тотъ, безъ сомнѣнія, купитъ его въ подлинникѣ или переводѣ. Во французскомъ переводѣ Воловскаго вышло 2 тома (15 фр.), а въ русскомъ г. Бабста—всего одинъ, въ двухъ книжкахъ, цѣна 3 рубля.

Самъ Рощеръ говоритъ: «съ Божьей помощью сочиненіе мое будетъ окончено въ 4-хъ томахъ. Заглавіе его показываетъ, что и имѣтъ въ виду не однихъ ученыхъ, но вообще людей образованныхъ. Но, конечно, это должны быть люди дѣльные, *ищущіе науку и истину ради истины и науки*» (см. предисловіе автора).

Переводъ г. Бабста подвигается медленно. *Можетъ быть* самъ переводчикъ уже не радъ, что взялся за такое скучное дѣло. Впрочемъ, свѣшнымъ предупредить, что мы вовсе не отрицаемъ въ немъ готовности на самоотверженіе. Напротивъ того, мы искренно убѣждены, что профессоръ, желающій «внести съ своей стороны скромную лепту» въ дѣло нашего просвѣщенія, всегда сумѣетъ доказать силу своей воли и пересилить скуку и другія неприятыя ощущенія «неизбѣжныя» при переводѣ сочиненія Рощера.

Этотъ «знаменитый» и усердный нѣмецкій ученый говоритъ про насъ Русскихъ, что «мы въ высшей степени смѣтливы» (стр. 116, Отд. I).

Смѣтливость, сообразительность, догадливость—таковы, по мнѣнію Нѣнца, отличительныя свойства русскаго ума. Итакъ, да не упрекнетъ же насъ г. Бабстъ за то, что, по свойственной намъ смѣтливости, мы сообразили, что ему должно быть скучно уже заниматься переводомъ «System der Volkswirtschaft von W. Roscher», этой новой Телемахиды; мы сообразили это, потому что переводчикъ лишь изрѣдка выпускаетъ въ свѣтъ свои «отдѣленія».

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не соскучиться г. Бабсту, когда частую приходится ему перелагать на нашъ языкъ нѣмецкія предложенія въ родѣ слѣдующаго.

«Прибыль есть доходъ, рассматриваемый съ точки зрѣнія не хозяйствующаго лица, субъекта, но самой его дѣятельности или объекта, на который она переходитъ (стр. 1, отд. II). Очень понятно, что дѣловой человекъ, кувившій такое руководство и завѣда такіе

перогляны на первой страницѣ, махнетъ рукой на все «твореніе» Рошера и, пожалѣвъ о потерѣ денегъ, займется своимъ дѣломъ.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ оговориться: подробный разборъ «Началъ народнаго хозяйства» Рошера, былъ бы дѣломъ совершенно бесполезнымъ. Кто знакомъ съ Молилари, Гарнье, Горювыми и другими известными у насъ экономистами, тотъ значить знакомъ и съ Рошеромъ. Этотъ ученый до мозга костей—экономистъ отсталой школы; въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго и скученъ онъ до невѣроятія. Историческій методъ, о которомъ такъ прокричалъ Нѣмецъ, заключается въ томъ, чтобы черезъ каждую строчку дѣлать ссылку на всевозможныхъ антиковъ, начиная отъ Конфуція; эти ссылки занимаютъ почти $\frac{2}{3}$ всего сочиненія и отпечатаны мелкимъ шрифтомъ; часто онѣ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ текстомъ и сдѣланы на удачу. Очевидно, что авторъ не поцеремонился издать въ свѣтъ свою компиляцію, т. е. Рошеру нужно было, во чтобы то ни стало, сбыть съ рукъ весь хламъ выписокъ изъ всевозможныхъ родовъ сочиненій, которыя удалось прочитать ему въ теченіи своей жизни. И чего-то нѣтъ въ этой громадѣ историческаго мусора! Если бы у насъ была малѣйшая охота, то мы представили бы образчики эрудиціи Рошера... Но нѣтъ! Пусть лучше любознательный читатель раззоряется на покупку его сочиненія; пусть онъ самъ убѣдится въ томъ, что первый современный политико-экономъ, знаменитый Рошеръ, для науки мертвецъ.

У Рошера, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни одной оригинальной мысли. Мало того: отвергая прежній методъ экономистовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, рабски копируетъ ихъ и начинаетъ изложеніе своей системы съ опредѣленій «основныхъ понятій» богатства, имущества и пр., точно также, какъ это дѣлаютъ всѣ авторы «началъ» политической экономіи. Тутъ Рошеръ доказываетъ не только свое безсильіе освободиться отъ школьной рутинны, но и совершенное незнаніе первыхъ правилъ методологій. Если ни одна опытная наука не можетъ начинаться съ опредѣленій, какъ это доказалъ Кантъ, то почему же Рошеръ считалъ нужнымъ въ первой главѣ своего сочиненія говорить о какихъ-то основныхъ понятіяхъ? Развѣ онъ самъ не отрицалъ идеальнаго метода? Что простительно было еще прежнимъ экономистамъ, то не извиняется уже писателю съ новыми методомъ.

И къ чему, наконецъ, было опредѣлять богатство, добро и пр., когда, по словамъ самаго же автора, понятія о нихъ всегда *важнѣйшій!*..

Рошеръ, какъ и всѣ Рикардо-Мальтузианцы, смотритъ на богатство съ чисто физиологической точки зрѣнія и, не принимая во вниманіе ни исторіи, ни духа времени, возводитъ факты въ права. Вотъ почему отъ него такъ и вѣетъ мертвящимъ, убійственнымъ холодомъ... Но его мнѣнію, «наука народнаго хозяйства должна заниматься по преимуществу матеріальными интересами народовъ, а именно: какимъ способомъ (?) удовлетворяютъ народы своимъ потребностямъ въ пищу и одеждѣ, жильѣ и отопленіи, своимъ *половымъ стремленіямъ* (?) и т. д.» (стр. 44, отд. 1, т. I).

При такомъ взглядѣ на науку народнаго хозяйства, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы встрѣчаемъ у Рошера слѣдующія сужденія, возведенныя на степень афоризмовъ.

«Какъ цѣна *всякаго товара*, такъ и плата за трудъ опредѣляется отношеніемъ предложенія къ спросу» (стр. 37, отд. II).

Въ другомъ мѣстѣ Рошеръ называетъ трудъ *общетребуемымъ товаромъ* (стр. 51, *idem*).

«Процентъ съ капитала можно назвать *наградой* за лишеніе, такъ какъ *заработная плата есть награда за прилежаніе*» (стр. 120, *idem*).

О распредѣленіи богатствъ Рошеръ говоритъ вотъ что: «Положимъ, что у всѣхъ были бы тѣ же средства, то же богатство, тогда бы, конечно, пришлось каждому чистить самому свои трубы, свои помойныя ямы, свои сапоги; наслажденія тѣхъ-то были бы, по большей части, невозможны» (стр. 16, отд. I).

Въ другомъ мѣстѣ говорится слѣдующее: «Если бы доходъ народа былъ раздѣленъ на совершенно равныя части, то отдѣльныя лица жили бы другъ отъ друга въ высшей степени независимо. Никто бы не имѣлъ *охоты* предаваться грубѣйшимъ, непріятнѣйшимъ занятіямъ; ихъ нужно было или совсѣмъ оставить, или навязывать поочередно каждому. Здѣсь общество лишилось бы главной выгоды раздѣленія труда, именно возможности предоставить высшимъ талантамъ одні *высшія работы*... Если бы доходы были у всѣхъ равны, никто и не *думалъ бы* имѣть что нибудь лишнее; это отдавало бы большую часть *людей отъ рискованныхъ хозяйственныхъ предпріятій, а безъ риска истратиться невозможно*» (стр. 158, отд. II).

Какова легка! Какова глубина мысли! Но каковы «начала народного хозяйства, для учащихся и для деловых людей», которымъ проповѣдуется во имя науки, что *безъ риска въ хозяйствѣ уцѣлѣть невозможно!* Давно ли наука усвоила себѣ афоризмъ игрока: *qui ne risque rien, ne gagne rien!*

«Идеаль всакаго преуспѣванія состоитъ именно въ томъ, чтобы издержки обращались только на достойныя(?) цѣли и производились бы *только* богатыми, и чтобы средніе и нисніе классы были бережливы и пошли бы ради того, чтобы сглаживать рѣзкія различія въ имущественныхъ отношеніяхъ». (стр. 202, отд. II). Въ выноскѣ сказано: «Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что и расточительные люди гораздо менѣе губятъ цѣнностей, нежели какъ это обыкновенно предполагаютъ, потому что ихъ именно чаще всего обманываютъ, а *обманщики могутъ дѣлать сбереженія*» (J. S. M. M.).

Рошеръ рѣшительно помѣшанъ на бережливости. Воруй, да берегай.

О Мальтусѣ онъ думаетъ такъ:

«Основные взгляды Мальтуса могутъ считаться *прочною* собственностью науки» (стр. 256, отд. II).

Лучшимъ средствомъ противъ излишняго размноженія людей Рошеръ, какъ и всѣ почти экономисты, признаетъ *переселеніе*. По его мнѣнію, переселеніе имѣетъ благотворное вліяніе даже на самаго переселенца.

«Въ нутыѣ, говоритъ онъ, которую придется ему воздѣлывать, большая часть *пролетаріатскихъ грѣшковъ* (sic) сама собою исцезаетъ. Тамъ нѣтъ никакого повода къ зависти и къ воровству, еще менѣе къ пьянству, игрѣ, прелюбодѣянію и ссорамъ; тамъ нужно быть только прилежнымъ и..... бережливымъ» (стр. 317, отд. II).

Рошеръ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ выселиться не только въ видахъ предупрежденія излишняго народоженія, а еще съ цѣлью политической. Тутъ-то особенно обнаруживается вся пронцательность ученаго патриота, которому дорога слава своего отечества. O Vaterland!

«Германія, говоритъ онъ, должна сдѣлать, чтобы другіе болѣе рѣшительные народы не вырвали у нея и послѣднихъ удобныхъ мѣстностей... До сихъ поръ Англія всюду предупреждала насъ на этомъ поприщѣ... Наши переселенцы въ Россію, Америку и пр. отправляются изъ отечества и становятся покупателями и поставщиками чужихъ на-

родовъ, которые—часто наши соперники и враги. Дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, если бы нѣмецкихъ переселенцевъ отправили въ нѣмецкія колоніи, которыя можно устроить, наприм., въ плодороднѣйшихъ частяхъ Венгріи, въ польскихъ провинціяхъ Польни и Пруссіи, нѣмецъ въ тѣхъ частяхъ Турціи, которыя въ будущемъ, если Богъ дастъ, *составятъ наслѣдіе Германіи*. (!!!) Здѣсь, путемъ колонизаціи, можно было бы основать новую Германію, которая превзошла бы старую величиною и числомъ населенія, и богатствомъ, и образованіемъ бы, выветъ съ тѣмъ, *самый сильный оплотъ отъ всякой опасности со стороны Русскихъ и Поляковъ* (стр. 323 и 324, отд. II).

Ай да нѣмецъ—филлистеръ! Bravo!

Н. СОКОЛОВЪ.

БѢДНАЯ РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго).

IV.

К. С. Аксаковъ въ своей статьѣ о богатыряхъ времянь великаго князя Владиміра приводитъ очень характерный разговоръ о столкновеніи Ильи Муромца съ какимъ-то невѣдомымъ богатыремъ необъятной силы.

«Создавъ богатыря страшной силы, говоритъ Аксаковъ, народная фантазія не остановилась на этомъ. Она создаетъ еще богатыря—необъятную громаду и необъятную силу: его не держитъ земля; на *всей* землѣ нашелъ онъ одну только гору, которая можетъ вынести его страшную тяжесть, и лежитъ на ней неподвижный. Прослышавъ о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и идеть съ нимъ пошрывать силы; онъ отыскиваетъ его и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора—это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, выступаетъ на бой, вынимаетъ мечъ

и вонзаетъ въ ногу богатырю.—Никакъ я зацѣпился за камешекъ, говорятъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ второй ударъ, сильнѣе первого.—Видно я задѣлъ за прутикъ, говоритъ богатырь, и обернувшись прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ; слышалъ я о тебѣ: ты всѣхъ сильнѣе между людьми—ступай и будь такъ силенъ. А со мною нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ не радъ».

Борьба между волею Петра и естественною силою обстоятельствъ въ тогдашней Россіи напоминаетъ собою этотъ своеобразный эпизодъ изъ богатырской жизни Ильи Муромца. Подобно Ильѣ Муромцу, Петръ чувствовалъ себя сильнѣе всѣхъ своихъ современниковъ; силы его ума и воли были необыкновенны; положеніе его совершенно исключительно; всѣ его приказанія исполнялись буквально; всѣ нарушители его воли подвергались жестокому наказанію; сопротивленіе было невозможно и немислимо; даже недостатокъ усердія въ повиновеніи считался преступленіемъ; словомъ, всѣ единичныя воли безъ борьбы склонялись передъ волею Петра, и Петръ, какъ сказочный богатырь, Илья Муромецъ, не находилъ себѣ соперниковъ и противниковъ между живыми людьми.

Но почти всегда случается такъ, что претензіи превышаютъ сумму наличныхъ силъ; это бываетъ даже тогда, когда наличныхъ силъ очень много; могучій геній почти всегда бываетъ одержимъ такимъ безпомыслимъ стремленіемъ къ дѣятельности, которое заставляетъ его предпринимать невыполнимыя задачи, сталкиваться съ неодолимыми препятствіями и горькимъ опытомъ убѣждаться въ томъ, что всякой человѣческой силѣ есть мѣра и границы.

Рѣшившись создать русскую цивилизацію, рѣшившись превратить въ европейцевъ тѣ милліоны своихъ подданныхъ, которые еще не обнаруживали ни малѣйшаго желанія и не чувствовали ни малѣйшей потребности измѣнить свой стародавній бытъ, Петръ, очевидно, вступилъ въ борьбу уже не съ единичною волею, и даже не съ массою единичныхъ волей, а просто съ стихійною силою, съ природою, съ физическими законами вещества. Передѣлать цѣлое поколѣніе своихъ современниковъ и устранить вліяніе этого поколѣнія на подрастающую молодежь значило создать для цѣлой обширной страны новую, искусственную атмосферу жизни. Выполнить такого рода задачу было также невозможно; какъ, напримѣръ, измѣнить въ Россіи климатъ или повернуть назадъ все теченіе Волги, или сравнять съ землей Уральскій хребетъ. Принимаясь за свое невыполнимое дѣло, нашъ Илья Муро-

ицъ XVIII вѣка вступалъ въ борьбу съ такими богатыремъ, который даже по своей огромности не могъ чувствовать его ударовъ, который даже не давалъ себѣ труда сопротивляться его усиліямъ. Да и къ чему было сопротивление, когда усилія сами собою разбивались объ естественныя препятствія, объ очевидную невозможность?

Цивилизаторскія попытки Петра прошли мимо русскаго народа; ни одна изъ нихъ не прохватила вглубь, потому что ни одна изъ нихъ не была вызвана живою потребностью самаго народа. Вместе съ Петромъ двигались и хлопотали по его приказанію сотни военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; по командѣ этихъ чиновниковъ труднялось и утомлялись тысячи простыхъ работниковъ, облеченныхъ въ сермяжные кафтаны и въ форменные мундиры. Чиновники Петра до нѣкоторой степени понимали нѣкоторыя изъ его желаній; работники, исполнявшіе приказанія чиновниковъ, уже ровно ничего не понимали; общая мысль правительства была ясна и понятна только самому Петру; спускаясь по бюрократической лѣстницѣ ранговъ и должностей, дробясь, измѣняясь и искажаясь въ различныхъ инстанціяхъ, свѣтъ этой мысли быстро слабѣлъ по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ своего источника; уже второстепенные чиновники едва видѣли этотъ свѣтъ, а низшіе исполнители были совершенно слѣпы и работали во мракѣ. За низшею инстанціею исполнителей начинался народъ, который уже ровно ничего не зналъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства; по правдѣ сказать, онъ и не старался узнавать; ему ничѣмъ было интересоваться; только увеличеніе денежныхъ налоговъ или естественныхъ повинностей напоминало ему порою о существованіи центральной власти; на что шли собираемыя деньги, куда тратились живыя силы, выхватываемыя изъ его среды, объ этомъ было бесполезно спрашивать. На что бы онъ ни шёл, куда бы онъ ни тратились, ясно было одно—онъ исчезалъ, а ощутительнаго улучшенія быта не замѣчалось.

Колоссальный богатырь нашей сказки разговариваетъ съ Ильёю Муромцемъ и, какъ мы видѣли, принимаетъ его удары сначала за дѣйствіе маленькаго камешка, потомъ за столкновение съ прутьемъ. Богатырь, съ которымъ имѣлъ дѣло Петръ, по всей вѣроятности былъ громаднѣе сказочнаго богатыря: онъ ничего не говорилъ Петру и совѣтъ не замѣчалъ его усиленныхъ ударовъ. Приближенные Петра любили и боялись своего властелина; раскольники боялись и ненавидѣли его, но вся масса народа, та масса, мимо которой шли и до сих поръ идутъ всѣ историческія событія и перевороты, не чувство-

вила къ нему ни любви, ни ненависти, ни боязни. Ее занимали неизбежныя, ежедневныя заботы о прѣпитаніи; каждый день приносилъ съ собою свои труды и хлопоты, свои невымышленныя опасенія и горести, свою нескончаемую борьбу за право жить.

Мужку было не до политики и не до Петра, когда ему надо было сегодня пахать, завтра двоять, послѣ завтра сѣять, и во все это время ладить то съ барининомъ, то съ бурмистромъ, то съ какими нибудь приказными, то съ своею собственною горемычною семьей. Мужку показались бы барскими затѣями и прихотами всѣ прогрессивныя распоряженія Петра, но, къ счастью или къ несчастью, мужку о нихъ не зналъ и рѣшительно не интересовался ими; чтобы дать мужку возможность интересоваться распоряженіями правительства, надо было хоть немного облегчить тотъ страшный гнетъ матеріальныхъ заботъ, лишений и стѣсненій, который обременяетъ собою низшее сословіе даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ Европы, и который, въ странахъ, еще не успѣвшихъ освободиться отъ рабства или отъ крѣпостнаго права, парализируетъ въ низшемъ сословіи всякую самостоятельность мысли, великую энергію воли и поступковъ, всякое рѣшительное стремленіе къ лучшему порядку вещей. Надо было страхнуть съ русскаго мужика его отчаянную апатію — эту вынужденную апатію безнадѣжности, которая такъ неминуемо и неизбежно вытекала изъ безвыходности положенія. Страхнуть эту роковую апатію, которую многіе совершенно ошибочно принимаютъ за физиологическую черту русскаго народнаго характера, могъ только или самъ народъ, или такой смѣлый преобразователь, который, находясь въ положеніи Петра I, рѣшился бы коснуться основныхъ сторонъ гражданскаго и экономическаго быта нашего простонародья. Петра, конечно, нельзя упрекнуть въ недостатокъ смѣлости и энергіи; если бы онъ понялъ необходимость радикальныхъ бытовыхъ реформъ, если бы онъ убѣдился въ томъ, что истинное просвѣщеніе можетъ пустить глубокіе корни только въ такой странѣ, въ которой всѣ граждане пользуются естественными человѣческими правами, — тогда, конечно, онъ не побоялся бы ожесточеннаго сопротивленія бояръ и не отступилъ бы отъ упорной борьбы съ рабовладѣльческимъ порядкомъ вещей. Но чтобы увидать корень зла, причину застоя и неподвижности, Петру было необходимо стать выше своего вѣка и посмотреть на задачу просвѣщенія не такъ, какъ смотрѣли на нее короли, подобные Людовику XIV, и ученые подобныя Лейбницу и французскимъ академикамъ.

Въ предыдущей статьѣ я выразилъ ту мысль, что личная инициатива крупнаго историческаго дѣятеля почти никогда не имѣетъ рѣшительнаго, опредѣляющаго вліянія на развитіе историческихъ событій. Эта мысль подтверждается примѣромъ Петра. Читатель, быть можетъ, возразитъ мнѣ, что, если бы Петръ уничтожилъ крѣпостное право, тогда, вѣроятно, весь ходъ историческихъ событій въ Россіи XVIII вѣка сложился бы иначе, и въ наше время Россія находилась бы уже не въ той фазѣ развитія, въ которой мы ее застали. Это возраженіе дѣйствительно довольно важно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ такихъ историческихъ фактовъ, которые доказывали бы, что у Петра не достало бы силъ или энергій для совершенія такого переворота. Если бы Петръ рѣшился распорядиться такимъ образомъ и если бы онъ нашелъ подъ руками необходимыя силы и средства, тогда, значитъ, вѣдь же дѣло стало?—Только за мыслью. А что если бы являлась эта мысль?—Вотъ тутъ—то и оказывается слабая сторона того возраженія, которое можетъ представить читатель. Развѣ же мысль является когданибудь случайно? Развѣ же она сваливается съ неба? Вы безъ надобности не повернете головы, не шевельнете пальцемъ; каждое движеніе ваше непременно вызывается или внутреннею потребностью, или вѣншимъ впечатлѣніемъ; каждое условіе вашего мозга является только отвѣтомъ на какойнибудь запросъ, поставленный вамъ обстоятельствами жизни. Чтобы напасть на мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, мало быть гениальнымъ человѣкомъ; надо еще жить въ такое время, когда вопросъ поставленъ на-виду, когда слышатся голоса за и противъ, когда, слѣдовательно, важность этого очереднаго вопроса бросается въ глаза даже такому человѣку, который еще не знаетъ, на чьей сторонѣ логика и справедливость.

Геніальные мыслители древности, Платонъ и Аристотель, строятъ свои соціальныя зданія на рабствѣ и сходятся въ своихъ идеяхъ съ какимънибудь негодяемъ Фяцъ-Гугомъ, котораго въ наше время можно назвать мыслителемъ только въ насмѣшку. Эти же самые геніальные мыслители порою городятъ такую чепуху объ астрономіи, о Диміургѣ, о мірозданіи, которая заставитъ улыбнуться недоучившагося гимназиста. Точно также можно себя представить, что Архимедъ или Эвклидъ знали меньше математическихъ истинъ, чѣмъ сколько знаетъ ихъ теперь какойнибудь нехитрый преподаватель высшей алгебры въ среднемъ учебномъ заведеніи. Если взять примѣръ еще болѣе наглядный, то легко будетъ себя представить, что какойнибудь вар-

лишь безъ особеннаго труда побѣдить самаго сильнаго и неустрашаемаго изъ паладиновъ Карла Великаго, если только этому карлику будетъ дано оружіе нашего времени, а паладину будутъ предоставлены: палица, мечъ и копье. Конечно, изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не выведетъ того заключенія, что недоучившійся гимназистъ умѣе Платона и Аристотеля, что нехитрый преподаватель талантливѣе Архимеда и Эвклида, или что карликъ сильнѣе паладина. Общимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ будетъ только та очень извѣстная, но, между тѣмъ, часто забываемая мысль, что отдѣльный человѣкъ во всей своей дѣятельности, во всѣхъ своихъ ствахъ и особенностяхъ своей личности зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, отъ количества и качества идей, находящихся въ обращеніи между его современниками и выработанныхъ его предками. Теперь ясно, почему Пётръ не могъ уничтожить въ Россіи рабства, не смотря на колоссальную силу своего ума и своей энергіи; ясно, почему онъ даже не могъ подумать о такомъ распоряженіи, которое теперь кажется намъ естественнымъ, необходимымъ, и, во всякомъ случаѣ, вовсе не удивительнымъ.

Если вы владѣете какимъ нибудь участкомъ земли и посѣяли на немъ какія нибудь семена, то, конечно, урожай въ значительной степени будетъ зависѣть отъ климатическихъ условій, отъ дождя, отъ солнечной теплоты, отъ направленія вѣтра и т. п. Но, если вы имѣете какое нибудь понятіе объ агрономіи, то, вы конечно, знаете, что кромѣ климатическихъ условій, существуютъ еще и другія обстоятельства, имѣющія самое важное вліяніе на успѣшное произрастаніе посѣянныхъ зеренъ. Свойства самой почвы могутъ содѣйствовать или препятствовать урожаю. Каждый деревенскій хозяинъ скажетъ вамъ, что такой-то грунтъ любитъ картофель, а такую-то землю—пшеница, а такое-то удобреніе—макъ. Конечно, можетъ случиться, что отъ засухи погибнетъ хлѣбъ, посѣянный на отлично удобренной землѣ, и притомъ именно на такомъ грунтѣ, который при благопріятныхъ условіяхъ совершенно соответствуетъ его потребностямъ; можетъ точно также произойти и то, что при достаточной поливкѣ болѣе тощая и менѣе удобная почва дастъ болѣе обильный урожай, но подобныя случаиности вовсе не доказываютъ, чтобы урожай не зависѣлъ отъ химическаго состава почвы; онѣ доказываютъ только, что урожай зависитъ не отъ одной почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ вліяній и обстоятельствъ.

Эта агрономическая притча прилагается вполне къ дѣятельности человѣка. Почва—самъ человѣкъ; семена—тотъ матеріалъ, который онъ переработываетъ; урожай—плоды его дѣятельности; климатическія условія—тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ успѣшному ходу развитія и работы; химическія свойства почвы—естественный складъ и естественная, прирожденная сила ума. Очевидно, въ притчѣ остается незанятымъ только одно мѣсто—это мѣсто хозяина участка, мѣсто того *вы*, къ которому я обратился въ началѣ моей агрономической экскурсіи. Конечно, очень многіе мыслители утверждаютъ, что это мѣсто занято, что это *вы* действительно существуютъ, но изъ этого нельзя вывести никакого положительнаго заключенія, потому что нѣтъ той негѣности, за которую съ пѣною у рта не спорила бы какая нибудь школа мыслителей. Тѣ господа, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ, пишутъ даже цѣлыя объемистыя трактаты по исторіи и по философіи, чтобы доказать, что картофель, овесъ, макъ и прочая благодать всегда попадаютъ именно на ту почву, на которую имъ слѣдуетъ попасть. Когда же они встрѣчаются въ исторіи человѣчества съ такими фактами, которые прямо доказываютъ, что овесъ попалъ туда, куда слѣдовало попасть пшеницѣ, тогда они стараются поддержать свою колеблющуюся теорію слѣдующимъ разсужденіемъ: конечно, говорятъ они, въ этомъ мѣстѣ овесъ попалъ не туда, куда слѣдуетъ, но это случилось не съ-проста; тутъ видна великая идея; тутъ кроется благое предназначеніе; тутъ надо было доказать, что самыя крупныя овсяныя зерна не могутъ прорасти въ нескѣ. Помилуйте, отвѣтитъ читатель, да изъ-за того, чтобы доказать такую очевидную истину, не стоило тратить овесъ и время. Но мыслитель, задавшійся идеею доказать разумность и цѣлесообразность историческихъ событій, закусить удила и, конечно, не обратитъ вниманія на возраженіе читателя. Мы съ своей стороны не будемъ обращать вниманія на натянутые доводы подобныхъ псевдо-мыслителей и пойдемъ дальше по пути нашего разсужденія.

Конечно, никто не вздумаетъ обвинять человѣка за то, что онъ родился съ тѣми или другими чертами лица, съ тѣмъ или другимъ устройствомъ черепа, съ тою или другою организациею мозга. Новорожденный попадаетъ подъ непосредственное вліяніе нанекъ, родителей, кормилицъ; его кормятъ тою или другою пищею, ему рассказываютъ тѣ или другія сказки, его наказываютъ и награждаютъ, ласкаютъ или сбѣкутъ по тѣмъ или другимъ обычаямъ, капризамъ или

*

педагогическимъ теоріямъ. Ко всѣмъ этимъ условіямъ, изъ которыхъ слагается жизнь и характеръ, подрастающій ребенокъ поневолѣ относится совершенно пассивно; онъ физически слабъ, онъ неопытенъ, онъ безсиленъ мыслью, и потому всѣ окружающіе мнутъ его, какъ жидкую глину, мнутъ и руками, и розгами, и благонамѣренными совѣтами, и изнѣживающими ласками. Но отъ времени и отъ дѣйствія воздуха глина твердѣетъ; усилія людей, вынѣпливающихъ изъ этой глины разные узоры мало-по-малу перестаютъ увѣличиваться вождельнымъ успѣхомъ; ребенокъ нечувствительно и незамѣтно превращается въ человѣка и началъ обнаруживать свои наклонности, свои мысли, свою волю. Педагоги замѣчаютъ, что пассивное повиновеніе смѣнилось разсужденіями, возраженіями, сопротивленіемъ. Сначала они борются съ этими проявленіями личной самостоятельности, но потомъ привыкаютъ къ нимъ, мирятся съ ними, какъ съ существующимъ фактомъ и наконецъ говорятъ: нашъ Вася или Петя выросъ; онъ теперь самъ понимаетъ, что дѣлаетъ; онъ теперь своимъ умомъ живетъ. Когда человѣку выданъ такимъ образомъ патентъ совершеннолѣтія, тогда знакомые и незнакомые начинаютъ взыскивать съ него, какъ съ взрослого. Къ его поступкамъ прилагается болѣе строгая мѣрка; даже законъ смотреть на совершеннолѣтняго иначе, не такъ, какъ на ребенка или отрока. Всякое лыко ставится въ строку; начинается вѣняемость. Но позвольте же спросить, господа судьи, образующіе своими приговорами общественное мнѣніе, какъ же вы проведете границу между тѣмъ временемъ, когда молодой человѣкъ зависитъ отъ родителей и наставниковъ, и тѣмъ временемъ, когда онъ зависить только отъ самого себя? Если даже вамъ удастся провести эту границу, то какъ же вы сумѣете разрушить связь между тѣми двумя эпохами жизни, которыя вамъ удалось разграничить? Положимъ, что предмету вашихъ наблюденій минуло сегодня двадцать одинъ годъ; положимъ, что родители и опекуны вручаютъ ему все его имѣніе и объявляютъ его полноправнымъ и независимымъ гражданиномъ. Что же вы думаете? Развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ независимъ? Развѣ онъ можетъ по своему произволу выбрать себѣ родъ занятій и образъ жизни? Развѣ нынѣшній день не обусловливается для него вчерашнимъ? Развѣ его вкусы, наклонности и желанія не подготовлены заранѣе предъидущею, зависимою жизнью? Человѣка доводятъ на помочахъ до извѣстнаго возраста и потомъ ему говорятъ: ступай, ты свободенъ, ты самъ отвѣчаешь за каждый свой поступокъ. Подумайте, да гдѣ

же онъ свободенъ, когда онъ самъ ничто иное, какъ продуктъ разныхъ внутреннихъ и постороннихъ влияній? Гдѣ же онъ свободенъ, когда онъ извнѣ получилъ направляющій толчокъ! Если его природныя способности испорчены и извращены, справедливо ли взыскивать съ него за то, что онъ сдѣлаетъ грязный поступокъ? Если его голова набита хорошими сентенціями, которыхъ онъ не успѣлъ переварить, справедливо ли осуждать его за то, что онъ не сѣмѣетъ руководствоваться этими сентенціями въ жизни? Если его извѣжила и ослабила любящая мать, справедливо ли презирать его за то, что онъ опускаетъ крылышки при малѣйшей неудачѣ? Если его забилъ и ожесточилъ суровый отецъ, справедливо ли ненавидѣть его за то, что онъ туго сближается съ людьми и порою обнаруживаетъ къ нимъ неосновательное недовѣріе? Каждый изъ насъ, слабыхъ смертныхъ, понадеетъ въ жизнь, какъ молодой щенокъ, котораго на глубокомъ мѣстѣ рѣки выбросили изъ лодки: ну, выплывай, кричатъ намъ съ лодки; выплывешь—молодецъ будешь, не выплывешь—самъ виноватъ. Ступай ко дну! Туда и дорога! При этомъ надо замѣтить, что у многихъ изъ этихъ щенятъ перекалечены или перевязаны лапы; иные окормлены тяжелою пищею; иные заморены голодомъ до истощенія силъ. А глубокой рѣкѣ до всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ никакого дѣла; вода, какъ neodолжная стихійная сила, покроетъ своимъ синимъ уровнемъ и праваго, и виноватаго, и связаннаго, и больнаго, и вообще всякаго, кто не умѣетъ барахтаться именно такъ, какъ слѣдуетъ. Вода не умѣетъ рассуждать, это и не ея дѣло; но тѣ господа, которые, сидя въ лодкѣ, смотрятъ на захлебывающихся щенятъ, тѣ могли бы, я думаю, понять и обсудить ихъ положеніе; они могли бы замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не тонетъ по злонамѣренности, и что всѣ погибаютъ или по глупости, или по слабости, или по неповоротливости. И въ жизни точно также никто не падаетъ нарочно, изъ любви къ паденію, а падаютъ потому, что нѣтъ достаточной физической или умственной, или такъ называемой нравственной силы. А откуда жъ ее взять, коль ея нѣтъ? И какъ же не упасть, когда нѣтъ силъ держаться на ногахъ?

Исторія—та же жизнь, только жизнь, отошедшая назадъ, жизнь, превратившаяся въ неподвижную картину, которую можно спокойно разсматривать и изучать. Бросая бѣглый взглядъ на эту картину, мы замѣчаемъ, что на ней изображены на первомъ планѣ разные большіе люди, мѣняющіе костюмы, нозы и взаимныя отношенія, управляющіе дру-

гими людьми, выслушивающіе ихъ донесенія и раздающіе имъ разнородныя приказанія. Этихъ большихъ людей можно назвать общимъ именемъ историческихъ дѣателей. При бѣгломъ взглядѣ на историческую картину можно подумать, что весь интересъ ея заключается именно въ позахъ и жестахъ этихъ большихъ людей; можно подумать, что они своими личными достоинствами или пороками украшаютъ или искажаютъ всю картину, что они разливаютъ вокругъ себя свѣтъ или мракъ, добро или зло, радость или горе. Но всмотритесь въ картину попристальнѣе, и вы увидите, что эти большіе люди, эти такъ называемые дѣатели просто образчики извѣстной эпохи, просто безотвѣтныя игрушки событій, безвинныя жертвы случайностей и переворотовъ, которые толкаютъ ихъ впередъ и выносятъ ихъ на верхъ, Богъ знаетъ какъ, и Богъ знаетъ для чего. Всмотритесь въ картину событій, говорю я вамъ—и вы перестанете восхищаться добродѣтелями Тита и негодовать передъ злодѣйствами Домиціана. Вы увидите, что во всей жизни человѣчества нѣтъ ни одного свѣтлаго десятилѣтія; вы увидите вездѣ борьбу, вездѣ страданіе, вездѣ насиліе и перестанете дивиться тому, что среди этого дикаго хаоса возникаютъ и формируются нравственные уроды изумительнаго безобразія. Свыкнувшись съ уродливыми явленіями, вы начнете относиться чрезвычайно скептически какъ къ титанамъ добродѣтели, такъ и къ титанамъ порока. Вы перестанете вѣрить въ ихъ титанизмъ, вы будете принимать этотъ титанизмъ за оптический обманъ, за результатъ исторической перспективы, вы начнете разлагать титана на его составные элементы, и вы наконецъ увидите, что въ титанѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго,—кое-что приврвано историками, кое-что невѣрно понято и недостаточно освѣщено, а на повѣрку выходитъ, что титанъ просто человѣкъ, какихъ много, и что титанизмъ его зависитъ вовсе не отъ колоссальности его страстей или способностей, а просто отъ исключительности его случайнаго положенія, отъ односторонности его развитія, отъ общаго настроенія умовъ въ данную минуту. Смѣшно припомнить, какими ужасными красками расписываютъ, напримѣръ, римскихъ императоровъ разные русскіе и заграничныя Кайдановы и Смарагдовы. Сколько эпитетовъ, сколько риторскаго жара и сколько пороха, потраченнаго на вѣтеръ! Какъ достается, напримѣръ, бѣдному Калигулѣ, который, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается просто несчастнымъ больнымъ, нуждающимся въ уходѣ и въ леченіи. Попробуйте дать любому изъ субъектовъ, содержащихся въ психіатрической лечебницѣ, такой кругъ дѣй-

ствій, какимъ пользовался Калигула—и вы увидите точно такія же гадости и нещастности. Вся штука въ томъ, что уже теперь подобный случай невозможенъ. Георгъ III Англійскій потерялъ всякую власть съ той самой минуты, когда приближенные его замѣтили его умственное разстройство, а при Калигулѣ было иначе; Калигулу никто не рѣшался взять подъ опеку даже тогда, когда онъ произвелъ свою лошадь въ сенаторы, а между тѣмъ каждый изъ приближенныхъ старался эксплуатировать въ свою пользу капризы и съумасбродства властелина; въ случаѣ неудачи, этотъ же приближенный попадалъ въ руки палача, а на его мѣсто становился другой искатель счастья, который точно также подольщался и старался примѣниться къ характеру болѣзни, чтобы обратить эту болѣзнь въ обильный источникъ щедротъ для себя и для своихъ близкихъ. Калигула приказывалъ построить себѣ храмъ и становился въ позы Юпитера Олимпійскаго: этому никто не удивлялся, и разные города изъ далекой Азіи присылали въ Римъ почетныхъ пословъ, добиваясь чести поставить у себя алтари новому доморощенному божеству. Ну, что же вы скажете? Гдѣ же корень того зла, которое дѣлалъ Калигула, потомъ Неронъ, потомъ Домиціанъ? Въ характерѣ ли этихъ отдѣльныхъ личностей, или въ томъ хаотическомъ состояніи умовъ, которымъ отличается эпоха паденія язычества? Развѣ одинъ человекъ можетъ мучить десятки милліоновъ людей, если эти десятки милліоновъ не хотятъ, чтобы ихъ мучили? А если десятки милліоновъ соглашаются быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ полоумнаго Калигулы, то Калигула—то, собственно говоря, ни въ чемъ не виноватъ: не онъ, такъ другой, не другой, такъ третій; зло заключается не въ томъ человекѣ, который его дѣлаетъ, а въ томъ настроеніи умовъ, которое его допускаетъ и терпитъ.

Если вы сами развѣсите уши и позволите бить и обирать себя, то на такое занятіе всегда найдутся охотники; природа человека гибка и измѣнчива; большая часть получаетъ свою физиономію отъ обстоятельствъ; обстоятельства дѣлаютъ ихъ хорошими людьми или недобрыми; получая отъ обстоятельствъ направляющій толчокъ, люди вносятъ только въ избираемую дѣятельность ту дозу энергіи, умственной силы и изворотливости, которую они получали при рожденіи вмѣстѣ съ чертами лица и устройствомъ черепа.

За какое бы дѣло ни принялся Петръ I, онъ во всякомъ случаѣ не остался бы въ ряду посредственностей. Живой умъ и желѣзная воля заявили бы себя и въ военномъ дѣлѣ, и въ ученномъ трудѣ, и

въ техническомъ занятіи или производствѣ. Если бы Петръ былъ простымъ работникомъ на какой нибудь фабрикѣ, то его навѣрное уважали бы товарищи, имъ дорожилъ бы хозяинъ, и онъ, можетъ быть, выдумалъ бы какую нибудь новую машину. Полагъ ли бы онъ во всемірную исторію—это, конечно, неизвѣстно. Много свѣтлыхъ головъ затираетъ темная, трудовая жизнь, и много жалкихъ посредственностей оставляютъ свое имя въ исторіи по праву рожденія и по стеченію случайныхъ обстоятельствъ. Способности и силы Петра составляютъ его полную, неотъемлемую собственность; что же касается до его дѣятельности, то она зависитъ преимущественно отъ его исторической конъюнктуры, отъ декораций и освѣщенія. Онъ стоитъ на подмосткахъ времени и мѣста, онъ окруженъ послушными исполнителями, за нимъ стоитъ великій, безотвѣтный народъ; онъ одинъ думаетъ, дѣйствуетъ, управляетъ событіями, а все, что его окружаетъ, то оттѣняетъ только его дѣятельное могущество своею оффиціальною безгласностью, своимъ пассивнымъ повиновеніемъ. Какъ величіе Петра зависитъ преимущественно отъ случайныхъ особенностей его положенія, такъ точно и несостоятельность его исторической дѣятельности должна быть отнесена насчетъ условій времени и мѣста. Въ Россіи, въ началѣ XVIII столѣтія, сынъ царя Алексѣя Михайловича не могъ дѣйствовать иначе; за то, что онъ сдѣлалъ, онъ лично не заслуживаетъ ни признательности, ни осужденія; сочувствовать ему мы не можемъ, обвинять его мы не вправѣ, потому что на плеча одного человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ исполинъ, нельзя наваливать отвѣтственность за ошибки цѣлой эпохи или за безгласность цѣлаго народа.

Живыя силы народовъ до сихъ поръ играли въ историческихъ событіяхъ самую второстепенную роль; мѣнялись лица, мѣнялись политическія формы, разрушались и создавались государства, и все это большею частью проходило мимо народа, не нарушая и не измѣняя ни междучеловѣческихъ, ни междусловныхъ, ни экономическихъ отношеній. Конечно, какой нибудь пѣмецкій баронъ XIX вѣка уже теперь не то, чѣмъ былъ его предокъ въ XIV столѣтіи; конечно, теперешній бюргеръ стоитъ къ этому барону не въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ средневѣковой бюргеръ къ средневѣковому феодалу; конечно, и баронъ, и бюргеръ оба смотрятъ теперь не такъ на простаго крестьянина, какъ смотрѣли на него во времена тридцатилѣтней войны; но всѣ эти перемѣны, которыхъ существенная важность, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, произошли не на полѣ сраженія, не на

вселенскомъ соборѣ, не на имперскомъ сеймѣ, не при смерти того или другаго политическаго дѣателя, не при вступленіи на престолъ той или другой династіи. Эти перемѣны совершались въ области человѣческаго сознанія, въ той области, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ мыслители и художники; внѣшнія событія, измѣненія политическихъ формъ, войны и союзы, революціи и подвиги историческихъ дѣателей имѣли на эти перемѣны значительное вліяніе; но точно также подчиняли ихъ своему вліянію землетрясенія, наводненія, моровыя язвы и неурожаи; жизнь измѣнялась постоянно подъ вліяніемъ разныхъ случайностей, но источникъ и законы этой жизни лежали внѣ стихійныхъ силъ и случайныхъ событій. Подрастающія поколѣнія воспринимали самыя разнородныя впечатлѣнія, зависѣвшія отъ внѣшнихъ событій, происходившихъ передъ ихъ глазами; они чувствовали себя счастливыми или несчастными, поработченными или свободными, сытыми или голодными; но весь запасъ опыта и знанія, собранный ихъ отцами и дѣдами переходилъ къ этимъ подрастающимъ поколѣніямъ, вызывалъ дѣятельность ихъ мысли, формировалъ ихъ взглядъ на жизнь и обуславливалъ собою ихъ отношенія къ религіи, къ правительству, къ обществу, къ сословіямъ и къ отдѣльной человѣческой личности. Въ эту внутреннюю исторію человечества входили какъ ингредиенты всякаго рода внѣшнія событія; эти событія производили извѣстнаго рода впечатлѣніе; рядъ впечатлѣній вызывалъ идею; идея вырабатывалась, видоизмѣнялась, доходила до полной ясности выраженія и потомъ въ свою очередь порождала событія.

Напримѣръ, возьмемъ изобрѣтеніе пороха, сокрушившее аристократизмъ военнаго сословія. Первое сраженіе, въ которомъ новое оружіе показало бесполезность физической силы, тяжелаго вооруженія и даже *личной* храбрости, конечно, не опрокинуло преобладанія рыцарства. Рядъ такихъ сраженій породилъ типъ солдата и отодвинулъ типъ рыцаря въ область прошедшаго; низшія сословія почувствовали свою численную силу и увидали, что передъ мушкетною пулею всѣ равны—и рыцарь, и оруженосецъ, и простой мужикъ. То обстоятельство, что низшее сословіе подняло голову, повело за собою неисчислимыя послѣдствія и измѣнило весь ходъ всемірной исторіи. Мы видимъ на этомъ отдѣльномъ примѣрѣ, что не фактъ, не случайное событіе дѣйствуетъ на измѣненіе человѣческаго сознанія; на него дѣйствуетъ цѣлая цѣпь однозначущихъ фактовъ, на него дѣйствуетъ смыслъ и направленіе фактовъ. А откуда же берется смыслъ и направленіе фак-

товъ? Опять-таки изъ того же сознанія. Стало быть, сознаніе видоизмѣняется само собою и зависить только отъ самаго себя; другими словами, человѣческая природа развивается совершенно самостоятельно, и на пути своего развитія постоянно, хотя иногда медленно, разрушаетъ всё препятствія.

Напримѣръ, мы видимъ, что по анатомическому и физиологическому сложенію всё люди индо-европейской расы равны между собою, какъ животныя одной породы; мы видимъ также, что образъ жизни, степень матеріальнаго обезпеченія, умственнаго развитія и личной независимости кладутъ между этими равными по природѣ людьми такія грани, которыя отдѣльному человѣку кажутся неразрушимыми. Всмотриваясь въ общее направленіе историческихъ событій, мы видимъ далѣе, что эти грани слабѣютъ и постепенно сглаживаются; стало быть, физическій законъ равенства между отдѣльными экземплярами одной породы постепенно подходитъ къ своему осуществленію во вседневной жизни. Но такого рода основные законы и существенныя свойства человѣческой природы выясняются медленно; людямъ приходится переживать много горя и дѣлать много ошибокъ, чтобы доходить до пониманія отдѣльныхъ требованій своей природы. Всё осуществившіяся политическія системы и большая часть неосуществившихся социальныя утопій—ничто иное, какъ рядъ практическихъ или теоретическихъ ошибокъ, изъ которыхъ вытекло или могло вытечь для человѣческой личности много дѣйствительнаго горя. Въ исторіи мы видимъ на первомъ планѣ постоянно неудающіяся попытки создать что нибудь прочное, способное постоянно удовлетворять потребностямъ человѣка. Эти попытки предпринимаются отдѣльными личностями; побужденія, которыми руководствуются эти личности, большею частью мелки, узки и своекорыстны; всякій замѣтный дѣятель строить себѣ какую-то хеопсову пирамиду и оплачиваетъ издержки постройки потомъ и кровью подвластныхъ людей; жизнь простаго человѣка истрачивается на борьбу съ нуждою, съ притѣсненіями, съ монополіями и монополистами; какъ бы ни была велика вѣра этого незамѣтнаго страдалца въ возможность и въ неизбѣжность лучшаго будущаго, во всякомъ случаѣ эта вѣра не можетъ служить ему утѣшеніемъ и поддержкою; онъ знаетъ, что это лучшее будущее настанетъ для отдаленныхъ потомковъ, что онъ, страдалецъ, его не увидитъ, что человѣчество со временемъ окончательно поумнѣетъ и устроитъ свое житье-бытье очень удобно, но что до тѣхъ поръ милліоны людей заплатятся за историческое движеніе жизнью, здоровьемъ и силами.

До конца XVIII столѣтія во всемірной исторіи стоитъ на первомъ планѣ судьба государства, той внѣшней политической формы, которой видоизмѣненія часто не имѣютъ ничего общаго съ народною жизнью. Жизнь народа идетъ въ тѣни; на нее никто не обращаетъ вниманія; великими людьми считаются полководцы, умѣвшіе залить кровью нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, министры и дипломаты, умѣвшіе оттягать у сосѣдей нѣсколько селъ и городовъ, администраторы, выдумавшіе какой нибудь замысловатый налогъ, короли, говорившіе съ полнымъ основаніемъ: *l'état, c'est moi*. Когда эти великіе люди давали себѣ трудъ бросить милостивый взоръ на жизнь простыхъ смертныхъ, тогда они обыкновенно находили, что все въ этой жизни нелѣпо, все не на своемъ мѣстѣ, все никуда не годится; они увѣряли себя въ томъ, что имъ предстоитъ задача все перестроить и усовершенствовать, и принимались за работу съ непрощеннымъ усердіемъ и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Однимъ декретомъ они измѣняли религію, другимъ декретомъ изгоняли взяточничество, третьимъ—вышисывали изъ заграницы просвѣщеніе; великіе люди не ошибались въ томъ, что все было нелѣпо въ жизни простыхъ смертныхъ; ошибки ихъ начинались только тогда, когда они принимались отыскивать причины господствующей нелѣпости и пытались найти противъ нея лекарство; они не понимали того, что большая часть житейскихъ нелѣпостей происходитъ именно оттого, что вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдвлена и спутана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства, именно отъ того, что всякій отдѣльный человѣкъ бываетъ прежде всего чиновникомъ, солдатомъ, учителемъ, купцомъ, министромъ, а собственно человѣкомъ бываетъ только въ досужія минуты, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время. Этого великіе люди, постоянно состоявшіе на дѣйствительной службѣ, не понимали; имъ все казалось, что въ жизни простыхъ смертныхъ мало порядка, мало однообразія и систематичности; они все хотѣли нарядить въ тотъ форменный мундиръ, который былъ имъ по вкусу; Филиппъ II хотѣлъ превратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ монашествующихъ католиковъ, Людовикъ XIV—въ блестящихъ камеръ-лакеевъ, а Петръ I—въ голландскихъ шкиперовъ.

Личныя наклонности и способности простыхъ смертныхъ, осыпаемыхъ неизреченными благодѣяніями, не могли приниматься въ соображеніе. Посудите сами: развѣ способенъ какой нибудь неотесанный болванъ изъ нидерландскихъ гёзовъ или изъ оверскихъ крестьянъ, или

изъ русскихъ мужиковъ разсуждать о томъ, что ему полезно, какой родъ занятій ему нравится, какая религія ему приходится по душѣ. Если эти неотесанные болваны осмѣливаются возражать противъ благодѣтельныхъ распоряженій великихъ людей, то они, конечно, дѣлаютъ это по грубому невѣжеству, по крайнему тупоумію или по злонамеренному упорству; ихъ надо вразумить, ихъ надо обтесать, ихъ надо осчастливить во чтобы то ни стало. За средствами дѣло не станетъ; у Филиппа II на то есть инквизиція; у Людовика XIV — драгонады, Бастилія и *lettres de cachet*; у Петра I — есть дубинка и кнутъ. И вотъ такими—то средствами пробавлялись съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ всѣ великіе люди, осыпавшіе толпу простыхъ смертныхъ горами своихъ благодѣній и озарявшіе цѣлое столѣтіе блесномъ своего имени и своихъ подвиговъ. Только въ концѣ XVIII вѣка простые смертные заявили наконецъ довольно громко, что имъ надобны какъ благодѣнія, такъ и педагогическія средства, при помощи которыхъ проводились въ ихъ жизнь эти великія и богатая милости. Со времени этого заявленія исторія европейскаго запада оживилась и получила новый характеръ; великіе люди сдѣлались поосторожнѣе въ замыслахъ и поразборчивѣе въ средствахъ, а простые смертные начали думать, что, чего добраго, можно жить и своимъ умомъ. Мы имѣемъ неосторожность думать, что эти простые смертные вовсе не такъ сильно ошибаются, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Намъ кажется, что жить своимъ умомъ по меньшей мѣрѣ вриятно, и потому тѣ періоды всемірной исторіи, во время которыхъ благодѣтели челоуѣчества никому не позволяли жить своимъ умомъ, наводятъ на насъ тоску и досаду. Великіе люди, реформировавшіе жизнь простыхъ смертныхъ съ высоты своего умственного или какого либо другаго величія, по нашему крайнему разумнію кажутся намъ всѣ въ равной мѣрѣ достойными неодобренія; одни изъ этихъ великихъ людей были очень умны, другіе—замѣчательно безтолковы, но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ ихъ родоваго сходства; они всѣ насмѣвали природу челоуѣка, они всѣ вели связанныхъ людей къ какой нибудь мечтательной цѣли, они всѣ играли людьми, какъ шашками, слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ не уважалъ челоуѣческой личности, слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ не окажется невиновнымъ передъ судомъ исторіи; всѣ поголовно могутъ быть названы врагами челоуѣчества; но тамъ, гдѣ виноваты всѣ, тамъ никто не виноватъ въ отдѣльности; порокъ цѣлага тиша не можетъ быть поставленъ въ вину недѣльному.

Говоря о Петрѣ, мы лично противъ него не можемъ имѣть непріязни; но на всей дѣятельности Петра лежитъ та печать, которая тяготеетъ надъ личностями и дѣятельностями Людовика XI, Филиппа II, кардинала Ришелье, Метерниха и разныхъ другихъ господъ, несходныхъ между собою ни по размѣру способностей, ни по масштабу дѣятельности, ни по образу мыслей, но при всемъ томъ имѣвшихъ одинъ общій, вѣчный пароль—вражду противъ личной свободы и умственной инициативы отдѣльнаго человѣка. Все, что сдѣлалъ Петръ, было плодомъ его личныхъ соображеній, все это вводилось и учреждалось вопреки воли тѣхъ людей, для которыхъ это все, по видимому, предназначалось.

Какъ распоряжался Петръ на поприщѣ государственной администраціи, этого мы не будемъ разсматривать; въ этой области, какъ извѣстно, произволу его не было никакихъ границъ. Въ книгѣ г. Пеккарскаго мы встрѣчаемся съ Петромъ, какъ съ просвѣтителемъ Россіи; мы слѣдовательно имѣемъ случай взглянуть на самую блестящую часть его исторической оролы. Тутъ нѣтъ ни пытокъ, ни казней, ни ссылки, ни даже исторической дублики; тутъ ведется списокъ и притомъ списокъ очень подробный безкровнымъ благодѣяніямъ, доставшимся нашему отечеству изъ рукъ великаго дѣятеля. Эти безкровныя благодѣянія въ своемъ родѣ очень замѣчательны; въ совокупности своей они доказываютъ, что можно быть гениальнымъ человѣкомъ и въ то же время не имѣть самаго элементарнаго понятія о тѣхъ необходимыхъ условіяхъ, безъ которыхъ не мыслима разумная человѣческая дѣятельность.

Весь рядъ отвлеченныхъ разсужденій, которыми до сихъ поръ была набита моя статья, клонился къ тому, чтобы опредѣлить наши отношенія къ личностямъ, подобнымъ Петру Великому. Я доказалъ или по крайней мѣрѣ старался доказать слѣдующія идеи:

1) Дѣятельность всѣхъ такъ называемыхъ великихъ людей была совершенно поверхностна и проходила мимо народной жизни, не шевелила и не пробуждала народнаго сознанія.

2) Дѣятельность великихъ людей была ограничена тѣмъ кругомъ идей, который былъ въ ихъ время достояніемъ общаго сознанія.

3) Дѣятельность великихъ людей не достигала своей цѣли, потому что претензіи этихъ господъ постоянно превышали ихъ силы.

Эти идеи примѣняются вполне къ дѣятельности Петра. Я беру

теперь книгу г. Пекарскаго, извлекаю из нея нѣкоторые характерные факты и рассматриваю ихъ съ той точки зрѣнія, которая установлена предыдущими разсужденіями.

V.

«Бывши въ Лейдевѣ, пишетъ г. Пекарскій, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени, доктора Бэргавена, и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстіе, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ притомъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами (стр. 10). Вотъ, видите ли, великому человѣку любопытно смотрѣть на обнаженные мускулы трупа, а простымъ смертнымъ этотъ видъ кажется непріятнымъ; надо же проучить простыхъ смертныхъ, имѣющихъ дерзость находить не по вкусу то, что нравится великому человѣку; вотъ великій человѣкъ и заставляетъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа; должно сознаться, что это средство побѣждать неразумное отвращеніе настолько же изящно, насколько оно дѣйствительно. Навѣрное спутники Петра, испытавшіе на себѣ это отеческое вразумленіе, послѣ этого случая входили въ анатомическіе театры безъ малѣйшаго отвращенія и смотрѣли на трупы съ чувствомъ живой любознательности. Если бы даже случилось, что нѣкоторые изъ нихъ заразились отъ прикосновенія гнилыхъ соковъ къ нѣжнымъ тканямъ рта, то и это бѣда небольшая—тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ урокъ, данный остальнымъ присутствующимъ; они навѣрное поймутъ, что простому смертному нельзя имѣть собственнаго вкуса, что главная и единственная обязанность простаго смертнаго—смотрѣть въ глаза великому человѣку, отражать на своей физиономіи его настроеніе и съ надлежащимъ подобострастіемъ любоваться тѣми предметами, которые обратили на себя его благосклонное вниманіе. На анекдотѣ, приведенномъ въ книгѣ г. Пекарскаго, не стоило бы останавливаться, если бы въ этомъ анекдотѣ не выражались самымъ рельефнымъ образомъ типическія черты благодѣтельныхъ преобразованій великаго Петра. Кому были нуж-

ны эти преобразования? Кто къ нимъ стремился? Чьи страданія облегчились ими? Чье благосостояніе увеличилось путемъ этихъ преобразований? Если бы подобные вопросы могли дойти теперь до слуха Петра, они навѣрное показались бы ему совершенно ненонатными, и навѣрное нашъ гордый самодержецъ не далъ бы себѣ труда отвѣчать на нихъ что бы то ни было. Мнѣ кажется, тѣ историкъ и публицисты, которые гоубратъ, что всѣ преобразования Петра клонились ко благу русскаго народа, повторяютъ фразу, лишнюю внутренняго содержания, яля, что то же, переносятъ на эпоху и на личность Петра такія понятія, которыя возникли гораздо позднѣе, и, кромѣ того, не въ той сферѣ, въ которой вращаются дѣятели, подобные Петру. Петръ формировалъ себѣ исполнителей, какъ въ былое время богатый помѣщикъ, отдавая въ ученіе дворовыхъ мальчишекъ, формировалъ себѣ полный штатъ поваровъ, сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, кузнецовъ и шорниковъ. Только обширная и разносторонняя дѣятельность могла удовлетворять энергическую природу Петра; только громкая, европейская извѣстность могла польстить его громадному честолюбію. Петру необходимо было постоянно надъ чѣмъ нибудь работать и постоянно чѣмъ нибудь обращать на себя вниманіе современниковъ; какъ человекъ умный, Петръ могъ удовлетворять этимъ потребностямъ своей природы, не дѣлая такихъ нелѣпныхъ эксцентричностей, въ какія пускались не только въ древности римскіе императоры, но даже въ XVIII вѣкѣ разные нѣмецкіе князья и князьки, одержимые бѣсомъ тщеславія и надувавшіеся какъ лягушки въ подражаніе жирному волу, Людовику XIV. Благодаря своему замѣчательному уму, онъ, человекъ, не имѣвшій во всю свою жизнь никакой цѣли, кромѣ удовлетворенія крупнымъ прихотямъ своей крупной личности, успѣлъ прослыть великимъ патріотомъ, благодѣтелемъ своего народа и основателемъ русскаго просвѣщенія. Дѣйствительно, нельзя не отдать Петру Алексѣевичу полной дани уваженія; немногимъ удается такъ ловко подкупить въ свою пользу судъ исторіи.

Бывши въ Голландіи, Петръ далъ Яну Тессингу привилегію печатать и присылать въ Россію русскія книги. Въ грамотѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «и видя ему, Ивану Тессингу, къ себѣ нашу, царскаго величества премногую милость и жалованье въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ, показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству, службу свою и прилѣжное радѣніе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему, великаго госу-

даря, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему российскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бѣ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славу въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было... Неправда ли, госнода читатели, надо быть самымъ злонамѣреннымъ человѣкомъ и несправлимымъ скептикомъ, чтобы по прочтеніи этого мѣста грамоты хѣть на одну минуту усомниться въ чистотѣ и самоотверженіи того патриотизма, который одушевлялъ нашего вѣнценоснаго прогрессиста. Правда, сказано, что книги и чертежи должны быть напечатаны «къ славу нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени» и «къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ нашему царствію», но вслѣдъ затѣмъ словами «къ общенародной пользѣ и прибытку» выражена истинно трогательная заботливость о благосостояніи простыхъ смертныхъ. Та же трогательная заботливость проглядываетъ въ предостереженіи не печатать въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ никакого «пониженья». Петръ хотѣлъ воспитывать свой народъ и, подобно всемъ добродѣтельнымъ педагогамъ, понималъ, что есть много такихъ вещей, которыя дѣтямъ не по возрасту, которыя могутъ (говоря высокимъ слогомъ) нарушить первобытное спокойствіе ихъ мысли и осквернить дѣвственную чистоту ихъ розоваго міросозерцанія.

Трогательная заботливость Петра вполне оправдывается неравностію его подданныхъ; вотъ, что пишетъ о русскомъ народѣ одинъ изъ современниковъ нашего преобразователя: «Притомъ же москвитине, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются; они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука!» Эти простые слова современника, смотрѣвшаго на предпріятіе Тессинга съ чисто коммерческой стороны, подтверждаютъ высказанную мною идею о томъ, что дѣятельность великихъ людей поверхностна и непрочна въ своихъ результатахъ; эти слова бросаютъ также яркую полосу свѣта на характеръ петровскихъ преобразованій; въ основѣ этихъ преобразованій лежитъ капризъ или, по меньшей мѣрѣ, доктрина; исполнительными средствами являются насиліе и принужденіе.

Много ли сдѣлали голландскія изданія для «общей народной пользы и прибытка»—положительно неизвѣстно, но «о славу превысокому имени» и о «цвѣтущей похвалѣ царствію» радѣли всѣми силами своей изобрѣтательности какъ Тессингъ, такъ и преемникъ его, Копіевскій.

Вотъ, напримѣръ, описаніе рѣки Москвы: « Она паче всѣхъ рѣкъ прославилась зѣло и именовъ Мосога, праотца руссійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха ». Далѣе: « здѣ удивитесь! приидите всѣ боящіеся, приидите и видите дѣла Божія, яко Господь огради люди свои на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны тремя великими и славными рѣками; даде Господь Богъ и пастыря единого всѣмъ, возлюбленнаго помазанника своего, пресвѣтлѣйшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе съ высокаго на высочайшій степень, паче всѣхъ царей земныхъ ». По прочтеніи этого мѣста, намъ оставалось только пожалѣть, что книжныхъ дѣлъ мастеръ, Кошіевскій, не писалъ стиховъ; нашъ великій Державинъ, думалъ я, который

истину царямъ съ улыбкой говорилъ,

нигдѣ бы себѣ въ этомъ господинѣ достойнаго предшественника; теперь, продолжалъ я размышлять, Кошіевскій можетъ только служить предтечею историографовъ: Карамзина, Устрялова и Рафаила Зотова, и... ну, да всѣхъ не перечтешь. Но не успѣлъ я перевернуть двѣ страницы въ изслѣдованіи г. Пекарскаго (которое, сказать правду, читается очень медленно), какъ мнѣ пришлось взять назадъ свое опрометчивое сожалѣніе. Оказалось, что Кошіевскій преуспѣлъ во всѣхъ отрасляхъ заказной литературы. Для « цвѣтушей и навящей славы превысокаго имени » онъ вдохновилъ себя лирическимъ жаромъ и описалъ взятіе Азова « стихами поетыцкими », которые, вѣроятно, въ свое время приводили русскихъ читателей въ благоговѣйное недоумѣніе. Чтобы превознести побѣду Русскихъ, привилегированный составитель книгъ воспѣваетъ сице могущество побѣжденной Турціи.

Страшно было еже впасть азійскаго змія
 Въ рупцѣ, яко и сама европская выя
 Жестокія ярости его убоися;
 Сътовашу всѣ страны въ едину сходяся,
 Совѣтоваша купно, не не премогша
 Злочестивыя силы зѣло превзыдоша.
 Ношная же луна ихъ нача помрачати
 И всю подсолнечную тьмою наполнати.
 Ново-мѣсячниковъ лунныхъ много сотвори
 Благочестіе, и любовь, вѣру разори

Православную: въ мѣсто жъ ея, Магомета
Невѣріе приведе мрачная планета.

Вотъ какою поэзіею Петръ угощалъ своихъ неразумныхъ подданныхъ, но подданные, по крайней тупости и загрубѣлости, не умѣли восхищаться «поэтыцкими» красотами. Выше мы видѣли образчикъ той науки, которую, по приказанію Петра, фабриковали въ Голландіи; наука эта, несмотря на очевидную свою привлекательность, также не принимала русскаго ума; еще выше мы видѣли, какииъ образомъ Петръ въ лейденскомъ анатомическомъ театрѣ развивалъ въ молодыхъ Россіянахъ наклонность къ реальному образованію; эти усилія Петра, несмотря на свою несомнѣнную энергичность, также оставались безуспѣшными; Петръ вездѣ встрѣчалъ скрытое равнодушіе или даже глубокое, затаенное отвращеніе къ «поэтыцкимъ стихамъ», къ наукѣ Копіевскаго и къ реальному образованію лейденскаго анатомическаго театра. Онъ имѣлъ дѣло съ варварами, и эти варвары безъ его просвѣщеннаго вліянія непремѣнно погрязли бы въ тинѣ пороковъ и во мракѣ невѣжества; будь на мѣстѣ Петра другой дѣятель менѣе крупныхъ размѣровъ, онъ непремѣнно махнулъ бы рукою на нечѣстныхъ варваровъ и предоставилъ бы этихъ неблагодарныхъ людей ихъ печальной участи.

Но Петръ былъ великодушенъ до конца; видя безуспѣшность своихъ собственныхъ усилій, онъ сталъ просить совѣтовъ у знающихъ людей; махнуть рукою на варваровъ онъ никакъ не рѣшался, несмотря на то, что варварамъ до смерти хотѣлось чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Петръ слышалъ, что есть въ Германіи нѣмецъ Лейбницъ, человекъ, котораго все считаютъ чрезвычайно умнымъ и который знаетъ все, что доступно уму человѣческому; Петру захотѣлось посмотреть на этого диковиннаго человека; онъ повидался съ нимъ въ Торгау, произвелъ его въ тайные совѣтники, положилъ ему жалованіе въ 1000 рейхс-талеровъ и началъ совѣтоваться съ нимъ, какъ бы обтесать русскихъ варваровъ и насадить въ Россіи древо познанія. Лейбницъ былъ человекъ ловкій, придворный и политичный; и философская система его была такъ устроена, что она должна была нравиться великимъ людямъ; и самъ онъ умѣлъ держать себя съ надлежащею пріятностью въ высокихъ сферахъ; и манеры, и мягкія рѣчи, и направленіе совѣтовъ—все показывало въ Лейбницѣ, что онъ человекъ бывалый, полярованный, вполне достойный чина тайнаго совѣтника и

званія камергера или церемоніймейстера. Петру, умѣвшему угадывать истинное достоинство людей, это придворное свѣтло германскаго ученаго міра очень понравилось съ перваго взгляда. Вѣроятно онъ подумалъ про себя, что было бы очень пріятно завести у себя въ Петербургъ своего доморощенаго Лейбница, и неоцѣняемые плоды истиннаго просвѣщенія вѣроятно въ эту минуту показались ему еще неоцѣненнѣе. Если Петръ оцѣнилъ Лейбница, то Лейбницъ съ своей стороны, конечно, разгадалъ Петра съ первыхъ двухъ словъ. Онъ тотчасъ разпозналъ слабую струну, обворожилъ вѣнченоснаго собесѣдника картинами будущей русскои цивилизаціи, которая ему, Петру, будетъ обязана своимъ происхожденіемъ, и въ нѣсколько свиданій совершенно упрочилъ за собою и пожалованный чинъ, и положенное жалованіе. Когда Петръ уѣхалъ въ Россію, тогда Лейбницъ сталъ писать къ нему письма; эти письма, которыя Лейбницъ, конечно, выдавалъ за плоды долговременныхъ и глубокихъ размышленій, наполнены совѣтами, какъ ввести въ Россію просвѣщеніе; Лейбницу было очень пріятно получать ежегодно по 1000 талеровъ, но, чтобы оставить за собою это жалованіе, надо было хоть для виду хлопотать о русскои цивилизаціи; иначе Петръ, не любившій тунеядцевъ, могъ прекратить выдачу денегъ; и вотъ Лейбницъ напоминаетъ о своемъ существованіи и письмами своими показываетъ видъ, что онъ принимаетъ къ сердцу горькую участь русскихъ варваровъ, погибающихъ въ безднѣ невѣжества. Для спасенія несчастнаго народа онъ считаетъ нужнымъ произвести въ разныхъ мѣстахъ Россіи магнитныя наблюденія, розыскать—соединенъ ли американскій материкъ съ азіатскимъ, устроить сообщенія съ Китаемъ и мѣняться съ нимъ не только товарами, но также знаніями и искусствами; собрать и сохранить памятники греческой церкви, составить словари языковъ инородцевъ; учредить девять правительственныхъ коллегій, «внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе»; наwerben за границею побольше ученыхъ; однихъ забрать въ Россію, другихъ оставить на мѣстѣ, чтобы они, получая жалованье, сообщали извѣстія о томъ, что происходитъ въ ученоемъ мірѣ; постронть кабинеты, лабораторіи и обсерваторіи, развести ботаническіе сады, бібліотеки и музеи и набить послѣдніе инструментами, моделями, медалями и древностями; учредить академіи, университеты и школы въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ и въ Астрахани.

Въ исторіи сношеній Петра съ Лейбницемъ всего удивительнѣе то,

*

что умный человекъ, подобный Петру, поддавался такому наглому шарлатанству и платилъ деньги за такіе полезныя совѣты. Этотъ странный фактъ можно объяснить или тѣмъ, что для Петра общая идея просвѣщенія расплывалась въ какіе-то привлекательныя, но совершенно неопредѣленные образы, или же тѣмъ, что онъ платилъ Лейбницу деньги и поддерживалъ съ нимъ сношенія просто изъ тщеславія, для пущей важности. Легко можетъ быть, что тутъ дѣйствовали въ одно и то же время обѣ причины; иначе я не умю себѣ объяснить, какимъ образомъ Петръ могъ принимать за чистую монету совѣты Лейбница—производить магнитныя наблюденія, вывозить изъ Китая знанія, собирать памятники и составлять словари для того, чтобы вызвать къ жизни или пробудить отъ усыпленія умственныя силы русскаго народа. Ученый Нѣмецъ очевидно хотѣлъ только удержать за собою жалованье, а гениальный преобразователь хотѣлъ только обставить самого себя на европейскій манеръ, хотѣлъ, чтобы у него было такъ, какъ у знатныхъ господъ бываетъ. Тамъ заведенъ академія—и у насъ давай заводить академію; тамъ музеи—и у насъ музеи; тамъ ученые—и у насъ пускай будутъ ученые; если нельзя найти ученыхъ въ Россіи, надо изъ за границы выписать; если ученыхъ, выписанныхъ изъ за границы, нечѣмъ заниматься собственно въ Россіи, если ихъ сочиненія, напечатанныя на русскомъ языкѣ, не найдутъ себѣ ни покупателей, ни читателей—в это не бѣда. Пусть занимаются въ Петербургѣ тѣмъ же, чѣмъ занимались въ Берлинѣ или Марбургѣ, или въ Гейдельбергѣ, пусть печатаютъ свои сочиненія на французскомъ или на нѣмецкомъ, или на латинскомъ языкѣ, пусть печатаютъ хоть на санскритскомъ, дѣло не въ сочиненіяхъ и тѣмъ болѣе не во вліяніи этихъ сочиненій на русское общество,—дѣло именно въ томъ, что они будутъ жить въ Петербургѣ, состоятъ на русской службѣ и составлять изъ себя русскую академію,—дѣло не въ дѣйствіи, а въ декорацияхъ. Вотъ чѣмъ Петръ отдавалъ дань своему тщеславному, мншурному вѣку; онъ былъ бережливъ въ своемъ образѣ жизни, онъ жилъ въ тѣсныхъ комнатахъ, носилъ потертое платье, пилъ простую анисовую водку и въ то же время заводилъ бесполезнѣйшую академію, и платилъ шарлатану Лейбницу такое жалованіе, на которое можно было сшить десять роскошныхъ костюмовъ.

VI.

Нѣмцы, которыхъ Петръ старался залучить къ себѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ придворныя украшенія, понимали слабость преобразователя къ умственному блеску и, стараясь эксплуатировать эту страстишку, ломали неслышанныя цѣны. Агенты Петра долго ухаживали за Христіаномъ Вольфомъ, за тѣмъ самымъ, который, какъ извѣстно, былъ впоследствии учителемъ Ломоносова. Они все приглашали его въ Петербургъ, а Вольфъ все отпѣкивался, и наконецъ порадовалъ ихъ слѣдующимъ отвѣтомъ: онъ потребовалъ по 2000 рублей ежегоднаго жалованія, обѣщалъ прослужить въ Россіи пять лѣтъ, и, по истеченію этого срока, желалъ получить одновременно сумму въ 20,000 рублей. «Это немного, продолжаетъ онъ, говоря объ этихъ условіяхъ въ письмѣ къ Блуменструту, если принять во вниманіе, что король Альфонсъ пожаловалъ Еврею Газану за составленіе альфонсовыхъ астрономическихъ таблицъ, Александръ Великій—Аристотелю за сочиненіе *Historiae animalium* и покойный король Людовикъ Великій—Винченцію Вивіани, математику великаго герцога флорентійскаго за восстановление утраченной книги изъ высшей геометріи. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ Александра Великаго, всеѣмъ извѣстно, что Еврей Газанъ имѣлъ отъ Альфонса 400 тысячъ дукатовъ, а Вивіани отъ Людовика Великаго такую сумму, на которую онъ выстроилъ во Флоренціи огромный палатцо, выгравированный при его геометрической книгѣ. Что же все сдѣланное этими людьми въ сравненіи съ осуществленіемъ исполнскаго замысла его императорскаго величества? Для того требуется мужъ опытный во всеѣхъ философскихъ и математическихъ наукахъ. Въ бозѣ почившій прусскій король пожаловалъ Лейбницу гораздо болѣе, нежели сколько я требую, за то, что онъ заботился заочно о берлинской академіи». Исполнскій замыселъ его императорскаго величества, о которомъ говоритъ Вольфъ, состоялъ просто въ томъ, чтобы основать въ Петербургѣ академію. Вольфъ, очевидно, называетъ этотъ замыселъ исполнскимъ съ тою же цѣлью, съ какою онъ выписываетъ историческіе примѣры, замѣчательные по своей назидательности. Ему хочется выторговать себѣ выгодныя условія и потому онъ преувеличиваетъ трудность задачи выставляетъ на видъ черты похвальной щедрости. Можно себѣ пред-

ставить во сколько обошлась бы намъ наша безцѣнная академія, если бы дѣйствительно за блескъ имени пришлось платить по 20,000 рублей. Къ счастью, должно сознаться, что умственное тщеславіе не вполне ослѣпляло Петра; онъ позволялъ себѣ платить по 1000 талеровъ Лейбницу ни за что, ни про что, но когда дѣло шло о такой суммѣ, какую требовалъ Вольфъ, тогда преобразователь нашъ становился внимательнѣе и недобѣрчивѣе. Блуменстроу не рѣшился даже съ разу доложить Петру о притязаніяхъ нѣмецкаго философа и отвѣчалъ Вольфу съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи: « что касается до 20 тысячъ рублей, то если мы даже предположимъ, что нашъ всемогущійшій монархъ превосходитъ Александра Великаго, Альфонса и Людовика Великаго въ великодушія и любви къ искусствамъ и наукамъ, а ваше высочородіе, по своей учености и услугамъ, оказаннымъ ученому міру вашими мудрыми сочиненіями, выше Аристотеля, Газана и Вивіани, все-таки это такая сумма, о которой императору слѣдуетъ представить съ осмотрительностью ». Изъ этого письма Блуменстроу мы видимъ, что Петру дѣйствительно очень хотѣлось прослыть великодушнымъ покровителемъ человѣческой мудрости, но во-первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы эта мудрость стала къ нему въ зависимаго отношенія льстиваго кліента, во-вторыхъ, какъ русскій человѣкъ, любящій выгадать и выторговать, онъ хотѣлъ нанять мудрецовъ подешевле. Петръ былъ плохой меценатъ; кромѣ того, онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что меценаты вообще вредятъ развитію науки, что честные дѣятели мысли бѣгутъ отъ ихъ покровительства и что продажныя ученые окончательно развращаются подъ ихъ вліяніемъ.

Профессоръ анатоміи, Рюйшъ, сообщилъ Петру Великому открытій икъ способъ бальзамировать трушы, съ тѣмъ чтобы Петръ хранилъ его въ тайнѣ.

« Однако, говоритъ г. Пекарскій, царь передалъ секретъ Лаврентію Блуменстроу, тотъ Шумахеру, который, въ видахъ подслужиться лейбъ медику Ригеру, рассказалъ ему о способѣ Рюйша. Ригеръ, покинулъ Россію, опубликовалъ его въ «Notitia rerum naturalium», въ статьѣ «Animal». Кажется, этотъ анекдотъ не требуетъ комментарія, и кажется истолковать это событіе въ пользу нашего преобразователя не суживютъ самые несправивные его поклонники.

Бывши въ Копенгагенѣ, Петръ получилъ тамъ для своей кунсткамеры половину окаменѣлаго хлѣба и деревянную обувь, которую носили Лапландцы. « Взамѣнъ ихъ, царь просилъ хранить въ копенга-

генскомъ музеѣ русскіе лапти». Нельзя не улыбнуться этому ребяческому желанію великаго человѣка; ему захотѣлось русскими лаптями заявить въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ о существованіи своего государства. Благодаря этому желанію, русскіе лапти попали на почетное мѣсто, среди разныхъ монстровъ и раритетовъ.

Вотъ выписка изъ указа о доставленіи въ кунсть-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр. «Того ради пакн сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую—по 10 р., за скотскую и звѣриною—по 5, а за птичью—по 3 р. за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую—по 100 р., за скотскую и звѣриною—по 15 р. за птичью—по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малюю отиѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать—чь? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таять, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать десятыро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ». Великій преобразователь находилъ нужнымъ поощрять доносчиковъ для того, чтобы наполнять кунсть-камеру монстрами и раритетами; должно сознаться, что здѣсь очень мелкая цѣль оправдывала очень некрасивыя средства; впрочемъ, навѣрное найдутся у насъ такіеистики, которые признаютъ это распоряженіе не только извинительнымъ, но даже полезнымъ, премудрымъ и необходимымъ. Таковъ былъ духъ времени, скажутъ они, таковъ характеръ народа! Вѣроятно г. Щербальскій, открывшій, какъ извѣстно, ту великую психологическую истину, что доносъ въ характерѣ русскаго народа, основалъ свои наблюденія на документахъ, подобныхъ вышеприведенному указу. Вѣроятно онъ принялъ распоряженіе Петра Алексѣевича за проявленіе русскаго народнаго характера; если это действительно такъ случилось, то можно себя представить, что сближеніе между великими дѣятелями и простыми смертными не всегда бываетъ выгодно и пріятно для послѣднихъ. Если бы мы судили обо всѣхъ Испанцахъ по Филиппу II, обо всѣхъ Итальянцахъ по Фердинанду Неаполитанскому, обо всѣхъ Англичанахъ по Генриху VIII, то, вѣроятно, Испанцы, Итальянцы и Англичане почувство-

вали бы себя глубоко и притомъ несправедливо оскорбленными. Указъ Петра произвелъ свое дѣйствіе; съ разныхъ концовъ Россіи потянулись въ Петербургъ живые и мертвые уроды; если бы за нравственное и умственное уродство опредѣлена была премія, тогда бы, вѣроятно, количество прибывающихъ субъектовъ было еще значительнѣе, — тогда, можетъ быть, пришлось бы содержать при кунстъ-камерѣ и Никиту Зотова, и Кесаря Рамадановскаго, и Шумахера, и даже самаго Александра Даниловича Меншикова. Изъ денежныхъ отчетовъ кунстъ-камеры отъ 1719 до 1723 годовъ видно, что при ней сохранились живые монстры: Яковъ, Степанъ и Тома; на каждого изъ нихъ выходило по рублю въ мѣсяцъ. Въ законоспасской академіи, во время Ломоносова, отпускалось на каждого ученика по алтыну въ день, слѣдовательно по 90 копѣекъ въ мѣсяцъ. Живые монстры получали больше; слѣдовательно, при великомъ основателѣ просвѣщенія въ Россіи, живымъ уродамъ было удобнѣе жить на свѣтѣ, чѣмъ молодымъ студентамъ.

Радя о процвѣтаніи наукъ, искусствъ и уродовъ въ Россіи, Петръ великій заботился также о томъ, чтобы просвѣщенная Европа восхищалась не только русскими лаптями, поставленными въ Копенгагенѣ, но также учеными учрежденіями, возникшими въ юномъ Петербургѣ. Петръ держалъ на жалованьи писателей, обязанныхъ прославлять распоряженія русскаго правительства. Главнымъ литературнымъ агентомъ Петра былъ баронъ Гюйссенъ. Нѣмецкій журналъ, *Europäische Fama*, помѣщалъ на своихъ страницахъ благорасположенныя статьи, которыя, по словамъ г. Пекарскаго, «пріемами своими и стилемъ, напоминаютъ *le Nord*, современный бельгійскій журналъ». Въ книгѣ г. Пекарскаго подробно разсказана полемика между Нейгебауэромъ и Гюйссеномъ. Нейгебауэръ былъ наставникомъ Алексѣя Петровича, но не ужился въ Россіи и, уѣхавши за границу, издалъ брошюру, въ которой описалъ самымъ беспощаднымъ образомъ грязныя стороны новорожденной цивилизаціи. Гюйссенъ написалъ и издалъ опроверженіе; Нейгебауэръ отвѣчалъ новою брошюрою, и тѣмъ дѣло кончилось. полемика эта касается нѣкоторыхъ любопытныхъ фактовъ и особенностей русскихъ нравовъ.

Нейгебауэръ говоритъ въ своей брошюрѣ, что иностранцы, приглашаемые въ Россію, не находятъ въ этой странѣ ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыми ихъ стараются заманить. Имъ обѣщаютъ большое жалованье, и не платятъ денегъ; имъ обѣщаютъ чины и по-

четь—а на повѣрку выходитъ, что ихъ безчестятъ, бьютъ батогами, награждаютъ пощечинами, шпицрутенами и ударами кнута. Нейгебауэръ приводитъ множество примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ наиболее типичныхъ.

«Маіора Кирхена царь въ Архангельскѣ, передъ полкомъ, въ присутствіи голландскихъ и англійскихъ купцовъ, также морскихъ офицеровъ, назвалъ е.... м...., (Hutten Sohn) и, плюнувъ ему въ глаза, выхватилъ у него шпагу и бросилъ къ ногамъ, говоря: ты, «е.... м...., хочешь быть маіоромъ, а не стоишь быть мушкетеромъ. И это за то, что Кирхенъ, прослуживъ цѣлый годъ маіоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному русскому. Капитанъ Лудвигъ, прибывъ волонтеромъ къ осадѣ Нотебурга — а такимъ волонтерамъ царь обѣщалъ по 300 рублей и маіорскій чинъ — потерялъ потомъ маіорское жалованіе и 100 рублей и получилъ отъ царскаго величества собственноручную пощечину во время входа въ Москву за то, что онъ, для правильнѣйшаго расположенія орудія, положилъ въ одну яму дерево, которому царь хотѣлъ дать иное назначеніе. 1700 года, генераль и посланникъ польскій, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами и пр. и пр. за то, что онъ не позволялъ надъ собою шутить царскому любимцу, нѣкому пироженнику (Bäckerjungen), по имени Александру Даниловичу Меншенкорфу (Menschenkorff). Полковникъ Штрасбергъ наказанъ воеводою города, гдѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, батогами единственно потому, что не хотѣлъ дѣйствовать вопреки царскаго указа. Капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутенами изъ шомполовъ, а передъ тѣмъ генераль изъ Рѣсскихъ, переломивъ собственноручно его шпагу и сказавъ: «теперь я хочу тебя ошельмовать» далъ ему пощечину».

Вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ Нейгебауэръ о батогахъ: «батогами называются небольшія жидкія палки дянною съ аршинъ. Ихъ берутъ служители въ руки и садятся на голову и ноги раздѣтаго человѣка, и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ наказываемаго переворачиваютъ и бьютъ по животу, наконецъ по бедрамъ и икрамъ».

Большая часть обличеній Нейгебауэра грѣшатъ своею голословностью; въ каждомъ изъ нихъ есть что нибудь необъясненное и недосказанное. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о маіорѣ Кирхенѣ мы не видимъ, почему Петръ хотѣлъ передать его мѣсто русскому офицеру; не видимъ также, какимъ образомъ Кирхенъ отстаивалъ свои права;

бранины слова; произнесенныя при этомъ случаѣ даромъ остаются голыми фактомъ, не находящимся въ связи съ предшествующими событіями и не вытекающимъ ни изъ поведенія Кирхена, ни изъ положенія самаго Петра. Разказы о капитанѣ Лудвигѣ, о баронѣ Лапгѣ, о полковникѣ Штрасбергѣ и о капитанѣ Форбуеѣ точно также даютъ намъ одни голые, ничѣмъ не объясненные факты. Къ этой особенноти обличительной брошюры Нейгебауэра было бы не трудно придаться; но баронъ Гюйссенъ, принявшій на себя обязанность защищать честь русскаго правительства передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, заблагоразсудилъ не замѣтить этого недостатка обличительной брошюры; онъ, вѣроятно, боялся, чтобы Нейгебауэръ, задѣтый за-живое обвиненіемъ въ голословности и бездоказательности, не привелъ въ подкрѣпленіе своихъ разказовъ такіе факты и аргументы, которые зажали бы ротъ оффиціальному адвокату Россіи. вмѣсто того чтобы требовать отъ Нейгебауэра доказательствъ и дальнѣйшихъ разъясненій, Гюйссенъ въ своемъ возраженіи просто старается покрѣпче обругать автора обличительной брошюры и превознести громкими похвалами тѣ важныя лица, которыя пострадали отъ язвительныхъ разказовъ и замѣчаній памфлетиста. Отставная Меншикова, Гюйссенъ рѣшается даже придумать для него небывалую генеалогію; онъ утверждаетъ, что Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи на Литвѣ и что отецъ его былъ оберъ-офицеромъ семеновскаго полка. Потомъ онъ говоритъ, что римскій императоръ, во уваженіе къ блестящимъ качествамъ Меншикова, по собственному побужденію, возвелъ его въ достоинство имперскаго князя. Конечно, въ наше время ни одинъ порядочный человекъ не поставитъ Меншикову въ вину его плебейское происхожденіе, но сочиненіе произвольной генеалогіи даетъ намъ возможность судить какъ объ авторской честности Гюйсена, такъ и о высотѣ нравственныхъ требованій тѣхъ людей, по приказанію которыхъ этотъ паразитъ пускался въ литературную дѣятельность. Изъ отзавовъ Гюйсена о Меншиковѣ мы можемъ также составить себѣ понятіе о томъ, насколько можно довѣрять остальнымъ возраженіямъ этого нанятаго литератора противъ Нейгебауэра. Впрочемъ большая часть возраженій до такой степени слабы и негѣпы самъ по себѣ, что имъ нельзя было бы повѣрять даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакихъ данныхъ противъ литературной честности автора. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ Гюйссенъ старается парализировать описаніе бато говъ, приведенное выше изъ брошюры Ней-

гебауэра. «Батоги, кнутъ и другія наказанія, пишетъ поламиширующій баронъ, такъ подробно и обстоятельно описаны имъ, что можно думать, что авторъ часто имѣлъ все это передъ глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду вѣтъ пасквильнтамъ, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ, на власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ, что сдѣлано въ настоящей постыдной брошюрѣ». Это мѣсто можетъ показаться очень остроумнымъ и игривымъ, но самые пристрастные читатели будутъ принуждены согласиться, что рассказъ Нейгебауэра о наказаніяхъ батогами остается не опровергнутымъ. Отрицать батоги не рѣшается самъ Гюссенъ, рѣшившійся отрицать плебейское происхожденіе Меншикова; не рѣшается онъ, конечно не изъ уваженія къ истинѣ, а вѣроятно потому, что отрицать батоги значило бы возставать противъ господствовавшихъ обычаевъ и учрежденій; отрицать батоги значило бы находить ихъ принятіемъ предосудительнымъ; такого рода дерзкій образъ мыслей могъ не понравиться великому Петру; не желая рисковать своею благородною спиною, баронъ Гюссенъ предпочелъ обойти вопросъ о действительномъ существованіи батовъ въ Россіи и обрушиться всею тяжестью своего негодующаго остроумія на пасквильнтавъ; такой полемическій оборотъ былъ, конечно, удобнѣе и безопаснѣе. Я считаю бесполезнымъ долге останавливаться на полемикѣ Гюссена съ Нейгебауэромъ; приведенные мною отрывки показываютъ ясно, какимъ образомъ Петръ пользовался содѣйствіемъ печатной гласности, и на сколько онъ былъ разборчивъ въ выборѣ орудій и средствъ.

VII.

Личныя отношенія Петра къ несчастному Алексѣю Петровичу даютъ нѣкоторые матеріалы для оцѣнки общихъ воззрѣній царя на просвѣщеніе и на отношенія науки къ жизни. «Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, говоритъ г. Пекарскій, неудовольствія его на сына, царевича Алексѣя Петровича, было нерасположеніе послѣдняго къ военнымъ приѣмамъ и дисциплинѣ, что ясно высказано въ письмахъ царя при дѣлѣ объ осужденіи царевича». (стр. 122.).

Въ *Europäische Fama*, въ оффиціально хвалебной статьѣ о воспитаніи Алексѣя Петровича встрѣчается слѣдующій пассажъ: «его царское величество старается, чтобы московскій принцъ, единственный сынъ его, шелъ по его стопамъ и могъ бы славу российской монархіи вознести на ту степень, на которую достославный родитель намѣренъ поставить посредствомъ недавнихъ побѣдъ своихъ надъ Турками, Татарами и другими неприятелями. Царевичъ не только Русскій, но и иностранцамъ извѣстенъ подъ именемъ пресвѣтлѣйшаго солдата» (стр. 137.). Надо отдать справедливость составителю этой панегирической статьи; своею наивною похвалою онъ сильнѣе всякаго намѣлетиста насолил Петру во мнѣніи мыслящаго потомства. Титулъ «пресвѣтлѣйшаго солдата», приданный Алексѣю Петровичу льстецами русскаго правительства, даетъ намъ самое рельефное понятіе о томъ, чего требовалъ Петръ отъ своего сына, и во имя чего онъ насильемъ и наказаніями ломалъ естественныя наклонности молодаго человѣка. Мистическія стремленія Алексѣя, его пристрастіе къ старинѣ, его юношескіе пороки—все объясняется военною форменностью воспитанія, все объясняется тѣмъ глубокимъ отвращеніемъ къ дисциплинѣ, которое развилъ въ немъ Петръ, старавшійся насильно пріохотить сына къ ружейнымъ приѣмамъ и къ военному артикулу. Мы видѣли, какими средствами Петръ развивалъ въ молодыхъ Русскихъ любовь къ анатоміи; вѣроятно такія же средства были пущены въ ходъ для того, чтобы дѣйствительно превратить Алексѣя въ пресвѣтлѣйшаго солдата. Не знаю, превратились ли русскіе носѣтители лейденскаго анатомическаго театра въ ревностныхъ медиковъ, но достоверно извѣстно къ чести Алексѣя то, что его природа не подчинилась волѣ великаго родителя и разбилась въ неравной борьбѣ.

Въ той же статьѣ *Europäische Fama*, встрѣчается слѣдующее любопытное мѣсто объ Алексѣѣ: «Его холерико-сангвиническій темпераментъ даетъ ему нужныя силы, и пресвѣтлѣйшій родитель съ строгою заботливостью запретилъ ослаблять или портить нѣжнымъ воспитаніемъ его юность: повтому его сіятельство, кн. Меншиковъ, согласно родительской волѣ, обходится съ нимъ безъ всякой излишней лести, и часто можно видѣть, что царевичъ за обѣдомъ встаетъ съ своего мѣста и становится позади родительскаго кресла, чтобы тѣмъ выказать сыновнее почтеніе, а его величество всякій разъ ему приказываетъ садиться». Надо подивиться безтолковости тѣхъ людей, которыхъ русское правительство облакало въ званіе оффиціальныхъ хва-

лителей. Скажите на милость, какое отношеніе имѣютъ заботы Петра объ укрѣпленіи силъ молодого Алексѣя къ той великой застошной комедіи, о которой Eugoräische Fama, рассказываетъ съ очевидными усиліями найти ее похвальною! Если Алексѣй дѣйствительно становился за кресла Петра, то съ какой же стати публиковать объ этомъ въ газетахъ? Приведенный фактъ показываетъ намъ образчикъ той субординаціи, въ которой Петръ старался держать всѣхъ окружающихъ, начиная съ членовъ собственнаго семейства. Сохранивъ этотъ фактъ для потомства, панегиристы Петра оказали ему медвѣжью услугу; впрочемъ, иначе и быть не могло; панегиристы и продажные писатели всѣ таковы, потому что люди умные и даровитые, способные существовать честнымъ трудомъ мысли, не торгуютъ своимъ перомъ и не принимаютъ на себя умнительной обязанности хвалить и порицать противъ убѣжденія.

Инструкція, данная Толстому при его отправленіи въ заграничное путешествіе въ 1697 году показываетъ, что именно Петръ считалъ достойнымъ изученія и полезнымъ для молодыхъ Русскихъ, отправляемыхъ въ погоню за просвѣщеніемъ. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующіе параграфы или «статьи послѣдующія ученію»: «1) знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе; 2) владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на нѣхъ судахъ весла, и пр.; 3) сколь возможно искать того, чтобы быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожъ видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатями, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впередъ получить милость большую, по возвращеніи своемъ, то къ сему вышесказанному повелѣнію и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ». Текстъ этой инструкціи показываетъ намъ ясно, что спеціально-техническая сторона европейскаго образованія всего сильнѣе привлекала Петра; ему хотѣлось имѣть у себя дома хорошихъ кораблестроителей, хорошихъ моряковъ, солдатовъ, землемѣровъ, чертежниковъ и т. п. Умственное развитіе челоѣка оставалось на самомъ заднемъ планѣ. Петръ инстинктивно понималъ, что развитые люди рѣдко бываютъ хорошими исполнителями чужой воли, и потому его административныя

соображенія вовсе не требовали того, чтобы молодые русскіе путешественники вглядывались въ жите-бытѣ европейскихъ народовъ и выносили изъ своихъ наблюденій матеріалы для критики своего домашняго порядка вещей. А между тѣмъ, нельзя же было зажимать глаза и уши молодымъ людямъ, отправляющимся за границу. Нельзя было требовать, чтобы они видѣли только чертежи, веревки, компасы, паруса и каторги.

Они видѣли много такого, что никогда не попало бы имъ на глаза въ Россіи; они видѣли и разсуждали про себя, хотя многое изъ видѣннаго проходило передъ ихъ не приготовленнымъ пониманіемъ, не оставляя по себѣ никакого прочнаго впечатлѣнія. Находились такіе путешественники, которые на все смотрѣли съ невозмутимымъ безстрастіемъ; но за то были и такіе, которые выражали даже въ полуофициальныхъ своихъ замѣткахъ сочувствіе къ тѣмъ или другимъ явленіямъ иноземной жизни. Вотъ, наприимѣръ, выписка изъ описанія путешествія графа Матвѣева: «Въ томъ государствѣ лучше всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанести обиду. Всякій изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ, разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежатъ будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ, и въ народныхъ дѣлахъ не вмешиваются, и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него».

Это говорится о Франціи временъ Людовика XIV; если эта страна до такой степени нравилась Матвѣеву, то можно себѣ представить, что требованія были очень умѣренны, и что, насмотрѣвшись на петровскую Россію, можно было легко помириться со всякимъ инымъ порядкомъ вещей, какъ бы ни былъ самъ по себѣ некрасивъ и неудобенъ этотъ иной порядокъ. Можно также себѣ представить, что дѣ-

тельность нашего преобразователя во многих отношеніях потеряла бы свой характер размахистой произвольности, если бы симпатіи Матвѣева нашли себѣ отголосокъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Если бы между молодыми людьми, посылавшимися за границу для изученія разныхъ рукодѣлій, нашлось много умныхъ головъ, способныхъ понимать различіе между своимъ и иноземнымъ, тогда, вѣроятно, Петру сдѣлалось бы вовсе не такъ легко помыкать силами, способностями, убѣжденіями и наклонностями своихъ подданныхъ. Сомнѣваюсь, чтобы Петръ почувствовалъ особенную радость, замѣчая это пробужденіе русской мысли. Но бѣдная русская мысль спала очень крѣпко, и ея отдѣльныя, разрозненныя проявленія, растрчиваясь въ неравной, но не бесплодной борьбѣ, глохли и замирали, какъ слабый стонъ, вырывающійся изъ наболѣвшей груди.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе Костомарова и Берга. 1862.

Полтора года тому назадъ, въ декабрьской книжкѣ Рус. Слова за 1860 годъ, я разобралъ «Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ» въ переводѣ гг. В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Теперь явился второй выпускъ того же изданія подъ выписаннымъ заманчивымъ заглавіемъ. Этотъ второй выпускъ отличается отъ перваго своимъ планомъ и составомъ. Издатели сочли нужнымъ помѣстить кромѣ стихотворныхъ переводовъ четыре объяснительныя статьи, написанныя, конечно, прозою. Кромѣ того, число переводчиковъ значительно увеличилось; гг. Бергъ и Костомаровъ со времени изданія перваго выпуска успѣли набить руку, такъ что уже теперь въ ихъ переводахъ не встрѣчается тѣхъ диковинокъ, которыя я отмѣтилъ полтора года тому назадъ. Общая цѣль предпріятія, которое кажется намъ жѣрено быть прочнымъ, до сихъ поръ остается необъясненною; почему гг. издатели берутъ тѣхъ или другихъ поэтовъ, тѣ или другія

стихотворенія—этого я не знаю, да и сами они, кажется, считаютъ совершенно лишнимъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ. Во второмъ выпускѣ мы встрѣчаемъ Бёрнса и Гейне—пу, это понятно! Бёрнсъ и Гейне всегда кстати; затѣмъ мы встрѣчаемъ А. Шульца, Г. Х. Андерсена и въ видѣ приложенія—легенды Сербовъ. Русская публика, конечно, ничего бы не потеряла, еслибы всего этого она и не встрѣтила. Самую слабую часть книжки составляютъ впрочемъ не стихотворенія, а объяснительныя статьи г. Костомарова и коротенькое предисловіе, подписанное словомъ: «издателя».

Тутъ, въ этомъ предисловіи гг. издатели стараются объяснить цѣль своихъ трудовъ и издержекъ, но это имъ плохо удается; оказывается, что предлагаемый сборникъ желаетъ содѣйствовать знакомству русской публики съ поэзіею другихъ народовъ, а что о пользѣ такого знакомства и говорить нечего, потому-де что она признается всѣми. Впередѣ, въ туманномъ отдаленіи издатели видятъ передъ собою заманчивую цѣль: составленіе на русскомъ языкѣ такой антологіи, «какими такъ богата, напримѣръ, хоть нѣмецкая литература». Впрочемъ эта цѣль кажется имъ на столько великою, что она, по ихъ словамъ, можетъ быть достигнута не скоро. Отдаленность великой цѣли не ослабляетъ однако самоотверженнаго усердія издателей; они надѣются, что роскошное зданіе русской антологіи сложится со временемъ и что ихъ сборники будутъ служить кирпичами въ рукахъ будущаго зодчаго. Да, воля ваша, говорите, что хотите, сбѣйтесь, сколько душъ угодно, а все-таки гг. издателямъ отрадно думать, что ихъ внуки будутъ держать въ рукахъ толстый in-4°, въ которомъ по алфавиту или по достоинству размѣстятся иностранныя «поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ», пересаженные на русскую почву трудолюбивыми руками гг. Берга, Костомарова и сотрудниковъ. Приятно даже воображать себѣ въ будущемъ плоды собственной общественной дѣятельности. Вѣдь перевести на русскій языкъ пѣсенку Гейне, это — тоже общественная дѣятельность, хоть лычкомъ шитая, а все дѣятельность. Я отъ души жалѣю о томъ, что не обладаю тою пылкостью воображенія, которою одарены гг. издатели; иначе я бы непременно вообразилъ себѣ, что въ настоящую минуту, болтая всякій вздоръ по поводу вздорной книжки, я занимаюсь общественной дѣятельностью, просвѣщаю вкусъ русской публики здоровою критикою, разрушаю ветхія понятія... О, общественная дѣятельность, хорошо, что ты у насъ въ Россіи—отвлеченная идея, иначе ты имѣла бы полное право обидѣться, зачѣмъ ни

къ селу, ни къ городу призываютъ твое почтенное имя? Кто только не воображаетъ себя дѣтелемъ? всё суетится, всё хлопочуть и все это дѣлается для пользы общей. Вотъ, напримеръ, гг. издатели «позтовъ» составили книжку въ 200 страницъ и пустили ее въ продажу по 1 р. 25 к. Подумайте: за 1 р. 25 к. читатель узнаеть, какъ г. Костомаровъ думаетъ о Бёрнсе, какъ тотъ же г. Костомаровъ смотритъ на Гейне, и какъ наши русскіе стихотворцы переводятъ Бёрнса, Гейне, Шультса, Андерсена и Сербовъ. Доставить столько наслажденія за такую умѣренную цѣну—это заслуга.

Что же вы хотите доказатьъ всѣми вашими нелѣпыми насмѣшками? спроситъ наконецъ раздосадованный читатель.

А вотъ видите ли, я хочу доказать, что претензіи всегда бываютъ смѣшны. Гг. Костомаровъ и Бергъ перевели на досугъ нѣсколько десятковъ стихотвореній; имъ захотѣлось ихъ напечатать; желаніе понятное; потомъ, когда накопилось еще нѣсколько стиховъ, захотѣлось повторить тоже самое; ну, и печатали бы себѣ просто, безъ затѣй, не распространяясь о цѣли; какая тутъ цѣль! просто, отчего же не перевести, а потомъ, отчего же не напечатать? Нѣтъ, нельзя, самолюбіе одолеваетъ; надо, видите ли, объяснить появленіе книжки высшими побужденіями, надо привести ее въ связь съ потребностями общества, надо себя заявить. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій; не даромъ же Гоголь былъ великій знатокъ русскаго чело-вѣка. У русскаго чело-вѣка бываетъ охота работать, бываютъ и силы; не достаетъ только простора и умѣнія направить свои силы; поэтому онъ или тратитъ ихъ зря въ узенькой сферѣ, или ограничиваетъ всю свою дѣятельность заявленіями о самомъ себѣ; въ нашей литературѣ есть очень много пишущихъ людей, отъ которыхъ мы до сихъ поръ не узнали ни одной идеи; но за то имъ удалось разъ двадцать или тридцать напечатать свою фамилію и извѣстить почтеннѣйшую публику о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ такой-то Ивановъ, Арсеньевъ или Заочный. Принадлежать ли гг. издатели къ категоріи непродуцированныхъ дѣтелей нашей литературы—этого еще нельзя рѣшить; во всякомъ случаѣ плоды ихъ дѣятельности еще впереди, въ будущемъ, роскошномъ зданіи русской автологіи.

Г. Костомарову удалось нѣкоторые переводы, но за то его характеристика Бёрнса и Гейне рѣшительно никуда не годятся. Биографія Бёрнса, занимающая 50 страницъ, ничто иное, какъ плохая компиляція изъ писемъ Бёрнса, изъ статьи Карлейля о шотландскомъ

поэтъ, и изъ разныхъ англійскихъ биографій. Называя произведеніе г. Костомарова плохую компиляціею, я не думаю обвинять г. составителя въ томъ, что онъ не воспользовался всеми источниками; источниковъ за глаза довольно, да бѣда въ томъ, что г. Костомаровъ не умѣетъ съ ними справиться, не умѣетъ сгруппировать ихъ и придать имъ даже внѣшнюю стройность. Одни и тѣже факты повторяются по нѣскольку разъ. « Прекрасная душа » Бёрнса отлетаетъ « на небо » на 16-й страницѣ, и читатель, замѣчая, что впереди еще 34 страницы, начинаетъ надѣяться, что ему дадутъ подробный разборъ произведеній шотландскаго поэта; но онъ ошибается; на 16-й же страницѣ начинается письмо Бёрнса къ доктору Муру, въ которомъ поэтъ рассказываетъ всю свою жизнь, т. е. то, что уже намъ рассказалъ г. Костомаровъ. Это продолжается до 32-й страницы; мы принуждены сознаться, что рассказъ Бёрнса лучше рассказа г. Костомарова, и потому мнѣ кажется, что г. Костомаровъ могъ бы ограничить свою біографическую дѣятельность придѣлываніемъ нѣкоторыхъ комментаріевъ къ письму Бёрнса; во всякомъ случаѣ печатать подъ рядъ два рассказа объ одномъ и томъ же предметѣ по меньшей мѣрѣ бесполезно; какъ ни замѣчательна личность Бёрнса а все-таки мнѣ кажется, что русской публикѣ незачѣмъ учить наизусть его біографію; достаточно прочесть ее одинъ разъ. Съ 36-й страницы начинается оцѣнка поэтической дѣятельности Бёрнса. « Бёрнсъ, говоритъ г. Костомаровъ, былъ народный поэтъ въ высшей степени ». Должно сознаться, что эти слова ничего не поясняютъ; названіе народнаго поэта совершенно неопредѣленно; а усиливающее нарѣчіе « въ высшей степени » показываетъ только, что г. Костомарову очень хочется расхвалить Бёрнса. Выписки изъ Карлейля также мало подвигаютъ дѣло впередъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такая характеристика Бёрнса, заимствованная у Карлейля: « добродѣтель живетъ въ его стихотвореніяхъ, какъ будто на зеленыхъ лужайкахъ и дышитъ воздухомъ горъ: но въ нихъ глубоко залегли слезы, и раздирающій пламень, какъ молнія, скрывается въ капляхъ лѣтняго облачка ». Добродѣтель, слезы и раздирающій пламень—вотъ ингредиенты, изъ которыхъ состоитъ поэзія Бёрнса; смѣшайте все это вмѣстѣ, въ надлежащей пропорціи, вообразите себѣ при этомъ зеленая лужайка, воздухъ горъ и лѣтнее облачко, и дѣло съ концомъ; вы получили полное понятіе объ особенностяхъ поэтическаго таланта Роберта Бёрнса; вы скажете, можетъ быть, что всѣ эти разнородные ингредиенты слишкомъ отвлечены и слишкомъ

плохо вяжутся между собою въ нашемъ воображеніи,—я съ вами согласенъ; но г. Костомаровъ думаетъ иначе. Вся II-я глава (отъ стр. 36 до 48-й) завалена цитатами изъ Карлейля; всѣ эти цитаты очень цѣтксты и, по правдѣ сказать, совершенно лишены осязательнаго содержанія. Что вы скажете, напримѣръ, о такой тирадѣ? «Онъ родился поэтомъ; поэзія была небеснымъ элементомъ существа его; на ея крыльяхъ онъ вознесся въ область чистѣйшаго эфира и уже не думалъ больше ни о какомъ другомъ повышеніи. Онъ готовъ былъ перенести и бѣдность, и неизвѣстность, и всѣ бѣдствія, только бы не унижить себя и не осквернить искусства». Мысль очень простая: «Робертъ Бёрнсъ былъ честный человѣкъ, никого не обманывалъ и ни передъ кѣмъ не подличалъ»; но какими узорами расписана эта простая мысль! Тугъ и небесный элементъ, и крылья поэзіи, и вознесеніе въ область чистѣйшаго эфира, и оскверненіе искусства..

— О другъ мой, Аркадій Николаевичъ, не говори красиво!

А вотъ образчикъ того историческаго мистицизма, который у Карлейля доходитъ до галлюцинаціи. «Байронъ и Бёрнсъ были оба миссіонеры своего времени; цѣль ихъ миссіи было одна и та же—научить людей высочайшему ученію, чистѣйшей истинѣ; они должны были исполнить цѣль своего призванія; до тѣхъ поръ они не могли знать покоя. Тяжко лежало на нихъ это божественное повелѣніе; они изнывали въ тяжелой, болѣзненной борьбѣ, потому что они не знали его точнаго смысла, они предугадывали его въ какомъ-то таинственнымъ предчувствіи, но должны были умереть, не высказавши его ясно». Тутъ Карлейль не только говоритъ красиво, но даже думаетъ красиво, такъ что вы, при всѣхъ усиліяхъ, не дороетесь ни до какой простой человѣческой мысли. Г. Костомарову это должно нравиться, потому что чѣмъ другимъ, а обиліемъ простыхъ, человѣческихъ мыслей его статьи не грѣшатъ. У него встрѣчаются пошлоственія заговорить такъ же красиво, какъ говоритъ Карлейль, но эти попытки остаются слабыми подражаніями. Напримѣръ: (стр. 4), «Отъ береговъ Дуна, изъ мазанки Шотландіи выпорхнула полевая ласточка и запѣла свою честную звонкую пѣсенку», (стр. 14). «Напрасно его Шотландская муза, полуодѣтая въ національный тартанъ, въ вѣнкѣ изъ орѣшника и терна являлась къ нему какъ благодѣтельная фея и ударомъ волшебной палочки превращала убогую мазанку въ чудный замокъ, онъ умеръ, какъ жилъ, бѣднымъ фермеромъ, орошая кровавымъ потомъ жадную землю, которая кормила его нуждою». А не луч-

не ли было бы, вмѣсто того, чтобы съ невѣроятными усиліями сооружать риторическія фигуры, объяснить просто, почему Бёрнсъ всю свою жизнь терпѣлъ нужду; вѣдь изъ разсказа г. Костомарова этого не видать. Только и видно, что несчастнаго поэта гнететь злая судьба, но что же это за объясненіе? Или можетъ быть г. Костомаровъ вѣрить въ *fatum*, точно также, какъ Карлейль вѣрить въ историческія миссіи? Въ такомъ случаѣ, конечно, и объяснять нечего.

Оцѣнка произведеній Бёрнса ограничивается тѣмъ, что г. Костомаровъ приводитъ нѣсколько его пѣсенъ и прибавляетъ къ каждой изъ нихъ эпитетъ превосходная, прекрасная, прелестная. При такомъ образѣ дѣйствій, роль критика оказывается въ высшей степени легкою и пріятною.

Изъ стихотвореній Бёрнса, переведенныхъ въ этомъ выпускѣ, особенно замѣчательна по идеѣ и выполненію небольшая пѣсня: «Прежде всего». Приведу ее цѣликомъ, хотя петербургская публика уже слышала ее въ нынѣшнемъ году на публичномъ чтеніи.

Бѣднякъ, будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего;
Холопа встрѣтити—отвернись
Съ презрѣньемъ отъ него!
Прежде всего, прежде всего
Предъ знатымъ не блѣднѣй—
Вѣдь знатность штемпель у гнией
И больше ничего!

Пусть черствый хлѣбъ—весь твой обѣдъ
Изъ поскони кафтанъ;
Другой и въ бархатъ разодѣтъ,
Да плутъ прежде всего.
Прежде всего, прежде всего
Вѣдь титулъ—глупый звонъ
Бѣднякъ, будь только честенъ онъ,—
Король прежде всего!

Вотъ этотъ барня знатный лордъ,
Да что намъ изъ того,
Что онъ своимъ богатствомъ гордъ,
А глупъ прежде всего!

Прежде всего, прежде всего,
 Для насъ, дѣтей труда
 Его и лента и звѣзда
 Смѣшны прежде всего!

Холопа въ графы произвестъ
 Не стоитъ ничего:
 Но честнымъ сдѣлать, царь,—какъ есть,—
 Не можетъ ни кого:
 Прежде всего, прежде всего
 Да будутъ всѣ честны:
 Честь—наши высшіе чины
 И умъ прежде всего.

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ
 Намъ царствіе свое
 Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ
 Почетіе всего!
 Прежде всего, прежде всего
 Отнынѣ и во вѣкъ,
 Чтобъ человѣку человѣкъ
 Былъ братъ прежде всего.

Первые четыре куплета превосходно выражаютъ гордое сознание человѣческаго достоинства и спокойное презрѣніе къ искусственнымъ понятіямъ знатности и свѣтской чести. Пятый куплетъ грѣшитъ педантизмомъ, но послѣднія двѣ строки спасаютъ общее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, надо сказать спасибо г. Костомарову за то, что онъ перевелъ это стихотвореніе просто и изящно, сохраняя тотъ оттѣнокъ юмора и ту непринужденность оборотовъ, которыми отличается подлинникъ.

Статья г. Костомарова о Гейне еще болѣе неудачна, чѣмъ его «Робертъ Бёрнсъ». Эта статья прямо показываетъ, что г. Костомаровъ не понимаетъ значенія Гейне и даже непосредственнымъ чувствомъ не можетъ оцѣнить его поэзію.

Биографическихъ данныхъ очень немного, да и тѣ, по правдѣ сказать, бесполезны; вся наша читающая публика знаетъ эти факты по многочисленнымъ статьямъ, появившимся о Гейне въ журналахъ и въ предисловіяхъ къ отдѣльнымъ изданіямъ переводовъ изъ Гейне. Ста-

до быть, статья г. Костомарова имѣетъ главною цѣлью объяснить нашей публикѣ значеніе Гейне, какъ поэта. Посмотримъ, какъ то г. Костомаровъ справится съ этою задачею. Нашъ критикъ разбираетъ сначала политическое значеніе поэзіи Гейне и обрушивается на поэта всю тяжесть своего добродѣтельнаго негодованія. Негодуетъ онъ на него, во 1-хъ, за книгу о Бёрне, во 2-хъ, за то, что Гейне получалъ пенсію отъ Людовика-Филиппа; и то, и другое можетъ быть очень нехорошо, но къ сожалѣнію, и то и другое вовсе не относится къ политическому значенію поэзіи Гейне. Беконъ бралъ взятки, Вольтеръ часто воздвигалъ ценсурныя преслѣдованія противъ своихъ литературныхъ враговъ, но если мы будемъ говорить о политическомъ значеніи умственной дѣятельности Бекона и Вольтера, то эти факты надо будетъ оставить въ сторонѣ, не смотря на то, что они даютъ обильную пищу добродѣтельному негодованію. Беконъ и Вольтеръ могли быть дрянными людьми, но организація ихъ мозга была великолѣпная, и какъ великіе мыслители и критики людскихъ слабостей они заслуживаютъ нашу полную признательность. Политическое значеніе ихъ дѣятельности заключается въ томъ влияніи, которое ихъ идеи оказывали на гражданскую жизнь ихъ общества. Личныя поступки этихъ людей часто неимѣютъ съ этимъ влияніемъ ничего общаго, и до нихъ нѣтъ дѣла тому критику, который разсматриваетъ Бекона или Вольтера со стороны ихъ умственной дѣятельности. Но предположимъ даже, что г. Костомаровъ хочетъ оцѣнить Гейне, какъ человѣка; даже и въ этомъ случаѣ его добродѣтельное негодованіе бессмысленно и риторично; чтобы бросить камень въ Гейне, надо чувствовать себя очень чистымъ и сильнымъ; надо самому побывать на аренѣ и пережить тѣ испытанія, которыя выпадали на долю Гейне; надо выдти юбѣдителемъ изъ этихъ испытаній, чтобы имѣть право винить въ слабости того человѣка, который свихнулся съ прямого пути; иначе, строгаго цензора нравовъ можно самого притянуть къ суду общественнаго мнѣнія; можно сказать ему: посмотрите на себя, грозный обвинитель великаго поэта, поройтесь въ вашихъ недавнихъ воспоминаніяхъ, полюбуйтесь на вашу собственную общественную дѣятельность, и тогда, насладившись этимъ поучительнымъ самосозерцаніемъ, перестаньте декламировать противъ чужихъ слабостей и проступковъ, менѣе достойныхъ презрѣнія. Не вашимъ подслѣповатымъ глазамъ отыскивать пятна на свѣтилахъ мысли, подобныхъ Гейнриху Гейне.

Оцѣнка Гейне, какъ поэта, т. е. собственно эстетическая часть

статья г. Костомарова, отличается сильными претензіями и жалкою слабостью мысли. Г. Костомаровъ начинает эстетическую часть своего труда слѣдующими словами: «чтобы исполнѣтъ понять значеніе Гейнриха Гейне, какъ лирика, необходимо»... Итакъ г. Костомаровъ собирается «исполнѣтъ понять значеніе Гейне». Посмотримъ, что будетъ дальше. Дальше оказывается, что простота и непосредственность составляютъ главную силу поэзіи Гейне. «Безъ этой заслуги, говорить г. Костомаровъ, не смотря на все богатство своего таланта, онъ никогда не занялъ бы такого почетнаго, чтобы не сказать перваго мѣста, между пѣмьцкими поэтами новаго времени, потому что вліяніе его на литературу, какъ представителя юной Германіи, какъ отвлеченнаго философа, какъ недовольнаго полемика и ироническаго юмориста—далеко не такъ обширно» (стр. 85).

Вотъ это, по крайней мѣрѣ, ново. Мы узнаемъ, что не содержаніе, не основная мысль, не направленіе поэтической дѣятельности Гейне имѣеть вліяніе на умы образованныхъ европейцевъ, а форма выраженія. Это открытіе дѣлаетъ честь остроумію г. Костомарова. Если простота и непосредственность сами по себѣ, безъ посторонней помощи, производять такое сильное впечатлѣніе, то надо поставить монументъ неизвѣстному автору слѣдующаго стихотворенія:

Хоть весной
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже.

Это стихотвореніе помѣщено въ грамматикѣ Востокова; въ немъ такъ много простоты и непосредственности, что г. Костомаровъ, если желаетъ быть послѣдовательнымъ, долженъ признать его лучшимъ перломъ русской поэзіи. Странно только, что г. Костомаровъ, придающій такое огромное значеніе простотѣ и непосредственности въ поэзіи, самъ даже въ презрѣнную прозу вставляетъ самые диковинные орнаменты; на примѣръ «сгустившіеся туманы романтизма», «мечущій искры костеръ, медленный пламень котораго пожираетъ древнюю, оффиціальную Германію, заплѣсневѣлую землю филистеровъ», «любовь нечистая, пылающая пламенемъ чувственныхъ наслажденій»,

« благоухаютъ всюю свѣжестью цвѣтка и звенятъ, какъ серебряный колокольчикъ ».

— О другъ мой, Аркадій Николаевичъ, не говори красиво!

Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: въ концу статьи г. Костомарова мы узнаемъ вещи еще болѣе новыя. Оказывается, что иронія, проникающая собою поэзію Гейне, составляетъ ея главный недостатокъ; вы не вѣрите? Полюбуйтесь слѣдующею тирадою: « Болѣзненно дѣйствуетъ на насъ эта отрицательная сторона всеобъемлющаго таланта Гейне. Эта неискренность, эта непонятная раздвоенность поэта постоянно заставляетъ думать, что самыя возвышенныя, самыя очаровательныя мѣста его лирики,—есть мастерски замаскированная иронія » (стр. 100).

Это значить другими словами: «всѣмъ бы хорошъ былъ Гейне, кабы не проклятая иронія». Это напоминаетъ мнѣ графа Монталамбера, разсуждающаго объ Англичанахъ: «славный народъ, думаетъ онъ, жаль только, что не католики». Вотъ другая тирада на той же страницѣ: «какъ часто стихи его кажутся намъ хорошенькими личиками, строящими самыя нелѣпыя гримасы, какъ часто онъ до самаго конца ничѣмъ не возмущаетъ нашихъ благороднѣйшихъ чувствованій, чтобы тѣмъ внезапнѣе поразить самую мейстофельскую острою или, что еще хуже, самую обнаженную плоскостью». Да кто же просилъ г. Костомарова соваться въ переводчики Гейне, если Гейне возмущаетъ его «благороднѣйшія чувствованія», если «мейстофельскія остроты» оскорбляютъ его щекотливую добродѣтель, если «обнаженные плоскости» раздражаютъ его «шешенебельный слухъ». Ни Гейне, ни русская публика ничего бы не потеряли, если бы г. Костомаровъ махнулъ рукою на «ироническаго юмориста» и «недовольнаго полемика». Мало ли такихъ поэтовъ, которые ни одною строчкою не обнаружатъ ни полемическихъ наклонностей, ни ироніи, ни юмора. Вѣдь перевелъ же г. Костомаровъ изъ Лонгфелло стихотвореніе «Excelsior!» и сотни такихъ стихотвореній можно было бы отыскать, была бы только охота. Вмѣсто того, чтобы возиться съ гейневскою «Германіею», въ которой «рѣшительно неистовствуетъ такая иронія», было бы гораздо удобнѣе перевести напримѣръ Мессіаду Клопштока, или «Jocelyn» Ламартина; съ ними и хлопотъ меньше, и «благороднѣйшія чувствованія» остаются нетронутыми; если бы пришла охота переводить прозу, можно взять Шатобріана, Боссюа, а еще лучше Оому Кемпійскаго. Тутъ уже навѣрное ни одна мейсто-

Фелевская острота не нарушитъ плавнаго паренія назидательной рѣчи. Далѣе, г. Костомаровъ обвиняетъ Гейне въ нравственной нечистотѣ. «Нѣтъ, говорить онъ, что хотите, а это не та чистая, спасительная любовь, которая должна пылать въ сердцѣ каждаго пѣвца любви, а любовь нечистая, пылающая пламенемъ чувственныхъ наслажденій, и потому то она вездѣ должна носить въ себѣ сознание своего собственнаго ничтожества» (стр. 103). Уличивъ Гейне въ отсутствіи чистой, спасительной любви, г. Костомаровъ преслѣдуетъ поэта на его смертномъ одрѣ, и не безъ соболѣзнованія *доноситъ* читателю, что рабъ Божій Гейрихъ Гейне, умеръ пераскаяннымъ грѣшникомъ. Того, кто усомнится въ вѣрности моихъ словъ, я попрошу заглянуть на стр. 103 и 104 разбираемой мною книги; мнѣ уже надоѣло цитировать г. Костомарова, да, кромѣ того, у насъ иногда встрѣчаются въ литературѣ такія милыя выходки, которыя гадко выписывать.

Напрасно г. Костомаровъ къ имени шетиста Генгстенберга, встрѣчающемуся въ переводѣ «Германіи» дѣлаетъ слѣдующее язвительное замѣчаніе: «Генгстенбергъ, по доносу котораго отнята кафедра у Фейербаха». Кто такъ близко подходитъ къ Генгстенбергу по воззрѣніямъ, тому слѣдовало бы быть поосторожнѣе въ отзывахъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть Генгстенбергъ сдѣлалъ доносъ съ благою цѣлью! Можетъ быть, дѣлая свой доносъ, Генгстенбергъ воображалъ себя такимъ же полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какимъ воображаетъ себя г. Костомаровъ, обличая пераскаяннаго грѣшника и «ироническаго юмориста», Гейриха Гейне.

Д. П.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЯ ТЕРРОРА.

HISTOIRE DE LA TERREUR 1792—1794 D'APRÈS LES DOCUMENTS AUTHENTIQUES ET DES PIÈCES INÉDITES PAR M. MORTIMER-TERNAUX.
Paris, vol. 1., 1862.

IV.

1790 годъ начался подъ печальными предзнаменованіями для народа. Коммуна и Шатле (*) соединились противъ свободы печати. Указъ объ арестованіи Мара былъ отданъ. Но смѣлый журналистъ не смутился: онъ сдѣлался вдвое рѣзче. Изливъ желчь на членовъ Шатле и коммуны, онъ утверждалъ что всякій служащій обязанъ отдавать отчетъ общественному мнѣнію...

Но пока Мара защищался, національное собраніе слушало предложеніе аббата Сіеса объ ограниченіи свободы печати... Черезъ день послѣ того (22-го января) Бальи приказалъ арестовать Мара. Округъ кордельеровъ принялъ его подъ свое покровительство... Улица наполняется войсками и народомъ. Прибѣгаетъ Дантонъ. «Еслибъ всѣ думали какъ я, восклицаетъ онъ громовымъ голосомъ, ударили бы въ

(*) Судъ первой инстанціи; отягчался медленностью судопроизводства, пристрастіемъ и антиреволюціоннымъ направлениемъ.

набать, и мы сейчас же имѣли бы 20 человекъ, которые заставили бы ихъ побѣднть»—и онъ презрительно указалъ на войска. Коммиссары не осмѣлились прибѣгнуть къ силѣ и снова обратились за приказаніемъ въ Шатле. Кордельеры отправили депутацію къ національному собранію. Собраніе приказало выдать Мара, но было уже поздно—онъ успѣлъ скрыться...

Вооруживъ противъ себя прессу буржуазія вооружила въ то же время релігіозный фанатизмъ распоряженіемъ объ отнятіи у духовенства имущества и замѣной ихъ жалованьемъ. Аббатъ Морн и его единомышленники кричали объ упадкѣ релігіи. На югѣ, въ Нимѣ, въ Монтбанѣ начались беспорядки; роялисты воспользовались этимъ, — междоусобная война вспыхнула. Къ довершенію зла присоединились раздоры не только между національной гвардіей и войсками, составлявшими гарнизоны въ провинціяхъ, но и между самими гарнизонами.

Въ то же время графъ Мельбуа соотинилъ заговоръ для восстановления монархіи съ помощью недовольныхъ и коалиціи изъ короля сардинскаго, Испаніи и мелкихъ германскихъ владѣтелей... Мирабо окончательно предался двору. Ему удалось увидѣться съ королевою и разсѣять ея предубѣжденія... Но и революція съ своей стороны приобрѣла новыхъ союзниковъ: клубъ якобинцевъ расширилъ свое вліяніе, несмотря на отдѣленіе отъ него многихъ умѣренныхъ, образовавшихъ особый клубъ (*).

Въ журналистикѣ явились новые органы, поддерживавшіе революцію: Желѣзный Ротъ (Bouche de Fer) аббата Фоше, журналъ общества друзей конституціи (**), подъ редакцію Шодерло-Лакло, автора романа *Les liaisons dangereuses*, Деревенскій Листокъ Черутти, распространявшій въ провинціяхъ идея революціи, — Отецъ Дюшенъ Геберта, журналъ наполненный площадными выраженіями, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на народъ—вотъ главнѣйшіе органы, появившіеся въ 90 году. Такимъ образомъ при содѣйствіи журналистики и клубовъ масса быстро развивалась, племенные различія уничтожались; Франція стремилась къ единству, разумѣя его въ федерализмѣ и не думая, что

(*) Въ 140 городахъ были якобинскіе клубы, находившіеся въ сношеніяхъ съ главнымъ и раздѣлявшіе его убѣжденія.

(**) Якобинцы, Шодерло-Лакло былъ орлеанистъ; романъ его многими считался за одинъ изъ самыхъ безнравственныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только вѣрное воспроизведеніе общества.

это стремленіе приведетъ къ централизаціи: Еще въ ноябрь 89 года обнаружившес первые признаки этого движенія: 14 городовъ въ провинціи Франціи—Конте заключили между собой договоръ для свободнаго провоза хлеба, для принятія мѣръ противъ скупщиковъ, для взаимнаго обезпеченія въ случаѣ голода. Вслѣдъ за тѣмъ составилаь другая болѣе значительная федерація на равннѣ *de l'Etoile* на берегахъ Роны. Национальная гвардія клялась поддерживать декреты законодательнаго собранія и летѣть на помощь къ Парижу или какому другому городу, который будетъ въ опасности. Этому примѣру вскорѣ послѣдовали другіе города... Федерационные комитеты рѣшились отправить въ Парижъ депутацію... Анакаренсъ Кюоцъ вздумалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ, чтобы провести заветную свою мысль: федерацію человѣчества и общую солидарность. Жакъ Батистъ, баронъ Кюоцъ, былъ богатый Пруссакъ, воспитывавшійся во Франціи. Проникнутый сознаніемъ человѣческаго достоинства, онъ является трибуномъ свободы, провозвѣстникомъ лучшаго общественнаго устройства; онъ объявляетъ себя защитникомъ страждущаго человѣчества и врагомъ тирановъ; онъ бросаетъ тотъ кругъ, въ которомъ родился, и нѣжнымъ утѣшителемъ является въ убогое жилище работника... Космополитъ, мечтатель, отчасти визионеръ, онъ отличается оригинальностью идей и картинностью изложенія; онъ выражаетъ собой истинный духъ принциповъ французской революціи, которая именно тѣмъ и велика, что дала общія начала для государственнаго устройства другихъ націй, предложила общіе вопросы для нѣсколькихъ поколѣній, вопросы, чуждые мелкихъ интересовъ, имѣющие предметомъ счастье и счастіе всѣхъ!..

«Когда лондонская туманца сокрушится подобно парижской, говоритъ Кюоцъ, тогда не будетъ ни тирановъ, ни провинцій, ни армій, ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Будетъ одна нація, одна торговля, одни интересы, одна промышленность. Поѣзжайте изъ Парижа въ Китай и вы не встрѣтите никакихъ остановокъ: ни паспортовъ, ни дозорщиковъ, ни заставъ, ни стѣнъ. Океанъ покроется кораблями, большія дороги протанутся до границъ Китая. Римъ былъ всемірной столицей войны, Парижъ будетъ столицей мира, храмомъ всемірнаго отечества».

Понятно, съ какой ревностью этотъ энтузіастъ схватился за идею федераціи.

19 іюня, онъ съ депутаціей, составленною изъ лицъ принадле-

*

жавшихъ къ разнымъ націямъ, явился въ собраніе и просилъ позволенія участвовать въ общей федераціи Франціи... Все были рады.

Федеральный праздникъ показалъ буржуазіи ея силу: она увидѣла, что въ данную минуту всегда найдеть помощь въ народѣ, она увидѣла, что на ея сторонѣ стоитъ національная гвардія всей Франціи.

Между тѣмъ собраніе продолжало свои работы. Вопросъ о злоупотребленіяхъ въ арміи обратилъ его вниманіе. До сихъ дѣръ жалгіи считались тѣмъ-то въ родѣ аренды: ихъ давали по протекціи, даже средотво поправлять свое состояніе; чины доставались по сплатности рода или по значенію при дворѣ, а не по заслугамъ... Неплатидры грабили солдатъ, не давали имъ сѣдующаго жалованья, дурно кормили ихъ. Движеніе революціи не осталось безплатно и для войска: гарнизонъ Нанси потребовалъ не доданныхъ суммъ. Начальство принуждено было уступить, но подъ рукою искало средствъ возвратитъ утраченное вліаніе. Въ городѣ возникли беспорядки. Наместье объ нихъ достигло до маркиза Булье. Фанатикъ королевской власти, одаренный замѣчательными военными способностями и холоднымъ мужествомъ полководца, онъ давно искалъ случая нанести революціи рѣшительный ударъ; онъ сблизился съ Лафайеттомъ, который въ этомъ отношеніи раздѣлялъ его мнѣнія. Нанси было занято кровью. Демократы собранія были поражены ужасомъ, узнавъ о совершенныхъ тамъ жестокостяхъ; но большинство рѣшило благодаритъ Булье за усмиреніе возстанія. Король съ своей стороны написалъ къ нему поощрительное писмо; но за то горестъ всѣхъ истинныхъ патриотовъ была безмѣрна—честный Лустило умаръ отъ горести...

Но въ то время, когда лучшіе люди революціи были принуждены въ глубокое отчаяніе, Мирабо не переставалъ подавать двору коварные совѣты ко вреду ея. Онъ надѣялся, что принцаръ Нанси подѣлствовалъ на войска; оставалось приобрьсти содѣйствіе казначействъ и поразитъ важнѣйшихъ предводителей демократической партіи, и Лустило могъ надѣяться царствовать спокойно подъ отеческой оекой Лафайета и Мирабо...

Гражданская конституція духовенства доставала новыхъ помощниковъ роялистамъ. Большинство священниковъ отказалось присягнуть, тѣмъ болѣе, что король не соглашался на утверженіе декрета. Собранію удалось наконецъ побѣдитъ его упорство, но сопротивленіе духовенства продолжалось. Отставка ослушниковъ возбудила въ провинціяхъ волненія, напоминая прѣдсма релігиозныхъ войнъ...

Затруднительное положение финансовъ увеличивало народное бдѣствіе. Неккеръ съ каждымъ днемъ утрачивалъ свою популярностъ — ему осталось выйти въ отставку. Время его прошло. Честный банкиръ, онъ могъ отлично управлять торговымъ домою, но на министерствѣ финансовъ въ бурныя времена революціи; въ немъ недоставала смѣлости и гениальности; онъ былъ человекъ рутинны, но не прогресса — однимъ словомъ, онъ былъ несвоевремененъ. По удаленіи Неккера, собраніе рѣшило поправить дѣла, прибавивъ къ прежневъущимъ 400 м. ассигнаціямъ, еще 800 м. Такое размѣженіе бумажныхъ денегъ не могло остаться безъ вліянія на цѣны первыхъ жизненныхъ потребностей. Новыя смуты, новыя убійства! Измѣненіе морскаго кодекса вызываетъ бунтъ матросовъ; декретъ о совершенномъ уничтоженіи парламентовъ — грозныя протесты. Мирабо соглашался королю поддерживать такое раздраженіе; онъ былъ увѣренъ, что Лафайеттъ, потерявъ терпѣніе, станетъ стрѣлять по народу и черезъ это принужденъ будетъ перейти на сторону двора; онъ полагалъ, что безпрестанныя волненія надѣются народу, покажутъ безсиліе существующаго правительства и заставятъ желать расширенія королевской власти.

Между тѣмъ Людовикъ съ своей стороны вошелъ въ дипломатическія сношенія съ другими державами. Въ октябрѣ онъ просилъ испанскаго короля не обращать никакого вниманія на его указы, кромѣ тѣхъ, которые будутъ подтверждены особенными цисьямами. 23 декабря онъ писалъ къ прусскому королю, что намѣренъ просить первоклассныя державы собрать вооруженный конгрессъ. Въ то же время онъ вступилъ въ переписку съ Булье о средствахъ къ побѣгу.

Наступилъ 91 годъ. Страсти и труды свели Мирабо въ могилу; оставался Лафайеттъ, но популярностъ его была потрясена. Мара и Фреронъ нанесли ей страшные удары; приеутствіе его во время приачаженія короля священникомъ не присягнувшимъ возбудило противъ него страшный гнѣвъ народа: нѣкоторые округа Парижа говорили, что его надо смѣнить...

При такихъ обстоятельствахъ король вздумалъ осуществить свой планъ бѣгства. 18 апрѣля кареты выѣхали изъ воротъ Тюильри; король, королева, дофинъ, принцесса Елисавета намѣрены были, по словамъ ихъ, удалиться въ Сень-Клу, но массы народа остановили карету; напрасно Лафайеттъ прибѣгалъ съ національной гвардіей; національная гвардія стала на сторону народа. Тогда генералъ бросился

въ директорію требовать объявленія города на военномъ положеніи, но предложеніе его было отвергнуто Дантономъ. Онъ обратился въ собраніе—собраніе не стало его слушать и приступило, по большинству голосовъ, къ очереднымъ занятіямъ. Растерянный, раздраженный Лафайеттъ снова является передъ дворцомъ: онъ приказываетъ кавалеріи атаковать, но та подвигается шагомъ и останавливается передъ штыками національной гвардіи. Оставалось уступить. Король воротился, Лафайеттъ подалъ въ отставку. Прошеніе его ужаснуло болѣе богатую и вліятельную часть буржуазіи; она поспѣшила отправить къ нему депутацію, которая убѣдила его остаться. Приверженцы Лафайета составили адресъ, обязывавшій всякаго гвардейца повиноваться ему безъ разсужденія; они ходили по домамъ и успѣли собрать нѣсколько тысячъ подписей, но ихъ маневры вызвали сильную оппозицію въ журналахъ и народѣ. Гордая своей побѣдой надъ королемъ, буржуазія обратила свои силы противъ народа. Новая организація національной гвардіи была предложена: исключеніе пассивныхъ гражданъ (*), предоставленіе выбора чиновъ штаба только офицерамъ и унтеръ-офицерамъ; слишкомъ большое число офицеровъ—вотъ главнѣйшіе недостатки проекта, представленнаго Рабо Сентъ-Этьеномъ. Мара разбилъ его въ своемъ журналѣ, выставилъ пагубную цѣль буржуазіи—вооружить богатыхъ противъ бѣдныхъ, оставленныхъ безъ оружія. Онъ требовалъ поголовнаго ополченія. Робеспьеръ отстаивалъ права народа. «Неужели вы одни хотите предоставить себѣ право защищать отечество! воскликнулъ онъ. Граждане они или нѣтъ? Всѣ они участвовали въ выборѣ вашемъ; они предоставили вамъ права и теперь вы идете противъ нихъ!.. Кто не имѣетъ хлѣба, тому нѣтъ политическихъ правъ, говорить собраніе! И такъ въ обществѣ, которое не можетъ ручаться за жизнь работника, не имѣетъ хлѣба безчестіе или преступленіе!..»

Но всѣ эти убѣжденія были напрасны. Буржуазія составила конституцію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи особое войско. Не довольствуясь этимъ, она попробовала уничтожить вліяніе якобинцевъ, стоявшихъ за народъ. Съ этой цѣлью былъ предложенъ декретъ отнять право прошеній и афишъ не только у обществъ, но и у гражданъ пассивныхъ. Робеспьеръ снова взомелъ на трибуну. Чѣмъ человекъ несчастнѣе и слабѣе, сказалъ онъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ нужды въ пра-

(*) Активными гражданами назывались тѣ, которые могли платитъ подать равную двумъ днямъ работы; остальные считались пассивными (non actifs).

въ прошеніи (droit de peticion), а между тѣмъ у слабыхъ и у несчастныхъ вы его отнимаютъ! Всякое общество, признанное закономъ, имѣетъ право дѣйствовать, какъ собраніе разумныхъ существъ, и потому въ правѣ заявить свое общее мнѣніе и желанія!..» Мара и Демуланъ поддерживали Робеспьера въ печати, но рѣшеніе собранія было принято заранее: право прошеній у общества было отнято, но его оставили частнымъ лицамъ, безъ различія ихъ гражданскихъ правъ.

Въ свою очередь якобинцы нанесли собранію страшный ударъ. Робеспьеръ предложилъ, чтобы члены его не могли быть вновь избраны; это предложеніе лѣвой стороны было съ восторгомъ принято роялистами, которые надѣялись поправить свои дѣла при новомъ составѣ собранія. Между тѣмъ королевская фамилія не оставляла своего плана бѣгства. Марія Антуанетта писала объ этомъ къ Леопольду; Густавъ III, извѣщенный Ферзенемъ, былъ въ Эксъ-Лашапеллѣ; Булье стануль къ Монмеди полки, на которые могъ рассчитывать... Въ ночь на 21 іюня король бѣжалъ, оставивъ прокламацію, въ которой жаловался на испытанныя имъ оскорбленія, считалъ не дѣйствительнымъ все, что сдѣлано отъ его имени во время пребыванія въ Парижѣ, и въ заключеніе приглашалъ всѣхъ Французовъ не вѣрить бунтовщикамъ и обратиться къ нему. Министрамъ онъ запрещалъ подписывать какой либо указъ отъ его имени и требовалъ возвращенія государственной печати...

Впечатленіе произведенное бѣгствомъ короля было различно: наредъ сперва пришелъ въ крайнее негодованіе, но потомъ это чувство смѣнилось насмѣшкой и презрѣніемъ; собраніе назвало бѣгство похищеніемъ и, сдѣлавъ распоряженія о безопасности въ Парижѣ, перешло къ очереднымъ занятіямъ. Но ни клубъ, ни Мара, ни Робеспьеръ, ни Дантонъ не были этимъ довольны. Камиллъ Демуланъ горько упрекалъ Лафайетта, а Дантонъ прямо обвинялъ его въ сообщничествѣ; Мара требовалъ диктатора, который бы живо покончилъ съ противниками революціи; Робеспьеръ произнесъ рѣчь, заключавшую въ себѣ обвиненіе большей части собранія, члены котораго изъ личныхъ выгодъ или страха дѣйствовали въ видахъ реакціи...

Но задержаніи короля мнѣнія раздѣлились: собраніе хотѣло спасти монархію и Лувюка; якобинцы говорили о низверженіи его; кордельеры требовали республики...

Результатом прений была декретъ, объявлявшій неприкосновенность Людовика къ дѣлу. Не это рѣшеніе на удивительно ли: клубы, ни народъ. Явобинцы составили преніе, въ которомъ говорили, что не признаютъ Людовика за короля до тѣхъ поръ, пока большинство не рѣшитъ въ противномъ смыслѣ. Преніе это предложениемъ представилъ на подпись народу на Марсовомъ полѣ...

V.

Раздраженіе буржуазіи достигло высшей степени. Барнавъ говорилъ, что если революція сдѣлаетъ еще шагъ, то коснется правъ собственности; Лафайеттъ потерялъ все обаяніе прежней славы: его, идола буржуазіи, грозили свергнуть съ его пышнаго пьедестала; призракъ республики становился все ближе и грознѣе; нападеніе народной журналистики яростнѣе — приходилось или слиться съ народомъ, или нанести ему рѣшительный ударъ. Буржуазія выбрала послѣднее...

16 іюня, двѣнадцать депутатовъ явились въ городской совѣтъ (Hotel-de-ville) объявить, что народъ намѣренъ на другой день собраться на Марсовомъ полѣ для выраженія своихъ желаній. Разрѣшеніе имъ было дано; мало того, комиссаръ Демуссо, давая имъ рописку, сказалъ: законъ прикрываетъ васъ своей неприкосновенностью. (La loi vous couvre de son inviolabilité). Утромъ, чѣмъ свѣтъ, 17 іюня, одинъ молодой человѣкъ отправился на Марсово поле къ алтарю отечества... Вдругъ онъ услышалъ подъ своими ногами шумъ, подобный сверленію буравчика; онъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ городской совѣтъ; явился отрядъ національной гвардіи, подняли доски и нашли тамъ двухъ человѣкъ; они были схвачены и приведены къ полицейскому комиссару. Что они дѣлали на Марсовомъ полѣ, вѣдать спрашивались — объ этомъ ходятъ самыя разнообразныя показанія; какъ бы то ни было, комиссаръ отпустилъ виновныхъ, но они тотчасъ же были схвачены и убиты нѣсколькими бытовыми фанатиками. можетъ быть, ихъ единомышленниками. Это событіе случилось не на Марсовомъ полѣ и часомъ за девять до собранія народа, а между тѣмъ люди, заинтересованныя въ торжествѣ буржуазіи говорили, что убитые были національные гвардейцы, погибшіе за то, что требовали немедленнаго исполненія законамъ...

Такие ртчи раздражили національную гвардію до нелая. Муниципалитетъ запрещаетъ сборища и посылаетъ трехъ комиссаровъ на Марсово поле. Прибывъ туда, они нашли тамъ около 50 т. народа, нирмо гулявшаго въ ожиданіи своей очереди подписать прошеніе. Надо замѣтить, что прошеніе составленное наканунѣ якобинцами, было ими взято назадъ, какъ незаконное, вълѣдствіе новыкъ распоряженій собранія. Поэтому ни Мара, ни Дантонъ, ни Демуленъ, ни одинъ изъ вождей движенія не явились на поле; они отправили туда депутата отъ клубъ съ объясненіемъ причинъ, заставлявшихъ редактировать новое прошеніе. Народъ былъ этимъ недоволенъ и требовалъ составленія его собою же на мѣстѣ. Четверо депутатовъ немедленно приступили къ дѣлу, и присутствующіе стали подписывать. Въ это время явились комиссары. Увидѣвъ спокойное положеніе народа, они сказали: «Нашъ увѣрили, что адѣсь происходятъ безпорядки, нашъ обманули. Мы не-премѣнно отдадимъ отчетъ въ томъ что видѣли; мы не только не воспрепятствуемъ вамъ, но готовы защищать васъ». Тогда имъ прочли прошеніе. Они нашли его совершенно сообразнымъ съ законами и сказали, что сами подписали бы его, еслибъ не были на службѣ (*).

Не нѣсколько прежде, чѣмъ комиссары явились на поле, на жизнь Лафайетта было сдѣлано покушеніе: какой-то безумецъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но ружье осклосъ; преступникъ былъ схваченъ, но генералъ приказалъ его немедленно выпустить безъ всякаго допроса. Между тѣмъ извѣстіе объ этомъ происшествіи достигло до муниципалитета; подогреваемый президентомъ національнаго собранія онъ объявилъ городъ на военномъ положеніи. Напрасно комиссары, вернувшіеся съ Марсова поля рассказываютъ о настоящемъ положеніи дѣлъ—ихъ не слушаютъ. Балль увѣриетъ, что получилъ приказаніе отъ собранія и не можетъ не повиноваться... Члены городского управленія выходятъ, приказываютъ зарядить ружья, возбуждаютъ и безъ того уже раздраженную національную гвардію и отправляются на Марсово поле... Войска окружаютъ народъ со всѣхъ сторонъ; Балль хочетъ читать прокламацію, приказывающую разойтись... кучка людей, стоящая отдѣльно на гласисѣ, начинаетъ бросать камни... Войска

(*) Вотъ что говорится въ рапортѣ комиссаровъ: «Les citoyens assemblés au champs de Mars n'avaient en rien manqué à la loi, qu'ils demandaient seulement le temps de signer leur petition avant de se retirer; que la foule avait témoigné aux commissaires tous les égards imaginables et donné de marques de soumission à la loi et à ses organes.

стрѣляютъ на воздухъ; народъ не можетъ понять, что эта угроза относится къ нему; онъ ожидаетъ троекратнаго приглашенія разойтись... Вдругъ раздается новый залпъ, направленный на беззащитную толпу, окружавшую алтарь отечества... Раздается страшный крикъ; женщины, дѣти, старики падаютъ окровавленные у подножя священнаго жертвенника свободы; разъяренные гвардейцы преслѣдуютъ бѣгущихъ...

Въ то же время отдано было приказаніе объ арестованіи Дантона, Мара, Демулена, Робеспьера и другихъ. Первый успѣлъ скрыться къ теще, а оттуда бѣжалъ на свою родину (въ Арсень-сюр-Объ); второй — въ какое-то подземелье, послѣдній — къ столару Дюкло (Dufloy). Фреонъ былъ избитъ; одинъ гражданинъ, котораго приняли за Демулена — также; Геберъ былъ заключенъ въ тюрьму; Демуленъ принужденъ прекратить свой журналъ. Отъ клуба якобинцевъ отдѣлились многіе члены — братья Ламетъ, Дюпортъ, Барнавъ и другіе — и образовали клубъ; но за якобинцами осталось названіе, осталась идея революціи — и они снова воскресли.

Въ такомъ видѣ представляется намъ убійство на Марсовомъ полѣ. Очевидно, оно было слѣдствіемъ желанія буржуазіи и собранія удержатъ за собой власть. Они были такъ увѣрены въ торжество свое, что думали, что имъ больше не понадобится помощь народа. Весьма вѣроятно, что въ этомъ движеніи принимали участіе роялисты (какъ полагаетъ Мишле), которые надѣялись поправить свои дѣла, сдѣлавъ буржуазію и народъ смертельными врагами.

Какъ бы то ни было, къ какой бы партіи не принадлежалъ человекъ, выстрѣлившій по Ласайетту, къ какой бы партіи не принадлежали люди, бросавшіе камни въ войска, мы видимъ, что вся выгода отъ этого обратилась въ пользу буржуазіи; мы видимъ, что она сыграла подлую комедію съ безоружнымъ народомъ, и потому обвиняемъ ее въ гнусномъ и предвзятомъ убійствѣ...

VI.

Конституція была составлена; король утвердилъ ее. Собраніе должно было разойтись. Не смотря на духъ касты, руководившій имъ, оно въ два года совершило работы, на выполненіе которыхъ требовалось въ-

на! И все это было одиано посреди взволнованной Европы, тревожной Франціи, въчно кипящаго Парижа. Оно уничтожило королевскій деспотизмъ, феодальныя привилегіи, парламенты, корпораціи, цехи, внутреннія таможи; оно подвало государственный кредитъ, оживило торговлю, создало новое судопроизводство, новую систему податей и при всемъ томъ оно было пропитано до конца ногтей духомъ касты; во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ оно оставалось буржуазіей. Раздѣливъ гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, оно отняло у народа значительнѣйшую долю власти, подчинило политическія права богатству; но оно боялось демократіи больше монархіи и потому думало укрѣпиться за трономъ, хотя само же подкошало его со всѣхъ сторонъ; ни заговоры двора, ни лицемѣріе короля, ни скрытая ненависть королевы — ничто не могло вразумить буржуазіи; увидѣвъ себя на высотѣ величія, она ознаменовала свое торжество убійствомъ народа.

Наступили новые выборы. Журналы возвысили свой голосъ: «Вычеркните изъ списковъ, говорилъ Гебертъ, не только герцоговъ и маркизовъ, но и банкировъ, ростовщиковъ, капиталистовъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто воруетъ или мотааетъ. Вамъ будутъ сулить золотыя горы, васъ будутъ кормить на убой, но чѣмъ больше будутъ стараться соблазнить васъ, тѣмъ будьте осторожнѣй, не попадитесь на удочку».

Изъ числа 24 депутатовъ, назначенныхъ Парижемъ, пользовались политической извѣстностью только Бриссо и Кондорсе; изъ остальныхъ были извѣстны: Черутти и Ласенедъ.

Депутаты, присланные провинціями, были по большей части адвокаты. Бѣдные, скромные, они явились въ началѣ посмѣшнцемъ двора. «Больше девятнадцати двадцатыхъ этого собранія имѣютъ вмѣсто акипажей только калоши и зонтики, говоритъ графъ Ламаркъ. Доходъ ихъ всѣхъ не больше 300 т. ливровъ... Большая часть членовъ необразована и не выходитъ изъ ряда посредственности... Такое собраніе не можетъ внушить обществу ни уваженія, ни довѣренности, ни любви...

Въ началѣ событія какъ будто оправдывали эти замѣчанія. Собраніе назначило президентомъ приверженца конституціи, Пасторе; вице-президентъ и почти всѣ секретари были изъ такихъ же умѣренныхъ...

Король вздумалъ возвратить прежнее значеніе при такихъ представителяхъ; онъ принялъ депутацію гордо и отсрочилъ аудіенцію на три дня (7 октября). Этотъ отвѣтъ раздражилъ собраніе. Начались споры, предложенія... Вдругъ среди общаго смятенія раздается голосъ:

«Иъ чему слово *Sine*?—Оно означаетъ *Гёшцеа*! Иъ чему слово *тедичество*? Велики только Богъ и народъ!... Иъ чему для исполнителей власти золотыя кресла, тронъ?—Довольно для ней почтёныя, если президентъ изъ възлжности уступить свое кресло!—Дудовикъ—пересел Французовъ и нуеть только тамъ его называютъ!» Волнорисныя ружкодекадця встрѣчаютъ эту энергическую рѣчь; взоры воѣхъ неровно перенесутся на оратора; это красивый молодой человекъ, съ нещныиъ взглядомъ, съ выраженіемъ кротости и невинности на лицѣ; легкыиъ его поразены парализмомъ, но физическое страданіе, какъ видно, не сломила его энергій... Это Кутонъ, думаютъ Оверна... Рѣчь его немедленно обращается въ декретъ.

Дворъ былъ пораженъ ужасомъ при видѣ смѣлости новаго собранія; прежніе члены также встревожились; они поняли, что при такомъ ходѣ дѣлъ всѣ труды ихъ будутъ скоро опрокинуты; они ужаснулись демократическихъ тенденцій, обнаруженныхъ съ такой силой и потому употребили все свое искусство, всю опытность въ парламентской тактикѣ, чтобъ заставить собраніе взять роковой декретъ обратно.

Усидія ихъ увѣнчались успѣхомъ, но новые представители народа упали въ глазахъ его. «До сихъ поръ, восклицаетъ Марс, лица законодателя заявля себя какъ люди ограниченныя, непосредственныя, вѣтренныя, неспособныя; они позволяютъ водить себя за носъ нѣсколькимъ ловкимъ плутамъ, которые ихъ надуваютъ разными тонкостями, заставляя, какъ дѣтей, бояться призраковъ». Это осужденіе заключало много правды. Для прежнихъ членовъ были оставлены двѣ логи, и они, пользуясь этимъ, смущали неопытныхъ депутатовъ...

Впрочемъ, такое невыгодное мнѣніе было непродолжительно: логи были уничтожены, блестящіе таланты новаго собранія не замедлили проявиться.

Первое мѣсто между ними слѣдуетъ предоставить Верньо. Честолюбивый, но честный, безстрашный, но безпечный, онъ отличался вдохновенной, блестящей рѣчью, хотя въ ней не было силы Мирабо, въ немъ не было опредѣленности; онъ выражалъ тѣ колебанія, которыя волновали его умъ; онъ былъ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобъ скрывать это, и потому часто, начиная рѣчь въ защиту какого нибудь предложенія, кончалъ ее опроверженіемъ самого себя. Эта искрен-

ность, без основательности дѣлали его самымъ вѣрнымъ и покаяньемъ представляемымъ жирондистамъ—государственнымъ людей художникомъ; эллипсостомъ, жаждавшимъ славы до безумія, блуждающъ (дѣтой революціи), разстрѣливающимъ свои таланты безъ толку! наирѣзкая прищуренность этихъ голубъ заставляла ихъ забывать дѣятельность; они становились современными, а современность тогда была преступленіемъ. Все шарлоттисмы были слишкомъ страстны, слишкомъ увлечались — жадность ихъ не могла быть прочно; въ нихъ не было ни эгоистическихъ тенденцій буржуазіи, ни самоуничтоженія воимкой демократіи; они ждали власти, но не для власти, а для славы; для того, чтобы модно объ нихъ поднимать провѣсла въ отдаленные вѣка. Нюжнѣе шарлоттисмы этого стремленія была мадамъ Роландъ, политическій возкъ ихъ партия: дочь правера, она съ раннихъ лѣтъ пошла по слѣдамъ отца, но скоро чтеніе Плутарха отвратило ее отъ этихъ занятій; жажда славы мучить ее впечатлительную и страстную натуру: то она иресеия въ монастырь, то горюеть о временахъ древнихъ республикъ; занятая собой, она возмущается всякой бездѣлицей, затрепанной ея самолюбіе; въ ней было стремленіе къ равенству, но это было стремленіе буржуазіи—оно отивалось пренебреженіемъ къ народу. Задумавъ въ себя все нравныя чувства, Мадамъ Роландъ преданась честолюбію: оно замѣнило ей любовь и во всемъ ея дѣйствіяхъ она видима человека партия, но не женщины. Мужъ ея не отличался никакими особенными талантами: онъ былъ честенъ, трудолюбивъ, начитанъ—и только; въ немъ не было ни быстрой рѣшимости Дантона, ни холоднаго фанатизма Робеспьера; онъ былъ твердъ, но медлительнъ; онъ любилъ республику, но не былъ способенъ стоять въ головѣ ея; онъ сдѣлался государственнымъ человекомъ, въ угоду жены, — обстоятельства показали, что онъ не на своемъ мѣстѣ.

Таковы были и другіе жирондисты. Люди теоріи, они могли быть полезны только подъ чьимъ нибудь влеченіемъ. Человекъ, который далъ бы правильное направленіе ихъ громаднымъ силамъ, оказалъ бы большую услугу Франціи, но этого не случалось. Уничи не было вождя — и вожакическое краснорѣчіе Изаара (Isaard) напрасно возмывало сердца; напрасно смѣлый, насмѣшливый Гюэде (Guadet) возбуждалъ ненависть партия де пароксизма, ни онъ, ни Верье, ни республиканецъ Базо, ни догматическій Жюмелле — никто не могъ доставить жирондистамъ прочнаго торжества. Дантонъ протыгивалъ лишь основательную труду; но онъ не признавалъ ее: въ предѣлахъ ненависти партия, имъ въ при-

идея — фигура престола Дантона, нуждаясь всячески додеваться, его проницательный смысл, его способность управлять соблазнами. Два были помы буржуазии, выражение лучших ее силъ, знание, которое могло связать ее съ народомъ; но въ нихъ не доставало ни упорства, ни постоянства и они не достигли этой дѣли. Выборъ ихъ лучше всего показывалъ до какой степени демократическій духъ дрожалъ въ провинціи. Въ самомъ Парижѣ же осталось безъ послѣдствій это движеніе, на мѣсто Бабаля былъ избранъ Петіонъ, человекъ въ сущности ограниченный, но игравшій важную роль въ клубѣ якобинцевъ, на крайнемъ мѣстѣ дружбы съ Робеспьеромъ. Строгий въ рѣчахъ, санскладный да дѣлъ, онъ приходился какъ разъ по плечу жирондистамъ, которые могли эксплуатировать его влияние, приобретенное посредственностью и демократическими выходками, очаровавшими большинство буржуазіи и народа. Прокуроромъ коммуны былъ выбранъ Манюэль, помощникомъ его — Дантонъ.

Кого же дворъ выставилъ противъ такихъ людей? Кто были министры, назначенные бороться съ гениемъ революціи, съ краснорѣчивымъ и патриотическимъ ея защитникомъ? Графъ Нарбоннъ, ловкій придворный, креатура мадамъ Сталь, пріятный собесѣдникъ, но ничтожный министръ; Бертрамъ де Мольвиэль яростный роялистъ, не отступавшій ни передъ какими средствами; остальные были нерышительные, угноренные конституціоналисты, кромѣ Кайе де Жермина, который считалъ себя республиканцемъ, хотя ненавидѣлъ клубы и любилъ короля.

VII.

Эмиграція увеличивалась. Армія принцевъ въ Кюбленцѣ скоро дошла до 43 т. человекъ. Угрозы, дипломатическія интриги, памфлеты сыпавшійся оттуда дождемъ на Францію. Король явно не одобрялъ ихъ, втайнѣ покровительствовалъ, давалъ деньги, вступалъ въ сношеніе съ другими державами, умоляя составить вооруженный конгрессъ, извѣщаясь въ принятіи конституціи. Вотъ что писала Марія Антуанетта въ императрицѣ Екатеринѣ II: «Король согласился на конституцію не потому, чтобы находилъ ее хорошей или удобной, но чтобы спасти королевство отъ несчастій и волнений еще большихъ, которымъ люди партия не допусти-

ли бы случаи приписать его отказу. Онъ согласился притворно, надеясь, что случаи позволятъ ему показать ея недостатки и невозможности къ примѣненію. Онъ согласился наконецъ потому, что былъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно расположенія къ нему другихъ государей.

Эмиграція вынудила наконецъ противъ себя строгія мѣры: Императоръ доходя до павоса. Какъ? Мы разрушили дворянство и не накажемъ начальниковъ бунтовщиковъ? восклицаетъ онъ. А! я вижу эти пустыя призраки не перестали устрашать васъ... долгая безнаказанность великихъ преступниковъ можетъ сдѣлать народъ палачемъ: гнѣвъ народа часто бываетъ только страшнымъ дополненіемъ молчанія закона... Пусть же управляетъ законъ, пусть раздастся его громовый голосъ, пусть, не различая ни сана, ни титула, онъ будетъ неутомимъ какъ смерть поражающая надъ своей добычей... Нація должна бодрствовать постоянно, потому что ни деспотизмъ, ни аристократія не имѣютъ ни сна, ни смерти; если народъ заснетъ хоть на мигъ,—онъ проснется окованнымъ!.. Я утверждаю, что еслибъ небесная молнія была въ рукахъ людей; я желалъ бы, чтобъ она поразила всѣхъ, кто покушается на свободу народовъ!.. Верно былъ не менѣе грозенъ и увлекателенъ. Другіе жирондисты поддержали его—и декретъ прошелъ. Принцевъ приглашали возвратиться, угрожая въ противномъ случаѣ потерей правъ. Французы, собравшіеся за границей, были объявлены подозрительными; имъ предшесывалось разсѣять свои сборища подъ опасеніемъ смертной казни за неповиновеніе; тому же наказанію подвергались возбуждавшіе къ побѣгамъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ другой декретъ, обязывавшій духовныхъ принести въ теченіе 8 дней присягу въ повиновеніи націи закону и королю. Ослушники подвергались лишенію содержанія, а въ случаѣ возбужденія волненій—двухлѣтнему заключенію.

Оба эти декрета были обязаны появленіемъ своимъ могучему краснорѣчію жирондистовъ, хотя они въ то время не составляли еще партіи подъ этимъ именемъ.

Вопросъ объ эмиграціи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о войнѣ. Неприязненные приготовления Пруссіи и Австріи, угрожающее положеніе Швеціи и Россіи, ненависть Питта; брошюра Бьюрке, призывавшая къ оружію Европу—все представляло неизбѣжность войны. Ее желали всѣ, но по разнымъ причинамъ: Дворъ былъ противъ наступательной войны: онъ надѣялся собрать армию подъ

предложить подавить движение эмигрантов и союзников их, предложить гарнизонам владетелей. Собрать армию, король ищет сделать различные прокламации, явиться въ лагерь, приобрести расположение генераловъ, подкупить солдатъ подарками и ласковыми обращениями... Эмигранты, напротивъ, требовали страшной и общей войны: они несутъ тяжесть старой Европы надъбалканъ задумавъ норманъ Молодой Франціи... Митишъ жирондистовъ и монтаньтровъ раздѣлились. Бодиссо присоединился къ конституціонной партіи; Робеспьеръ требовалъ сперва умиротворенія внутреннихъ непріятелей и потомъ войны во имя принциповъ; онъ боялся не возвращенія прежняго порядка вещей, но торжества приверженцевъ английской конституціи съ ея двумя недостатками; потому онъ совѣтовалъ недовѣрять ни министрамъ, ни придворнымъ генераламъ: онъ какъ будто предугадывалъ планы двора и предвидѣлъ военную диктатуру. Только въ солидарности народовъ видѣлъ онъ спасеніе, и эти идеи, изложенныя имъ въ «декларации правъ человека» проведены послѣдовательно въ его рѣчи: во всѣхъ людяхъ онъ видѣлъ братьевъ; всѣ они должны помогать другъ другу, какъ граждане одного государства; кто притѣсняетъ одну націю—притѣсняетъ всѣхъ!... Аристократы и тираны, кто-бъ они не были, ни что иное какъ возмущившіеся рабы противъ владыки земли—человѣческаго рода, противъ законодателя вселенной—природы.

Речь Инара лучше всего показываетъ состояніе умовъ крайней партіи. Дуть оружія, говоритъ онъ, —единственное средство противъ бунтовщиковъ!.. Наши противники—враги конституціи: они хотятъ, нечемъ и голодомъ ввести къ намъ парламенты и дворянство, ущемить прерогативы короля, человека, который одинъ парализируетъ волю цѣлой націи, который поглощаетъ тридцать милліоновъ, въ то время какъ общественная казна въ печальномъ положеніи! Они хотятъ парламентовъ, которые продавали правосудіе, дворянства—которое въ безумной и варварской гордости не считало гражданъ людьми... Возвысимся въ этомъ случаѣ на высоту нашей миссіи! Заговоримъ съ министрами, съ королемъ, съ Европой съ приличной твердостью!.. Скажемъ королю, что его польза защищать конституцію, что его корону хранитъ этотъ священный алмазъ, что онъ царствуетъ не во имя народа и для народа, что онъ подданный его и закона!.. Скажемъ Европѣ, что если кабинеты возбуждаютъ королей къ войнѣ противъ народовъ, мы возбуждемъ народы къ войнѣ противъ королей! Скажемъ, что сраженія ищутъ до вѣдъ десктоновъ уподобляются ударамъ, которые два друга, на дущонію коварнаго подстрекателя, наносятъ одинъ другому въ темнотѣ!..

VIII.

Война была рѣшена. Королю и королевѣ назначили суммы на устройство военного и придворнаго штата. Всѣ реакціонеры, авантюристы, бреттѣры поспѣшили вступить въ королевскую гвардію. Кромѣ того роялисты подъ рукою собирали шайки отставныхъ солдатъ, приверженныхъ къ прежнему порядку вещей, такъ что сила королевскихъ войскъ, включая въ то число Швейцарцевъ, перешла за 10 т. человекъ.

Эта сила внушила роялистамъ высокое мнѣніе объ ихъ могуществѣ: они сдѣлались дерзки и заносчивы; придирались ко всякому случаю, чтобъ вызвать на дуэль, и, въ особенности, буйствовали въ театрахъ: какъ скоро патріоты были въ меньшинствѣ, такъ подвергались оскорбленіямъ. Роялистскіе журналы сдѣлались рѣзче и смѣлѣе; неизвѣстные подстрекатели волнвали народъ, что было весьма легко, потому что дороговизна достигла до неслыханной степени; взаимное довѣріе исчезло; торговля упала; мѣсто ея заняла спекуляція, игорные дома размножились съ невѣроятной быстротой (около 4 т.); рабочіе были поставлены въ безвыходное положеніе: имъ не давали работы ни аристократія, ни буржуазія, если только они были искренно привязаны къ демократіи, — но при всемъ томъ народъ не терялъ бодрости...

Вліяніе жирондистовъ сдѣлало министрами Дюмурье, Клавьера, Сервана и Роланда. Первый былъ честолюбивый авантюристъ безъ всякихъ убѣжденій, на все смотрѣвшій съ улыбкой циническаго презрѣнія; но смѣлость, доходившая до геройства, блестящія военныя дарованія, политическій тактъ, дѣлавшій изъ него замѣчательнаго дипломата, служили противовѣсомъ дурнымъ сторонамъ его характера. Въ немъ соединялись удивительнымъ образомъ грубый цинизмъ солдата и изящныя манеры образованнаго человѣка; волокитства и буйныя оргіи занимали его досуги, и, не смотря, на то онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе якобинцевъ.

Клавьеръ славился какъ экономистъ. Всѣ финансовыя статьи Мирабо были дѣломъ рукъ его; впоследствии онъ принималъ дѣятельное участіе въ вопросѣ объ ассигнаціяхъ.

Серванъ былъ энергическій якобинецъ, твердый въ убѣжденіяхъ,

нерасположенный служить чьейнибудь игрушкой. Дюмурье было неприятно имѣть его товарищемъ.

Новое министерство держалось не долго: предложеніе Сервана о собраніи подъ Парижемъ лагеря въ 20 т. человекъ разсердило короля; съ устройствомъ этого лагеря контръ-революція дѣлалась невозможной. Другой декретъ о высылкѣ не присягнувшихъ священниковъ встрѣтилъ такое же неодобреніе со стороны его; между тѣмъ Роландъ наставлялъ на утвержденіи...

Слѣдствіемъ была отставка жирондистскихъ министровъ, кромѣ Дюмурье, который сдѣлался главой новаго кабинета съ условіемъ, впрочемъ, чтобъ Лудовикъ утвердилъ предложенные декреты. Но едва онъ окошпрометировалъ себя, какъ король, предположивъ, что держитъ его совершенно въ своей власти, отказался отъ выполненія условія... Дюмурье понялъ, что попался въ ловушку, и вышелъ въ отставку... Дворъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что королева отвергла даже совѣты Барнава, который хотѣлъ, чтобъ штабъ предполагаемыхъ войскъ составили изъ ложныхъ якобинцевъ.

Что же дѣлало дворъ такъ самонадѣяннѣе? Въ чемъ заключались его силы?

Кампанія началась подъ неудачными для Франціи предзнаменованіями. Неудачи подъ Монсомъ и Турнэ; начальство надъ арміей, довѣренное Лафайетту, Лукнеру и Рошанбо, генераламъ феълангизма (*); посольство Малье Дюпана къ прусскому королю съ проектомъ манифеста коалиціи; система подкуповъ зрителей въ собраніи; совѣты Шенье, убѣждавшаго прибѣгнуть къ строгимъ и энергическимъ мѣрамъ; ссора между жирондистами и монтаньярами—вотъ на что рассчитывала королевская партія.

Изъ всѣхъ этихъ причинъ основательная была только послѣдняя: ничто не было такъ пагубно для свободы какъ междуусобіе между ея дѣтьми, тѣмъ болѣе, что все дѣло шло объ удовлетвореніи тщеславія.

Жирондисты, оскорбленные вліяніемъ Робеспьера, начали войну въ клубѣ якобинцевъ. Бриссо и Гюде обвиняли его въ стремленіи къ диктатурѣ, въ проискахъ. Защиту Робеспьера приняли Дантонъ, Мара, Гебертъ, Демуланъ... Взаимныя обвиненія посыпались градомъ. Вражда еще болѣе усилялась полемикой, которую открылъ Андрей Шенье

(*) Feuillants. Монахи бернардинскаго ордена. Клубъ умѣренныхъ, помѣщавшійся въ большомъ монастырѣ, назывался феълангизмъ.

смерва въ парижскомъ журналѣ, потомъ въ дополненіи къ нему (*). Этотъ талантливый писатель принадлежалъ къ партіи самыхъ умѣренныхъ конституціоналистовъ. Въ 91 году онъ явился въ числѣ кандидатовъ въ члены законодательнаго собранія, но не получилъ достаточнаго количества голосовъ. Съ этого времени ненависть его къ господствующей партіи усилилась; онъ еще тѣснѣе сблизился съ Пасторе и другими феабангистами. Праздникъ въ честь возвращенія Швейцарцевъ, сосланныхъ на галеры за сопротивленіе Булье, возбудилъ весь гнѣвъ его мстительной музы. Нападки на клубы и Бриссо возобновились. Якобинцы отвѣчали въ лицѣ М. Ж. Шенье, брата поэта...

Раздоръ еще болѣе усилился письмомъ Лафайетта изъ лагеря отъ 16 іюня. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ объ отставкѣ Дюмурье, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, и давалъ совѣты собранію тономъ повелителя, требуя уничтоженія клубовъ... Въ это же время пришло извѣстіе о королевскомъ *veto* относительно лагеря подъ Парижемъ и высылки не присягнувшихъ священниковъ. Слѣдствіемъ этихъ раздоровъ было вторженіе народа въ Тюильри 20 іюня.

Недобросовѣтность короля давно внушала подозрѣніе собранію и якобинцамъ; давно уже они принимали мѣры къ охраненію революціи. Въ министерство Роланда явились журналы—афиши, приклеивавшіеся на углахъ улицъ и на площадяхъ. Двигатели народныхъ волненій были призваны, имъ дали наставленія... Петіонъ зналъ обо всемъ, но покровительствовалъ движенію, потому что сочувствовалъ ему; Сантерръ, пивоваръ предмѣстья св. Антуана, добродушный, честный буржуа, явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ агитаторовъ.

Изъ всѣхъ показаній объ этомъ дѣлѣ видно, что народъ не имѣлъ въ виду никакого злаго умысла. Вся цѣль его состояла въ томъ, чтобъ заставить короля утвердить декреты собранія, показавъ ему, что это общее желаніе.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что толпа намѣревалась убить Лудовика, но это несправедливо: если бы такое намѣреніе дѣйствительно существовало, его легко можно было бы выполнить, выстрѣливъ въ короля изъ пистолета.

(*) Supplement. Прибавленіе къ *journal de Paris*, въ которомъ печатались объявленія; въ немъ можно было помѣщать и статьи, но съ платой за нихъ какъ за объявленія.

Этот урок несколько не послужилъ въ пользу Лудовику. Мѣры, принятые имъ, казались такъ вѣрными, что королева разрушила намѣреніе Лафайетта произвести контр-революцію, извѣстивъ Петіона, что генералъ хочетъ на смотру поколебать вѣрность національной гвардіи.

Между тѣмъ Лафайеттъ, удалившись въ армию, не оставлялъ своего плана: составивъ себѣ партію, онъ приглашалъ короля въ Компъень, увѣряя его, что тамъ онъ будетъ подъ защитой арміи; въ то же время онъ сдѣлалъ тайныя распоряженія объ очищеніи Бельгій... Народъ пришелъ въ негодованіе; отечество было объявлено въ опасности; сдѣлали воззваніе къ волонтерамъ. Болѣе 600 т. записалось до конца марта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, но Лудовикъ не понималъ своего безсилія и не хотѣлъ войти въ сношенія съ жирондистами, которые предлагали ему поддержку, съ тѣмъ чтобъ онъ возвратилъ уволенныхъ министровъ. Онъ надѣялся восторжествовать съ помощью Пруссіи и Австріи. Марія Антуанета считала минуты, когда союзники будутъ въ Парижѣ, когда можно будетъ предаться мщенію...

Федералисты мало-по-малу стали собираться... Съ береговъ океана и Средиземнаго моря явились толпы защитниковъ революціи. Смѣлые и непреклонные въ убѣжденіяхъ, они съ жаромъ приняли сторону народа. Съ прибытія Марсельцевъ стали поговаривать о низложеніи короля. Планъ атаки былъ составленъ. 10 августа назначено для исполненія.

Дворъ съ своей стороны тоже не дремалъ и принялъ заблаговременно всѣ мѣры обороны.

IX.

Десятое августа низвергнуло королевство. Власть перешла въ руки новой коммуны, образовавшейся въ этотъ день. Дантонъ сдѣлался однимъ изъ министровъ. Демократическое движеніе получило сильный толчекъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго правительства было уничтоженіе различія между гражданами активными и пассивными. Вслѣдъ затѣмъ оно замѣнило слово *monsieur* словомъ *citoyen*, отравило

27. волонтеровъ въ Руанъ сражаться съ роялистами; приказало лѣтъ изъ колоколовъ пушки, старалось поддержать патриотизмъ всеми силами... Но въ то же время коммуна арестовала множество лицъ прикосновенныхъ къ заговору короля. Народъ былъ раздраженъ потерями, повешенными при штурмѣ дворца, и требовалъ отищенія.

Были наряжены особая слѣдственная коммиссія и уголовный судъ.

Въ первые дни казнено 7 человекъ; впоследствии судьи, устрашенные многочисленностью виновныхъ, вида, что въ дѣлѣ замышляны даже многіе изъ членовъ собранія, сдѣлались снисходительнѣе: нѣсколько человекъ было оправдано безъ всякой побудительной причины. Народъ ропталъ; со всякимъ днемъ прибавлялись новыя предлоги къ неудовольствію. Перечислимъ важнѣйшія.

1) Были опубликованы документы, доказывавшіе, что Лудовикъ хотѣлъ разрушить конституцію, что онъ помогалъ принцамъ деньгами; что печаталъ на свой счетъ рядъ брошюръ не только противъ якобинцевъ, но и противъ собранія.

2) Открылась измѣна Ласайетта и его сообщниковъ; хотя имъ не удалось увлечь за собой армию, тѣмъ не менѣе измѣна ихъ имѣла пагубныя послѣдствія для Франціи—непріятель перешелъ границу.

3) Положеніе арміи Дюмуре было ужасно: онъ имѣлъ не болѣе 23 т. противъ 80; дисциплина въ его войскѣ была подорвана: солдаты подозрѣвали офицеровъ, офицеры недоувѣряли солдатамъ.

4) Въ Парижѣ разнесся слухъ, что собраніе намѣрено переселиться въ Блуа.

5) Въ городѣ распространилось множество фальшивыхъ ассигнацій; фабрикація ихъ производилась въ тюрьмахъ.

6) Домовый обыскъ въ Парижѣ въ послѣднихъ числахъ августа показалъ, что въ городѣ скрываются многіе роялисты: было арестовано около 3000 человекъ и найдено до 2000 ружей.

7) Одинъ преступникъ Жанъ Жюльенъ объявилъ на эшафотѣ, что онъ скоро будетъ отищенъ, что въ слѣдующую ночь заключенные выйдутъ изъ тюрьмы, перерѣжутъ часовыхъ и зажгутъ Парижъ.

8) Явилась прокламація министровъ, объявляющая, что между народамъ находятся измѣнники, затрудняющіе дѣйствія правительства.

9) 27 августа, когда поминали убитыхъ при взятіи Тюльери, народъ былъ взволнованъ горестными воспоминаніями; онъ еще увеличился, когда стало извѣстно, что роялисты сняли ночью одежды съ изображеній свободы и закона.

10) Медленность и несправедливость судовъ, очевидно желавшихъ узнать на чьей сторонѣ останется побѣда.

11) Статьи Мара, совѣтовавшаго народу оказать самому правосудіе.

Все это ясно показывало, что безъ народнаго взрыва не обойдѣтся. Что оставалось дѣлать коммуны? Дать болѣе правильный и быстрый ходъ правосудію? Но въ такомъ случаѣ около половины собранія навѣрно было бы обвинено; а что сдѣлалъ бы народъ, узнавъ, что половина его представителей—измѣнники? Весьма вѣроятно, что дѣло кончилось бы избіеніемъ ихъ, а это могло возбудить междоусобную войну... Воспренятствовать народному взрыву вооруженной силой?—Но это значило явиться защитникомъ измѣнниковъ, повторить кровавыя сцены Марсова поля, и кто знаетъ, можетъ быть часть при всеобщихъ проклятіяхъ вслѣдствіе несвоевременнаго милосердія и тупоумной благонамѣренности... Не таковы были демократическіе герои XVIII вѣка; они приносили въ жертву отечеству не только свою жизнь, но и репутацію. Дантонъ, Робеспьеръ, Мара видѣли необходимость пожертвовать нѣсколькими роялистами, чтобъ предупредить большія бѣдствія.

Принимая на себя отвѣтственность за это дѣло, Дантонъ остался вѣренъ своему характеру. Человѣкъ рѣшительныхъ мѣръ, онъ не зналъ колебаній въ минуту опасности, но онъ былъ чуждъ хладнокровной безполезной жестокости и, предчувствуя быстрое проявленіе народнаго гнѣва, принять всѣ мѣры, чтобъ уменьшить егѳ дѣйствіе.

Прежде всего онъ велѣлъ вывести изъ тюремъ всѣхъ заключенныхъ за долги, а также и тѣхъ, которые не были заключены за преступленія противъ націи. Потомъ, онъ занялся образованіемъ шаекъ убійць изъ такихъ людей, которыми можно было управлять, тогда какъ слѣпая ярость народа могла принести въ жертву правыхъ и виноватыхъ безъ различія. Устроивъ все такимъ образомъ, Дантонъ рѣшился тянуть дѣло до послѣдней крайности, надѣясь, что народъ, можетъ быть, успокоится; между тѣмъ онъ не переставалъ выпускать изъ тюремъ наименѣе виновныхъ.

Неожиданный случай ускорила развязку.

Въ Парижѣ 4-го сентября пришло извѣстіе, что Вердьянъ осажденъ. Коммуна объявила, чтобы волонтеры на другой день выступили въ походъ. Они готовы были повиноваться, но опасались за свои семейства, оставленные на произволъ роялистовъ, — пагубный доносъ Жюльена случился въ этотъ день.

Въ такомъ положеніи находились умы, когда 2-го сентября, за-

са въ два по полудни, показалось нѣсколько каретъ, которыя заключали въ себѣ священниковъ, назначенныхъ въ ссылку. Эти кареты медленно подвигались къ аббатству (*) въ сопровожденіи федералистовъ, посреди брани и угрозъ народа. Одному изъ священниковъ надошло слушать ругательства, и онъ, высунувшись изъ кареты, ударилъ какого-то федералиста палкой. Тотъ отвѣчалъ ударомъ сабли. Это послужило сигналомъ къ убійству. Толпа ворвалась во дворъ; нѣкоторые священники хотѣли бѣжать, но были умерщвлены. Аббату Сикару угрожала такая же участь, но какъ только узнали, что онъ наставникъ глухо-нѣмыхъ—онъ былъ пощажень.

Едва извѣстіе объ этомъ достигло въ наблюдательный комитетъ (de surveillance), какъ Паницъ и Сержанъ написали указъ, которымъ предписывалось народу судить заключенныхъ прежде умерщвленія...

Надо отдать справедливость, судъ этотъ производился съ рѣдкимъ безпристрастіемъ: убивали не за мнѣнія, но за участіе въ заговорѣ противъ народа, за убійство, за подѣлку ассигнацій... Многіе роялисты, откровенно высказавшіе свой образъ мыслей, были пощажены, также какъ и Швейцарцы, не участвовавшіе въ защитѣ Тюльери...

Всѣ вещи, найденныя у убитыхъ, были въ сохранности переданы тюремному управленію...

Въ такомъ видѣ представляются намъ сентябрскія убійства. Разсмотрѣвъ документы, относящіеся къ этому дѣлу, мы нашли, что планы Дантона были извѣстны обѣимъ партіямъ, и хотя обѣ онѣ впоследствии оттапливали отъ себя участіе въ этомъ преступленіи, приписывая его другъ другу, но самое это обстоятельство лучше всего показываетъ, что только стеченіе neodолжныхъ обстоятельствъ могло заставить ихъ рѣшиться на эту печальную необходимость. Если кто виноватъ въ сентябрскихъ убійствахъ, то развѣ роялисты, которые своимъ фанатизмомъ и несвоевременными попытками довели народъ до отчаянія, такъ что революціонному правительству оставалось только или погибнуть вмѣстѣ съ ними, или навлечь на себя проклятія цѣлой Европы!

X.

21 сентября конвентъ провозгласилъ республику. Революція сдѣлала шагъ впередъ. Жирондисты оказались умѣренными; новая партія ста-

(*) Названіе одной изъ парижскихъ тюремъ.

ла во главѣ движенія: Дантонъ, Робеспьеръ, Мара, Манюэль, Демуланъ, Бьяло-Вареннь, Колло-д'Эрбуа были важнѣйшіе члены ея, къ нимъ присоединилась Леба, Лебонъ, Карье, Камбасересъ и Сень-Жюсть.

Сень-Жюсть былъ сынъ стараго солдата, дослужившагося до капитана; онъ родился въ 1767 году; первое образованіе получилъ въ ораторіанской коллегіи; потомъ учился юридическимъ наукамъ въ Реймсѣ. Никто не могъ предполагать, чтобъ этотъ кроткій молодой человекъ, постоянно задумчивый, съ меланхолическими, темноглубыми глазами, могъ сдѣлаться чѣмъ нибудь замѣчательнымъ. Но эта кротость, это спокойствіе скрывали непреклонную энергію, тотъ холодный фанатизмъ убѣжденія, которымъ отличался Робеспьеръ. Эти меланхолическіе глаза бросали молніи въ минуты опасности. Никогда не измѣняя себѣ, постоянно холодно-вѣжливый, онъ не имѣлъ ни бурнаго краснорѣчія Мара, ни увлекательной смѣлости Дантона; но за то въ его рѣчахъ была неодолимая логика и та сила, которую невольно даетъ глубокое убѣжденіе.

Раздѣляя гуманныя ученія философіи XVIII вѣка, онъ невольно былъ приведенъ къ отрицанію ихъ на дѣлѣ; онъ видѣлъ, что ни свобода, ни равенство не могли укрѣпиться при тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчали на каждомъ шагу, и потому сталъ на сторону диктатуры. Поколѣніе, назначенное провести идеи революціи, должно было сгорѣть въ ея страшномъ пламени; оставалось предохранить отъ этой участи поколѣнія послѣдующія. Благонамѣренность и полумѣры губили Францію; чтобъ спасти ее, надо было дѣйствовать быстро и энергично. Другъ народа, онъ тѣмъ не менѣе смотрѣлъ строго на его недостатки; поклонникъ личной свободы въ теоріи, онъ все приносилъ въ жертву государству; изученіе древности не осталось для него безъ вліянія, — слѣды Платона и стоиковъ обнаруживаются въ его сочиненіи: «Духъ революціи и конституція во Франціи». Чобъ дать нѣкоторое понятіе объ его образѣ мыслей, представимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого сочиненія и изъ его «Уставовъ» *Les institutions republicaines*.

«Все исходитъ отъ народа и все къ нему возвращается... Ничего нѣтъ пріятнѣе для уха свободы, какъ шумъ и крики народныхъ собраній: тамъ являются великіе умы, благородныя чувства, тамъ обличаются пороки, сіяетъ добродѣтель и ложь бѣжитъ передъ истиной... Равнодушіе къ отечеству и эгоизмъ — источникъ всѣхъ бѣдствій... Та

нація, которая могла бы обойтись безъ солдатъ и чиновниковъ, была бы самой благоразумной... Когда народъ употребляетъ силу—онъ наказываетъ преступленія только меловки, онъ дѣлаетъ мошенниковъ и хитре... Руссо, ты ошибаешься! Когда преступленія умножаются—надо взмѣнить законы. Стѣсненіе только укрѣпляетъ зло; всѣ пренебрегаютъ закономъ, не остается ни одного безпристрастнаго судьи; страна управляется жандармами, чиновниками, сыщиками—гдѣ же свободные люди?.. Если народъ разрушилъ злоупотребленія—образуется республика; если государь—деспотизмъ. Народъ, который любитъ завоеванія, любитъ славу и презираетъ законы. Кто не уважаетъ чужую свободу, тотъ не дорожитъ своей... Въ тиранніи только для одного человѣка существуетъ свобода, только онъ одинъ составляетъ отечество... Гдѣ много законовъ, тамъ народъ находится въ рабствѣ. Законъ не можетъ освятить деспотизмъ: деспотизмъ есть тяготѣніе надъ народомъ чуждой воли... Правительство слабое тяжело для массы, члены его свободны, народъ—вѣтъ. Сильное правительство притѣснительно только тогда, когда несправедливо »...

Въ остальныхъ частяхъ своихъ Уставовъ онъ сходится отчасти съ социалистами, отчасти съ Руссо. Онъ желаетъ уничтоженія политическихъ границъ, уничтоженія частныхъ мастерскихъ, подати только съ дохода, раздѣленія государственной собственности между бѣдными, оффиціальной религій, общаго воспитанія, непозволенія разводиться.

Эти противорѣчія показываютъ явнѣ всего то вліяніе, подъ которымъ воспитывались лучшіе люди XVIII вѣка: съ одной стороны положеніе общества говорило, что надо дѣлать; съ другой — понятія, приобрѣтенныя на школьной скамейкѣ спутывали жизнь. Событія шли такъ быстро, что не давали времени одуматься; надо было дѣйствовать, а не размышлять; отсюда является непоследовательность между словами и дѣйствіями Робеспьера и Сень-Жюста, между поступками и характеромъ Дантона; надо было измѣняться сообразно съ обстоятельствами: просвѣщать народъ и въ то же время возбуждать его страсти, быть человѣкомъ партіи и человѣкомъ прогресса—а многіе—ли изъ революціонныхъ героевъ были способны къ этому? Они не дорожили жизнью, но убѣжденія были для нихъ святыней; судъ потомства казался для нихъ страшнѣе гильотины; идеалы, завѣщанные древностью, непогрѣшимыя; желаніе добра, авторитетъ римскихъ писателей съ ихъ грандіозными понятіями о государствѣ, окончательно из-

вратили стремленія лучшихъ представителей народа: они заглушили въ себѣ голосъ чувства; они сдѣлались автоматами идей; они были велики, пока эта идея была современна; они падали, какъ только проходила ея пора. Прибавьте къ этому, что они были большей частью адвокаты, что геній революціи не могъ разрушить въ нихъ совершенно предубѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ, что они придавали огромную важность мелочамъ, — вы поймете, почему эти люди въ вѣчномъ колебаніи съ самими собой, въ вѣчномъ разладѣ съ дѣйствительностью, въ вѣчномъ стремленіи къ отдаленному будущему должны были пасть. Они были слишкомъ добросовѣстны, чтобъ вступить въ соглашенія съ какими нибудь интриганами; въ нихъ было слишкомъ много страсти и энергій, чтобъ склониться передъ какими нибудь уступками. Какъ скоро духъ времени показывалъ имъ возможность осуществленія какой либо доли ихъ программы, они думали осуществить цѣлую теорію. Люди, понимавшіе настоящее положеніе дѣлъ, стояли одиноко или подвергались всѣмъ преслѣдованіямъ партій, какъ скоро переставали служить имъ; частные виды заставляли забывать ихъ заслуги, заставляли смотрѣть неблагоприятно на ихъ поведеніе, побуждали стремиться къ ихъ погнѣбл...

XI.

Короля не стало. Жирондисты господствовали въ собраніи. Ихъ порывистое краснорѣчіе, ихъ смѣлость увлекали нерѣшительныхъ, составляющихъ обыкновенно большинство въ собраніяхъ, и они большей частью одерживали верхъ въ парламентскихъ преніяхъ; слова ихъ противниковъ пропадали въ шумѣ и восклицаніяхъ правой стороны и центра. Стоило появиться Мара на трибунѣ — неистовые крики раздавались со стороны ихъ партій. Не довольствуясь такимъ торжествомъ, они хотѣли уничтожить вліяніе Робеспьера и Дантона, вліяніе журналистики противной ихъ партій. Духъ буржуазіи сталъ невольно прорываться сквозь республиканскія формы. Главнѣйшія преслѣдованія были обращены противъ Мара и Гебера. Комитетъ двѣнадцати (comité de Douze) возникшій по желанію жирондистовъ, обнаруживалъ стремленіе превратиться въ венеціанскій «совѣтъ десяти». Народное терпѣніе истоща-

лось; мятежники и коммуна естественно должны были соединиться для ниспровержения партии, угрожавшей их существованию. Неблагодарные жирондисты дѣлали на каждом шагу промахи. Вооружившись противъ себя Мара, они вооружили также Робеспьера, Дантона и Демулена, обвиняя первыхъ въ стремленіи къ диктатурѣ, втораго въ сообщничествѣ съ Дюмурие... Вместе съ тѣмъ они выдумывали разные слухи о заговорахъ противъ себя, требовали департаментской стражи и угрожали Парижу разрушеніемъ, если съ ихъ головы упадетъ хоть волосъ...

Слѣдствіемъ этихъ нападеній была убійственная брошюра Демулена: Исторія Бриссотинцевъ, и образованіе революціоннаго комитета въ Парижѣ подъ руководствомъ Мара. Народное волненіе скоро достигло огромныхъ размѣровъ. Конвентъ былъ окруженъ вооруженными толпами; депутація отъ частей Парижа требовала уничтоженіе комитета двѣнадцати и обвинительнаго акта противъ двадцати двухъ. Желаніе это было исполнено... Подозрѣваемые депутаты подверглись домашнему аресту... Большая часть арестованныхъ бѣжала въ провинціи и возбуждала ихъ противъ Парижа. Семьдесятъ департаментовъ было въ возстаніи. Роялисты уѣхали воспользоваться раздоромъ между революціонерами и прикинулись жирондистами. Въ Лионѣ ихъ партія закрыла якобинскій клубъ, овладѣла городскимъ управленіемъ и преслѣдовала патриотовъ. Корсика возсталъ; Бордо, Марсель, Каенъ—также; роялисты одержали блистательную побѣду подъ Сомиюромъ; Конде, Валансьеннъ, Майнцъ, Лилль были осаждены, Испанцы перешли границу; флотъ ихъ соединился съ англійскимъ и крейсировалъ около Тулона; французскія арміи, противопоставленные неприятелю, не имѣли ни одежды, ни продовольствія—казалось, республика должна была пасть, но люди, управлявшіе ея судьбами, не потеряли присутствія духа и слали ее...

Первый ударъ жирондѣ нанесла безразсудная поспѣшность генерала Виппона, обнаружившаго свои роялистскіе замыслы. Большинство республиканцевъ сейчасъ же отдѣлилось отъ него; сами жирондисты были настолько честны, что отступили передъ его предложеніемъ вступить въ переговоры съ Англіей. Войска, выступившія противъ маленькой арміи парижанъ, разсѣялись безъ сраженія; департаментъ жиронды покорился, увидѣвъ, что былъ обманутъ, насчетъ къ-ли войны. Другіе департаменты слѣдовали его примѣру. Захваченные жирондисты были присланы въ Парижъ; они могли еще надѣяться на

оппозиціонное; прежнія заслуги ихъ не были забыты; Сент-Жювь составилъ довольно умѣренный докладъ—и вдругъ вся надежда исчезла; страсти вспыхнули съ новой силой: Мара валь подъ ножомъ Шарлотты Кордэ.

По рожденію она принадлежала къ дворянству; два брата ея эмигрировали, но она не разделяла ихъ идей; Руссо и Рейналь были любимые ея авторы, хотя она воспитывалась въ монастырѣ. Необытная, славолюбивая, знающая революцію только по слуху, она увлеклася краснорѣчіемъ жирондистовъ и думала освободить родину отъ бѣдствій, умереннаго Мара. Выбравъ его жертвой, она инстинктивно отдала его влиянію, но не поняла пагубнаго значенія его смерти для Франціи. Это былъ единственный человекъ, способный доставить народу перевѣсъ, не прибѣгая къ бесполезнымъ жестокостямъ; если иногда подозрительность завлекала его слишкомъ далеко, то надо помнить, что только подозрительный народъ можетъ сохранить свою независимость. Больше 300 предсказаній Мара осуществилось—какого лучше доказательства вѣрности его политическаго взгляда. Ему были обязаны монастыря торжествомъ свѣтъ надъ жирондистами; онъ постоянно противился влиянію военной аристократіи на судьбу государства и всегда стремился подчинить генераловъ представителямъ; онъ, можно сказать, предчувствовалъ, что военный деспотизмъ возникнетъ на развалинахъ республики, но пока онъ былъ живъ, онъ считалъ это невозможнымъ; онъ старался политически воспитать народъ, приготовить его къ поголовному возстанію при первомъ признакѣ похищенія власти. Онъ не искалъ легкой популярности и всегда былъ врагомъ тѣхъ крайностей, которыя унижаютъ величіе народа.

Шарлотта Кордэ не смутилась ни передъ судомъ, ни передъ смертію; отвѣты ея были горды и рѣзки; она ни на минуту не потеряла спокойствія, но мы осмѣливаемся думать, что это была натяжка: не надѣясь избѣгнуть отъ гильотины, она хотѣла по крайней мѣрѣ удовлетворить своему славолюбію. На допросѣ она показала, что хотѣла убить Мара въ конвентѣ, надѣясь, что народъ растерзаетъ ее, и такимъ образомъ родные не узнаютъ объ ея участи, а между тѣмъ у ней нашли воззваніе къ Французамъ и свидѣтельство о крещеніи. Сверхъ того она открыто говорила, что нѣтъ передъ тиранами позволительно, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли. Кто знаетъ, можетъ быть ея политическій фанатизмъ простирался до того, что: она смертію хотѣла найти новыхъ приверженцевъ своей партіи?

Женщины революціи бестрепетно разставались съ жизнью. Слава и отечество были ихъ идеалами!

Мечтанія Шарлотты не исполнились: она увлекла за собой жирондистовъ.

Останки Мара были перенесены въ Пантеонъ. Бюстъ его поставили на мѣсто бюста Мирабо.

Жирондисты при допросѣ не показали того величія, какого можно было ожидать отъ нихъ: они путались, отрицались, сваливали вину другъ на друга, но, когда роковой приговоръ былъ pronounced, они слова явились тѣми безстрашными бойцами революціи, которые такъ отважно начали свое политическое поприще.

XII.

Между тѣмъ союзныя арміи подвигались. Роялисты продали Англичанамъ Тулонъ. Бунтъ на югѣ укрощался медленно. Парижъ волновали партіи. Арміи страдали отъ поставщиковъ и неспособности и лѣности генераловъ... Заговоры въ Страсбургѣ... Успѣхи вандейцевъ... миллионы фальшивыхъ ассигнацій... Франція находилась въ такомъ положеніи, что ей необходимъ былъ диктаторъ... Коммиссары съ неограниченными полномочіями полетѣли во всѣ концы.

Прибытіе Сень-Жюста въ Страсбургъ водворило дисциплину въ арміи: она была снабжена всѣмъ необходимымъ. Нѣсколько примѣровъ строгости и неустранимости его въ сраженіяхъ привязали къ нему солдатъ. Во все время проконсульства Сень-Жюста и Леба ни одна голова не пала въ Страсбургѣ...

Поведеніе Кутона въ Лионѣ отличалось такой же умѣренностью: онъ отказался разрушить городъ, какъ было ему приказано, и когда конвентъ сталъ наставлять, онъ просилъ, чтобъ его отозвали. Къ несчастью, другіе коммиссары не были такъ человѣколюбивы: короткія лѣтешки ихъ владычества залиты кровью. Карье въ Нантѣ, Тальэнъ въ Бордо, Колло д'Эрбуа и Фуше въ Лионѣ напомнили самыя печальныя времена французской исторіи. Трусость одного, корыстолюбіе другаго, фанатизмъ третьяго заставили ихъ утвривать законы Террора. Законы эти, давая по своей деопредѣленности почти неограниченную

власть представителямъ, разумѣли добросовѣстность ихъ. Жестокость не была въ характерѣ ни Робеспьера, ни Сенъ-Жюста: они съ негодованіемъ смотрѣли на безполезныя варварства, совершаемыя на югѣ и въ Нантѣ. Несмотря на свое вліяніе въ клубѣ якобинцевъ, Робеспьеръ былъ далеко не всецѣлемъ въ комитетѣ общественнаго благосостоянія (salut public). Сильная партія гебертистовъ и Бильо-Вареннъ, суровый фанатикъ Террора, были противъ него. Гебертисты были крайнимъ выраженіемъ философіи XVIII вѣка: анархія, поклоненіе богинѣ разума, элицированной въ актрисѣ Мальяръ, полная свобода страстямъ—вотъ важнѣйшія тенденціи гебертизма. Съ одной стороны онъ соприкасался съ пантеизмомъ Клоца, съ другой—съ ученіемъ коммунистовъ. Успѣхъ его происходилъ отъ ненависти къ духовенству, замѣшанному во всѣхъ интригахъ роялистовъ, или отличавшемуся крайней свободой нравовъ. Народъ привлекала новизна, желаніе повеселиться, авторитетъ Гебера, но онъ не былъ сознательно приготовленъ къ принятію началъ гебертизма. Самъ Геберъ хотѣлъ возвысить клубъ кордельеровъ и коммуны на мѣсто конвента и якобинцевъ. Положеніе Парижа казалось благопріятствовало его видамъ. Мясъ почти не было: Вандея прежде доставляла до 600 быковъ еженедѣльно—теперь этотъ источникъ прекратился. Истребленіе луговъ, отобраніе крупы въ общественныя магазины скоро истребили остальной рогатый скотъ и домашнихъ птицъ; овощи были свезены въ военные магазины... Къ этому присоединились интриги роялистовъ и скупщиковъ. Многія изъ правительственныхъ лицъ вошли въ эти спекуляціи. Въ то время, когда несчастные работники и беременныя женщины по цѣлымъ часамъ ждали какого нибудь фунта мяса, въ то время лакеи привилегированныхъ кліентовъ тащили его пудами. Къ довершенію зла зима 94 года была такъ сурова, что дрова дошли до 400 франковъ за вязанку; вода до 10 су за ведро... Народъ вопіялъ противъ монополистовъ... Гебертъ вздумалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Внѣшняя сторона его программы увлекла народъ, но когда увидѣли, что она скрываетъ честолюбивые замыслы, обаяніе исчезло. Сенъ-Жюсть и Робеспьеръ постоянно были противъ ученія Гебера, оно не нравилось имъ, потому что противорѣчило ихъ воззрѣніямъ, было несвоевременно, могло навлечь на республику новыя бѣдствія: вооружить одну половину Франціи противъ другой, придать вѣсъ клеветамъ распространеннымъ за границей. Дантонъ, не раздѣляя ригоризма ихъ, тѣмъ не менѣе возсталъ противъ гебертизма, какъ полк-

тической парти; Колло д'Эрбуа оставил ихъ, Бильо-Вареннъ также. Политическія попытки ихъ кончились гильотиной.

XIII.

Въ послѣднее время террористы были безжалостны. Казнь постигала не только виновныхъ, но и подозрѣваемыхъ. Гильотина сдѣлалась орудіемъ политическихъ соображеній. Герцогъ орлеанскій погибъ потому, что во Франціи были орлеанисты, хотя противъ него не было никакихъ доказательствъ. Пришла очередь Дантона.

Не смотря на рѣзкость выраженій и смѣлость не знавшую предѣла, сердце этого государственнаго человѣка было всегда доступно всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ. Въ продолженіе всей своей карьеры, онъ постоянно стремился къ примиренію партій; онъ хотѣлъ спасти жирондистовъ, онъ нѣсколько разъ останавливалъ раздоры въ клубѣ якобинцевъ; онъ думалъ, что пора Террора прошла, что надо употреблять болѣе мягкія мѣры, потому что непріятель былъ изгнанъ изъ предѣловъ Франціи; Вандае укрощена; жирондистовъ больше не было. Филлипо, Камилль Демуланъ и многіе другіе были того же мнѣнія. Камилль Демуланъ открылъ кампанію 3-мъ номеромъ «Старога Кордальера». Впечатленіе было громко. Якобинцы и террористы востали противъ автора; онъ оправдывался, предлагая уничтожить этотъ номеръ. Робеспьеръ защитилъ бывшаго товарища, извиняя его молодостью и легкомысліемъ... Оскорбленный такимъ способомъ защиты, Демуланъ въ свою очередь зацѣпилъ самолюбіе Робеспьера...

Партія дантонистовъ усиливалась; на бѣду къ ней пристали многіе роялисты. Камилль, подстрекаемый разными письмами и смѣлостью Дантона, снова сталъ желать комитета милосердія и экономической гильотины; онъ уже приготовилъ седьмой номеръ своего журнала, отличавшійся необыкновенной смѣлостью нападокъ и силой выраженій, — но этому номеру не суждено было появиться въ свѣтъ. Камилль Демуланъ, Дантонъ и друзья ихъ были арестованы. Партія Бильо-Варенна поняла, что если Дантонъ восторжествуетъ, злоупотребленія ея откроются, значеніе ея пропадетъ; этого надо было опасаться тѣмъ болѣе, что приверженцы Дантона, Тальенъ и

Лежандръ, были избраны президентами: первый конвента, второй клуба якобинцевъ... Бильо-Вареннь предложилъ осудить Дантона. Робеспьеръ былъ противъ этого. «Вы хотите погубить лучшихъ патриотовъ» сказалъ онъ съ гнѣвомъ. Но Сень-Жюсть убѣдилъ его оставить Дантона. Фанатикъ стоицизма, онъ смотрѣлъ съ негодованіемъ на снисходительность и эпикуреизмъ Дантона; не причастный никакому страху, не запятнавшій себя никакой подлостью, онъ во имя идеи сталъ врагомъ его. Робеспьеру предстоялъ выборъ между имъ и Сень-Жюстомъ; весьма понятно, что онъ сталъ на сторону послѣдняго; съ Сень-Жюстомъ у него была общность идеи, общность симпатій; къ Дантону его привязывали воспоминанія и общность патриотизма, теперь подозрѣваемого.

Процессъ Дантона составляетъ черное пятно на эпохѣ Террора. Обвиненнымъ не дали всѣхъ средствъ къ оправданію; ихъ, можно сказать, даже не выслушали, не позволили призвать въ свидѣтели 16 членовъ собранія, названныхъ Дантономъ.

Такимъ образомъ погибъ человѣкъ съ замѣчательными способностями, который могъ-бы стать во главѣ правленія, если-бы только захотѣлъ этого. Но, онъ былъ не честолюбивъ: не смотря на свой циническій языкъ, онъ постоянно любилъ природу и всегда мечталъ о томъ, какъ бы удалиться въ деревню и спокойно провести остатокъ дней своихъ въ кругу родныхъ и друзей. Луве его обвиняетъ въ орлеанизмѣ и ставитъ однимъ изъ вождей орлеанской партіи вмѣстѣ съ Робеспьеромъ и Марэ (?!). Если-бы это было справедливо, осмѣлился ли бы Дантонъ обвинять герцога въ 93 году. Луи Бланъ, на основаніи мемуаровъ Лафайетта, мадамъ Роландъ и записки Мирабо къ Ламарку, обвиняетъ его въ продажности. Онъ говоритъ, что корона заплатила ему за должность адвоката въ совѣтъ 100 т. ливр., тогда какъ она стоила 10 т. Исслѣдованія г. Бужара доказываютъ, что эта должность стоила тогда около 100 т.; что минимумъ подобныхъ должностей безъ кліентовъ составлялъ 60 т. л. Получивъ деньги, Дантонъ купилъ ферму и земли къ ней прилежащія на суммѣ 84 т. Пенсія, назначенная имъ матери, которую онъ вѣчно любилъ, состояла всего въ 600 ливрахъ. Гдѣ же огромное его богатство, миліоны, награбленные въ Бельгіи? Если-бы онъ жилъ роскошно, на него давно сдѣлалъ бы доносъ, какъ дѣлали на многихъ другихъ. Нѣсколько обѣдовъ, нѣсколько циническихъ выраженій доставили Дантону незаслуженную славу вандоучника и грабителя. Если-бы онъ получилъ деньги

отъ короля, осмѣлился ли бы онъ подать голосъ въ пользу смертной казни и отвергнуть воззваніе Лудовика къ народу? Если-бъ Мирабо былъ правъ то почему же жирондисты, въ рукахъ которыхъ находились бумаги желѣзнаго шкапа, не донесли на него. Роландъ былъ, не такой человѣкъ, чтобы остановиться передъ врагомъ, котораго и онъ, и жена его ненавидѣли, котораго смерть могла быть полезна для ихъ партіи.

Нѣтъ, сразивъ Дантона, революція сразила одну изъ опоръ своихъ. Она забыла, что онъ спасъ Францію отъ герцога брауншвейгскаго, она принесла его въ жертву неосуществимому идеалу.

XIV.

Погубивъ Дантона, партія Бильо—Варенна устремилась далѣе по той же дорогѣ. Робеспьеръ хотѣлъ остановить ее, но всегда находилъ большинство противъ себя: его поддерживалъ только Сенъ-Жюсть; Кутонъ же былъ постоянно боленъ. Къ этому времени относятся казни Лавуазье, Малерба, принцессы Елизаветы...

Робеспьеръ видѣлъ, что теряетъ свое вліяніе. Праздникъ Верховному Существу на минуту обрадовалъ его, потому что онъ видѣлъ въ немъ осуществленіе идей Руссо; онъ думалъ, что оставалось только завести однообразную, казенную нравственность Сенъ-Жюста, и образцовая республика была бы готова. Но здѣсь Робеспьеръ и Сенъ-Жюсть разошлись съ жизнью: пока они требовали жертвъ во имя отечества, народъ приносилъ ихъ, безропотно повиновался самымъ строгимъ декретамъ, безропотно смотрѣлъ на казни родныхъ и друзей, но какъ скоро диктатура вздумала вломиться въ его частную жизнь, насиловать его совѣсть, требовать отреченія отъ великихъ истинъ, выработанныхъ революціей, такъ Робеспьеръ потерялъ свою популяриность: его обвиняли въ желаніи присвоить власть, въ безмѣрномъ честолюбіи; ему напоминали о тарпейской скалѣ, о Брутѣ...

Смущенный возвратился онъ домой... Скоро новыя непріятности заставили его удалиться изъ комитета общественнаго благосостоянія.

Законъ 22 преріала (*) возбуждалъ противъ него такую бурю, такіа обвиненія въ диктатурѣ, что онъ рѣшился болѣе не присутствовать при засѣданіяхъ...

Сень-Жюсть остался одинъ. Онъ не могъ противиться потоку. Число жертвъ увеличилось (**). Чтобъ прекратить эти бесполезныя жестокости, онъ вызвалъ Робеспьера... Примиреніе оказалось невозможнымъ... Тогда Робеспьеръ произнесъ въ конвентѣ грозную рѣчь, въ которой говорилъ, что въ собраніи существуетъ преступная коалиція, имѣющая сообщниковъ въ комитетахъ, что надо очистить и подчинить оба комитета конвенту.

Члены комитетовъ увидѣли угрожающую имъ опасность; они привлекли на свою сторону робкихъ членовъ конвента... Участь Сень-Жюста, Робеспьера и Кутона была рѣшена... Они могли бѣ спасти себя, если бѣ обратились къ народу, но они предпочли лучше погибнуть, чѣмъ возбудить возстаніе.

На другой день было казнено сто человекъ. Умѣренные термидористы далеко превзошли террористовъ.

Царство буржуазіи началось.

XV.

Нельзя не удивляться тѣмъ огромнымъ силамъ, которыя Франція развернула въ эту эпоху! Нельзя не удивляться той громадной революціи, которая совершилась въ душѣ каждаго. Сколько пережитыхъ чувствъ, сколько впечатлѣній, сколько драматическихъ минутъ! Люди съ твердымъ характеромъ, съ твердыми убѣжденіями были поставлены въ борьбу съ самими собой! Робеспьеръ говоритъ противъ уничтоженія смертной казни и межъ тѣмъ принужденъ посылать на эшафотъ. Сень-Жюсть говоритъ въ пользу свободной торговли, противъ излишняго выпуска ас-

(*) Законъ этотъ былъ составленъ такъ, что позволялъ захватывать членовъ конвента безъ предварительнаго согласія собранія. Онъ говорилъ, что если существуютъ доказательства *моральныя*, то можно недопрашивать свидѣтелей. Онъ считалъ государственнымъ преступленіемъ распространеніе ложныхъ новостей, порчу нравовъ и т. п.

(**) Въ полуторамѣсячное отсутствіе Робеспьера казнено 1286 человекъ, въ полтора мѣсяца при немъ 577.

сигнацій, а межъ тѣмъ долженъ былъ вышустить ассигнацій на миллиарды, долженъ былъ прибѣгнуть къ стѣснительнымъ для торговли мѣрамъ. Кроткій Дантонъ совершилъ сентябрьскія убійства... Любовь къ отечеству дала имъ силы принести эти жертвы. Казалось, времена древняго Рима воскресли; великіе люди мелькали какъ молніи по мрачному небу революціи; они поражали быстро какъ молнія и также быстро потухали, оставивъ страшные слѣды своего удара. Эти крестьяне, эти работники сравнялись съ самой гордой аристократіей доблестями и превзошли ее добродѣтелями. И въ ту минуту, когда волны иноземныхъ армій готовы были поглотить республику, когда страшные удары землетрясенія раздавались внутри, въ то время гордые и спокойные вожди республики разсуждали о мѣрахъ къ ея просвѣщенію. Большинство писателей представляютъ эпоху Террора враждебной наукамъ и искусству. Она была враждебна только ученому шарлатанству и бесполезной рутинѣ. Никогда съ большимъ жаромъ не принимались за народное образованіе. Тогда были учреждены школы для бесплатнаго обученія отъ 5 до 12 лѣтъ, а для послѣдующаго воспитанія основаны публичныя училища, институты, лицея. Террористы приготовили учрежденіе политехнической и нормальной школы, распространили въ народѣ полезныя брошюры десятками тысячъ экземпляровъ; въ эпоху казни Кордай открыли музей и ассигновали суммы на покупку статуй и картинъ; въ эпоху процесса жирондистовъ запретили портить памятники искусствъ подъ предлогомъ ненависти къ тиранамъ. Введеніе десятичнаго счисленія, реформа календаря, и, что важнѣе всего, объявленіе конституціи и учрежденіе государственной долговой книги относятся къ этому времени...

По отчего же, рождается вопросъ, отчего, не смотря на великихъ людей, не смотря на всѣ учрежденія для развитія демократіи, республика пала?

Намъ кажется, оттого, что сознаніе не успѣло еще довольно проникнуть въ народныя массы, что самая эпоха отличалась порывистой страстностью, не допускавшей разсужденій, что лучшіе люди республики устали своими костями поля битвъ или увлеклись обольщеніемъ военной славы, потому наконецъ, что въ двигателяхъ революціи было слишкомъ много силы, много вѣры. Совершивъ небывалыя въ исторіи чудеса съ помощью народа, они падѣлись съ помощью его осуществить свои утопіи; но утопіи эти были чужды жизни его и онъ отшатнулся отъ нихъ...

Торжество буржуазіи было неминуемо: въ ея дѣйствіяхъ было бо-

лѣ согласія, менѣ добросовѣстности; она была развитѣ, въ ея рукахъ были капиталы—но французская революція тѣмъ и велика, что забросила такія сѣмена жизни въ жизнь народа, что ихъ не могло истребить всемогущество буржуазіи: напрасно топоръ реставраціи и орлеанизма рубилъ вѣтви могучаго дерева свободы;—оно продолжало разрастаться...

В. ПОПОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІСЬ.

Вновь проектируемыя правила для публичныхъ лекцій.—Современное человѣчество и его блестящія достоинства.—Нѣсколько словъ о состояніи городского управленія.—Мѣщанство.—Новое положеніе о городскомъ управленіи Москвы.—Идиллія или письмо г. Ознобишина.—Кіевъ и его прелести.—Конюкрадства.—Правила для типографій и ожиданіе новаго цензурнаго устава.—Закрытіе двухъ Воскресныхъ школъ.

Бѣдна будетъ наша хроника—это мы чувствуемъ и потому, сжигая корабли за собой, ставемъ держаться берега, наблюдать за самыми фактами, не вдаваясь въ теоретическое разсужденіе о нихъ.

Публичныя лекціи вызвали новыя законодательныя мѣры. Учрежденная для управленія дѣлами с.-петербургскаго университета коммиссія составила проектъ новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ, который и сообщенъ совѣтамъ прочихъ университетовъ для обсужденія и исправленія по ихъ замѣчаніямъ.

Коммиссія этого проекта пришла къ убѣжденію, что при составленіи новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ надлежало бы ограничиться требованіемъ отъ читающихъ однихъ удостовѣреній относительно знаній, но не требовать никакихъ ручательствъ относительно искусства излагать устно мысли; что же касается до благонамѣренности, то отказавшись отъ всякихъ предупредительныхъ мѣръ и предварительныхъ розысканій о характерѣ, правахъ и образѣ мыслей желающихъ читать, слѣдовало бы противодѣйствовать злоупотребленіямъ свободы слова только мѣрами карательными, примѣнимыми къ преступнику обыкновеннымъ порядкомъ, по слѣдствію и суду».

Чтобы достигнуть цѣли удостовѣренія въ *познаніяхъ* лица, намѣревающагося читать лекціи, проектъ полагаетъ слѣдующія мѣры:

1) Желающій читать публичныя лекціи получаетъ на открытіе ихъ разрѣшеніе отъ попечителя учебнаго округа.

2) Отъ лицъ, не имѣющихъ ученой степени докторовъ или магистровъ.

Отд. III.

стровъ, при разрѣшеніи имъ чтенія публичныхъ лекцій, требуется только, чтобы они заявили въ поданныхъ ими попечителю прошеніяхъ, о чемъ они намѣрены читать.

3) Лицамъ, не имѣющимъ ученыхъ степеней докторовъ или магистровъ, попечитель разрѣшаетъ чтеніе публичныхъ лекцій не иначе, какъ по представленіи подробной программы, одобренной или университетомъ, или, если предметъ, коему посвящается лекція, не входитъ въ кругъ университетскаго преподаванія, однимъ изъ высшихъ мѣстныхъ специальныхъ учебныхъ заведеній, по принадлежности.

Незнаемъ какъ нынче, но прежде званіе «художника» давалось посредствомъ представленія программы въ академію; мы могли бы убазгать пальцемъ людей, которые, не умѣя взять въ руки карандаша и циркуля, получали этимъ путемъ, т. е. представленіемъ программы, мѣста архитекторовъ. Вы спросите, какъ это было? Очень просто: желающій быть *художникомъ* нанималъ другаго *художника*, тотъ ему рисовалъ великолѣпный плакъ со всѣми деталями, который отсылался въ академію — и тѣмъ дѣло кончалось. Чего хотѣть достигнуть гг. профессоры, подписавшіеся подъ проектомъ о представленіи подробныхъ программъ? Если я ничего не знаю и желаю выйти въ публику, то неужели меня остановить мое незнаніе? А если я куплю программу у весьма ученаго мужа и получу по ней разрѣшеніе, то неужели публика будетъ гарантирована отъ моего невѣжества? Неужели она будетъ идти ко мнѣ на лекціи изъ-за того, что я имѣю программу, одобренную университетомъ? Думаемъ, что должно искать лекарства тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть, — въ самомъ обществѣ, а не въ формѣ. Предоставьте право читать публичныя лекціи всѣмъ безъ исключенія, — пусть буду читать я, ничего не знающій, и вы, много ученые... Повѣрьте, что если я невѣжа, такъ публика съ разу раскуситъ меня; ее не привлечешь никакими одобренными программами. Точно также, какъ не привлечетъ «сухимъ туманомъ» какойнибудь ученый мужъ, снабженный пергаментнымъ дипломомъ; она оставитъ меня, ничего не знающаго, но не будетъ слушать и васъ, много знающаго... Почему вы считаете общество за недоносокъ, который нужно предохранять отъ всего. Да развѣ у общества нѣтъ своего голоса, чтобы сказать, что вотъ такой—то имѣетъ знаніе и я пойду слушать его, даромъ, что у него нѣтъ одобренной программы; а такой—то вотъ хоть и докторъ, а все же я не хочу слушать его, потому что у него нѣтъ ни одной живой идеи.

Гг. профессора, подписавшіеся подъ проектомъ, вы знаете, что у насъ и безъ того много формы; со всѣхъ сторонъ лежитъ она на насъ, не принимайте, пожалуйста, хоть вы участія въ распространѣніи формъ и обрядовъ.

Мы живемъ въ вѣкъ проектовъ... Нельзя не сознаться, что російскій прогрессъ дѣлаетъ большіе успѣхи. Я могъ бы привести въ удостовѣреніе справедливости моихъ словъ много доказательствъ, но на этотъ разъ вспомнимъ хоть, напримѣръ, что такое были назадъ тому лѣтъ шесть наши канцеляріи. Это были ни больше, ни меньше, какъ мастерскія для заготовленія входящихъ и исходящихъ бумагъ, для выдѣлки рапортовъ, отношеній, представленій et caetera. Но благодѣтельный прогрессъ, такъ сказать, не даромъ пахнулъ своимъ благотворнымъ вліаніемъ и освѣжилъ прелестнѣйшимъ ароматомъ дотогѣ спертый воздухъ нашихъ канцелярій. Посмотрите, какую перемену произвелъ этотъ прогрессъ: войдите теперь въ любую, хоть въ губернскую канцелярію (о высшихъ нечего ужъ и говорить), и если сердце ваше не умиляется, то я въ правѣ назвать васъ каменнымъ человѣкомъ. Да, я увѣренъ, что если человѣкъ не зачерствѣлъ окончательно, то уже одинъ внѣшній видъ современныхъ канцелярій подѣйствуетъ на него благотворно, примирительно: вездѣ гладко, чисто; лакированные полы, подъ орѣхъ шкапы... Запахъ смолки, очень хорошо щекочетъ нервы... Вашъ глазъ не поражается непріятно безобразными кипами сѣрой бумаги, съ надписями на верху: «дѣло о нанесеніи побой дворянину Петру Иванову Долуханову, таковымъ же потомственнымъ дворяниномъ Швальдеревымъ», «о умертвіи по неизвѣстной причинѣ солдатской женки Аграфены Сидоровой Горшковой» и проч., напротивъ, — отворите любой шкафъ, и тамъ на каждой чистенькой, изящной кордонкѣ вы прочтете не менѣе изящную надпись: «дѣло объ образованіи народномъ», «дѣло о земскомъ кредитѣ»... Канцеляріи идутъ за современнымъ прогрессомъ, и тотъ слишкомъ близорукъ, кто будетъ отрицать наши слова.

Да и нельзя впрочемъ не стоять имъ во главѣ прогресса, потому что во главѣ ихъ самихъ стоятъ такіе высоко-образованныя личности, которыя ужъ свыше предназначены вести насъ многогрѣшныхъ по пути преуслабленія. *Современное челоѵчество*, преимущественно же воспитывающееся въ закрытыхъ заведеніяхъ, это квинтъ-эссенція всего наилучшаго: оно непремѣнно либерально, на англійской консти-

*

тупи съло собаку, съ Пальмарстономъ, Росселемъ ведетъ ближайшее знакомство, подъ часъ весьма язвительно отзываясь о деспотизмѣ Наполеона, умѣренно восторгается Гарибальди, презрительно относится къ Мадсини, читаетъ, не пропуская даже генеалогическаго строенія Кавказа, Русскій Вѣстникъ, очень любитъ статьи Теохтистова въ Отечественныхъ Запискахъ, прислушивается къ тону политическаго отдѣла Сѣверной Почты, редактируемаго, какъ извѣстно, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ политиковъ, *Илией* Арсеньевымъ, вкупѣ съ критикомъ — Заочнымъ; старается и не безъ успѣха, подражать въ дѣловыхъ бумагахъ слогу достойнѣйшихъ мужей первопрестольной Москвы — Павлова и господина профессора Чичерина. Современное человѣчество независимо въ своемъ мнѣнн: оно часто критически и недовѣрчиво относится къ дѣйствіямъ такихъ особъ, кои по рангу своему должны быть изъяты отъ всякихъ критическихъ поползновеній. Мы совершенно увѣрены, что правда современнаго человѣчества не умытна и не лицепріятна, въ рѣчи его нѣтъ лжи, какъ въ рѣчи достойныхъ газетъ Сѣверной Почты и Нашего Времени. Современное человѣчество, какъ начальствующее, окружено почтеніемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, какъ подчиненное полно уваженія и любви къ начальствующему, какъ трудовое — имѣетъ въ виду частное и общее благо. И въ этихъ добрыхъ дѣлахъ его нельзя примѣтить ни малѣйшей дозы лести. О безкорыстнн современнаго человѣчества нечего и говорить; будучи посылаемо куда либо начальствующими, оно подобно Аттигѣ, называвшимъ себя, какъ гласитъ исторія Смарагдова, бичемъ Божиимъ, устилаетъ доблестный путь свой, если не совѣмъ трупами, то во всякомъ случаѣ ихъ близкими подобіями въ лицѣ тоже служащихъ, но только не современныхъ, т. е. не читающихъ Русскаго Вѣстника, статей Теохтистова и Заочнаго и не подражающихъ въ красотѣ слога г.г. Чичерину и Павлову. Голова современнаго человѣчества подобна вѣчно заряженной лейденской батарее; ея работа не (утомима); оно перевариваетъ и извергаетъ изъ себя страшную громаду благодѣяній, которыми будутъ наслаждаться (если только въ нихъ хватитъ настолько благоразумія) наши нисходящіе въ третьемъ колѣнн. Секретъ успѣшности умственной дѣятельности современнаго человѣчества зависитъ именно отъ того, что ему нечего рыться, доискиваться до историческихъ причинъ недуговъ, до средствъ врачеванія ихъ; нечего всматриваться въ народную жизнь, — ему все это вѣдомо и перензвѣстно съ

школьной скамьи, гдѣ оно вполнѣ познало, что общество само по себѣ ничего не дѣлаетъ. Конечно, не всѣ бываютъ благодарны къ трудамъ современнаго человѣчества, не разом воспринимаютъ непрощенныя благодѣянія, тогда... ну, тогда современное человѣчество не перемонится: ставить всѣхъ подъ уровень своей теоріи, кто же не подходитъ — тому бѣда. Современному человѣчеству нѣтъ нужды, что вслѣдствіе подобныхъ операций, у многихъ будутъ свернуты на сторону шен, да и всѣ-то почувствуютъ себя не совсѣмъ ловко. Люди, какъ мнитъ современное человѣчество, не понимаютъ собственной пользы; они не понимаютъ, что все его спасеніе въ теоріи.

Признаемся откровенно, для насъ одно изъ величайшихъ наслажденій составляетъ присутствіе при бесѣдѣ современнаго человѣчества: что это за обработанная круглота фразъ, что это за мягкость, стройность выраженій, что это за уступчивость другъ другу въ спорѣ на такихъ пунктахъ, къ которымъ въ одно время съ разнымъ значеніемъ подходятъ двѣ категорическія аксіомы!.. *Раувге реупле, раувге реупле!* говоритъ съ умѣреннымъ вздохомъ современное человѣчество, и вслѣдъ за вздохомъ отливааетъ чудную пулю для *раувге реупле*.

Но перейдемъ отъ размышленій къ нѣкоторымъ, недавно совершившимся событіямъ въ нашей текущей жизни.

Какъ извѣстно, менѣе настоятельные вопросы жизни въ настоящее время рѣшены окончательно или приводятся къ окончательному рѣшенію... *Работа въ этомъ случаѣ идетъ такъ успѣшно*, что нужно опасаться, что черезъ нѣкоторое и притомъ весьма короткое время страницы современной хроники должны остаться совершенно бѣлыми и чистыми отъ недостатка матеріала... Но такъ какъ покуда нѣкоторые вопросы остаются нерѣшенными, то мы и постараемся заняться ими. Въ основѣ правъ и обязанностей нашего городского сословія лежитъ грамота императрицы Екатерины II. Грамота пожалованная императрицей была весьма либеральна, но на практикѣ оказалась весьма неудобна, хотя «программа для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ» и говоритъ, что «основная мысль городской грамоты заключается въ томъ, чтобы поставить городскія общества въ состояніе удовлетворять всѣмъ общественнымъ нуждамъ, не обращаясь къ вспомошествованіямъ отъ правительства, и въ то же время обезпечить себѣ послѣднее въ исправномъ отправленіи возложенныхъ на тѣ общества повинностей,

для чего указаны имъ опредѣленные статьи доходовъ и даровано право *самими* завѣдывать своими общественными дѣлами, посредствомъ выборныхъ отъ общества лицъ». Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ императрица *даровала* нашимъ гражданамъ многія льготы и выборное начало, но города наши находятся до днесь все на одной и той же точкѣ замерзанія относительно своего процвѣтанія; они также плохи, какъ во дни оны, уровень ихъ умственного и нравственного развитія стоитъ едва ли не столь же низко, какъ и до изданія положенія; въ нихъ есть магистраты и думы, съ ихъ головами, бургомистрами, ратманами. Но общество видитъ въ этихъ думахъ и магистратахъ такіе же земскіе суды, городническія правленія и т. д. Я одинъ разъ былъ свидѣтелемъ, какъ дорожатъ наши горожане тѣми выборными начальниками, которые даровала императрица Екатерина. Въ городѣ С. были назначены выборы; передъ выборами всѣхъ наличныхъ гражданъ собрали въ церковь для приведенія къ присягѣ. Выходя изъ церкви, я замѣтилъ, что всѣ улицы, идущія отъ церкви были заняты какой-то многочисленной стражей. Я подошелъ къ одному изъ охранителей и спросилъ его, что это значить.

— Мѣщане присягу принимаютъ—съ! отвѣчалъ намъ одинъ изъ бойкихъ стражниковъ.

— Такъ что же?

— Извѣстно дѣло—народъ необразованный, изъ церкви домой всѣ норовятъ, на выборахъ не хотять быть.

Конечно многіе подобными грустными фактами стараются доказать, что народъ до сихъ поръ не можетъ еще идти впередъ. Да такъ ли это? Въ подобныхъ фактахъ выражается только недостатокъ развитія выборнаго начала. Признаемся откровенно, мы становимся на сторону уходящихъ. Покрайности, время даромъ не потеряли бы да и потомъ знали бы, что не сами кладемъ на себя руки.

Недостатки современнаго *выборнаго* управленія городами въ настоящее время сдѣлались ощутительными больше чѣмъ когда либо. Недостатокъ контроля въ израсходованіи собранныхъ съ общества денегъ, въ управленія общественными, недвижимыми имуществами, высокомѣріе съ бѣдными классами городского сословія, униженіе предъ высшими особами, равнодушіе къ настоятельнымъ требованіямъ общества почти вездѣ характеризуютъ черты городского управленія, дума жметъ

мѣщанъ, даетъ деньги на устройство великогѣшныхъ каминовъ и паркетныхъ половъ въ домахъ, принадлежащихъ администраціи.

Мы имѣемъ подъ рукою нѣсколько данныхъ, доказывающихъ до какой безконтрольности доходить расходъ городскихъ суммъ, всей тяжестью своей падающихъ на бѣднѣйшихъ городскихъ жителей.

Въ одномъ городѣ собирается ежегодно *излишнихъ* государственныхъ податей и городскихъ повинностей, а также налога, называемаго добровольною складчиною, отъ 6 до 4 т. руб. сереб., такъ что вся сумма за время управленія четырехъ, пяти годовъ простирается до ста тысячъ руб. сереб. Излишнія деньги вычитаются всегда при платежѣ податей, вслѣдствіе чего *настояція подати* числятся постоянно въ недонимкѣ.

Въ томъ же городѣ есть заведеніе для призрѣнія немощныхъ и престарѣлыхъ мѣщанъ. Отвратительное содержаніе призрѣваемыхъ равняется только громаднымъ суммамъ, на нихъ выводимымъ.

Во время крымской кампаніи собрана была съ горожанъ очень значительная сумма на ополченіе, такъ какъ ополченіе было расформировано прежде выступленія въ походы, то отъ собранной суммы осталось больше половины, которую постигла таже участь добровольной складчины.

Нѣтъ ничего печальнѣе быта нашихъ мѣщанъ. Ихъ положеніе несравненно хуже положенія крестьянъ: они лишены земли, угодій, съ номинальнымъ только голосомъ въ управленіи, у нихъ нѣтъ міра, который хоть немножко предохранялъ бы ихъ отъ эксплуатаціи капиталистами, отъ эксплуатаціи другими сословіями — вотъ участь, въ которой приходится вращаться мѣщанину со дня рожденія до самой смерти. Для хлѣбопашества чаще всего у мѣщанина нѣтъ земли, для промысловъ — капитала, для защиты — самобытнаго управленія; онъ козлится день за днемъ съ своей семьей, покуда самого его нищета не заколотитъ въ тѣсное, но очень покойное помѣщеніе.

Какъ гуманно относятся настояція думы, т. е. управленіе, члены которыхъ выбираются изъ среды общества къ своимъ согражданамъ, мы расскажемъ одинъ фактъ.

Одинъ изъ городовъ російской имперіи владѣетъ дачей въ нѣсколько тысячъ десятинъ отличной пахатной земли. Понятно, что если дача общественная, то каждый членъ общества имѣетъ полное право пользоваться соответственнымъ съ числомъ душъ семьи количествомъ земли. Но ни чуть не бывало: дума, съ утвержденія начальства, рас-

порядилась совѣтъмъ иначе; благодаря тремъ городскимъ капиталистамъ, вся земля за самую ничтожную сумму сдана имъ на продолжительный срокъ, а ужъ они отдають ее отъ себя мѣщанамъ, за сумму въ двадцать разъ большую противъ той платы, которую они должны вносить въ думу.

Какія же средства помочь печальному положенію нашихъ городовъ и городскихъ сословій? Широкое выборное начало, съ устраненіемъ возможности злоупотребленій, происходящихъ отъ администраціи, общественный контроль надъ дѣйствіями выборовъ власти, вотированія гражданами каждаго болѣе важнаго предложенія, смѣна должностныхъ лицъ, когда они не оправдываютъ довѣрія избирателей—вотъ, по нашему мнѣнію, единственный путь, которымъ наши города могутъ достигнуть дѣйствительнаго благосостоянія.

Москвѣ дано новое положеніе объ общественномъ управленіи. Кромя того при циркулярѣ отъ 26 апрѣля, № 61, разослана къ начальникамъ губерній «программа для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ». Въ циркулярѣ между прочимъ сказано: «что *одною изъ главнѣйшихъ причинъ*, по которымъ изданное въ 1785 г. постановленіе объ общественномъ устройствѣ городовъ (городовая грамота) не имѣло надлежащаго успѣха, было то, что постановленіе сіе содержало въ себѣ лишь общія начала общественнаго устройства, безъ подробнѣйшаго ихъ развитія и примѣненія къ различнымъ мѣстностямъ обширной имперіи, представляющимъ большое разнообразіе по количеству населенія, общественному и хозяйственному быту жителей, разноплеменности ихъ и многимъ другимъ условіямъ». Этимъ циркуляромъ министерство внутреннихъ дѣлъ приглашаетъ начальниковъ губерній составить комиссіи для составленія надлежащихъ отвѣтовъ на присылаемую при циркулярѣ программу. Такъ какъ мы знаемъ, что очень многіе города, сознавъ всю несостоятельность современнаго выборнаго управленія, хлопочуть, или думаютъ хлопотать объ измѣненіи его въ болѣе соответствующее потребностямъ, и такъ какъ программа разослана при циркулярѣ только для предварительныхъ соображеній, то мы на этотъ разъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, насколько отвѣчаетъ новое городское положеніе г. Москвы современнымъ потребностямъ.

Общественное городское управленіе г. Москвы раздѣляется: I) на общее для всего городского общества и II) на частное по сословіямъ. Управленіе общее составляетъ: 1) общая городская дума; 2) город—

ской голова; 3) распорядительная городская дума, съ состоящими при нихъ установленіями и чинами. §. Частное управленіе по сословіямъ составляетъ: 1) собраніе выборныхъ, 2) сословныя старшины, 3) управы: купеческая, мѣщанская и ремесленная, съ состоящими при нихъ установленіями и членами.

§ 4. Городской голова есть главный уполномоченный отъ всего городского общества, а потому на немъ главнѣйшая лежитъ обязанность—заботиться о нуждахъ и пользахъ общественныхъ.

Такъ какъ мы сказали, что по нашему мнѣнію непремѣнное условіе будущаго самостоятельнаго развитія и процвѣтанія городского сословія—это освобожденіе городского управленія отъ возможности злоупотребленій со стороны администраціи, то посмотримъ, на сколько новое положеніе г. Москвы соответствуетъ этому условію.

§ 14. Распорядительная городская дума состоитъ подъ предѣтельствомъ городского головы изъ десяти членовъ, избираемыхъ отъ каждаго собранія выборныхъ по два. Предметы распорядительной думы вообще суть: 1) исполненіе приговоровъ общей думы; 2) распоряженіе по дѣламъ общественнаго управленія, городского и сословнаго хозяйства; 3) наблюденіе за подчиненными думѣ мѣстами и лицами по дѣламъ общественнаго управленія, городского и сословнаго хозяйства. Городской голова, какъ предѣдатель распорядительной думы, заботится о сохраненіи внутренняго въ ней порядка, на точномъ основаніи 89 и слѣдующихъ статей общаго губернскаго учрежденія. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ и истерившихъ отлагательствъ, голова, съ разрѣшеніемъ главною начальника губерніи, принимаетъ всѣ нужныя мѣры, по дѣламъ общественнаго управленія и доводитъ о своихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія присутствія распорядительной думы въ первое за тѣмъ же засѣданіе. Распорядительная дума принимаетъ мѣры, чтобы составляемыя ею годовыя росписи, по совершенномъ окончаніи всѣхъ предварительныхъ печисленій и по собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и соображеній отъ разныхъ вѣдомствъ и наконецъ отъ городской общей думы, были рассмотрѣны и окончательно заключены непремѣнно къ первой половинѣ августа. По рассмотрѣніи росписи со всѣми приложеніями представляется прямо отъ думы къ военному генералъ-губернатору для дальнѣйшаго распоряженія. Распорядительная дума, сверхъ подчиненности въ общемъ порядкѣ управленія правительствующему сенату, а въ мѣстномъ—главному начальнику губерніи, находится въ непо-

средственномъ вѣдѣніи московскаго гражданскаго губернатора. По тѣмъ дѣламъ городского хозяйства и общественного управленія, кои по общимъ узаконеніямъ восходятъ на разсмотрѣніе губернскаго начальства, распорядительная дума представляетъ свои журналы къ подписанію гражданскому губернатору, который независимо отъ сего предсѣдательствуетъ въ распорядительной думѣ во всѣхъ случаяхъ, когда признаеть сіе необходимымъ. Жалобы на рѣшенія думы приносятся 1-му департаменту правительствующаго сената.

При распорядительной думѣ между прочимъ находится городская торговая полиція, въ составъ которой входитъ торговая депутація отъ купечества для надзора за правильностью производства торговли.

§ 20. *Депутація состоитъ, въ отношеніи къ повѣркѣ торговыхъ правъ и ко взносу казенныхъ пошлинъ, подъ главнымъ надзоромъ казенной палаты, а въ отношеніи повѣрки сборовъ городскихъ и вообще къ исполненію своихъ обязанностей—подъ надзоромъ распорядительной думы.*

§ 21. *Всѣ жалобы на неправильныя дѣйствія торговой депутаціи поступаютъ въ распорядительную думу и разрѣшаются ею по предварительному истребованію казенной палаты во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ дѣла относятся или прямо ко взысканіямъ въ казну, или же касаются гильдейскихъ повинностей и опредѣленія рода торговли. Въ случаѣ несогласія распорядительной думы съ заключеніемъ казенной палаты, дума представляетъ оное съ своимъ мнѣніемъ на окончательное рѣшеніе 1-го департамента правительствующаго сената.*

Въ составъ общественного управленія города Москвы входятъ между прочимъ, собраніе выборныхъ по сословіямъ и сословныя управы.

§ 27. *Собранія выборныхъ для обсужденія текущихъ сословныхъ дѣлъ назначаются по распоряженію сословныхъ старшинъ, которые обязаны о каждомъ собраніи предварительно увѣдомлять городского голову; собранія же выборныхъ для выборовъ, а также для какихъ либо чрезвычайныхъ случаевъ, составляются не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальника столицы.*

§ 33. *Управы сословій подчиняются распорядительной думѣ по всѣмъ предметамъ своего вѣдомства, находясь впрочемъ по дѣламъ казеннымъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ казенною пала-*

тою и съ другими мѣстами и лицами, до коихъ снѣ два относятся. При всѣхъ управлахъ сила въ совокупности находится городской стряпчій, котораго отношенія суть тѣ же, какъ и отношенія уездныхъ стряпчихъ къ уезднымъ мѣстамъ.

При общей думѣ состоитъ депутатское собраніе изъ депутатовъ, избираемыхъ по пяти отъ каждаго собранія выборныхъ. Жалобы на депутатское собраніе приносятся гражданскому губернатору.

Какъ видно изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, новое городское управленіе Москвы далеко не свободно отъ вмѣшательства административно-центральной власти.

Теперь посмотримъ, какъ широко допускаетъ положеніе о новомъ управленіи Москвы участіе гражданъ въ выборѣ должностныхъ лицъ.

§ 40. Выборные отъ городскихъ сословій избираются непосредственно самими сословіями, означенными въ § 5 (*), порядкомъ изложеннымъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. § 41. Принадлежащій къ одному изъ вышевычисленныхъ сословій, получаетъ право голоса въ избраніи выборныхъ не иначе, какъ при соединеніи въ себѣ слѣдующихъ условій:

Если онъ владѣетъ въ столицѣ собственностью въ недвижимомъ имуществѣ или въ денежномъ капиталѣ и товарахъ, приносящую въ годъ дохода не менѣе 100 рублей серебромъ.

§ 46. Списки избранныхъ сословіями выборныхъ, съ протоколомъ засѣданій, передаются въ депутатское собраніе, и если по повѣркѣ въ оныхъ не окажется никакихъ неправильностей, то выборные допускаются къ исполненію своихъ обязанностей, по приведеніи установленныхъ порядкомъ къ присягѣ на безпристрастное исполненіе оныхъ и представляется военному генералъ-губернатору, отъ котораго зависитъ назначеніе новыхъ выборовъ. По новому положенію городского управленія Москвою каждое сословіе имѣетъ право замѣнять должности, представляемые его выбору, лицами всѣхъ сословій, — но

§ 48. пунктъ 2-й. Дворянамъ предоставляется право, на основаніи дворянской грамоты, отказываться отъ принятія всякихъ должностей по городскимъ выборамъ, подобно какъ дозволяется имъ сіе и при выборахъ дворянскихъ.

Намъ кажется, что если дворянинъ владѣетъ недвижимой собствен-

(*) То есть потомственными и личными дворянами, почетными гражданами и купцами, мѣщанами и ремесленниками.

ностью въ городѣ или занимается какою либо промышленію, торговлею— то, стало быть, онъ пользуется всѣми правами, которыя доставляютъ ему, какъ гражданину города, участіе въ общественномъ управленіи, — какое же основаніе, чтобы дворянинъ, пользующійся правами городского жителя, избавлялся по своему благоусмотрѣнію отъ обязанности служить обществу, членомъ котораго онъ числится? Если дворянинъ, избранный на должность по городскому управленію, лишается возможности слѣдить съ успѣхомъ за ходомъ хозяйства въ своихъ имѣніяхъ, то развѣ кулецъ и мѣщанинъ, поставленные въ то же положеніе не находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ дворяниномъ относительно своихъ промысловъ и торговли.

§ 51. Городской голова можетъ быть избираемъ изъ лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду и владѣющихъ въ городѣ собственностью, стоющею не менѣе 15,000 рублей серебромъ. Онъ избирается на 4 года.

Но приведемъ одинъ случай. Напримѣръ, пусть гражданинъ (владѣющій домомъ) разъ уже былъ избранъ въ головы и вполне оправдалъ довѣріе избирателей—просто возвысилъ благосостояніе города... Понятно, что на вторые выборы общество снова захочетъ имѣть его головой, у него предъ самыми выборами сгораетъ домъ... Стало быть.... увѣ!... Неплучшій голова долженъ быть забракованъ... Да что же терзать граждане оттого, что у нихъ головы сгорѣлъ домъ?... Если бѣдный голова съ надлежащей помпой не можетъ поддержать свое служебное достоинство, такъ развѣ граждане не могутъ сложиться и дать, за его труды, на нѣ же пользу, ему жалованье?... Развѣ мы мало знаемъ людей, у которыхъ ровно ничего нѣтъ, но которые въ городѣ пользуются совершенно заслуженной славой честныхъ дѣятелей? Отчего же, если все общество захочетъ избрать одного изъ такихъ дѣятелей въ головы, и не быть ему головой?

«Голова избирается на 4 года». Ну а если онъ нисколько не оправдалъ довѣрія избирателей и впродолженіи 2 лѣтъ успѣлъ навредить городу столько, что дальше терпимъ быть не можетъ. Отчего же обществу не предоставить право имѣть своихъ головъ ранѣе назначеннаго срока, если ихъ дѣйствія клонятся ко вреду избирателей? Кому приносить пользу занятіе такого поста, какъ городской голова, чловѣкомъ безчестнымъ? Скажутъ,— пусть общество не избираетъ безчестныхъ... Да развѣ общество не можетъ обманываться? Развѣ

каждый мало видѣлъ на своемъ вѣку людей, бывшихъ до занятія тепленькаго мѣстечка поборниками честности, и потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, очень хладнокровно посягавшимъ на чужую собственность?

§ 53. Члены распорядительной думы избираются въ опредѣленномъ выше для каждаго сословія числѣ. *Они утверждаются въ должности главнымъ начальникомъ губерніи.*

§ 54. Должности въ канцеляріяхъ думъ общей и распорядительной зачисляются слѣдующимъ порядкомъ: 1) городской секретарь опредѣляется по выбору общей думы *съ утвержденія военнаго генералъ-губернатора.*

Точно такимъ же порядкомъ утверждается казначей распорядительной думы; торговые депутаты, избираемые на 3 года изъ одного купеческаго сословія, *утверждаются въ должности тоже главнымъ начальникомъ губерніи.*

§ 60. Сословныя старшины и товарищи старшинъ *избираются на четыре года* изъ лицъ, владѣющихъ собственностью *не менѣе 6000 руб. сер.* Лица, избранныя въ сія должности, *утверждаются главнымъ начальникомъ губерніи.*

Наши слова относительно ценза избранія городского головы остаются въ полной силѣ и относительно избранія сословныхъ старшинъ.

§ 67. Собранія городского общества созываются *единственно* для избранія выборныхъ отъ сословій черезъ каждые три года *по распоряженію главнаго начальника губерніи* и по назначенію мѣста и времени для оныхъ городскимъ головою.

§ 72. Собраніе, ограничиваясь однимъ избраніемъ выборныхъ, не имѣетъ права входить въ разсужденіе или постановлять приговоры по какимъ либо другимъ предметамъ.

О правахъ и преимуществахъ общественной городской службы.

§ 82. Лица, занимающія должности по общественному городскому управленію въ Москвѣ, сверхъ правъ вообще службы по городскимъ выборамъ, въ законахъ присвоенныхъ, пользуются еще нижеслѣдующими преимуществами.

§ 83. Городской голова, если не имѣетъ высшаго или соответствующаго чина, считается заурядъ въ V, старшины сословій, товарищи сихъ старшинъ и члены распорядительной думы въ VI, а члены управъ и торговые депутаты въ VII классахъ. Росписаніе по классамъ прочихъ должностей имѣетъ быть опредѣлено въ особыхъ статьяхъ.

Прослужившій усердно и безпорочно въ одной и той же должности двѣнадцать лѣтъ, продолжаетъ пользоваться пожизненно наименованіемъ и почетными правами класса, той должности присвоенными.

§ 84. Тѣмъ изъ лицъ, которыя прослужили по выборамъ усердно и безпорочно не менѣе 10 лѣтъ, дозволяется и въ отставку носить тотъ же мундиръ, который былъ присвоенъ послѣдней ихъ должности.

Повторяемъ, мы потому сдѣлали такъ много выписокъ изъ новаго положенія объ общественномъ управленіи Москвы, что въ большинствѣ городовъ проникаетъ сознаніе несостоятельности сѣвременнаго городского положенія. Изъ сказаннаго нами, конечно, можно понять, что идеаль городаго устройства не подходитъ подъ мѣру московскаго положенія; перемены къ лучшему возможны только тогда, когда отъ старыхъ порядковъ устранены тѣ недостатки, которые были причиною или отрицательной безполезности или положительнаго вреда для общества; форма, отписка бумагъ проглядываютъ въ положеніи изъ-за каждой строчки и грозятъ быть преобладающими элементами. Начала императрицы Екатерины II представляли уже достаточно доказательствъ, насколько полезны они для общества,—продолжать ходить тѣмъ же путемъ—не значитъ идти впередъ.

Но пора намъ и отдохнуть на чемъ нибудь; не все же сомнѣваться, не все же заносить въ нашу хронику печальные факты. Въ провинцію, въ провинцію, любезный читатель!.. Тамъ люди добрее, гостеприимнее. Какъ ѣхать, какъ снять, тамъ!.. Что за идиллія, которой вѣрнѣе позавидовали бы пресловутые Филмонъ и Бавкида! Вотъ письмо изъ деревни г. Д. Ознобишина. Ужъ самое имя Д. Ознобишина должно говорить каждому, что письмо полно интереса: вѣдь Д. Ознобишинъ тотъ поэтъ, произведенія котораго *самъ Галаховъ* удостоилъ занести въ свою хрестоматію... Но что въ имени. На широкой матушкѣ Руси существуетъ блаженный уголокъ, такъ поэтически нарисованный Д. Ознобишинымъ предъ читателями и оказалось, что уголокъ этотъ—Симбирская губернія. Г. Ознобишинъ описываетъ празднество, бывшее у него въ деревнѣ по случаю раздачи знаковъ мировыхъ учреждений волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ. Не имѣя возможности передать письмо все цѣлкомъ, мы представимъ изъ него только *резюме*, впередъ прося читателей не ограничиваться нашими выписками.

Вотъ свидѣнія, извлеченныя нами изъ письма Д. Ознобишина. Во 1-тъ, Д. Ознобишинъ занимаетъ мѣсто члена губернскаго по

крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и во 2-хъ, кромя сей немало-важной обязанности онъ служить еще отечественному просвѣщенію, ибо въ письмѣ сказано, что въ церкви, гдѣ происходило молебствіе по случаю раздачи знаковъ, на лѣвомъ клиросѣ стоялъ «я (т. е. Д. Ознобишинъ), какъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ своемъ серебряномъ, ученое мундирѣ».

Послѣ «возложенія» на волостныхъ старшинъ знаковъ мировыхъ учрежденій, г. Ознобишинъ «при всемъ народѣ, скагалъ; что они отличены знаками, чтобы творили судъ и правду народу» затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, а управляющій г. Ознобишина сдѣлалъ такое же приглашеніе сельскимъ старшинамъ. Изъ церкви до дому г. Ознобишина волостныхъ старшинъ везли на трехъ троечныхъ саванъ, съ парадными коврами. «Потѣдъ тронулся за нами, възвѣсивши въ возкѣ длиною вереницею, при ликующемъ народномъ гевортѣ». По прїѣздѣ волостныхъ старшинъ въ домъ Д. Ознобишина «ихъ ввели въ залу» и угостили водкой, которую они пили «по русскому обычаю и кланялись въ поясъ хозяину и хозяйкѣ». Обѣдъ, которымъ угостилъ хозяинъ волостныхъ старшинъ, состоялъ изъ щей съ кулебякою, гречневой кашки, огромнаго блюда ростбифа съ разными приправами (г. Катковъ, что вы чувствуете? Крестьяне, кушающіе ростбифъ! А? Какъ смѣлы начала-то, проповѣдуемые вами,—иный пѣвецъ Англии и Суворова. Чего добраго; пожалуй, при новомъ торжествѣ кто нибудь нарядитъ волостныхъ старшинъ въ какіе нибудь пиджаки...) и слоенаго сладкаго пирога. Напитки, которыми угощалъ г. Ознобишинъ волостныхъ старшинъ были слѣдующіе: мадера, шиво, разные водички и, какъ бы вы думали, чѣмъ еще?—шампанскимъ! За обѣдомъ старшины занимались разными пріятными разговорами и «держали себя такъ, какъ будто и прежде всегда за онымъ сидѣвали». Пообѣдавъ, хозяинъ «повелъ ихъ по параднымъ комнатамъ» (затѣмъ слѣдуетъ описаніе комнатъ г. Ознобишина и что въ оныхъ находится). Послѣ угощенія старшинъ *кофеемъ*, хозяинъ пропалъ спать, а въ заключеніе волостные старшины сами, позаимствовавъ любезность отъ хозяина, разговаривали какъ ему, супругѣ его, такъ и потомкамъ ихъ кучу самыхъ милыхъ любезностей и удалились съ миромъ во-своеи.

Впрочемъ не вездѣ люди такъ благодумствуютъ, какъ въ Симбирской губерніи. Пробѣгая иной разъ провинціальныя извѣстія, подумаешь, что живешь въ депетровской Россіи. Напримѣръ, ужъ ничто, кажется, хорошій городъ Кіевъ — и святыни тамъ

есть, и начальство поочередно и несколько журналовъ издается, а все какъ повернешь тотъ же Кіевъ названку — выходить Татаринъ. Ну, развѣ можно, чтобы въ Европѣ въ 1862 году бродяги дѣлали нашествія на домъ цѣлыми шайками, чтобы не прошло ни одной ночи чтобы не было обворовано нѣсколько домовъ, какъ это совершается въ Кіевѣ. Представьте же теперь положеніе бѣдныхъ жителей города, которые не могутъ показать носу изъ дому, чтобы не имѣть удовольствія встрѣтиться съ нѣсколькими ночными мошенниками?.. Впрочемъ, какъ видно, въ Кіевѣ путнику предстоитъ опасность не отъ однихъ только шакъ ночныхъ воровъ, съ полнымъ комфортомъ разгуливающихъ по городу; стоитъ только прочесть письмо г. Дершмана, или протоколы кіевского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чтобы убѣдиться, что вообще кіевская жизнь не усымана розамп. Извольте видѣть, г. Дершманъ просидѣлъ съ подорожной нѣсколько дней на кіевской станціи по немнѣвию, дескать, лошадей, въ то время какъ на почтовыхъ лошадяхъ возили картофель для г. губернскаго почтмейстера; Кіевъ слыветъ матерью всѣхъ городовъ русійскихъ, но если такова мать, то что же дѣлаютъ ея дѣтки. А вотъ что, напримѣръ, дѣлается. «Воровство, въ особенности конокрадство, развилося у насъ въ значительныхъ размѣрахъ, пишутъ изъ Златополя; близость пограничныхъ херсонскихъ степей много тому способствуетъ. Здѣсь существуетъ шайка канокрадовъ съ своими атаманами и агентами во всѣхъ мѣстечкахъ: они большею частью Еврей-фурманы. Конокрады такъ систематически организовали свой промыселъ, такъ дѣйствуютъ обдуманно и навѣрняка, такъ много вѣютъ по всей дорогѣ, отъ Елизаветграда до Умани, притоновъ и станцій, что уворованныя лошади, переходя изъ рукъ въ руки, въ теченіи сутокъ уведатся болѣе чѣмъ на 150 верстъ.

Что это такое?.. Да не мы ли же выше такъ много писали о прогрессѣ, объ общей работѣ, о лицахъ, составляющихъ проекты и собогъзвующихъ о раувге реурле? Впрочемъ, быть можетъ, истребленіе воровства и конокрадства есть занятіе слишкомъ ничтожное?..

Въ заключеніе нашей хроники мы считаемъ необходимымъ заявить о вновь вышедшихъ «Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилахъ о надзорѣ за типографіями, литографіями и другими подобными заведеніями». Вотъ главнѣйшіе изъ правилъ: «Содержателямъ типографій, литографій, металлографій и т. п. заведеній вѣнчается въ обязанность имѣть у себя для записки принимаемыхъ ими заказовъ

шнуровыя книги, въ которыя должны быть внесимы заглавія всѣхъ рукописей, предназначенныхъ къ изданію въ видѣ книгъ, журналовъ, брошюръ, газетъ и т. п., и краткое обозначеніе всѣхъ рисунковъ, эстамповъ, нотъ съ текстомъ и проч., предназначенныхъ къ тисненію на отдѣльныхъ листкахъ или въ видѣ тетрадей и альбомовъ. Въ книгахъ должны быть кромѣ того указаны имена сочинителей, артистовъ и издателей, а равно и цензора пропустившаго рукопись или рисунокъ къ печати, съ означеніемъ времени выданнаго на то дозволенія. Книги должны быть ведены по формѣ, изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, пронумерованы, прошнурованы, подписаны мѣстной полиціею съ приложеніемъ печати и во всякое время открыты для должностныхъ лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за типографскими заведеніями.

Въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ печатаются годовыя періодическія изданія, для которыхъ статьи посылаются къ цензору уже послѣ набора, въ видѣ корректурныхъ листовъ, содержаниемъ дозволяется вносить въ шнуровую книгу только заглавіе годоваго изданія, не именовывая въ ней каждой отдѣльной статьи. Но на ихъ личной ответственности лежитъ обязанность наблюдать, чтобы подъ видомъ журнальной или газетной статьи, не печаталось отдѣльныхъ изданій съ собственнымъ заглавнымъ листомъ, безъ записки въ книгу. Всякій разъ какъ при обзорѣннн типографій найдено будетъ, что набираемая или печатаемая рукопись не записана въ книгу, или неимѣетъ ценсурнаго одобренія, содержатель типографіи обязанъ, по требованію обзорѣвующаго ояю чиновника, удостовѣрить письменно, за собственно-ручнымъ подписомъ, что производящаяся работа дѣлается для такого-то періодическаго изданія и инаиначе будетъ выпущена изъ типографіи, какъ по разрѣшеніи ценсурю установленнымъ порядкомъ.

Всея лица, занимающіеся торговлей, складомъ или заготовленіемъ всякихъ принадлежностей тисненія, какъ-то скоропечатныхъ и другихъ машинъ и прессовъ, шрифтовъ, словолитныхъ аппаратовъ и т. п. предметовъ, также комиссіонеры, принимающіе на себя выписку сихъ вещей изъ-за границы, должны на право сей торговли получить особое разрѣшеніе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ или ему подвѣдомственныхъ начальствъ тѣмъ порядкомъ, какимъ испрашивается дозволеніе на открытіе типографій, и инаиначе могутъ продавать вышеозначенные предметы, какъ по предъявленіи покупателямъ или заказчикомъ законнаго свидѣтельства на право содержанія типо-

графія или удостовѣренія отъ мѣстнаго полицейскаго начальства, что предъявитель имѣеть разрѣшеніе на покушку пріобрѣтенныхъ имъ предметовъ.

Продавцы и комиссіонеры, о которыхъ упомянуто въ прошедшей статейкѣ, обязываются имѣть у себя шнуровыя книги, въ которыхъ должны быть показываемы: а) имя покупателя; б) мѣсто его жительства; в) предметы покупки, и г) на основаніи какого документа товаръ отпущенъ.

Отдѣльнымъ мастерамъ, механикамъ и проч., неимѣющимъ у себя постоянного производства предметовъ тисненія, законнымъ порядкомъ имъ предоставленнаго, запрещается исполнять заказы и всякаго рода снаряды для типографскаго или литографскаго дѣла. Равнымъ образомъ всѣмъ, неимѣющимъ права торговли предметами тисненія, запрещается продажа не только новыхъ, но и бывшихъ въ употребленіи станковъ и другихъ предметовъ печатанія.

Всѣ лица, имѣющіе у себя книгопечатныя или литографскіе станки, машины, прессы, словолитни и т. п., хотя бы для собственнаго употребленія, обязаны заявить о семъ мѣстному, ближайшему начальству (въ городахъ—городской, въ селеніяхъ—земской, а въ заводахъ—заводской полиціи) въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня обнаруженія настоящихъ правилъ и пріобрѣсти на пользованіе ими разрѣшеніе отъ губернскаго начальства.

За нарушеніе всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ виновные подвергаются различнаго рода наказаніямъ, состоящимъ въ штрафахъ, арестахъ и окончательномъ запрещеніи; для постоянного надзора за ихъ соблюденіемъ опредѣляются въ столицахъ особые чиновники, въ губерніяхъ же ихъ обязанность возлагается на чиновниковъ особыхъ порученій, имѣющихся при губернаторахъ; дѣла по этому предмету будутъ разсматриваться въ С. Петербургѣ въ управѣ благочинія, а въ другихъ городахъ въ губернскихъ правленіяхъ.

Между тѣмъ, какъ появляются отдѣльныя правила для типографій и для руководства гг. цензоровъ, ожиданіе новаго полнаго цензурнаго устава подстрекаетъ любопытство той части общества, которая болѣе и ближе заинтересована преобразованіемъ законовъ о печати. Въ какой бы формѣ ни выразились эти законы, само собою разумѣется, что не отъ нихъ будетъ зависѣть предполагаемое облегченіе литературы, а отъ нихъ исполнителей. Никакой кодексъ, ни одинъ законодатель не можетъ предусмотрѣть тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, кото-

рые могут встрѣтиться въ примѣненіи буквы правила къ живому и постоянно видоизмѣненію идеи. Человѣческая мысль не завѣсть въ своемъ развитіи и даже выраженіи отъ нашихъ личныхъ капризовъ или внушеній, а зарождается и формируется подъ вліяніемъ самой жизни. Жизнь создаетъ и образуетъ хорошаго писателя, вызываетъ тѣ или другія направленія, возбуждаетъ вопросы и требуетъ разрѣшенія ихъ; не во власти честнаго литератора думать по заказу и восторгаться тѣмъ, что противно его нравственному чувству; не во власти самостоятельнаго ума примѣняться къ требованіямъ какой бы то ни было вѣншей силы. Если дѣйствительныя и глубокія убѣжденія человѣка вытекаютъ изъ всей жизни его, то онъ не можетъ отказать отъ нихъ, при всемъ его желаніи. Поэтому предупредительныя законы едва ли могутъ измѣнить общее теченіе идей и сообщить имъ то или другое произвольное направленіе. Мы убѣждены, что и послѣ изданія ценсурнаго устава, какъ бы онъ обширенъ ни былъ, останется много простора личному уму цensorsа и его собственнымъ толкованіямъ. Кроме того, мы увѣрены и въ томъ, что частныя предписанія правительства, издаваемые вслѣдствіе того или другаго текущаго обстоятельства, будутъ продолжаться по прежнему. Такова неизбежная участь всевозможныхъ цензуръ.

Въ виду такого порядка вещей, мы особенно желали бы возможно-лучшей опредѣлительности и точности въ ценсурныхъ постановленіяхъ. Это—одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ избѣжать тѣхъ докучливыхъ и часто непріятныхъ столкновеній между ценсурой и литературой, которыя доселѣ были бременемъ для той и другой стороны. Мы уже не говоримъ о потери времени, развѣздахъ и совершенно бесполезныхъ объясненіяхъ о такихъ предметахъ, которые равно темны для всѣхъ. Притомъ опредѣлительность ценсурныхъ правилъ облегчить во многомъ самый умственный трудъ литератора. Когда я пишу тѣ или другія строки, я совершенно не знаю, будутъ ли онѣ дозволены въ печати или нѣтъ; еслибъ я могъ руководствоваться положительными данными и напередъ знать, что пройдетъ въ печати, тогда я постарался бы избѣжать напраснаго труда и излишнихъ расходовъ по типографіи, тогда я эти пять десять минутъ, даромъ потерянныхъ, могъ бы употребить на другую болѣе выгодную работу. А сколько потеряннаго времени окажется въ жизни каждаго писателя съ твердыми убѣжденіями и яркимъ талантомъ! Грустный, но общезвѣстный фактъ тотъ, что русскій

писатель не может прилично жить однимъ литературнымъ трудомъ; волей-не-волей онъ долженъ служить или заниматься частными дѣлами, чтобъ спасти отъ голода свою семью, если у него нѣтъ заработе обеспеченнаго состоянія. Конечно, можно указать на нѣкоторыя исключенія, въ особенности между журналистами, но сколько же этихъ исключеній въ нашемъ обществѣ, гдѣ всякій повѣренный и подъячій откущика живетъ не только прилично, но и богато, и чего стоитъ этимъ журналистамъ ихъ счастливая карьера?.. Изъ отчета журнала министерства народнаго просвѣщенія мы видимъ, что на содержаніе ценсурныхъ учреждений расходуется 162, 574 р. При взглядѣ на такую цифру невольно хочется пожелать просвѣщенному министерству возможно-лучшаго выбора людей для ценсурныхъ обязанностей.

Русское Слово уже нѣсколько разъ касалось одного изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ о воскресныхъ школахъ. Народное образованіе для насъ также необходимо, какъ воздухъ; безъ него весь нашъ прогрессъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ картонное построеніе, декорационная выставка на голой и неплодной степи. Въ самомъ дѣлѣ, какая особенная польза отъ него, когда имъ не можетъ пользоваться большинство, и именно то огромное большинство, на счетъ котораго совершаются всѣ реформы, воспитываются лучшіе дѣтели, которому мы обязаны всѣмъ въ своей жизни. До тѣхъ поръ пока масса остается въ невѣжествѣ, безъ употребленія своихъ умственныхъ силъ, мы напрасно будемъ хлопотать о преобразованіяхъ народной жизни; ни труды, ни сельское хозяйство, ни производительныя силы, ни экономическія условія страны, ни нравственность, ни литература — ничто не можетъ развиваться правильно и совершенствоваться для блага народа. Къ сожалѣнію, едва начинающія прививаться воскресныя школы уже обратили на себя неблагопріятное вниманіе правительства. Сейчас мы прочитали извѣстіе о закрытіи двухъ воскресныхъ школъ въ С.-Петербургѣ. Газеты передаютъ это извѣстіе въ слѣдующемъ видѣ: «показаніями фабричныхъ работниковъ на Петербургской сторонѣ обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ, Сампсоньевской, на Выборгской сторонѣ, и Введенской, на Петербургской, преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію социалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства. Два работника, сперва посѣщавшихъ Сампсоньевскую, а нынѣ посѣщающихъ Введенскую школу,

позволили себѣ въ артелях возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переворотахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ, и т. п. Значеніе подобнаго факта не требуетъ комментариевъ. Означенные работники арестованы по распоряженію с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

По докладу о семъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше разрѣшено: учредить особую слѣдственную комиссію, для подробнаго изслѣдованія, при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствій распорядителей и преподавателей Сампсоньевской и Введенской воскресныхъ школъ и свойства преподаваемаго въ нихъ обученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть обѣ школы, впредь до окончанія и разсмотрѣнія слѣдствія.

Слѣдственная комиссія уже приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія, а вышепоименованныя двѣ школы закрыты».

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Опытъ драматическихъ сценъ во вкусъ трагедій Софокла, почерпнутыхъ изъ донесенія новой ревизіонной комиссіи, назначенной общимъ собраніемъ акціонеровъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Инженеры, не дающіе отвѣтовъ по работамъ. — Пропажа 1,268,737 руб. сер. въ главномъ обществѣ.—Г. Бларамбергъ и орденъ Почетнаго Легиона.— Нѣчто о контрактѣ г. Адельсона.—Щедрыя преміи главнаго общества. — *Ночные* чиновники, выдуманные г. Коллиновомъ. — *Литературные* или *полемическіе* расходы. — *Наемные* писатели Journal de St.-Petersbourg и филантропическіе подвиги совѣта.—Какъ путешествуютъ чиновники главнаго общества за границей? — Состоятъ ли на службѣ общества г-жа *Жюли* и г-жа *Мартъ*? — Французскіе инженеры, страдающіе отъ русскаго климата. — Содержаніе бібліотеки общества. — Финаль. — Журнальный моръ и крушеніе нѣкоторыхъ органовъ. — *Волкъ нынѣшній и волкъ* минувшій. — Дурной глазъ Свистка — Появленіе г. Скарятина въ русской журналистикѣ и нѣчто о ржаніи.—Г. Заринъ и его метаморфоза.— «Новѣйшіе Репетиловы»—сцена въ ресторанѣ. — Праздникъ славянофиловъ въ Москвѣ и прологъ будущей поэмы. — Сходство русскаго языка съ итальянскимъ. — Выставка цвѣтовъ и растений общества садоводства.—Ея краснорѣчивая характеристика. — *Лампы* г. Штанге на цвѣточной выставкѣ!! Ея другія рѣдкости. — Новая порода Добчинскихъ и Бобчинскихъ. — Спектакль любителей. Г-жа Спорова, въ роли Оселин. — Загородныя гулянья.—Возобновленіе Петровскихъ ассамблей.—Два курьезныя обьявленія. — Точность и формальность — прежде всего!.. — Принципъ откупа. — Почему провинціалы гостепримны и радушны?—Гуманное предпріятіе А. К. Кошкина въ г. Вязомерскѣ.—Лиризмъ провинціальныхъ обьявителей.—Благодѣтельный спектакль въ г. Пензѣ.—Пермскіе либералы.—Разныя извѣстія изъ провинціи.

Мѣсяць май, являвшійся всегда петербургскимъ жителямъ въ ореолѣ безконечныхъ пожаровъ, весеннихъ выставокъ и осеннихъ холодовъ и на этотъ разъ явился къ намъ съ тѣми же гостинцами, сопровождаемыми кромѣ того весенними голосами: австрійскаго литератора Шедо-Фероти, французскаго — г. Скарятина (о немъ смотри ниже) и публициста *ерика*, написавшаго въ Санктпетер-

бургскихъ академическихъ вѣдомостяхъ статью: «учиться или не учиться»? Нѣкоторые провинцательные люди пашли, что эта статья служить объясненіемъ и эпилогомъ къ роману г. Тургенева «Отцы и дѣти», и считаютъ эту статью вполнѣ *передовой*, потому что она помѣщена въ самомъ началѣ одного изъ нумеровъ газеты г. Краевскаго. Хотя изъ послѣднихъ дѣяній нашихъ орографическихъ митинговъ извѣстно, что буква ъ — есть оскорбленная и униженная буква російскаго букваря, но вѣроятно эта благородная литера хотѣла передъ смертью доказать міру, что она самая крѣпкая и премудрая гражданка и гибнетъ жертвою узкаго обскурантизма и широкаго невѣжества. Уповава вполнѣ на доброе сердце членовъ орографическаго комитета, мы увѣрены, что они, умиаясь новыми подвигами буквы ъ, снова включатъ ее въ русскій алфавитъ. Русская же журналистика, утомленная своими долгими походами противъ г. Чернышевскаго, отдохнетъ наконецъ за чтеніемъ новаго автора и съ «ропотомъ любви» приметъ его въ свои объятія. Но, позвольте, господа: я вовсе не хочу теперь говорить о русской журналистикѣ и объ ея различныхъ явленіяхъ. Мы намѣрены заняться совсѣмъ другимъ и представить нашему читателю опытъ небольшой трагедіи въ прозѣ и стихахъ, съ хорами, на подобіе драмъ Софокла. Матеріаломъ для нашихъ сценъ послужитъ донесеніе *новой ревизіонной коммисіи, назначенной общими собраніемъ акціонеровъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ*. Годъ тому назадъ мы уже воспѣвали дѣянія главнаго общества. Наша бѣдная муза «башмаковъ еще не износила», въ которыхъ она шла за первой процессіей ревизіонной коммисіи, и вотъ теперь снова должна зажигать свой факелъ и освѣщать имъ дѣянія французиковъ изъ Бордо, инженеровъ изъ Ліона и разныхъ иностранцевъ отъ Поцѣлуева моста. Но прежде, чѣмъ мы откроемъ свое драматическое представленіе, скажемъ два слова о томъ фатумѣ, который тяготѣетъ надъ почтенными главами акціонеровъ главнаго общества. Еще въ 1860 году, вѣруа въ непогрѣшимость дѣйствій совѣта, акціонеры силою почти двухъ тысячъ голосовъ выразили свой протестъ противъ контроля совѣта и противъ первой ревизіи, которая не хотѣла утвердить его отчета. «Сердца въ васъ нѣтъ!» крикнули акціонеры, и въ прошломъ году болѣе тысячи голосовъ утвердили отчетъ, отвергнутый ревизіонной коммисіей, и выбрали новыхъ ревизоровъ. На эту новую ревизію акціонеры возложили всѣ свои надежды, воскликнувъ ей на встрѣчу:

— Явись, какъ Гераклъ, посланный Зевсомъ—Сотеромъ, освободи акціонернаго Титана отъ цѣпей и усьмири наши волненія и смуты.

Но новый Гераклъ вмѣсто утѣшенія является къ нимъ съ такою рѣчью:

— Бѣдный Титанъ! Я не могу избавить тебя отъ акціонерныхъ цѣпей и оторвать отъ той скалы, къ которой приковало тебя главное общество. Бѣдный Прометей, вспомни, что мать твою называютъ Оемидой; Оемида, слѣпая, капризная и алчная старуха, — и потому всѣ мои усилія будутъ бесполезны.

Раздается ударъ грома и блещетъ молнія. Страшное землетрясеніе.

Затѣмъ начинается акціонерная трагедія. Сцена представляетъ амфитеатръ, наполненный акціонерами. Въ огромной ложѣ, подъ тяжелымъ бархатнымъ балдахиномъ, засѣдаетъ совѣтъ. Посрединѣ амфитеатра — возвышеніе; на немъ — ревизіонная коммиссія. Надъ ложей совѣта помѣщается хоръ.

Ревизія открываетъ засѣданіе грознымъ veto.

Ревизія. Такъ какъ и прежнія коммисіи, мы протестуемъ противъ дѣйствій совѣта и требуемъ къ суду за его неправомерное довѣріе къ главнымъ дѣятелямъ общества.

Хоръ.

Отъ совѣта ждемъ отвѣта:

Это veto, это veto

Противъ дѣйствія совѣта.

Акціонеры. Намъ нужны прежде всего доказательства. Доказательствъ! Доказательствъ!

Ревизія. Доказательства слѣдующія: *инженеры* главнаго общества, вѣроятно, изъ сокращенія переписки, *не дадутъ никакихъ отчетовъ по работамъ*; работы совершаются безъ всякаго контроля совѣта.

Совѣтъ (въ сторону). О, горе... О, горе!..

Ревизія. Гг. акціонеры! Мы не нашли въ обществѣ росписокъ на выдачу весьма ничтожной суммы—1,268,737 руб. сер. Мы не можемъ утвердить расхода, записаннаго пальцемъ на воздухъ и предлагаемъ избрать для ревизіи новую коммиссію.

Акціонеры (находятся въ затруднительномъ положеніи и чешутъ затылки).

Хоръ.

У совѣта свои есть законы.
 Онъ, не зная границъ и препоны
 Можетъ сыпать вокругъ милліоны...
 Чтѣ ему всѣ убытки и риски!
 Воздвигая дома, обелиски,
 Ни съ кого не беретъ онъ росписки,
 И исполненный правды и мѣры
 Онъ для васъ, господа нижеверы,
 Сыплетъ деньги безъ счету, безъ мѣры...

Совѣтъ. Въ свое оправданіе я могу только сказать, что документы и росписки не представлены *преимущественно* по ковенскому тоннелю.

Голосъ изъ комиссіи. Помилюйте, господа старейшины! Что же это за оправданіе! Почему же работы по ковенскому тоннелю изъбавлены отъ контроля?

Совѣтъ (торжественно). Потому что начальникъ ковенскихъ работъ г. Бларамбергъ получилъ *орденъ Почетнаго Легиона*, слѣдовательно онъ заслуживаетъ наше довѣріе.

Акціонеры (съ рукоплесканіемъ). Bravo! Bravo!..

Хоръ.

Этихъ старцевъ сердце юно,
 Мой и твой—для нихъ равны,
 Ихъ новѣйшая коммуна
 Лишь дна для старины.
 Нашъ совѣтъ, премудрый въ дѣлѣ,
 Щедръ на деньги, какъ король,
 И для ковенской тоннели
 Отвергаетъ онъ контроль.
 Чтѣ ему имперіалы?
 Ихъ пуская прямо въ ходъ,
 Онъ чужіе капиталы
 Бларамбергу выдаетъ.
 Нѣтъ! Для васъ, акціонеры

Лучъ надежды не померкъ,
 Не терайте вашей вѣры:
 Возвратится Бларамбергъ.
 Знайте всѣ: во время оно,
 Вамъ служба, по мѣрѣ силъ,
 Орденъ славный *Легиона*
 Огъ не даромъ получилъ.
 Будь огъ въ Вѣнѣ, въ Пизѣ, въ Ниццѣ—
 Спите мирно, господа:
 Тотъ, кто съ орденомъ въ петлицѣ —
 Не обманетъ никогда.

Голосъ изъ ревизіон. комиссіи. Перейдемъ теперь къ дѣлу г. Адельсона, къ дѣлу, до котораго насъ почему-то совѣтъ не допустылъ. Поставляемъ теперь на видъ это дѣло будущимъ археологическимъ изслѣдованіямъ новой комиссіи. Совѣтъ былъ почему-то такъ великодушенъ къ Адельсову, что его подрядныя цѣны были два раза возвышены въ одинъ и тотъ же годъ, да еще какъ возвышены!.. Контрактъ былъ сначала заключенъ на шесть милліоновъ руб. сер., а потомъ возвысился до 13¹/₂ мил. р. с. Дѣло весьма любопытное, и мы желая его разобрать, просили совѣтъ о передачѣ намъ подлинныхъ бумагъ по дѣлу Адельсона, но намъ отказали въ просьбѣ. Почему, позвольте узнать?

Совѣтъ (послѣ нѣкотораго молчанія). Будучи огъ природы любознательны, мы сами думали разсмотрѣть это дѣло и уничтожить контрактъ съ этимъ подрядчикомъ, но... но за недосугомъ не успѣли. Мы, люди занятые, да притомъ и хилые—намъ извинительно.

Хоръ.

Справедливо, справедливо!
 Старики больны и хилы.
 Тамъ, гдѣ юность не лѣнива,
 Старцы тамъ теряютъ силы.
 Дряхлость ихъ—есть оборона
 Предъ ошибкой, передъ ложью...
 Это дѣло Адельсона
 Предадимъ на волю Божью.

Голосъ изъ ревизіон. комиссіи. Кромѣ дѣла Адельсона, мы, рассматривая расходы на постройки, нашли столько необъяснимыхъ недоразумѣній, что просили совѣтъ объяснить ихъ намъ, но получили наивный отвѣтъ, что разъясненія потребовали бы усиленныхъ работъ, вѣроятно потому, что совѣтъ совершенно не былъ знакомъ съ ходомъ работъ и построекъ.

Въ ложь совѣта вмѣсто отвѣта раздается порывистый кашель и сморканіе носовъ.

Голосъ изъ ревизіон. комиссіи. Будемъ продолжать дальше. Совѣтъ, избѣгая всякаго труда, вреднаго для его здоровья, не забывалъ все-таки своей системы поощренія. Такимъ образомъ, главные инженеры, на которыхъ лежала вся отвѣтственность за расходы, покидаютъ общество и отправляются за границу, но отправляются не съ пустыми руками, а съ громадными преміями. Чтò передъ ними всѣ Демидовскія и другія преміи! Всего назначено выдать 645,000 руб. сер. преміи. Одинъ Коллиньонъ получилъ въ премію 125 т. р. с. и уѣхалъ теперь сорить эти деньги на всемірной выставкѣ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не поощрить г. Коллиньона за его безцѣпныя услуги обществу, а ужъ если такого вельможу поощрить, то нужно это дѣлать тоже по вельможному: менѣе 125 т. р. с. ему и предложить совѣстно.

Второй голосъ изъ ревизіон. комиссіи. Что г. Коллиньонъ особа немаловажная, можно судить по тому, что у него каждую ночь дежурилъ особый чиновникъ, получавшій по 3 р. с. за ночь. Зачѣмъ же содержать *ночнаго* чиновника и платить ему 90 р. с. въ мѣсяць? Ужели *дорогая* въ полномъ смыслѣ слова жизнь г. Коллиньона была на столько въ опасности, что онъ не могъ обойтись безъ рынды, безъ тѣлохранителя? (Смѣхъ).

Первый голосъ изъ ревизіон. комиссіи. Какъ мы уже говорили, всѣхъ премій оказалось на сумму болѣе чѣмъ на полмилліона. Поощреніе, какъ видите, щедро и не имѣющее никакого смысла.

Голосъ изъ совѣта. Это зависть говоритъ, одна зависть!.. Еще недавно русскій повѣтъ князь de Wiazemsky упрекалъ въ зависти своихъ соотечественниковъ... Зависть... Зависть...

Хоръ.

Подвигъ великій опять!

Развѣ величья въ немъ нѣту?

Гимновъ нельзя не слагать
 Автору премій—совѣту.
 Такъ поощряеть, какъ оны,
 Встрѣтишь на свѣтѣ не часто...
 Гдѣ бы нашелъ Коллинзонъ
 Тисячъ почти полтораста?
 Кто ему строилъ дворецъ,
 Въ статуяхъ, въ бронзахъ и въ урнахъ?
 Кто ему далъ, наконецъ,
 На ночь безсмѣнныхъ дежурныхъ?
 Всю эту, всю благодать
 Выдумагь гений совѣта...
 Премій такихъ не видать
 Намъ до скончанія свѣта,
 (Послѣ паузы).

Гостя невскаго, московскаго,
 Иностранцевъ лучшей цвѣтъ,
 Кальцоляри и Островскаго
 Наградить готовъ совѣтъ.
 Пусть иными обскурантами
 Сей послѣдній обличень —
 Здѣсь-бы былъ ста брилліантами
 Авторъ «Минина» почтенъ.
 Въ родѣ новой эпидеміи
 Щедрость въ обществѣ живетъ,
 И за преміями преміи
 Тотъ кто хочеть и беретъ.

Голосъ одною изъ умпренныхъ ревизоровъ. Хотя мы дѣйствительно нашли, что многіе изъ сдѣланныхъ расходовъ представляютъ большую «щедрость администраціи» и даже, такъ сказать, «излишество», но, гг. акціонеры, вы все же можете утѣшить себя тѣмъ, что «эти расходы дѣйствительно произведены».

Нѣкоторые акціонеры. Ну, это не совсѣмъ утѣшительно, и намъ отъ того не легче...

Первый голосъ изъ комиссіи. Вѣроятно многимъ любопытно будетъ узнать нѣкоторые изъ расходовъ, которые дѣлались на деньги акціонеровъ. Начнемъ съ самыхъ любопытныхъ, которые назовемъ литературными или полемическими расходами.

(Общее удивленіе и шепотъ).

Голоса отъ акціонеровъ. Что это значитъ? Полемика въ главномъ обществѣ? Что это за непонятные расходы?

Первый голосъ изъ комиссіи. Какъ вамъ, гг., извѣстно, журналистика не совѣтъмъ пріязненно встрѣтила дѣянія главнаго общества. Общество рѣшилось защищаться тѣмъ же оружіемъ, чтобъ оправдать французскихъ инженеровъ и членовъ совѣта. Поэтому общество обратилось къ редакціи Journal de St.-Petersbourg, гдѣ наняла полемиста, которому платила по *пятидесяти копѣекъ* (!?) за строчку. Такимъ образомъ, за шесть оправдательныхъ статей она заплатила 714 рублей. Кроме того, совѣтъ израсходовалъ 2,912 р. за напечатаніе *статей* въ разныхъ *русскихъ* журналахъ. Желательно знать, какіе это русскіе журналы?

Совѣтъ (не издаетъ ни какого звука).

Голосъ изъ комиссіи. Помощь слѣдуетъ плата за объявленія. Двѣ французскія газеты Journal de S.-Petersbourg и le Nord заключили съ обществомъ контрактъ за годовыя помѣщенія объявленій. Journal de S.-Peterbourg платилось 1000 р. с., а le Nord—200 р. За болѣе частыя объявленія приплачено было еще 287 р., да за напечатаніе отчета въ журналѣ *отпущено* 835 р. с. Такимъ образомъ всего на журнальные даны израсходовано 5,748 р. с.

Одинъ либеральный акціонеръ, помѣщающій кое-идѣ свои статейки. Пять тысячъ! Эка штука! воскликну я словами одного знакомаго мнѣ редактора газеты. Что значить для совѣта 5 т., когда нашими же деньгами онъ заплатилъ 47,537 р. с. *процентовъ*, за *просрочку* перваго платежа за одинъ заводъ, имъ *приобрѣтенный*.

Голосъ изъ комиссіи. Въ числѣ нѣкоторыхъ великодушныхъ дѣйствій совѣта у него оказалось еще милая привычка — выдавать служащимъ французамъ деньги заимообразно, въ счетъ будущей *внѣ* службы; такъ гг. Полянне, Мондезиръ и Герель получили 7 т. р. с. Что же теперь оказывается? Нѣкоторые служащіе, получивъ деньги, уѣхали во Францію и *забранныя впередъ деньги пропали*.

Головъ изъ совѣта. Мы предлагаемъ сложить эти деньги со счетовъ...

Одинъ изъ акціонеровъ. Т. е. вынуть эти деньги изъ нашего кармана: покорнѣйше васъ благодаримъ.

Голосъ изъ комиссіи. Главное общество вполне можно назвать филантропическимъ обществомъ за его благотворительность. Г. Колляньонъ это хорошо понималъ, и въ разные сроки взялъ у общества тоже

замыслил, на свои домашнія нужды, болѣе 12,000 р. с. Что скажетъ на это совѣтъ?

Совѣтъ испускаетъ глухіе стоны.

Голосъ изъ р. коммиссіи. Изъ донесеній прошлагодней ревізіи мы уже знаемъ, какъ путешествовали Французы по Россіи и какіе фантастическіе переѣзды совершалъ г. Легетръ. Теперь мы узнаемъ, что чиновники главнаго общества не менѣе фантастически путешествуютъ за границей. Тому примѣромъ можетъ служить г. Веберъ. Долго бы было рассказывать, какъ этотъ новый Монте-Кристо *переправлялся* изъ Парижа въ Петербургъ; скажемъ только одно, что переѣздъ этотъ стоилъ обществу ровно 2,069 р. с. Если только совѣту извѣстно разстояніе между Парижемъ и Петербургомъ и приблизительныя издержки на переселеніе изъ одного города въ другой, то онъ можетъ сообразить какъ путешествовалъ г. Веберъ.

Также, напримѣръ, г. Герель на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ изстратилъ 500 р. с., а г. Герену (старому нашему знакомому), который имѣетъ 4 курьеровъ иностранцевъ, общество выдало 4,400 р. с. награды. Перейдемъ теперь къ весьма интереснымъ расходамъ *по врачебной части*. Хотя по одной варшавской линіи открыто 9 врачебныхъ округовъ и на содержаніе докторовъ выдано 20 т. р. с., по какой-то игрѣ случая понадобились еще частныя доктора (имъ заплачено 5,740 р.) и притомъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ живутъ врачи главнаго общества. Въ числѣ многихъ странныхъ расходовъ есть, напр., слѣдующіе: доктору Лешпеvesкому 33 р. за *лечение 1-жи Жюли* (?) и с. доктору Розенблюму 10 р. за *лечение 1-жи Мартъ*. Это можно объяснить только тѣмъ, что вѣроятно эти дамы находятся тоже на службѣ общества (смѣхъ).

При такой-то системѣ леченія на покупку однихъ лекарствъ было израсходовано въ теченіи года 16½ т. р. с.

Голосъ изъ совѣта. Въ этомъ нужно уже винить нашъ суровый климатъ, котораго не могутъ выносить Французы. Если бы не наше участіе, то ихъ въ Россіи постигла бы участь Французовъ подъ Москвой въ 1812 году—они бы замерзли.

Голосъ изъ коммиссіи. Совершенно справедливо. Мы видимъ это изъ отчетовъ, въ которыхъ наши, что для одного г. Поле куплено ваты на 11 р. 60 к. (смѣхъ). Впрочемъ, изъ вѣдомостей видно, что тѣ лица, для которыхъ выписывались лекарства, не значатся въ спискахъ больныхъ и потому мы даже не знаемъ для кого

иногда выписывались лекарства, большею частью очень цѣнныя. Вѣроятно это дѣлалось по той теоріи, что «хотя больных нѣтъ, но они могутъ быть».

Другой голосъ изъ комиссіи. Неудобно-ли еще замѣтить другой фактъ о предусмотрительности совѣта. Ревизіи извѣстно, что въ Петербургѣ, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ помѣщается совѣтъ, находится крошечная библіотека, состоящая только изъ 355 сочиненій и нѣкоторыхъ журналовъ за три года. Вся эта библіотека стѣнитъ около 4,000 р. Содержаніе же этой библіотеки (у которой есть библіотекарь съ помощникомъ (?)) по однимъ окладнымъ выдачамъ обходится обществу въ 2,300 р. с. Что скажутъ на это господа акціонеры?

Три, четыре акціонерные голоса. Мы протестуемъ, рѣшительно протестуемъ.

Акціонеръ съ бородой. Совѣтъ долженъ дать полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Акціонеръ, пописывающій кое-гдѣ въ газетахъ. Я объ этомъ напишу громовую статью.

Акціонеръ изъ отставныхъ корнетовъ. Вѣдь за такія штуки можно. У насъ въ арміи...

Акціонеръ помѣщикъ. Мнѣ подай мои деньги, а тамъ мнѣ—трава не расти...

Акціонеръ въ вицъ-мундирѣ. Нужно сперва донесеніе комиссіи хорошенько изслѣдовать, а потомъ и судить совѣтъ—пусть и онъ заявить свое мнѣніе.

Господинъ въ парикъ съ тоненькимъ голоскомъ. Совершенно справедливо! Ревизоры слишкомъ придирчивы—у нихъ вездѣ задняя мысль...

Старый селядонтъ восьмидесяти лѣтъ (шепотомъ). Мое мнѣніе, господа, мое мнѣніе... позвольте мнѣ сказать... члены совѣта стоятъ полного довѣрія... господа, позвольте, позвольте сказать мнѣ свое мнѣніе...

Толстый господинъ, спавшій во все время засѣданія. Охота требовать объ этомъ. Пора бы и закушать вати.

Откупщикъ. Ревизоровъ нужно бы всѣхъ на смѣну. Пусть по акціону лучше идутъ служить.

Акціонеръ изъ отставныхъ корнетовъ. По моему такъ по... У насъ въ арміи...

Многіе голоса. Да здравствуетъ совѣтъ! Прочь ревизоровъ!.. Зависть одна въ нихъ говорить... Пустоголовые прогрессисты... Да здравствуетъ совѣтъ!

Хоръ.

Пусть ревизоры лукавые
 Членовъ совѣта не чтуть,
 Образы ихъ величавые
 Долго въ вѣкахъ не умрутъ,
 Но обхода всю вселенную
 Вызовутъ рядъ пирамидъ,
 Даже Скратинъ бездѣнную
 Книгу о нихъ сочинить...
 Пусть филантроповъ утопія
 Для обличителей—брѣдь,
 Но идеаль филантропія
 Въ жизни проводитъ совѣтъ.
 Лучше иной академія
 Онъ просвѣщаетъ народъ,
 Самыя щедрія премія
 Всѣмъ, кто пришелъ, раздастъ.
 Платитъ оброки въ редакціи,
 Чтобъ успокоить умы,
 Въ руки забравши всѣ акціи,
 Деньги вручаетъ въ займы.
 Сыплеть щедроты для ближняго
 Всюду—вблизи и вдали,
 Лечитъ отъ Луги до Нижняго
 Мартъ съ г-жею Жюли.
 Смолкни же зависть коварная,
 Смолкни теперь навсегда
 Въ небѣ взошла лучезарная
 Членовъ совѣта звѣзда.

Водворяется полная тишина. Восходъ солнца. Занавѣсъ опускается.

На этотъ разъ довольно говорить объ акціонерахъ главнаго общества. Текущій годъ тяжелъ не для однихъ акціонеровъ. Каниталисты плачутъ, откупщики, помѣщики плачутъ, домовладѣльцы тоже на что-то жалуются... Въ русской журналистикѣ также не совѣтъ

благополучно. Кромѣ нашествія варваровъ подъ предводительствомъ разныхъ Беврыловыхъ, Нескажусей, Охочекомонныхъ и Бряновъ, она потерпѣла и другія невыгоды. Не одинъ ея органъ сошелъ въ могилу. Невинная, добродѣтельная *Русская Рѣчь* кончила свою смиренную карьеру; *Зоря* совсѣмъ не явилась, даже не зарумянилась; С.-Петербургскія Вѣдомости, управляемые г. Краевскимъ, доживая свои послѣднія часы, думаютъ только воскреснуть подъ родительскимъ кровомъ г-на Корша. Единственный органъ Евреевъ, *Сіонъ*, и тотъ недавно объявлялъ о своемъ прекращеніи. Редакція *Сіона* извѣщаетъ, что, «встрѣчая особенныя препятствія къ опроверженію неосновательныхъ обвиненій, взводимыхъ нѣкоторыми изъ органовъ русской журналистики на Евреевъ и еврейскую религію, а равно къ раскрытію истиннаго духа послѣдней, редакція *Сіона* считаетъ своею обязанностью прекратить свое изданіе до исхода тайствованія болѣе обширной «программы».

На дняхъ еще совершилось новое крушеніе. Газета *Вѣкъ*, съ такимъ шумомъ и трескомъ начавшая свое земное поприще въ прошломъ году, по мановенію редакторскаго жезла г. Вейнберга послѣ медленнаго недуга, скончалась. Напрасно почтенный кружекъ нѣкоторыхъ литераторовъ думалъ поднять упавшую репутацію газеты; онъ сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать, — но старая фирма газеты страшитъ каждаго читателя, какъ роковыя слова: «манн, факель, фаресь», и потому злополучный *Вѣкъ*, памятный всѣмъ по своей прошлогодней дѣятельности, умчался въ слѣдъ за *Русской Рѣчью*. Вѣдь большинство нашей публики въ этихъ случаяхъ не разбираетъ; публика не взяла на себя труда

... посмотрѣть, да посравнить

Вѣкъ нынѣшній и *тѣкъ* минувшій...

и роковое паденіе свершилось... Впрочемъ, по моему, можетъ быть, ошибочному мнѣнію *минушій Вѣкъ* палъ не отъ одного равнодушія публики. Вѣкъ сглазилъ Свистокъ; у Свистка глазъ не хорошій и рука тяжелая. Напр., едва только Свистокъ попробовалъ прославить Н. И. Костомарова, какъ на него посыпались со всѣхъ сторонъ разные журнальные нападки. Громеку воспѣлъ Свистокъ — и Громека какъ въ воду канулъ. То же самое случилось и съ Вѣкомъ. Едва только этотъ молодецъ появился на Божій свѣтъ, выбравъ своимъ

воспріимчива, кажется, болѣе сотни литераторовъ, имена которыхъ были выставлены въ объявленіи Вѣка, какъ Свистокъ тотчасъ же поднесъ ему на зубокъ торжественную оду. Припомнимъ нѣкоторые куплеты:

Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
Вѣкъ Кавелина, Дружинина
Возвратить намъ цѣликомъ.

Въ Вѣкъ Вейнберга, Кавелина
Будеть всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.

Вѣкъ счастливый Безобразова
Бѣдника обогатить,
Зрячимъ сдѣлаеть безглазого
И банкроту дать кредитъ...

Будетъ зрѣло все, что зѣдемо,
И свершится человекъ...
Вѣкъ Дружинина, Кавелина
Чернокнижникова Вѣкъ!...

Мѣсяца не прошло съ появленія этой оды—и вотъ

Вѣкъ Дружинина, Кавелина
Укротилъ свой быстрый бѣгъ...
И сложить въ могилу велѣно
Ставший хладнымъ трупомъ Вѣкъ.

Вотъ какой дурной глазъ у Свистка. Пусть же осторожные родители берегутъ своего ребенка отъ его глаза, даже «Ребенокъ» г. Бобарыкина не избѣжитъ печальной участи, если Свистокъ какъ-нибудь случайно на него взглянетъ. Пусть глазитъ самостѣпавка кого ей угодно, мы боимся только за одного человека, мы трепещемъ за одинъ новый талантъ, который нужно на перыкъ поракъ поощрить, а не зануговать рѣзкимъ свисткомъ. О, бессердечные ры-

цари самостоляеки! Возмите хоть приглядъ съ Сѣверной Почты и вытѣсь съ ней поддержите молодое дарованіе г. Скарятинъ. Сѣверная Почта первая отличила его и первая поздравляла А. А. Краевского съ новымъ, даровитымъ сотрудникомъ. Обращаюсь къ читателямъ, которые, я думаю, уже давно оцѣнили тонкоо чутье и тактъ С. Почты; они вѣроятно обратятъ свое вниманіе на писателя, отмѣченнаго ея пророчательнымъ перстомъ. Воспитанный въ англійскихъ паркахъ Русскаго Вѣстника, г. Скарятинъ явился на аренѣ петербургской журналистики въ то время, когда она тосковала объ отсутствіи сильныхъ талантовъ, когда г. Краевскій дѣлалъ свой «свистокъ», а Сѣверная Пчела всѣ свои передовыя статьи посвящала часовой цѣпочкѣ г. Чернышевскаго. Время было мрачное, безрадостное. Въ эти-то дни г. Скарятинъ явился передъ нами съ своей статьей: «Образцы самоувѣншаго краснорѣчія» (С. П. Вѣд., № 58). Это были записки стенографа, приправленные собственнымъ юморомъ автора. Что это былъ за юморъ, что за остроуміе!.. Успѣхъ статьи былъ полный. Но дѣятельный геній г. Скарятинъ не дремалъ. Онъ сочинилъ восторженную статью... о чемъ бы вы думали?.. «О выкупѣ», составилъ письма о Кавказѣ и наконецъ читалъ публично свое замѣчательное сочиненіе «Нѣсколько словъ о современномъ положеніи Франціи». Въ этотъ роковой вечеръ я былъ во 2-й гимназіи на засѣданіи ореографическаго общества, совершенно не подозревая, что въ тотъ же вечеръ и въ томъ же зданіи назначенъ публичный литературный вечеръ.

— А пойдете вы на литературное чтеніе? спросилъ меня не помню кто—то во время ореографическихъ преній.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мнѣ хочется быть здѣсь. А кто будетъ читать?

— Какъ, вы не знаете? Кромѣ того, что вы услышите г-жу Толмачеву, кромѣ того сегодня участвуетъ въ чтеніи знаменитый литераторъ, г. Скарятинъ.

Тутъ пришелъ мой чередъ удивиться. Какъ не интересны были для меня пренія о буквахъ ъ и е, я не просидѣлъ въ засѣданіи лишней минуты, и тотчасъ же бросился въ залу, на чтеніе. Въ это время Ноловскій читалъ свое «Свѣжее преданіе»... Я слушалъ сначала внимательно, рукоплескалъ при каждомъ хорошемъ стихѣ и терпѣливо дождался конца. Но конца все не было. Торжественное чтеніе длилось, длилось, не переставая; глаза мои стали застилать какой-то ту-

манъ, рѣсницы сплпались и я—да простятъ меня боги—уснулъ сладко и спокойно... Вдругъ громъ рукоплесканій разбудилъ меня. Открываю глаза и начинаю смотрѣть: передъ публикой, наконецъ, явился г. Скарятинъ съ тетрадкой въ рукѣ и чтеніе началось. Это былъ гимнъ наполеоновской Франціи, гимнъ примиряющій, успокоивающій, открывшій намъ поэзію и благодать тамъ, гдѣ мы ихъ не думали встрѣтить... Великолѣпные, круглые, самые правильные монологи вырывались изъ устъ г. Скарятина; мнѣ показалось даже, что я слушаю продолженіе «Свѣжаго преданія». Одинъ слогъ его статьи чего стоитъ! Самъ Юма Юмичъ, слогъ котораго всѣ ставили нѣкогда за образецъ, не имѣлъ тутъ никакого значенія... Когда г. Скарятинъ замолчалъ, кончивъ чтеніе, я не могъ не подосадовать, что оно не можетъ продолжаться еще, еще, почти не прекращаясь... Слушая рѣчи г. Скарятина, я, полный восторга, пересталъ даже мыслить, думать пересталъ и только слушалъ ихъ съ безсознательнымъ восторгомъ.

Я-бъ желалъ, тѣ рѣчи повторяя,
Слушать ихъ до истощенія силъ,
Чтобы весь день, всю ночь мой слухъ лаская
Господинъ Скарятинъ говорилъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вечера, статья «О современномъ положеніи Франціи» появилась въ С. П. Вѣд., купленная, говорятъ, на вѣсъ золота...

Еще не стихли ахи и крики восторга, еще не остыло въ насъ первое впечатлѣніе послѣ статьи новаго публициста, какъ вдругъ снова появляется въ Современной Лѣтописи его удивительная статейка: «О табунныхъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ русскаго челоѡка». Въ этой статейкѣ г. Скарятинъ явился комментаторомъ одного маленькаго стихотворенія г. Фета. Въ стихотвореніяхъ Фета, какъ извѣстно, отвергають всякую мысль; г. Скарятинъ опровергаетъ это.

Припомните слѣдующую пѣсенку Фета:

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ нвы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.

Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
 Вѣтръ ползеть лѣсною высю;
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табувъ несется рысю.

Не читая статьи г. Скарятина, вы, пожалуй, не найдете въ этой пѣснѣ никакой «печати мысли»; только послѣ статьи, которая, такъ сказать, очеловѣчила это стихотвореніе, вы поймете ея глубокий смыслъ и особенно смыслъ послѣднихъ двухъ стиховъ:

Слышишь ржанье по долинамъ:
 То табувъ несется рысю.

Прочитавъ статью, вы догадаетесь, что это не простой табувъ несется, а табувъ, состоящій изъ русскихъ людей, изъ васъ самихъ, мои милые читатели. Если не вѣрите, спросите г. Скарятинъ: онъ вамъ это, какъ дважды два—четыре докажетъ, что ржать — ничего, можно—всѣ ржутъ, а на людяхъ и смерть красна...

Ржаніе въ почетѣ
 Въ этотъ смутный годъ:
 Ржалъ Шедо Ферроти,
 Наше Время ржетъ,
 Ржетъ, какъ стадо въ молѣ,
 Обскурантовъ рать...
 Чтожъ? Скорятинъ, что-ли,
 Началъ первый ржать?..

Какъ бы то ни было, а г. Скарятинъ первый въ наше время началъ вновь проповѣдывать о переселеніи душъ: у него люди обратились въ лошадей. Онъ въ этомъ случаѣ оказался гораздо смѣлѣе г. Бланка, который просто причисляетъ людей къ скотамъ.

Итакъ мы видимъ теперь, что таланты у насъ все-таки есть: одинъ г. Скарятинъ десятерыхъ стоитъ. Таковъ ужъ дѣятельный духъ времени: онъ изъ ничего созидаетъ и раздуваетъ пламя дарованій тамъ, гдѣ мы ихъ и не подозревали. Вспомните, напримѣръ, о томъ: какова была годъ тому назадъ литературная дѣятельность г. Зорина? Чѣмъ онъ занимался? Начинаемъ припоминать и находимъ, что г. Зоринъ пописывалъ любовные, слезоточивыя стиха, воспѣвалъ луну и

теплую погоду, слезы и розы, какія-то *поблѣднѣвшія черты лица* (?), плакалъ о милой и о томъ, что ночь морозная ея «нѣжное тѣло знобить». Вотъ чѣмъ развлекался г. Зоринъ! И это недавно, не въ лѣта «пылкой юности», а всего одинъ только годъ назадъ. Но Сатурнъ не дремалъ, дѣлалъ свое дѣло, и теперь мы не узнаемъ г. Зорина съ запасомъ сладкихъ пѣсенъ къ лунѣ и къ милой... Теперь онъ принялся за критику, самую ужасную, самую страшную критику... Никому не дастъ пощады, всѣхъ *критикуетъ*.

— Ахъ, какія ужаси! вскрикнули бы милыя барышни съ галерной гавани, что за ужасный кавалеръ!

Дѣйствительно, опасный критикъ г. Зоринъ. Никто не могъ и предположить, чтобъ авторъ конфетныхъ куплетцевъ вдругъ преобразился въ такого свирѣпаго критика, которому все ни по чѣмъ: мон, дескать, статьи—есть вещь, а прочее все гиль. Никому онъ пощады не дастъ, даже своимъ сотрудникамъ по журналу. Напримѣръ, въ апрѣльской книжкѣ Библ. для Чт. г. Всеволодъ Крестовскій помѣстилъ свое стихотвореніе, а г. Зоринъ, въ той же самой книжкѣ, вотъ что говоритъ о г. Крестовскомъ: «Какое же есть отношеніе между г. Крестовскимъ и какими бы то ни было направлениемъ? Онъ пишетъ стихи иногда вовсе *бездарные*, иногда такъ—себѣ, — вотъ и все». Вотъ что значитъ истинное-то *безпристрастіе!*.. А вамъ г. Крестовскій и по дѣломъ: въ другой разъ и не отдавайте вашихъ стиховъ въ такіе безпристрастные журналы, а то вѣдь выходитъ не хорошо...

Что же касается до направленія самыхъ статей г. Зорина, то онъ въ этомъ собаку съѣлъ. Вы чувствуете, что направленіе есть, а какое—не угадаете, какъ ни напрягайте свой умничко. Если же вы, паче чаянія, и угадаете что нибудь, то ужъ лучше пожалуйста молчите. Авось мы и сами догадаемся, и тогда... Пока еще мы только почерпаемъ одни отрывочныя, но глубокія мысли изъ статей г. Зорина. Вотъ хоть послѣдняя его статья «Не въ бровь, а въ глазъ»... чего тамъ нѣтъ: просто всемірная выставка разныхъ великихъ мыслей. Такъ прямо бери готовые и вези въ Лондонъ. Беремъ двѣ,—три наудачу:

«Солнце навсегда останется удивительнымъ свѣтиломъ».

«Отъ подлужины словъ: «принципъ»—все человѣчество

обезумѣло».

«Кого ненавидятъ, того *ненавидятъ*, а не презираютъ».

«Кого презираютъ, того *презираютъ*, а не ненавидятъ» и т. д.

И вотъ все такія новыя и богатыя мысли...

За то спросите теперь нѣкоторыхъ современныхъ Репетиловыхъ, какого они мнѣнія о статьяхъ гг. Зорина, Охочекомоннаго, Скартина и т. д., и т. д. Спросите ихъ, и они общимъ хоромъ скажутъ вамъ... Но позвольте, у меня есть небольшая сцена, въ которой одинъ изъ такихъ Репетиловыхъ раскроетъ свою душу. Прошу, если не скучно, прослушать.

СЦЕНА ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Одинъ изъ Репетиловыхъ появляется въ дверяхъ. *Пріятель* сидитъ за обѣдомъ.

Репетиловъ.

Ба! вижу я кого? Позволь тебя обнять,
Любезный другъ, товарищъ, сослуживецъ!
Сюда, ко мнѣ, цѣлуй меня, лѣндивецъ.
Не видѣлъ столько лѣтъ и вижу вдругъ опять.
Прошу жъ предчувствіе мое растолковать.

Сейчасъ по Невскому иду,
Прогулка для меня есть нѣчто въ родѣ службы,
Вдругъ Доминикъ смотрю: хотъ нѣту вовсе нужды,
Дай, думаю, зайду.
И вотъ спѣшу, лечу, прохожихъ вокругъ толкаю,
Двумъ дамамъ оборвалъ хвосты,
Вхожу, и наконецъ—пріятеля встрѣчаю...
О, дружба, это ты!

(Бросается обнимать его)

Пріятель.

Скажи, любезный другъ, ты боленъ? Цѣняъ ты, что-ли?

Репетиловъ.

Мои снѣгъ, кто нынче пьетъ! Теперь мнѣ до того-ли.
Вино родитъ хандру, унынье и тоску...

(Обращаясь къ мальчику)

Подай мнѣ рюмку коньяку...

(Слуга уходитъ и приноситъ рюмку).

Да, пьянство есть порокъ! Принципъ мой строгъ и вѣренъ...

Читалъ ты, я увѣренъ,
«Отцы и дѣти»? (пѣть)
Злой коньякъ!..

Пріятель.

А ты читалъ?

Репетиловъ.

Зови хоть ренегатомъ,
Зови меня и такъ, и сякъ:
Я червь, я моль, я атомъ...
Я это имя заслужилъ;
Когда-то былъ славянофилъ,
Кафтанъ съ поддевкой и муромку носилъ,
Погодина читалъ, возился съ Хомяковымъ,
Религіозенъ былъ, ѣлъ постное постомъ...
Потомъ
Ученемъ заразился новымъ,
Сталъ бредить Чернышевскимъ, Бовымъ,
Свистѣть пустился, отрицать...
А послѣ—хватъ
И просвистался разомъ.

Пріятель (смѣясь)

А что жъ теперь?

Репетиловъ.

Теперь меня на разумъ
Навелъ Тургеневъ наконецъ.
Теперь я, знай же, мой отецъ,
Съ людьми такими знаюсь,
Что за разсудокъ свой, ей Богу опасуюсь.

Пріятель.

Что жъ, въ желтый домъ попалъ?

Репетиловъ.

Мой ангелъ, не труни!
Сперва людей узнай, а послѣ и брани.

О Чернышевскомъ тамъ нарою тамъ трактуютъ,
 Что даже и меня на старости взволнуютъ.
 Ума-то, миленькій, ума-то сколько тамъ...
 Когда, повѣришь ли, вдругъ волю дасть умамъ
 Вся Библіотека для чтенья —
 Кому отдать не знаешь предпочтенье.
 Все гениі одни, что слово—то алмазь,
 Лишь мы съ Печаткинымъ немножко поотстали,
 Умишки старые, робѣли всякій разъ,
 Но много ихъ идей и мы понахватали,
 И прогрессисты всѣ—теперь намъ ни почемъ...

Пріятель.

О чемъ же весь вашъ споръ?

Репетиловъ.

О чемъ! О чемъ! О чемъ!
 Навивѣйшій вопросъ! Скажи мнѣ самъ: да гдѣ ты,
 Въ какомъ ты обществѣ, въ какой странѣ живешь?
 Читай, мой другъ, читай! Въ газетахъ все найдешь —
 Библіотѣку, День.. есть разные газеты...
 Тамъ все друзья мои...

Пріятель.

Да кто жъ твои друзья?

Репетиловъ.

Могу ихъ описать тебѣ сейчасъ же
 Что за-люди, мои сего! Почувствуй и пойми ты:
 Во-первыхъ, я начну съ Безрылова Никиты.
 Буфонъ единственный, писателямъ—примѣръ
 Съ юмористическимъ, рѣшительнымъ талантомъ,
 Хоть обскурантъ въ душѣ, но ты пойми, мои сего:
 Вѣдь умный человекъ родится обскурантомъ—
 Знакомъ ты съ нимъ? Отличный господинъ.
 Другой—по имени Зоринъ.
 Ты критики читалъ его? Идея,
 Вездѣ идея новая видна,
 И умъ, во моему, подъ лавку Маколеев,

Когда изучишь Формула.

А наше солнышко, витія и ученый...

Какъ бишь его? Охо... че... чекомонный.

Одной фамиліей онъ долженъ умъ плѣнять.

Пріятель (тихонько беретъ шляпу и незамѣченный уходитъ).

Ренетилловъ.

Но если геніемъ захочешь ты назвать —

Кто въ изложеніи такъ сладокъ и пріятенъ?

На выдумки различныя хитерь,

Такъ пронизателевъ, начитанъ и остерь,

Кто?—Господиновъ Скарятинъ.

Ты сочиненія его

Читалъ-ли, Алексѣй Ивановичъ?

Нѣтъ? ничего?

Такъ прочитай, топ шер, хоть на ночь.

Прочтешь? въ томъ клятву дай мнѣ... Онъ

Всѣхъ лошадыми назвалъ, не выше и не ниже.

За то съ нимъ дружбу велъ, когда онъ жилъ въ Парижѣ,

Самъ Бонапартъ, Луи-Наполеонъ...

Прочти его, смотри же!

Онъ пишетъ обо всемъ: онъ лучшей публицистъ,

Философъ и мудрецъ, историкъ и политикъ,

Гуманный адвокатъ, художественный критикъ

И наконецъ—фельетонистъ.

Писать особая далась ему манера...

Послушай! Гдѣ же ты? Сидѣлъ вотъ здѣсь сейчасъ!

(Ищетъ глазами вріателя.)

Бесѣдовалъ со мной и вдругъ пропалъ изъ глазъ...

Послушай, знаешь ли, какая ждетъ карьера...

Слуга (входитъ):

Чего прикажете?

Ренетилловъ (не много подумавъ).

Бутылку релерера.

Перейдемъ теперь къ двумъ новостямъ текущаго мѣсяца: къ вы-
ставкѣ общества садоводства въ Петербургѣ и празднику славянофи-

ловъ въ Москвѣ. Вотъ что пишутъ же мнѣ по поводу этого праздника изъ Москвы:

«Между тѣмъ, какъ вы, любезные петербуржцы, дѣлаете и не умѣете сдѣлать вашего прогресса, у насъ въ Москвѣ совершилось замѣчательное событіе. Въ пятницу, 11 мая, когда празднуется память св. Кирилла и Мефодія, славянофилы въ честь этого праздника устроили торжество. «Общество любителей россійской словесности», не смотря на свои усиленные занятія и труды, рѣшилось отпраздновать этотъ день со всею славянскою пышностью. Я, какъ любознательный юноша, вскормленный московскими калачами, Москвитяниномъ и Маякомъ употреблялъ все усилія, чтобъ поучаствовать на это торжество. Даже, не смотря на скудность своего кошелька, сшилъ себѣ великолѣпный славянскій костюмъ, остригся въ кружало и въ этомъ новомъ видѣ хотѣлъ вступить въ число гостей славянскаго праздника. Но, увы! все мои хлопоты, старанія и издержки пропали даромъ, оказались бесполезными.

— Онъ недостойнъ присутствовать на нашемъ торжествѣ, рѣшили славянофилы. Онъ только живетъ въ Москвѣ, а на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ петебургскій Тряпичкинъ.

— Вонъ Тряпичкиныхъ! Не пускать ихъ въ нашу среду...

Итакъ, ошельмованный за свою любознательность, я потерялъ всякую возможность участвовать въ праздникѣ славянофиловъ. Я могъ только завидовать тѣмъ счастливицамъ, для которыхъ не было отказа и которые были приняты славянами. Къ этимъ счастливицамъ принадлежали: М. П. Погодинъ, С. А. Масловъ, А. Ѳ. Вельманъ, И. С. Аксаковъ, О. М. Бодянский, В. М. Ундольскій, С. М. Соловьевъ, М. И. Лонгиновъ, П. И. Бартепьевъ, В. А. Елагинъ, И. Д. Бѣляевъ, И. В. Бѣляевъ, В. И. Лешковъ и другіе. Къ общему удивленію москвичей славянофилы допустили на свой праздникъ много дамъ.

Но напрасно бы требовали вы отъ меня, чтобы я разсказать, въ чемъ именно заключался праздникъ, сколько рѣчей произнесъ М. П. Погодинъ, какое открытіе сдѣлалъ на немъ М. И. Лонгиновъ и т. д. Я ничего этого не могу сообщить. Тайна сія—великая есть... Но такъ какъ праздникъ этотъ очень многихъ интересуется, то я постараюсь собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія и напишу вамъ, пожалуй, хоть цѣлую поэму. А пока поэмы нѣтъ, посылаю вамъ пролезу къ этому будущему произведенію. Чѣмъ богаты—тѣмъ и рады.

Прологъ

будущей поэмы.

У лукоморья дубъ гигантскій,
 Златая цѣпь на дубѣ томъ,
 И днемъ и ночью котъ славянскій
 Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
 И всѣмъ прохожимъ—коннымъ, пѣшимъ —
 Поеть,—и слушаетъ весь мѣръ.

* * *

Москва, Москва! Тамъ русскимъ лѣшимъ
 Зовется греческій сатиръ;
 Тамъ все одной родной заварки,
 Тамъ самодуры — старики,
 Тамъ вмѣсто нимфъ — однѣ русалки,
 Нырря, мчатся вдоль Оки.
 Тамъ въ цвѣтѣ доблести и мочи
 На печкѣ дремлетъ наша лѣнь,
 И блещетъ тамъ, не зная ночи,
 Благочестивый, постный «День».
 Тамъ много витязей въ кольчугахъ,
 Къ прогрессу жалости полны,
 Европу, сгнившую въ недугахъ,
 Хоронять въ пѣсняхъ старины;
 И тамъ друзьямъ—славянофиламъ
 Погодишь рѣчи говорить,
 И сарафаномъ бредитъ милымъ
 И къ позабытымъ двумъ могиламъ
 Славянамъ всѣмъ идти велитъ.
 Тамъ въ терему купчиха чахнетъ,
 Тамъ рядъ откормленныхъ невѣстъ
 И сладко спитъ, и сладко ѣсть...
 Тамъ русскій духъ... Тамъ Руссю пахнетъ!...

* * *

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
 Тамъ видѣлъ я и дубъ гигантскій,
 Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ славянскій
 Свою мнѣ сказку говорилъ...

И скоро, скоро сказку эту
 Я соберусь повѣдать свѣту,
 И новый День, восвѣтый въ ней,
 Напомнить намъ, какъ гуль далекій:
 «Дѣла давно минувшихъ дней,
 Преданья старины глубокой».

«Чтобъ поразить славянофиловъ и доказать имъ, что я не какой
 нибудь Тряпичкинъ, я общаюсь поэму свою написать «складомъ ста-
 ринныхъ людей» и русскихъ народныхъ пѣсенъ, однимъ словомъ, язы-
 комъ, достойнымъ каждаго члена «общества любителей россійской
 словесности». Для примѣра вотъ хоть одинъ такой образчикъ:

За Москвою-рѣкою тучи народу!
 За Москвою-рѣкою готовится праздникъ!
 На полѣ кругъ обведенъ изъ каменьевъ,
 Въ кругу на вколоченныхъ сваяхъ
 Широкая лодка стояла,
 На лодкѣ—помость, вокругъ помоста—балясы,
 На помостѣ—обѣденный столъ.
 Все что славянскимъ желудкамъ подъ-силу,
 Все тутъ стояло: медъ, брага, пиво, наливка;
 Кушанье: ши, каша, лапша, оладьи и сырникъ;
 Лакомство: рѣпа, брюква, морковь и орѣхи.

На восходѣ солнца отъ лодки
 Стояли одинъ близъ другаго старинные боги:
 Перунъ съ золотыми усами,
 Да ярило въ вѣнкѣ изъ овсяныхъ колосьевъ,
 А въ срединѣ Погодинъ стоялъ
 И готовился къ мудрому слову.

Пусть по этому первому опыту славянофилы поймутъ, что во
 мнѣ они потеряли лучшаго своего товарища. Одинъ изъ такихъ сла-
 вянофиловъ читалъ на дняхъ отрывокъ изъ моего новаго произведенія:
 «Слово о полку Аксакова» и пришелъ въ восторгъ неописанный...
 Начавъ свою рѣчь похвалою мнѣ, онъ кончилъ восхваленіемъ русскаго
 языка и его силы, и оригинальности.

Я, ради шутки, сталъ ему противорѣчить.

— Ну, ужъ какой оригинальный языкъ! говорилъ я. Что-то очень сомнительно... Знаете ли вы, что одиень мой пріятель положительно доказалъ сходство русскаго языка... съ какими бы вы думали языкомъ?

— Съ какими?

— Съ итальянскими! проговорилъ я рѣшительно.

Славянофилъ подпрыгнулъ на мѣстѣ отъ удивленія.

— Да вашъ пріятель вѣрно съ ума сошелъ...

— Не знаю... Не угодно ли вамъ будетъ прослушать стихи моего пріятеля, писанные имъ во время пребыванія въ Одессѣ. Стихи сами по себѣ безобразные, бессмысленные, пожалуй, но не въ красотѣ, не въ смыслѣ этихъ стиховъ дѣло... Послушайте:

О, сонъ на морѣ—диво сонъ!
Одесса... май и Коста (*)
Я пью, а кольми паче онъ
Не сто, а триста тоста.
И пьянъ же, пьянъ же, пьянъ же онъ...
Копите вина Коста!..
О, сонъ на морѣ—диво сонъ...
Да вѣрно онъ неспроста.

Вы, напримѣръ, думаете, что эти два безобразные сами по себѣ куплета написаны по-русски? Да?

— По-русски.

— Ошибаетесь. Здѣсь нѣтъ ни одного русскаго слова: это безсвязный наборъ однихъ только итальянскихъ словъ. Читайте:

O son amore, divo son!
Odessa, mai Costa...
Ia piu a col mi pace on —
Ne sto, attrista tosta.
I piange, piange, piange on,
Capite vina Costa!
O son amore, divo son!
Da veero onesprosta.

Эта игрушка такъ разсердила славянофила, что онъ даже не хотѣлъ признать ее остроумной... Пока до свиданья!

(*) Одна изъ гостинницъ въ Одессѣ.

Этимъ оканчивается письмо изъ Москвы, следовательно о правдивости славянофиловъ пока нечего сообщать.

Другая майская новость, воспѣваемая всѣми газетами — выставка цвѣтовъ и растений обществомъ садоводства. Музыка и цвѣты — это слабость, *idée fixe* всего взятнаго, нервнаго и благовоспитаемаго въ Петербургѣ. Мы, какъ старыя красавицы, въ музыкѣ и цвѣтахъ любимъ ихъ раздражающую, наркотическую сторону. Пусть не смѣниваютъ этой любви съ наивнымъ увлеченіемъ бѣленькой Нѣмочки, которая съ восхищеніемъ воснитываетъ въ банкѣ розу или царское дерево и слушаетъ музыку для возбужденія своей цинкорной мечтательности. На блестящей выставкѣ общества садоводства такихъ Нѣмочекъ мы бы и не встрѣтили, вѣроятно...

Какъ много не кричали о цвѣточной выставкѣ — я самъ не успѣлъ ее видѣть. Любезный читатель, за это

Зови меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ...

Другой бы на моемъ мѣстѣ, правда, не признался въ этомъ и увѣрилъ, что онъ нѣсколько разъ былъ на выставкѣ, а въ доказательство своихъ словъ, вычитавъ въ любой газетѣ о главныхъ подробностяхъ выставки, расписалъ бы ее самыми свѣжими красками рассказчика-очевидца.

На этотъ разъ я откровеннѣе. Разсказъ о выставкѣ одного моего знакомаго, котораго вы вѣроятно встрѣчаете вездѣ, куда пойдете —

Въ театрахъ и въ гостинныхъ,

совершенно удовлетворилъ меня, и съ этимъ краснорѣчивымъ описаніемъ я и познакомлю васъ, впередъ предупреждая, что мой знакомый слова лишняго не прибавилъ, потому что лишень отъ природы способности что-либо придумывать; его краснорѣчіе ограничивается тѣмъ, что онъ видѣлъ или слышалъ.

Склонясь на мою просьбу и довольный тѣмъ, что я увѣрилъ его, что онъ говоритъ *красиво*, мой знакомый началъ описанія выставки:

— Вамъ вѣроятно извѣстно, что это было пятая выставка садоводства и самая лучшая, самая пышная изъ всѣхъ, прибавлю я отъ себя. Когда вы появляетесь въ галереѣ эзерциргауза, то просто не

можете вѣрить своимъ глазамъ. Какъ по волшебству, манежъ гвардейскаго штаба превратился въ удивительный садъ, нѣте въ родѣ... въ родѣ...

— Садомъ Семирамиды, подсказалъ я.

— Именно такъ. Благоуханія такія проливаются, что начинаешь думать...

— Что находившись въ саду Рузцова, снова подсказалъ я.

— Нѣтъ, вы не шутите. Такого рѣдкаго собранія цвѣтовъ рѣшительно нигде не было. Удивительныя растенія! Удивительныя цвѣты! Тамъ были даже такія груныя цвѣты, что приводили въ тупикъ самыхъ записныхъ ботаниковъ. Одна коллекція вѣчно цвѣтущихъ, какъ сама жизнь, розъ чего нибудь да стѣнтъ! Тамъ были розы: Palais de cristal, de Lamartine, Prince Leon Kotschubeu, Henri Chateaubriand...

— А были ли розы M-g de Scariatin? спросилъ я.

— Что-то не припомню: кажется были — отвѣчалъ мнѣ очень серьезно рассказчикъ.

— Потомъ цѣлое море зелени, океанъ цикерорій, францисей, ауржуль...

— Однимъ словомъ всё цвѣты изъ ботаническихъ стихотвореній г. Крестовскаго, у котораго майская ночь впила въ трель соловьиною».

И запаха мимозами,

И шафраномъ, и розами...

Брызжетъ перлы фонтанъ перекатные

И кропитъ мандрагоры брунатыя

И спелся надъ лимонами

Виноградъ съ киванеями.

— Такъ, совершенно такъ... Общій видъ выставки былъ неизменно хорошъ... чисто восточная фантазія... Въ глубинѣ сада падалъ каскадъ, который потомъ превращался въ рѣчку, окаймленную кружевомъ цвѣтовъ и растеній. Два мостика, легкіе, какъ паутина; перекинуты черезъ рѣчку... Потомъ фонтанъ, бывшій сажень, на сорокъ вверхъ... (Поэтическая вольность увлекшагося рассказчика.) По рѣчкѣ плавали рѣчные нимфы, сдѣланныя удивительно хорошо — точно живыя...

— Вы хотите вѣрно сказать, что по рѣчкѣ плывали утки:—по крайней мѣрѣ такъ пишутъ въ газетахъ.

— Нѣтъ, нѣмы, нѣмы, нѣмы! Видаль своими глазами... Но-томъ даѣе стоитъ бесѣдка удивительной работы, потомъ статуи, сѣмейки, оркестръ музыки, и всѣ это вмѣстѣ составляютъ чудную картину.

Такъ говорилъ мой краснощечный знакомый. Но увлекался выставкой, какъ поэтъ, онъ не забылъ сообщить мнѣ другія не менѣе замѣчательныя ея рѣдкости. До этихъ рѣдкостей я доискался уже самъ.

Вѣроятно всѣмъ нѣтербургскимъ жителямъ извѣстенъ великолѣпный магазинъ бронзовыхъ вещей и лампъ г. Штанге. Какого жъ было мое удивленіе, когда во каталогу выставки я узналъ, что г. Штанге ввѣсь свою послѣднюю дань въ общество садоводства, дань совершенно не ботаническаго характера. Г. Штанге прислалъ на выставку *цѣтцовъ* свои великолѣпныя лампы. Не подумайте, чтобъ эти лампы были сдѣланы изъ цѣтцовъ и зелени: это были настоящія, массивныя лампы изъ композиціи, изъ бронзы и золота. Какъ плохой ботаникъ, я совершенно растерялся при этомъ извѣстіи и для меня не разрѣшилъ теперь вопросъ: къ какой именно породѣ цѣтцовъ или растений отнести лампы г. Штанге? Кто мнѣ отвѣтитъ на это?.. Что же касается до цѣнъ, по которымъ продаются эти лампы, то онѣ не менѣе любопытны. Такъ, напр. за пару канделябръ изъ композиціи, поддерживаемыхъ рыцарями на деревянныхъ пьедесталахъ, г. Штанге наложилъ цѣну 800 рублей, а за пару, такъ называемыхъ *королевскихъ лампъ*—500 р. с. Не дорого, очень не дорого...

Кромѣ лампъ г. Штанге на выставкѣ садоводства были выставлены и другія вещи не менѣ странныя.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Фрукты изъ коленика, выставленные г-жею Сверчковой».

«Цвѣты изъ воска».

«Три медальона цѣтцовъ изъ сахару, кондитора г. Линка».

«Масляныя скоровысыхающіяся краски г. Кюна».

Общество садоводства выставяющее масляныя краски! Что можетъ быть лучше этого. Отчего бы послѣ этого не выставить ему розогъ, сдѣланныхъ изъ листовъ Сѣверной Пчелы или Домашней Бесѣды, или чего нибудь подобнаго? Очень было бы хорошо.

Будемъ же говорить темеръ о чемъ нибудь другомъ: послѣ статьи С. П. даже пріятно потолковать о новомъ конкурсѣ г. Третьякова на лучшее сочиненіе о культурѣ камелій, рододендровъ и азалий. Но такъ какъ мы всё не специалисты по этой части, а только любители, то остановимся пока хоть на спектакляхъ любителей, которыхъ было довольно въ прошломъ мѣсяцѣ. Открытіе этихъ спектаклей, добросовѣстная и хорошая игра нѣкоторыхъ любителей вызвали общее сочувствіе въ публикѣ и небольшой театрикъ въ пассажѣ, напоминающій своимъ устройствомъ провинціальныя театры, былъ постоянно полонъ. Всёиъ уже давно, привязавшись заасараторскій театръ съ его засаленной физиономіей, древними пьесами и еще древнѣйшими артистами. Отъ спектаклей любителей ждали чего-то новаго, свѣжаго... И вотъ спектакли шли за спектаклями, водворяли и нѣкоторыя легкія комедіи разыгрывались любителями очень мило; на этомъ и слѣдовало остановиться. Но любители не останавливались и стали брать на себя задачи не по силамъ. Какъ новички, юный художникъ мечтаетъ только о томъ, чтобъ написать огромную картину въ нѣсколько сажень, картину à la Рафаэль или Рембрандтъ, такъ и любители, избалованные первымъ успѣхомъ, вѣдали прямо за тѣны Гоголя и Шекспира. Не говоря уже о типахъ Шекспира, которые требуютъ долгаго труда, сценическаго воспитанія и нѣкоторой опытности, даже изученіе героевъ гогольскихъ комедій— вещь не легкая для новичковъ русской сцены. Любители этого не хотѣли принять въ соображеніе, и такимъ образомъ одинъ изъ ихъ спектаклей былъ составленъ слѣдующимъ образомъ. Давали «Ревизора» Гоголя, «Скупого» Пушкина и сцену сумасшествія Офеліи изъ «Гамлета». Выборъ пьесъ, какъ видите, былъ слишкомъ смѣлый, чтобы не сказать больше. Ревизоръ былъ сыгранъ довольно сносно и нѣсколько удачныхъ сценъ слѣдующаго неровности игры цѣлой комедіи. «Скупой» совершенно не удался. Всёиъ извѣстно, что эти драматическія сцены писаны софемъ не для театра; лучшіе моменты скупаго хороши только въ чтеніи и совершенно пропадаютъ въ декламации актера. Объ игрѣ, исполняемаго эту роль, мы лучше вовсе умолчимъ... изъ деликатности.

Въ концѣ спектакля шла сцена сумасшедшей Офеліи, роль которой исполняла г-жа Спорова. Г-жа Спорова, которую петербургская публика полюбила за ея живую, талантливую игру «Дочери 2-го полка», была въ «Горѣ отъ ума», дочери вероничаго въ «Ревизорѣ», аидлась

на этотъ разъ въ роли Шекспировской героини. Когда г-жа Спорова явилась передъ нами въ известномъ театральномъ костюмѣ Офеліи, т. е. въ бѣломъ платьѣ и съ распущенной косой, намъ вдругъ стало досадно за нашу новую, молодую, даровитую артистку-любительницу. Признавая въ ней рѣшительный талантъ, мы не могли извинить ей увлеченія—передать намъ поэтической образъ дочери стараго Полонія. Намъ было досадно на г-жу Спорову именно за то, какъ могла она, при своемъ талантѣ, не понять, что личности Офеліи не передашь только тѣмъ, что надѣнешь бѣлое платье, возмешь въ руки, станешь дѣлать рутинныя жесты и болѣе или менѣе приятно пропоешь нѣхоты стихи Н. Полеваго. Въдъ такая Офелія — не Шекспиру принадлежитъ, а тому же Полевому, и только во время провинціальныхъ ярмарокъ своимъ эффектомъ удовлетворяетъ не изыскательную публику. Г-жѣ Споровой мы высказываемъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе уважаемъ въ ней даровитую актрису, которая бы очень украсила нашу опустѣвшую сцену. И безъ Офеліи есть много ролей, въ которыхъ она могла показать свой талантъ и приготовиться къ изученію ролей болѣе сложныхъ и трудныхъ. Роль Офеліи такъ важна, что къ ней нужно долго и долго готовиться.

Что же касается вообще самыхъ спектаклей любителей, такъ скоро вызвавшихъ общее сочувствіе, мы можемъ только желать одного, чтобъ эти спектакли установились у насъ на прочныхъ основаніяхъ и знакомыя бы публикѣ съ игрой многихъ замѣчательныхъ артистовъ-аматоровъ. Мы простились съ ними только до зимы и будемъ ждать ихъ зимнихъ спектаклей съ нетерпѣніемъ. Теперь, по необходимости, мы должны удовольствоваться одними лѣтними развлеченіями. Наши же лѣтнія развлеченія почти все тѣ же, что и годъ, и два, и три назадъ, и петербургскіе жители, убѣгающіе изъ города отъ духоты и скуки также, какъ прежде, совершаютъ свои увеселительныя прогулки по разнымъ лѣтнимъ праздникамъ съ цыганами, Тирольтцами, мурманей и фокусниками.

Въ Цыганскѣ гуляютъ все тѣ же качели, и въ вонсалѣ все тотъ же лѣтно модный Страусъ играетъ свои вальсы и польки.

На искусственныхъ минеральныхъ водахъ, въ новой деревнѣ, И. И. Измеръ

Сей прашуръ лѣтняго сезона,

уже развернулъ свое пестрое знамя надъ воксаломъ и разнообразныхъ

репертуаромъ музыкальныхъ вечеровъ привлекаетъ къ себѣ, какъ и всегда, многочисленную публику. Чего, чего только нѣтъ на его вечерахъ! Оркестръ Эмиануила Баха, хоръ московскихъ цыганъ, водъ управленіемъ Матвѣя Петрова, представленія г. Филиппа «извѣстнаго профессора физики и очаровательной магіи», концерты на 12-ти барабанахъ г. Пергуара, выставка стереорамиической галереи профессора Патцала, русскіе пѣсенники, хоръ Тирольцевъ, нидерландское пѣніе семейства г. Диккеръ-Шенка и *характерныя* танцы семейства г. Юганнзена... И. И. Излеръ нестоимъ въ своихъ изобретеніяхъ,

И для толпы богатой, праздной,
Готова къ Троицѣ сюрпризъ,
Дастъ, какъ онъ, разнообразный,
Какъ онъ, великій бенефисъ.

Геній Ивана Ивановича особенно работаетъ въ настоящее время, потому что у него явился новый соперникъ, новая конкуренція. У каменно-островскаго моста г. Ленилинъ почти въ одно время съ г. Излеромъ открылъ свою Ассамблею, съ оркестромъ Ивана Гунгля, съ цыганами, тирольцами и пр., и пр. Кто побѣдитъ, кому публика поднесетъ букетъ первенства — Излеру или Ленилину — еще нельзя предвидѣть. Ассамблеи, такъ мало посѣщаемыя при Петрѣ I, можетъ быть теперь будутъ больше намъ по сердцу. Подождемъ, увидимъ...

Скромныя балки или такъ называемыя семейныя танцевальныя вечера изъ города тоже переселились за городъ.

На островѣ Тиволи тоже началось что-то въ родѣ гулянья. Не възыскательные обитатели ходятъ слушать музыку какого то бѣднаго оркестра и, гуляя на чистомъ воздухѣ, не рѣшаются входить въ воксалъ, нисколько не думая о пользѣ его содержателя. Этому, впрочемъ, помогаетъ самъ содержатель воксала, г. Казанкевичъ, который подчуевъ своихъ посѣтителей вмѣсто вина укусомъ, а вмѣсто котлетъ — жареными подтяжками... Любезныя полюстровцы, что жъ вы не протестуете? Что жъ вы молчите, терпѣливыя полюстровцы!..

Или вы слова боитесь лишняго,
Чѣмъ не кормили бы — хуже ли, лучше ли,
Или еще вамъ теперь не наскучили
Вина, буетъ Казанкевича хмизнаго.

Васъ же самихъ, мои добродѣтельные дачники, никто никогда не упрекаетъ въ хищности: вамъ подадутъ ростбифъ, пересыщенный песочкомъ—вы скушаете; мутную бурду вмѣсто вина предложить—вы выпьете да еще, пожалуй и похвалите... Какая же послѣ того хищность!..

Кстати о хищникахъ... Въ вѣд. Сиб. мол. (№ 95) помѣщено о нихъ весьма любезитное свидѣніе.

«Г. А. Ч., квартирующій близъ Сутарнаго моста № дома 64, снѣмъ объявля о похищеніи у него, его сочиненія, Людяды (въ родѣ небольшой стихотворной поэмы) покорно проситъ имѣющаго въ своихъ рукахъ эту Людяду, да соблаговольтъ онъ доставить ее къ ея сочинителю, хотя бы и купленную у хищника, который не уснѣлъ взять этой Людяды окончанія, находящагося въ цѣлости у г. А. Ч. ».

О, коварный хищникъ! Похищая поэму, онъ, вѣроятно, зналъ какую драгоценность похищаетъ у г. Ч., и вѣроятно никому не отдастъ своего сокровища. Впрочемъ, мы утѣшаемъ себя этой мыслью, что окончаніе Людяды находится въ рукахъ ея автора, которому мы припомнимъ теперь старинную эниграмму:

— Я разерился отъ воровъ.

«Жалѣю о твоёмъ я горѣ,

— Украли пукъ моихъ стиховъ!

«Жалѣю я о ворѣ»...

Ужъ если пошло дѣло на объявленія, то позвольте и еще съ однимъ познакомиться.

Въ Т—ъ губ. вѣдом. помѣщено слѣдующее объявленіе:

«Отыскивается владѣлецъ мертваго тѣла.

«Р—ое городническое правленіе черезъ газеты спрашиваетъ: не окажется ли кому либо принадлежащимъ, приплывшее сверху по теченію рѣки Волги, 26 апрѣля, завязанное въ холщевомъ мѣшкѣ тѣло казаго человека, мужескаго пола. Примѣты его: лѣтъ 40—45, росту 2 арш. 5 вер., волосы на головѣ длинные, темно-русые, такая же небольшая съ легкою просѣдью окладистая борода, усы немного свѣтлѣе, зубы всѣ чистые, бѣлые; въ плечахъ ширины 8½ вер., на шеѣ на черномъ шелковомъ шнурукѣ серебряный довольно толстый крестикъ и мѣдная ухвертка; платье сего казаго человека изъ чернаго толстаго сукна (С. П., № 189).

Что за оригинальная точность! *Налож* челоуѣкъ — и въ то же время на немъ надѣто платье изъ толстаго сукна.

Вотъ еще одинъ примѣръ бюрократической точности и аккуратности. Въ коммерческой судъ была внесена сукна около 20 тысячъ рублей; нужно было ее положить въ банкъ. Взносъ этотъ былъ очень кстати по случаю общаго безденежья, и потому г. товарищъ председателя, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ всѣ нужныя бумаги были готовы какъ можно скорѣе просилъ одного изъ членовъ внести эту сумму въ банкъ. Такъ какъ въ этомъ былъ интересъ банка и его денежныхъ оборотовъ, то нужно было бы думать, что все сдѣлается скоро, безъ проволочки. Но не тутъ-то было. При всей поспѣшности деньги были доставлены въ банкъ въ 12 часовъ и *вѣтъ* минутъ. Пять минутъ испортили все дѣло — и приемъ денегъ былъ отказать. Кассеры же сидѣли въ это время тамъ безъ всякаго дѣла, — но правдо и формальность прежде всего.

Все служба на умѣ, моп шерг...

Бюрократическая точность — прежде всего.

Пусть ждетъ неволя и нужда,
Но что намъ до того!
Формальность, точность, господа,
Для насъ — прежде всего.
Безъ формы — что за бюрократъ!
Да просто ничего.
Самъ откупъ крикнулъ, говорятъ:
Принципъ — прежде всего.

Откупъ, дѣйствительно, крикнулъ: принципъ — прежде всего! Вотъ что пишетъ одинъ корреспондентъ изъ г. Заславля:

«Усилиями старшинъ во многихъ волостяхъ временно обязанныхъ крестьянъ, крестьяне отказались отъ употребленія водки. Заславская контора акцизнаго откупа въ *дѣйствіяхъ* старшинъ увидѣла *нарушеніе* порядка и подала прошеніе, въ которомъ домогается, чтобъ злоумышленники были подвергнуты строгому взысканію и въ деревняхъ возстановленъ прежній порядокъ».

«Откупъ, какъ мужественный, испытанный въ бояхъ воинъ, и при послѣдствѣмъ издыханіи не хочетъ уступить врагу. Однако мы надѣмся,

что усилія его будутъ тщетны, и врагъ восторжествуетъ. Вѣроятно на свое прошеніе онъ получилъ самый категорическій отвѣтъ, что его прошеніе уже слишкомъ шашиво, а крестьяне, хотя до окончанія откупа, выдержатъ характеръ и не будутъ утолять жажду одурающей жидкостью».

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что у откупа—нѣтъ принципа.

Мы совершенно незамѣтно изъ Петербурга перебрались въ провинціальныя захолустья. Останемся же тамъ и оглянемся кругомъ.

Какъ въ безводныхъ, сухихъ пустыняхъ бывають иногда нѣбѣущіе оазисы, такъ въ провинціальной жизни иногда встрѣчаются отрады, утѣшительныя явленія. На одно изъ такихъ явленій мы и укажемъ теперь.

Кто жилъ въ глуши провинцій, тому вѣроятно известно, какъ трудно тамъ бѣдному чиновнику доставать книги и журналы для чтенія. Въ какомъ нибудь уѣздномъ, а часто и губернскомъ городѣ библиотекъ никакихъ нѣтъ. Выписываютъ книги и журналы богатые люди или же провинціальныя клубы. Бѣдный чиновникъ, не имѣющій никакихъ знакомствъ, не имѣющій возможности быть членомъ клуба, поневолѣ сидитъ безъ чтенія и читаетъ только урывками, когда случай закинетъ въ его руки какую нибудь книгу или же старый журналъ.

И вотъ при такой-то скудной обстановкѣ, при отсутствіи общественныхъ библиотекъ и кабинетовъ для чтенія, у бѣднаго провинціала одна надежда на частныхъ людей и на ихъ поддержку въ этомъ случаѣ. Но на частныхъ лицъ плоха надежда. Провинціальная филантропія далѣе жирныхъ обѣдовъ по праздничнымъ днямъ никогда не заходитъ, а если сочиняетъ иногда спектакли съ «благотворительною цѣлью» то больше для собственного удовольствія. У провинціаловъ, единственная добродѣтель — гостепримство и хлѣбосольство, но эта добродѣтель вовсе не такъ гуманна, какъ мы привыкли думать. Провинціалы, за небольшими исключениями изъ чиновнаго міра, люди безъ всякаго дѣла, безъ занятій, люди праздные, которые даже сплетничаютъ только потому, что надо же своимъ мозгамъ давать какую нибудь пищу. И потому досужій глывецъ радъ бываетъ каждому гостю, каждому новому лицу, котораго за его болтовню, за его посѣщеніе онъ готовъ закормить жирными кулебяками и всевозможными блюдами русской кухни. Онъ хлѣбо-

солъ, онъ радушнѣе хозяинъ только потому, что иначе онъ съ тоски умретъ, обратится въ каменную бабу, которая стоитъ въ степяхъ Малороссіи... Онъ угощаетъ не гостей, которымъ онъ въ иномъ случаѣ ни въ чемъ не поможетъ, но себя угощаетъ. Такъ краснокожій Индѣецъ или суровый Черкеесъ съ радушіемъ принимаютъ въ свою хижину или вигвамъ каждаго путника довольные тѣмъ, что этотъ путникъ своимъ присутствіемъ хоть на минуту нарушить однообразіе ихъ жизни и внесетъ новое впечатлѣніе въ ихъ ущелья, въ ихъ пустыню...

Съ другой стороны, попробуйте предложить тому же самому провинціалу участвовать въ какомъ нибудь общественномъ дѣлѣ, какъ-то: открытіи училищъ, школъ, библіотекъ, — онъ шагу впередъ ея сдѣлать.

И въ городѣ Перми кричатъ отцы и дѣти:
Кто юродомъ рожденъ—тепло тому на свѣтѣ.

Вотъ послушайте, что рассказывалъ намъ одинъ провинціальный наблюдатель.

«Мнѣ извѣстенъ одинъ городъ съ *просторнымъ*, по помещенію, уѣзднымъ училищемъ и библіотекою при немъ, за много лѣтъ собраную, гдѣ дѣло о превращеніи ея въ публичную шло слѣдующимъ образомъ: по полученіи предписанія объ этомъ, учителя собрались въ составляемый ими педагогическій совѣтъ. Судили, рядили и положили въ немъ—написать «правила» для публичной библіотеки и представить ихъ къ утвержденію; открыть предварительную «подписку» на чтеніе и написать объ этомъ почетному смотрителю училищъ. Все это исполнилось въ точности: правила вышли прекрасныя, подписка удовлетворительна, но... (это-то «но» все и портитъ у насъ) нашли нужнымъ представить еще начальству, что иначе негдѣ помѣститъ библіотеку, какъ въ комнатѣ, занимаемой приходскимъ училищемъ, которое и необходимо перевести въ другой домъ—что было *равно отказу отъ учрежденія публичной библіотени*, потому что присканіе дома для приходскаго училища влекло за собою сношеніе съ городскимъ обществомъ, большинство членовъ котораго—мѣщане, не зажиточныя и равнодушныя къ потребности чтенія, и затѣмъ открытіе публичной библіотеки было отложено до *рѣшенія дѣла*».

— Когда жъ дѣло рѣшится?

Я съ намѣреніемъ приваля здѣсь фактъ провинціальной небрежности и равнодушія къ каждому хорошему дѣлу, чтобъ еще съ большимъ удовольствіемъ остановиться на одномъ пріятномъ явленіи въ этомъ мірѣ пошлости, тупой формальности и равнодушія.

Примѣръ, который я сейчасъ приведу, пусть будетъ живымъ упрекомъ всѣмъ провинціальнымъ прогрессистамъ и благотворителямъ.

Въ городѣ Бѣлозерскѣ, существуетъ теперь одна овощная лавка тамошняго купца И. К. Сѣраго. У г. Сѣраго есть *прикащикъ*, *Александръ Константиновичъ Кошкинъ*, который за свое предпріятіе заслуживаетъ полнаго нашего уваженія. Не смотря на свои ограниченныя средства (какія могутъ быть средства у прикащика при овощной лавкѣ!), г. Кошкинъ, въ видахъ общественной пользы, выписываетъ на *свой счетъ двадцать два* періодическія изданія (Время, Современникъ, Русское Слово, Отечественныя Записки, Основу, Ясную Поляну, Чтеніе Народное, Сынъ Отечества, С.-Петербургскія Вѣдомости, Русскій Міръ, Иллюстрацію, День, Искру, Акціонеръ, Вокругъ Свѣта, Вѣкъ и пр.). Кромѣ того что большую часть этихъ изданій г. Кошкинъ прочитываетъ самъ, онъ раздаетъ ихъ въ городѣ *всѣмъ желающимъ читать* безъ всякаго залога, съ платою, смотря *по состоянію*, 3, 2 и даже *1 рубля въ годъ*.

Понятно, что приступая къ этому предпріятію въ уѣздномъ городѣ, г. Кошкинъ зналъ, что его ничего не ожидаетъ кромѣ убытковъ. При такой незначительной платѣ за чтеніе, при неизбежномъ «зачитываньи» книгъ, о барышахъ и думать нечего. Но г. Кошкинъ о нихъ вовсе и не думаетъ, и если иногда взятую у него книгу поистрепятъ, онъ смотритъ на это съ удовольствіемъ: онъ видитъ въ этомъ доказательство того, что книги дѣйствительно читали.

Мы не избалованы такими явленіями, особенно встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидали—въ овощной лавкѣ, и потому не могли пройти его молчаніемъ. Имя г. Кошкина мы должны уважать, не смѣшивая его съ именами другихъ благотворителей.

Отъ свѣтлаго явленія мы къ сожалѣнію должны перейти теперь къ явленіямъ иного сорта. Правда—прежде всего. *Amicus Plato, amicus Cicero, sed magis amica veritas*. Мы увлекаться очень не будемъ. Мы даже не можемъ безъ грусти видѣть, что наши провинціальныя Корытниковы начинаютъ измѣнять себѣ, своему прежнему тону и впадать въ юный лиризмъ по поводу хорошей погоды и яснаго неба. Давно ли мы слышали ихъ суровый голосъ, и сердце наше радовалось,

а теперь, къ немалому нашему огорченію, эти милые Корытниковы начинаютъ печатно передавать намъ свои провинціальныя, весеннія пѣсни и думы. Напр. принялись мы за чтеніе статьи одного корреспондента Москов. Вѣдом. изъ Симбирска (№ 93) въ той надеждѣ встрѣтить что нибудь новое въ родѣ «мѣстныхъ извѣстій» г. Соболевскаго, и вдругъ видимъ, что симбирскій Корытниковъ впалъ въ лиризмъ и воспѣваетъ весну и волжскую природу. «Прощай зима!» восторженно восклицаетъ онъ, привѣтствуя весну... «*сныгъ исчезъ какъ дымъ*, и къ 1-му апрѣля его уже совсѣмъ не было, 4-го прорвало Волгу, а 6 пошелъ ледъ. Это первое весеннее для жителей Симбирска удовольствіе: (слогъ-то, слогъ!) все спѣшать полюбоваться на это чудное зрѣлище; тутъ раскрывается передъ вами дѣятельность въ полномъ разгарѣ: въ одномъ мѣстѣ спѣшать осмолить баржу, въ другомъ снастять судно, тутъ идетъ грузка хлѣба, суматоха непрерывная, а ледъ идетъ себѣ, да идетъ, и въ безконечныхъ грядахъ его вы видите, то какъ будто фантастическую башню, то группу, похожую на людей, какъ бы высѣченную изъ мрамора, и жаль вамъ покинуть этотъ берегъ, жаль оторвать глаза отъ этой чудной, роскошной картины».

Любезные Корытниковы! Вы ли это? Васъ ли мы слышимъ? Туда вѣсе, вгуге? Вамъ ли воспѣвать природу съ ея таинствами въ ущербъ таинствамъ провинціальнымъ судовъ, канцелярій, и пр., и пр. Или ужъ окружающая васъ среда обратилась въ счастливую Аркадію, или сами вы сдѣлались смирными аркадскими пастушками, играющими на свирѣли изъ волжскаго камыша?

—
 Перемѣнилось все теперь на свѣтѣ этомъ —

И самъ Корытниковъ запѣлъ, зашелкалъ Фетомъ.

Фантазія овладѣла провинціальными обличителями и мы боимся теперь вѣрить свѣдѣніямъ, которыя они сообщаютъ. Такъ, наприм., корреспондентъ Сѣв. Почты пишетъ, что «въ г. Симбирскѣ учреждено, на основаніи утвержденныхъ для сего г. министромъ внутреннихъ дѣлъ правилъ, благородное собраніе». Да, помилуйте, г. Корытниковъ, что вы такое говорите! Да за что жъ вы обижаете земляковъ своихъ? Кто жъ повѣритъ, чтобъ у такихъ *благородныхъ* гражданъ, какъ симбирскіе жители, не было благороднаго собранія? Собраніе это давно существуетъ — я спѣшу изобличить васъ въ клеветѣ...

Потерявъ нѣкоторую вѣру въ гг. Корытниковыхъ, мы будемъ обращать теперь вниманіе только на одни голые факты, на сырые матеріалы, почерпаемые изъ разныхъ отчетовъ и объявленій. На первый разъ остановимся на отчетѣ одного благотворительнаго спектакля въ г. Пензѣ, на отчетѣ, помѣщенномъ въ Пенз. губ. Вѣдом. (№ 5).

Задумали въ Пензѣ благородный благотворительный спектакль. Идея, какъ видите, добрая. Спектакль былъ сыгранъ, деньги собраны. Оказалось, что выручка состояла изъ 1,128 р. 68 к. Сборъ тоже хорошій: въ одинъ вечеръ собрать въ пользу бѣдныхъ болѣе тысячи рублей—не мало. Но, увы! отчетъ насъ разочаровалъ тутъ же и гласить, что изъ вырученныхъ денегъ за расходомъ осталось только 341 р. 80 к., т. е. менѣе трети всего сбора.

Мы, какъ мусульмане, кладемъ палецъ удивленія въ ротъ. Что же это за благотворительный спектакль, котораго издержки превышаютъ выручку, и въ чемъ заключаются эти самыя издержки?

Пиоія! Открой намъ эту тайну.

И открываетъ намъ Пиоія, что весь театръ во время представленія и балный залъ были убраны гирляндами цвѣтовъ (въ январѣ мѣсяцѣ, замѣтьте). Развѣ не знаете вы, заключаетъ пиоія, что подобные спектакли даются въ пользу «бѣдныхъ» и для удовольствія богатыхъ» (sic).

Заглянемъ теперь въ Пермскія Губ. Вѣдом.

Въ Перми—tout est permis, восклицаю я, читая либеральный фельетонъ этихъ вѣдомостей. Посмотрите какъ вольнодумствуетъ пермскій фельетонистъ. Говоря о любви русскаго человека къ чтенію, объ отсутствіи полезныхъ книгъ въ нашихъ острогахъ, и о томъ, что арестанты сами по дешевой цѣнѣ скупаютъ книги у проходящей партіи, онъ высказываетъ слѣдующую смѣлую мысль: «Я увѣренъ, что съ величайшею охотою и рвеніемъ арестанты изъ простаго званія читаютъ издаваемый нынѣ духовный журналъ Странникъ. Для дворянъ и чиновниковъ можно позволить чтеніе и друхихъ журналовъ и газетъ».

Вотъ каковы провинціальныя нигилисты! Я думаю, пермскіе Фамусовы слушая ихъ вольнодумныя мысли, затыкаютъ уши и кричатъ:

Не слушаю! Подъ судъ!

Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

— Неужели у васъ много такихъ вольнодумцевъ? спрашиваетъ ны мѣстнаго старожила.

— Это еще что! замѣчаетъ онъ. Вотъ если бы вы послушали нашего Мотю, такъ еще больше бы удивились.

— А кто-же такой Мотя?

— Юродивый, Божій человекъ. Онъ, какъ публицистъ, началъ свою дѣятельность въ Перми тѣмъ, что, сидя за столомъ въ домѣ одного богатаго помѣщика, онъ назвалъ дураками и гостей, и хозяина дома. Съ тѣхъ поръ слава его растетъ не по днямъ, а по часамъ, и пермскіе жители, въ особенности дамы, шагу не дѣлаютъ безъ совѣта Моти. (С. П., № 112).

Передадимъ теперь два факта изъ хроники побоевъ, Сѣвер. П. (№ 139) сообщаетъ слѣдующую исторію. «Въ Екатеринославской губерніи, въ мировой сѣздъ принесена была частная жалоба председателю о томъ, что во время мирового сѣзда одинъ человекъ былъ побитъ помѣщикомъ. Дѣло происходило такъ: во время засѣданія мирового сѣзда, въ домъ, гдѣ оно происходило, явились четыре помѣщика, потребовали вина и начали пить и шумѣть такъ, что надобно было запереть дверь въ комнату, гдѣ бываетъ засѣданіе. Буйство гостей дошло наконецъ до того, что они избили человекъ, служившаго за буфетомъ. Жалоба послѣдняго вызвала такое рѣшеніе мирового сѣзда: «Во избѣжаніе впредь подобныхъ недоразумлѣній закрыть буфетъ, а во избѣжаніе огласки, такъ какъ это можетъ компрометировать помѣщиковъ, оставить дѣло безъ вниманія». Такимъ образомъ буфетчикъ остался побитымъ и лишеннымъ доходовъ. Тотчасъ видно, что мировые посредники читаютъ примирительный журналъ Свѣточъ, да еще даромъ читаютъ... Не знаю только что скажетъ про это рѣшеніе обиженный, бѣдный буфетчикъ?..

Губ. вѣд. сообщаютъ намъ фактъ еще драматичнѣе. Губерніи... .. уѣзда, въ сельцѣ... временно-обязанная дворовая женщина Наталья Дементьева, 23 лѣтъ, *скоропостижно умерла отъ побоевъ*, причиненныхъ ей помѣщицею.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 41.

Май 1862 года.

Иностранные и русскіе шахматисты.—Колишъ въ Петербургѣ.—Матчъ Колиша съ Шумовымъ.—Пять партій этого матча.—Пріѣздъ князя С Урусова.—Четыре игры его противъ Колиша.—Заграничныя новости: послѣднія свѣдѣнія о лондонскомъ шахматномъ конгрессѣ, турниръ въ Café de la Régence.—Невѣрно напечатанная партія.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Русскіе, говоритъ кн. Урусовъ въ статьѣ о своихъ партіяхъ съ Петровымъ, опередили иностранцевъ въ дѣлѣ шахматнаго искусства. Мы съ своей стороны не совсѣмъ согласны съ такимъ мнѣніемъ, по той простой причинѣ, что первоклассные русскіе шахматисты не имѣли еще случая помѣриться силами съ знаменитыми заграничными игроками въ такомъ состязаніи, которое могло бы служить матеріаломъ къ рѣшенію вопроса объ относительной силѣ тѣхъ и другихъ. Изъ сильныхъ русскихъ игроковъ одинъ только г. Янишъ игралъ съ европейскими шахматными знаменитостями: Гейдебрандомъ, Стаунтономъ, Лѣвенталемъ и другими; въ нѣкоторыхъ изъ партій побѣда осталась за нашимъ соотечественникомъ, въ другихъ за его противниками, но сколько всего было сыграно партій и какой былъ ихъ общій результатъ мы не знаемъ, а потому и не можемъ выводить изъ нихъ никакого положительнаго заключенія.

Мы готовы согласиться, что русскіе имѣютъ большую способность ко всѣмъ вообще играмъ соображенія, въ томъ числѣ и къ шахматной, но этого мало: все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ природная способность развита изученіемъ теоріи и практическими упражненіями. Положимъ, что теорія достаточно знакома нашимъ первокласснымъ шахматистамъ, но въ отношеніи практическихъ упражненій иностранцы имѣютъ надъ ними огромное преимущество. Мы играемъ для препровожденія времени, видимъ въ шахматахъ рядъ интересныхъ комбинацій, замысловатую умственную забаву, — не болѣе; своимъ шахматнымъ состязаніямъ не придаемъ никакого значенія и вовсе не заботимся о своей шахматной репутаціи. Петровъ напримѣръ имѣетъ огромную способность къ шахматной игрѣ, любитъ игру, игралъ на своемъ вѣку много, всегда надъ всѣми противниками одерживалъ верхъ, но ему никогда не приходило на мысль добиваться шахматной славы. «Я никогда, говорятъ онъ, не искалъ случая играть съ европейскими знаменитостями, какъ потому что далеко отъ мысли оспаривать ихъ превосходство, такъ и потому что не имѣю ни малѣйшаго желанія добиваться славы перваго игрока». А за границею такой игрокъ какъ Петровъ былъ бы непремѣнно, волей неволей, вовлеченъ въ круговоротъ шахматной жизни и ужъ конечно не разъ помѣрился бы силами въ матчахъ и турнирахъ съ лучшими современными игроками. Вспомните, какъ нѣмцы снаряжали Андерсена на лондонскій турниръ, какъ французы отставали С. Амана послѣ пораженія его Стаунтономъ, вспомните приѣмъ, сдѣланный американцами Морфи по возвращеніи его изъ Европы, и вы конечно согласитесь, что иностранцы придаютъ шахматнымъ состязаніямъ совсѣмъ иное значеніе чѣмъ мы. Я вовсе не говорю, чтобъ это было хорошо и достойно подражанія, а указываю только на это обстоятельство, какъ на фактъ, изъ котораго прямо слѣдуетъ, что русскіе не привыкли играть въ шахматы такъ серьезно и внимательно какъ иностранцы.

Часто случается слышать: такой-то или такой-то игралъ бы очень сильно, еслибъ игралъ внимательнѣе и больше думалъ; но дѣло въ томъ, что сосредоточивать вниманіе на известномъ предметѣ не всегда въ нашей волѣ, способность такого сосредоточенія

есть или врожденное свойство или результат долгой привычки. Варшавскій любитель Гофманъ игралъ мастерски, но рѣшительно не могъ заставить себя долго обдумывать ходы и, по словамъ людей близко его знавшихъ, игралъ хуже, когда дольше думалъ. Если даже въ одной партіи не всякому дано сосредоточивать по волѣ все свое вниманіе на обдумываніе ходовъ, то чтоже сказать о длинномъ рядѣ партій, о такъ называемомъ *матчѣ*? Мы нѣсколько разъ уже видѣли, что игроки первоклассные уклонялись отъ матчей: какихъ хитростей не употреблялъ Стаунтонъ, чтобъ увернуться отъ серьезнаго состязанія съ Морфи; Гаррвитцъ, получивъ въ Парижѣ вызовъ Коляша, поспѣшилъ уѣхать въ Англію; Лёвенталь тоже не пожелалъ вступить въ рѣшительную борьбу съ молодымъ венгерцемъ. Дѣло въ томъ, что Стаунтонъ, Гаррвитцъ и имъ подобные очень хорошо знаютъ, что матчъ, такъ какъ на него смотрятъ въ томъ мірѣ, въ которомъ они вращаются, вовсе не забава, а трудъ, трудъ тяжкій и утомительный. Каждый день, въ опредѣленную часть, непременно садится за шахматы, отстаивать до послѣдней крайности каждую партію, не выйти изъ терпѣнія ожидая нерѣдко по цѣлому часу отвѣтнаго движенія противника, выдерживать ежедневно восемь, десять, четырнадцать часовыхъ партій, играть постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ, методично, ровно, не падая духомъ при пораженіяхъ, не увлекаясь при побѣдахъ, всѣми помыслами отдаться на извѣстное время шахматамъ (а иначе проиграешь непременно), все это требуетъ огромнаго усилія воли и, главное, большаго навыка. Вотъ этого то навыка я не предполагаю въ нашихъ русскихъ шахматистахъ, а потому и думалъ всегда, что при столкновеніи ихъ съ первоклассными европейскими игроками шансъ будетъ на сторонѣ послѣднихъ.

Теперь представился случай провѣрить это мнѣніе на дѣлѣ. Въ концѣ апрѣля сюда пріѣхалъ Колишъ. Петрова, къ сожалѣнію не было уже въ Петербургѣ; за тѣмъ, здѣсь два первоклассныхъ шахматиста: Янишъ и Шумовъ. Первый уже нѣсколько лѣтъ почти совсѣмъ покинулъ практику игры и, занятый теперь изданіемъ третьяго тома своего сочиненія, едва ли пожелаетъ вступить въ серьезное состязаніе; но между Шумовымъ и Колишемъ матчъ уже

въ ходу. Условія слѣдующія: побѣдителемъ признается тотъ, кто первый выиграетъ шесть партій; призъ 100 р. с.; дни для игры не опредѣлены заранѣе, сходятся когда обомъ удобно. Последнее условіе, пріятное въ томъ отношеніи, что не стѣсняетъ состязателей, представляетъ однако и большія неудобства: во первыхъ, когда каждому предоставлено право отлагать игру, если чувствуетъ себя нерасположеннымъ, то, очевидно, невыгода будетъ на сторонѣ того, кто посоветится дѣлать это слишкомъ часто, а во вторыхъ, при такомъ условіи матчъ можетъ затянуться на долго; последнее неудобство начинаетъ уже обнаруживаться: двадцать два дня прошло съ начала матча, а сыграно всего пять партій! Шумовъ выигралъ двѣ, Колишъ три.

ПАРТІЯ № 258.

GIUOCO - PIANO.

(1-я игра матча; играна 8-го мая 1862 г.)

Шумовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
		13) d1 — h5 +	e7 — f7
1) e2 — e4	e7 — e5	14) h5 — h4	0—0—0
2) g1 — f3	b8 — c6	15) b1 — a3 ⁽⁴⁾	f6 — f5
3) f1 — c4	f8 — c5	16) h4 — f2	f7 — h5
4) 0 — 0	g8 — f6	17) a1 — e1	f5 — f4
5) d2 — d4	c5 — d4 ⁽¹⁾	18) c2 — c3	d4 — c6
6) f3 — d4°	c6 — d4°	19) b4 — b5	c6 — b8
7) f2 — f4 ⁽²⁾	d7 — d6 ⁽³⁾	20) f2 — a7 ⁽⁵⁾	b7 — b6
8) f4 — e5°	d6 — e5°	21) a7 — a4	h8 — g8
9) c1 — g5	d8 — e7	22) e1 — d1	g8 — g2° +
10) g5 — f6°	g7 — f6°	23) g1 — g2°	h5 — e2 +
11) b2 — b4	c8 — c6	24) g2 — h1	e2 — e4° + ⁽⁶⁾
12) c4 — e6°	f7 — e6°	25) a4 — e4°	сдуются

Примѣчанія къ партіи № 258.

(1) Если бы черные взяли пѣшку пѣшкой, то 6) e4 — e5 f7—d5 7) e5—f6° d5—c4° 8) f1—e1 + и т. д. и игра сводится на одинъ изъ вариантовъ шотландскаго гамбита, въ которомъ бѣлые имѣютъ довольно сильную атаку. Брать пѣшку d4 юнечъ было бы дурно.

(2) Этотъ способъ продолжать нападенія принадлежитъ г-ну Ланге, который считаетъ его чрезвычайно сильнымъ.

(3) Лучшій ходъ: опъ отражаетъ атаку и сохраняетъ пѣшку.

(4) На f1 — f6° черные отвѣтили бы: f7 — e7.

(5) Очень неосторожно; ферзь тотчасъ можетъ быть отрѣзанъ отъ королевскаго фланга, гдѣ готовится сильная атака.

(6) Непостижимый промахъ! Явно что г-нъ Колишъ просто обернулся. Пожертвованіе ладьи было рассчитано имъ совершенно вѣрно: стоило сыграть теперь d8 — d2 и бѣлымъ нѣтъ спасенья.

ПАРТІЯ № 259.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(2-я игра матча; играна 10 мая 1862 г. длилась 4½ часа)

Коляшъ.
(Бѣлые).

Шумовъ.
(Черные).

1) e2 — e4	e7 — e5
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — c4	f8 — c5
4) b2 — b4	c5 — b4°
5) c2 — c3	b4 — a5
6) d2 — d4	e5 — d4°
7) 0 — 0	d7 — d6
8) d1 — b3	d8 — f6
9) e4 — e5	f6 — g6 ⁽¹⁾
10) e5 — d6°	c7 — d6°
11) f3 — g5	g8 — h6
12) f1 — e1+	e8 — f8

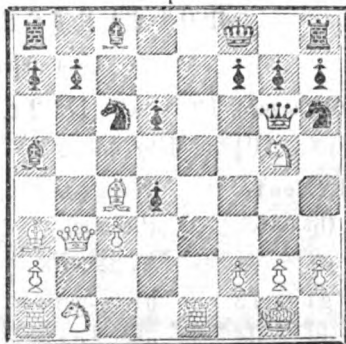
(Бѣлые).

(Черные).

13) c1 — a3

Положеніе послѣ 13-го хода бѣлымъ.

Черные.

Бѣлые.

13) a5 — c7♞

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
14) f2 — f4	b7 — b6 ⁽⁵⁾	27) a1 — c1	a8 — c8
15) c4 — d5	c8 — d7	28) d6 — e5	f7 — e6
16) d5 — c6 ^o	d7 — c6 ^o	29) e4 — c3 ^o	e6 — f5
17) b3 — c4	c6 — g2 ^o	30) e5 — g7 ^o	d8 — d3 +
18) c4 — c7 ^o	h6 — f5	31) f3 — e2	d3 — h3
19) b1 — d2	h7 — h6	32) g7 — e5	h3 — h2 ^o +
20) c7 — f7 ^o +	g6 — f7 ^o	33) e2 — d3	b6 — b5
21) g5 — f7 ^o	f8 — f7 ^o	34) c1 — b1	c8 — d8 +
22) g1 — g2 ^c	f5 — e3 +	35) d3 — e3	h2 — h3 +
23) g2 — f3	e3 — c2	36) e3 — e2	a7 — a6
24) a3 — d6 ^c	c2 — a1 ^o	37) a2 — a4	h3 — h2 +
25) e1 — a1 ^o	d4 — c3 ^o	38) e2 — e3 ⁽⁴⁾	h2 — d2
26) d2 — e4	h8 — d8	мать неизбеженъ и бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 259.

(1) Отчего не взять пѣшаку?

(2) Очевидно, что если возьмутъ коня, то немедленно проиграютъ. Вообще положеніе черныхъ (см. діагр.) теперь крайне затруднительно.

(3) Единственное средство развернуть игру но оно ведетъ къ потерѣ офицера.

4) Ошибка; впрочемъ теперь бѣлые должны уже проиграть во всякомъ случаѣ; весь конецъ этой партіи Шумовъ игралъ мастерски.

ПАРТІЯ № 260.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

(3-я игра матча).

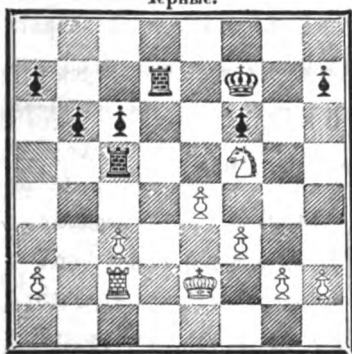
Первый вечеръ 12-го мая 1862 г. отъ 10½ до 12½ час.		(Бѣлые).	(Черные).
Шумовъ.	Колишъ.	5) 0 — 0	d7 — d6
(Бѣлые).	(Черные).	6) c2 — c3	c8 — g4
1) e2 — e4	e7 — e5	7) b1 — d2	d4 — c3 ^o
2) g1 — f3	b8 — c6	8) b2 — c3 ^o	c6 — e5
3) d2 — d4	e5 — d4 ^o	9) d1 — a4 +	c7 — c6
4) f1 — c4	f8 — c5	10) f3 — e5 ^o	d6 — e5 ^o
		11) c4 — f7 ^o +	e8 — f7 ^o

(Бѣлые).	(Черные).
12) a4 — c4 +	f7 — e8
13) c4 — c5°	d8 — e7
14) c1 — a3	e7 — c5°
15) a3 — c5°	b7 — b6
16) c5 — d6	a8 — d8
17) d6 — e5°	g8 — f6
18) e5 — f6°	g7 — f6°
19) d2 — c4 ⁽¹⁾	g4 — e2
20) c4 — c3	e2 — f1°
21) g1 — f1°	e8 — f7
22) f1 — e2	d8 — d7
23) a1 — c1	h8 — e8
24) f2 — f3	e8 — e5
25) c1 — c2	e5 — c5
26) e3 — f5	

(Второй вечеръ: 15-го мая 1862
года. отъ 8 до 11 ч. 55 м.)

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

(Бѣлые).	(Черные).
26)	b6 — b5
27) g2 — g4	b5 — b4
28) c3 — c4	a7 — a5
29) e2 — e3	a5 — a4
30) h2 — h4	d7 — d1
31) f3 — f4	d1 — b1
32) c2 — d2	c5 — a5
33) g4 — g5	f6 — g5°
34) f4 — g5°	b4 — b3
35) a2 — b3°	b1 — b3° +
36) e3 — f4	a4 — a3
37) d2 — d7 +	f7 — e8
38) d7 — h7°	a3 — a2
39) g5 — g6	a2 — a1 ♕.
40) g6 — g7	a1 — e5 +
41) f4 — g5	b3 — g3 +
42) g5 — h5	g3 — g7°
43) h7 — g7°	e5 — g7°

и бѣлые сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 260.

(1) Ошибка, вследствие которой бѣлые немедленно теряютъ exchange. Надо было ступить конемъ на b3 или двинуть f2 — f3.

ПАРТІЯ № 261.

(4-я игра матча; играна 18-го мая 1862 г.)

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

Коляшъ. (Бѣлые).	Шумовъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	10) d5 — c6°	f6 — a1°
2) g1 — f3	b8 — c6	11) d1 — b3	a1 — f6.
3) f1 — c4	f8 — c5	12) e4 — e5	d6 — e5°
4) b2 — b4	c5 — b4°	13) f1 — e1	b7 — c6°
5) c2 — c3	b4 — c5	14) c1 — g5	f6 — d6
6) 0 — 0	d7 — d6	15) f3 — e5°	c8 — e6
7) d2 — d4	e5 — d4°	16) e5 — f7°	e8 — f7°
8) c3 — d4°	c5 — b6	17) e1 — e6°	b6 — f2° +
9) d4 — d5	d8 — f6	18) g1 — f2°	d6 — d4+
		19) f2 — f1	черные сдаются.

Вся партія, отъ начала до конца превосходно играна г-мъ Колишемъ, а его противникомъ довольно слабо.

ПАРТІЯ № 262.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(5-я игра матча; играна 21-го мая.)

Шумовъ. (Бѣлые).	Коляшъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	10) 0 — 0	f8 — e7
2) g1 — f3	b8 — c6	11) f1 — e1	e4 — g5
3) f1 — b5	a7 — a6	12) f3 — g3	d4 — g4
4) b5 — a4	g8 — f6	13) e3 — b3	c5 — c4
5) d2 — d4	e5 — d4°	14) b3 — e3	c8 — f5
6) e4 — e5	f6 — e4	15) b1 — c3	a8 — d8
7) a4 — c6°	d7 — c6°	16) h2 — h3	g4 — h4
8) f3 — d4° ⁽¹⁾	c6 — c5	17) e1 — e2	0 — 0
9) d1 — f3 ⁽²⁾	d8 — d4°	18) c1 — d2 ³⁾	f5 — c2°
		19) d2 — e1	d8 — d3

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
20) f2 — f4	d3 — e3°	23) g1 — h2	e2 — f2
21) e1 — h4°	e3 — e2°	и послѣ еще нѣсколькихъ ходовъ	
22) h4 — g5° ⁽⁴⁾	e7 — c5+	бѣлые сдались.	

Примѣчанія къ партіи № 262.

(1) Большая ошибка.

(2) Ясно, что отводить коня было бы еще хуже, тогда 9) . . .
d8—d1° + 10) e1—d1° e4—f2° + и т. д. Наконецъ,
9) d1 — e2 имѣло бы тоже невыгодныя послѣдствія, напр.
9) d1—e2 d8—d4° 10) f2—f3 e4—g5 11) c1 — g5°
d4 — b2° и проч.

(3) Теряютъ даромъ пѣшку; лучше было сыграть 18) b2—b3.

(4) Опять ошибка; надо было просто брать ладью. Впрочемъ спасти партію нѣтъ уже возможности.

И такъ пока дѣла идутъ не дурно: Шумовъ съ честію от-
стаетъ русское шахматное знамя; двѣ выигранныя партіи
изъ пяти, противъ соперника, закаленного въ битвахъ съ силь-
нѣйшими игроками міра—не бездѣлица. Отъ души желаемъ успѣха
нашему соотечественнику, желаемъ, чтобъ онъ доказалъ, что наше
мнѣніе о превосходствѣ иностранныхъ шахматистовъ надъ русскими
ошибочно.

Еще болѣе блестящихъ результатовъ достигъ князь Урусовъ.
Узнавъ о пріѣздѣ Колиша, онъ немедленно отправился изъ замо-
сковскаго имѣнія въ Петербургъ, и тутъ, не теряя ни минуты, не
давъ себѣ даже времени отдохнуть съ дороги, приступилъ къ соста-
ванію. Уладить серьезный матчъ оказалось въ сожалѣнію невоз-
можнымъ, потому что князь ни подъ какимъ видомъ не могъ ос-
таться здѣсь болѣе шести дней, а Колишъ не хотѣлъ обзаваться
играть ежедневно. Пришлось ограничиться отдѣльными партіями.
Въ пять дней ихъ сыграно было четыре: двѣ выиграны Колишемъ,
двѣ Урусовымъ, всѣ, отъ начала до конца, чрезвычайно занимательны.

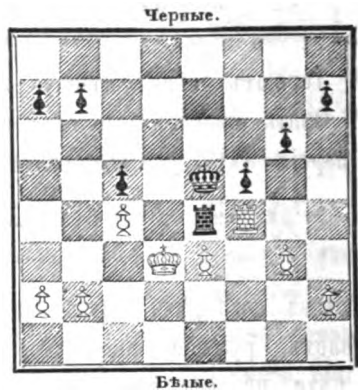
ПАРТИЯ № 263.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Играна 20-го мая 1862 года).

Коллинь. (Черные).	Кн. С. Урусовъ. (Бѣлые).
1) e7 — e5	e2 — e4
2) g8 — f6	b1 — c3
3) f8 — c5	g1 — f3
4) d7 — d5	e4 — d5°
5) 0 — 0	f3 — e5°
6) f8 — e8	d2 — d4
7) c5 — d4°	d1 — d4°
8) b8 — c6	d4 — h4
9) c6 — e5°	c1 — e3
10) e5 — g4	0—0—0
11) g4 — e3°	f2 — e3°
12) c8 — f5	f1 — d3
13) f6 — e4	h4 — d8°
14) a8 — d8°	d3 — e4°
15) f5 — e4°	c3 — e4°
16) e8 — e4°	h1 — e1
17) f7 — f5	g2 — g3
18) g8 — f7	d1 — d3
19) f7 — f6	c1 — d2
20) f6 — e5	e1 — f1
21) g7 — g6	f1 — f4
22) d8 — d5°	c2 — c4
23) d5 — d3°+	d2 — d3°

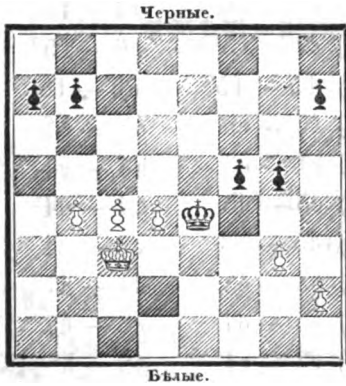
(Черные). (Бѣлые).
24) c7 — c5 (1)

24)	f4 — f2
25) e5 — f6	a2 — a3
26) e4 — e7	b2 — b4
27) c5 — b4°	a3 — b4°
28) e7 — d7 +	d3 — c3
29) f6 — e5	f2 — f4
30) g6 — g5	f4 — d4 (2)
31) d7 — d4°	e3 — d4°+

(Бѣлые).
32) e5 — e4 (3)

(Черные).

32) c4 — c5

(Бѣлые.)

(Черные).

33) a7 — a6

c3 — c4

34) f5 — f4

b4 — b5

35) a6 — b5° + c4 — b5°

36) e4 — d4° бѣлые сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 263.

(1) Двинувъ эту пѣшку г. Колишъ предложилъ своему противнику признать игру за ничью, но онъ не согласился. Мы полагаемъ, что настоящее положеніе игры (см. диаграм.) дѣйствительно вполне розыгрышное и что если кн. Урусовъ проигралъ, то это единственно отъ своей ошибки, а какимъ путемъ надѣялся онъ выиграть—непонимаемъ.

(2) Вотъ ошибка, которая губить партію.

(3) Силы совершенно равны съ обѣихъ сторонъ и притомъ бѣлые имѣютъ пройденную пѣшку, тѣмъ не менѣе партія ихъ непремѣнно должна быть проиграна, какъ бы они ни ступили. Положеніе (см. диаграм.) очень любопытно: оно составляетъ своего рода проблему.

ПАРТІЯ № 264.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 22-го мая 1862 года).

Кн. С. Урусовъ.

Колишъ.

(Бѣлые).

(Черные).

(Бѣлые).

(Черные).

2) g1 — f3

b8 — c6

1) e2 — e4

e7 — e5

3) f1 — b5

a7 — a6

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) b5 — a4	g8 — f6	24) d3 — d5	h6 — h4
5) 0 — 0	f8 — e7	25) e5 — e6	f7 — f5
6) d2 — d4	e5 — d4°	26) c2 — f5 ^(*)	g6 — f5°
7) f1 — e1	0 — 0	27) d5 — f5°	e8 — f8
8) e4 — e5	f6 — e8	28) f5 — e5	c8 — e8
9) f3 — d4 ⁽¹⁾	c6 — d4°	29) e1 — e3	h4 — g4
10) d1 — d4°	c7 — c5	30) e5 — d5	g4 — d4
11) d4 — e4 ⁽²⁾	a8 — b8	31) d5 — b3	c5 — c4
12) c2 — c4	b7 — b5	32) b3 — c2	d4 — d7°
13) a4 — c2	g7 — g6	33) e6 — d7°	e8 — d7°
14) b1 — c3 ⁽³⁾	c8 — b7	34) c2 — c4°+	g8 — h8
15) c3 — d5	b5 — c4°	35) g2 — g3	b5 — d4
16) c1 — h6	b7 — d5°	36) f2 — f4	d4 — f5
17) e4 — d5°	e8 — c7	37) e3 — d3	d7 — a7+
18) d5 — c4°	f8 — e8	38) g1 — h1	a7 — b7+
19) a1 — d1	b8 — b4	39) h1 — g1	f8 — c8
20) c4 — c3 ⁽⁴⁾	c7 — b5	40) c4 — d5	b7 — b6+
21) c3 — h3 ⁽⁵⁾	b4 — h4	41) g1 — h1	c8 — c1+
22) d1 — d7°	d8 — c8	42) h1 — g2	f5 — e3+
23) h3 — d3	h4 — h6°		

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партии № 264.

(1) Не лучше ли было бы, сперва 11) a4 — c6° d7 — c6° 12) d1 — d4° и т. д. тогда у бѣлыхъ три пѣшки на ферзевомъ флангѣ будутъ (въ концѣ партии) совершенно равносильны четыремъ чернымъ, а четыре на королевскомъ флангѣ, сильнѣе трехъ черныхъ.

(2) Лучшій ходъ; при всякомъ другомъ движеніи ферзя, черные играютъ: b7 — b5 потомъ c4 — c5 и бѣлые потеряли слона.

(3) Кажется лучше было бы сыграть сперва c1 — h5.

(4) Основательнѣе было бы, мы думаемъ, отвести ферзя на e2. Правда, сыгравъ c4 — c3, бѣлые могутъ надѣяться двупуть e5 — e6, угрожая матомъ, но на столь грубую ловушку не попадетъ такой игрокъ какъ Колишъ.

(5) Этими ходомъ бѣлые теряютъ слона и хотя приобретаютъ на время атаку, но она не вознаграждаетъ жертвы оленца.

(6) Опять слишкомъ смѣлое пожертвованіе,

ПАРТІЯ № 265.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Играна 23-го мая 1862 года.)

Кн. Урусовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
		17) d6 — d7	c8 — d7°
1) e2 — e4	e7 — e5	18) a3 — f8°	a8 — f8°
2) g1 — f3	b8 — c6	19) b1 — a3	f8 — e8
3) f1 — c4	f8 — c5	20) c4 — e2	e8 — e5
4) b2 — b4	c5 — b4°	21) h5 — f3	d7 — c6
5) c2 — c3	b4 — a5	22) f3 — f1	e5 — f5
6) d2 — d4	d8 — e7	23) a1 — d1 (4)	g7 — g5
7) c1 — a3	e7 — f6 (1)	24) f4 — f5°	h6 — f5°
8) 0 — 0	a5 — b6	25) d1 — d3	b6 — e3
9) d4 — e5°	c6 — e5°	26) d3 — e3°	f5 — e3°
10) f3 — e5°	f6 — e5°	27) f1 — f2	c6 — g2° +
11) g1 — h1	g7 — g5 (2)	28) h1 — g1	g2 — f3 +
12) d1 — h5	e5 — g7	29) f2 — g3	g5 — g3° +
13) f2 — f4	g5 — f4°	30) h2 — g3°	f3 — e2°
14) f1 — f4°	d7 — d6	31) g1 — f2	e3 — c4
15) e4 — e5 (3)	g8 — h6	и бѣлые сдаются.	
16) e5 — d6°	0 — 0		

Примѣчанія къ партіи № 265.

(1) Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что черные играютъ ферзя на f6 въ два хода, тогда какъ могли сдѣлать въ одинъ; въ дѣйствительности же, употребленный кн. Урусовымъ маневръ очень остроуменъ: на 6) . . . d8 — f6, бѣлые съ выгодною отвѣчали бы 7) c1 — g5, а теперь, когда ихъ слонъ ступилъ уже на a3, позиція ферзя на f6 очень вѣрна.

- (2) Чтобъ помѣшать ходу f2 — f4.
 (3) c4 — f7° + было бы кажется и проще и лучше.
 (4) Брать ладью ладьей вело къ немедленной гибели.

ПАРТІЯ № 266.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 24-го мая 1862 года .

Ив. Урусовъ. (Бѣлые).	Колішъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	17) e5 — h5	f8 — e8
2) g1 — f3	h8 — c6	18) c2 — c4	e8 — e4
3) f1 — b5	a7 — a6	19) d1 — d4	e4 — e5
4) b5 — a4	g8 — f6	20) h5 — f3	d6 — c5
5) 0 — 0	f8 — e7	21) d4 — g4	c5 — e3°
6) d2 — d4	e5 — d4°	22) f2 — e3°	e6 — d5°
7) e4 — e5	f6 — e4	23) f3 — g3	d8 — e7
8) f3 — d4	c6 — d4°	24) g4 — g7° +	g8 — h8
9) d1 — d4°	e4 — c5	25) c4 — d5°	e5 — e3°
10) b1 — c3	0 — 0	26) g7 — f7°	e3 — g3°
11) c1 — e3	d7 — d6	27) f7 — e7°	g3 — g7
12) a1 — d1	c5 — a4°	28) f1 — f7	a8 — g8
13) d4 — a4°	c8 — d7	29) f7 — g7°	g8 — g7°
14) a4 — e4	d7 — c6	30) e7 — e8 +	g7 — g8
15) c3 — d5	d6 — e5°	31) e8 — g8° +	h8 — g8°
16) e4 — e5°	e7 — d6	32) g1 — f2 и бѣлые выигры- вають.	

Въ послѣднихъ нумерахъ лондонской иллюстраціи Стаунтонъ со-
 общаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предстоящемъ шахматномъ конгрессѣ,
 о которомъ мы говорили подробно въ мартовской книжкѣ нашего
 обозрѣнія. Подписная сумма на издержки конгресса простиралась
 къ 29 апрѣлю нов. ст. до 500 фунт. стерл. Въ числѣ сильныхъ
 игроковъ, ожидаемыхъ на это собраніе, англичане надѣются видѣть

князя Сергѣя Урусова, Гаррвитца, Паульсена, С. Амана, Колиша, Ривьера, Стернитца (?) и, вѣроятно шахматнаго ветерана Петрова. Едва ли впрочемъ надежды эти вполнѣ осуществятся; сколько мы слышали Петровъ не поѣдетъ въ Лондонъ, Кн. Урусовъ можетъ быть поѣдетъ, а можетъ быть и нѣтъ. А кто такой этотъ *Стернитцъ*? Не знаемъ; ужь не извѣстный ли читателямъ Листка петербургскій любитель Д. С. Стернъ? Впрочемъ если это опечатка, то самая невинная, намъ сейчасъ придется повиниться въ одной гораздо худшей; сперва только покончимъ со стаунтоновскими извѣстіями. Лордъ Бреморнъ избранъ президентомъ Сентъ-Джоржевскаго клуба, на мѣсто умершаго лорда Эглинтонъ. Сильнѣйшіе парижскіе шахматисты приняли вызовъ своихъ лондонскихъ собратій на матчъ по электрическому телеграфу. Посѣтители Café de la Régence, въ числѣ шестидесяти четырехъ, составили недавно шахматный турниръ; первый призъ достался Ривьеру, второй—Ив. Сер. Тургеневу.

Теперь объ опечаткѣ. Въ партіи за № 240 многіе ходы обозначены такъ невѣрно, что вся она дѣлается непонятною. Вотъ она въ исправленномъ видѣ, а въ оправданіе свое можемъ сказать одно: вообще партіи печатаются въ Листкѣ исправнѣе, чѣмъ въ какомъ либо шахматномъ журналѣ.

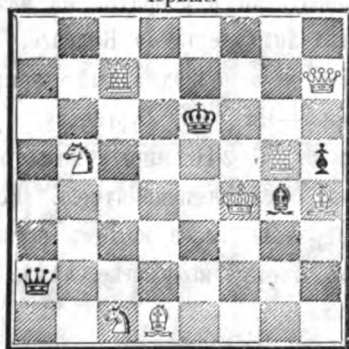
- 1) d2 — d4, d7 — d5 2) c2 — c4, e7 — e6 3) b1 — c3,
f8 — b4 4) f2 — f3, c7 — c5 5) a2 — a3, b4 — c3° +
6) b2 — c3°, d8 — a5 7) c1 — d2, g8 — f6 8) d1 — c2,
c8 — d7 9) e2 — e4, d5 — e4° 10) f3 — e4°, c5 — d4°
11) c3 — d4°, a5 — h5 12) g1 — f3, h5 — g6 13) f1—d3,
g6 — g2° 14) h1 — f1, b8 — c6 15) 0 — 0 — 0, f6 — g4
16) d1 — e1, h7 — h6 17) d4 — d5, c6 — e5 18) f3 — e5°,
g4 — e5° 19) f1 — g1, g2 — f3 20) e1 — e3, f3 — f6
21) d2 — c3, e5 — d3° + 22) c2—d3°, f6 — e7 23) c3 — g7°.
h8 — g8 24) e3 — g3, 0 — 0 — 0 25) d3 — e3, b7 — b6
26) e3 — h6°, e7 — c5 27) g7 — d4, c5—c4° + 28) g3 — c3,
g8 — g1° + 29) c1 — d2, c4—c3° + 30) d2 — c3°, g1 — g4
31) h6 — h5, g4 — f4 32) h5 — e5, f4 — f3 + 33) c3 — b2,
d8 — g8 34) d4 — c3, d7 — a4 35) e5 — d4, g8 — g2 +

- 36) c3 — d2, a4 — d7 37) h2 — h4, f3 — f2 38) b2 — c3,
 f2 — d2° 39) d4 — h8 †, c8 — b7 40) h4 — h5, e6 — d5°
 41) e4 — d5°, d7 — f5 42) h5 — h6, d2 — d5° 43) h8 — f6,
 g2 — c2 † 44) c3 — b4, a7 — a5 † 45) b4 — a4, c2 — c7
 46) a4 — b3, d5 — b5 † 47) b3 — a4, f5 — d7.

РЪШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 120.

Черные.

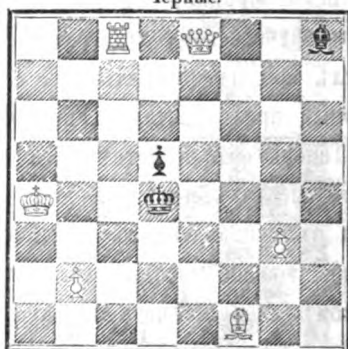

Бѣлые.

Обратный матъ въ 6 ходовъ.

№ 121.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 120.

Предложенная авторомъ въ 8 ходовъ, эта кнперганъ разрѣшена Н. Острогорскимъ (въ Москвѣ), Н. Петровскимъ (въ Петербургѣ) и Дравертомъ (въ Вяткѣ) въ 6 ходовъ слѣдующимъ образомъ:

1) h7 — d7 †	e6 — f6
2) d7 — g7 †	f6 — e6
3) d1 — b3 †	a2 — b3°
4) g5 — g6 †	e6 — d5
5) b5 — c3 †	b3 — c3°
6) g7 — e5 †	c3 — e5° ✕

№ 121.

- 1) e8 — f8
- 2) c8 — e8 +
- 3) f8 — b4 ✕

- d4 — e5 (A) (B)
e5 — d4

(A)

- 1)
- 2) f8 — f6° +
- 3) f6 — f4 ✕

- h8 — f6
d4 на e4 или на e3

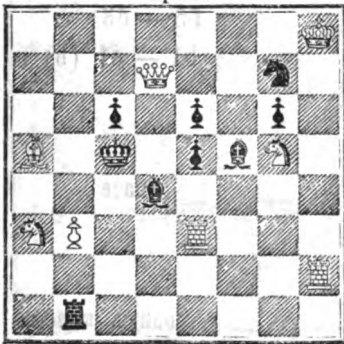
(B)

- 1)
- 2) c8 — e8
- 3) f8 — f4 ✕

- h8 — e5
d4 на e4 или на e3

При других вариантах матъ въ два хода.

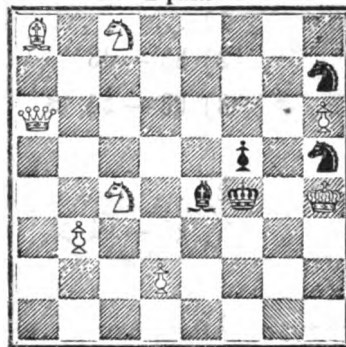
№ 122.
Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 123.
Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 122.

- 1) e3 — h3
- 2) h2 — b2
- 3) Матъ пѣшвою b3 или ладьей h3, смотря потому какъ черные сыграли свой второй ходъ.

- d4 — a1 (A) (B) (C)
(D) (E) (F)

какъ угодно.

(A)

- 1)

- d4 — e3

- 2) $h3 - e3^\circ$ КАК УГОДНО.
3) **Матъ, но различно смотря по второму ходу черныхъ.**

(B)

- 1) $b1 - b3^\circ$
2) $h3 - b3^\circ$ КАК УГОДНО.
3) $a5 - b6 \times$

(C)

- 1) $b1 - b2$
2) $a2 - b2^\circ$ $d4 - c3$ (a)
3) $h3 - c3^\circ$

(a)

- 2) ИНАЧЕ
3) $b3 - b4 \times$

(D)

- 1) $f5 - d3$
2) $h3 - d3^\circ$ $b1 - e1$ (b)
3) $b3 - b4 \times$

(b)

- 2) ИНАЧЕ
3) $g5 - e4 \times$

(E)

- 1) ХОДИТЬ КОНЕМЪ
2) $h2 - c2 +$ $f5 - c2^\circ$ (c)
3) $g5 - e6^\circ \times$

(c)

- 2) $d4 - c3$
3) $c2 - c3^\circ \times$

(F)

- 1) $e5 - e4$
2) $h2 - c2 +$ $d4 - c3^\circ$
3) $c2 - c3^\circ \times$

Остальные варианты читатели легко найдутъ сами.

№ 123 (C).

1) e4 — e5

h7 — f8 или

h5 — g3 (A)

Ясно, что если король возьмет коня, то 2. ~~a6 — d6~~ X.

2) a6 — d3

как угодно.

3) Мать ферземъ или конемъ, смотря по второму ходу черныхъ.

(A)

1)

e4 — a8°

2) a6 — e2

как угодно

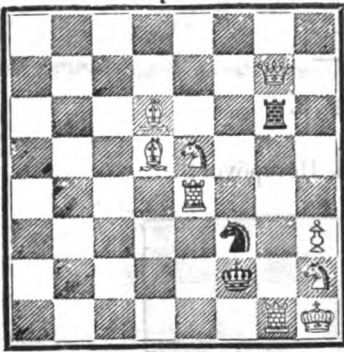
3) Мать ферземъ или конемъ.

Если же черные сыграютъ свой первый ходъ иначе чѣмъ показано выше, то получать мать весьма просто посредствомъ:

2. ~~e5 — g6+~~ 3. ~~a6 — f1~~ X.

№ 124.

Черные.

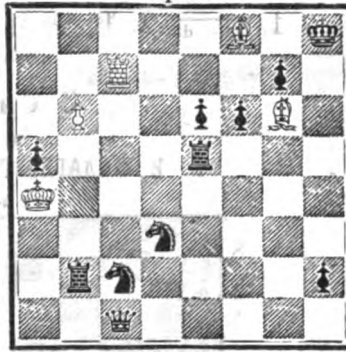

Бѣлые.

Обратный матъ въ 12 ходовъ.

№ 125.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода

№ 124.

(Бѣлые).

1) e5 — g4 +

2) g7 — b2 +

3) h2 — g4° +

4) e4 — e6 +

5) b2 — d4

6) d6 — h2

7) g4 — e3

(Черные).

g6 — g4°

f3 — d2

f2 — f3

d2 — e4

f3 — e2

e2 — f3

f3 — f2

(*) См. исправленіе въ апрѣльскомъ Листкѣ стр. 93.

Это лучший ходъ, потому что если черные пойдутъ f3 — e2 то
 8) e3 — g2, e2 — f3 9) e6 — f6 +, f3 — e2 10) d4 — c4 +
 e2 — d2, 11) f6 — f2 + e4 — f2° ✕

8) e3 — g2 + f2 — e2

Если черные пойдутъ f2 — f3, то 9) e6 — f6 + и задача
 рѣшается въ 11 ходовъ.

9) e6 — e5 e2 — f3
 10) e5 — f5 + f3 — e2
 11) d4 — c4 + e2 — d2
 12) f5 — f2 + e4 — f2° ✕

№ 125.

1) c7 — c8 какъ угодно.

2) Даютъ матъ движеніемъ слона f8, играя его на ту или
 другую клетку сообразно съ первымъ ходомъ черныхъ.

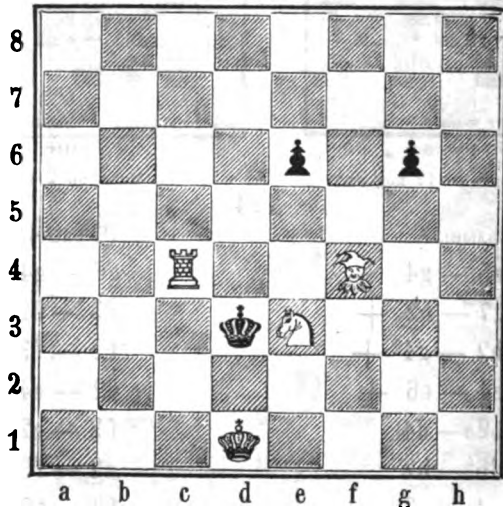
Напр: 1. b2 — b4 + 2. f8 — b4 ✕
 1. a1 — a1 + 2. f8 — a5 ✕
 1. a5 — d5 2. f8 — d6 ✕ и т. п.

З а д а ч и.

№ 153.

И. И. ВАЛАГЕОРГИ (въ Петербургѣ).

Ч Е Р Н Ы Е.

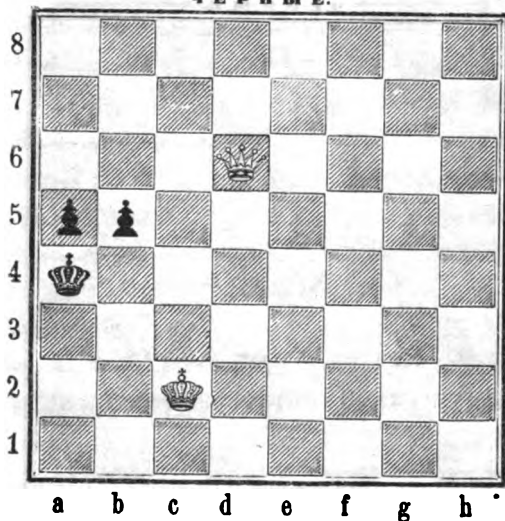
Б Ъ Л Ы Е.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 154.

Н. ОСТРОГОРСКОГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

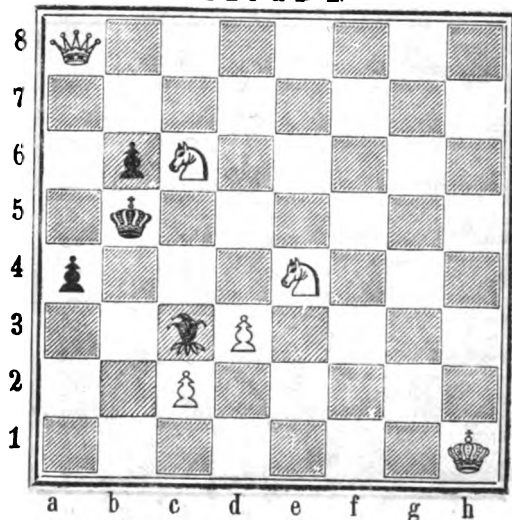
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

№ 155.

ГРИМША.

ЧЕРНЫЕ.

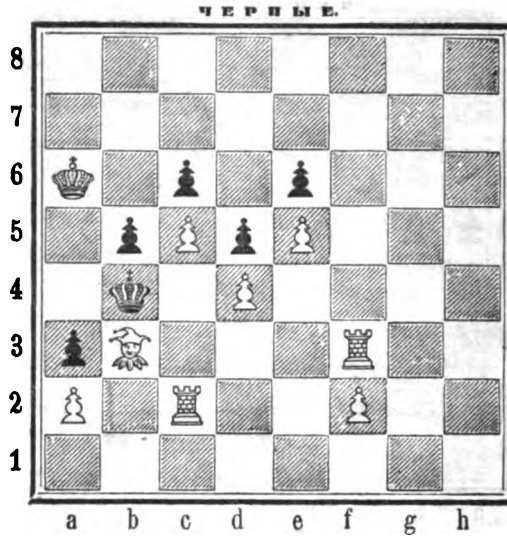

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 156.

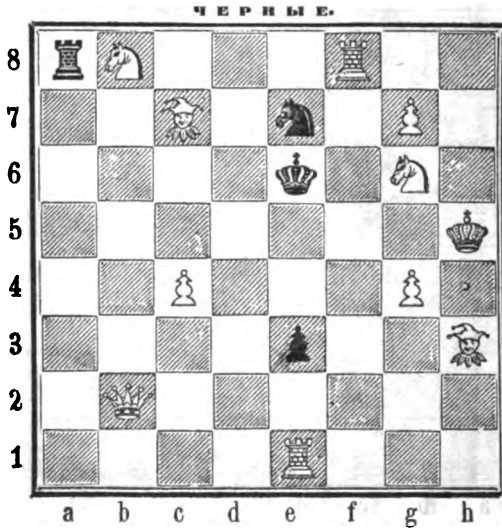
Н. Л. МУХАНОВА (въ Самарѣ).

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 157.

Н. И. КАЛАГЕОРГИ (въ Петербургѣ).

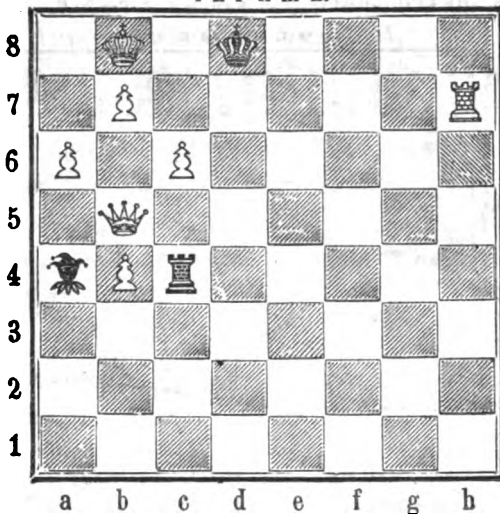

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

№ 158.

Н. ОСТРОГОРСКОГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

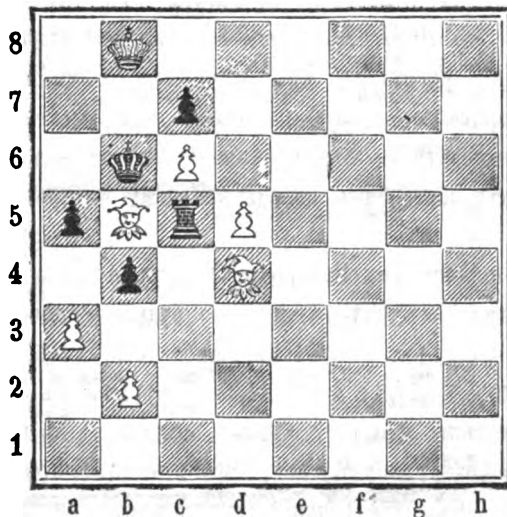
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 18 ходовъ.

№ 159.

М. Л. МУХАНОВА (въ Самарѣ).

ЧЕРНЫЕ.

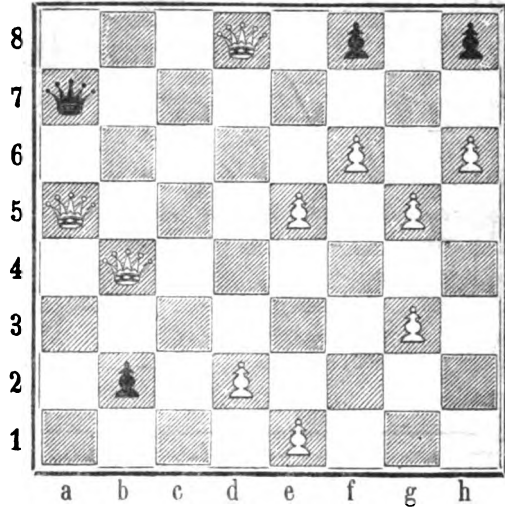
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 160.

ЗАДАЧА ИЗЪ ИГРЫ ВЪ ШАШКИ (*).
Н. И. ПЕТРОВСКАГО (Посвящается г-жѣ В... . ой).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и запираютъ всѣ четыре непріятельскія шашки.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. *Н. Л. Мух—ву* (въ Самарѣ). Ваши задачи замысловаты хотя и принадлежать къ числу весьма легкихъ.

Н. Горг—ву и И. И. Тиз—ну (въ Острогжскѣ). Къ сожалѣнію я немогу разрѣшить предложенныхъ Вами вопросовъ, потому что не знаю хорошенько правилъ игры четверомъ. Въ шахматныхъ руководствахъ эти правила также не помѣщаются. Помилуйте вопросы постараюсь передать какому нибудь знатоку четверной игры и объ отзывѣ его увѣдомлю Васъ въ Листкѣ.

К. И. Кал—ги (въ Петербургѣ). Весьма признательны за сообщеніе проблемъ; всѣ онѣ непременно будутъ напечатаны.

И. Драв—ту. (въ Вяткѣ) Вы ошибаетесь, утверждая, будто задача Шпейера (№ 133) можетъ быть рѣшена въ 3 хода; вѣроятно Вы не замѣтили, что если ступить и первымъ и вторымъ ходомъ конемъ, то черные, двинувъ на первомъ ходѣ b7—b5, приведутъ игру къ пату. Что касается обращенія на одинъ ходъ 18-ти ходовой кнпергани г-на Острогорскаго, то оно сдѣлано Вами совершенно вѣрно.

(*) Простыя шашки обозначены пашками, доведи (дамки)—верями.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ: СВ. ВЛАДИМИРА,
ДЕРПТСКАГО И ХАРЬВОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ И
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЕ:

Памятники старинной русской литературы. Выпускъ IV.

Повѣсти религіознаго содержанія, древнія поученія и посланія, извлеченныя изъ рукописей Н. И. Костомаровымъ. Въ большую четвертку въ два столбца. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 75 к. *Содержаніе:* Повѣсть о Нифонтѣ, епископѣ новгородскомъ.—Повѣсть о Моисеѣ архіепископѣ новгородскомъ.—Повѣсть о Евфиміи, архіепископѣ новгородскомъ.—Повѣсть о Іонѣ, архіепископѣ новгородскомъ. — Повѣсть о Михаилѣ Клопскомъ.—Повѣсть о Мартирѣ, основателѣ Зеленой Пустыни.—Повѣсть о Евфросинѣ псковскомъ.—Примѣчаніе (къ повѣсти о Евфросинѣ).—Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ пермскомъ.—Повѣсть о Евфросиніи Полоцкой.—Повѣсть о Выдропуской иконѣ Богоматери. — Поученіе князьямъ. — Поученіе Петра митрополита. — Поученіе старца Фотія. — Посланіе старца Іосифа (волоцкаго).—Посланіе митрополита Даніила.—Поученіе митрополита Даніила. — Посланіе Іосифа волоцкаго.—Посланіе Іосифа волоцкаго къ митрополиту Симону.—Посланіе Серапіона къ митрополиту Симону.—Слово о правдѣ и неправдѣ.—Слово о снѣхъ нощныхъ. — Слово объ испѣленіи болѣзней муромъ.—Слово о непоминовеніи живыхъ.—Слово объ отпаденіи Латинь.

Того же изданія томъ I-й (повѣсти, легенды, сказки и проч.).

Большой томъ, въ 2 книгахъ въ 4-ю д. л., въ два столбца. Ц. 5 р. съ пер. 6 р. То же выпускъ III-й, изданный подъ редакціею А. Пыпина (апокрифическія сочиненія). Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Этнографическій Сборникъ. Выпускъ V, съ чертежемъ Западной Двины 1071 года. Изд. подъ редакціею Н. В. Колачева и В. И. Ламанскаго. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Въ первомъ отдѣлѣ особенное вниманіе обращаютъ статьи: Г. Гильфердинга «Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго Моря», гдѣ помѣщены многіе, доселѣ неизвѣстные науцѣ сказки и преданія. — Историческій взглядъ на волжско-двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ, г. Воронова. — Топографи-

- ческо-статистическое и этнографическое описание города Котельпича, г. Глушкова. — Быть крестьянъ Курской Губерніи Обоянскаго Уѣзда, г. Мошкина. — Вельскіе свадебные обряды и причеты, г. Воронова. Въ отдѣлѣ смѣся помѣщены любопытные матеріалы въ этнографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, какъ напримѣръ: Былины о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. — Стихъ о лѣни. — Стихи о 12 пятницахъ. — Молитва св. Іоасафа. — Стихи о временахъ антихристовыхъ. — Сказаніе о лестоукѣ предъ образомъ Божиимъ. — Свадебные обычаи въ Ржевскомъ Уѣздѣ, какъ равно черты правовъ и обычаевъ народныхъ. Статьи большею частью здѣсь напечатанные являются въ первый разъ.
- Того же изданія томы I, II, III и IV. Ц. по 1 р. 50 к., съ пер. по 2 р.
- Отчеты императорской археологической комиссіи за 1859 и 1860 годы.** Два тома въ большую 4-ю д. л. Великолѣпное изданіе съ отдѣльными атласами рисунковъ вещей, найденныхъ въ курганахъ. Спб. 1862 г. Ц. за годъ 5 р., съ пер. 7 р.
- Космосъ.** Опытъ физическаго міроописанія Александра фон-Гумбольдта; перев. съ нѣмец. Н. Фролова. Томъ I, изд. 2-е. М. 1862 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.
- Начала интегральнаго исчисленія.** Сост. Н. Алексѣевъ. Книга 2-я, съ таблицею чертежей. Въ большую 4-ю д. л. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. Того же изданія книга 1-я. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Матеріалы для статистики учебныхъ заведеній, с.-петербургскаго учебнаго округа.** И. Корнилова, въ большую 4-ю д. л. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.
- Замѣчанія о народныхъ училищахъ** Министерства Народнаго Просвѣщенія. И. Корнилова. Спб. 1862 г. Ц. 30 к., съ пер. 60 к.
- Географическіе очерки и картины.** Сост. по Грубе и другимъ источникамъ, выпускъ III-й. М. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Того же изданія выпуски I и II. Ц. по 75 к. съ пер. по 1 р.
- Элементарный курсъ естественной исторіи.** В. Григорьева. Зоологія съ 206 политипажами. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2. р.
- Для чтенія и разсказа, хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка.** Сост. П. Басистовъ. Въ большую 8-ю д. л. 360 стр. М. 1862 г. Ц. 75 коп. съ пер. 1 р. 25 к.
- Физическая географія моря.** М. Мори; пер. А. Толстопятева. Съ картами и политипажами. М. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ. 28 мая 1862 года.